

Л. Н. Денисова

Судьба русской крестьянки в XX веке

Брак
Селья
Быт

Л. Н. Денисова

**Судьба
русской крестьянки
в XX веке**

Брак Селья Быт

ПАМЯТНИКИ
ИСТОРИЧЕСКОЙ
МЫСЛИ

РОССПЭН

Москва
2007

ББК 63.3(2)

Д 33

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 05-01-16340

Издание увидело свет при содействии
«Института практического востоковедения»

Работа выполнена в Институте российской истории РАН

Рецензент

профессор Роберта Т. Маннинг, Бостон колледж (США)

Л.Н. Денисова

Д 33

Судьба русской крестьянки в XX веке: брак, семья, быт. —
М.: «Памятники исторической мысли»; «Российская по-
литическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2007. — 480 с.

Книга рассказывает о простых женских судьбах деревни: брак и семья, разлад и развод, проблемы воспитания детей на фоне обычных деревенских трудностей и преимуществ сельской жизни. Это обобщающее исследование послевоенной «женской истории» основано на материалах центральных и региональных архивов, социологических обследованиях, крестьянских письмах. На протяжении советской истории женщины на селе являлись главной трудовой и общественной силой деревни. Это касалось сельскохозяйственного производства, личного подсобного хозяйства и формирования общественного мнения на селе. В различные периоды влияние женщин на жизнь деревни ослабевало или усиливалось и зависело от миграции мужчин, выбора между работой в общественном хозяйстве и домом, образования крестьянок и государственной политики в области охраны материнства и детства. Сегодня именно сельские женщины являются опорой для развития аграрного сектора: их большинство, к ним переходят властные полномочия, на них надеются деревня и Россия.

В оформлении книги использована картина К.С. Петрова-Водкина «Мать» (1913).

© Л.Н. Денисова, 2007.

© «Памятники исторической мысли», 2007.

© «Российская политическая энциклопедия», 2007.

ISBN 5-88451-199-X

ISBN 5-8243-0760-1

«Наше общее мнение — женщину-мать необходимо беречь, создавать хоть маломальские условия, чтобы она могла воспитывать детей. А на данный момент что имеем? Женщина — это вол в полном смысле слова, дома трудится как пчелка, на работе — те же 8 часов наравне с мужчинами... так когда же ей заняться детьми? А уж о том, чтобы обратить внимание на себя, на свою внешность, и думать не могли! Надо в корне такое положение менять.

Хотелось бы высказать свое мнение по многим вопросам, но кто его услышит, кто к нему прислушается, это глас в пустыне».

*Из истории семьи Редькиных (деревня Леонтьевщина
Кичменгско-Городецкого района Вологодской
области)*

ВВЕДЕНИЕ

Русская женщина — это символ российской деревни. Аграрные нововведения государства касались крестьянки в первую очередь, и она первая отвечала на правительственные новации: делом и словом. В сельской жизни она всегда оставалась источником трудолюбия, упорства, терпения. И надежды.

На протяжении советской истории женщины на селе являлись главной трудовой и общественной силой деревни. Это касалось сельскохозяйственного производства, личного подсобного хозяйства и формирования общественного мнения на селе. В различные периоды их влияние на жизнь деревни ослабевало или усиливалось и зависело от миграции мужчин, выбора между работой в общественном хозяйстве и домом, образования крестьянок и государственной политики в области охраны материнства и детства¹. Сельские женщины не мыслили себя без работы, но главными жизненными ценностями определяли *семью, детей и веру*.

Простая история деревенской судьбы русской женщины выписывалась из бесконечной вереницы тяжелых будней и радостных событий общедеревенского масштаба: свадьба, рождение детей, религиозные и традиционные праздники... Свои несбывшиеся мечты и надежды она перекладывала на детей и внуков, и не всегда это было связано с отъездом из родных мест. Сельские женщины пытались примирить деревенскую действительность с реализованными возможностями жизненного благополучия в быту и культуре в своей деревне. Это больше не удавалось, чем удавалось, и в основном по необходимости и вопреки собственным убеждениям они отправляли детей в города и на Север. Далекая судьба не всегда оказывалась удачной, а уходящие годы напоминали об одиночестве родного оставленного детьми дома.

Их скромные претензии к жизни не выходили за рамки самых простых потребностей: они мечтали жить, растить детей и внуков на своей родной земле, где они родились, выросли и обрели семьи, среди близкого душе окружения природы и односельчан. И современная деревня XXI века не изменила этим приоритетам!

«Женская история» изучалась российскими и зарубежными обществоведами активно и плодотворно². Основная проблематика сосредоточена на трех главных аспектах: *труд, семья, быт*. Достаточно объективная картина женского трудового вклада в экономику страны³, трудностей совмещения работы и семьи⁴, бытового характера⁵, демографические колебания⁶, семейная история⁷ показаны советской историографией и последующими работами, написанными в конце XX — начале XXI вв. С начала 1990-х гг. появились работы гендерного направления. На конференциях и в публикациях открыто начали высказываться о женском неравенстве и путях его преодоления, говоривалась мысль о создании гендерных комиссий на предприятиях и в учреждениях⁸. Серьезный вклад в изучение русской истории, ее гендерных аспектов внесли зарубежные обществоведы, работы которых в оригинале или переводе хорошо известны в России⁹. Во многих университетах России читается курс гендерной истории¹⁰.

Специальное «женское» законодательство разбросано по многим источникам и публикациям, подобраны сборники международных актов, к которым присоединилась и Россия, небольшими тиражами опубликованы и российские законы, относящиеся только к женщинам¹¹. В целом же еще предстоит, как это было в советское время, осуществить подготовку юридических материалов, относящихся к женскому трудовому праву, семейному и международному.

Советские историки и обществоведы не подвергали сомнению решение «женского вопроса» и сосредоточили внимание на объективных и общепризнанных трудностях трудового, семейного и бытового характера. Последующая «женская история» определила государственную политику СССР в отношении женщин как «дискриминационную» в социально-трудовой и семейной сферах¹², построенную на «эклектичной системе взглядов, включающих эгалитарные, патриархальные и утопические идеи»¹³ тоталитарного государства¹⁴, считая «эмансипацию женщин при социализме» мифом¹⁵. От столь резкой оценки постепенно отходят даже самые острые критики советского строя и сформированной им политики в решении «женского вопроса» в СССР, отмечая их недостаточную объективность и излишнюю прямолинейность¹⁶.

Внимание автора сосредоточено на судьбе русской крестьянки, живущей в российской деревне в мирное послевоенное время. Русское население в 1989 г. составляло 81,5% населения РСФСР и 79,8% России в 2002 г.¹⁷ и нечасто становилось объектом *специального* исследования¹⁸, хотя в «семье народов» занимало главное по численности и территориальному расселению место. Сравнительное и объективное сопоставление основных экономических и социальных характеристик в многонациональном Советском Союзе позволяет показать осо-

бенности жизни женщин в различных регионах и их общие советские проблемы.

Советская государственная политика, ориентированная на развитие аграрного сектора экономики, была поставлена «лицом к ДЕРЕВНЕ». Но в критические для страны веки она становилась адресной: в переломные 1930-е гг. *впервые* сталинский лозунг «Женщины в колхозах — большая сила!», брошенный в массы, указал на значимость крестьянок в переустройстве сельской жизни огромного государства. Именно от женщин-колхозниц зависел быстрый успех или затянувшаяся борьба за сельскохозяйственный артельный труд. И с момента, когда женщина действительно стала «большой силой» в колхозе она оставалась главной и основной трудовой составляющей деревни. Женщины преобладали в большинстве районов численно, они занимали все неквалифицированные и малоквалифицированные производства, сформировали сельскую учительскую и медицинскую интеллигенцию. Выделение женщин как «отдельной» от мужчин силы было впервые в советской истории намеренно предпринято И. Сталиным именно при проведении коллективизации в 1930-е гг. «Бабы бунты», открытое сопротивление организации сельскохозяйственных артелей заставило руководство страны привлекать на сторону государства *из большинства населения СССР, деревенских жителей, — крестьянок* как главную силу, назвав ее «большой». На фоне развернувшейся антирелигиозной борьбы, продолжавшейся до 1943 г., твердая уверенность в повороте крестьянок в сторону нового образа жизни не оправдалась. Насильственный слом старого аграрного строя и форсированная коллективизация — сталинская «революция сверху» — привели крестьян в коллективные сельскохозяйственные артели, где женщина не стала «большой силой» ни в руководстве хозяйством, ни в механизированном производстве, а оставалась ею в семье, в домашнем и приусадебном хозяйстве и во всех трудоемких и ручных — основных сельскохозяйственных — работах и остается ею в XXI в. Антирелигиозная кампания, направленная на воспитание человека будущего, с атеистическим взглядом восприятия действительности для деревни имела вектором социалистическое переустройство жизни на рельсах коллективизации. Отрешения от православных ценностей не произошло, большинство населения осталось верным религиозным ценностям и не воспринимало новую мораль. Немногочисленные молодежные почины способствовали восприятию в деревне новой идеологии, и именно на молодое поколение строителей социализма опиралось государство в переустройстве общества. Общественное мнение формировалось женским большинством, и потому именно к нему было обращено слово партии и лично И. Сталина, возвысившее женщину от приниженной доли до «большой силы» в колхозах. Антирелигиозная кампания не принесла

желаемого перелома в пользу колхозной действительности, и «большая сила» отвернулась и не поддержала государственный артельный энтузиазм. И больше *никогда* в правительственной политике не было обращения к женщинам для выполнения государственных задач!

Репрессивная машина сталинского времени в одинаковой мере касалась мужчин и женщин, но для женского населения страны были введены более жесткие рамки духовного общения, а семейная политика полностью контролировалась государством. Борьба с религией, ослабленная лишь в 1943 г., сильно отразилась на духовной жизни страны, особенно ее верующего большинства — сельских женщинах. Эта репрессивная политика была направлена именно против деревни и крестьянок. После этой государственной «победы» должна была следовать коллективизация, но духовно сломить население страны не удалось, убеждения были «загнаны» внутрь, добровольную коллективизацию за счет объявленной «большой силы» провести не смогли, насильственные колхозы организовали «сверху» и без поддержки женщин. Борьба с религией предшествовала коллективизации. Сталинская семейная политика, несмотря на декларативно провозглашенные принципы заботы о женщине-матери и охране материнства и детства на государственном уровне, по своей сути носила репрессивный характер в отношении *женщин* и касалась в первую очередь вновь *деревни*, где проживало большинство населения страны. Она нашла конкретное выражение в запрете аборт, который просуществовал с 1936 по 1955 г., и антинародном Указе Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г., по которому только зарегистрированные браки влекли за собой юридическую ответственность родителей перед детьми, что привело к значительному числу так называемых незаконнорожденных детей, получивших прочерк в графе «отец» в свидетельстве о рождении. Материальное обеспечение таких детей от государства предусматривалось ниже, чем имели семьи, получавшие алименты от бывшего мужа на содержание ребенка после расторжения брака.

Репрессивный характер сталинского законодательства во имя построения лучшего в мире социалистического государства затронул все сферы экономической и общественно-политической жизни СССР. Деревня, где проживало подавляющее большинство населения, первой попала под строгое проведение линии партии и пострадала в наибольшей степени. К крестьянкам относились все нововведения законодательства и особенно два направления, самых для них жизненно важных: *семейное и религиозное*. Рушившая устои деревни коллективизация абсолютно меняла и изменила уклад сельской жизни, ломала судьбы, но внутреннее мироощущение благодаря *семейным приоритетам и духовным ценностям* поколебать указами

и репрессиями государственному аппарату удавалось с трудом, преодолевая огромное сопротивление. Сталинская семейная и религиозная политика (за исключением некоторого ослабления в середине 1940-х гг.) — это *нажим на деревню*, деревенских женщин, политика антикрестьянская и в большей степени *направленная против крестьянок*. Ее проведение было связано с модернизацией экономики, где человеку — участнику этих эпохальных перемен было отведено скромное место «винтика».

В 1953 г. формально сталинская эпоха ушла в прошлое. Новое руководство страны в лице «простого и открытого» Н.С. Хрущева, провозгласило политику «лицом к народу», воспринятую в стране как «оттепель». Надо отдать должное этому времени, когда политические, экономические и социальные приоритеты государственной политики были перенесены на граждан своей страны. Но при всей значимости хрущевских перемен и государственного и международного масштаба и их вклада в гуманизацию советской жизни они практически не коснулись решения одного из главных — *«семейного вопроса»*: драконовский Указ 1944 г. отменен не был! Не коснулась политика «оттепели» и главного социально-крестьянского вопроса: *пенсионного и социального обеспечения (пособия по беременности, оплата больничных листов) колхозников. И паспортизации деревни. Эти три элемента* политики, нерешенные властью, сплелись в тугой узел *«женского вопроса»*, т.к. в большей степени относились к женщинам и в наиболее негативном плане касались именно крестьянок — колхозниц. Перемены пришли *только со второй половины 1960-х гг.*

Гонения на Церковь, противостояние и борьба с ней, а значит, и с верующим населением своей страны, большинство которого относилось к женщинам деревни, при политически «гуманном» лидере и «великом реформаторе» усилились. Церковная реформа и безудержная атеистическая пропаганда в масштабах страны выражались в закрытии приходов, запрете на посещение храмов детьми, усилении «работы» по выявлению и наказанию «церковных активисток». Победить «религиозный культ» не удалось, но сознание значительной части населения было деформировано. Утрата традиционной моральной составляющей деревенского бытия из повседневной жизни привела к падению нравственности, обычных норм поведения, свойственных крестьянской семье.

Брежневское руководство завершило работу над Основами законодательства о браке и семье, и с конца 1960-х гг. СССР получил действительно прогрессивное и гуманное законодательство и обрел лучшую в мире систему социальной защиты для своих граждан, включая деревню. 1965 г. — рубежный год для сельских жителей: наравне с другими гражданами своей страны, хотя и последними, они получили пенсионное и со-

циальное обеспечение. Крестьянок это касалось в большей степени, т.к. оплачиваемый отпуск по беременности, родам и уходу за ребенком до этого времени не был предусмотрен. С 1976 г. колхозники начали получать паспорта.

Гуманизация семейной политики, общее улучшение жизни привели к росту рождаемости и обоснованным надеждам на улучшение жизни. В 1968 г. были приняты «Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье», изменившие коренным образом отношение государства к браку, разводу, семье, материнству, отцовству. Это время, когда во взрослую жизнь вступали достаточно многочисленные поколения, родившиеся после Великой Отечественной войны, срабатывал компенсаторный рост, что уже знал СССР. Именно под эти поколения проводились школьные и вузовские реформы, было введено и осуществлено всеобщее среднее образование в масштабах всей страны. Именно они должны были и построить и даже жить в коммунистическом обществе! На них и была надежда дальше трудиться, создавать многочисленные семьи и жить в прекрасном будущем. Современная им жизнь оказалась так далека от ожидаемого благополучия. Вновь вернулись к ожиданиям, но новое поколение, уже выросшее, воспитанное и выученное в других условиях, не хотело жить только далекой перспективой, ограничив себя во всем, и сделало выбор в пользу сокращения семьи для пополнения собственного семейного бюджета. Неожиданный и не просчитанный государством общественный поворот обернулся демографическим спадом, и только в период перестройки пришедший к власти М.С. Горбачев начал пересмотр государственной политики и мобилизацию общественного мнения на укрепление семьи и семейной политики как главной в жизни женщины, общества и государства, но это было экономически вынужденное и запоздалое решение, да и времени на спокойную и относительно благополучную жизнь для большинства семей оставалось немного: 1990-е гг. принесли ломку всех систем, в том числе семейной. Сформировавшиеся стереотипы сознания, привычные ценности поколебать не удалось. Советские женщины по-прежнему оставались самыми «занятыми» в мире, между тем рождаемость постепенно снижалась.

«Гласность» и международная открытость позволили радикально решить вопрос взаимоотношения государства и Церкви. С 1989 г. эти отношения стали взаимно уважительными, и Церковь обрела возможности для благотворительной, миссионерской и культурно-просветительной деятельности.

Распад СССР и становление нового российского государства сопровождалась неоднозначными, противоречивыми процессами обретения демократических и утраты советских стандартов жизни. Для большинства населения России приобретение одного не компенсировалось потерей другого. И для очень

многих, а в деревне для большинства значимость социальных утраченных гарантий не заменилась теми демократическими свободами, которыми в условиях сельской и провинциальной действительности они не могут воспользоваться. Понятные и привычные для деревенского жителя элементы жизнеустройства: наличие работы, бесплатное образование, медицина, возможность семейного и детского отдыха — и их утрата не идут в сравнение с «приобретенными» многопартийными выборами, поездками на обучение или отдых за рубеж, организацией многоступенчатых производственных корпораций: касается это выделившегося деревенского меньшинства, которое по традиционной привычке не любят и осуждают.

Книга рассказывает о простых женских судьбах деревни: брак и семья, разлад и развод, проблемы воспитания детей на фоне обычных деревенских трудностей и преимуществ сельской жизни. Это обобщающее исследование послевоенной «женской истории» основано на архивных материалах и документах центральных архивов: РГАСПИ, РГАНИ, ГА РФ. Два главных партийных архива представлены фондом 5 «ЦК КПСС», где в описях отделов партийных, профсоюзных и комсомольских организаций, пропаганды и агитации, науки, культуры, школ и вузов, а также сельскохозяйственного открыты материалы, показывающие повседневную сельскую жизнь послевоенной деревни. Государственный архив Российской Федерации представлен документами из фонда Прокуратуры СССР, Комитета советских женщин и Верховного Совета СССР. Простая жизнь простых советских людей с их невзгодами и трудностями, семейными проблемами и отчаянными попытками найти справедливость, порой венчавшимися успехом при обращении во власть, читается в письмах, материалах и документах ГА РФ. Отдельные архивные находки опубликованы в сборниках документов, тематически и хронологически подобранных для достаточно объективного и разностороннего показа советской жизни в послевоенный период¹⁹. Провинциальные архивные хранилища Архангельска и Вологды сохранили низовую документацию колхозных партийных собраний, коллекции писем во власть, материалы партийных инспекций на местах, сосредоточенные в фондах Вологодского обкома КПСС и облисполкома. Дополняющим источником привлечены социологические исследования и опубликованные на их основе работы²⁰. Пик проведения исследований и публикаций социологической направленности пришелся на 1990-е гг. Это связано и с новой моделью жизни общества в условиях «переходной экономики», и с открывшимися возможностями финансирования проектов. Отметим, что социологические обследования развернулись практически во всех сферах жизнедеятельности россиян: это трудовое участие, оплата труда, пенсионное обеспечение, жилищные и бытовые аспекты, медицина, быт, культура, пре-

ступность, психологические проблемы... Новым ракурсом социологических исследований стал вопрос равенства женщин и мужчин. Крупные многоступенчатые социологические проекты, такие, как «Россия на рубеже веков» или «Женщина новой России», дают развернутый анализ российской городской и сельской действительности за 1990-е гг. и высказывают ряд реалистических рекомендаций правительству, общественности и самим россиянам, к кому и обращены работы. Анализируя место России в мировом сообществе, движение общественной мысли различных социальных групп населения, социологи пытаются смоделировать экономическое, политическое и культурное будущее страны, ее религиозные основы. Но главная составляющая жизни государства, что отмечают практически все социологические исследования, — это оптимизм и вера в будущее граждан России.

Наиболее интересным среди социологических проектов является уникальный Российско-британский проект по изучению 30 деревень разных регионов России. Историки и социологи провели комплексное исследование сельской жизни, основываясь на воспоминаниях и интервью деревенских жителей. Опубликована лишь малая часть собранных материалов²¹. На основе этого проекта выстроить «поколенческую историю» им не удалось. Научная идея была удачно реализована американским профессором Дэвидом Ранселом после проведения социологических исследований и интервью в восьми регионах России тоже в начале 1990-х гг.²² Интересно, правда и привлекательно показана жизнь русской деревни в исследованиях этнографов. Немногие экспедиции собрали уникальный материал о жизни крестьянских семей²³, где сохранился традиционный уклад, на который оказывается современное влияние, и это переплетение старого и нового позволяет деревне хранить патриархальные духовные ценности и воспринимать городские атрибуты экономической и бытовой жизни.

Ярким отражением крестьянской жизни стали частушки, в которых «личная жизнь» перепевалась на все лады²⁴. Значительная часть фактического материала почерпнута из газет и журналов популярных и малоизвестных, общероссийских и региональных. Среди них «Известия», «Труд», «Российская газета», «Социологические исследования», «Отечественная история», «Молодой коммунист», «Управление здравоохранением», «Адам и Ева», «Диалог женщин», Вестник проекта «Новые возможности» и самые популярные в деревне «Крестьянка», «Сельская молодежь» и «Сельская новь».

Официальная статистика, достаточно полная, но не всегда сопоставимая и потому корректируемая и архивными источниками и социологическим материалом, привлечена из российских и региональных статистических сборников²⁵ и журнала «Вестник статистики» (современный «Вопросы статистики»).

Одним из составляющих моей монографии стали дружеские советы и участие российских и зарубежных коллег. Мои слова благодарности вологодским историкам М.А. Безнину и Т.М. Димони, которые открыли для меня архивы Севера России. Научные консультации профессора О.Ю. Васильевой способствовали многогранному пониманию роли религии в жизни крестьянок. Большую помощь при написанию монографии мне оказала моя дочь М.А. Денисова, дополнившая историческое исследование юридической и законодательной базой. Особая признательность профессору Манчестерского университета Теодору Шанину за возможность эксклюзивного использования материалов Российско-британского социологического обследования российских деревень, доброжелательным коллегам профессорам Линн Виоле и Венди Голдман. Большое участие в моей работе приняла профессор истории Роберта Маннинг, взявшая на себя труд прочитать мою книгу и высказавшая интересные идеи, которые были мною восприняты. Благодаря помощи всех моих друзей и коллег монография увидела свет.

Примечания

¹ Денисова Л.Н. Женщины русских селений. Трудовые будни. М., 2003.

² Пушкарева Н.Л. Русская женщина: история и современность. Два века изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой. 1800—2000. Материалы к библиографии. М., 2002; Юкина И.И. История женщин России. Женское движение и феминизм в 1850—1920-е годы. Материалы к библиографии. СПб., 2003.

³ Михайлюк В.Б. Использование женского труда в народном хозяйстве. М., 1960; Татарина Н.И. Применение труда женщин в народном хозяйстве СССР. М., 1979; Шишкан Н.М. Социально-экономические проблемы женского труда. М., 1980; Груздева Е.Б., Чертихина Э.С. Труд и быт советских женщин. М., 1983; Новикова Э.Е. Женщина в развитом социалистическом обществе. М., 1985; Женщина и общество (Декларации и реальность). М., 1990; Женщина в меняющемся мире. М., 1992; Рошин С.Ю. Занятость женщин в переходной экономике России. М., 1996.

⁴ Женщина — труженица и мать. М., 1967; Женщины на работе и дома. М., 1978; Производственная деятельность женщин и семья. Минск, 1972; Юк З.М. Труд женщины и семья. Минск, 1975; Советская женщина: труд, материнство, семья. М., 1987; Машика Т.В. Занятость женщин и материнство. М., 1989; Труд, семья, быт советской женщины. М., 1990; Зуйкова Е.М., Кулагина В.И. Женщина в обществе и семье. Н.-Новгород, 1991; Томский И.Е. Труд женщин в семье и обществе. М., 1993; Женщины: семья, общество, политика. Пенза, 1999.

⁵ Женщина на работе и дома. М., 1978; Груздева Е.Б., Чертихина Э.С. Труд и быт советских женщин. М., 1983; Труд, семья, быт советской женщины. М., 1990; Денисова Л.Н. Невосполнимые потери: Кризис культуры села в 60—80-е годы. М., 1995; Она же. Rural Russia: Economic, Social and Moral Crisis. N-York, 1995; Она же. Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960—1980-е годы. М., 1996.

⁶ Миграция сельского населения. М., 1970; Проблемы миграции сельского населения и трудовых ресурсов. М., 1970; Нечерноземье: демогра-

фические процессы (Народонаселение. Вып. 17). М., 1977; Погодин С.А. Городское население СССР: историко-демографический анализ (середина 40-х — конец 50-х годов). Саратов, 1994; Сенявский А.С. Российский город в 1960–80-е годы. М., 1995; Денисова Л.Н. Невосполнимые потери: Кризис культуры села в 60–80-е годы. Глава III. М., 1995; Она же. Rural Russia: Economic, Social and Moral Crisis. N-York, 1995; Она же. Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960–1980-е годы. М., 1996; Население и кризисы. Вып. 1–8. М., 1995–2002; Демографический кризис: механизмы преодоления. М., 2002; Демографическое развитие и его социально-экономические последствия. Международная научно-практическая конференция. 23 ноября 2001 г. Доклады и тезисы докладов. М., 2002; Демченко Т.А. Проблемы изучения человеческого капитала в демографическом измерении в реформируемой России. М., 2002; Население и глобализация. М., 2002; Население России на рубеже XX–XXI веков. Проблемы и перспективы. М., 2002; Статистическое исследование социально-демографической ситуации. Сб. научных трудов. М., 2002.

⁷ Филюкова Л.Ф. Сельская семья. Минск, 1976; Харчев А.Г. Брак и семья в СССР. 2-е изд. М., 1979; Сысенко В.А. Устойчивость брака: проблемы, факторы, условия. М., 1981; Он же. Супружеские конфликты. М., 1983; Современная семья. М. 1982; Голод С.И. Стабильность семьи: социологический и демографический аспекты. Л., 1984; Он же. Семья и брак: Историко-социологический анализ. СПб., 1998. С. 128–131; Семья как объект социальной политики. М., 1986; Витек К. Проблемы супружеского благополучия. М., 1988; Семья в представлениях современного человека. М., 1990; Семья в новых социально-экономических условиях. Н.-Новгород, 1998; Вербицкая О.М. Население российской деревни в 1939–1959 гг. Проблемы демографического развития. М., 2002; Охрана материнства и детства в России и Великобритании. Междисциплинарный подход. М., 2002; Историческая экология и историческая демография. Сб. научных статей. М., 2003.

⁸ Итоговый отчет о работе Первого Независимого женского форума. Дубна. 29–31 марта 1991 г. Дубна-М., 1991; Женщины и социальная политика (гендерный аспект). М. 1992; Феминизм: Восток. Запад. Россия. М., 1993; Калабихина И. Социальный пол и проблемы населения. М., 1995; Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период. Сборник научных статей. Центр независимых социальных исследований. Труды. Вып. 4. СПб., 1996; Демография и социология. Вып. 15. Гендерные аспекты социальной трансформации. М., 1996; Денисова Л.Н. Бабыня доля // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). Материалы Международной конференции. Москва. 14–15 июня 1994 г. М., 1996; Клименкова Т.А. Женщина как феномен культуры. Взгляд из России. М., 1996; Женщина и мужчина на пути к устойчивому развитию (Опыт гендерного подхода). М., 1997; Карелова Г.Н. Женщины обновляющейся России: Опыт реализации гендерного подхода. М., 1997; Материалы Первой Российской летней школы по женским и гендерным исследованиям. «Валдай-96». М., 1997; Айвазова С. Русские женщины в лабиринте равноправия. Очерки политической теории и истории. Документальные материалы. М., 1998; Баллаева Е.А. Гендерная экспертиза законодательства РФ: репродуктивные права женщин в России. М., 1998; Баскакова М.Е. Равные возможности и гендерные стереотипы на рынке труда. М., 1998; Женщина. Гендер. Культура. М., 1999; Женщина не существует: Современные исследования полового различия. Сыктывкар. 1999; Женщины и развитие: права, реальность,

перспективы. Материалы Всероссийской конференции по положению женщин. Москва. 27–28 мая 1998 г. М., 1999; Гендерная экспертиза российского законодательства. М., 2001; Ярская-Смирнова Е. Одежда для Адама и Евы. Очерки гендерных исследований. М., 2001; Ключко О.И. Мужчина и женщина: проблемы современной социализации. Саранск, 2002; Репина Л.Н. Женщины и мужчины в истории. Новая картина европейского прошлого. М., 2002; Социальная политика и социальная работа в изменяющейся России. М., 2002.

⁹ Russia's Women. Accommodation, Resistance, Transformation. Berkeley, 1991; Russian Peasant Women. N-York, 1992; Goldman Wendy Z. Women, The State And Revolution. Soviet Family Policy And Social Life, 1917–1936. Cambridge University press, 1993; Goldman Wendy Z. Women At The Gates. Gender And Industry In Stalin's Russia. Cambridge University press, 2002; Ransel David L. Village Mothers. Three generations of change in Russia and Tataria. Bloomington and Indianapolis, 2000; Фишпатрик Шейла. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2001; Она же. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М., 2001; Стайтс Ричард. Женское освободительное движение в России. Феминизм, нигилизм и большевизм. 1860–1930. М., 2004.

¹⁰ Антология гендерной теории. Минск, 2000; Введение в гендерные исследования. Часть 1. Учебное пособие. Харьков-СПб., 2001; Введение в гендерные исследования. Часть II. Хрестоматия. Харьков-СПб., 2001; Теория и методология гендерных исследований. Курс лекций. М., 2001; Гендерные истории Восточной Европы. Минск, 2002; Гендерные проблемы и развитие. Стимулирование развития через гендерное равенство в правах, в доступности ресурсов и возможности выражать свои интересы. М., 2002; Гендерные проблемы переходных обществ. М., 2003; Пачи П. Гендерные проблемы в странах с переходной экономикой. М., 2003; Пол, гендер, культура. Немецкие и русские исследования. Сб. статей. М., 2003.

¹¹ Конвенция ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин // Народное образование. 1989. № 3; О первоочередных задачах государственной политики в отношении женщин. Указ Президента РФ от 4 марта 1993 года // Российские вести. 1993. 5 марта; Национальная платформа действий по улучшению положения женщин в Российской Федерации. М., 1994; Права человека: Изложение фактов. Вып 22. Дискриминация в отношении женщин: Конвенция и Комитет. Женева, 1995; Четвертая Всемирная конференция по положению женщин. Пекин 4–15 сентября 1995 г.; Концепция Государственной программы улучшения положения женщин, семьи, охраны материнства и детства. М., 1992; Международные конвенции и декларации о правах женщин и детей. Сборник универсальных и региональных международных документов. М., 1998; Гомель Мишель К. В фокусе внимания — женщина (Нации — за психическое здоровье). Киев, 1998; Пятый периодический доклад «О выполнении Российской Федерацией Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин». М., 1998; ООН и права женщин: История и современность. Петрозаводск, 1999.

¹² Хоткина З. Приобретения и потери последнего десятилетия XX века: права женщин в российском контексте прав человека // Женщина. Гендер. Культура. М., 1999. С. 227.

¹³ Хасбулатова О. Социальная политика в отношении женщин // Женское движение в контексте российской истории. Юбилейные чте-

ния, посвященные 90-летию Первого Всероссийского женского съезда. М., 1999. С. 22.

¹⁴ Воронина О. Женщина и социализм: опыт феминистского анализа // Феминизм: Восток. Запад. Россия. М., 1993. С. 222–223.

¹⁵ Там же. С. 211.

¹⁶ Айвазова С. Русские женщины в лабиринте равноправия. Очерки политической теории и истории. Документальные материалы. М., 1998. С. 66.

¹⁷ Российский статистический ежегодник. 2002. Статистический сборник. М., 2002. С. 91; Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года (сокращенный вариант) // Российская газета. 2004. 31 марта.

¹⁸ Русские: семейный и общественный быт. М., 1989; Русские. Этносоциологические очерки. М., 1992; Русские. М., 1997.

¹⁹ Советская жизнь. 1945–1953. М., 2003.

²⁰ Культурно-технический уровень колхозного крестьянства и пути его повышения. Саратов. 1972; Социальный облик колхозной молодежи: По материалам социологических обследований 1938 и 1969 гг. М., 1976; Кудрина Т.А. Культура современной деревни. М., 1980; Крапивенский С.Э., Деметьев С.М., Крамарев В.Ф. Сельскохозяйственный коллектив как объект планирования. М., 1981; Зотова О.И., Новиков В.В., Шорохова Е.В. Особенности психологии крестьянства. Прошлое и настоящее. М., 1983; Панкратова М.Г. Сельская женщина в СССР. М., 1990; Она же. Сельские жители России. Судьбы и семьи в XX веке. М., 1995; Права женщин в России: исследование реальной практики их соблюдения и массового сознания. Т. 1–2. М., 1998; Россия на рубеже веков. М., 2000; Айвазова С., Кертман Г. Женщины на рандеву с российской демократией. М., 2001; Женщина новой России: Какая она? Как живет? К чему стремится? М., 2002.

²¹ Голоса крестьян: Сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах. М., 1996.

²² Ransel David L. Village Mothers. Three generations of change in Russia and Tataria. Bloomington and Indianapolis, 2000.

²³ Село Вирятино в прошлом и настоящем. Опыт этнографического изучения русской колхозной деревни. М., 1958; Анохина Л.А., Шмелева М.Н. Культура и быт колхозников Калининской области. М., 1964; Русские: Семейный и общественный быт. М., 1989; Русские. М., 1997.

²⁴ Русские песни. Песни революционного движения, Гражданской войны, современные народные песни. Вып. второй. Л., 1954; Русская частушка. Фольклорный сборник. М., 1993; Знание — сила. 1993. № 2. С. 50–54; Ташпеков Г.А. Жизнь крестьянства 30-х годов в свете деревенских частушек // Социологические исследования. 2002. № 9. С. 110–114.

²⁵ Женщина в СССР. Краткий стат. справочник. М., 1960; Женщины в СССР. Стат. сборник. М., 1975; Женщины Страны Советов. Краткий исторический очерк. М., 1977; Женщины в СССР. Цифры и факты. М., 1985; Женщины и дети в СССР. Стат. сборник. М., 1985; Женщины в СССР. 1990. Стат. материалы. М., 1990; Материнство и детство в Российской Федерации в 1992 году. М., 1993; Женщины России. Стат. сборник. М., 1995; Здравоохранение в Российской Федерации. Стат. сборник. М., 1995; Семья в России. М., 1996; Россия в 1996. Социально-демографическая ситуация. М., 1997; Население России. Четвертый ежегодный демографический доклад. М., 1997; Женщины и мужчины России. 2002. Стат. сборник. М., 2002; Российский статистический ежегодник. 2002. Стат. сборник. М., 2002; Россия в цифрах. 2003. Краткий статистический сборник. М., 2003.

Раздел 1

СЕЛЬСКАЯ СЕМЬЯ

«А мы простые люди! Живешь — ради детей. Радуетесь, что их вырастишь. Что внуки... Ведь цель-то в жизни должна быть? — Не просто так прожить!»

(«Права женщин в России: исследование реальной практики их соблюдения и массового сознания». М., 1998. С. 94.)

Глава 1

БРАК И СЕМЬЯ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СПИРАЛЬ СЕМЕЙНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Традиционное отношение к браку в деревне постепенно начало меняться между Первой и Второй мировыми войнами под воздействием политических и социальных изменений, которые принес Октябрь 1917 г. Одной из главных задач советской власти было освобождение женщины и предоставление ей полного равенства, в том числе в семье. Потребовалась коренная ломка старых традиций и установление новых принципов построения семейных отношений. Вопросы брака и семьи необходимо было изъять из компетенции Церкви, дать женщинам равенство, сделать свободным развод и уравнивать положение детей, рожденных в браке и вне брака.

Начало этой политике положили две важнейшие реформы семейного законодательства. 18 декабря 1917 г. вышел декрет «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния»¹. Согласно этому декрету, единственной формой брака для всех граждан России независимо от вероисповедания стало заключение гражданского брака в государственных органах. Брак, заключенный по религиозному обряду после принятия декрета, потерял юридическое значение. Браки, заключенные в церковной форме до принятия декрета, сохраняли юридическую силу и не нуждались в переоформлении.

Упростились условия вступления в брак. При достижении женщиной 16-летнего возраста и 18-летнего мужчиной и при их взаимном согласии брак мог быть зарегистрирован. Препятствием его заключения являлись только близкие родственные связи жениха и невесты, наличие нерасторгнутого брака, душевные заболевания. Равенство супругов в браке подтверждалось положением о выборе общей фамилии после его заключения: супруги могли принять фамилию либо мужа, либо жены, либо соединить обе фамилии вместе. Единая фамилия — это символ единения семьи, и до 1917 г. всегда жена принимала фамилию мужа, что подтверждало ее принадлежность супругу. Признание за женщиной права выбора фамилии при вступлении в брак означало констатацию разрыва со старой традиций главенствующего положения мужа в семье².

Важным положением декрета было уравнение в правах законных и незаконнорожденных детей. Разрешалось и установление отцовства в судебном порядке.

19 декабря 1917 г. был принят второй значительный акт — декрет «О расторжении брака»³. Он предоставил супругам свободу в решении вопроса о разводе, отменив все ранее для него существовавшие основания. В рамках христианской цивилизации развод на протяжении длительного времени оставался либо запретным, либо исключительно редким событием. В 1897 г. по всей Российской империи среди православных, составлявших около 70% лиц 20 лет и старше, было зарегистрировано лишь 1132 развода. Сравнительная редкость расторжения брака в тот период подтверждается данными о распределении населения по брачному состоянию по переписи населения 1897 г., согласно которым на 10 тыс. женатых приходилось 14 разведенных мужчин, а на то же число замужних — 21 разведенная женщина⁴. Труднопреодолимые сложности и тонкости бракоразводного законодательства и применения его на практике отображены на примере известных российских супружеских пар XIX в. в историко-документальных произведениях С. Экишута⁵. В 1913 г. уровень разводов в Российской империи составлял 0,15 на тысячу брачных пар⁶.

Советская власть демократично разрешила столь сложный проблемный вопрос. Бракоразводные дела были переданы в ведение местных судов. Вопросы об определении проживания детей после развода и об алиментах бывшей жене решались по соглашению между супругами, а при отсутствии такового — судом. Важно отметить, что право на содержание супруга при отсутствии у него самого достаточных средств в тот период признавалось только за женой, но не за мужем. Впоследствии это оказалось утрачено в советском законодательстве. При взаимном согласии на развод предусматривалась внесудебная процедура расторжения брака в отделах загса.

Эти декреты для своего времени были безусловно прогрессивными⁷.

22 октября 1918 г. был принят первый отдельный семейно-правовой акт — Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве⁸. Его принятие было продиктовано строительством нового социалистического общества, требовавшего и новых законов для советских граждан. Кодекс регулировал все аспекты семейных отношений. Его статья 52 закрепила: «Гражданский (светский) брак, зарегистрированный в отделе загса, порождает права и обязанности супругов». Брачный возраст остался без изменений: 16 и 18 лет. Препятствием к регистрации также оставался нерасторгнутый предыдущий брак. Определенный шаг был сделан и в регулировании имущественных отношений супругов: они были полностью уравнены в правах по решению вопросов семейной жизни и

выбору места жительства, была подтверждена возможность выбора общей фамилии (мужа или жены) или соединения их.

Однако не все нормы Кодекса 1918 г. были столь же удачны. В статье 105 говорилось, что брак не создает общности имущества супругов. Эта норма дискриминировала женщин, состоящих в браке, и не только не защищала их интересы, но очень часто, наоборот, ставила их в тяжелые материальные условия. Прежде всего это относилось к женщинам, не имевшим собственного заработка и занимавшимся только домашним хозяйством и детьми. Такое решение «имущественного вопроса» считалось адекватным времени, поскольку общественное мнение склонялось в пользу работающей женщины, а неработающая расценивалась как «буржуазный пережиток»⁹.

Кодекс содержал специальное разрешение на вступление супругов «во все дозволенные законом договоры», при этом подчеркивая, что эти соглашения не должны «умалять» имущественных прав мужа и жены, в противном случае они могут быть «недействительны» и «необязательны» для них.

Складывалась ситуация, при которой закон предоставлял достаточно широкие права в сфере личных отношений, при этом имущественные отношения были поставлены в очень жесткие рамки. Страх многих супругов перед злоупотреблением другого приводил к еще большему умалению прав одного из них, как правило женщины, которая с помощью договора не могла закрепить за собой часть имущества и в случае развода не получала ничего.

В соответствии со статьей 63 супруги имели право на «содержание»; «нуждаемость» и «нетрудоспособность» одного из супругов служили основанием для выплаты алиментов, которые не должны были превышать в совокупности с другими средствами прожиточного минимума.

Упростилась процедура развода. При взаимном согласии развод производили загсы, при отсутствии согласия одного из супругов дела рассматривались судьей единолично, в случае неявки даже обоих супругов — заочно и без каких-либо доказательств и объяснений с их стороны.

Статья 132 Кодекса предоставляла супругам самостоятельно решать, кто и в какой мере будет участвовать в содержании детей. При наличии соглашения судья одновременно с вынесением постановления о разводе выносил определение, подтверждающее это соглашение. При отсутствии такого соглашения спор решался в судебном порядке: суд устанавливал алименты на содержание детей в твердой денежной сумме (без учета прожиточного минимума). Дети не имели прав на имущество родителей, в свою очередь, родители также были лишены аналогичного права.

Статья 133 Кодекса полностью уравнила в правах законных и незаконнорожденных детей в отношении родителей и их

родственников. Основой семьи было признано действительное происхождение, что фактически парализовало попытки отца уклониться от признания ребенка¹⁰. Мать ребенка еще за три месяца до его рождения имела право подать заявление в отдел загса с указанием имени и местожительства отца. В течение двух недель предполагаемый отец мог оспорить правильность такого заявления в судебном порядке. Невозбуждение спора расценивалось как признание отцовства со всеми вытекающими отсюда последствиями. Рассматривая дела об установлении отцовства, суды обычно исходили из презумпции истинности заявления матери и широко использовали такое «доказательство» отцовства, как, например, «матери лучше знать, кто отец ребенка», «матери нельзя не верить», «должен же кто-то быть отцом ребенка» и т.д. В случае подтверждения факта сожителства женщины с несколькими мужчинами и при невозможности установления отца ребенка суд взыскивал алименты со всех лиц. Логика рассуждения была такова: поскольку точно установить, кто является отцом ребенка, невозможно и отдать предпочтение кому-либо нет никаких оснований, то каждый из привлеченных граждан мог бы быть отцом ребенка.

Введенные правовые нормы во многом объяснялись временем и были вынужденными. В послереволюционной России огромное число детей остались без родителей, и государство было не в состоянии взять на себя заботу по их содержанию, потому всеми средствами стремилось обеспечить выполнение этих обязанностей родителями или даже посторонними людьми, кому не удалось доказать непричастность к рождению данного ребенка. Оправдывая такой подход социально-экономическими причинами, с позиции равноправия и морально-этической точки зрения его справедливо признавали весьма сомнительным¹¹.

В 1923 г. начинается разработка нового кодекса. Первоначальный проект принят не был, и в 1925 г. его вынесли на всенародное обсуждение. Наибольшие споры велись вокруг придания юридической силы фактическим бракам и о супружеском имуществе. В 1926 г. Кодекс законов о браке, семье и опеке (КЗобСО)¹² был принят.

Наиболее существенным нововведением этого Кодекса было придание правового значения фактическим бракам. Высказывались мнения вообще упразднить регистрацию брака. На принятие решения оказали влияние популярные в то время в социалистических кругах теории об отрицании брака. Введение в 1917 г. гражданского брака многие считали антирелигиозным приемом для борьбы с влиянием Церкви. К 1926 г. считалось, что религиозные предрассудки искоренены и церковный брак возродиться никогда не сможет. Церковь после издания декретов 1917 г. действительно не признавала гражданский брак и развод. В ответ государство в 1920 г. постановлением Наркомюста РСФСР запретило деятельность консисторий на основа-

нии того, что они присваивают функции государственных органов¹³. Это было открытым нарушением прав религиозных организаций и одновременно прав человека.

Серьезным доводом в пользу придания правового статуса фактическим бракам были статистические данные, свидетельствовавшие о том, что в незарегистрированном браке (а их насчитывалось до 7%), как правило, состояли женщины из малообеспеченных слоев населения и особенно нуждавшиеся в правовой защите¹⁴. Часто эти женщины, оставленные супругами, оказывались без средств к существованию и не имели права ни на имущество, ни на взыскание алиментов. Наиболее остро проблема дискриминации женщин стояла в деревнях, где получила распространение практика «брать жен на сезон», т.е. на лето, на время полевых работ; осенью, когда в дополнительной рабочей силе необходимость исчерпывалась, с «женой» расставались¹⁵.

Результатом дискуссии стал компромисс: регистрация брака не отменялась, но фактические браки во многом были приравнены к зарегистрированным. В дальнейшем судебная практика их уравнивала. Для признания юридической силы за фактическим браком следовало доказать факт совместного сожительства, при котором велось общее хозяйство, подтвержденное «третьими лицами», и совместный бюджет, а также участие в воспитании детей. Параллельное существование фактического и зарегистрированного брака приводило к правовой неопределенности и путанице, абсолютно не ясен приоритет брачных отношений, кроме того, получили распространение несколько фактических браков одновременно.

Важным изменением, внесенным в семейное законодательство, стала замена режима «раздельности» супружеского имущества режимом «общности». Это было крайне важно для женщин, особенно для тех, кто не работал вне дома, не имел самостоятельного источника дохода и права на имущество семьи. Поскольку это имущество приобреталось на доходы мужа, оно считалось только его собственностью. Многие женщины после развода оставались ни с чем.

Был повышен для женщин возрастной ценз при вступлении в брак — до 18 лет, т.е. они были уравнианы с мужчинами, поскольку ранние браки препятствовали получению женщинами образования и их профессиональному росту.

Расторжение брака в суде было отменено: брак расторгался в загсах даже без вызова второго супруга, которого позже извещали о свершившемся факте.

Запись об отце внебрачного ребенка производилась по заявлению матери, поданному после рождения ребенка. Никаких доказательств от нее не требовалось. Отцу лишь сообщалось о такой записи, которую он в течение года мог оспорить в суде. Но у него было крайне мало шансов для того, чтобы выиграть

дело, поскольку суды ориентировались на безоговорочное решение подобных дел в пользу матери и ребенка. Суды принимали такие доказательства, как «экспертиза внешнего сходства» и «экспертиза крови». Если женщина имела связь с несколькими мужчинами, то суд по вновь введенному Кодексу не мог уже вынести решение о содержании ребенка несколькими «отцами», как это практиковалось ранее¹⁶. Предполагаемый отец должен был доказать в суде, что таковым не является, матери же было просто достаточно подать заявление, что именно он — отец. Единственный шанс разрешить ситуацию для мужчины — это найти действительного отца. Надо отметить, что, заботясь о матери и ребенке, авторы исключили из Кодекса статьи о соблюдении прав мужчин в этом важном вопросе полностью¹⁷.

Принятый в 1926 г. КЗоБСО просуществовал до 1968 г., хотя в 1936 и 1944 гг. в него были внесены значительные изменения.

Важным шагом в разработке семейной политики и семейного законодательства стало Постановление ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г. «О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах»¹⁸. Перечень вопросов, отраженных в законодательном акте, уже говорит и о его большой значимости для решения демографической проблемы в СССР и об установках социалистического государства для реализации политической доктрины. Карательные методы чередовались с гуманными, и все это должно было служить во благо населения огромной страны, во благо объединяющей СССР идеи строительства лучшего в мире общества. Это была забота о кадрах для этого будущего общества.

В течение месячной дискуссии в прессе, общественных организациях, до публикации постановления, вывилось, что сельские женщины в своем подавляющем большинстве горячо поддерживали запрет на аборты и в основном сосредоточили внимание на вопросах расширения медицинских и социальных возможностей, увеличении субсидий многодетным семьям, что предполагал проект закона. Высказанные предложения были учтены, в частности, расширением помощи матерям, имевшим семь и более детей, вместо десяти, как предусматривалось в проекте постановления¹⁹.

Меры, предусмотренные правительством по расширению существовавших и явно недостаточных медицинских учреждений и усилению заботы о здоровье населения, были чрезвычайно популярны. Во многих колхозах страны развернулась работа по организации «нового быта»: открывались детские сады и ясли, школы... Деревенские женщины с энтузиазмом воспринимали такие перемены:

Как в колхозы мы взошли,
Новый быт построили,
Клубы, ясли завели,
Бани и столовые!

Однако конечный результат, как часто случалось с мерами, проводимыми советским правительством по улучшению благосостояния своих граждан, был далек от поставленных целей. Под грандиозные проекты не закладывалось должной финансовой поддержки, не хватало и строительных мощностей²⁰. Советское правительство столкнулось с трудностями подбора квалифицированного медицинского персонала для работы в деревенских условиях. Складывалась ситуация, когда даже в центральных регионах сельские больницы испытывали острый дефицит врачей и приходилось закрывать некоторые амбулатории. Работавшие в деревнях медицинские работники, приехавшие не по призванию и вынужденно мирившиеся с местными условиями, нередко не пользовались ни уважением, ни доверием среди женского населения, молва о них разлеталась далеко за пределами района, а решительные крестьянки — активистки, не ограничиваясь только этим, писали жалобы с требованием сместить «нерадивого» работника, характеризуя его эпитетами, которыми пользовались обычно городские врачи для крестьянок. Доктора из Лужского района Ленинградской области сельские активистки заклеили «не как врача, а как неотесанную, темную и глупую деревенскую бабу» (коих фактически среди женщин этой деревни не было), которая «грубо обращается с людьми, постоянно ругается и в присутствии пациентов устраивает разнос персоналу, часто оскорбляет пациентов и плохо осматривает детей». В связи с этим женщины отказывались «наблюдать у нее своих детей» и требовали «немедленно отозвать этого врача». Справедливость требования подтверждалась лозунгом «Доктор и медсестра в амбулатории ответственны за жизнь и здоровье детей в своем районе!»

Ушли в прошлое времена, когда в деревню, руководствуясь идеалами народнической идеологии, добровольно ехали сотни врачей, чтобы жить и работать во благо *крестьянства*. Статистика фиксировала, что в 1913 г. только 13% медиков обслуживали сельское население многомиллионной деревни, в 1920 г. — 14%, в 1930 г. — 18%. Фактически врачей было не более 10%. И это при том, что в городах насчитывалось почти 9% медицинского персонала, не имевшего работы. Однако ехать в деревню они не намеревались. К 1937 г. планировалось открыть в *каждом* сельском районе амбулаторию для обслуживания женщин и детей. Принимается правительственное решение о формировании медицинских кадров для работы в них из числа колхозниц²¹.

Грандиозные планы социального переустройства сельской жизни местное начальство реализовывать не спешило. Руко-

водствуясь популярным лозунгом «Трактор в поле, няни каждый день!», сельские активистки требовали предоставления их детям возможности посещать ясли, в то время как они сами будут трудиться на колхозных полях. Руководство игнорировало эти «притязания». Председатель колхоза имени Куйбышева Широко-Карамышкинского района Саратовской области в ответ на требования колхозниц об открытии игровой площадки для детей ответил: «Вы жили раньше без яслей и площадок. Можете и дальше жить». А в это же время два председателя колхоза Родельнянского района Одесской области заняли работавшие детские сады под конторы правлений колхозов²².

Сотрудники отделов социального обеспечения Сталинградской, Ивановской, Воронежской и Ярославской областей не предоставляли субсидий многодетным матерям-колхозницам на том основании, что государственные меры социального обеспечения в целом не распространялись ранее на колхозников. Исправило положение лишь вмешательство прокурора РСФСР В.А. Антонова-Овсеенко, разъяснившего новый закон и в случае его невыполнения указавшего на меры, которые будут приняты в отношении сотрудников отделов социального обеспечения²³.

В сельской местности дискуссия по поводу июньских постановлений 1936 г. в основном развернулась не столько вокруг запрещения аборт и улучшения обеспечения нового закона, сколько по поводу внесения изменений в закон о разводе и обеспечения детей материальной поддержкой, так называемыми алиментами. И простые крестьянки, и специалисты сельского хозяйства единодушно поддерживали решение правительства о требовании присутствия в загсе обоих супругов с случае развода. Единое мнение было и по поводу прогрессивной шкалы оплаты за каждый последующий развод, регистрации в паспортах факта развода, взыскания алиментов с ответчика в сумме четверти заработной платы на одного ребенка, трети — на двоих и половины — на троих и более детей. Законодатель полностью учел пожелания женщин²⁴.

Особой популярностью пользовалась мера, предусматривавшая двухлетнее тюремное заключение для уклоняющихся от уплаты алиментов. Фактически некоторые колхозники предлагали увеличить оплату за расторжение брака и устанавливать более высокие штрафы и наказания за уклонение от уплаты алиментов по сравнению с проектом закона²⁵. По ранее существовавшему закону о браке 1926 г. только один из супругов должен был присутствовать при расторжении брака, второму по почте посылалось извещение об этом акте. Прогрессивной оплаты за последующие разводы не предусматривалось. Не платившие алименты на содержание ребенка могли быть приговорены к шести месяцам принудительного труда по основному месту работы с вычетом части заработной платы в пользу ребенка.

Форсированная индустриализация и коллективизация сельского хозяйства в СССР повлекли за собой беспрецедентное передвижение населения в географическом и социальном плане. По выражению А. Вишневого, жизнь в стране «была проникнута идеологией жертв во имя будущих поколений»²⁶. Стремительность повседневности захватывала. Близкое и счастливое будущее для всех казалось столь значительным, что конкретное счастье отдельной семьи могло быть принесено в жертву общей идее. Это привело к подрыву многих семей и в городе, и в деревне. Основным процессом, определившим демографический дисбаланс полов, принято считать стихийную миграцию. Однако заметную роль сыграли и организованные перемещения. Советская политика перераспределения рабочей силы преследовала две цели: обеспечить кадрами промышленность и заселить окраины страны, т.е. продолжить досоветскую традицию освоения этих территорий; и то и другое исходило «из политической и экономической целесообразности момента». Уже в середине 1920-х гг. большое число крестьян устремились из центральных губерний за Урал. В 1924 г. по стране было подано 163 тыс. заявок на переезд, в 1926 г. — 500 тыс. С 1925 г. в системе Наркомзема начала действовать программа организованного переселения. За 1925—1929 гг. в Сибирь переехало около 910 тыс. человек, из них десятая часть выходцы Центрального района²⁷. В дальнейшем массовое переселение было связано с развернувшейся коллективизацией. В течение второй половины 1920-х — 1930-х гг. до 23 млн граждан, в основном мужчин трудоспособного возраста, покинули деревни. Они устраивались в городах в поисках работы, образования, социального продвижения, спасаясь от политических репрессий, сопутствующих коллективизации, и оставляя тяжелую колхозную жизнь. Почти 5,5 млн трудоспособных мужчин деревни на протяжении второй половины 1930-х гг. временно отсутствовали: это отходники, учащиеся, военнослужащие. К 1937 г. почти 30% сельских мужчин и 9% женщин в возрасте от 16 до 59 лет покинули деревни по указанным причинам²⁸. Демографические потрясения, такие, как Первая мировая и Гражданская войны, голод 1921 и 1932 гг., в первую очередь коснулись мужчин; политический террор, развернувшийся в 1920-е и особенно 1930-е гг., также в большей степени затронул мужчин²⁹. Обвинение в несовершенных ими «контрреволюционных преступлениях» ставило их вне закона и лишало возможности «защиты» на суде, которая «по этой категории дел не допускалась»³⁰. Местные власти в стремлении проводить «линию партии» брали «повышенные» темпы репрессий, что нашло отражение в секретных телеграммах из провинции в центр с «просьбами» разрешить ужесточить меру наказания и расширить контингент высылаемых и даже подлежащих расстрелу³¹. Прежде всего это касалось деревни. «Раскулачивание», вылившееся в «пря-

мое мародерство», зафиксированное в отчетах органов ОГПУ в отношении раскулачиваемых и выселяемых, когда имущество «кулаков» «делилось местными активистами на глазах раскулачиваемых», приводило к открытым выступлениям и протестам³². В ответ появляются антисоветские листовки, фиксируются противоправительственные высказывания, «стрельба в портреты вождей», поджог имущества колхозов и совхозов как акт мщения за высылку родственников, и все это приписывалось подросткам, на которых не распространялась статья о контрреволюционных преступлениях, о чем крайне сожалел Прокурор СССР М. Панкратов и входил в правительство с предложением понизить возраст привлечения для преступников — до 12 лет!³³ Общее число жертв «Большого террора» с 1 октября 1936 г. по 1 ноября 1938 г. составило 1 565 041 человек, из которых были расстреляны 668 305³⁴. Оказавшиеся в спецпоселениях бывшие «кулачки» не мирились с судьбой заключенных и нередко осуществляли побег, организаторами, а иногда и участниками которых были охранявшие их милиционеры и коменданты³⁵. Пилотажные социологические обследования 1990-х гг., проведенные в российских деревнях, зафиксировали примерно треть сельских семей, пострадавших в той или иной степени от «социалистических преобразований 1930-х гг.»³⁶.

Деревня лишалась основной трудовой силы — мужчин: многие из них репрессировались, другие оставляли родные места и искали новую жизнь. Значительное число женщин оставались одни с детьми на руках. При распространении фактических браков и столь легкой процедуре расторжения даже юридически оформленного супружества мужчины нередко не чувствовали себя связанными брачными узами и строили новую «фактическую» семью.

К нам приехали строители —
И все холостяки.
Дома женка, два ребенка —
Ну да это пустяки!

Деревенская девушка Феня из повести В. Катаева «Время, вперед!», приехавшая в далекий Магнитогорск в поисках оставившего ее любимого, от кого она ждала ребенка, — совсем не вымысел советской литературы 1930-х гг. Женщин с подобной судьбой было не меньше, чем незамужних³⁷.

Расчет делался на то, что запрет на аборт приведет к резкому росту рождаемости при увеличении пособий на детей и придании социальной значимости материнства. Но «простая» истина не подтвердилась временем. Рождаемость возрастает не от запретов, а от благополучной и спокойной жизни. И это произойдет позже. Но улучшение материального положения семей, где дети воспитывались только матерями, безусловно положительно сказалось на благополучии этих семей. Алименты, установленные в размере $\frac{1}{4}$ заработка отца на одного ре-

бенка, $\frac{1}{3}$ — на двоих и $\frac{1}{2}$ — на троих и более детей, несмотря на критику, просуществовали до сегодняшнего дня.

Дела о взыскании алиментов практически были бесспорными: суды не определяли размер алиментов, их задача состояла лишь в вынесении решения. В 1934 г. в суды РСФСР было подано 200 тыс. заявлений о взыскании алиментов с «беглых отцов», мужчин, которые, оставив жен и детей, просто бесследно исчезли. Советская юридическая система была не в состоянии разыскать их. В итоге до 40% судебных решений о взыскании алиментов оставались неисполненными, т.к. ответчика невозможно было найти.

Местные судебные органы, с неукомплектованными кадрами и перегруженные политическими делами, рассматривали иски об алиментах как второстепенные и при условии возможности сразу разыскать ответчика. Надо иметь в виду и другое: даже если уклонявшихся от уплаты алиментов «беглых отцов» можно было разыскать и привлечь к ответственности, мужчины — руководители производств стремились сохранить рабочие кадры и не хотели сотрудничать с властями.

Доминировавшая юридическая поддержка мужчин до принятия постановления в июне 1936 г. приводила к тому, что редко удавалось обязать отцов платить алименты. Действительно, лишь 17% исков об алиментах, направленных в суды в середине 1930-х гг. по постановлению 1936 г., были удовлетворены в размере менее 20 руб. в месяц, а в 25% случаев алименты не взыскивались³⁸. Это было время, когда «беглого отца» из Западной области можно было найти далеко в Сибири и даже на Камчатке. В местные партийные органы во второй половине 1930-х гг. часто обращались бывшие жены местного начальства, которые просили изымать у бывших мужей из зарплаты алименты в пользу детей. Даже чиновники высокого ранга, такие, как И.Н. Румянцев, возглавлявший обком Западной области и отказавшийся платить в 1936 г. алименты на детей от первого брака, в конце концов по решению суда вынужден был их платить, правда, меньше, чем устанавливал закон. Неудивительно, что женщины открыто приветствовали новую жесткую политику государства в отношении развода и поддержки детей, считая, что эти инициативы направлены против безответственных отцов, но не против женщин³⁹.

8 июля 1944 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства»⁴⁰, отбросивший советское законодательство на столетие назад.

Страна встала на путь борьбы за укрепление советской семьи и воспитания большей за нее ответственности. Фактиче-

ски это привело к нарушению прав человека и безответственности за судьбу детей, росту криминальных аборт и материнской смертности. Мужчины получили полную свободу сексуальных отношений и ни при каких обстоятельствах им не грозило установление отцовства. Очевидно, эта «промужская» политика была направлена на «половую распущенность мужчин в целях увеличения численности населения»⁴¹. В 1941 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР был введен налог на одиноких и бездетных граждан, составлявший ежемесячно 5% заработной платы для городских жителей и 100 руб. ежегодно для колхозников. (В 1957 г. новым указом были «обобщены» граждане, подлежащие уплате этого налога: «не имеющие детей мужчины в возрасте свыше 20 и до 50 лет и женщины в возрасте свыше 20 и до 45 лет»⁴².)

Приближавшаяся победа в Великой Отечественной войне давала возможность государству переключить внимание и на решение демографической проблемы. Потери и утраты должны были компенсироваться новым поколением, которое будет жить в мирной и благополучной жизни. На протяжении 1941—1945 гг. 17 млн советских людей (18,6%)⁴³, в основном женщины и дети, перемещались по стране — были «эвакуированы» из родных мест. Они возвращались в родные или оставались в новых краях, у них образовывались и распадались семьи, и государство не могло оставаться в стороне от этих жизненных процессов. Выбор был сделан в пользу полностью подконтрольной и жесткой демографической политики, которая в обычной жизни выразилась в повышении престижа мужчин, которых в послевоенное время был дефицит. Женщины, не состоявшие в зарегистрированном браке, были лишены права на помощь для ребенка от его отца и даже возможности для этого ребенка иметь запись об отце в свидетельстве о рождении вместо унижающего прочерка. С иском об установлении отцовства и последующих алиментах они не имели права обращаться в суд. Государство предлагало им альтернативу в виде государственного пособия, которое при этом было меньше предусмотренных выплат на детей, рожденных в зарегистрированном браке. И касалось это *каждого четвертого ребенка*, который попал в категорию «незаконнорожденных»⁴⁴.

Указ запретил установление отцовства в отношении детей, рожденных вне брака. Ни добровольное признание отцовства, ни отыскание его в судебном порядке более не допускались. Не возникло, понятно, и права на получение алиментов от фактического отца, даже если он сам хотел оказывать материальную помощь своим детям. Наркомюст СССР уже 24 июля 1944 г. обратился в правительство, к тов. Маленкову Г.М. и Молотову В.М., с предложением рассмотреть вопрос о возможности регистрации «отца ребенка в тех случаях, когда сам отец просит об этом»⁴⁵; предложение было отклонено. На неоднократные обращения в суды одино-

ких матерей и «незаконное» стремление органов местной юстиции содействовать таким устремлениям последовало «Заключение» Прокуратуры СССР, в котором на конкретных примерах разъяснялось, что признание себя фактическим отцом своего ребенка и желание помогать ему вовсе не является «основанием» для рассмотрения дела в суде: лишь запись в книге актов гражданского состояния «в качестве отца ребенка» служит условием судебного рассмотрения, и «никаких исключений этот закон не устанавливает»⁴⁶. Строго соблюдалась статья Указа, по которой отец, записанный в книгу актов гражданского состояния до 1944 г., но не состоящий в зарегистрированном браке с матерью ребенка, уклоняющийся от поддержки ее семьи, обязывался судом платить алименты на содержание детей⁴⁷. Однако, если семейные отношения были прекращены, но официального развода не последовало, мать имела право на получение алиментов, но только не от фактического отца⁴⁸. Работникам местных судов и отдаленных городских и районных прокуратур было крайне трудно разобраться в перипетиях столь сложного и во многом по-человечески не понятного им законодательства. Они писали письма в Прокуратуру СССР, приводя длинные списки нерассмотренных дел, с «убедительной» просьбой о помощи законного обоснования решений «в связи с возникшими сомнениями» и ждали «членораздельного ответа на поставленные вопросы». С подобным «спецсообщением» обратился в Москву прокурор Пашкино-Троицкого района Томской области юрист 1 класса Курочкин, для которого было абсолютно неприемлемо «неосновательное оставление жены с четырьмя детьми» их отцом, вступившим в незарегистрированный брак с другой женщиной, и которого хотелось бы наказать по всей строгости закона. Но такого закона не существовало. Были вопросы и об ответственности отцов, оставивших семьи, не будучи в зарегистрированном браке и «уклоняющихся» и от продолжения семейной жизни, и от уплаты алиментов⁴⁹. Часто женщины оказывались в тяжелом моральном и материальном положении, и судебные органы, полностью поддерживавшие их интересы и разделявшие их требования, ничего не могли сделать в юридическом отношении.

В 1945 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 марта «О порядке применения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. в отношении детей, родители которых не состоят между собой в зарегистрированном браке»⁵⁰ было разрешено признание отцом внебрачного ребенка в случае вступления в брак с его матерью.

Однако существовал способ обходить июньский Указ 1944 г. Согласно части 3 статьи 42 Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР и соответствующим статьям КЗоБСО других союзных республик, взявшие ребенка на постоянное воспитание с иждивением в случае отказа обязаны платить алименты на воспитание ребенка, если его родители умерли или не имеют достаточных средств на его содержание.

17 ноября 1950 г. Пленум Верховного суда СССР постановил, что для применения указанной статьи «необходимо наличие между сторонами прямого соглашения с тем, что одна из них передает, а другая принимает к себе ребенка на постоянное воспитание с иждивением», или же наличие фактических длительных отношений, из которых следует подтверждение факта содержания и воспитания ребенка⁵¹. Сложилась практика, что Верховный суд отказывал матери в иске о предъявлении алиментов к фактическому отцу, но при доказанном факте «длительных» и «постоянных» отношений и участия в воспитании ребенка такие иски удовлетворялись. Мужчина признавался не отцом, обязанным платить алименты своему ребенку, а участвовавшим ранее в его воспитании, и на этом основании суд принимал сторону матери. Но осуществление этого законного действия могло иметь место лишь в случае смерти матери, либо при отсутствии у нее достаточных средств для воспитания ребенка, или при установлении факта «длительных» и «постоянных» отношений с отцом ребенка. Кроме того, размер алиментов устанавливался меньше полагавшегося на детей, рожденных в зарегистрированном браке, хотя и был больше 5 рублей в месяц государственного пособия.

Применение части 3 статьи 42 КЗоБСО РСФСР и соответствующих статей КЗоБСО других союзных республик особенно поощрялось после постановления Пленума Верховного суда от 14 ноября 1960 г., которым был отменен отказ в иске о взыскании алиментов на содержание детей по этим статьям⁵². В связи с этим, например, Президиум Верховного Совета Армянской ССР даже издал указ о дополнении КЗоБСО новой статьей, содержащей правило, аналогичное части 3 статьи 42 КЗоБСО РСФСР. Дела о взыскании алиментов на содержание детей по указанной статье составляли в 1964 г. свыше 10% всех дел этой категории по СССР. По данным Армянской, Белорусской ССР и Ивановской области РСФСР, число одиноких матерей, получавших государственные пособия, уменьшилось, что можно объяснить во многом применением статьи 42 КЗоБСО РСФСР и других союзных республик. Такая судебная практика часто приводилась как аргумент изменения варварского законодательства сторонниками его пересмотра с гуманных позиций⁵³. Применение статьи 42 КЗоБСО РСФСР и соответствующих статей КЗоБСО других союзных республик помогало хотя бы небольшой части одиноких матерей и их детям. Одновременно это оказывало позитивное влияние на процесс законотворчества в пользу изменения сталинского сурового указа.

Хотя формально права внебрачных детей и детей, рожденных в браке, признавались равными, в жизни все выглядело иначе. Это не оставалось незамеченным руководством страны: обсуждалось, осуждалось, вносились предложения об изменении законодательства. О простых советских гражданах не приходится говорить: они, безусловно, чувствовали себя ущемленными в праве указать в свидетельстве о рождении ребенка

его отца. Обсуждение длилось не одно десятилетие. На заседаниях коллегии Министерства юстиции СССР в мае 1950 г. выступавшие отмечали: «В отношении записи ребенка следует сказать, что, когда ребенок маленький, это не имеет для него большого значения, но, когда наступает школьный возраст и ребенок приходит в школу, он уже начинает понимать, что отца нет. И, чтобы не наносить такую травму ребенку, мы внесли предложение о том, чтобы мать могла сама записать ему какого-то отца, чтобы он знал, что у него есть отец и мать»⁵⁴. (Это сказано по прошествии шести лет после принятия дискриминационных статей Указа. И только через 18 лет отмененных!) В середине 1950-х гг. это касалось 17% так называемых незаконнорожденных детей⁵⁵. Всего за 1945–1958 гг. в СССР родилось 10,6 млн детей, «в акте о рождении которых не было записи об отце» (16% общего числа рожденных в эти годы). Сельские одинокие матери рожали вдвое реже горожанок⁵⁶. Суды, чтобы хоть как-то обеспечить внебрачных детей, взыскивали алименты с их отцов как с фактических воспитателей.

Указ от 8 июля 1944 г. (п. 19) только зарегистрированному браку придан правовое значение. Лица, вступившие в фактические отношения с 1926 по 1944 гг., могли их официально зарегистрировать, указав и общих детей. Это привело в середине 1940-х гг. к резкому возрастанию зарегистрированных браков. Впоследствии именно к такому браку стремились большинство женщин.

Таблица № 1

Браки в СССР, зарегистрированные в органах загс в 1940–1954 гг. (тыс.)

Годы	Всего	Город	Село
1940	1082	538	544
1943 а)	347	175	172
1944 а)	582	325	257
в том числе:			
I полугодие	265	139	126
II полугодие	317	186	131
1945	1106	637	469
1946	2100	1099	1001
1947	1859	865	994
1948	1917	908	1009
1949	2018	1002	1016
1950	2080	1059	1021
1951	2125	1085	1040
1952	1934	986	948
1953	2073	1087	986
1954	2163	1133	1030
в том числе:			
I полугодие	1094	559	535
II полугодие	1146	588	558

а) Без оккупированной территории.

Источник: Советская жизнь. 1945–1953. М., 2003. С. 695–696.

Была ужесточена процедура развода: брак мог быть расторгнут лишь в случае признания судом необходимости его прекращения. Из этого следовало, что суд получил право отказать в иске о разводе, даже если оба супруга на этом настаивали. Кроме того, была усложнена и сама процедура развода: в заявлении, поданном в народный суд, указывались мотивы распада семьи, в местной газете публиковалось объявление о «возбуждении дела о разводе», суд вызывал супругов и «принимал меры к их примирению» и передавал дело в суд второй инстанции, который и выносил «мотивированное» решение о разводе или отказе в расторжении брака. Одновременно суд определял, с кем остаются проживать дети и решал вопрос об алиментах⁵⁷.

Акцент делался на укрепление советской семьи. Прокуратура СССР следила за выполнением задачи государственного значения, постоянно держала на контроле работу судебных органов, направляя их деятельность указаниями, разъяснениями и инструкциями.

Постоянной критике подвергались работники, не вникавшие в суть семейных разногласий и спешившие передать дела о разводе в суды второй инстанции, не интересуясь «истинными» мотивами развода и не предпринимая никаких серьезных усилий для примирения сторон, иногда даже и не проводя работу, которая положена им по закону: публикация в местной печати объявления о разводе, обсуждение со свидетелями семейной жизни бывших супругов, выяснение всех нелегальных подробностей дела в их же присутствии, что для очень многих, не желавших сохранять семейные отношения, служило препятствием к разводу, особенно в небольшом городе, а тем более деревне, из которой надо было под всеобщее обсуждение и осуждение ехать в райцентр для судебных разбирательств⁵⁸. И хотя приоритет семьи оставался незыблемым, и прокуратура и местные судебные органы допускали разводы не только по обоюдному согласию, но и по настоянию одной из сторон, правда, только в том случае, «если брак не даст своих положительных результатов и основная цель закона — укрепление советской семьи — не будет достигнута» («несходство характеров», «потеря чувства привязанности» не признавались судом причинами для развода), но в основном при наличии второй семьи, особенно если там уже появился ребенок⁵⁹.

Весомым аргументом в пользу сохранения семейных отношений и приостановления бракоразводного процесса было привлечение партийных органов к происходящему конфликту. Прокуратура открыто указывала на этот важный фактор сохранения семьи⁶⁰. Указом от 15 февраля 1947 г. были запрещены браки между гражданами СССР и иностранцами⁶¹. В таком виде законодательство просуществовало вплоть до принятия в 1968 г.

впервые общесоюзного семейно-правового акта — Основ законодательства о браке и семье Союза ССР. На его основании в 1969—1970 гг. были приняты семейные кодексы республик, которые повторяли положения Основ, более детально регулировали семейные отношения и мало чем различались между собой.

Этому предшествовала огромная работа. Статья 14 Конституции СССР 1936 г. предусматривала издание Основ законодательства о браке и семье Союза ССР и союзных республик. После Великой Отечественной войны в государственных органах началась подготовка законопроекта Основ законодательства о браке и семье.

17 декабря 1948 г. Постановлением Совета Министров СССР была создана Правительственная комиссия для подготовки проекта Основ законодательства о браке и семье. Из девяти членов Комиссии только Г.М. Свердлов являлся специалистом в области семейного права, остальные представляли высшее руководство страны (Председатель Верховного суда СССР, министр здравоохранения СССР и другие).

Образовывались и преобразовывались правительственные комиссии, создавались подкомиссии и рабочие группы, разрабатывались и обсуждались проекты законов, ставившие задачей изменить существовавшее варварское отношение к семье и «незаконнорожденным» детям, но прошли два десятилетия до кардинального решения вопроса.

Большую роль в разработке указа играло Министерство юстиции СССР. С 1956 г. подготовкой проекта Основ законодательства о браке и семье начала заниматься Юридическая комиссия при Совете Министров СССР, подготовившая проект в 1959 г. для Совмина СССР, который «признал целесообразным отложить его рассмотрение». Начались годы научных исследований, растянувшиеся на два десятилетия. Работа над проектом то приостанавливалась, то возобновлялась, и главным препятствием для ее продолжения был вопрос о признании отцовства ребенка, родившегося в незарегистрированном браке. Наконец, в 1963 г. законопроект был представлен в ЦК КПСС с просьбой разработавшей его Комиссии законодательных предположений Совета Союза СССР Верховного Совета СССР опубликовать его в печати для всенародного обсуждения.

Однако ни в 1965 г., ни в 1966 г. законопроект не был опубликован, и тем более не был принят в Верховном Совете СССР. В декабре 1966 г. на заседании Комиссии законодательных предположений Совета Союза Верховного Совета СССР седьмого созыва ее председатель М.С. Соломенцев предлагает вновь войти в Президиум Верховного Совета и в Центральный Комитет партии с предложением о необходимости утверждения закона о браке и семье. Через год, в октябре 1967 г., секретарь Комиссии законодательных предположений С.М. Ислуков доложил:

«В настоящее время проект Основ законодательства о браке и семье после некоторой доработки в подкомиссии представлен в Президиум Верховного Совета СССР и направлен в директивные органы. Имеется в виду предварительно опубликовать его в печати для обсуждения общественностью с тем, чтобы затем внести на утверждение Верховного Совета СССР» (ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 101. Д. 2544. Л. 16—17).

Наконец законопроект был опубликован в печати 9 апреля 1968 г. Развернулось его обсуждение в средствах массовой информации. В научных учреждениях, на предприятиях, в колхозах и совхозах прошли собрания, с большим интересом обсуждавшие столь важный для многих семей вопрос. В постоянные комиссии поступило около 4 тыс. писем, кроме того редакция газеты «Известия» получила еще свыше 5 тыс. корреспонденций. Учтя некоторые предложения, которые содержались в этих письмах, комиссии внесли изменения и поправки. После этого законопроект был принят Верховным Советом СССР.

Борьба вокруг принятия нового законодательства была длительной и острой. Вопрос об изменении правового положения внебрачных детей считался самым болезненным среди множества других проблем при подготовке проекта Основ законодательства о браке и семье. Можно сказать, что именно его решение задерживало принятие Основ. Сторонники нового Указа считали, что Указ от 8 июля 1944 г. устарел и уже не служит для укрепления советской семьи, некоторые даже признавали его принятие ошибкой. Их оппоненты отстаивали зарегистрированный брак как единственный порождающий права и обязанности между супругами, считая признание права матери на обращение в суд с иском о взыскании алиментов на содержание ребенка, родившегося вне зарегистрированного брака, фактическим поощрением случайных связей. Кроме того, они считали, что будут появляться женщины-шантажистки, которые смогут предъявить иск об установлении отцовства и взыскании алиментов с человека, который не имеет никакого отношения к ребенку. Они утверждали, что радикальные изменения Указа от 8 июля 1944 г. окажут отрицательное влияние на укрепление советской семьи, и пытались ограничить масштабы изменений. Но прогрессивная и гуманная юридическая мысль сводилась к тому, чтобы уравнивать в правах *всех* детей. Огласил эту точку зрения еще в июне 1959 г. председатель Юридической комиссии при Совете Министров СССР А.И. Денисов: «С точки зрения Юридической комиссии следовало бы вернуться к старому принципу полного равноправия детей, то есть восстановить принцип, которым так гордился Ленин и о котором он так много писал» (ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 45. Д. 274. Л. 39—40).

Такая мысль повторялась в текстах последующих проектов. Однако уже в апреле 1962 г. было внесено предложение о вклю-

чении бремени доказывания. И вновь противники изменений законодательства возражали, утверждая, что закон не должен поощрять случайных связей и что доказательство отцовства является «очень затруднительным делом». Им отвечали высокие чиновники — *женщины*. Заместитель Председателя Верховного Суда РСФСР Н.Ю. Сергеева подчеркивала: «Речь идет не о том, кто повинен, а о том, как нужно решить вопрос о судьбе ребенка». Ученый секретарь Комиссии А.И. Пергамент аргументировала: «Неужели факт изнасилования не труднее доказать, чем факт совместного проживания, а тем не менее суд решает эти дела, признает виновными, а алименты ему предъявить нельзя» (ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 45. Д. 357. Л. 100—101).

В обществе был распространен двойной стандарт морали. Это отражалось и на отношении к «случайной» связи. Как правило, настаивали на том, чтобы исключить случайную связь мужчины и расширить доказательства отцовства женщиной. Те, кто не хотел допускать установления отцовства при случайной связи, часто ссылались на женщин, которые до Указа от 8 июля 1944 г. представляли иск о взыскании алиментов на содержание ребенка к мужчине, не имеющему никакого отношения к ребенку, чтобы получить большую сумму алиментов. Такие случаи действительно имели место, хотя были редкими, но, поскольку случайная связь всегда считалась аморальной и противоречащей укреплению семьи, общественное мнение выделяло образ бессовестной женщины и открыто ее осуждало.

В 1968 г., через четверть века после драконовского Указа 1944 г., удалось принять редакцию Основ законодательства о браке и семье Союза ССР, которую предлагало большинство юристов⁶². И их мнение разделяли *все женщины*. И касалось это и городской жизни, и деревенской.

Репрессивный характер сталинского законодательства во имя построения лучшего в мире социалистического государства затронул все сферы экономической и общественно-политической жизни страны. Деревня, где проживало подавляющее большинство населения страны, первой попала под строгость проведения линии партии и пострадала в наибольшей степени. К крестьянкам относились все нововведения законодательства и особенно два направления, самых для них жизненно важных: *семейное и религиозное*. Рушившая устои деревни коллективизация абсолютно меняла уклад сельской жизни, ломала судьбы, но внутреннее мироощущение благодаря *семейным приоритетам и духовным ценностям* поколебать указами и репрессиями государственному аппарату удавалось с трудом, преодолевая огромное сопротивление. Сталинская семейная и религиозная политика (за исключением некоторого ослабления середины 1940-х гг.) — это *нажим на деревню*, деревенских женщин, политика антикрестьянская и в большей степени *направленная против крестьянок*. Ее прове-

дение было связано с модернизацией экономики, где человеку — участнику этих эпохальных перемен было отведено скромное место «винтика».

В 1953 г. формально сталинская эпоха ушла в прошлое. Новое руководство страны, в лице «простого и открытого» Н.С. Хрущева, провозгласило политику «лицом к народу», воспринятую в стране как «оттепель». Надо отдать должное этому времени, когда политические, экономические и социальные приоритеты государственной политики были перенесены на граждан своей страны. Но при всей значимости хрущевских перемен, их государственного и международного масштаба и вклада в гуманизацию советской жизни они практически не коснулись решения одного из главных вопросов — *семейного*: драконовский Указ 1944 г. отменен не был. Не коснулась политика «оттепели» и главного социально-крестьянского вопроса — *пенсии и социального обеспечения (пособия по беременности, оплата больничных листов) колхозников и паспортизации деревни. Эти три элемента, нерешенных властью, сплелись в тугой узел «женского вопроса», т.к. в большей степени относились к женщинам и в наиболее негативном плане касались именно крестьянок — колхозниц. Перемены пришли только со второй половины 1960-х гг. Политика в отношении женщины изменила свой вектор с репрессивной на гуманную.*

Промышленное развитие СССР базировалось в основном на привлечении все большего количества рабочей силы, производительность труда по сравнению с индустриально развитыми странами оставалась низкой. Внимание правительства было перенесено на семью, ее укрепление и поддержку, что могло гарантировать рабочую силу в будущем.

Общая ориентация семейной политики в СССР и издаваемого в целях ее реализации законодательства на протяжении 1930–1980-х гг. была направлена на решение преимущественно демографических задач, подчас в ущерб прямым интересам женщины как личности. Достаточно упомянуть два законодательных акта — постановление ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г.⁶³ и Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г.⁶⁴ Первый из них имел целью поднять значимость социальных функций семьи в обществе и воздействовать на увеличение рождаемости. Для этого были не только предусмотрены установление государственной помощи многодетным и родителям, расширение сети родильных домов, детских яслей и садов, усиление уголовного наказания за неуплату алиментов, усложнена процедура разводов, но и запрещены аборты (кроме случаев вынужденной необходимости)⁶⁵. Тем самым советские женщины существенно ущемлялись в свободе реализации функции деторождения.

Дальнейший шаг в государственном воздействии на увеличение рождаемости в стране связан с принятием Указа Президиу-

ма Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г., которым во изменение принципов Кодекса о браке, семье и опеке РСФСР 1926 г. во главу угла всей семейной политики был поставлен лишь зарегистрированный брак. Весьма больно ударил по правовому положению женщин и правосознанию общества прочерк в графе «отец» в метрических свидетельствах внебрачных детей, а также отмена этим Указом возможности признания отцовства в судебном порядке и даже на основе добровольного волеизъявления отца, если оно не имело места одновременно с последующим оформлением законного брака с матерью ребенка. Отменялось право матери на обращение в суд с иском и об установлении отцовства и о взыскании алиментов на содержание ребенка, родившегося от лица, с которым она не состоит в зарегистрированном браке. Согласно Указу одинокая мать имела право на получение государственного пособия до достижения ребенком 12-летнего возраста. Сумма пособия была значительно меньше, чем средняя сумма алиментов, тем более что мать ребенка, родившегося в зарегистрированном браке, могла получать алименты от отца до достижения ребенком 18-летнего возраста.

Эти меры касались тысяч семей, где воспитывались «незаконно-рожденные» дети.

Таблица № 2

Число родившихся в СССР

Годы	Всего родившихся, тыс.	В т.ч. рожденных женщинами, не состоявшими в зарегистрированном браке, тыс.	В % к общему числу родившихся
1945	2506	470	18,8
1946	4031	752	18,7
1947	4454	747	16,6
1948	4194	665	15,9
1949	5042	985	19,5
1950	4799	944	19,7
1951	4953	930	18,8
1952	4948	849	17,2
1953	4754	775	16,3
1954	5135	801	15,6
1955	5048	734	14,5
1960	5341	621	11,6

Источник: ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 101. Д. 2533. Л. 20; Кавамото К. Двадцатилетняя попытка изменить правовое положение детей, родившихся не в зарегистрированном браке после Великой Отечественной войны. М., 2002. С. 2. Депонировано в ИНИОН РАН.; Советская жизнь. 1945–1953. М., 2003. С. 698.

Вот как строилась жизнь большинства одиноких матерей послевоенного времени. Из воспоминаний А. Прохановой: «В 1946 г. родила сына. Я не была зарегистрирована в браке с его отцом, потому что наша свадьба состоялась во время войны. А позже я узнала, что он уже женат на другой женщине и что у него есть другая семья. Так я и растила сына одна, получала государственное пособие как мать-одиночка — 5 рублей в месяц. Этих денег хватало, чтобы прожить два дня. Поэтому после родов я сидела с сыном дома только 38 дней — такова была продолжительность материнского отпуска по законодательству. Потом я пошла работать. К несчастью, мальчик был очень слабым, и его не принимали в ясли. Я таскала его каждый день за собой в больницу, пока он немножко не подрос, а потом нашла девушку из деревни, которая за ним присматривала». Каждый день ее жизни стал борьбой за выживание. Вот обычное расписание ее дня: подъем — в 5.30, с 6.00 до 8.30 — прививки детям, 9.00—17.00 — работа в поликлинике, 18.00—22.00 — дежурство на участке, обход семей, 23.00 — сон. А через 5–6 часов опять подъем, и так из месяца в месяц. Из года в год. Ни отдых, ни болезни этим графиком предусмотрены не были. Нужно было двигаться, словно электричка, по расписанию. Каждое опоздание или отклонение от этого графика означало не просто понижение жизненного уровня, а угрозу выживанию.

Истощенное войной государство могло предоставить только символическую помощь этой чрезвычайно возросшей категории населения: 38-дневный послеродовой отпуск и 5-рублевое месячное пособие, на которое можно было прокормиться только два дня. Место в яслях ребенку Антонины Прохановой не выделили из-за слабого состояния его здоровья, а из близких никого вокруг не было⁶⁶.

Семья и семейные отношения всегда были предпочтительны для женщин. Внебрачная связь была вынужденной, и при любой возможности женщины стремились ее узаконить. Профессиональная деятельность, карьерный рост, за редким исключением, не закрывали возможность и желание семейного счастья и радости воспитания детей. Государство не отпускало женщин из производства, но и не могло себе позволить полностью взять на себя все бытовые и социальные функции, чтобы освободить женщин, пришедших с работы, для детей и семьи. Практически домашние заботы были на женских плечах, мужчины в них участвовали немного. «Двойная» нагрузка была мужской и привычной для всех советских женщин. Законодательство не работало на включение мужской части населения в заботы по уходу и воспитанию детей. Сложившаяся традиция: женщина — производственница и мать — оказалась настолько устойчивой, что вошла в менталитет поколений, а нововведения не воспринимались как руководство к действию. Социалистическое и коммунистическое строительство нового общества

требовало прежде всего производственной деятельности, и принцип «Кто не работает, тот не ест» отражал суть государственной политики даже тогда, когда был заменен на «От каждого — по способности, каждому — по труду», а в будущем даже и «по потребности». И государственная политика, и общественное мнение были настроены на поощрение производственной деятельности ВСЕХ женщин, и, очевидно, эта генеральная линия не знала бы искривлений, если бы не начала постепенно, а затем и резко падать рождаемость. Оказалось, что совмещать и производство, и дом, и воспитание детей, быть хозяйкой при главе дома, за которого также следовало выполнять практически всю домашнюю работу, и выполнять демографическую государственную программу под силу совсем немногим. Деревня держалась дольше города, но и здесь началось падение рождаемости, обусловленное трудностями и материального и социального характера и не слишком заботливой на деле политикой «поощрения материнства». На это государство отреагировало очень оперативно и начало с формирования общественного мнения — быстрого и бесплатного. В средствах массовой информации наряду с идеями о важности профессиональной карьеры женщины, ее активного участия в производственной и общественной жизни все чаще стали появляться материалы о важной роли семьи в воспитании детей, в гармоничном воспитании личности. И тем не менее привычные стереотипы разрушать не спешили. Общественная значимость привлечения женщин к производству не снижалась. Государственная политика ориентировала их на работу во всех сферах народного хозяйства, в том числе в новых отраслях экономики. Научная деятельность также пропагандировалась как женская. Средства массовой информации, дублируя доминирующий государственный взгляд, отдавали в своих публикациях приоритет женщине-труженице. Это диктовалось устоявшейся государственной доктриной о совмещении женщиной роли производственницы и матери. В разные периоды на первые полосы газет и журналов выводились специалисты разных профессий и отраслей: в 1930-е гг. — механизаторы, летчицы, колхозницы, в 1950-е гг. — работницы совхозов на целине, в 1960-е гг. — дипломированные специалисты, в основном научные сотрудницы институтов, технологи, химики-инженеры. Пропаганда подкреплялась и фольклором, народным и «написанным для народа». В 1930-е гг. редкая девушка не мечтала о славе Полины Осипенко:

Ай, я с пилотом распрощалась
И на землю опускалась.
Я сама стала пилотом,
Управляю самолетом.
Вот тебе, вот тебе, вот тебе я —
Развеселая твоя!

Сложили немало частушек о стахановках:

По-стахановски работать,
По-стахановски гулять,
По-стахановски, девчата,
Пятилетку выполнять!

Целинная тематика на все лады перепевалась и в оставленных деревнях, и в новых совхозах:

Ты, подружка, пой, пой,
А мы следом за тобой,
Ну и как нам не гордиться?
Наш совхоз — передовой!

Популярными были частушки и о сельских «специалистах»:

Агрономом стала я,
Люди расступитесь.
А хотите быть, как я,
В городе учитесь!
Ох я, ох я,
Счастливая я!

Обзор фотографий, помещенных в 1968 г. в газете «Правда», показывает уклон государственной политики в сторону совмещения женщиной ролей производственницы и матери. А ведь именно в 1968 г. были приняты «Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье», изменившие коренным образом отношение государства к браку, разводу, семье, материнству, отцовству, и это никак не отразилось на официальной пропаганде, которая по-прежнему традиционно прославляла женщину-производственницу. В это время, когда во взрослую жизнь вступали достаточно многочисленные поколения, родившиеся после Великой Отечественной войны, срабатывал компенсаторный рост, что уже знал СССР. Именно под эти поколения проводились школьные и вузовские реформы, было введено и осуществлено всеобщее среднее образование в масштабах всей страны. Именно они должны были и построить и даже жить в коммунистическом обществе. На них и была надежда дальше трудиться, создавать семьи и жить в прекрасном будущем. Но современная им жизнь оказалась так далека от ожидаемого благополучия. Вновь вернулись к ожиданиям, но новое поколение, уже выросшее, воспитанное и выученное в других условиях, не хотело жить только далекой перспективой, ограничив себя во всем, и сделало выбор в пользу сокращения семьи для пополнения собственного семейного бюджета. Неожиданный и не просчитанный государством общественный поворот обернулся демографическим спадом, и только в период перестройки пришедший к власти М.С. Горбачев начал поворот государственной политики и

общественного мнения к семье и семейной политике как главной в жизни женщины, общества и государства, но это было экономически вынужденное и запоздалое решение, да и времени на спокойную и относительно благополучную жизнь для большинства семей оставалось немного: 1990-е гг. принесли ломку всей системы, в том числе семейной. А в 1968 г. были радужные планы на экономику, социальную сферу, которую будут активно поднимать и женщины-труженицы, одновременно оставаясь (желательно для государства) многодетными матерями. И потому фотографии семейного плана стали редкостью по сравнению с 1930 гг., пропагандировалось «общественное воспитание» детей в детских дошкольных учреждениях. «Семейное счастье» передавалось для пропаганды другим изданиям. При этом надо подчеркнуть, что в стране, где до середины 1960-х гг. половина населения жила в деревне, это не нашло отражения в государственной официальной прессе. Крайне мало фотографий сельских женщин. Основные перемены происходили в городе и в науке, технике, образовании — не в сельскохозяйственном производстве. Вот это и нашло отражение в главном органе СМИ — газете «Правда» (см. табл. № 3).

Это был период активного включения СССР в мировое общество и «развернутого строительства коммунизма», когда жизнь вступали *многочисленные поколения* образованных молодых людей, когда всеобщее среднее образование становилось нормой жизни, а «демографическая задача» не стояла столь остро. Гуманизация общества входила в сознание и руководства и обычных граждан, которые не хотели мириться с отжившим сталинским законодательством и для которых простые человеческие ценности приобретали большой смысл. Среди них забота о детях, их моральном и материальном комфорте была главной.

Впервые в истории советский закон говорил не столько о долге и обязанности женщин, сколько об их «правах» и подчеркнуто акцентировал такие понятия, как «счастливое материнство и детство» и «поощрение материнства». Основы о браке и семье декларировали: «Советской женщине обеспечиваются необходимые социально-бытовые условия для сочетания счастливого материнства со все более активным и творческим участием в производственной и общественно-политической жизни». Специальная — третья — статья заявляла о «равноправии женщины и мужчины в семейных отношениях». Тем не менее она вступала в противоречие с четвертым пунктом первой статьи, где говорилось об особой, «всемерной охране интересов матери и детей», а также со статьей пятой, посвященной более детальной расшифровке этого положения, где государственная поддержка семьи трактовалась как помощь «женщине-матери»⁶⁷.

30 июля 1969 г. был принят Кодекс о браке и семье РСФСР⁶⁸. В соответствии с ним признавался только зарегистрированный

**Фотографии женщин в газете «Правда» в 1968 г.
(индивидуальные фотографии и групповые, где сняты и женщины)**

Количество опубликованных фотографий		Количество фотографий женщин или с женщинами	
Всего	На 1 стр.	Всего	На 1 стр.
2228	582	22,6%	19,4%
Многодетные матери (7–15 детей)		1	0
Матери с новорожденными и беременные		0	0
Семейные фотографии (отец, мать, сын)		2	0
Деды и внуки		4	0
Свадьбы		3	0
Юбилейные свадьбы		1	0
Отцы с маленькими детьми (без матери)		4	1
Дети в детских учреждениях, на мероприятиях		64	9
Работницы промышленности		45	12
Передовики (ударники) промышленности		19	12
Передовики (ударники) сельского хозяйства		4	10
Колхозницы, занятые в полеводстве и животноводстве		9	7
Инженеры		15	4
Врачи		3	2
Медицинские сестры		2	0
Учительницы		4	0
Библиотекари		1	0
Специалисты сельского хозяйства		6	1
Научные сотрудники (включая нескольких преподавателей вузов)		63	3
Строители		8	8
Рыбачка (Герой Социалистического Труда)		1	0
Метеорологи		2	0
Бортпроводницы		1	0
Охотницы		1	0
Алмазные резчики		1	0
Реставраторы-художники		1	0
Цветоводы		1	0
Почтальоны		0	1
Водолазы		1	0
Другие работницы (в основном продавцы)		7	0

Женщины на политических митингах, встречах, собраниях, съездах, заседаниях	16	29
Культурно-просветительные работники	4	0
Участники самодеятельности	31	2
Артисты	48	0
Музейные работники (и посетители)	7	0
На отдыхе	17	10
Студенты (вузов, техникумов), учащиеся ПТУ	37	2
Спортсменки	52	0
Летчицы (фото 1935 г.)	2	0
Встречи фронтовиков, военные фотографии	10	0
Парашютистки	2	0
Пилоты планеров	1	0
Мотоциклисты	1	0
Скалолазы	1	0

Источник: Правда. 1968. 1 января — 31 декабря.

брак. Фактический брак по-прежнему не порождает правовых последствий. Основанием для развода служил только «непоправимый распад семьи». При отсутствии детей и по взаимному согласию он производился органами загса, которые не выясняли причин развода и не ставили своей задачей примирить супругов. При несогласии одного из супругов на развод или при наличии несовершеннолетних детей и споров по имуществу дело рассматривалось в суде. При этом суду вменялось выяснять причины развода и в некоторых случаях пытаться мирить супругов.

Установление отцовства производилось добровольно — на основании заявления одного из родителей либо в судебном порядке — при доказательстве их совместного проживания, ведения общего хозяйства и участия в воспитании ребенка. Доказательством для подтверждения признания отцовства могли служить личные письма и другая такого рода документальная база. Унизительный прочерк в свидетельстве о рождении был изъят, и этот факт можно считать результатом своего времени.

Итогом законодательных поисков, шедших в этом направлении, стала Конституция СССР, принятая в 1977 г. после предварительной широкой дискуссии в обществе. В соответствующих статьях Конституции утверждалось, что статус любого советского гражданина независимо от его пола определен двумя его главными функциями — «труженика» и «семьянина». Поэтому одной из центральных тем этой дискуссии стала тема равномерного распределения семейных обязанностей между супругами, т.е. тема эгалитарной, партнерской семьи. Положе-

нию о свободе и равноправии женщин была посвящена статья 35, положению о семье — статья 53. Статья 35 провозглашала: «Женщина и мужчина имеют в СССР равные права. Осуществление этих прав обеспечивается предоставлением женщинам равных с мужчинами возможностей в получении образования и профессиональной подготовки, в труде, в вознаграждении за него и продвижении по работе, в общественно-политической и культурной деятельности, а также специальными мерами по охране труда и здоровья женщин, созданием условий, позволяющих женщинам сочетать труд с материнством, правовой защитой, материальной и моральной поддержкой материнства и детства, включая предоставление оплачиваемых отпусков и других льгот беременным женщинам и матерям, постепенное сокращение рабочего времени женщин, имеющих малолетних детей»⁶⁹.

Первая строка этой статьи в выдвинутом на обсуждение проекте Конституции была представлена в другой редакции: «Женщина в СССР имеет равные права с мужчиной». В ходе дискуссии данная редакция была подвергнута критике за то, что права мужчины здесь взяты за эталон, к которому подверстываются права женщины, и изменена.

Критики проекта отмечали, что положения статьи 35 о поддержке материнства и детства и льготах женщинам, имеющим малолетних детей, противоречат тексту статьи 53, согласно которому «в семейных отношениях женщина и мужчина имеют равные личные и имущественные права»⁷⁰. Кроме того, они предлагали дополнить этот текст положением о «равных обязанностях» супругов, однако авторы проекта сохранили в окончательном варианте первоначальный противоречивый текст. Он соответствовал противоречиям общественной жизни и фактической модели советской семьи, которая перестала быть чисто патриархальной, но еще не стала эгалитарной.

Для перехода к этому типу семьи следовало преодолеть два барьера в официальной идеологии и сформированном ею общественном сознании: отказаться от «классического» советского понятия «женщина-мать» и увидеть наконец в женщине полноценную гражданку, для общественного признания которой не нужны никакие дополнительно обозначенные функции, а с другой стороны — признать в мужчине полноценного члена семьи, отца, имеющего те же, что и женщина, права, связанные с рождением и воспитанием детей. Конституция 1977 г., также как и принятые до нее Основы законодательства о браке и семье, этих барьеров не преодолела⁷¹.

Конституция СССР и все советское законодательство исходили из того, что простое уравнивание прав женщин с правами мужчин отнюдь не обеспечивает подлинного равнопра-

вия женщин, которые, выполняя в обществе те же функции, что и мужчины, осуществляют и свою специфическую функцию — функцию материнства. Поэтому правовой статус женщин, т.е. совокупность принадлежащих им прав и обязанностей, а также охраняемых законом интересов, не может быть тождествен правовому статусу мужчин. Равноправие женщин имеет место тогда, когда женщины, обладая теми же правами, которые принадлежат мужчинам, наделены еще и дополнительными правами.

Создавая внешнюю видимость увязки глав и положений Конституции и законодательных актов, трактовавших принцип свободы и равенства женщины, правоведы поясняли, что «равенство женщин и мужчин де-юре никогда не рассматривалось и не рассматривается в Советском государстве как тождество их правового статуса. Простое уравнивание прав не обеспечивает еще подлинного равенства женщин, которые, выполняя в обществе те же функции, что и мужчины, осуществляют еще и свою специфическую функцию — функцию материнства. Отсюда следует, что подлинное равенство женщины с мужчиной возможно лишь тогда, когда женщины, имея все те же права, что и мужчины, наделены еще и дополнительными правами и льготами»⁷².

На первый взгляд, может показаться, что, чем шире дополнительные права, предоставляемые женщинам в связи с осуществлением ими функции материнства, тем полнее и синхроннее равноправие полов. Однако такой подход к вопросу о равноправии женщин и мужчин был бы чисто механическим, не учитывающим диалектичность и противоречивость жизни. В действительности реализация женщинами дополнительных прав, связанных с материнством, нередко лишает их возможности осуществления на равных с мужчинами условиях других прав, принадлежащих всем гражданам СССР, независимо от пола, — трудовых, политических и т.д.

Кроме того, нельзя упускать из виду, что предоставление дополнительных прав одному полу, особенно в сфере семейных отношений, нередко происходило за счет умаления прав другого пола и в силу этого может касаться и мужчин. Так, правило статьи 14 Основ законодательства о браке и семье, согласно которому «муж не вправе без согласия жены возбудить дело о расторжении брака во время беременности жены и в течение одного года после рождения ребенка», несомненно относится к числу дополнительных прав женщин, обусловлено причинами биологического порядка и направлено на охрану здоровья матери и ребенка. Следовательно, такая норма хотя и ограничивает право мужчин, но не дискриминирует их в области семейных отношений.

Иначе обстоит дело с вопросом о праве родителей на осуществление принадлежащей им обоим функции — ухода за

ребенком и воспитания его. До принятия Верховным Советом СССР постановления от 10 апреля 1990 г. закон предоставлял право на дополнительный отпуск по уходу за ребенком только матери. Явно дискриминационной по отношению к мужчинам и к тому же не имеющей опоры в законе является и судебная практика, когда в подавляющем большинстве случаев при разводе супругов дети остаются с матерью, каковы бы ни были конкретные условия. Практика государственных органов также не гарантирует отцам реальной возможности принимать участие во всех случаях, в том числе и против желания бывшей супруги, в воспитании детей, оставшихся при разводе с матерью. В литературе правильно отмечалось, что такая практика судебных и государственных органов расходится со статьями 34 и 35 Конституции СССР, провозглашающими равенство мужчин и женщин во всех сферах жизнедеятельности общества⁷³.

Объективным ориентиром для определения оптимального масштаба дополнительных прав женщин, связанных с материнством, предоставление которых не вело бы на практике к существенному ущемлению возможностей их участия в трудовой и социально-экономической жизни страны, должна являться Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 18 декабря 1979 г. Но в год ее принятия советские пропагандисты с гордостью заявляли: «В нашей стране все меры этой Конвенции уже давно полностью осуществлены... Советское законодательство полностью им соответствует, даже значительно превосходит установленные нормы»⁷⁴.

Ратифицировав в 1981 г. эту Конвенцию⁷⁵, СССР тем самым признал ее приоритет по отношению к национальному законодательству и необходимость соблюдения ее положений в правотворчестве, в процессе реализации принятых законов, а также в социальной практике. С точки зрения задач сегодняшнего дня, по-прежнему актуальными представляются положения о максимальном участии женщин наравне с мужчинами во всех областях жизнедеятельности, достижении полного равенства между ними, для чего необходимо изменение традиционной роли как мужчин, так и женщин в обществе и семье.

«Перестройка» экономики страны довольно быстро привела к «переизбытку» рабочей силы и необходимости выведения за рамки государственной экономики ее части, прежде всего женщин. Со второй половины 1980-х гг. рождаемость падает. Правительство М.С. Горбачева начинает решать задачу экономической целесообразности, впервые в советской истории *идеологически* обосновав ее: женщина-производительница вполне может уступить свое рабочее место мужчине, сама же заняться не менее почетным и важным государствен-

ным делом — семьей. «Перестройка» для смягчения эффекта безработицы нацелена на высвобождение части женщин из производства в семью при одновременном усилении поддержки материнства и детства — иначе говоря, государство разворачивает внутреннюю политику «лицом к женщине», что фиксировалось в партийных документах как «возвращение женщинам их истинного призвания»⁷⁶. Это касалось и города и деревни. Привычная для государства опора при увеличении численности населения за счет высокой рождаемости на селе явно оказывалась слабой. Государству пришлось признать «особую кризисную демографическую ситуацию в сельской местности»⁷⁷. Но, несмотря на это, именно на деревню и на сей раз направлен демографический правительственный взгляд, поскольку деревенский менталитет, считалось, еще можно, и довольно быстро, развернуть в направлении повышения рождаемости. Специально для сельской местности в 1990 г. было принято правительственное постановление; в нем предусматривались увеличение продолжительности отпуска по беременности и родам, установление ежемесячных пособий по месту работы матери до достижения ребенком трех лет, разовых единовременных пособий на рождение каждого ребенка, выдача бесплатных продуктов питания беременным женщинам, запрещалось применение труда женщин в животноводстве и полеводстве с момента выявления беременности с сохранением среднего заработка⁷⁸. Все это способствовало подъему прожиточного минимума. Кроме того, законы, направленные на «поддержку семьи», как-то: запрещение увольнять тех членов семьи, где были двое или более иждивенцев, а также тех, кто является единственным кормильцем в семье, женщин с детьми и т.д., — сделали женщин во многих отраслях экономики «нежелательными работниками»⁷⁹. Освобожденная от трудовых будней, женщина могла полностью посвятить себя семье и детям. Трудовой Кодекс Российской Федерации, вступивший в силу с 1 февраля 2002 г., закрепил основные положения социальных горбачевских перемен⁸⁰. Понятно, что вопрос об участии мужчин — единственных тружеников большого производства — в семейных и домашних делах на государственном уровне не ставился. Но «перестройка» закончилась раньше, чем были решены поставленные ею задачи. Новые подходы стимулирования семейной жизни и увеличение роли мужчин в производстве при постепенном высвобождении из него женщин не получили дальнейшего развития в постсоветской России. 1990-е гг. привели женщин вновь в массовом порядке на производство, но демократизм времени выразился в попытках законодательно решить вопросы «гендерной асимметрии»: право на больничный лист на время болезни ребенка и матери и отцу, частично оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком любому из родителей... Женщину

больше никто не призывал «вернуться в семью», а все прежние функции хозяйки дома и матери она сочетала с производственной. Выбор для работы на производстве — любим! — государство всегда делало в пользу мужчины, а женщина, оставаясь работницей, должна сочетать трудовой вклад в одинаковое с мужчиной время с бытовыми, семейными и всеми остальными ее *личными обязанностями*.

В 1990 г. были внесены существенные изменения в Основы законодательства о браке и семье⁸¹. Была предусмотрена возможность исключения из общего имущества супругов того, которое было приобретено после фактического прекращения совместной жизни. Мужчины, признавшие отцовство, сознательно обманув правосудие, в дальнейшем не могли оспаривать этот факт, мотивируя ранее предоставленными доказательствами как неверными и вызванными «определенными обстоятельствами и ситуациями».

На содержание несовершеннолетних детей выплачивались алименты по решению суда, а иногда по договоренности между родителями. В 1985 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР «О некотором изменении порядка взыскания алиментов на несовершеннолетних детей»⁸² рассмотрение дел о содержании детей судья решал единолично и в административном порядке (без возбуждения гражданского дела). В 1986 г. был установлен минимальный размер алиментов, но после вступления страны в полосу инфляций он ни разу не был проиндексирован, вплоть до отмены в декабре 1994 г.

В связи с кардинальными социально-экономическими изменениями в жизни страны в 1994 г. в Кодекс были внесены изменения, а 8 декабря 1995 г. Государственной Думой был принят новый Семейный кодекс Российской Федерации⁸³. Новое семейное законодательство (статья 1, пункт 2), как и КоБС 1969 г., придает юридическое значение только зарегистрированному браку. Незарегистрированный брак по-прежнему не влечет никаких правовых последствий в отличие от развитых стран, где фактические супруги получают право на взыскание алиментов, раздел совместного имущества и др. Семейный Кодекс также подтвердил возможность развода в административном — в органах загса (статья 19 СК РФ) — и судебном порядке (статья 21). Если у супругов нет несовершеннолетних детей и есть обоюдное согласие на расторжение брака, то загс просто регистрирует развод без выяснения каких-либо его мотивов. При наличии несовершеннолетних детей развод производится в суде также без выяснения причин — это рассматривается как вторжение в личную жизнь, — но только при согласии обоих супругов на расторжение брака (статья 23). Если же один из супругов не согласен на развод, то суд должен установить, что «дальнейшая совместная жизнь супругов и сохранение семьи невозможны», и вправе принять меры к их прими-

рению: отложить дело, дать время для обдумывания ситуации в пределах трех месяцев, после чего, если один из супругов настаивает на разводе, а меры по примирению не дали результата, «расторжение брака производится» (статья 22). Суд проверяет соглашение о проживании детей в плане ненарушения прав ребенка, устанавливает порядок и размер алиментов (статьи 80–86)⁸⁴.

Ребенок, рожденный в незарегистрированном браке, может быть признан его отцом добровольно либо в судебном порядке со всеми последующими взаимными юридическими правами и обязанностями. Семейный Кодекс РФ статьей 49 принимает «любые доказательства, с достоверностью подтверждающие»⁸⁵ отцовство, в отличие от КоБС 1969 г., где указывались и «обстоятельства» и «доказательства», подтверждающие этот факт.

Принимались и изменялись законодательные акты, семейная политика ужесточалась и ослабевала, но полностью поставить под контроль движение жизни своих граждан было не под силу даже такой могучей стране, как Советский Союз.

«И ЧТОБЫ СВАДЬБА БЫЛА, ВСЕ КАК У ЛЮДЕЙ»

Огромные потери Второй мировой войны оставили поколениям сельских женщин мало надежд относительно брака. Однако каждая женщина мечтала о романтической встрече. В послевоенной деревне, где женихи были особенной редкостью, такое желание было таким же сильным, как и в городе, где возможностей выйти замуж по любви было значительно больше. Но мечтали одинаково. И вот как это было у Пелагеи Апаринной из деревни Кручи Екатериновского района Саратовской области: «Ей самой иногда мечталось, когда сидела вечером за машинкой, что однажды придет к ней хороший видный удалец, не царевич сказочный, а парень в вышитой крестьянской косоворотке и протянет крепкую руку, предлагая стать его женой.

Почти так оно и получилось. Только ее суженый был не в шелковой вышитой рубашке, а в вылинявшей на дорогах войны гимнастерке. Встретились Иван Егорович и Пелагея Ивановна на деревенской вечеринке... А через месяц глянула в окно Пелагея — идет он прямо к их калитке. Сердце екнуло, как услышала стук. Вышла к нему, вытирая мокрые, в мыльной пене руки, — как раз стиркой занималась. А он помялся минутку и говорит прямо: “Пожалуйста, если не против, выходи за меня замуж”. Так и стала Пелагея Апаринной»⁸⁶. Но стать явлю такой мечте удавалось не для всех молодых женщин послевоенного времени.

Великая Отечественная война деформировала структуру населения страны. Преобладание женщин во всех возрастных группах, особенно от 16 до 49 лет, приводило к трудностям,

а порой и невозможности вступления в брак. Женихов повсеместно не хватало, особенно в областях, подвергшихся оккупации. Конечно, демобилизации из Армии и Флота несколько нормализовали положение, но деревни касалось это в меньшей степени, чем города: не все бывшие фронтовики вернулись в родные места. И после Великой Отечественной войны демографическая ситуация в сельской местности оставалась «неблагоприятной»: в среднем в деревнях России в 1945–1946 гг. на одного молодого человека в возрасте от 21 до 23 лет, т.е. 1923–1925 годов рождения, приходилось по 5 девушек-сверстниц. Это снижало шансы даже самых молодых деревенских невест на создание семьи. Положение стало выравниваться во второй половине 1950-х гг., когда взрослыми стали поколения мужчин, родившиеся во второй половине 1930-х гг.⁸⁷

Многие с благодарностью принимали любого мужчину, повстречавшегося им на жизненном пути. Один из примеров замужества в 1950-е гг.: «Пожились мы с мужем в феврале 1955 г. Приехал он из соседней деревни за другой девушкой, но она отказалась выйти за него. Ему друг посоветовал меня. Вызвали меня из клуба на улицу. Ночь была темная. Сделали предложение. И я, представьте себе, зная о характере жениха и о его добрых качествах только со слов людей, сразу согласилась» (Антонова, Мухоршибирский район. Бурятия)⁸⁸. Конечно, мужчины в послевоенной деревне имели бóльший выбор, чем их сверстницы. Но даже в этих условиях девушки нередко «отказывали» женихам, но те особенно долго не расстраивались по этому поводу. «Большой дружбы мы не ищем, девушка понравилась, ну и женимся», — говорил один из незадачливых женихов из села Вирятина Тамбовской области, для которого поиски невесты завершились деревенской свадьбой лишь с третьего предложения⁸⁹. В послевоенной деревне неженатых мужчин практически не было.

В 1960–1980-е гг. возросла подвижность населения, был осуществлен переход ко всеобщему среднему образованию, в результате чего отношение к браку изменилось. Более благоприятная демографическая ситуация, воздействие средств массовой информации принесли иные представления о семье, семейных отношениях. Молодые люди главным в семейной жизни считали эмоциональные отношения. Несмотря на ограниченность выбора, на селе стремились *вступить в брак по любви*⁹⁰. Большинство девушек и молодых людей мечтали *о встрече с любимым человеком*⁹¹ и надеялись соединить с ним свою дальнейшую судьбу. *Романтические отношения* связывались с пониманием *счастья для любой девушки*, живущей в далекой глубинке или большом городе, российском провинциальном городке или западном мегаполисе: *«любящий и нежный друг»* занимал первые строчки и в российских и в международных опросах⁹².

Мотивы вступления в брак (в % от общего числа опрошенных)

Мотивы*	Мужчины	Женщины
Любовь	39,1	49,6
Общность интересов, взглядов	26,1	28,5
Чувство одиночества	14,1	4,7
Чувство сострадания	7,4	3,1
Вероятность скорого рождения ребенка	6,7	4,3
Случайность	4,0	2,4
Материальная обеспеченность будущего мужа (жены)	—	3,1
Наличие жилплощади у будущего мужа (жены)	2,0	1,2
Другие мотивы	0,6	3,1

* Опрошенным предлагалось указать не больше трех мотивов.

Источник: Голод С.И. Стабильность семьи: социологический и демографический аспекты. Л., 1984. С. 26.

Романтика всегда превалировала в отношениях между мужчиной и женщиной, и для большинства большее значение имела «встреча с любимым человеком», независимо от того, закончится ли она семейным союзом. Тем не менее брак оставался одним из главных элементов дальнейшей жизни, и треть опрошенных ленинградских студентов уже определенно склонялась к его заключению как первоочередному жизненному плану⁹³. Возможно, серьезность к подходу «строительства» семейной жизни, не связывая это только с появлением любви, а с *общностью духовных интересов* и даже *расчетом*, делало именно эти браки *более устойчивыми*. Предпринятая социологами попытка разделить браки на «счастливые» и «неудавшиеся» показывает, что «браки по любви» в 43,5% случаев оказываются неудавшимися, браки «по расчету» — в 35,2% и браки «по стереотипу» — в 26,3%⁹⁴. Такова не только российская, а общая тенденция⁹⁵. Наиболее устойчивыми брачными союзами оказываются те, где «близость духовных интересов» превалирует над «страстью»⁹⁶. Однако и здесь, с точки зрения социологов, обнаружен «парадоксальный факт»: каждая десятая «духовно неадаптированная семья» своим браком была удовлетворена, а около 2% супругов, «духовно близких друг другу», браком были не удовлетворены⁹⁷. Семейная жизнь столь сложна и разнообразна, что определить условия гармоничной и длительной совместной судьбы абсолютно для всех пар невозможно, но среди главных можно назвать духовную близость, любовь, ответственность за семью, боязнь одиноче-

ства, материальную зависимость и известные только себе «тайные» причины продолжения и сохранения брака.

Деревня едина во взглядах на семью и брак: «семьей надо дорожить», но есть различия в понимании ее роли. Молодежь считает главным для брачного союза соединение единомышленников, чтобы в дальнейшем не было конфликтов. Среднее и старшее поколения большее значение придают взаимопомощи и поддержке семьи в ее хозяйственной деятельности и при воспитании детей — «без семьи прожить трудно». Сельская интеллигенция залог благополучия и семейного счастья видит во взаимопонимании, а деревенские жители с низким уровнем образования сохранение хороших семейных отношений связывают с положением в обществе, заработком и чаще заключают браки по соображениям материального порядка⁹⁸.

Браки заключались по желанию самих молодых людей, без давления старшего поколения в большинстве республик СССР. Молодые люди считали своим правом свободно выбирать супруга. При сомнении родителей твердо отстаивали свой выбор: «Ну, мама, как хочешь, а я на ней женюсь!» или «Вы как хотите решайте, а мы уже решили!» Так считали вирятинские жители Тамбовской области, решив соединить свои судьбы браком. Не останавливало и наличие в семье старшей незамужней сестры, что по деревенским традициям нарушало последовательность устройства жизни девушек⁹⁹.

Однако отмечались региональные различия во мнениях сельчан о роли родителей в выборе спутника жизни их детьми. В Средней Азии традиционно молодежь «в таком серьезном вопросе обязательно» руководствовалась советом родителей¹⁰⁰. Более 90% молодоженов из Узбекистана считали обязательным получение родительского согласия при вступлении в брак¹⁰¹. И это не удивительно. Традиция выплаты выкупа за невесту (калыма) была жива на протяжении всех лет существования СССР, хотя с ней боролись всеми возможными средствами. Доля браков, заключенных с уплатой калыма, в мусульманских республиках достигала почти 70%¹⁰². При этом если в Азербайджане половина браков заключалась с уплатой выкупа за невесту, то в Казахстане — свыше 60% браков, Узбекистане и Таджикистане — около 70%, в Туркмении и Киргизии — до 80% браков. Величина калыма колебалась по республикам и зависела от трех основных «характеристик» будущей жены: умения вести хозяйство, красивой внешности и репутации семьи. В Средней Азии появилось даже обидное для девушек выражение «бесплатная невеста», — и в эту категорию попасть считалось позором и для семьи и для самой невесты. Понятно, что большие деньги у молодых людей, как правило, отсутствовали и их сбором занимались родители и родственники, отсюда — повиновение старшим как общепризнанный тип отношений на Востоке. Но многие мужья прямолинейно понимали

уплату калыма — как приобретение жены в собственность. Так считал и чабан Н. Ходжамурадов из колхоза «Социализм» Ашхабадского района Ашхабадской области Туркмении, подсчитавший убытки в виде калыма за невесту в размере 16 тыс. рублей и подарков — еще на 9 тыс. и после ухода супруги требовавший через газету «Труд» вернуть ему «заблудшую жену», предварительно получив отказ по данному требованию в местном сельсовете, затем в Гяурском райисполкоме и у прокурора Гяурского района Ашхабадской области¹⁰³. Конечно, советская власть, опираясь на Конституцию СССР и последующие законы, активно противодействовала «унижению» женщин Востока и Кавказа, тем более, что речь шла не о далеких 1930-х гг., когда новая и неизвестная жизнь только входила в республики Страны Советов. В 1960-е гг. зафиксировали: в Армении 9 случаев уплаты выкупа за невесту, в Туркмении — 58, в Таджикистане — 69, в Киргизии — 124¹⁰⁴. И это только первая половина 1960-х гг., и только выявленные случаи уплаты калыма. За этот же период в республиках Средней Азии было выявлено почти 800 случаев двоеженства и многоженства, впереди были Узбекистан — 267 случаев и Таджикистан — 225 случаев. На Кавказе этот обычай оказался не столь распространенным: в Грузии было выявлено 24 подобных случая, в Армении — 13, лидером стал Азербайджан — 209 случаев многоженства¹⁰⁵. Вопреки всем законам, постановлениям и указам! И это середина 1960-х годов! Особенно распространены были в этих регионах браки с девушками, не достигшими совершеннолетия, по соглашению с их родителями, а иногда и без оногo. Так, в республиках Кавказа было официально зафиксировано свыше 400 случаев заключения брака с несовершеннолетними и до 7 тысяч случаев — в республиках Средней Азии, где лидером оказалась Узбекская Советская Социалистическая Республика — почти 2,5 тысячи¹⁰⁶. Но время брало свое и молодые женщины отнюдь не хотели мириться с такого рода распоряжением их судьбой. Горьким протестом на такую жизнь стали самосожжения женщин, получившие довольно большое распространение в республиках Средней Азии. Официальные органы пытались скрыть эти факты, но правду было невозможно утаить. И если в самые революционные для Средней Азии годы, 1920-е, фиксировался пик самосожжений женщин (в 1927–1928 гг. «живыми факелами» стали свыше 200 мусульманок), то в конце 1980-х гг. эта цифра была превышена. В Узбекистане на самосожжения приходилось до 40% самоубийств. В основном к этому прибегали женщины до 29 лет¹⁰⁷. Только за 1986–1987 гг. в Узбекистане пытались покончить жизнь самоубийством путем самосожжения 270 женщин, в Туркмении — 55¹⁰⁸. В 1988 г. в Средней Азии зафиксировано 364 случая самосожжения, почти все женщины погибли от ожогов¹⁰⁹. Чаще других к этому прибегали школьницы, и происходило это осенью и весной — в пору

свадеб. Объяснением таких страшных явлений выдвигали ислам, однако большинство женщин не отличались фанатичной религиозностью, да и для мусульманина такой уход из жизни противоречит Корану¹¹⁰. Главная причина — насилие над женской волей, чего очень многие не смогли принять. Особый мусульманский мир формирует и специфические взаимоотношения между старшими и молодыми, мужчинами и женщинами, но жестокость обращения с судьбами близких не находит понимания ни в одном поколении. Время постепенно меняет жизнь, к сожалению, не всегда в позитивную сторону, но вектор демократии приходит и в бывшие союзные республики Востока.

В российской деревне повсеместно при заключении брака прежде всего учитывалось желание самих вступающих в него, а основным мотивом для женитьбы или замужества была любовь. Большинство родителей в деревне рассуждали так: «Пусть сами решают — им жить». Но в некоторых случаях, когда старшие бывают особенно недовольны выбором жениха или невесты, они пытаются создать в деревне общественное мнение, стараясь повлиять на молодежь. Как правило, это безуспешно¹¹¹. Согласно исследованиям, проведенным в 1987 г. в Орловской области, всего 1% молодых женщин познакомились со своим будущим супругом с помощью родителей или участия родственников¹¹².

Современные родители мало влияют на выбор будущего супруга своих детей. Безусловно, у родителей есть собственное мнение по данному вопросу, но молодежь редко прислушивается к нему.

«Раньше очень слушались родителей, советовались, — замечает одна из участниц российско-британского социологического обследования деревенской жизни. — Родители все время подсказывали. Теперь — так это уже сами так, как хотят, — и то не очень. Вот мы тут все своего внука тискаем: слушай родителей! Сначала я ему лекцию проведу, чтобы если уже знакомился, то знал кто и что и не лез, абы с кем не занимался, если уже увязнешь — не рассчитаешься».

Вторит этому и А.М. Тарышкина из села Красная Речка Новобурасского района Саратовской области: «У нас бабушка, бывало, скажет моему отцу: “Миша, до семи колен смотри, когда выбираешь породу!” Вот сроду этих слов не забуду! Это вот так: отдаешь замуж, так перебери до седьмого колена — и нет ли там дураков или ленивцев. Вот как! Вот раньше какие были старички! Не как сейчас вон... Да сейчас и стариков умных нет! Я сроду не забуду. Бывало, он эдак говорит: “Жену взять — это не лапоть надеть. С ноги ее не сбросишь”. Это сейчас видишь: раз — и разошлись! А тогда — нет. Взял — живи...»¹¹³.

Менялись времена, иными становились и возможности для знакомства молодых людей. Больше половины молодых людей,

живущих в городе, познакомились на работе, в учебном заведении или в кафе, театре, на вечере Лишь каждой десятой паре горожан знакомству содействовала близость проживания, а каждый двадцатый мужчина познакомился с избранницей во время летнего отдыха или при случайных обстоятельствах¹¹⁴. В деревне своя специфика. Хотя треть семейных пар вместе учились или работали, но часто *были знакомы с детства или жили по соседству*. Их брак был основан на длительном знакомстве и хорошем знании друг друга¹¹⁵.

В основном молодые люди женятся по возвращении из армии, в возрасте 21–25 лет. Девушки выходят замуж раньше, в 18–20 лет¹¹⁶. В то же время можно отметить явную связь между временем заключения брака и уровнем образования. Молодые люди, получающие среднее или высшее образование, долго учатся и сравнительно поздно начинают трудовую жизнь.

Как правило, начало постоянной трудовой деятельности приходится на возраст 18–24 года. Следует отметить, что большинство сельских жителей, родившихся до 1917 г., начинали постоянную трудовую деятельность с 11–12 лет.

Образование и начало трудовой жизни находятся в непосредственной зависимости с возрастом вступления в брак. Женщины с высшим образованием выходят замуж позже, чем имеющие среднее или более низкое образование. Это характерно как для города, так и для деревни. Однако, *поскольку в среднем уровень образования сельских невест ниже городских, замуж они выходят раньше*. Почти половина сельских девушек вступают в брак в возрасте 18–20 лет. До 27 лет почти все сельские женщины создают семью. В деревне, как и в городе, часто не соблюдается традиция, требующая, чтобы невеста была моложе жениха. В Орловской области, в каждой седьмой паре невеста, по опросам социологов 1980 г., была старше жениха, хотя не намного (как правило, на 1–4 года). Отсутствие материальной заинтересованности в браке, первенствующее значение взаимопонимания и духовной близости у ровесников — основные причины создания семьи. Браки с большой разницей в возрасте супругов очень редки.

Другой особенностью сельского брака является значительное количество социально смешанных семей, т.е. таких, где муж и жена принадлежат к разным общественным группам: жена — учитель, муж — механизатор; жена — врач, муж — бригадир и т.д.¹¹⁷ и реже: жена — доярка, муж — инженер; жена — полевод, муж — зоотехник и т.д. С конца 1950-х гг. социально неоднородные семьи стали обычным для деревни явлением¹¹⁸. Молодые люди, выросшие в одной деревне или по соседству и после окончания вуза или техникума вернувшиеся домой и не придававшие значения разнице и в образовании, и в культурном уровне, основываясь на детской привязанности и любви при вступлении в брак, очень часто впоследствии начинают

ощущать эту разницу и пытаются помочь своему избраннику или своей избраннице учиться дальше или делать «карьеру». Однако не всегда это находит понимание в семье, а нередко приводит к конфликтам, и оказывается, что люди с разными культурными и нравственными ориентациями не могут преодолеть такого рода разногласия, и это приводит к распаду семей. Нередко недостаток свободного времени вынуждает молодого специалиста либо ограничивать свою профессиональную деятельность (как правило, это характерно для женщин), либо отказываться от многих домашних дел (характерно для мужчин). Некоторые семьи видят выход из такой ситуации в отъезде в город, при этом инициатором выступает чаще супруг, имеющий более высокое образование. Молодые сельские семьи, особенно если женщины ориентированы на профессиональную деятельность, нуждаются в развитии службы быта на селе, в улучшении условий труда, в изыскании дополнительных резервов времени.

Юноши и девушки при вступлении в брак в основном руководствуются мотивами взаимной любви и дружбы, симпатии, общности интересов и увлечений. Социологические исследования свидетельствуют, что женщины прежде всего ценят в мужчинах (мужьях) интеллигентность, отношение к женщине как к другу, заботу о семье и детях, трудолюбие, трезвость, чувство юмора, стремление к совершенствованию и лишь затем физическую красоту. Юноши же ценят в своих невестах верность, искренность, интеллигентность, ласковость, нежность, красоту, духовное богатство, умение вести домашнее хозяйство¹¹⁹. Счастье для большинства — это хорошая семья, имеющая детей¹²⁰.

По данным опросов, большинство замужних женщин в качестве основных мотивов вступления в брак назвали «стремление к любви и взаимопониманию» (76%), «желание иметь и воспитывать детей», «стремление жить вместе» (60%), «стремление к интимности (сексуальной, эмоционально-нравственной, психологической) в нравственно-определенной форме» (36,8%)¹²¹.

Социологи фиксировали: треть сельских жителей определенно считали, что если бы пришлось начать семейную жизнь сначала, то они выбрали бы в супруги того же самого человека (опрос проводился среди людей с большим семейным стажем, имеющих детей не моложе пятнадцати лет). Почти у половины семейных пар мысль о разводе никогда не возникала, большинство считали свои супружеские отношения хорошими или очень хорошими¹²². Стабильности брака способствует «любовь к детям и обязанности по их воспитанию», а этому благоприятствует «дружеская расположенность» и «общность взглядов и интересов»¹²³, т.е. долг и ответственность перед семьей. Так по крайней мере ориентируют нас приведенные со-

**Оценка важности для женщин различных компонентов
счастливой жизни (в %)***

	Очень важно	Довольно важно	Совсем неважно	Затрудняюсь ответить
Дети	67	11	1	21
Личная свобода	21	34	17	28
Любимая работа	46	27	4	23
Устроенный быт, жилье	62	15	2	21
Семья	66	11	1	22
Любовь	58	18	3	21
Муж	57	18	4	21
Подруги	18	40	19	23
Карьера	5	19	50	26
Автомашина	6	17	51	26
Дача, садовый участок	7	27	40	26
Путешествия по стране	8	33	31	28
Зарубежные поездки	7	24	38	31
Любимое занятие	28	39	7	26
Модные вещи и красивая одежда	15	44	15	26
Влиятельные связи	7	22	37	34
Сочетание семьи и любимой работы	46	25	3	26
Сочетание семьи, работы, быта	46	23	3	28
Любимый человек	50	18	5	27
Повышение своего образования	21	37	15	27
Не работать, но иметь все необходимое	8	11	31	52
Высокая зарплата	35	36	6	23
Развлечения	7	17	32	44
Быть полезной людям	36	36	4	24
Нравиться себе и другим	35	41	8	26
Спокойная личная жизнь	41	27	7	25
Уверенность в себе	47	28	8	23
Успех у мужчин	12	28	28	32

* Опрос проведен в 1990 г. в 8 союзных республиках СССР и 16 территориях РСФСР.

Источник: Женщины и демократия: Общественное мнение женщин по актуальным социально-политическим вопросам. (Результаты социологического обследования). М., 1991. С. 85–86.

циологические материалы об обычной практике семейной жизни. Если в первые годы семейной жизни эмоциональный фон преобладает, то по прошествии времени главным компонентом «хорошо построенной семейной жизни» становится ответственность за семью, будущее и детей и внуков. Это один из сближающих факторов для создания модели удачного брачного союза.

Деревенская жизнь открыта. Замкнутое пространство села, хорошее знание друг друга, любопытство, пересуды, создававшие общественное мнение, разлетавшееся по домам, делало семейную жизнь далеко не частным делом. Как считала деревня, «любой и каждый»¹²⁴ ее житель всё и про всех знал или почти всё и почти про всех. Любое незначительное событие в деревне, не избалованной яркостью жизни, особенно во времена отсутствия телевидения и даже радио, и порой света, да еще и зимой, в полное бездорожье и относительную рабочую незанятость для многих женщин превращалось в СОБЫТИЕ общедеревенского масштаба. А чужая «личная» жизнь была сверхинтересна. И деревня с этим мирилась.

Милый — мой, а я — твоя,
Послушай, ягодка моя,
Послушай, цветик голубой,
Как люди судят нас с тобой.

Деревенские женихи и невесты всем известны с детства, их привязанности обсуждаются всем поселком:

Угороды городили,
Кольшки — на косогор,
Полюбил в своей деревне
Всем людям на разговор.

Достаточно свободные городские нравы и нормы поведения для деревни, даже современной, не всегда и не во всем приемлемы. Традиционное отношение, особенно старших поколений, к не связанным семейными обязательствами мужчинам и женщинам было более строгим, добрачные и незаконные связи осуждались. Обычно юноши и девушки вместе ходили в кино, на танцы, в клуб, небольшими компаниями бывали друг у друга¹²⁵. Деревенские девушки дорожили своей репутацией и по сложившейся традиции в дом парня, с которым дружили, даже не заходили: ведь о них на селе могла пойти «дурная слава»¹²⁶. Пожилой житель села Тепловка Новобурасского района Саратовской области В.И. Воротников придерживался твердой позиции относительно «добраго имени» деревенской невесты. Московским социологам он говорил прямо: «Это тебе, понимаешь, не городская вещь: где надо очень грамотная. А наша деревенская интеллигентность — это понятие исключительно такое: вежливость, общительность... И чтоб

все были равны, — особо подчеркивает Владимир Иванович. — Не выпуклость из себя, что есть духу, а наоборот — чтоб проще человек себя вел. А в девичьем состоянии это, знаешь, какая важная вещь! Девушка должна быть приятная, красивая, хорошая, общительная, понимаешь И целуется, все на свете! Но дальше уж — нет! Дальше — запрет. Потому что в случае чего ей ворота обмахнут...»¹²⁷.

И действительно, молва играла важную, а иногда определяющую роль в судьбе девушки, серьезно влияла на ее отношения с родителями и окружающими. В условиях замкнутого деревенского пространства опорочить невесту, порой в корыстных целях, означало в любом случае бросить тень и на ее семью, и на ее репутацию и поставить под сомнение односельчан и ближайшей округи ее доброе имя. Сельская жительница из Московской области вспоминала свою «трудную молодость» конца 1920-х гг. с болью, несмотря на прошедшие десятилетия. Она покинула родную деревню девятнадцатилетней и устроилась на работу няней в городской дом. Уже через два месяца получила гневное письмо от отца, который «отказывался от нее». «Ты мне не дочь, а я тебе не отец», — писал он ей. Основанием для столь радикального решения послужили сплетни ее двоюродной сестры, которая рассказала родственникам, что девушка сделала в городе аборт. Она немедленно возвращается в деревню, чтобы оправдаться перед семьей, но приехала глубокой ночью. «Уже спящий отец, вскочил, вытащил ее за волосы на улицу, крича: “Ты мне не дочь!” Мать и родственники (9 братьев!) старались не вмешиваться в конфликт, но разрешили все же ей ночевать в холодной комнате, откуда бдительный отец ее также выгнал. Мать причитала: “Как же ты не соблюла себя!” Никто не выслушал девушку. В отчаянии она хотела броситься под поезд. Но поскольку была верующей, решила идти в церковь, и затем, как она считает, ангел-хранитель привел ее в больницу за справкой о девственности, чтобы оправдаться перед отцом и братьями. И с этим “заключением врача” она, “дрожа от страха”, вернулась в родной дом. Отец упал перед ней на колени и со словами прощения откровенно признался, что на ее счастье она явилась домой ночью, когда ее никто не видел, будь то днем, он зарубил бы ее топором! И хотя столь драматичная история имела примирительный семейный финал, решили не искушать судьбу и этим же вечером (!) нашли жениха, которого до этого девушка никогда не видела, старше ее на семь лет, сироту, очень бедного, и “сыграли свадьбу”!»¹²⁸. И такие женские истории знали многие русские деревни; различным было разрешение конфликтов, мнимых и реальных.

Логичное завершение ухаживания для деревни — свадьба. Это событие общедеревенского масштаба. Самое распространенное мнение среди женщин: «И свадьба была, и всё. Чтоб

законно... Должно быть все путем...»¹²⁹. Свадьба готовилась всей деревней с соблюдением местных традиций и обрядов и обязательными задорными частушками:

Из колодца вода льется,
Я платочек вымою,
Выдаю подругу замуж
Самую любимую.

Как правило, готовилось приданое для невесты. Эта традиция имеет давние корни. Поскольку до петровского времени женщина не имела права наследования, то родители выделяли ей некоторую долю добровольно. Обычно это одежда, ткани, предметы быта, но некоторые женщины могли похвастаться приданым, включавшим деньги, землю, скот, мебель. Бесприданница находилась в униженном социальном положении. Советская власть изменила законодательство, но не смогла отменить традиции и привычные стереотипы поведения, особенно в деревне. Касалось это и приданого. В 1920—1930-е гг., когда уровень жизни в деревне был низким, от приданого практически отказались. И это отражалось в советской агитации за новые обычаи и комсомольско-молодежные свадьбы: подобный атрибут деревенской жизни она относила к пережиткам прошлого. Невеста приходила в дом мужа с небольшим количеством вещей, и подбор их носил «случайный» характер: «что нашлось», «что достали», в основном это были ткани и домашняя утварь. Одна из крестьянок, вышедшая замуж в голодном 1933 г., рассказывала, что ее приданое состояло из нескольких фунтов муки, что по тем временам считалось «царским подарком»¹³⁰. Деревня не придавала этому большого значения, тем более, что и другие свадебные традиции были нарушены. Но с ростом материального благосостояния колхозников стало входить в обычай приносить в дом мужа хорошие вещи. Даже вырабатывается определенный перечень вещей, и в зависимости от материального благосостояния семьи невеста покупала шкаф, швейную машинку, велосипед, обязательно — постельные принадлежности, вещи для убранства дома (занавески на окна, скатерти, полотенца, салфетки, диванные подушки и т.д.). В некоторых деревнях приданое выставляли напоказ, чтобы гости могли осмотреть и оценить хозяйственность и умение невесты и достаток ее семьи. Многие девушки, собирая для себя приданое, советовались между собой и стремились, чтобы оно ни в коем случае не было хуже, чем у подруги. Приданое шьется несколько лет, и помогает будущей невесте ее мать, вкладывая иногда последние средства, «чтобы люди не осудили»¹³¹. В измененной форме приданое существует и в современной деревне. Невеста «с пустыми руками» может быть осуждена своими соседями, и особенно матери стараются поддержать престиж семьи хорошим и дорогим приданым для дочери и достойной свадьбой.

Развод — не типичное для деревни событие. Терпеливая сельская женщина свыкается с мыслью постоянной жизни с избранником молодости, как правило, иной жизни не ищет. Да и круг знакомств в деревне ограничен. Связь с женатыми мужчинами становилась общеизвестным фактом, осуждалась и всячески пресекалась. Нередким явлением в деревне стало при официальном разводе фактическое совместное проживание бывших супругов. Как правило, причиной распада семейных отношений было злоупотребление алкоголем, а причины для воссоединения семьи каждая видела свои. О своей жизни с мужем рассказывала Г.А. Бугаева из деревни Уткино Вологодского района Вологодской области: «Лопнуло терпение, надоели все пьянки, и я поехала в Вологду и подала на развод. Судья только сказал, что женщина, прожившая 20 лет с мужем, раз решилась на это, значит, действительно уже нет сил больше терпеть». Будучи разведенными, они остались жить в одном доме, муж продолжал пить и дебоширить. Однажды женщина не выдержала и вызвала милицию, его увезли на 15 суток.

«После этого он попритих, — говорит Галина Алексеевна, — а когда Павел (сын) вернулся из армии, то он с ним по-мужски поговорил. Простила я его, но мы так и остались в разводе, хотя живем вместе»¹³².

Так называемые незарегистрированные браки в 1990-е гг. составляли в России до 7%¹³³, т.е. примерно как и в 1920-е гг., хотя в некоторых регионах, например на Севере, «фактических» браков было до 10%¹³⁴. Традиционно в деревне с более строгими взглядами на жизнь и семью их было меньше. Постепенно влияние города на сельскую молодежь, уверенность в супруге, замкнутость деревенского общества для средних поколений сказались и на деревенском укладе: стали складываться семейные отношения без регистрации брака. Большинство женщин среднего возраста, возможно, и хотели бы изменить свой статус на семейный, но молодежь относится к этим вопросам много проще, а старшее поколение, как правило, осуждает такое «сожитительство»¹³⁵. Современная деревня по числу незарегистрированных браков опередила город: в 1994 г. по данным микропереписи среди городского населения 58 браков из 1000 не были зарегистрированы юридически, в сельской местности — 88¹³⁶. Но при такой тенденции демографы не видят «пока» в фактическом браке реальной альтернативы зарегистрированному браку¹³⁷. И это при том, что число детей, родившихся у женщин, не состоящих в зарегистрированном браке, резко возросло: за 1970–1990-е гг. в три раза в городе и в 2,5 раза в деревне, достигнув к 2001 г. показателя 27,83% в городе и 30,94% в деревне¹³⁸. Каждый третий ребенок в современной России рождается в незарегистрированном браке. При этом на Севере, в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке эти показатели еще выше и могут сравниваться со странами Северной

Европы, где от 40 до 50% детей рождаются вне юридического брака¹³⁹.

Усиливающиеся тенденции несемейного характера не могли оставаться без внимания государства и правительства. Результаты микропереписи населения страны 1994 г. выявили необходимость изучения и анализа общественного мнения по отношению к браку и семье для формирования целенаправленной просемейной политики и влияния на него через средства массовой информации.

ВЦИОМ при научной и финансовой поддержке Комиссии по делам женщин, семьи и демографии при Президенте Российской Федерации провел в августе 1994 г. всероссийское исследование «Семья и изменение гендерных отношений в России и экономически развитых странах мира: сравнительный анализ». Общественное мнение целиком поддерживало семейные отношения. На ценность семьи в глазах населения указывают ответы на вопрос: «Если бы Вы давали совет юноше или девушке, какой образ жизни Вы бы посоветовали избрать?» Только 3% респондентов сочли возможным дать совет жить одному без семьи, 6% — жить с постоянным партнером, но обязательно вступать в брак, 74% респондентов *предпочитали жить в браке* и 17% затруднились дать какой-либо совет в отношении создания семьи. Установка на вступление в брак высока как у женщин (77%), так и у мужчин (69%); у женщин в возрасте до 24 лет она значительно выше, чем у молодых мужчин (соответственно 84 и 70%). Уровень образования женщин не оказывает существенного влияния на их стремление вступить в брак, у мужчин значимость брака возрастает с повышением уровня образования. Выше всего она у неквалифицированных рабочих, как женщин, так и мужчин; затем у женщин — специалистов, руководителей, квалифицированных рабочих и служащих; у мужчин последовательность такова: квалифицированные рабочие, руководители, служащие и специалисты¹⁴⁰.

Стремление официально оформить брак в российском обществе всегда было велико, причем это было связано и с более высоким государственным социальным обеспечением, и с психологическим комфортом, и самоутверждением¹⁴¹ вследствие сильного влияния общественного мнения. Сами женщины тоже считают, что статус замужней женщины выше: «Мы сами находимся в этих шорах нашего социального представления об устройстве женщины: социально успешная женщина — это женщина замужняя. Первый вопрос, который задаю тебе подружки: замужем ты или нет?»¹⁴². Эта традиционная установка начала разрушаться в конце XX века. Однако желание иметь семью и нести ответственность перед семьей не всегда совпадали ни на мировоззренческом уровне, ни на социальном, ни на домашне-бытовом.

Неравенство в семье, выражающееся в различном участии в домашнем труде, не может рассматриваться как элемент «старого менталитета крестьянина», который постепенно исчезнет. Безусловно, сельский традиционализм и консерватизм играют роль, что существенно влияло на позицию родителей, дававших советы молодым супружеским парам не участвовать в равной степени в домашних делах¹⁴³, однако государственная политика советского времени не подвергала сомнению тот факт, что дом, быт и дети — исключительно женская обязанность. Это при том, что трудовая занятость женщин достигала 90%! Проблема чрезмерной загруженности женщин домашними делами усугублялась неразвитостью сферы услуг, отсутствием автоматизации быта, постоянно меняющимся торговым дефицитом. Партийная доктрина признавала и высокую женскую трудовую активность, и заметное отставание сферы услуг и быта, и постепенно снижающийся уровень рождаемости. Все партийные и государственные форумы, касаясь женского вопроса, обязательно указывали на нерешенность социальных вопросов. Н.С. Хрущев напоминал об улучшении условий быта в колхозах и совхозах как о возможности освобождения женщин от домашнего труда¹⁴⁴. Брежневское либеральное законотворчество позволило женщинам больше находиться с малолетними детьми, увеличило пособия и таким образом успешно боролось за рождаемость параллельно с вовлечением женщин в производственную деятельность. Расширялась сеть детских дошкольных учреждений, совершенствовались условия бытового обслуживания, и именно в этом правительстве видело пути улучшения и облегчения положения женщины. Развернувшаяся горбачевская «перестройка» оценила женскую занятость как «вопрос государственного значения» и наряду с бесспорными приобретениями признала «заботы», которые «во многом мешают женщинам в полной мере использовать свои права». К ним вновь отнесли неустроенность быта, нехватку детских учреждений, недостатки в работе сферы услуг и торговли¹⁴⁵.

И политические деятели, и социологи решение проблемы видели, как правило, в расширении и улучшении бытового и коммунального обслуживания, сети детских учреждений. Несмотря на наличие полной и достоверной информации относительно мужской бездеятельности дома и понимания, что улучшение общественных услуг стоит немалых денег, которых во многих семьях не было, средства массовой информации неохотно писали в негативном плане об отношении мужчин к семейным делам, не считая это их обязанностью, а если и писали, то скорее иронично¹⁴⁶.

В популярных изданиях роль мужчины в семье, домашних делах превозносилась, опираясь на редкие интервью с женщинами-передовиками производства: «Мой муж помогает мне во всем»¹⁴⁷. Если в отношении роли мужчины в семье СМИ

сдержанны, то в создании портрета идеальной жены и матери они весьма многословны. Особой популярностью пользовались сюжеты о поддержке больших семей. Многие статьи в газетах и журналах были озаглавлены «Самое большое счастье», «Деревня Героинь» и т.д.¹⁴⁸ В них рассказывалось о матерях-героинях, которые имели 10 и больше детей. Для сельской местности это звучало призывом, примером для подражания. Но для подавляющего большинства селянок такие образы были непривлекательны, тем более, что и официальная демографическая доктрина ориентировала женщин на малую семью с 3-мя детьми¹⁴⁹. СМИ также начали перестраиваться. Изображение материнства как наивысшего призвания женщины, выражения женственности стали преподносить сельским жительницам через интервью с популярными актрисами. Например, народная артистка СССР Ада Роговцева в ответ на вопрос «Что означает для Вас быть современной?» сказала: «Быть прежде всего нормальной мамой! Быть хорошей женой, любящей дочкой, устраивать дома елку и детские праздники, ходить на родительские собрания. Наша эмансипация никогда не освобождала нас от этого великого женского долга и никогда не лишала этих столь же великих радостей. По-моему, боязнь иметь детей, небрежение семейными обязанностями — это проявление социальной лености»¹⁵⁰.

Такая позиция еще больше увеличивала требования к женщинам, ибо большинство их работало. В интервью с женщинами, которые предлагали СМИ читателям, подчеркивалось, что только достижений на работе для счастливой жизни недостаточно. Журналист, занимавшийся женской тематикой, писал: «Женщина должна оставаться женщиной, ее “большая сила”, несмотря на паритетные отношения на производстве, это “женские дела”, состоящие в сохранении “семейного очага”». Это подтверждалось и в интервью с селянками. «Счастье в доме зависит от женщины — говорит работница сельского хозяйства. Ее муж и сыновья чувствуют любовь и понимание и жены и матери. Их успехи связаны со спокойной счастливой семейной жизнью, где женщина — хранительница дома»¹⁵¹.

Такой акцент особенно явно прослеживался, когда в средствах массовой информации предлагались советы молодым супружеским парам для преодоления конфликтов и разногласий. В советское время литература на психологические, семейные темы была редкостью, особенно научно-популярного характера. Не существовало и служб или центров поддержки семьи, аналитических или кризисных центров. Каждый полагался на собственный опыт либо решал свои личные проблемы в кругу друзей или родственников. Помимо простых деревенских разговоров между собой, сельские женщины искали советы на наболевшие жизненные и семейные вопросы в полюбившихся журналах «Крестьянка», «Сельская новь», «Сельская молодежь». В рубриках, посвященных семейной жизни, журнал «Сельская

новью», к примеру, советовал «не быть ревнивыми», слишком требовательными и прежде всего «не ворчать». Автор статьи, писатель А. Маркуша, рекомендовал молодой супруге проявлять интерес к работе мужа: «Спрашивайте его о новых тракторах и о том, как прошло заседание правления колхоза. И о прочем, что связано с его жизнью вне дома». Женщине рекомендовалось следить за своей внешностью, чтобы всегда оставаться привлекательной и, как бы она ни была занята на работе и по дому, «не забывать, что мужчинам очень нравится, когда жена вкусно готовит, с удовольствием угощает, старается удивить и порадовать каким-то диковинным блюдом. Вообще, старайтесь развивать в себе женские добродетели, не стыдясь их мнимой старомодности, не объявляйте публично, что вам противно чистить картошку, неинтересно варить суп или смешно тратить время на пироги с капустой. Не надо, разумеется, возводить готовку обеда в культ, но и отрекаться от нее — противоестественно»¹⁵².

Такую точку зрения пропагандировала со страниц журнала «Крестьянка» известная по фильму «Семнадцать мгновений весны» актриса Е. Градова. В рубрике «Встречи по Вашей просьбе» на вопрос корреспондента о проведении свободного времени она отвечала так: «У меня своеобразное хобби — уборка квартиры. Страшно не люблю беспорядка в квартире. А когда чисто, то приятно и почитать. Стараюсь читать как можно больше. Еще люблю готовить»¹⁵³.

Давались советы и мужу: он должен заботиться о супруге, проявлять знаки внимания, которые могут выражаться в теплых словах, приятных подарках. Давались в прессе и конкретные советы: «Собираетесь в гости — обратите внимание на платье жены. Похвалите наряд или посоветуйте что-то изменить в нем. Не делайте так, будто вам вообще решительно все равно, во что одета супруга.

Чаше благодарите жену. И не бойтесь тут “пересолить”. Дала свежую рубашку: “Спасибо, Леночка”. Обратила внимание на статью в журнале, связанную с вашей работой: “Умница, Тамара, спасибо”»¹⁵⁴.

Относительно заботы по ведению домашнего хозяйства преобладали такого рода наставления мужчинам: «Женщины считают, что мужа обязаны помогать им в домашних заботах. Ни при каких обстоятельствах не позволяйте себе мелочно считаться, выяснять, чей вклад в домашнюю копилку больше, кто — лидер, а кто — замыкающий. И возьмите за правило не разделять домашние обязанности на отдельно мужские и женские»¹⁵⁵.

Мягкое указание на участие мужчин в домашних делах для большинства читателей оставалось незамеченным. Традиционно считалось, что муж — главный кормилец семьи. Жена независимо от того, работает она или нет, за некоторым исключением, материально вносит в семью меньший доход. Она же

отвечает за дом, воспитание детей, хозяйство — в свободное от работы на производстве время. В свободное для мужа время — от всего вышеперечисленного. Такая ситуация складывалась в большинстве семей.

Анализ сельских семейных отношений, особенно в молодых семьях, где женщины имели хорошее образование, приводит к выводу, что они не хотели мириться с безразличием отцов к детям, грубостью и пьянством. Женщины в деревне полагали, что только дом и дети — их главная жизненная потребность и обязанность. Но не единственная. Тем не менее и они отмечали, что подавляющее большинство мужчин помогали женам нерегулярно и не во всем¹⁵⁶. Полные негодования письма публиковала пресса о безответственности некоторых мужчин: «Где же мужское достоинство? Мужчины изживают себя. Сначала идет все хорошо, но увы! Они быстро устают от семейной жизни — дети начинают раздражать, постоянно во всем виновата жена, а по дому редкий муж помогает. А водка много губит в людях» (Ольга К., Иркутская область)¹⁵⁷. Руководствуясь установками на «охранительную» политику в семье, где женщина как источник гармонии не должна провоцировать конфликты особой требовательностью, строгостью и даже частью вины за семейные неурядицы обязана брать на себя, известная социолог М.Г. Панкратова рекомендовала со страниц популярной «Крестьянки» шадить самолюбие мужа: «Не быть слишком категоричной, не выражать свои требования в резкой форме, ибо у супруга может развиться комплекс неполноценности, вины перед семьей, а выливается это все порой в пьянство и скандалы»¹⁵⁸. Журналы получали тысячи писем о личной и семейной жизни, полные отчаяния и просьб помощи. Редакции создавали специальные рубрики, предпринимались и командировки к наиболее отчаявшимся женщинам, но большинству приходилось довольствоваться ответом из отдела писем или открытой публикацией письма с комментарием.

Надя Н. из Владимирской области поделилась своим несчастьем с «Крестьянкой»: «Пожились мы по любви шесть лет назад, а спустя два года у нас родилась дочь. Но мужу быстро надоели пеленки, кашки, бутылочки и то, что я постоянно занята и измотана. В доме ему стало неуютно, и он начал все чаще уходить к приятелям. А потом устроился на новую работу — шофером. Расширился круг знакомых — кино, концерты, спортивные соревнования, — дома совсем бывать перестал. А месяц назад пришел и объявил, что меня не любит и уходит к другой женщине. У его новой “любви” есть ребенок и мой муж собирается его усыновить». Оскорбленная неверностью мужа, Надежда Н. получила разъяснение редакции, из которого следовало, что любовь к другой женщине, «пробудившая» отцовские чувства к чужому ребенку, является следствием ее собственной «вины», поскольку «Надя не сумела воспи-

тать из мужа отца...»¹⁵⁹. Судя по ситуации, женщина не сумела «воспитать» ни мужа для себя, ни отца своему ребенку, и вряд ли она ожидала получить такой ответ, в котором усматривается вообще мало логики. Ответственность мужчины перед семьей, женой, дочерью как-то вообще отошли на задний план. Но Надежду Н. поддержала другая корреспондентка «Крестьянки»: «Сейчас все дела, все заботы о семье ложатся в основном на женщину. У мужчин никакой ответственности ни за семью, ни за детей, ни за работу. Вот они и начинают “играть в любовь”: то одна понравится, то другая»¹⁶⁰. Резко, но во многом справедливо. Кроме того, понятно и утешительно.

Складывается ситуация, когда женщина оказывалась не права, будучи либо ненастойчивой, либо слишком настойчивой. Ее же винули, если она не могла в семейной жизни умело балансировать между сохранением чувств собственного достоинства и эгоизмом мужа. Мужчина же в семье в основном становился объектом женского внимания, заботы и участия¹⁶¹. Характерно, что матери, давая советы дочерям и невесткам, как сохранить семью, обрести в ней взаимопонимание, внутренний покой и благополучие, опять-таки главным считали женское терпение, умение промолчать, смягчить конфликт и только, может быть позже, пробовать постепенно подводить супруга к участию в семейных делах. Такого рода советы публиковались в женских журналах. Особенно популярны были публикации умудренных жизнью сельских женщин. Одна из подобных публикаций была в журнале «Крестьянка» под названием «Серебряная свадьба». В ней рассказывалось о счастливой семейной жизни, которая строилась благодаря терпению, мудрости, тактичности и «педагогическому мастерству» простой сельской женщины. Своей дочери на вопрос: «Что же я мужа воспитывать должна? Он же старше меня и учился больше...» — мать отвечала: «Мало вы еще вместе прожили. Тут женская мудрость и женское терпение нужны. Где простить, где не заметить, а где и требовательность проявить: это, мол, делать всегда вместе, а это — твоя обязанность. Ты не сделаешь — всем будет плохо. ...В семейных делах, по-моему, женское начало должно быть сильнее»¹⁶².

Женщина как «хранитель домашнего очага» отвечала и за характер мужа, за его становление хорошим отцом и даже за его карьеру. Она должна проявлять черты дипломата для предотвращения конфликтов, проявлять понимание, иметь снисходительность к разного рода неудачам мужа. Короче говоря, она должна стать мужу матерью, как и своим детям¹⁶³.

Вопрос о власти в семье с точки зрения гендерных отношений является одним из самых спорных. Власть в мусульманской семье принадлежит мужчине¹⁶⁴. Мужское главенство преобладает и в русских семьях¹⁶⁵. Большинство супругов молодого и среднего возраста настроены на равные права в решении се-

мейных и всех других вопросов совместной жизни. Интересно, что доля мужчин, имеющих установку на партнерство, во всех возрастных группах выше, чем соответствующая группа среди женщин, за исключением самых молодых в возрасте до 24 лет. Однако опыт брака быстро «съедает» мужские предрассудки: толерантность мужчин в возрасте 25–39 лет повышается в четыре раза по сравнению с юношами и молодыми мужчинами.

Что власть в семье принадлежит женщине, полагают 25% женщин, и с ними согласны 13% мужчин. Напротив, власть мужчин признали 12% женщин и 21% мужчин. Иначе говоря, как мужчины, так и женщины в два раза чаще считали именно себя главой семьи¹⁶⁶.

Сельские жители более высокого мнения о своих семейных отношениях, чем горожане. Здесь сказываются и изменение взглядов на семью, и возрастающая роль эмоциональной стороны семейной жизни, особенно сильно проявляющейся у людей с высоким уровнем образования и в урбанизированных регионах.

На оценку отношений в семье значительное влияние оказывает возраст: в молодых семьях отношения оцениваются выше, чем в семьях, где супруги среднего и пожилого возраста.

Сравнение мнений представителей различных социально-профессиональных групп при проведении социологического исследования в 1986–1987 гг. показало, что больше всего высоких оценок своим семейным отношениям дали специалисты и руководители с высшим образованием как в городе, так и на селе. Полярной оказалась группа работников неквалифицированного физического труда. Видимо, более высокий культурный уровень способствует установлению дружеских, равноправных отношений между супругами. Кроме того, специалисты высшей квалификации и руководящие работники несколько позже создают семью. С возрастом, как правило, повышается требовательность к будущему спутнику жизни, поэтому браки заключают, основательно подумав.

Такого же типа различия в оценке семейных отношений заметны у опрошенных в зависимости от величины поселения. В столицах республик оценки несколько ниже, чем в средних городах. В селах оценки семейных отношений часто выше, чем в городах.

В сельской местности также имеются различия в том, как оценивают свою семейную жизнь жители разных поселений. В селах с возрастающим, стабильным или убывающим населением живут люди, разные по возрасту, по уровню образования, занятиям. Наиболее квалифицированная часть сельских жителей сосредоточивается в поселках с возрастающей численностью населения. Соответственно там наблюдается наибольшая доля респондентов, оценивающих свои семейные отношения как «очень хорошие».

В то же время, чем крупнее поселение, тем сложнее и многообразнее жизнь в нем, пестрее население, сильнее чувствуются

социально-психологические сдвиги, вызываемые интенсивной миграцией, и больше бытовых трудностей, связанных с тем, что жилищное строительство и благоустройство отстают от роста населения и его потребностей. Поэтому наряду с большой долей высоко оценивающих свою семейную жизнь респондентов мы встречаем много семейных конфликтов в более крупных поселениях по сравнению с мелкими¹⁶⁷. Однако большинство конфликтных семей сохраняют свою целостность. Традиционная крестьянская семья и традиционный сельский образ жизни в небольших и отдаленных деревнях сохранились в большей степени, особенно среди старшего и среднего поколений селян.

«СОВЕТСКАЯ ЖЕНЩИНА ИМЕЕТ ОДИНАКОВЫЕ ПРАВА С МУЖЧИНОЙ, НО ЭТО НЕ ОСВОБОЖДАЕТ ЕЕ ОТ ВЕЛИКОГО И ПОЧЕТНОГО ДОЛГА, КОТОРЫЙ ВОЗЛОЖИЛА НА НЕЕ ПРИРОДА: ОНА МАТЬ, ОНА ДАЕТ ЖИЗНЬ. И ЭТО ОПРЕДЕЛЕННО НЕ ЛИЧНОЕ ДЕЛО, НО ДЕЛО БОЛЬШОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ВАЖНОСТИ.»¹⁶⁸

Для большинства родителей главным смыслом жизни становились дети. Государство в разное время и различными способами боролось за увеличение рождаемости. Главная ставка в этой политике была сделана на оплачиваемые отпуска для женщин по уходу за ребенком и пособия на детей.

В СССР в 1970-е гг. работающие женщины имели право на частично оплачиваемый (112 дней) отпуск до достижения ребенком возраста 1 года.

В официальных речах подчеркивалось, что подобные меры имели неопределимое значение для женщины-матери и для ребенка, поскольку они якобы свидетельствовали об общественном признании материнского труда. На самом деле речь шла о другом: частичная компенсация семье материальных издержек по воспитанию детей и предоставление работающей женщине возможности прерывать профессиональную деятельность на время ухода за ребенком способствовали, с одной стороны, стимулированию рождаемости, т.е. улучшению демографической ситуации, а с другой — укреплению семьи.

И то и другое, разумеется, очень важно и для общества, и для государства. Отчасти эти меры решали и проблему совмещения профессиональной активности женщины с ее семейными и материнскими обязанностями. Но только отчасти, и только тогда, когда эти пособия были ощутимыми, сравнимыми хотя бы с размерами минимальной заработной платы. В других случаях женщины были вынуждены прерывать свой отпуск и выходить на работу¹⁶⁹. В середине 1970-х гг., по данным соци-

ологических обследований, проводившихся на предприятиях Москвы и ряда городов Дальнего Востока, далеко не все матери малолетних детей использовали полностью отпуск без сохранения заработка, который позволял им не работать до достижения ребенком 1 года. Из общего числа обследованных 17% женщин использовали от 4 до 6 месяцев этого отпуска, 14% — от 7 до 9, 63% — от 9 до 12 месяцев и 6% оставались с ребенком до полутора лет. Отвечая на вопрос о том, почему они не использовали отпуск полностью, большинство из них ссылались на материальные трудности в семье и невозможность прожить на заработную плату мужа¹⁷⁰.

С 1981 г. женщине предоставляется частично оплачиваемый дополнительный отпуск по уходу за ребенком до достижения им возраста одного года. Вводятся государственные единовременные пособия по случаю рождения ребенка. Повышаются размеры ежемесячных пособий на ребенка для одиноких матерей. Выдаются ежемесячные пособия на детей в семьях с невысоким доходом.

В 1985 г. все расходы на пособия по беременности и родам, многодетным и одиноким матерям, детям из малообеспеченных семей, а также в связи с рождением ребенка и по уходу за ребенком до одного года составили 5,4 млрд руб., а на содержание детей в детских домах, яслях, садах, пионерских лагерях и других детских учреждениях — 8,9 млрд руб., в 1988 г. — соответственно: 5,3 млрд руб. и 7,9 млрд руб.¹⁷¹

Большинство детей рождаются желанными. Молодые пары мечтают о рождении мальчика, по крайней мере первенца. Хотя в современной жизни это не связано с передачей материальных или фамильных ценностей именно по отцовской линии, традиционно иметь сына кажется многим предпочтительнее: три четверти опрошенных хотели бы иметь мальчиков и только пятая часть — девочек¹⁷². Родители заранее планируют их появление, ждут его, готовятся. Вместе с ними их ждут и будущие дедушки, бабушки. По данным опроса, проведенного в 1986 г. в г. Орле и Орловской области, такими желанными были дети у 95% женщин и почти у всех мужчин. Только 1% женщин отметили, что ребенок у них родился незапланированным. Рождение ребенка в большинстве семей — событие радостное и счастливое. «Мы стали ближе друг другу», — заявили около половины орловских мужчин и женщин. «Наши отношения не изменились», — ответили 40% опрошенных. Но 4% супругов отдалились друг от друга после рождения ребенка, и 1% женщин с самого начала не жили вместе с отцом ребенка. Почти в 4% семей отношения с рождением ребенка ухудшились¹⁷³.

В сельской местности России рождаемость традиционно была выше, чем в городе. Заинтересованность в большом числе работников в деревне диктовалась наличием собственного хозяйства как единственного источника существования. 1917 год

принес кардинальные экономические и социальные перемены. Единоличное хозяйство после недлительного развития было «преобразовано» в коллективное колхозное и совхозное с незаинтересованными в его развитии членами сельскохозяйственных артелей и государственных структур. Не нужна была больше многодетная семья для поддержания своего материального благополучия. Крестьянская семья часть продукции получала от коллективного труда в общественном хозяйстве. Это по времени совпало с вовлечением крестьянок в непривычные для них ранее сферы сельского производства: они становились трактористками, агрономами, зоотехниками, участвовали в работе сельсоветов... Занятость и падение интереса к рождаемости уже в конце 1930-х гг. привели к заметному снижению рождаемости, что «обусловило постепенный переход к малодетной семье». И хотя, как свидетельствуют специальные исследования, этот переход в России занял несколько десятилетий, начало ему было положено семейными переделами, сопровождавшими аграрные реформы XX в.¹⁷⁴ В послевоенной деревне в крестьянских семьях, как правило, было двое, а иногда и более детей, что обеспечивало не только простое, но и в некоторых регионах — «устойчивое воспроизводство населения»¹⁷⁵. При этом максимальный уровень рождаемости и многодетные семьи сохранялись в мусульманских регионах, самые малодетные семьи оставались у русских, где обычно был один-двое детей. В 1956 г. таких семей насчитывалось около 60%, а в 1960 г. — уже 2/3. Многодетных семей с пятью детьми в российских деревнях в середине 1950-х гг. было 6%, с шестью — менее 4%, и в основном это были семьи колхозников, притом с низким материальным достатком¹⁷⁶.

Основу послевоенной деревни составляла многочисленность 20–30-летних женщин, рожденных в середине 1920-х гг., а позже — многочисленная молодежь, родившаяся в годы преодоления демографического кризиса, связанного с голодом середины 1930-х гг. Примерно 20 лет спустя также многочисленную потомство, рожденное ими, поддерживало высокую рождаемость на протяжении послевоенного десятилетия. С середины и до конца 1950-х гг. в деревне проживало около 3 млн молодых женщин в возрасте от 18 до 24 лет, в то время как в 1948 — начале 1950-х гг. (время спада рождаемости) почти вдвое меньше. Эта разница объясняется последствиями «социальных катаклизмов рубежа 1920–1930 гг.», повлекшими за собой снижение рождаемости и рост детской смертности. «Демографическое эхо» предыдущих лет, спокойных или бурных в политическом и экономическом отношении, оказывало определяющее влияние на характер воспроизводства населения в последующий период. Потенциал сельской семьи вплоть до конца 1950-х гг. был достаточен для поддержания стабильной численности сельского населения России. «Запаса прочности» деревне на протя-

жении послевоенного периода хватило не только для поддержания простого воспроизводства населения, но в ряде регионов России (Татария, Башкирия, Восточная Сибирь) и для его расширения, что покрывало даже миграционный отлив¹⁷⁷. Деревня продолжала пополнять города и стройки народного хозяйства страны, лишаясь молодых жителей, а вместе с ними уходили нереализованные семейные крестьянские ценности...

Снижение рождаемости, зафиксированное в 1960-е гг. в городах, коснулось и деревни. Исключая мусульманские республики Средней Азии и Кавказ, маленькая семья стала характерна для города и страны в целом: более 3/4 сельских семей РСФСР имели не больше двух детей. Однако рождаемость на селе (во всех возрастных группах) была выше, чем в городе, особенно это отмечено в старших возрастах: среди женщин старше 30 лет, проживавших в сельской местности, рождаемость зафиксирована вдвое выше, чем у горожанок¹⁷⁸.

Молодая семья вскоре после брака обзаводится первенцем. Чаще всего это происходит, когда матери 21–22 года, а отцу 23–24. Указанный возраст в современном обществе считается наилучшим и с точки зрения здоровья родителей и детей, и с точки зрения подготовленности к браку. Молодые родители, как правило, уже получили образование и квалификацию. Старшее поколение еще довольно молодо и трудоспособно: бабушкам, как правило, 54–55 лет, а нередко нет и 50 лет. Большинство молодоженов имели в живых как отца, так и мать. По данным А.И. Кузьмина, у 69% опрошенных в Мордовии оба родителя были живы, 21% имели только мать, 5% — только отца, 3% потеряли обоих родителей. По данным обследования в Орловской области, Краснодарском крае, Удмуртии, не было в живых обоих родителей у 1–5% опрошенных молодых женщин. Заметно меньшее количество семей, имеющих отца-деда, объясняется не столько большей смертностью мужчин, сколько довольно значительным распадом семей на протяжении детских и юношеских лет молодого поколения, в результате чего дети чаще всего остаются с матерью и воспитываются ею.

Каковы перспективы молодой семьи, если рассматривать их с точки зрения взглядов, ценностных ориентаций? По данным А.И. Кузьмина, на первом месте в молодых сельских семьях стоит взаимная любовь (78,6% опрошенных). Второе место имеет сходное утверждение, которое, однако, несколько ближе к традиционному идеалу («согласие и лад в семье, уважение друг к другу») — 77,8%. Только на третье место опрошенные поставили ценность детей для счастливого и прочного брака — 37%¹⁷⁹. Однако неизвестно, сколько же детей, по их мнению, необходимо иметь для счастливого и успешного брака.

Опросы в нескольких различных регионах, как и многочисленные данные других исследователей, показали, что в

европейской части СССР преобладал идеал двухдетной семьи. Идеал многодетной семьи в европейской деревне явно утерян¹⁸⁰.

Численность детей в молодых семьях, естественно, сильно различалась по отдельным союзным республикам. В связи с несколько поздним вступлением в брак доля семей, еще не обзаведшихся детьми, была больше в среднеазиатских республиках и в Азербайджане.

Сравнение данных о среднем числе детей, приходящихся на одну молодую семью (где оба супруга состоят в первом браке и возраст каждого из них не превышает 30 лет), показывает, что темп деторождения не соответствует показателям детности в данной республике. Так, например, в Армении среднее число детей на одну молодую семью составляло 1,4, в Грузии — 1,3 ребенка. Почти столько же в Латвии — 1,25, несколько меньше в многолетнем Азербайджане — 1,22, еще меньше в Узбекистане — 1,06. Примерно аналогичная картина наблюдалась в РСФСР и на Украине (1,1)¹⁸¹. Таким образом, многодетность возникала за счет продолжительности детородного периода у женщин более старшего возраста.

Количество детей в семье определяет возраст супругов и прочность семейных отношений.

По Союзу в целом у матерей, не достигших 20 лет, рождалось сравнительно немного детей (41,2 ребенка на 1000 городских женщин моложе 20 лет и 50,3 ребенка на 1000 сельских). Значительное пополнение население нашей страны получало от возрастной группы женщин 20–24 лет — 163% в городском населении и 267,9% в сельском. Такой темп до некоторой степени сохранялся и у женщин 25–29 лет. У них рождалось 116,6 ребенка на 1000 в городе и 231,1 в деревне. После 30 лет рождение детей становилось все более редким, особенно в городах, но также и в сельской местности центральных районов. В 30–39 лет решались родить только 91 женщина из 1000 горожанок и 176,2 из 1000 сельчанок¹⁸². (Отметим, что в 1956 г. женщина рожала последнего ребенка в городе в 36,5 лет, на селе в 39,9 лет, в середине 1970-х гг. соответственно: в 32,7 и 34,6¹⁸³.)

Большинство семей состояло из родителей и детей, т.е. включало два поколения. В 1939 г. средняя численность семьи в СССР была 4,1 человека, в 1959 г. — 3,7, в 1979 г. — 3,5 человека (в городах соответственно — 3,6; 3,5 и 3,3 человека, в сельской местности — 4,3; 3,9 и 3,8 человека). В начале 1980-х гг. 29,7% всех семей состояло из двух человек, 28,9% — из трех, 23% — из четырех и 18,4% — из пяти и более человек¹⁸⁴.

В сельской местности России в конце 1950-х гг. преобладали малые семьи, состоящие из 2–4 человек. И если до Великой Отечественной войны практически повсеместно в российских русских деревнях семьи насчитывали 4 и более че-

ловек, то к концу 1950-х гг. их практически не осталось. Крупные семьи сохранялись лишь в национальных автономиях РСФСР. В большей степени сокращение размеров семьи коснулось центральных урбанизированных регионов: в Московской области доля семей, состоящих из 2–4 человек составила 77%, в Калининской — свыше 80% Больших семей, имевших в составе пять и более человек, оставалась лишь треть (1950 г. — 42%). Постоянно понижалась доля семей, включавших кроме супружеской пары еще и семьи женатых детей или других родственников. К концу 1950-х гг. большая неразделенная семья практически себя изжила. По-прежнему наиболее многочисленными были колхозные семьи: в среднем 3,9 человека, в то время как у рабочих и служащих — 3,7. Тем не менее это было больше, чем размер городской семьи: 3,6 человека у рабочих и 3,4 человека у служащих. Колхозные семьи часто возглавляли женщины, что объясняется последствиями миграции мужчин, а также высокой степенью вдов в послевоенной деревне. Для деревни конца 1950-х гг. характерной была малая семья, состоявшая из двух поколений, хотя трехпоколенные семьи составляли от четверти до пятой части их числа¹⁸⁵.

За 1970–1985 гг. происходило уменьшение членов семьи — процесс этот характерен для всех стран: в развитых — с 3,36 до 2,9 человека, в развивающихся — с 5,07 до 4,76, в СССР — с 3,5 до 2,98 человека¹⁸⁶. Помимо уменьшения семьи происходила трансформация ее функций, что приводило к изменениям в условиях и стиле жизни, во взаимоотношениях членов семьи, их правах и обязанностях.

Таблица № 6

Изменения в размерах домохозяйств в отдельных странах

Страна	Одиночки			Супружеская пара с детьми			Один родитель с детьми		
	1960	1970	1980	1960	1970	1980	1960	1970	1980
Великобритания	12	18	22	49	44	39	7	7	8
Франция	20	22	24	45	41	39	4	5	5
Швеция	20	25	33	37	30	25	3	3	4
США	13	17	23	44	40	29	4	5	8

Источник: Человек и труд. 1992. № 3. С. 8.

Активная миграция, особенно передвижение населения из села в город и из меньшего города в больший, создает для процесса разукрупнения семьи дополнительный стимул.

В создавшихся условиях, казалось бы, с полным правом можно предположить распадение родственных связей, составляю-

щих основу института семьи. Однако конкретные этнографические материалы 1980-х гг. свидетельствуют о том, что традиционное семейно-родственное единение в областях материальной, культурной и морально-этической продолжало сохранять в быту городской семьи первостепенное значение. Крепость связей зависит в основном от родственной близости, а также от возраста людей, от того, на какой стадии развития находится семья, от территориальной близости, а отчасти и от социального положения родственных семей и т.п. Сила связей, или теснота их, выражается в выполнении ими функций различной жизненной значимости, а также в частоте и форме общения. Не составляют исключения при этом и сельско-городские семейно-родственные связи, поскольку распространенность их в значительной степени обусловлена самим составом современного городского населения¹⁸⁷. Известно, что характерный для послевоенного времени бурный рост городов, приведший к увеличению их населения в стране почти вдвое (с 33% всего населения в 1940 г. до 62% в 1979 г.), происходил в основном за счет сельского населения, переехавшего в город¹⁸⁸. Не были исключением из этого процесса и города Центральной России. Недавние выходцы из села к концу 1970-х гг. составляли более половины их жителей¹⁸⁹.

Из всех родственных связей наиболее интенсивно подерживаются связи между родителями и отделившимися детьми, тем более, что это отделение в большинстве случаев происходит с обоюдного согласия. Так, сельские молодые люди на первом этапе своего обособления и устройства в городе (особенно до брака), живя в общежитии или даже обзаведясь квартирой, продолжают довольно долго пользоваться правами и выполнять отдельные обязанности членов родительской семьи. Оставляя у себя зарплату, регулярно посещая деревню, они привозят с собой из родительского дома сельскохозяйственные продукты (обычно молоко, сало, картофель) для своего питания на одну-две недели. В то же время молодые люди в городе выполняют заказы родителей и других членов сельской семьи на приобретение промышленных товаров, недостающих в деревне, и участвуют в хозяйственных работах, таких, как посадка и уборка картофеля, покос. Праздники недавние горожане стараются провести в родительской семье и в обществе своих сельских друзей. Всевозможной помощью родительской семьи пользуются молодые, начинающие жить самостоятельно. Это характерно для горожан, связи которых не осложняются дальними расстояниями. Здесь и денежная помощь («к празднику», «до полочки», «на обновку»), и заботы по хозяйству, и обеды в домах родителей, и «гостинцы» в виде съестных припасов и готовых блюд. С появлением ребенка в молодой семье старшее поколение заботится о нем.

У молодого инженера одного из заводов в Костроме К., имеющего жену и сына пяти лет, родители живут в деревне. Семья постоянно помогают друг другу. К., как и его брат, также живущий в Костроме, всегда участвует в обработке огорода, в выращивании и уборке овощей. Ездят в деревню часто, хотя любят выезжать и по туристическим путевкам в другие районы страны и за ее пределы. Из деревни привозят сельскохозяйственные продукты. Иногда заготовки впрок делают совместно, а затем привозят в город. В городе заготовленное на зиму хранят у бабушки жены К. в погребе. Ребенок К. летом обычно «гостит» в деревне у его родителей¹⁹⁰.

Для нашей страны характерен нерационально высокий уровень занятости женщин: свыше 90% женщин трудоспособного возраста работали или учились, на их долю приходилось около половины используемой в народном хозяйстве рабочей силы — это один из самых высоких показателей в мире. Участие большинства женщин в общественном производстве в условиях исторически сложившегося закрепления за ними основных функций по ведению домашнего хозяйства, уходу за детьми и их воспитанию при недостаточном развитии сферы услуг привело к тому, что работающие женщины имели устойчивую чрезмерную трудовую нагрузку, которая негативно сказывалась на всех сферах их жизнедеятельности¹⁹¹.

Большинство участников опроса ВЦИОМ 1994 г. считает, что положение женщин в семье более ущемленное по сравнению с мужчинами. Поэтому так велика доля полагающих, что мужчины удовлетворены своим положением в семье, — 50%. Удовлетворенность женщин своим положением отмечается респондентами значительно реже — 36%.

Вероятно, это, наряду с другими обстоятельствами, ведет к постепенному снижению числа браков, увеличению доли разводов, неполных семей (семей с одним родителем)¹⁹².

Конфликт между социальными ролями женщины являлся одним из факторов неблагоприятной демографической ситуации в стране: с середины 1980-х гг. произошло снижение общего коэффициента рождаемости (с 20% в 1986 г. до 16,8% в 1990 г.) и вместе с этим повысился коэффициент смертности (с 9,8% в 1986 г. до 10,3% в 1990 г.)¹⁹³.

Девушки, окончивая среднюю или высшую школу и получая профессиональную подготовку, вместе с ней усваивали и принцип равенства мужчин и женщин, который был заложен в основу социалистической системы образования. Как правило, вслед за этим, а зачастую и в момент учебы, они выходили замуж и рожали детей. В СССР, по данным статистики, на долю молодых матерей (до 30 лет) приходилось к началу 1980-х гг. 3/4 всех рождений¹⁹⁴. Создание семьи, рождение детей вносили глубокие изменения в их жизнь. Гораздо более глубокие, чем в жизнь их партнера по браку. В этот момент они, как правило,

впервые обращали внимание на неравное положение полов, на дискриминацию женщин, с которой они не сталкивались прежде, дискриминацию, вызванную, по всеобщему мнению, естественной спецификой их пола.

Профессиональная карьера женщины вынужденно прерывается. На время. И в это время она берет на себя, помимо хлопот о ребенке, еще и всю нагрузку по дому. Муж, со своей стороны, чтобы компенсировать ее домашнюю загруженность, а также недостаток ее заработной платы, чтобы поддержать семью материально, интенсивно работает.

Когда ребенок подрастает и женщина выходит на работу, груз домашних обязанностей сохраняется за ней.

Сохранившиеся в обществе патриархальные традиции и воззрения, которых она не замечала, пока училась, теперь давят на нее. Протест, сопротивление женщин проявляется прежде всего в сокращении рождаемости. И никакие пособия по материнству, никакие охранные льготы этого противоречия снять не могут. Более того, они его усугубляют, если законодательство распространяет пособия, связанные с рождением детей, не на семью, а на одну только мать. Размеры этой категории женщин, которые на время прерывали свою трудовую деятельность после рождения ребенка, были, судя по статистике, незначительны в Советском Союзе в отличие от других стран.

Рост рождаемости в начале 1980-х гг. в основном был связан с введением частично оплачиваемого отпуска матерям по уходу за ребенком и в значительной мере носил компенсационный характер, т.е. были реализованы отложенные рождения. После пика рождаемости в 1986 г. стала преобладать тенденция ее снижения. За четыре года общий коэффициент рождаемости снизился на 16%, причем более быстрыми темпами его уменьшение происходило среди городского населения. Больше, чем в среднем по стране, уменьшились общие показатели рождаемости в РСФСР — на 21,5% (в Молдове — на 21,1, Белоруссии — на 18,7 и на Украине — на 18,1%)¹⁹⁵.

Снижение рождаемости было вызвано комплексом взаимосвязанных факторов, влияние которых носило сложный, опосредованный характер. Одним из них являлась трудность в сочетании производственных и материнских обязанностей, что явилось основой наличия обратной зависимости между занятостью женщин и рождаемостью по союзным республикам. (См. таблицу № 7; республики распределены по уровню рождаемости.)

Известно, что за 1960—1980 гг. продолжалось снижение рождаемости в ряде регионов страны, в том числе и в Горьковской области. Главные факторы, обусловившие данный процесс, известны. Это прежде всего рост занятости женщин в общественном производстве, повышение их общеобразовательного и культурного уровня, рост уровня материальных и духовных потребностей, увеличение сохранности человеческой жизни в

Таблица № 7

	Общий коэффициент рождаемости (на 1000 человек населения)	Доля занятых женщин в возрасте 15–49 лет в общей численности женщин в этом возрасте
<i>Республики с низким уровнем рождаемости:</i>		
Украинская ССР	12,7	81,2
РСФСР	13,5	82,1
Белорусская ССР	13,9	83,0
Латвийская Республика	14,0	82,9
Эстонская Республика	14,2	82,1
Литовская Республика	15,1	78,3
<i>Республики со средним уровнем рождаемости:</i>		
Республика Грузия	17,3	67,0
Республика Молдова	17,6	81,5
Казахская ССР	21,7	75,4
Республика Армения	24,1	57,2
<i>Республики с высоким уровнем рождаемости:</i>		
Азербайджанская Республика	25,5	60,7
Республика Кыргызстан	29,3	72,6
Узбекская ССР	33,4	70,6
Туркменская ССР	34,1	69,4
Таджикская ССР	38,4	60,9

Источник: Вестник статистики. 1991. № 8. С. 56.

результате снижения детской смертности и др. Однако кроме общих факторов имеется ряд конкретных причин, сдерживающих рост рождаемости. Социологические исследования 1986–1987 гг. позволили определить соотношение между идеальным и фактическим числом детей в обследованных семьях в условиях стабильной жизни советского общества пусть и при невысоких жизненных стандартах, но высоких социальных гарантиях: бесплатная медицина и образование, льготы для малообеспеченных семей и гарантированная работа.

Свыше 60% женщин считали идеальным иметь троих детей в семье. Когда же речь заходила об ожидаемом числе детей, то картина заметно менялась. Число женщин, намеревавшихся иметь троих детей, сокращалось до 53,2%, зато увеличивалось число желающих иметь одного или двоих детей. И совсем разительная картина наблюдается при анализе фактического числа детей в

семьях. Трех детей, по данным обследования, имели лишь 5,4% семей, основная масса опрошенных ограничилась одним или двумя детьми. Расхождение между стремлением и реальностью было очевидным. Вместе с тем, как считали социологи, экономисты и демографы, при увеличении жилищного строительства, обеспеченности детскими учреждениями, расширении льгот для женщин, имеющих детей, дополнительных мерах помощи не только многодетным, но и среднететным семьям желаемое количество детей, во всяком случае для многих, могло бы быть реализовано¹⁹⁶. Бытовало уверенное мнение, что любой женщине присуще естественное желание иметь много детей и лишь отсутствие нормальных жизненных условий мешает ей реализовать мечту материнства. И в общем-то, в условиях советской жизни и сохранявшегося крестьянского менталитета в СССР на то были вполне реальные основания. Но радикальная перестройка 1990-х гг. всей жизни общества в стране, появление новых тенденций и их ускорение в сознании молодежи при отсутствии условий для большинства воспитать в хороших условиях даже одного ребенка, имея перед собой западные образцы и стандарты жизни, привели к резкому снижению желания иметь в семье нескольких детей. Микрореперись 1994 г. зафиксировала, что при идеальных условиях на одну женщину приходилось только 1,9 желаемых детей, что недостаточно даже для простого воспроизводства. И это не удивительно, поскольку изменились и представления об идеальных условиях, и сами российские условия жизни. Абсолютно неубедительно выглядят объяснения этого феномена «катастрофического и продолжающегося падения рождаемости» или снижения интереса к семье и детям, столь не свойственных России, только «в культуре и общественном сознании» или «долговременными культурными факторами», а не низким уровнем благосостояния и неуверенностью в завтрашнем дне, что логично, оправданно и подтверждается самой современной жизнью¹⁹⁷. Хотя нельзя не признать, что именно в бедных семьях рождаемость всегда, и планируемая и фактическая, была выше, как показывают исследования, и зависимость между рождаемостью и уровнем благосостояния имеет обратную связь. Приняв это за аксиому, следовало бы ожидать огромного всплеска рождаемости именно в современной России, где, по разным оценкам, бедных не менее половины населения¹⁹⁸, а за чертой бедности в 2003 г. оказалась фактически каждая пятая семья; при этом среди крестьян, где традиционно рождаемость выше, бедных в три раза больше, чем среди горожан¹⁹⁹, но, выражаясь их словами, «они не хотели плодить нищету, чтобы в будущем мучались, голодали»²⁰⁰. Традиционно низкие доходы во всем мире связаны с низким социальным статусом и низким уровнем образования, что ведет к бесконтрольной и безответственной рождаемости. В современной России уровень жизни не связан напрямую с образованием и уровнем культуры,

а при наличии такой связи скорее оказывается, что люди с высшим педагогическим или медицинским образованием имеют невысокую зарплату и не стремятся к многодетной семье, ограничивая себя одним ребенком, прежде всего из-за отсутствия материальных возможностей.

Таблица № 8

**Рождаемость в Российской Федерации
(суммарный коэффициент рождаемости)**

Годы	Городское население	Сельское население
1958–1959	2,07	3,38
1969–1970	1,73	2,54
1979–1980	1,70	2,50
1990	1,70	2,53
1995	1,21	1,79
2000	1,13	1,49
2001	1,17	1,48

Источник: Женщины и мужчины России. 2002. Статистический сборник. М., 2002. С. 30.

Для обеспечения простого воспроизводства населения необходимо, чтобы суммарный коэффициент рождаемости (среднее число детей, рожденных одной женщиной за весь детородный период) составлял не менее 2,15–2,17. В 1979 г. рождаемость ниже этого уровня отмечалась только у русских, латышей и украинцев. У всех других коренных национальностей обеспечивалось расширенное воспроизводство населения, причем в наиболее значительных масштабах у таджиков, туркмен, киргизов, узбеков, казахов и азербайджанцев. В 1989 г. латыши вышли из группы с низкой рождаемостью, но она пополнилась белорусами, литовцами и грузинами. Наибольшее снижение рождаемости за 10 лет наблюдалось у азербайджанцев и казахов²⁰¹. Уровень рождаемости уменьшился и у коренных среднеазиатских национальностей, однако он продолжал оставаться самым высоким в стране.

По данным переписи 1989 г., за пределами России жило 17,4% русских, т.е. 25 млн человек. Из них на Украине — 11 млн (22% ее населения), 6 млн — в Казахстане (38%), в Прибалтике — 1,7 млн, в Молдове — 560 тыс. Во всех других республиках русские по численности занимали 2–3 места.

В 1990 г. поток русскоязычного населения в Россию составил 500 тыс., в 1991 г. — около 1 млн²⁰².

Заметно отличался уровень рождаемости русских женщин, проживавших в национальных республиках, за пределами РСФСР, от уровня рождаемости женщин коренных национальностей этих республик. Наиболее значительный разрыв этих показателей (в 2 и более раза) отмечался в Среднеазиатском регионе,

Казахстане и Азербайджане. Меньше эти различия на территориях, где уже завершился демографический переход к малодетности. Так, в Прибалтике, на Украине, в Белоруссии уровень рождаемости русских горожанок практически совпал с аналогичным показателем у женщин коренных национальностей²⁰³.

В связи с реализацией в первой половине 1980-х гг. мероприятий по усилению государственной помощи семьям, имевшим детей, общие показатели рождаемости повысились. Прирост населения СССР в 1982 г. впервые существенно превысил цифру, долгие годы остававшуюся практически неизменной. Причем значительный сдвиг наблюдается в районах Сибири, Дальнего Востока, в Костромской, Калининской, Калужской, Ивановской областях²⁰⁴. Увеличилась рождаемость в сельских семьях. В целом по стране рождаемость в 1983 г. достигла на селе самого высокого показателя за последние 20 лет²⁰⁵. Наметилась тенденция к дальнейшему ее росту. Так, число родившихся детей в расчете на тысячу человек составляло в 1970 г. 17,4, а в 1985 г. — 19,4‰²⁰⁶.

В России в 1987 г. число родившихся составило 2,5 млн человек и было наибольшим за предшествующие 25 лет. Однако в 1988 г. демографическая обстановка в республике вновь ухудшилась. Рождаемость по сравнению с 1987 г. уменьшилась на 15%, общий ее показатель сократился к 1989 г. до уровня 20-летней давности. Наметилась тенденция к некоторому росту смертности. Естественный прирост населения в 1989 г. был самым низким за весь послевоенный период²⁰⁷.

Это явилось результатом того, что достаточных условий для увеличения рождаемости не создавалось: не на должной высоте находилась медицина, не хватало детских учреждений, недостаточной была материальная поддержка будущих матерей.

В целом по стране за 1979—1989 гг. средний размер семьи не изменился и составил 3,5: в городе — 3,3, в сельской местности — 3,8.

В структуре семьи произошли некоторые сдвиги в ее размере. Вследствие изменения уровней рождаемости и брачности увеличился удельный вес семей из четырех человек и уменьшился — из трех. Наблюдался рост числа семей из двух человек, что в определенной мере определялось разделением сложных семей, связанным с улучшением жилищных условий, выделением молодых супругов из родительских семей (нуклеаризация). В конце 1980-х гг. преобладающей тенденцией являлась нуклеаризация семей, наиболее интенсивно этот процесс протекал в городах²⁰⁸.

Нуклеаризация семьи обостряет проблему двойной занятости женщин, так как в семьях, состоящих из супругов с малолетними детьми, часто отсутствует кооперация в домашних делах. Кроме того, положение, сложившееся на потребительском ранке, резко повысило бытовую загруженность женщин.

Общее число семей, имеющих детей в возрасте до 18 лет, составило в СССР, по данным переписи 1989 г., 44,7 млн, или 61%

**Суммарный коэффициент рождаемости
у коренных национальностей республик***

	1979	1989	1989 в % к 1979
Таджики	7,511	5,949	79,2
Туркмены	7,685	4,904	63,8
Киргизы	7,757	4,834	62,3
Узбеки	7,478	4,662	62,3
Казахи	5,787	3,584	61,9
Азербайджанцы	5,596	2,945	52,6
Молдаване	2,858	2,706	94,7
Армяне	3,054	2,548	83,4
Эстонцы	2,254	2,368	105,1
Латыши	1,987	2,253	113,4
Белорусы	2,366	2,089	88,3
Украинцы	2,130	2,023	95,0
Литовцы	2,415	2,013	83,4
Грузины	2,560	1,999	78,1
Русские	1,819	1,955	107,5

* Национальности расположены в порядке убывания коэффициента в 1989 г.

Источник: Вестник статистики. 1991. № 8. С. 67–68.

всех семей. По сравнению с 1979 г. количество таких семей увеличилось. Однако в большей мере возросли бездетные семьи, а из числа семей с детьми самый высокий удельный вес занимали однодетные семьи. Распределение семей по числу детей следующее:

Таблица № 10

	Число семей, млн			В % к итогу	
	1979 г.	1989 г.	1989 г. в % к 1979 г.	1979 г.	1989 г.
Все семьи	66,3	73,1	110,2	100	100
Семьи, в которых нет детей в возрасте до 18 лет	23,9	28,4	118,6	36,1	38,9
Семьи, имеющие детей до 18 лет	42,4	44,7	105,5	63,9	61,1
в том числе семьи:					
с 1 ребенком	21,9	20,4	93,3	33,0	27,9
с 2 детьми	13,7	16,8	122,0	20,7	22,9
с 3 и более детьми	6,8	7,5	111,1	10,2	10,3

Источник: Вестник статистики. 1991. № 8. С. 64.

В 1989 г. в СССР в среднем на одну семью приходилось 1,1 ребенка: на городскую семью — 1 ребенок, сельскую — 1,4.

За 1979—1988 гг. число семей с одним ребенком уменьшилось, а с двумя, тремя и более детьми — увеличилось. Однако эти изменения были не столь значительными, и однодетные семьи остались преобладающими по сравнению с двухдетными. Среди союзных республик семьи с одним ребенком больше всего распространены в Европейской части страны.

Из 82,8 млн детей и подростков в возрасте до 18 лет, проживавших в семьях, 73,1 млн, или 88,2%, приходилось на семьи, имеющие в своем составе брачные пары²⁰⁹.

В РСФСР семьи состояли из относительно небольшого числа членов (примерно в 90% семей размер их не превышал четырех человек). Средний размер городской и сельской семьи к концу 1980-х гг. оказался практически одинаковым: 3,2 — в городе и 3,3 — в деревне²¹⁰. Но при этом количество многодетных семей в деревне оставалось значительным. Если и в городе, и в деревне России к концу 1980-х гг. семьи с одним и двумя детьми составляли примерно одинаковый процент, то семей, имевших троих, четверых и более детей, на селе было больше²¹¹.

На официальном уровне многодетность всячески поддерживалась и одобрялась.

8 июля 1944 г. Президиум Верховного Совета СССР издал Указ «Об увеличении государственной помощи беременным, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении Ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства»». За 1944—1946 гг. почетное звание «Мать-героиня» в РСФСР было присвоено 10 186 матерям, награждено орденами «Материнская слава» и «Медалью материнства» еще 1 млн 100 тыс. многодетных матерей. С изданием Указа Президиума Верховного Совета СССР значительно возросла материальная помощь многодетным и одиноким матерям. Почти 2 млн получали государственные пособия. В 1945 г. в РСФСР многодетным и одиноким матерям было выплачено 1 млрд 174 млн руб. в виде государственных пособий (в 1940 г. — 983 млн руб.). Всего за 1944—1946 гг. в РСФСР было выплачено из бюджета на эти цели 2 млрд 362 млн руб. В Вологодской области в 1946 г. орденами и медалями было награждено 20 790 многодетных матерей, среди них орденом «Мать-героиня» — 92, орденом «Материнская слава» — 4124, «Медалью материнства» — 16 574 матери. Пособие получали 16 143 многодетных и одиноких матери. За период с 1944 по 1946 гг. им было выплачено государственных пособий на сумму 44 млн 169 тыс. руб.²¹² В 1957 г. почетное звание «Мать-героиня» было присвоено 51 693 матерям, ор-

деном «Материнская слава» и медалью «Медаль материнства» награждены 5 432 676 матерей. На оказание помощи многодетным и одиноким матерям на воспитание и содержание детей в 1956 г. государство израсходовало 8,4 млрд руб., не считая пособий на приобретение предметов ухода за ребенком и его кормление²¹³.

Однако наличие детей не говорило об их обязательном благополучном воспитании, скорее это решало государственную демографическую задачу, а не свою личную, в смысле обеспечения собственной старости. Многие просьбы и жалобы поступали впоследствии от многодетных матерей преклонного возраста на забывших их детей, другие стеснялись обращаться из-за огласки, особенно в деревне, где молва еще более усиливала боль за своих детей. В 1950 г. за неграмотную крестьянку, имевшую восьмерых детей, обратились из Вологодской области в Совет Министров СССР ее соседи. При рассмотрении дела по материалам командировки и по поручению правительства факты безучастного отношения детей к матери подтвердились. Вологодские власти сообщали в Москву: «Имея семерых взрослых детей, причем сравнительно материально обеспеченных, тов. Петухова М.С. материально обеспечена недостаточно, сыновья и дочери не проявляют необходимой заботы о своей матери и почти не оказывают ей материальной помощи...»хлопоты по установлению ей персональной пенсии за погибшего в годы Великой Отечественной войны ее сына — Героя Советского Союза — не увенчались успехом. У нее были взрослые дети и вся материальная ответственность ложилась на них²¹⁴.

Отмечались факты и другого характера. Многодетная мать, бывали случаи, замечалась в аморальном поведении, не заботилась о своих детях, не работала нигде годами. Редкие факты. Но подтвержденные действительностью. В соответствии с инструкцией от 1960 г. о порядке представления многодетных матерей к присвоению почетного звания «Мать-героиня», награждению орденом «Материнская слава» и «Медалью материнства», оформление документов по представлению многодетных матерей к награждению было возложено на органы социального обеспечения, далее документы рассматривались в районных и городских исполкомах. Как правило, тщательная проверка семейного положения и отношения матери к детям и их воспитанию не проводилась, имели место случаи, когда некоторые многодетные матери не уделяли должного внимания воспитанию своих детей, вели аморальный образ жизни. Между тем они также были представлены сотрудниками органов социального обеспечения к награждению как родившие и воспитавшие пятерых и более детей. Были зафиксированы даже случаи, когда многодетная мать, имевшая семерых детей, была награждена «Медалью материнства» 1-й и 2-й

степеней и орденом «Материнская слава» 3-й степени, что оказалось абсолютно несовместимым с ее образом жизни и отношением к детям. Поставлен был вопрос о лишении ее родительских прав²¹⁵. Такого рода факты, конечно, были единичными.

Общественное мнение к многодетности относилось по крайней мере осторожно, а иногда с явным неодобрением и даже враждебностью. И это было не случайно. Многодетные семьи, как правило, сталкивались с огромными, часто непреодолимыми сложностями социальной адаптации. Ожидая обещанных государством социальных гарантий, многие из них не успели в мобилизации внутренних ресурсов выживания и маргинализировались.

В 1988 г. в СССР почетное звание «Мать-героиня» носили 423 тыс. матерей, орденом «Материнская слава» 1-й степени были награждены 833 тыс. женщин, 2-й степени — 1637 тыс., 3-й степени — 2994 тыс., «Медалью материнства» 1-й степени — 4847 тыс. и 2-й степени — 8104 тыс. женщин. Ежемесячное государственное пособие получали 2054 тыс. многодетных матерей (в 1960 г. — 3455 тыс. матерей), из них с четырьмя детьми — 924 тыс., с пятью детьми — 471 тыс., с шестью детьми — 268 тыс., с семью и более детьми — 391 тыс. матерей²¹⁶.

Многодетность не одобрялась местными чиновниками, ибо матери требовали положенных льгот, а скудные ресурсы социальной сферы всегда были очень ограничены. Многодетность не приветствовали школьные учителя, ибо дети из таких семей требовали повышенного внимания. Настороженное отношение к многодетным семьям было и у работников правоохранительных органов, ибо дети, а иногда и родители из этих семей чаще других совершали противоправные действия. Наконец, врачи считали, что уход за детьми в таких семьях и состояние их здоровья оставляли желать много лучшего²¹⁷.

Оценивая материнство в аспекте многодетности, мы видим, что материнство как социальная ценность, по существу, не является в нашем обществе абсолютным благом. Соответственно, социальный статус женщины-матери зависит от того, насколько соответствует выбранная ею (и ее семьей) модель репродуктивного поведения общепринятым нормам. И нормы эти складываются отнюдь не стихийно, а целенаправленно насаждаются доминирующей системой социально-экономических и политических отношений.

Установка на ограничение детности в СССР, а теперь в России, хотя никогда не провозглашалась открыто, тем не менее поддерживалась (и поддерживается) всеми социальными институтами — от государства, экономических структур, отделов кадров предприятий до общественной морали.

Ведь не случайно «право женщины самостоятельно решать вопрос о материнстве» интерпретировалось у нас именно как «право прервать беременность абортom».

Начиная с 1970-х гг., пишет Т. Харькова, «контроль рождаемости стал практически всеобщим, почти каждая семья (женщина) в России уже осознала свое право и обязанность самой определять число детей в семье и время их появления, а также право прибегать для реализации своего желания к любым доступным средствам»²¹⁸. «Идеальным» числом детей, и по данным социологов (общественное мнение), и по рекомендациям демографов (научные рекомендации), является два или три.

Установка на малодетность определяет для женщины весь опыт беременности и родов. Решая вопрос о том, как поступить с беременностью, и даже приняв решение о ее сохранении, женщина продолжает испытывать на себе ее воздействие. В условиях ограничения возможности «позитивного» решения вопроса о материнстве (не более двоих-троих детей), материнство приобретает для многих женщин сверхценность, становится своеобразным фокусом всей жизни. Оно воспринимается как обязательный для каждой женщины опыт. Бездетность и отказ от обязательного рождения («хотя бы одного») ребенка приобретает черты асоциальной позиции²¹⁹.

В 1989 г. в стране преобладали семьи, состоящие из одной супружеской пары (с детьми или без детей). По данным переписи населения, на них приходилось 78% всех семей. Примерно шестая часть этих семей включает мать или отца одного из супругов и других родственников. Прирост числа семей с одной супружеской парой несколько замедлился в 1980-е гг., что было связано с изменением возрастного состава населения и увеличением числа разводов. Семьи, состоящие из двух и более брачных пар, включая родителей одного из супругов, сравнительно немногочисленны (5%). Это в основном семьи, в которых вступившие в брак молодые люди продолжали жить некоторое время вместе с родителями одного из супругов. По данным обследования молодых семей, проведенного в 1989 г., таких супружеских пар было 65%. Важно подчеркнуть, что количество сложных семей росло, повысился их удельный вес в общем числе семей: с 1970 по 1988 гг. они увеличились на 1,5 млн, а их удельный вес возрос с 3,7% до 5%. Вместе с тем, как показало обследование, молодые семьи предпочитали жить отдельно от родителей. Однако у них отсутствовала возможность получить жилье сразу же после вступления в брак²²⁰.

В Орловской области, по данным социологических обследований 1986-1987 гг., в одной квартире с матерью мужа жили 18% молодых семей (до 30 лет), а распоряжались семейными средствами всего 1% родителей или других родственников. В большинстве молодых семей деньгами распоряжались супру-

ги совместно (70%), 62% совместно определяли, как воспитывать ребенка, 66% — что делать в свободное время, 64% — совместно решали хозяйственные вопросы²²¹.

В современной сельской семье дети довольно рано становятся независимыми от родителей. Образование у них обычно выше, чем у матери и отца, заработок во многих случаях тоже. Большинство молодых семей жили отдельно, вели свое хозяйство. Однако это не влияло на сохранение добрых и постоянных отношений между родителями и детьми, взаимопомощи. В основном помогали, во всяком случае на первых порах семейной жизни, родители, но почти половина детей, создав семьи, оказывали помощь родителям. Особенно тесными оставались родственные связи в деревнях и селах. Лишь четверть сельских молодых семей, по данным социологических обследований 1980-х гг., не поддерживали отношения с родителями (в городе — треть)²²².

В большинстве семей, где взрослые дети продолжали жить с родителями, все важнейшие вопросы решались сообща. По данным опроса, проведенного в 1980-е гг. в Орловской области, в 62% семей именно так решались вопросы ведения семейного хозяйства и ежедневных расходов. Совместно обсуждалась покупка дорогих вещей в 50% семей, а проблемы воспитания маленьких детей — в 44%. Однако 11% молодоженов предпочитали передоверить домашнее хозяйство родителям, а 5% — семейный бюджет. Немало молодых пар ориентированы на то, что распорядительницей семейного бюджета будет жена (25% — в деревне и 9% — в городе). Такая установка не случайна. В большинстве семей со стажем в Орловской области семейный бюджет вела женщина. Это значительное отступление от традиционной модели, когда всеми семейными средствами распоряжался мужчина.

Нравственная, духовная связь становится одной из главных нитей, скрепляющих современную семью. Во многих семьях между старшим и младшим поколениями существовала взаимопомощь. Часто молодые пары, переехав жить в другой поселок или город, привозили бабушке с дедушкой своих детей, особенно летом. Работающие сыновья и дочери часто (по данным исследований в Орловской области, 45% взрослых детей) оказывали материальную помощь отцам и матерям.

Значит ли это, что в современной сельской семье совсем не существовало трудностей во взаимоотношениях родителей и взрослых детей? Они были, хотя и возникали значительно реже, чем в семьях городских. В Калининской области, например, 3% опрошенных замужних женщин обвинили в семейных конфликтах родителей. Чаще всего семейные ссоры между «стариками» и «молодыми» возникали по двум причинам. Родители не хотели понимать тех изменений, которые произошли в жизни современного человека, а сыновья и дочери не учитывали некоторые психологические особенности пожилых людей, их повышенную обидчивость и ранимость.

Почтительное, деликатное отношение к старшим, как и в старое время, должно оставаться нормой поведения, продиктованной теперь не материальными соображениями, а любовью и признательностью²²³.

Безусловно, есть и такие семьи, где отношения складываются не идиллически. Так, проведенные социологические исследования в 1986–1987 гг. выявили, что около 1/4 женщин, живущих с родителями мужа, жаловались на плохие отношения со свекровью. Ситуация чаще складывается более благополучно, когда молодая семья живет с родителями жены. В подобных случаях конфликты составляли всего 3–5%. Предоставление молодой семье возможности с самого начала иметь отдельное жилье может уменьшить число таких конфликтов.

Однако и в семьях, живущих отдельно друг от друга, отношения также не всегда складываются благополучно. Почти 20% (каждая пятая семья) из живущих раздельно заявили, что родители не хотят поддерживать отношения с молодой семьей. Во многих семьях, по оценке молодого поколения, родители помогают в ведении домашнего хозяйства, в воспитании детей, оказывают материальную помощь, высвобождают время для более интересного досуга молодых. Однако около 15% респондентов, отделившихся от родителей, указали на столь же негативные стороны в своих отношениях со старшими. По их мнению, родители умножают хозяйственные заботы и напряженность в семье, увеличивают расходы и мешают проводить свободное время, как хочется.

Молодежь и по заработной плате, и по уровню образования часто превосходит своих родителей. Оснований для безоговорочного повиновения родительской воле молодежь не видит. Многие представители старшего поколения умеют внушить к себе уважение трудолюбием, заботой о детях, высокими моральными качествами. Но около 40% опрошенных вспоминали, что их взаимоотношения с родителями с детства почти всегда были очень сложными, а 25% утверждали, что любили родителей, но не были с ними близки. Немало и таких родителей, кто проявлял педагогическую неграмотность. В каждой пятой семье родители осуществляли чрезмерную, по мнению респондентов, заботу и контроль, что не всегда нравилось их детям. Некоторые родители вообще считали, что, дав жизнь детям, они свободны от дальнейших обязанностей по отношению к ним. Поэтому 15% опрошенных указали на плохие отношения с родителями или на их безразличие к ним²²⁴.

В 1980-е гг. устойчиво повышались численность и удельный вес неполных семей, состоящих из матерей (отцов) с детьми. За 1970–1980-е гг. их стало больше на два с лишним миллиона, или на 31%. Пополнение этой группы семей в основном происходило как за счет разводов, так и внебрачных рождений²²⁵.

Изменение состава семей за 1970–1988 гг. характеризуется следующими данными:

Таблица № 11

	Число семей, млн			В % к итогу		
	1970 г.	1979 г.	1989 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.
Все семьи	58,7	66,3	73,1	100	100	100
в том числе семьи, состоящие из: брачной пары*	37,3	43,8	47,9	63,6	66,1	65,6
брачной пары*, родителей одного из супругов, других родственников	9,4	8,8	9,0	16,0	13,3	12,3
двух и более брачных пар*, родителей одного из супругов, других родственников или без них	2,2	2,8	3,7	3,7	4,3	5,0
матери (отца) с детьми	6,8	7,9	8,9	11,6	11,8	12,2

* С детьми и без детей.

Источник: Вестник статистики. 1991. № 8. С. 53—54.

Всесоюзной переписью населения 1989 г. учтено 73,1 млн семей, что на 6,8 млн, или на 10% больше, чем было в 1979 г. В среднем за год количество семей между последними переписями увеличивалось на 0,7 млн. Пополнение осуществлялось главным образом из числа молодежи в возрасте до 30 лет, среди которой ежегодно заключалось более 2 млн, или четыре пятых, всех браков. В то же время расторгалось почти по 1 млн браков ежегодно, в результате чего увеличивалось количество неполных семей и одиноких. Значительная часть семей распалась вследствие прерывания брака смертью одного из супругов, особенно среди мужчин. По данным переписи 1989 г., доля вдов в возрасте 60 лет и старше составила 55%, а вдовцов — 13%²²⁶.

Значительное число одиноких проживало на селе. В основном это были фронтовые вдовы, не дождавшиеся мужей с войны.

Не одна я на полоске
 Не одна на полосе,
 Не одна я овдовела,
 Овдовели нынче все.

Кроме того, многие девушки и молодые женщины не сумели устроить личную жизнь из-за отсутствия женихов. В послевоенной деревне женихи были редкостью.

Девок много, девок много,
Девок некуда девать.
Из Москвы пришла бумага:
«Девку с девкой повенчать».

Так сложилась жизнь многих сельских женщин, что колхоз стал их семьей, и опорой, и надеждой. Думая о старости и отдав все своему хозяйству, они надеялись на помощь²²⁷. Пенсионное обеспечение советских граждан начало осуществляться с 1930 г. На основании принятых Наркоматом труда СССР Правил обеспечения по старости был установлен пенсионный возраст: для мужчин — 60 лет, для женщин — 55 лет и общий стаж по найму для мужчин — 25 лет, для женщин — 20 лет²²⁸. Предусмотрены были льготы для водолазов и работающих на подземных работах (строилось метро). Получили пенсии работники просвещения, медицины, науки, гражданского воздушного флота...²²⁹ Но эти заслуженные государственные выплаты ни в коей мере не коснулись большинства населения страны — *деревни и ее тружеников*. Дискриминированные колхозники, находившиеся на низшей социальной ступени, не вписывались государственной системой в число своих граждан. Конституция СССР 1936 г. в статье 120 провозгласила «право на материальное обеспечение в старости», в случае болезни и потери кормильца. Помимо рабочих к пенсионному обеспечению были присоединены служащие и отменены ограничения для ранее лишенных избирательных прав «в связи с социальным происхождением». С 1940 г. пенсии распространяются на военнослужащих «рядового и младшего состава срочной службы и их семьи», с 1941 г. — на «высший, средний и старший начальствующий состав сверхсрочной службы и их семьи»²³⁰. И оказалось, что *к началу Великой Отечественной войны ВСЕ граждане своей страны имели право на социальное обеспечение, кроме крестьян*. В 1956 г. в СССР был принят Закон «О государственных пенсиях», из которого колхозное крестьянство было вновь вычеркнуто. Деревня, внесшая огромный вклад в победу в Великой Отечественной войне, отдававшая все силы для восстановления хозяйства в послевоенные годы, вновь осталась на один с решением народнохозяйственных, социально-культурных проблем, по-прежнему помогая городу и горожанам. Ее труд оказался не оцененным страной, вот такие трудовые будни. «Мы работали всю жизнь в колхозе. Мы все пережили. Наши мужья защищали Родину, а мы работали в колхозе, не покладая рук, — голодные, землю копали лопатой, навоз возили на поля зимой на санках, а летом носили на носилках. Мы в то время питались лузгой, т.е. овсяной кожурой, на трудодни ничего не получали, но колхоз не бросили. В то

время не было такой техники, как теперь. Мы косили вручную косами, выкашивали по 6–7 га, хлеб жали серпом, берегли каждый колосок», — писала колхозница А.Иванова из колхоза им. Калинина Тутаевского района Ярославской области в 1971 г. в «Сельскую жизнь»²³¹. И только по Закону от 15 июля 1964 г. «О пенсиях и пособиях членам колхозов» деревня была приравнена к гражданам своей страны²³². Впервые была создана ЕДИНАЯ система пенсионного обеспечения колхозников, которая финансировалась за счет централизованного союзного фонда социального обеспечения колхозников. Из этого фонда колхозникам выплачивались пенсии по старости — мужчинам с 65, женщинам с 60 лет при стаже не менее 25 и 20 лет и по инвалидности, а их семьям — пенсии по случаю потери кормильца. Минимальный размер пенсии был установлен в 12 руб.²³³

Документация в колхозах часто велась из рук вон плохо. Переехавшие в другие места на жительство к детям и внукам, в другое хозяйство или в город годами не могли доказать принадлежность к колхозу. А они отдали ему всю свою трудовую жизнь. Прожитые в колхозе трудные будни в стаж для получения пенсии фактически не входили. Обездоленные деревня, обездоленные люди, лишенные минимальной государственной поддержки. М.П. Мичурин из деревни Гришанино Рыбинского района Ярославской области писала в 1975 г.: «Мне сейчас 71 год. В колхоз вступила в 1929 г. Потом проводила мужа на фронт и осталась одна с 6 детьми. Но работала от темна до темна. Пахали на коровах, убирали хлеб. Была бригадиром. При начислении пенсии колхозный стаж не учли, т.к. после войны я переехала в город»²³⁴. Сложилась и частушка:

Когда была я молода,
В колхозе все хвалили,
А как старость подошла,
Рубля не заплатили.

С января 1968 г. пенсионный возраст колхозников был снижен на 5 лет и приравнен к пенсионному возрасту рабочих и служащих. С 1971 г. правительство повысило минимальный размер пенсий по старости до 20 руб., с 1980 г. — до 28 руб. в месяц²³⁵. Последующее радикальное реформирование постсоветского времени коснулось и пенсионных выплат населения, заслужившего обеспеченную старость. На основе Закона 1990 г. «О государственных пенсиях РСФСР», с помощью учрежденного Пенсионного фонда была создана «единая система пенсионного обеспечения граждан» независимо от характера трудовой и общественно-полезной деятельности²³⁶. С того времени продолжается «переходный период» перестраивающейся пенсионной российской системы, затянувшийся более чем

на десятилетие. Это касается 37,1 млн пенсионеров, из которых пенсии по старости получали 29,1 млн, пенсии по инвалидности — 3,8 млн, пенсии по случаю потери кормильца — 2,2 млн, пенсии за выслугу лет — 135 тыс.²³⁷ Повышение пенсий в советское время хотя и медленно, но происходило в отличие от довольно частых «индексаций» в постсоветской России, к тому же прибавка в 5 «советских» рублей имела значение для пенсионера, а постсоветские увеличения пенсий на 5–7 и 10% практически не влияли на уровень его жизни. О несвоевременной выплате заслуженных трудом денег и говорить не приходится. Сегодняшние пенсионеры оказались в самом низу социальной лестницы, причем подавляющее большинство их, а не только старики-колхозники, развивавшие сельское хозяйство в СССР. Калужская пенсионерка рассказывала: «Пенсия маленькая. Приходится на всем экономить. Лекарство дорогое, порой и купить не на что. Пенсию получаем в три месяца раз. Слава Богу, сводим концы с концами. А что касается питания, питаемся не ахти. На пятилитровую кастрюлю кладу один куриный окорочек, вот и наши щи. Большую часть еды заменяет картошка... но что касается рыбы, колбасы и мяса, мы забыли их вкус. Но за одежду и говорить не приходится: донашиваем что есть.

На заводе отработала 32 года, из них 20 лет вредности... Взяла направление на операцию в 1998 году... Врачи сказали — надо 5 тысяч. Написала заявление на заводе директору, чтобы дал хотя бы тысячу рублей, а он дал мне сто рублей... Но я пенсионерка, надежды не теряю, может быть, когда-нибудь наша страна выйдет из этого смутного времени, может, мы не доживем, а доживут наши внуки, так обидно за свою мощную страну»²³⁸. Большинство пенсионеров относили себя «к простым людям», незаслуженно обиженным своим государством, которым было «трудно жить до предела», что они называли в письмах во власть «не жизнью, а существованием»²³⁹.

Всесоюзная перепись населения 1989 г. зафиксировала 22 млн вдовых, большинство из которых было в возрасте старше 70 лет: 19,6 млн женщин и 2,4 млн мужчин²⁴⁰. По расчетам демографов, к 75 годам в России распадаются все браки. При этом в конечном счете четвертая их часть прекращается из-за смерти жены, свыше половины — из-за смерти мужа и еще четверть — из-за развода²⁴¹. В течение репродуктивного периода развод — главная причина прекращения брака и лишь примерно к 40-му году супружеской жизни он уступает место овдовению. Вдовство — чаще женский удел. Вдов среди женщин к 40 годам больше, чем никогда не состоявших в браке, а после 50 лет больше, чем разведенных²⁴². До данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., доля вдов в возрасте 60 лет и старше составила 55%, а вдовцов — 13%²⁴³. Отметим, что это не только российская, но и международная тенден-

ция. Во всем мире женщины живут дольше мужчин, и потому вдов значительно больше, чем вдовцов. Так, во Франции среди 6 млн одиноких в конце 1980-х гг. женщины составляли более двух третей²⁴⁴.

По данным ООН, исключения составляют только четыре страны, где женщины и мужчины живут равное число лет или даже мужчины — дольше: это Бангладеш, Индия, Мальдивы и Непал²⁴⁵. По статистике, мужские показатели смертности превышают женские как во всех возрастных группах, так и по основным причинам смертности, таким, как сердечно-сосудистые заболевания, злокачественные опухоли и несчастные случаи. Особенно разительны эти показатели в России, где мужчины живут в среднем на 12–15 лет, а женщины — на 6–9 лет меньше, чем, к примеру, в странах Западной Европы. Свидетельством демографического и социального неблагополучия является и огромная разница в продолжительности жизни мужчин и женщин: в 2001 г. — 14 лет (город соответственно 59 и 73 года и село — 58 и 72 года); такого больше нет ни в одной другой стране мира²⁴⁶.

На 1990-е гг. падает самый высокий уровень преждевременной смертности населения России. Женщины чаще болеют и становятся инвалидами, но их проблемы со здоровьем все-таки не так угрожают жизни, как у мужчин. Американские исследователи установили, что, хотя сердечно-сосудистые заболевания являются одной из основных причин смертности женщин старше 66 лет, они же лидируют и у мужчин после сорока лет. На продолжительность жизни мужчин оказывают неблагоприятное влияние биологический и социально-психологический факторы. С биологической точки зрения, организм мужчины имеет некоторые особенности или ограничения и как следствие более высокие показатели смертности мальчиков в перинатальном периоде и среди новорожденных, чем девочек. Во всем мире мужчины в конкурентной борьбе и сильном напряжении добиваются успехов на служебной лестнице и в результате стрессов теряют здоровье, сокращая продолжительность жизни нации. В России же женщины чаще, чем, например, в США, выбирают профессии повышенного риска и испытывают стресс в связи с продвижением по службе. Российские страховые компании не предусматривают учет профессии повышенного риска при заключении договора и это при том, что большинство женщин не представляют свою жизнь без работы вне дома и в равной степени подвержены стрессовым ситуациям, возникающим в трудовых коллективах. И тем не менее разрыв в средней продолжительности жизни между мужчинами и женщинами на фоне сокращения рождаемости может превратить российские города в некие сообщества одиноких женщин после 60 лет, что происходит уже в деревнях, где «демографическое старение» выражено ярко.

Таблица № 12

**Продолжительность жизни мужчин и женщин в разных странах
в 1999–2001 гг.**

страна	мужчины	женщины
Россия	59,0	72,3
Австралия	76,0	81,7
Австрия	74,7	80,9
Бельгия	75,0	81,3
Великобритания	75,0	80,0
Италия	75,2	81,6
Канада	75,9	81,4
Норвегия	75,4	81,3
США	73,9	79,9
Финляндия	73,7	81,0
Швейцария	75,6	82,0
Швеция	77,0	82,1
Япония	77,3	84,2
Азербайджан	68,6	75,1
Армения	70,5	74,5
Белоруссия	63,4	74,7
Грузия	68,7	76,1
Казахстан	59,8	71,3
Киргизия	64,9	72,4
Украина	62,4	73,6

Источник: Российский статистический ежегодник. 2002. Статистический сборник. М., 2002. С. 637.

Таблица № 13

**Численность населения Российской Федерации
по регионам в 2002 г. (тыс. человек)**

	Все население		Сельское население	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Российская Федерация	67 557,3	77 624,6	18 425,0	20 286,7
Центральный Федеральный округ	17 480,6	20 510,4	3526,7	4105,5
Северо-Западный округ	6460,9	7525,1	1184,5	1287,1
Южный округ	10 711,4	12 202,8	4612,7	5114,1
Приволжский округ	14 424,1	16 734,1	4338,9	4766,1
Уральский округ	5808,9	6572,6	1147,6	1236,7
Сибирский округ	9407,1	10 657,2	2790,7	2991,9
Дальневосточный округ	3264,3	3422,4	823,7	785,5

Источник: Вопросы статистики. 2003. № 5. С. 5–7.

Согласно международным критериям население страны считается старым, если доля людей в возрастах 65 лет и старше во всем населении превышает 7%. Население России можно считать таковым уже с конца 1960-х гг. В настоящее время каждый восьмой россиянин находится в этом возрасте²⁴⁷. В России к 2002 г. доля лиц пенсионного возраста среди мужчин-горожан составляла 14%, среди женщин — 22%, в сельской местности — показатели выше: 15% и 26%²⁴⁸. Справедливо считая женщин «сильным полом» и биологически и социально более адаптированными к любым жизненным условиям, демографы предлагают «дополнить охрану материнства охраной отцовства», передавая заботу о мужчинах специальным лечебно-профилактическим учреждениям и мужским консультациям, которые «будут способствовать повышению продолжительности жизни мужчин в нашей стране»²⁴⁹.

Показатели «женского» одиночества превышают показатели «мужского» одиночества в 3–5 раз. Причем это превышение в старших возрастах достигает четырех-пятикратного размера в городах и восьмикратного в сельской местности²⁵⁰.

Демографы оценивают современную ситуацию со смертностью взрослого населения России как «близкую к катастрофической»²⁵¹. Общий вывод подтверждают регионы, особенно исконно российские, среди которых печальные лидеры Нечерноземье и Европейский Север²⁵². Отмечается тенденция и возрастания женской смертности. Причины потерь специалисты видят в опережающем росте смертности от травм и отравлений — в 1,7–1,5 раза соответственно у мужчин и женщин на фоне роста смертности от всех причин — 22–15%, а также «неточно обозначенных состояний» — в 5,3–8,5 раза. Во всем мире главной причиной смерти в категории «от травм и отравлений» являются дорожно-транспортные происшествия. В России в 1990-е гг. травматическая смертность определялась самоубийствами, убийствами, случаями отравления алкоголем и так называемыми «повреждениями» (без уточнений) — суммарно это составляло более половины случаев смертей в этом классе причин. Смертность от травм и отравлений носила преимущественно криминальный характер: смерть от самоубийств увеличилась в 1,5–1,1 раза (соответственно у мужчин и женщин), случайных отравлений алкоголем — в 2,1–2,5 и повреждений — в 3–2,8 раза. Средний возраст мужчин, умерших от хронического алкоголизма, увеличился за 1989–1999 гг. с 50 до 51 года, у женщин снизился с 53 до 52 лет. В 1999 г. только от травм и отравлений умерло 400 тыс. человек — это одна пятая всех умерших в России в этом году²⁵³.

По данным Всероссийской переписи населения 2002 г., в стране проживало 145 182 тыс. человек, в том числе 67 557,3 тыс. мужчин и 77 624,6 тыс. женщин. Россия занимает седьмое место в мире по численности населения после Китая (1285 млн человек),

Индии (1025 млн), США (286 млн) Индонезии (215 млн), Бразилии (173 млн) и Пакистана (146 млн человек).

Сокращение численности населения России происходило в основном за счет естественной убыли населения, т.е. превышения числа умерших над числом родившихся, а также за счет эмиграции россиян в страны «дальнего зарубежья», которая оказалась существенно выше иммиграции.

По данным переписи населения 2002 г., сохранилось характерное для России значительное превышение численности женщин над мужчинами, составившее 9594 тыс. в 1989 г. и 10 067 тыс. в 2002 г. Женщины преобладали в 84 субъектах Федерации. Доля мужчин в общей численности населения выше только в 5 территориях: на Чукотке, в Корякском, Эвенкийском, Ямало-Ненецком округах и Камчатской области. В 1989 г. таких регионов было 12.

Эффект естественной убыли населения возник в 1992 г., и за восемь лет (1992–2000 гг.) в результате депопуляции Россия потеряла 5 млн человек. На селе демографическая ситуация катастрофичнее, чем в городе: численность населения сократилась за 1990-е гг. на 3 млн человек. Возникшее с начала реформ положительное сальдо миграции с 1998 г. снова стало отрицательным (–54,2 тыс.) и, по прогнозам демографов, составит к 2010 г. до 1 млн человек. В 1999 г. рождаемость на селе сравнилась с городской, а в дальнейшем будет снижаться, при этом смертность превзошла городскую на два года и продолжает расти. Продолжительность жизни в деревне ниже городской на 1,8 года, и этот разрыв также будет увеличиваться при крайне большой диспропорции в численности мужчин и женщин. В очень близкой перспективе это может привести деревню в вырождению. Отметим и еще одну тревожную тенденцию на селе — прогрессирующую олигофрению потомства: доля олигофренов в сельском населении больше, чем в городском вдвое, причем в 1990-е гг. в городе она оставалась стабильной, а на селе возросла вдвое²⁵⁴. Рождаемость не обеспечивает простого воспроизводства населения. В 1999 г. среднее число детей, рожденных женщиной за жизнь, составило 1,171, т.е. практически на одну женщину приходится один ребенок. Правда, Россия здесь не одинока — она находится в группе стран, где в семьях воспитывается всего по одному ребенку. Сокращение численности населения прогнозируется к середине XXI в. в 39 странах. Однако, по оценкам экспертов ООН, в Японии и Германии число жителей уменьшится на 14%, а в России — на 28–40%!

Определяющим фактором депопуляции в России является низкая рождаемость в сочетании с высоким уровнем смертности. Отсюда вопросы планирования семьи приобретают «глубоко политический характер»²⁵⁵. Люди часто не хотят иметь детей, поскольку не могут себе это позволить прежде всего по

**Численность населения Российской Федерации
(по материалам переписей)**

Год	Все население (тыс.)	В том числе		В % к предыдущей переписи населения		
		городское (в %)	сельское (в %)	все население	городское	сельское
1959 на 15.01.	117 239,6	52,2	48,8	—	—	—
1970 на 15.01.	129 941,2	62,1	37,9	111	132	88
1979 на 17.01.	137 409,9	69,1	30,9	106	118	86
1989 на 12.01.	147 021,9	73,4	26,6	107	114	92
2002 на 9.10.	145 181,9	73,3	26,7	99	99	99

Источник: Вопросы статистики. 2002. № 5. С. 3–4. Расчеты автора.

Естественное движение населения (тыс. человек)

Общее снижение численности за 1989–2002 гг.	Естественная убыль	В том числе:		Миграционный прирост	В том числе:	
		родилось	умерло		прибыло из-за пределов России	выбыло за пределы России
– 1840,0	–7399,8	20 540,0	27 939,8	+5559,8	10 975,5	5415,7

Источник: Вопросы статистики. 2003. № 5. С. 3.

причине трудного материального положения семьи, а часто просто бедности. Опасения за невозможность обеспечить детям достойную жизнь, хорошее медицинское обслуживание и образование останавливают многие семейные пары от решения вопроса, во всяком случае в первые годы брака, о рождении ребенка. До 40% опрошенных россиян не желали иметь детей, а из тех, кто в принципе хотел, более половины откладывали их рождение по известным причинам²⁵⁶. Кроме того, для многих успешных современных женщин карьера и связанные с со-

Численность населения Российской Федерации

Год	Тыс. человек		Удельный вес женщин в общей численности населения (в %)		
	мужчин	женщин	все население	городское	сельское
1959 на 15.01.	52 269,1	64 970,5	55,4	55,1	55,8
1970 на 15.01.	59 160,7	70 780,5	54,5	54,2	54,9
1979 на 17.01.	63 208,2	74 201,7	54	53,9	54,2
1989 на 12.01.	68 713,9	78 308,0	53,3	53,4	52,9
2002 на 9.10.	67 557,3	77 624,6	53,5	53,9	52,4

Источник: Вопросы статистики. 2003. № 5. С. 4–5. Расчеты автора.

циальным положением возможности отодвигают материнство на неопределенный срок. Доля женщин, готовых полностью посвятить себя дому и детям, составляла в 1994 г. 16%²⁵⁷, что само по себе немало, но это лишь нереализованная для многих мечта, за которой стоит «охранение» семьи, как правило, а не реализация программы многодетности.

В деревне при компактности проживания, знании всех и вся, традиционности «соседских добрых отношений» больше возможностей получить помощь, поддержку и понимание. К концу 1980-х гг. число одиноких на селе составило 7% (в городе — 6,8%)²⁵⁸. В основном это были женщины, разделившие судьбу своего хозяйства. Количество оставленных детьми стариков никто не считал. Но каждая такая судьба драматична. Одиночество матери или отца, покинутого детьми, — наиболее трагично. Одной такой истории была посвящена публикация в «Крестьянке» под названием «Уроки нравственности». К радости всей деревни Каменка Красноармейского района Саратовской области, сын и мать смогли решить, казалось бы, нерешаемую проблему совместного семейного благополучного проживания в одном доме²⁵⁹. Другая же, печальная, история, изложенная в статье «Обуза» этого же журнала, не имела счастливого продолжения. Шестеро взрослых детей В.И. Волковой из деревни Супрягино Почепского района Брянской области переключивали друг на друга заботу о престарелой матери, передоверив в «обязательной» форме свой долг совхозному руководству, деревне и просто добрым людям²⁶⁰.

И совсем нетипично для крестьянского менталитета — отказ от родителей в силу семейных обстоятельств. Тем не

меее и такие факты современная деревня узнала. При социологическом обследовании российских деревень в рамках российско-британского проекта история семьи Митиных из деревни Леонтьевщина Кичменгско-Городецкого района Вологодской области хранила неблагоприятную историю о том, что «в 1985 году Нина Васильевна была вынуждена отправить свою мать в дом-интернат для престарелых под г. Великий Устюг. Отношения между зятем и тещей постоянно ухудшались, и Нина Васильевна была поставлена перед выбором: или муж, или мать.

До 1985 года после возвращения Евдоксия из тюрьмы Нина Васильевна периодически отправляла мать пожить в Павлово под Кобьльск к снохе (жене брата отца Нины Васильевны), тете Анне, которой за 60 лет». Нина Васильевна родила семейных детей. «Декретные отпуска до родов редко когда успевала брать полностью. Только послеродовыми отпусками пользовалась. Всех детей ей помогла поставить на ноги мать Надежда Андриановна. Она не только детей ей помогала вырастить, но и вела хозяйство, и на работе ее подменяла.

Женщины деревни осуждают, с одной стороны, Нину Васильевну, что пришлось уступить мужу и отправить в дом престарелых мать, а с другой стороны — говорят, что Надежда Андриановна пишет письма из дома-интерната и радуется, что у нее спокойная жизнь. Но она очень скучает по семье, детям, которых она вырастила. Ей хотелось бы хоть в отпуск приехать к дочери»²⁶¹. Это были редкие и исключительные семейные драматичные истории. В основном же старость была уважаема и почитаема. Конечно, это не значило, что жизнь большой семьей оставалась интересующей молодое поколение перспективой, но забота о стариках и их благополучной старости была в традиции российской деревни. Менялся уклад жизни, происходило разделение сложных семей, состоящих из двух и более брачных пар, на простые семьи, но «отъединившихся» одиноких стариков вновь дети возвращали под свою крышу.

Динамика числа семей выглядит следующим образом (по итогам послевоенных переписей населения):

Таблица № 17

Год переписи	Число семей, млн		
	всего	в городских поселениях	в сельской местности
1959 г.	50,3	24,4	25,9
1970 г.	58,7	34,0	24,7
1979 г.	66,3	42,4	23,9
1989 г.	73,1	49,7	23,4

Источник: Вестник статистики. 1991. № 8. С. 52–53.

В семьях в 1989 г. проживало 255,8 млн человек, или 89% населения страны. Кроме того, 13 млн (5%) членов семей проживали отдельно от семьи, но были связаны с ней общим бюджетом. Не имевшие семей или утратившие связь с ней (одинокие) составили 16,4 млн человек (6%). Удельный вес людей, живущих вне семьи, более значителен в большинстве республик европейской части страны (11–15%). Это обусловлено отчасти быстрым ростом городов в западных районах страны, а также тем, что в крупных городах этих регионов сосредоточены вузы и университеты, привлекающие молодежь из других союзных республик.

Повышение прироста числа семей в стране в 1970-е гг. и снижение его в последующем десятилетии объясняются в основном изменениями возрастной структуры населения. Если в 1970-е гг. в брачный возраст вступала относительно многочисленная молодежь поколений, родившихся в 1950-х гг., когда рождаемость была на высоком уровне, то в 1980-е гг. прирост молодежи в брачном возрасте замедлился вследствие сокращения рождаемости в 1960-е гг. и темп увеличения числа браков в 1979–1988 гг. снизился.

За период между 1959 и 1989 гг. происходило перераспределение семей между городскими и сельскими поселениями. Число семей в городах увеличилось более чем вдвое и в 1989 г. в 2,1 раза превысило число семей в сельской местности, где оно уменьшилось на 10%. Эти изменения связаны с оттоком населения из сел в города, который особенно интенсивно происходил в 1959–1978 гг., когда город ежегодно принимал в среднем по 1,5 млн мигрантов. В 1979–1988 гг. отток сельских жителей снизился до 200 тыс. в год.

В 1989 г. удельный вес городских семей составлял в СССР 68%, в РСФСР — 72–74%.

Размер семьи изменился незначительно. В среднем по СССР произошло уменьшение с 3,7 человека в 1959 г. до 3,5 в 1989 г., среди городских семей — соответственно с 3,5 до 3,3 и среди сельских — с 3,9 человека до 3,8 человека. Это снижение является результатом сдвигов в структуре семей по числу членов: увеличилась доля небольших семей, состоящих из двух-четырех человек, и сократился удельный вес крупных — из пяти и более человек²⁶². Особенно заметной такая тенденция была среди городских семей, что видно из следующих данных, в %:

Таблица № 18

	Семьи, состоящие из			
	2–4 человек		5 человек и более	
	1959 г.	1989 г.	1959 г.	1989 г.
Все население	73,7	81,6	26,3	18,4
Городское	79,0	85,7	21,0	14,3
Сельское	68,7	72,7	31,3	27,3

Источник: Вестник статистики. 1991. № 8. С. 52–53.

Итоги переписей населения позволяют характеризовать изменения национального состава семей. В 1989 г. 60,3 млн, или 82,5%, составили однонациональные семьи и 12,8 млн, или 17,5%, — этнически смешанные семьи, состоящие из лиц разных национальностей. Число таких семей в СССР росло. С 1970 г. оно увеличилось в городских поселениях в 1,7 раза, а в сельской местности — в 1,4 раза. Динамика изменения этнически смешанных семей выглядит так:

Таблица № 19

	Число национально-смешанных семей, тыс.			В % ко всем семьям		
	1970 г.	1979 г.	1989 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.
Все население	7919	9877	12 807	13,5	14,9	17,5
городское	5964	7679	10 018	17,5	18,1	20,2
сельское	1955	2198	2789	7,9	9,2	11,9

Источник: Вестник статистики. 1991. № 8. С. 55.

Доля национально-смешанных семей значительно различалась по союзным республикам и типам поселений. В городских поселениях она фиксировалась почти вдвое выше, чем в сельской местности. Это было связано с большей разнородностью национального состава городского населения. Этнически смешанные семьи составляли примерно третью часть городских семей в Молдове, на Украине, в Белоруссии и Латвии. Среди сельского населения наиболее распространены были смешанные семьи в Казахстане и Латвии. Наименьший процент национально-смешанных семей как в городе, так и на селе фиксировался в Азербайджане и Армении²⁶³.

Высокая рождаемость на селе — это традиционная установка на формирование семьи. Трудное сельскохозяйственное лето переходило в длительный перерыв от проблем пашни, занимались промыслами, длинные вечера проводили дома. Семейная жизнь зимой текла медленно, давала возможность и отдохнуть от прежних трудов. Инициаторами здесь выступали женщины. «Зима-то у нас длинная, полгода, а иной раз и больше. Надоест. И вот мама бывало: а что-то я, отец, по лету заскучала. Не устроить ли нам лето в дому?

Устраивали. Отец нанесет из лесу еловой хвои, березы, вербы, на печь положит, так и потянет оттуда летним лесом. А мама опять самовар на шишках согреет, да ягод — в трубу-то синих с вереса бросит, дак уж воздух-то в избе — не надышишься», — вспоминал писатель Ф. Абрамов²⁶⁴.

Незамысловатость, теплота родного дома, полнота общения запомнились на всю жизнь. Ярко и образно писали об этом чувстве тоски по деревне, по матери, своему дому писа-

тели-деревенщики. Именно их русская пронзительная тоска не только им самим давала почву для написания замечательных произведений о деревне, но и порождала ностальгию по своей малой Родине у читателей, большинство которых сами деревенские жители в настоящем или недалеком прошлом. Федор Абрамов писал: «Народ умирает, когда становится населением. А населением он становится тогда, когда забывает свою историю»²⁶⁵. История деревни — это история своего дома, своей семьи, поколений родственников.

Сельская местность, окружающая среда в отличие от города менее опасны для ребенка, здесь нет скопления машин, многоэтажных домов, незнакомых людей, ограничено пространство общения и т.п. Дети с раннего возраста привлекались и к хозяйству, и к семейным делам, включая присмотр за младшими.

В деревне вопрос с жильем в отличие от города в рамках скромных возможностей был решен. Родственники и соседи более доступны, готовы последить за ребенком в отсутствие матери.

По расчетам демографов, оптимальный показатель рождаемости — 2,2–2,6 ребенка на семью. Однако в ряде районов он был существенно ниже, например, в сельских районах РСФСР. Так, детей, по мнению удмуртских молодых женщин (1986 г.), должно быть в сельской семье трое, хотели иметь в своей собственной семье — двоих, а реально имели только одного ребенка.

В определенной мере снижение рождаемости является результатом возросшей требовательности сельской женщины к условиям жизни и работы, результатом желания дать детям хорошее образование и воспитание. Если раньше дети могли оставаться под наблюдением малограмотных бабушек или старших сестер и братьев, то в связи с уменьшением размеров семьи (отделением молодых семей от старших) и другими обстоятельствами проблема присмотра за детьми в деревне становится почти столь же острой, как и в городе.

По данным обследования в ряде районов России в 1986–1987 гг., дети были в 80% молодых семей. Десятой части семей активно помогали в присмотре и уходе за детьми родители мужа или жены. Однако 70% семей должны были решать существующую проблему сами²⁶⁶. Тем большее значение приобретают детские учреждения, количество которых росло, но все еще недостаточно, и их работа оставляла желать много лучшего.

Между тем детские учреждения на селе играют особую роль, ибо не только высвобождают время работающей матери, но и создают равные условия для образования и воспитания детей из разных по образовательному и культурному уровню семей, решают проблему расстояний для школьников, живущих в отдаленных населенных пунктах, обеспечивают всем детям равное питание, режим, возможности учебы.

Маленькая сельская семья, сформировавшаяся в 1960–1980-е гг., стала показателем изменившегося отношения крестьян к семейной жизни, браку. Традиционно забота о семье, личном хозяйстве лежала на женщине.

Женщины на селе, находясь в более тяжелом положении, чем горожанки, были вынуждены работать: увеличение количества детей ухудшало материальное положение семьи. Но женщины не молчали. Неудовлетворенность работой и бытом они выражали в отъезде из деревни, незаинтересованности в труде, разрушении традиционных взглядов на семью и брак.

Начиная с конца 1980-х гг., в научных и политических кругах все большее распространение находит идея самооценности прав женщин и соответствующая ей эгалитарная модель взаимоотношений мужчин и женщин²⁶⁷. Главным предположением, на основе которого, собственно, и строится эта модель, является то, что традиционное разделение труда между мужчиной и женщиной является не «естественным» (природным) разделением ролей, а результатом социального развития общества. Соответственно, реализация этой модели взаимоотношений в обществе предполагает в первую очередь снятие социальных стереотипов, сдерживающих развитие каждого человека (вне зависимости от того, кто это — мужчина или женщина). Конечной целью развития эгалитарных отношений в обществе является формирование равных возможностей для каждого, для этого необходимо проведение политики трансформации общественного сознания от идеологии протекционизма к идеологии автономии личности. При этом государство берет на себя обязательства по переадресации социальных льгот, предназначенных семье, но «приписанных» к женщине, непосредственно на семью или на работников с семейными обязанностями (исключая только льготы, связанные с беременностью, родами и грудным вскармливанием)²⁶⁸.

Единой модели построения счастливой семьи не существует, но стремление получить счастье в семейной жизни остается навсегда главным стремлением мужчины и женщины. Женщина, довольная семейной жизнью, по мнению самих женщин, должна выглядеть так: замужняя женщина со средним или средним специальным образованием, служащая или работающая на предприятии полугосударственной собственности, со средним или высоким уровнем дохода; имеющая двоих-троих детей, живущая в сельской местности или в Москве и Санкт-Петербурге.

Идеального спутника она представляет как мужчину среднего или старшего возраста; женатого, имеющего среднее или среднее специальное образование. Это может быть рабочий, занятый на предприятиях государственной собственности; с высоким уровнем дохода; имеющий одного или двоих детей;

живущий в сельской местности либо в крупных городах, в Сибири, на Дальнем Востоке и на Севере России.

Каков, с точки зрения мужчин, портрет мужчины, удовлетворенного своим положением в семье? Как правило, это мужчина среднего возраста; женатый, с невысоким уровнем образования; неквалифицированный рабочий и служащий; работающий на предприятиях смешанной собственности или в частном секторе экономики; с высоким уровнем дохода; имеющий двоих или троих детей, живущий в малых городах, чаще — в южных регионах России, в Сибири и на Дальнем Востоке.

«Идеальную» женщину, обремененную семейными заботами, мужчины представляют так: замужняя женщина в возрасте от 40 до 54 лет; с низким уровнем образования; неквалифицированная рабочая или служащая; работающая на смешанных предприятиях или в частном секторе экономики; с высоким уровнем дохода; имеющая двоих или троих детей; живущая в малых городах; чаще — в южных регионах России²⁶⁹.

Самооценка женщины и ее требования к рисуемому воображением избраннику оказались намного выше и собственного восприятия удачного мужчины, и его претензий к супруге. Но при разности позиций по многим вопросам мужчину и женщину объединило стремление иметь семью с двумя или даже тремя детьми.

Приложение

Основные законодательные и иные нормативные акты по вопросам, имеющим отношение к репродуктивному поведению:

1. Конституция Российской Федерации.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации.
4. Семейный кодекс Российской Федерации.
5. Кодекс законов о труде Российской Федерации.
6. Закон «О медицинском страховании граждан в Российской Федерации» (28 июня 1991 г., с последующими изменениями и дополнениями).
7. Закон Российской Федерации «О дополнительных мерах по охране материнства и детства» (4 апреля 1992 г., № 2660).
8. Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан (22 июня 1993 г., № 5600-1).
9. Указ Президента Российской Федерации «О дополнительных мерах по социальной защите беременных женщин и женщин, имеющих детей в возрасте до трех лет, уволенных в связи с ликвидацией предприятий, учреждений, организаций» (5 ноября 1992 г., № 1335).
10. Указ Президента Российской Федерации «О мерах по специальной поддержке многодетных семей» (5 мая 1992 г., № 431).
11. Указ Президента Российской Федерации «О совершенствовании системы государственных социальных пособий и компенсационных выплат семьям, имеющим детей, и повышения их размеров» (10 декабря 1993 г., № 2122).
12. Указ Президента Российской Федерации «Об основных направлениях государственной семейной политики» (14 мая 1996 г., № 712).
13. Указ Президента Российской Федерации «Об усилении социальной поддержки одиноких матерей и многодетных семей» (8 июня 1996 г., № 851).

Федеральные программы и иные правовые акты государственной власти:

1. Безопасное материнство: Федеральная целевая программа (1996–1997 гг.). Утв. Указом Президента Российской Федерации № 210 от 19 февраля 1996 г.
2. Дети России: Президентская программа (1996–1997 гг.). Утв. Указом Президента Российской Федерации № 210 от 19 февраля 1996 г.
3. Концепция улучшения положения женщин в Российской Федерации. Утв. Постановлением Правительства Российской Федерации № 6 от 8 января 1996 г.

4. Постановление Правительства Российской Федерации «О внесении дополнения в Положение о порядке назначения и выплаты государственных пособий гражданам, имеющим детей» (9 сентября 1996 г., № 1065).

5. Постановление Совета Министров — Правительства Российской Федерации «О реализации Конвенции ООН о правах ребенка и Всемирной декларации об обеспечении выживания, защиты и развития детей» (23 августа 1993 г., № 848).

6. Постановление Правительства Российской Федерации «Об утверждении порядка назначения и выплаты единого ежемесячного пособия на каждого ребенка и ежемесячного пособия на период отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста полутора лет» (20 февраля 1994 г., № 133).

Приводятся также иные нормативные акты, имеющие отношение к правовому регулированию охраны здоровья и социальной защиты граждан.

Правовые и иные нормативные документы ООН и ведущих международных организаций:

1. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (декабрь 1979 г.).

2. Конвенция о правах ребенка (ноябрь 1989 г.).

3. Декларация об искоренении насилия в отношении женщин (декабрь 1979 г.).

4. Программа действий, принятая Международной конференцией по народонаселению и развитию (Каир, сентябрь 1994 г.).

5. Декларация и Программа действий, принятые главами государств на Всемирной встрече на высшем уровне в интересах социального развития (Копенгаген, март 1995 г.).

6. Декларация и Платформа действий, принятые Четвертой Всемирной конференцией по положению женщин (Пекин, сентябрь 1995 г.).

7. Доклад Генерального директора ВОЗ «Охрана здоровья матери и ребенка и планирование семьи: качество помощи. Концептуальные и стратегические рамки репродуктивного здоровья» (13 января 1995 г.).

Примечания

¹ СУ РСФСР. 1917. № 11. Ст. 160.

² Гендерная экспертиза российского законодательства. М., 2001. С. 98–99.

³ СУ РСФСР. 1917. № 10. Ст. 152.

⁴ Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. СПб., 1905. Т. 1. С. 78–79.

⁵ Экштут С. На службе Российскому Левиафану. Историсофские опыты. Глава 8. «К устройению горькой ее участи», или Сановник: генерал-адъютант и генерал от инфантерии граф Арсений Закревский. М., 1998; Он же. Надин, или роман великосветской дамы глазами Тайной политической полиции. По неизданным материалам Секретного архива III Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. М., 2001.

⁶ Социальная политика и социальная работа в изменяющейся России. М., 2002. С. 119.

⁷ Антокольская М.В. Семейное право. М., 1999. С. 64.

⁸ СУ РСФСР. 1918. № 76. Ст. 318.

⁹ Гендерная экспертиза российского законодательства. С. 100.

¹⁰ Генкин Д.М., Новицкий И.Б., Рабинович Н.В. История советского гражданского права. М., 1949. С. 409.

¹¹ Гендерная экспертиза российского законодательства. С. 102–103.

¹² СУ РСФСР. 1926. № 82. Ст. 612.

¹³ Там же. 1920. № 45. Ст. 205.

¹⁴ Антокольская М.В. Указ. соч. С. 69.

¹⁵ Гендерная экспертиза российского законодательства. С. 104.

¹⁶ Нечаева А.М. Семейное право. М., 2001. С. 72.

¹⁷ Антокольская М.В. Указ соч. С. 70–71.

¹⁸ СЗ СССР. 1936. № 34. Ст. 309.

¹⁹ Вайнштейн Г. Забота о женщине-матери и воспитание детей // Советское строительство. 1936. № 7. С. 47; Manning Roberta T. Women in the Soviet Countryside on the Eve of World War. 1935–1940 // Russian Peasant Women. N-York, 1992. P. 208–209.

²⁰ Там же; Правда. 1936. 21 декабря; 1937. 18 февраля, 3 марта, 29 июня; 1938. 8 апреля.

²¹ Ransel David L. Village Mothers. Three generations of change in Russia and Tataria. Bloomington and Indianapolis, 2000.

²² Социалистическое земледелие. 1937. 24 июня.

²³ Крестьянская газета. 1936. 20, 22 июня; Manning Roberta T. P. 209–210.

²⁴ Нечаева А.М. Указ соч. С. 75; Антокольская М.В. Указ соч. С. 72–73.

²⁵ Manning Roberta T. P. 210; Социалистическое земледелие. 1936. 9, 10 июня; Крестьянская газета. 1936. 8 июня.

²⁶ Вишневецкий А. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С. 51.

²⁷ Горбачев О.В. Организованная миграция из села Центрального Нечерноземья во второй половине 1940-х — 1960-е годы // Вопросы истории. 2003. № 2. С. 138–139.

²⁸ Советское крестьянство. Краткий очерк истории (1917–1970). М., 1973. С. 324; Селунская В.М. Социальная структура советского общества: история и современность. М., 1987. С. 82; Арутюнян Ю.В. Коллективизация сельского хозяйства и высвобождение рабочей силы для промышленности // Формирование и развитие советского рабочего класса (1917–1961 гг.). М., 1964. С. 102; Manning Roberta T. P. 210.

²⁹ Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977. С. 24.

³⁰ РГАНИ. Ф. 89. Перечень 73. Документ 4. Л. 3–4.

³¹ Там же. Документ 2. Л. 1–2; Документ 107. Л. 1.

³² Архив УВД Архангельской области. Ф. 5. Оп. 19. Д. 861. Л. 39.

³³ РГАНИ. Ф. 89. Перечень 73. Документ 4. Л. 1–2.

- ³⁴ Зеленин И.Е. Кульминация «Большого террора» в деревне. Зигзаги аграрной политики (1937–1938 гг.) // Отечественная история. 2004. № 1. С. 176.
- ³⁵ Архив УВД Архангельской области. Ф. 5. Оп. 19. Д. 857. Л. 97.
- ³⁶ Ransel David L. P. 112.
- ³⁷ Крестьянская газета. 1936. 4 июля, 18 сентября.
- ³⁸ Manning Roberta T. P. 210–211.
- ³⁹ Правда. 1936. 9 июня; Крестьянская газета. 1936. 8 июня; Manning Roberta T. P. 211.
- ⁴⁰ Ведомости Верховного Совета СССР. 1944. № 37.
- ⁴¹ Полянский П.Л. Отечественное брачно-семейное законодательство: от КЗАГСa 1918 года до наших дней // Журнал российского права. 1997. № 10. С. 132.
- ⁴² Ведомости Верховного Совета СССР. 1957. № 17. Ст. 447.
- ⁴³ Янковская Г.А. Эвакуация художественной интеллигенции в 1941–1945 гг. // Межкультурный диалог в историческом контексте. М., 2003. С. 143.
- ⁴⁴ Антипова М.Л. Внебрачные дети в России // Статистическое исследование социально-демографической ситуации. Сборник научных трудов. М., 2002. С. 5.
- ⁴⁵ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 22. Д. 34. Л. 7, 18.
- ⁴⁶ Там же. Оп. 23. Д. 239. Л. 4.
- ⁴⁷ Там же. Оп. 22. Д. 33. Л. 31; Д. 34. Л. 27, 42.
- ⁴⁸ Там же. Л. 9.
- ⁴⁹ Там же. Д. 34. Л. 41–41 об.
- ⁵⁰ Ведомости Верховного Совета СССР. 1945. № 15.
- ⁵¹ Судебная практика. 1951. № 1. С. 7–8.
- ⁵² Бюллетень Верховного суда СССР. 1961. 3 1. С. 7–9.
- ⁵³ Кавамото К. Двадцатилетняя попытка изменить правовое положение детей, родившихся не в зарегистрированном браке после Великой Отечественной войны. М., 2002. С. 14–15. Депонировано в ИНИОН РАН.
- ⁵⁴ Советская жизнь. 1945–1953. М., 2003. С. 680.
- ⁵⁵ Антипова М.Л. Внебрачные дети в России // Статистическое исследование социально-демографической ситуации. Сборник научных трудов. М., 2002. С. 5.
- ⁵⁶ Вербицкая О.М. Население российской деревни в 1939–1959 гг. Проблемы демографического развития. М., 2002. С. 147–148.
- ⁵⁷ Антокольская М.В. Указ соч. С. 75–76.
- ⁵⁸ ГА РФ. Ф. Р- 8131. Оп. 23. Д. 239. Л. 2; Оп. 22. Д. 34. Л. 48.
- ⁵⁹ Там же. Оп. 22. Д. 34. Л. 51–53, 56, 58–59.
- ⁶⁰ Там же. Л. 51.
- ⁶¹ Ведомости Верховного Совета. 1947. № 10.
- ⁶² Кавамото К. Указ. соч. С. 15–17.
- ⁶³ СЗ СССР. 1936. № 34. Ст. 309.
- ⁶⁴ Ведомости Верховного Совета СССР. 1944. № 37; Айвазова С. Русские женщины в лабиринте равноправия. Очерки политической теории и истории. Документальные материалы. М., 1998. С. 80.
- ⁶⁵ Запрет на аборт был отменен в 1955 г. См.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1955. № 22. Ст. 425.
- ⁶⁶ Устные свидетельства городской женщины Антонины Прохановой // Демография и социология. Вып. 15. Гендерные аспекты социальной трансформации. М., 1996. С.226; Малышева М.М. Коммунистическая утопия в судьбах сельских женщин. Там же. С. 232.

- ⁶⁷ Законодательство о правах женщин в СССР. С. 36–37.
- ⁶⁸ Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1969. № 32. Ст. 1086.
- ⁶⁹ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1977.
- ⁷⁰ Там же.
- ⁷¹ Айвазова С. Указ. соч. С. 80–81.
- ⁷² Поленина С.В. Положение женщины в обществе и семье // Женщины в современном мире. М., 1989. С. 65.
- ⁷³ Труд, семья, быт советской женщины. М., 1990. С. 11–12.
- ⁷⁴ Толкунова В.Н. Советское законодательство в период 10-летия женщины ООН // Роль женщины в современном обществе. К итогам 10-летия ООН. Сб. статей. Часть II. М., 1985. С. 26.
- ⁷⁵ См.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1982. № 25. Ст. 464.
- ⁷⁶ Горбачев М.С. Перестройка и новое политическое мышление. М., 1988; Социальная политика и социальная работа в изменяющейся России. М., 2002. С. 157–158.
- ⁷⁷ Постановление Верховного Совета РСФСР «О неотложных мерах по улучшению положения женщин, семьи, охраны материнства и детства на селе» от 1 ноября 1990 г. // Ведомости Совета народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1990. № 24. Ст. 287.
- ⁷⁸ Там же; Постановление Президиума Верховного Совета РСФСР от 25 января 1991 г. «О порядке применения Постановления Верховного Совета РСФСР от 1 ноября 1990 г. № 298 / 3–1 “О неотложных мерах по улучшению положения женщин, семьи, охраны материнства и детства на селе” // Ведомости Совета Народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 6. Ст. 89.
- ⁷⁹ Социальная политика и социальная работа в изменяющейся России. М., 2002. С. 189–190.
- ⁸⁰ Трудовой Кодекс Российской Федерации М., 2002. (Статья 255 и др.)
- ⁸¹ Ведомости Верховного Совета СССР. 1990. № 23. Ст. 422.
- ⁸² Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1985. № 9. Ст. 305.
- ⁸³ Семейный Кодекс Российской Федерации. М., 1996.
- ⁸⁴ Там же.
- ⁸⁵ Там же.
- ⁸⁶ Харитоновна А. Светлое имя — мать. М., 1984. С. 6.
- ⁸⁷ Вербицкая О.М. Указ соч. С. 100–103.
- ⁸⁸ Крестьянка. 1981. № 10. С. 26–27.
- ⁸⁹ Село Вирятино в прошлом и настоящем. Опыт этнографического изучения русской колхозной деревни. М., 1958. С. 226.
- ⁹⁰ Bridger Susan. Soviet Rural Women: Employment and Family Life // Russian Peasant Women. N-York, 1992. P. 281.
- ⁹¹ Лисовский В.Т. Эскиз к портрету. М., 1969. С. 34, 39.
- ⁹² Женский вопрос. 37 основных тем о здоровье. СПб., 2002. С. 192.
- ⁹³ Лисовский В.Т. Указ. соч. С. 34, 39.
- ⁹⁴ Файнбург З.И. К вопросу об этической мотивации брака // Социальные исследования. М., 1970. Вып. 4. С. 68, 70.
- ⁹⁵ Женский вопрос. 37 основных тем о здоровье. С. 86.
- ⁹⁶ Голод С.И. Стабильность семьи: социологический и демографический аспекты. Л., 1984. С. 122.
- ⁹⁷ Голод С.И. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб., 1998. С. 126–127.
- ⁹⁸ Власова И.В. (Сельская семья), М.Н. Шмелева (Городская семья). Семейно-брачные отношения в 1917–1990-х гг. // Русские. М., 1997. С. 439.

- ⁹⁹ Село Вирятино в прошлом и настоящем. С. 226.
- ¹⁰⁰ Панкратова М.Г. Сельская женщина в СССР. М., 1990. С. 123–125.
- ¹⁰¹ Советская этнография. 1979. № 1. С. 8.
- ¹⁰² Социологические исследования. 1991. № 6. С. 68–69.
- ¹⁰³ Труд. 1988. 21 августа; Denisova L. N. Rural Russia: Economic, Social and Moral Crisis. N-York, 1995. P. 212.
- ¹⁰⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 233. Л. 74. Подсчеты автора.
- ¹⁰⁵ Там же. Подсчеты автора.
- ¹⁰⁶ Там же. Подсчеты автора.
- ¹⁰⁷ Собеседник. 1988. № 40. С. 12–13.
- ¹⁰⁸ Советская культура. 1988. 23 августа.
- ¹⁰⁹ Аргументы и факты. 1989. № 7. С. 7.
- ¹¹⁰ Денисова Л.Н. Невосполнимые потери: Кризис культуры села в 60–80-е годы. М., 1995. С. 157; Советская культура. 1988. 23 августа.
- ¹¹¹ Анохина Л.А., Шмелева М.Н. Культура и быт колхозников Калининской области. М., 1964. С. 225.
- ¹¹² Панкратова М.Г. Сельская женщина в СССР. С. 123–125.
- ¹¹³ Российско-британское социологическое обследование российских деревень 1980–1990-х гг.
- ¹¹⁴ Харчев А.Г. Брак и семья в СССР. Опыт социологического исследования. М., 1964. С. 215; Чуйко Л.В. Браки и разводы. М., 1975. С. 98.
- ¹¹⁵ Панкратова М. Г. Сельская женщина в СССР. С. 123–125.
- ¹¹⁶ Село Вирятино в прошлом и настоящем. Опыт этнографического изучения русской колхозной деревни. С. 226; Анохина Л.А., Шмелева М.Н. Указ. соч. С. 224.
- ¹¹⁷ Панкратова М.Г. Сельская женщина в СССР. С. 123–125.
- ¹¹⁸ Вербицкая О.М. Указ. соч. С. 65.
- ¹¹⁹ Соловьев Н.А. Семья в социалистическом обществе. М., 1981. С. 33–35.
- ¹²⁰ Панкратова М.Г. Сельская женщина в СССР. С. 71–72; Она же. Сельские жители России. Судьбы и семьи в XX веке. М, 1995. С. 46.
- ¹²¹ Янкова З.А. Советская женщина. М., 1978. С. 79.
- ¹²² Панкратова М.Г. Сельская семья: традиции и современность // Крестьянка. 1982. № 6. С. 25.
- ¹²³ Голод С.И. Стабильность семьи: социологический и демографический аспекты. С. 42–43.
- ¹²⁴ Белов В. Медовый месяц. М., 2002.
- ¹²⁵ Анохина Л.А., Шмелева М.Н. Указ соч. С. 225.
- ¹²⁶ Село Вирятино в прошлом и настоящем. С. 250.
- ¹²⁷ Российско-британское социологическое обследование российских деревень 1980–1990-х гг. Проект «Социальная структура советского села». Брак и семья как процесс воспроизводства поколений.
- ¹²⁸ Ransel David L. P. 153.
- ¹²⁹ Права женщин в России: исследование реальной практики их соблюдения и массового сознания (по результатам исследования в г. Рыбинске Ярославской области на основе глубинных интервью). М., 1998. С. 98.
- ¹³⁰ Ransel David L. Village Mothers. Three generations of change in Russia and Tataria. Bloomington and Indianapolis, 2000.
- ¹³¹ Село Вирятино в прошлом и настоящем. С. 226–227; Анохина Л.А., Шмелева М.Н. Указ. соч. С. 224–225.
- ¹³² Российско-британское социологическое обследование российских деревень 1980–1990-х гг., проведенное Г.А. Ястребинской и О.Г. Суб-

ботиной. История семьи Бугаевых из дер. Уткино Вологодского района Вологодской области.

¹³³ Население России. 1996. Ежегодный демографический доклад. М., 1997. С. 70–72.

¹³⁴ Северные регионы России: социально-демографические и этнические процессы. Сыктывкар, 2000. С. 59–60.

¹³⁵ Мацковский М., Бодрова В. Ценность семьи в сознании различных слоев населения // Семья в представлениях современного человека. М., 1990. С. 157–163.

¹³⁶ Состояние в браке и рождаемость в России (по данным микропереписи населения 1994 г.). М., 1995. С. 8–13.

¹³⁷ Население России на рубеже XX–XXI веков. Проблемы и перспективы. М., 2002. С. 82.

¹³⁸ Российский статистический ежегодник. 2002. Статистический сборник. М., 2002. С. 125.

¹³⁹ Население России на рубеже XX–XXI веков. Проблемы и перспективы. М., 2002. С. 83.

¹⁴⁰ Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. Информационный бюллетень М., 1995. № 2. С. 48.

¹⁴¹ Clements Barbara Evans. Later Development: Trends in Soviet Women's History, 1930 to the Present // Russia's Women. Accommodation, Resistance, Transformation. Berkeley, 1991. P. 276.

¹⁴² Айвазова С., Кертман Г. Женщины на randevу с российской демократией. М., 2001. С. 64.

¹⁴³ Литературное обозрение. 1977. № 5 (май). С. 51; Bridger Susan. Soviet Rural Women Employment and Family Life. P. 284.

¹⁴⁴ Хрущев Н.С. Современный этап коммунистического строительства и задачи партии по улучшению руководства сельским хозяйством. М., 1962. С. 259.

¹⁴⁵ Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза. 28 июня — 1 июля 1988 года. М., 1988. С. 68–69.

¹⁴⁶ Bridger Susan. Soviet Rural Women: Employment and Family Life. P. 284.

¹⁴⁷ Сельская жизнь. 1979. 18 августа.

¹⁴⁸ Там же. 19 августа; 14 сентября.

¹⁴⁹ Bridger Susan. Soviet Rural Women: Employment and Family Life. P. 285.

¹⁵⁰ Крестьянка. 1982. № 6. С. 26.

¹⁵¹ Женщины-механизаторы. М., 1979. С. 60; Сельская жизнь. 1979. 19 августа.

¹⁵² Сельская новь. 1979. № 10. С. 33.

¹⁵³ Крестьянка. 1982. № 3. С. 35.

¹⁵⁴ Сельская новь. 1979. № 10. С. 33.

¹⁵⁵ Там же.

¹⁵⁶ Панкратова М.Г. Сельская семья в СССР и некоторые проблемы планирования. М., 1970. С. 4; Ермоленкова Т.Д. Изменение социального положения женщины-крестьянки в процессе строительства социализма // Вестник Белорусского госуниверситета им. Ленина. 1973. Сер. № 1. С. 56; Bridger Susan. Soviet Rural Women: Employment and Family Life. P. 285–286.

¹⁵⁷ Сельская молодежь. 1987. № 12. С. 23.

¹⁵⁸ Крестьянка. 1982. № 6. С. 25.

¹⁵⁹ Там же. № 3. С. 27.

¹⁶⁰ Там же. № 1. С. 28.

¹⁶¹ Bridger Susan. Soviet Rural Women: Employment and Family Life. P. 286.

¹⁶² Крестьянка. 1978. № 12. С. 18.

¹⁶³ Bridger Susan. Soviet Rural Women: Employment and Family Life. P. 286.

¹⁶⁴ Советская этнография. 1979. № 1. С. 38; Демография семьи. Ташкент, 1980.

¹⁶⁵ Панкратова М.Г. Сельская женщина в СССР. С. 137; Goode W. Family disorganization // Contemporary Social Problems. N-York, 1961. P. 396–397.

¹⁶⁶ Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. Информационный бюллетень. М., 1995. № 2. С. 48.

¹⁶⁷ Панкратова М.Г. Сельская женщина в СССР. С. 74–75.

¹⁶⁸ Труд. 1936. 27 апреля.

¹⁶⁹ Айвазова С. Указ. соч. С. 88–89.

В скандинавских странах ситуация совершенно другая благодаря механизму оплачиваемых материнских (родительских) отпусков. Отпуска различны в каждой из этих стран. Самые продолжительные отпуска в Швеции (15 месяцев), следующий по продолжительности отпуск в Финляндии (12 месяцев). В Финляндии компенсация составляет 80% от предыдущего заработка, а в Швеции — 90%. В Исландии, Дании и Норвегии оплачиваемый отпуск продолжается от четырех до шести месяцев. В Норвегии после оплачиваемого отпуска один из родителей может взять дополнительно шестимесячный неоплачиваемый отпуск. Следствием этого является один из самых низких уровней детской смертности в мире.

В Финляндии, начиная с 1990 г., новый порядок ухода за детьми был принят для работающих родителей. После материнского (родительского) отпуска продолжительностью в один год родители могут выбрать между двумя возможностями: или один из родителей остается дома до достижения ребенком возраста трех лет с некоторой денежной компенсацией и гарантиями трудоустройства, или местные власти обязаны предоставить возможность общественного попечения за детьми, пока оба родителя находятся на работе.

Система материнских отпусков в скандинавских странах радикально отличается от большинства других стран в том, что отпуск можно разделить между двумя родителями. В Финляндии отец может взять отпуск на последние семь месяцев из 12-месячного материнского отпуска. Отец также имеет право на дополнительный отпуск от шести до 12 дней — «отцовские дни» в связи с рождением ребенка. Право на «отцовские дни» существует во всех скандинавских странах, за исключением Исландии. В Швеции родители могут делить родительский отпуск между собой на весь период отпуска. В Германии после рождения каждого ребенка правительство предоставляет матери или отцу трехлетний отпуск по уходу за ребенком с выделением небольшого пособия и гарантией сохранения прежнего рабочего места. Однако только 1% отцов берет родительский отпуск, поскольку мужчины в подавляющем большинстве зарабатывают больше, чем женщины, а также из-за опасения, что перерыв в работе может помешать карьере (Женщина в меняющемся мире. М., 1992. С. 138; Население и глобализация. М., 2002. С. 310).

¹⁷⁰ Вопросы оплаты труда и уровня жизни населения. М., 1978. С. 159.

Уникальным в скандинавских странах является факт, что мужское участие в уходе за детьми поощряется законодательно закрепленными условиями разделения родительского отпуска. В 1987 г. в Финляндии 1/3, а в Швеции и Дании 1/4 отцов брали отпуск. В Швеции один

месяц из общей продолжительности родительского отпуска предоставляется только мужчинам и если он не востребован, то пропадает. Шведские исследования показали, что мужчины, которые брали родительский отпуск, склонны жить с женщинами с высоким уровнем образования, хорошей заработной платой и нетрадиционными полоролевыми позициями. Эти женщины поощряют участие их мужей в уходе за детьми и не считают, что это угрожает их собственному женскому статусу (Женщина в меняющемся мире. С. 140; Население и глобализация. С. 310).

¹⁷¹ Ершова Е.Н., Новикова Э.Е. СССР — США: Женщина и общество. Опыт сравнительного анализа. М., 1988. С. 194; Женщины в СССР. 1990. Стат. материалы. М., 1990. С. 33.

¹⁷² Голод С.И. Семья и брак: историко-социологический аспект. С. 111.

¹⁷³ Панкратова М.Г. Сельская женщина в СССР. С. 168.

¹⁷⁴ Вербицкая О.М. Указ. соч. С. 257.

¹⁷⁵ Там же. С. 264–265, 291.

¹⁷⁶ Там же. С. 272, 276, 278.

¹⁷⁷ Там же. С. 145, 284–285; Она же. Сельское население Российской Федерации в 1939–1959 гг. (Демографические процессы и семья). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 2002. С. 30 № 31, 47.

¹⁷⁸ Народное хозяйство СССР в 1980 г. Стат. ежегодник. М., 1981. С.31; Женщины в СССР. М. 1975. С. 92; Переведенцев В. 270 миллионов. М., 1982. С. 15; Bridger Susan. Soviet Rural Women: Employment and Family Life. P. 280.

¹⁷⁹ Кузьмин А.И. Мотивация репродуктивного поведения в семьях Мордовии // Социально-экономические исследования брака, семьи, репродуктивных установок и вопросы прогнозирования населения. М., 1988. С. 70.

¹⁸⁰ Панкратова М.Г. Сельская женщина в СССР. С. 148–149.

¹⁸¹ Там же.

¹⁸² Там же. С. 149.

¹⁸³ Янкова З.А. Советская женщина. М., 1978. С. 78.

¹⁸⁴ Вестник статистики. 1981. № 11. С. 60.

¹⁸⁵ Вербицкая О.М. Население российской деревни в 1939–1959 гг. Проблемы демографического развития. С. 241, 244–246, 249–254.

¹⁸⁶ Маркова О. О семье заботиться сегодня — а не завтра // Человек и труд. 1992. № 3. С. 7.

¹⁸⁷ Шмелева М.Н. Традиционные бытовые связи городской семьи у русских (по материалам центральных областей РСФСР) // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989. С. 64–65.

¹⁸⁸ Брук С.И. Население мира: Этнодемографический справочник. М., 1981. С. 192.

¹⁸⁹ Анохина Л.А., Шмелева М.Н. Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем. М., 1977. С. 36–37.

¹⁹⁰ Шмелева М.Н. Традиционные бытовые связи современной городской семьи у русских (по материалам центральных областей РСФСР) // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989. С. 66, 67.

¹⁹¹ В 1988 г. из 99 стран, где проживало 92% женского населения мира, скандинавские страны (Исландия не была включена в это исследование) были среди тех стран, которые наиболее высоко оценивались по пяти параметрам: здоровье, семья и дети, образование, занятость, социальное равенство. Только семь стран набрали общее

- число баллов — 80 и выше: Швеция — 87, Финляндия — 85, Норвегия — 81,5, Дания — 80 (Женщина в меняющемся мире. С. 142).
- ¹⁹² Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. Информационный бюллетень. М., 1995. № 2. С. 48.
- ¹⁹³ Вестник статистики. 1991. № 8. С. 56.
- ¹⁹⁴ Чередниченко Г.А. Молодая женщина в социалистическом обществе: Образование, труд, материнство // Роль женщины в современном обществе. Ч. II. С. 171.
- ¹⁹⁵ Вестник статистики. 1991. № 8. С. 56.
- ¹⁹⁶ Панкратова М.Г. Сельская женщина в СССР. С. 89.
- ¹⁹⁷ Корченев В.В. Демографический кризис: проблемы государственного управления // Управление здравоохранением. 2003. № 8. С. 47.
- ¹⁹⁸ Денисенко М.Б., Калмыкова Н.М. Доходы и потребление населения России // Население и кризисы. Вып. 1. М., 1995. С. 59.
- ¹⁹⁹ Николаев М. Заместитель Председателя Совета Федерации Федерального Собрания РФ. Развитие села — стратегический приоритет // Человек и труд. 2003. № 10. С. 32.
- ²⁰⁰ Голоса крестьян. Крестьяне Кубани пишут Г. Явлинскому. Кубань-М., 1998—1999. С. 59.
- ²⁰¹ Вестник статистики. 1991. № 8. С. 67—68.
- ²⁰² Тощенко Ж.Т. Русские беженцы: трагедия или издержки имперского сознания // Социологические исследования. 1992. № 9. С. 59, 60.
- ²⁰³ Вестник статистики. 1991. № 8. С. 67—68.
- ²⁰⁴ Известия. 1984. 24 июня.
- ²⁰⁵ Народное хозяйство СССР в 1985 г. Стат. ежегодник. М., 1986. С. 31. Там же.
- ²⁰⁶ Народное хозяйство РСФСР в 1989 г. Стат. ежегодник. М., 1990. С. 96.
- ²⁰⁷ Вестник статистики. 1991. № 8. С. 64.
- ²⁰⁸ Там же. С. 54, 55.
- ²⁰⁹ Народное хозяйство РСФСР в 1989 г. С. 94.
- ²¹⁰ Там же.
- ²¹¹ ГАВО. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 705. Л. 132, 134.
- ²¹² ГАРФ. Ф. Р — 7928. Оп. 1. Д. 315. Л. 45.
- ²¹³ ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 17. Д. 68. Л. 83—85.
- ²¹⁴ ГАВО. Ф. 1300. Оп. 21. Д. 172. Л. 61—62.
- ²¹⁵ Женщины в СССР. 1990. Стат. материалы. М., 1990. С. 34—35.
- ²¹⁶ Баллаева Е.А. Гендерная экспертиза законодательства РФ: Репродуктивные права женщин в России. М., 1998. С. 58.
- ²¹⁷ Харькова Т.В. Проблемы регулирования деторождения в городах России // Семья, гендер, культура. Материалы международных конференций 1994 и 1995 гг. М., 1997. С. 105.
- ²¹⁸ Баллаева Е.А. Гендерная экспертиза законодательства РФ: Репродуктивные права женщин в России. М., 1998. С. 58—59.
- ²¹⁹ Вестник статистики. 1991. № 8. С. 53, 54.
- ²²⁰ Панкратова М. Сельские жители России. Судьбы и семьи в XX веке. М., 1995. С. 50.
- ²²¹ Волков А.Г. Семья — объект демографии. М., 1986. С. 223.
- ²²² Панкратова М.Г. Сельская семья: традиции и современность // Крестьянка. 1982. № 6. С. 25; Она же. Сельская женщина в СССР. С. 125—126.
- ²²³ Панкратова М.Г. Сельская женщина в СССР. С. 129—130.
- ²²⁴ Вестник статистики. 1991. № 8. С. 53, 54.
- ²²⁵ Там же. С. 52—53.

²²⁷ Роль государства в поддержке пожилых людей оставалась небольшой и в развитых странах: в США государственные затраты на эти цели составляли 1%, в Швеции — 20%, в Англии — 10%. Основную финансовую нагрузку при обеспечении пожилых людей несли они сами и их семьи, но не государство. Уровень их жизни был ниже, чем населения в целом. Но если в Норвегии и Швеции эта разница фиксировалась не столь значительной, то в США и Англии — 20%. (Человек и труд. 1992. № 3. С. 11).

²²⁸ Известия Наркомата труда СССР. 1930. № 10. С. 234.

²²⁹ СЗ СССР. 1933. № 63. С. 37.

²³⁰ СП СССР. 1940. № 19. С. 465; 1941. № 15. С. 282.

²³¹ РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 96. Л. 38.

²³² Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (Сборник документов за 50 лет). М., 1968. Т. 5. С. 472–478.

²³³ Денисова Л.Н. Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960–1980-е годы. С. 184–186.

²³⁴ РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 204. Л. 3.

²³⁵ Решения партии и правительства по сельскому хозяйству (1960–1974 гг.). М., 1975. С. 662; Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Сб. документов. М., 1979. Т. 12. С. 381–382.

²³⁶ Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совет РСФСР. 1990. № 27.

²³⁷ Мачульская Е.Е. Право социального обеспечения. М., 1999. С. 78–79.

²³⁸ Женщина не существует: Современные исследования полового различия. Сыктывкар, 1999. С. 157–158.

²³⁹ Голоса крестьян. Крестьяне Кубани пишут Г.Я. Явлинскому. С. 7.

²⁴⁰ Маркова О. О семье заботиться сегодня, а не завтра // Человек и труд. 1992. № 3. С. 12.

²⁴¹ Волков А.Г. Семья — объект демографии. М., 1986. С. 193.

²⁴² Тольц М.С. Сокращение овдовения как фактор укрепления семьи // Механизмы совершенствования управления социальной сферы социалистического общества. М., 1987. С. 69.

²⁴³ Вестник статистики. 1991. № 8. С. 52.

²⁴⁴ Женский вопрос. 37 основных тем о здоровье. С. 83.

²⁴⁵ Григорьева Н.С. Гендерные измерения здравоохранения (К постановке вопроса) // Григорьева Н.С., Чубарова Т.В. Гендерный подход в здравоохранении. М., 2001. С. 53.

²⁴⁶ Женщины и мужчины России. 2002. Статистический сборник. М., 2002. С. 25; Российский статистический ежегодник. 2002. Статистический сборник. М., 2002. С. 637.

²⁴⁷ Романов К.С. Краткий анализ статистики населения и домохозяйств в гендерном аспекте // Статистическое исследование социально-демографической ситуации. Сборник научных трудов. М., 2002. С. 51–52.

²⁴⁸ Женщины и мужчины России. 2002. С. 19.

²⁴⁹ Урланис Б.Ц. Различия в уровне смертности по полу // Григорьева Н.С., Чубарова Т.В. Гендерный подход в здравоохранении. М., 2001. С. 61, 62–63.

²⁵⁰ Гордин В.Э. Чем старость обеспечим. М., 1988. С. 61.

²⁵¹ Демченко Т.А. Проблемы изучения человеческого капитала в демографическом измерении в реформируемой России. М., 2002. С. 80.

²⁵² Там же. С. 120–128; Рубан Е.А. Влияние социально-экономических изменений на демографические процессы в регионах Европейского Севера. М., 2001. С. 4–5, 9.

- ²⁵³ Демченко Т.А. Указ. соч. С. 70.
- ²⁵⁴ Тезисы РУСО. О современном демографическом бедствии в России и мерах по его преодолению // Буревестник. 2001. Май—июнь. № 4—5. С. 8.
- ²⁵⁵ Охрана материнства и детства в России и Великобритании. Междисциплинарный подход. М., 2002. С. 31.
- ²⁵⁶ Социально-экономические проблемы агропромышленного комплекса России. М., 2000. С. 20—21.
- ²⁵⁷ Бодрова В.В. Репродуктивное поведение населения в переходный период. Тенденции к депопуляции // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. М., 1994. № 4.
- ²⁵⁸ Народное хозяйство РСФСР в 1989 г. С. 94.
- ²⁵⁹ Крестьянка. 1980. № 1. С. 28—29.
- ²⁶⁰ Там же. 1981. № 8. С. 28—29.
- ²⁶¹ Российско-британское социологическое обследование российских деревень 1980—1990-х гг. История семьи Митиных из дер. Леонтьевщина Кичменгско-Городецкого района Вологодской области. Исследование проведено Г.А. Ястребинской и О.Г. Субботиной.
- ²⁶² Вестник статистики. 1991. № 8. С. 52, 53.
- ²⁶³ Там же. С. 55.
- ²⁶⁴ Правда. 1988. 19 февраля.
- ²⁶⁵ Там же.
- ²⁶⁶ Панкратова М.Г. Сельская женщина в СССР. С. 126—127.
- ²⁶⁷ Баскакова М.Е. Равные возможности и гендерные стереотипы на рынке труда. М., 1998. С. 13—14.
- ²⁶⁸ Киселев И.Я. Трудовое право в условиях рыночной экономики: опыт стран Запада. М., 1992. С. 6—9.
- ²⁶⁹ Исследования ВЦИОМ 1994 г. — Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. Информационный бюллетень. М., 1995. № 2. С. 48—49.

ГЛАВА II

КОНФЛИКТ И РАЗВОД

«ЛЮБОВЬ ПРЕКРАСНА, ОНА ДАЕТ СИЛУ, КРАСОТУ. НО РАДИ ЛЮБВИ НЕЛЬЗЯ РАЗРУШАТЬ СЕМЬЮ»

Сельская женщина являлась в семье нравственным началом и авторитетом. В семейных и домашних делах ее голос звучал громко, особенно когда она становилась матерью и, тем более, свекровью.

Со времени Петра Первого было законодательно установлено, что никого нельзя принуждать к браку против воли. Драматизация жизни сельской женщины до Октября 1917 г. и освобождение ее властью Советов сместили акценты, показывая женские судьбы «до» — лишь как темноту и забитость, и «после» — как счастливую долю. В реальности и «до» и «после» ее бабья доля была трудна, но не безысходна.

Крестьянская молодежь имела широкие возможности для взаимного общения. Выбор будущего мужа или жены в первую очередь был делом самой молодежи, но «воля отца и матери», родительский авторитет имели «громадное значение» при заключении брака¹.

Инициатива при заключении брака принадлежала мужчине. Хотя родители сами определяли возможных кандидатов в жены своему сыну, его мнение учитывалось в виде «совета», но не было решающим². Важное значение имело и мнение той, которую выбирали в невесты. Исход сватовства нередко зависел от того, нравился ли жених девушке. Многие родители считали: «Не нам с ним жить, но ей, воля ея»³. Девушка могла принять или нет предлагаемые руку и сердце⁴.

Традиционные нравственные нормы требовали «безусловного почитания старших»⁵. Во всех без исключения случаях требовалось разрешение на брак главы семьи — отца. Мнение родителей, послушание, терпимость, рациональность — присущие деревенским жителям моральные качества. Браки, заключенные по настоянию родителей, без согласования и одобрения молодыми людьми, русская деревня знала. Но именно эти примеры насилия воли крестьянской молодежи становились предметом деревенских пересудов и памяти. Со временем они вошли в сознание последующих поколений и стали доминирующими, определяя русскую деревню как жесткий институт по-

давления воли молодежи и подчинения всей деревенской жизни экономическим интересам и родительскому слову. Со временем традиционная деревенская культура перестала рассматриваться в литературе (научной, публицистической) как имеющая позитивное содержание, а «в общественно-политической практике господствовала трактовка русского “доколхозного” крестьянства как невежественной, забитой, лишенной общественных интересов и демократических навыков силы»⁶, что не соответствовало исторической судьбе русского народа. Типичным представлялось замужество такого рода. Из воспоминаний О.С. Калиновой из хутора Дамановка Даниловского района Волгоградской области (1902 года рождения): «...дело было на масленую неделю... Идет свекор в тулупе — меня сватать за Павла. А я у них и конопля пряла, и ткала, и вязала, и кружева разные заплетала. Я ведь все умею делать, на все дела я была мастерица. Ага... Матери-то моей дома нету, так он брату велел меня позвать... Прихожу, и они начинают меня сватать! Говорит свекор: “Я, мол, пришел тебя сватать...” А обычно ведь посылают людей, сватов, а это он сам пришел, отец Павла-то. Говорит мне: “Мы давно про тебя, Ольга, мечтаем...” Я и руками и ногами упираюсь, говорю, что ничего у меня нет. Говорю: “Я в людях живу, чужое ношу и, как домой приду, у меня ничего нет...” А свекор, Иван Маркович, говорит: “Все у тебя будет!..” Ну вот: я и руками и ногами упираюсь, отказываюсь. Говорю: “Я ни за кого не пойду”. Ну, а они чего? Молчат пока... А тогда замуж так и отдавали — невеста голосит, мол, “я не пойду”, а ей отвечают: “Гляди, если скажешь, что не согласна, да еще упрешься, то уходи из дому — ты нам, мол, не дочка!..” Видишь, как было? Какая родительская воля была сильная! ...И так вот посватали меня, и Павла сюда привели, жениха моего»⁷. Тем не менее российская деревня уже в середине XIX в. помимо браков, заключаемых по воле родителей, знала и «женитьбу по взаимной склонности», что распространилось на Алтае и других территориях огромной страны. Мнение родителей имело большое значение, но принудительно не женили⁸.

В условиях деревенской жизни, где молва формировала общественное мнение, любой проступок или даже не подтвержденный жизнью навет становился препятствием нормальному течению сватовства и последующей семейной жизни. Родители и близкие родственники опасались за доброе имя семьи и стремились как можно быстрее решить сложный вопрос. И в этих случаях нередко настаивали на браках с малознакомыми женихами, из бедных семей. Случалось, что оставшаяся в доме свекра вдова также против своей воли принимала предложение о повторном замужестве по настоянию родителей мужа, поскольку в доме нужен был хороший работник, чтобы содержать и ее и ее детей. Бывало в этих случаях, что жених был

много старше невесты, это было характерно скорее для мусульманской деревни, чем для русской. Женщины-татарки вспоминали, что в их деревнях браки по настоянию родителей были достаточно распространены, а женихи платили бедный калым и были старше невесты на 15–19 лет. И при этом традиционное приданое было весомее, чем в русских деревнях, и включало коров, овец, предметы домашнего обихода, стеганные одеяла, подушки, постельное белье, платки. Случалось им идти и второй женой⁹.

Подчинение родительской воле, которая направлена только на соблюдение экономических интересов, — скорее односторонняя оценка предполагаемых браков, которая исходит из традиционной оценки деревни до начала XX в. Раскрепощенная 1917 годом деревня дала возможность всем и каждому действовать, руководствуясь собственными моральными нормами и представлениями. Но традиционно и консервативно — не значит отстало и насильственно. Воля родителей отнюдь не всегда была против выбора сына или дочери и, кроме того, совет старших, умудренных жизненным опытом, не лишний при выборе спутника жизни. Деревня до начала XX в. знала и примеры полной поддержки выбора жениха, более того, участия в судьбе дочери наперекор мнению семьи или отца. Но такого рода судьбы, как правило, оставались вне поля зрения исследователей. Вспоминает А.М. Ганцевич (1908 года рождения) из села Злотниково Новосибирского района Новосибирской области: «С Ганцевичем росли вместе, через улицу. Я для него была соплячка. Он был рослый, сильный, хулиганистый. А потом меня просватали в 15 лет. ... Меня уговорили, дала согласие. И пропили меня, как какой-то башмак. А наутро, я не только плачу, я кричу: “Не хочу! Не пойду!” На другой год он опять приезжал... У меня были случаи, когда у меня были женихи по три-четыре за вечер... У меня было много женихов, а любила я Ганцевича. Да так сильно! Он меня все по-современному сговаривал идти замуж. Но все-таки без разрешения отцовского убогом я не могла идти. Пошли к моим родителям, решили — спросим. ... Они не разрешили. Мы разошлись. На завтра мне мама говорит: “Если будет звать Степан, — иди!” Ну я и пошла. Вот так мы и поженились. И прожили с ним 56 лет». — Это о себе. И о других: «Когда юноша заручался согласием подруги, то шли свататься. Но часто случалось так, что или наудачу, или “по желанию родителей”»¹⁰.

Жизнь оказывалась многообразней и сложнее, чем многим женщинам казалось в молодости. Нередко приходилось сожалеть о непослушании родителям. Но жизнь шла, приходилось мириться. Вспоминает М.И. Шилкина из села Покрово-Алексино Знаменского района Тамбовской области (1916 года рождения): «Замуж я вышла в 1935 г. Я с 1916 г., а Егор Иванович — с 1914 г. Мне еще не было и 19 лет, нас не расписывали, и мы жили

без регистрации. Год так прожили. Потом получили паспорта и пошли в Тарбеевку, там был сельсовет. Приходим, чтобы расписаться, брак зарегистрировать, а у нас в паспортах одна фамилия — Шилкины. Нас и спрашивают: “Вы что же, брат и сестра?” Мы переглянулись и отвечаем: “Как же так?..”

Мой отец отдал меня за Егора Ивановича, тот ведь за мной четыре года ухаживал. Отец был бригадиром и знал Жору, уважал его. Был он работающий. Сам высокий, крепкий. И я тоже полная, хорошая была. Работал Егор Иванович в колхозе. Послушный был.

...А потом, когда вышла замуж, то даже потужила. Бедность у него была большая. Он же вволю не ел! Отец у него рано помер. Брат его, Федор, выпивал, мать одна у него оставалась. Пришла к ним и запечалилась. Хатенка была маленькая, пол земляной. У нас в отцовском доме, хоть и детей было девять, но получше было. Да тут еще с его братом нелады начались. Замуж выходила, то и не думала, что он же в армии не был. Это же мне солдаткой оставаться... До сих пор не могу понять, как же это я не подумала об этом, а замуж пошла...»¹¹

Женщины в деревне не были единой бесправной социальной группой. Положение незамужней девушки и женщины, имевшей семью, существенно отличалось не только в экономическом, бытовом, моральном отношении, но и в юридическом. Но особенно выделялись в деревне свекрови.

Российско-британское социологическое обследование российских деревень дает интересный материал о построении семейных отношений и их иерархии. Характерно, что наравне со свекром большой волей, силой, авторитетом обладала свекровь.

«...Свекровка была трудолюбивая, нескандальная, порядочная, — вспоминает о своей бытности невесткой А.М. Ганцевич из села Злотниково Новосибирского района Новосибирской области. — Она знала кому что надо дать, кто чего стоит. Сыновья ее слушались, почитали. Не пили, не курили. Семья была очень большая... Свекровка жила со мною, как мать. Ухаживала за мной, как за дочерью, — с благодарностью отмечает она. — Ухаживала за внуками. И никуда от нас не уходила, была вместе с нами. Она даже имела право остаться с сыном, ее старший сын оставался. Она на это не пошла, не бросила меня и поехала вместе в Нарым». Вот так, добром, поминает Анна Матвеевна разделившую с ней трудные годы насильственной ссылки свекровь — Пелагею Васильевну Ганцевич.

Однако положение свое с самого начала в семье мужа при свекрови та же А.М. Ганцевич охарактеризовала так: «Крестьянке некогда было пудриться и румяниться. И потому родители, большинство, выбирали невесту своему жениху. Вот как поженятся — их туда и толкали, куда они потребуются. Всем управляли отец и мать, молодые собой не владели, — подчер-

кивает она. — У нас распоряжалась свекровка, я у нее была подчиненной. Но у нее болели глаза, я стала к печи, стала готовить, доить коров. Работать — была во всем я. И она рядом не отставала. Все еще смеялись: “У Ганцевичихи третья сноха, а она все еще впереди бежит на пашню”».

«...Когда жили вместе, я маленькая была, братья всем руководили. Замуж вышла... свекровка руководила», — вторит ей и П.П. Логинова из того же сибирского села Злотниково.

Таким образом, свекровь и сама, как правило, непрерывно работала, и другим, в том числе, конечно, невесткам, спуску не давала. Так, Лукерья Александровна Ледовская — мать Горбатовых (Ледовской) Марии Ивановны из села Константиновское Светлоградского района Ставропольского края — вспоминает о пробуждении своем в доме свекрови на другой же день после свадьбы: «Я устала утром прям наранни: “Ну, мать, шо делать?” Она: “Неси таз, выгребай золу. Неси на улицу. Чисть картошки на борщ”, — вот тебе и готово. Прямо учера венчали, а нынче тах-та, работай». «Тогда... вот их жило, например, четыре невестки. Свекровь только и командывала с свекром. А ребята работали и невестки работали», — итожит за нее сказанное нынешняя невестка ее Мария Алексеевна Ферсова.

А потому свекра и свекрови невестки нередко и боялись. «А как боялись? Если свекор, примерно, идет и сидят невестки праставалосые, без платка. А! Кто чево! Если он только закашлял у сенцах, они прям хватают платки, повязываются, все как одна замолчали. Песняка у хати — как только и свекровья явилась — все примолкли, только знают: дерх, дерх, прядут. Тут и люлька ногой качай, пряжу крути, пряди, — вспоминает об этом спустя десятилетия со страхом Александра Осиповна Смагина из села Константиновское Светлоградского района Ставропольского края. — Раньше в прощенное воскресенье идет прямо: “Прости, мамаш!” — чебурых у ноги. А теперь поклоняться, она: “Не указ, без тебя знаю!”», — сравнивает она времена¹².

Статус свекрови и ее влияние на семью до сих пор не послужили предметом специального исследования. Хотя воля свекрови пусть даже по художественным произведениям определена как жесткая, давящая, властная. Логично предположить, что к этой категории женщин можно отнести половину трудоспособного возраста крестьянок. Следовательно, уже эта часть женского населения деревни вряд ли может быть отнесена к задавленной массе, поскольку сама оказывала существенное влияние на жизнь в семье. Как пишет профессор М. Левин, «женщины, включая, по всей видимости, и самую большуху-свекровь, были чем-то вроде низшего класса...», при этом подчеркивает, что угнетение молодых женщин было тройным: муж, свекор (большак) и свекровь¹³. Отметим главное здесь, что женщин в деревне притесняли не только мужчины и родители,

особенно отцы, но и свекрови, т.е. сами женщины были мощной силой в семье. Напомним о последующих в советской деревне «бабьих бунтах», где инициаторами являлись женщины, и это было не только мощной волной, которая явилась результатом социальных переустройств в деревне, но и ее внутренними возможностями. Не молодежь выступала зачинщиком этих «бабьих бунтов», а именно «бабы», т.е. замужние женщины, в массе своей жесткие, волевые, властные свекрови.

Советская власть квалифицировала выступление женщин и крестьянское женское сопротивление как неосознанное, эмоциональное и, как правило, спровоцированное и руководимое мужчинами. На деле протест крестьянок против коллективизации являлся ответом на осуществлявшуюся политику государства, он был и осозанным и проходил не на эмоциональной волне, а сформировался в сознании самих женщин¹⁴. Крестьянки руководствовались собственными представлениями о сельской жизни, своими социальными воззрениями на построение нового общества. В какой-то степени крестьянкам было легче протестовать против коллективизации в деревне, т.к. их действия квалифицировались как неосознанные, а не как контрреволюционные — как в отношении мужчин (по статье 58 УК РСФСР). Крестьянки сыграли важную роль в сопротивлении коллективизации, продемонстрировали и элементы организованности, и политическую направленность¹⁵.

«Женщина в колхозе — большая сила», — но женщина против колхозного строительства была еще большей силой. Эта же сила со всей ее страстью, драматизмом, нежностью, самоотдачей проявлялась и в семье.

В традиционной крестьянской семье очень сильны позиции мужчин как главы дома, который обеспечивает материальные потребности ее членов, а женщина как хранительница «очага», мать оберегает покой и внутреннее благополучие этого дома. Дети рано включались в трудовой ритм семьи, являлись главной надеждой родителей на обеспеченную старость. Соответственно члены семьи и оценивались прежде всего по тому, какой вклад они вносят в общесемейное благосостояние. В мужчине ценились хозяйственность и деловитость, способствовавшие выполнению главной роли — кормильца семьи. Именно роль кормильца, обеспечивающего семье основные средства к существованию и престиж в обществе, была основой семейной власти мужчины¹⁶.

В современной семье базисом благополучия служат эмоциональные отношения супругов. Больше стали цениться взаимопонимание и дружба. Женщины ценили романтические отношения. Многие из них, особенно в молодости, считали, что смысл жизни определяется любовью. «Мне скоро 17 лет. Год назад я познакомилась с хорошим парнем. Он старше меня на три года. Через некоторое время ему пришлось уехать из наше-

го поселка в Красноярский край к больной матери. Мы стали переписываться, и я поняла, что полюбила его. И он меня. Саша звал к себе, я — к себе. Мои родители не были против наших встреч с Сашей, но когда я собралась ехать к нему (его мама не возражала), они меня не пустили, сказали: рано замуж выходить, мала еще. Я очень расстроилась и написала Саше, что придется подождать. С тех пор прошел месяц. Писем от него нет. Вдруг это моя судьба, а из-за родителей я ее упустила? И разве даны им такие права: лишать счастья собственного ребенка?» (Аня С., Горьковская область)¹⁷.

Другое письмо: «Мы встречались два с половиной года. Все было хорошо, и вдруг неожиданно он меня бросил и женился на другой. Я и характером и лицом — вся в папу. И папа у меня однолюб. Я знаю, любовь на свете одна. И я полюбила на всю жизнь. Но ведь тот, кого я люблю, женился на другой. Что же мне теперь делать?» (И.М., с. Пархомовка, УССР). На этот вопрос радикально отвечали молодые мужчины: они ни при каких обстоятельствах не считали возможным отказаться от любви. В рубрику «Личная переписка» журнала «Сельская молодежь» поступило письмо военнослужащего Андрея, одобренное и поддержанное последующими обращениями в прессу. Он написал: «Если любишь, сделай так, чтобы и тебя любили, чтобы понимали, чувствовали, чтобы твой любимый человек жил одними мыслями, одним умом с тобой»¹⁸.

Эти мучительные вопросы девушек не так уж необычны для влюбленного, оказавшегося в драматической ситуации. Женщины старшего поколения, говоря о своей семейной жизни, высоко оценивали романтическую любовь, считая, что она возвышает человека, делает его духовный мир богаче: «Высокая любовь не у всех бывает, это дар. И за нее на жертвы надо идти» (Б. Громова, г. Озеры); «Не могу забыть то время, когда казалось, у меня крылья за спиной»; «Любовь — вот вам помощь в жизни. Счастье, что рядом живет прекрасный и светлый человек»; «Такое чувство бывает раз в жизни и не повторится больше никогда...»; «Любовь светит мне, как маяк, всю жизнь»; «Любовь — это труд души, сердца и ума»¹⁹.

«Крестьянка», «Сельская молодежь» открыли специальные рубрики «1001 раз про любовь», «Девичник», «Личная переписка», где приводились обзоры писем, обсуждались наиболее сложные, порой драматические жизненные ситуации, свое мнение высказывали здесь психологи, журналисты.

Тоска по любви часто приводила к мимолетному роману в зрелые годы. Иногда она была связана с несчастливой первой любовью. Многие авторы писем рассказывали, что вышли замуж «не по любви», а в силу ряда причин и обстоятельств: потребность иметь друга, разочарование в людях, жалость к себе, иногда из чувства мести. Другие корреспонденты пишут, что любовь — это высокое чувство, которое они сами хотели

бы испытать: «Я завидую авторам писем: они все любили. Неважно, что безответно или будучи замужем, женатыми, неважно, какие у них отношения с любимым человеком. Главное, они знают, что значит любить, и мне становится обидно: неужели я хуже других или я бессердечная?» (Н.М. из Ленинградской области)²⁰.

Истинная любовь чужда выгоды и практицизма. В этом еще раз убеждают письма женщин: «Я давно люблю одного человека. Знаю, что не нравлюсь ему, что мы никогда не будем вместе, и все же люблю. Мне порой очень трудно. Но кажется, что было бы еще труднее, если бы я разлюбила» (Ирина К., Горловка)²¹.

Общественное мнение постепенно становилось не столь однозначным. Не только молодые женщины, но и старшее поколение, бывали случаи, становилось на сторону любящих. Они ставили чувство любви выше сохранения семейных отношений, несмотря на причиненные страдания близким людям. «Я вышла замуж без любви за человека, который обещал заботу, внимание и преданность. Шли годы, росла семья, прибавлялось мне работы, а любви не было. Много лет я, как могла, сохраняла благополучие семьи, надеялась, что с годами все образуется. Но поняла, что семьи нет и не было.

А потом мы переехали в другой поселок, и однажды я случайно встретила с человеком, у которого есть жена и ребенок. Около трех лет только это и было — мы смотрели друг на друга. А потом он не выдержал, — описывает свою историю учительница из сельской местности. — Поделилась я со своей тетей, родней которой у меня на свете нет. Думала, испишет мне все письмо нравоучениями. А получила ответ — и наревелась вдосталь. “Милая моя, не живи “синим чулком”, коль пришло к тебе такое чувство и встретила ответное — береги, не оскорбляй его, не распускайся, держи выше голову, через все пройди, но не отрекайся от любви!”²².

Прагматичное отношение к браку уходило. На первый план пришли эмоциональные его ценности. Характерно, что, несмотря на все строгости и моральные нормы советского времени, допускались открыто высказанные на страницах популярных изданий различные точки зрения на брак и семью писателями, артистами, психологами. Приходило понимание свободы выбора за человеком. «Можно осудить авторов писем — ведь и они часто признаются в “грехах” и “изменах”. Но правильнее, думается, услышать в них другое, — писала “Крестьянка” в начале 1980-х гг. — величайшее уважение к самому чувству любви, доверие к любящему сердцу, убеждение в том, что только взаимная искренняя любовь может считаться фундаментом настоящей советской семьи»²³.

Молодежь все более склонялась к свободному решению семейных проблем, не связывая личное счастье с обществен-

ным мнением, местом проживания, работой²⁴. Многие девушки залогом удачного замужества считали привлекательную внешность.

«Я некрасивая и чувствую себя из-за этого очень-очень несчастной! Мне кажется, что все надо мной смеются, — пишет Жанна З. из Калужской области. — Если бы я могла сделать так, чтобы на всей планете были только красивые лица — как бы это было здорово!»

«У меня худая, плоская фигура, вернее, вообще никакой фигуры нет. Завидую всем девушкам и сама чувствую, что становлюсь злой, отталкиваю от себя людей. А мне хочется быть такой, как все, и чтобы все хорошо ко мне относилось. Но как это сделать?» (Люба В. из Волгоградской области).

«Видно, счастье в жизни дается только красивым!» — заключает свое письмо Галя К. из Молдавии²⁵.

Большое значение девушки придавали умению выглядеть современной, следовать городским стандартам поведения и моды.

«Парни любят не только красивых, но и современных девушек. Как же стать современной?» — спрашивает Милона Г. из Молдавии.

Некоторые вкладывают в понятие «современный» чисто внешний смысл: модная прическа, модное платье, косметика...

«Мы, ученицы, дочери доярок, приехали отдохнуть в молодежный лагерь. С нами в одной палатке оказались девушки из Ростова. Рядом с ними мы выглядели такими старомодными! Дайте скорей совет: как стать современными, то есть модно одеваться и пользоваться косметикой». Это письмо подписали подруги из Ростовской области²⁶. На протяжении десятилетий «Крестьянка» и «Сельская молодежь» служили для сельских жителей юридическим советчиком, психологом, врачом, культурно-просветительным работником, портнихой, заменяя, таким образом, отсутствующую инфраструктуру деревни.

Исследования советской деревни показывали, что женщины были более образованны, чем их мужья²⁷. Стремление к вступлению в брак не сделало его в глазах женщин обязательным и при всех условиях неизменным на всю жизнь. Женщина оставляла за собой и право на развод.

Высоко оценивая роль семьи, большинство респондентов (70% женщин и 78% мужчин, по данным ВЦИОМ 1994 г.) предпочитали жить вне брака, чем пытаться сохранить неудачный брак²⁸. Пережив глубокое разочарование в близком и любимом человеке, некоторые женщины, преодолев личную драму и духовный кризис, по прошествии времени считали такие переживания чрезмерными, нерациональными. Но они не прибегали к помощи извне, преодолевали кризис в одиночку: «История моей жизни проста, банальна, обычна для других, но для меня единственна... Но и изживала свою привязанность

к мужу (он из серии так называемых “бабников”) в течение многих лет, потратив на это столько душевных сил, сердца, здоровья, эмоций, что сейчас думаю — Господи, да где же был мой разум? Зачем я тратила свою жизнь так нерасчетливо?»²⁹.

Государство, обеспокоенное снижением рождаемости, несмотря на огромную нагрузку на женщину на работе и дома, выступало за многодетные семьи. Предпринимались и робкие попытки для преодоления апатии и инерции мужчин в семейной жизни. Женщины были крайне недовольны огромными нагрузками и единственный выход сократить их видели в ограничении размера семьи.

В связи с этим возникают новые конфликты, которые продиктованы повышенными требованиями к членам семьи. Мужу и жене теперь не так важны, как прежде, строгое разделение ролей или материальный вклад, вносимый каждым. Высокую ценность приобретают общение, одинаковый взгляд на мир. Разногласия в семье могут возникать из-за разного отношения к одним и тем же вещам, из-за различных взглядов на воспитание детей, из-за столкновения вкусов, привычек. Люди стали сложнее.

Материальное благополучие не исключает потребности в любви, взаимопонимании, дружбе. Единство или близость жизненных интересов служат надежным фундаментом семейной жизни. Их отсутствие приводит к дискорфорту в жизни семейных пар, порой это заканчивается разводом. Обывательское мнение остается на стороне материально хорошо налаженной жизни и непьющего мужа и совсем не склонно поддерживать сторону чрезмерно требовательной жены. Не поддерживали такую позицию в семейной жизни и родители, советовавшие «не дурить», поскольку муж «не пьет, не бьет, не гуляет и неплохо зарабатывает». Предметом зависти для одной молодой жены оказалась соседская малообеспеченная семья, где муж и жена «на работу — вдвоем, с работы — вдвоем. И все вместе делают. Скотину кормить — жена замесит, муж ведро в хлев отнесет. И все-то у них ладится, все тихо и мирно, ругани никогда не слышно. Живут в неказистой избушке — не чета нашему дому, а какие же они счастливые!». И готова была женщина «с радостью отдать все свое богатство за такое вот счастье!»³⁰.

Переплетение установок, пришедших из прошлого и выработанных современной жизнью, приводит к психологическим конфликтам. Это споры о воспитании детей. В семье могут быть разные взгляды на средства воспитания, на допустимость применения физических наказаний, на дозволенность тех или иных поступков детей и т.д. Такие конфликты не были свойственны традиционной семье, где существовало жесткое единство требований к детям. Кроме того, детей стало меньше, и они стали пользоваться значительно большим вниманием, их стали чаще баловать. Естественно, что жалобы на споры о воспитании де-

тей характерны для семей, в которых имеются маленькие дети и школьники.

Психологический характер носят и жалобы на вмешательство родителей в семейную жизнь молодой брачной пары. Традиционная семья строилась на строгой иерархии, где родители имели веское слово и возможность серьезных санкций в случае непокорности.

Структура семейных отношений оставляла мало возможностей для открытого конфликта. В современной семье молодожены по уровню образования, по заработку часто превосходят родителей и обладают юридической и фактической возможностью самим определять свою жизнь. Поэтому они вовсе не считают для себя обязательным подчиняться любым распоряжениям, соглашаться с любым мнением старших. Как правило, они признают лишь те мнения, советы, которые обоснованны. Конфликты психологические, основанные на разнице ценностных ориентаций и культурных представлений, более характерны для образованных слоев населения. Если в селах Молдавии конфликты с родителями отмечались только у 2% респондентов, то у молдаван, работавших в научных и творческих учреждениях Кишинева, — уже 8%, а у русских той же социально-профессиональной категории — 11%.

Отношения со старшим поколением несколько различны у разных народов. В Узбекистане уважение к старшему поколению является правилом, нарушать которое решаются лишь немногие. В частности, на вопрос: «Обязательно ли получать согласие родителей при вступлении в брак?» — положительно ответили 88% узбеков-горожан. Представители других национальностей придерживаются данного мнения значительно реже: 61% молдаван, 41% грузин, 38% русских (в РСФСР), 22% эстонцев. Наибольшая доля ответов такого типа наблюдается у представителей неквалифицированного физического труда разных национальностей³¹.

Повышение уровня образования и урбанизация содействуют большей независимости молодежи, что в некоторых случаях ведет к конфликтам между детьми и родителями и способствует нуклеаризации семьи, отделению молодых семей от родительских.

В советском обществе на каждую тысячу человек соответствующего пола приходилось 38 мужчин и 36 женщин в возрасте 40–45 лет, никогда не состоявших в браке³². Еще до вступления в брак 41% невест и 50% женихов не отрицали возможности развода³³. Государственная политика однозначно стояла на охране семьи. Развод в условиях крестьянского менталитета большинства населения страны воспринимался только как крайний и вынужденный шаг для прекращения семейной жизни, и для его оправдания требовались серьезные и веские причины. Тем более если в семье воспитывались дети. Покончив с

юридическим признанием фактических браков, в 1944 г. была ужесточена и процедура развода. Кроме того, создавалась «непримиримая» атмосфера и в средствах массовой информации, и в самом массовом и любимом населением кино к «морально неустойчивым» членам советского общества. Однако это не привело к полному отказу от разводов, и кривая статистики постепенно после середины 1940-х гг., когда и разводиться-то было без необходимости, поскольку многие браки являлись фактическими и не нуждались в такой юридической процедуре, стремительно пошла вверх.

Таблица № 20

Число разводов в СССР (тыс.)

годы	Всего	Город	Село
1940	205,0	108,0	97,0
1943*	83,0	38,0	45,0
1944*	69,0	33,0	36,0
в том числе:			
I полугодие	58,0	28,0	30,0
II полугодие	11,0	5,0	6,0
1945	6,5	5,9	0,6
1946	17,4	15,9	1,7
1947	28,4	25,4	3,3
1948	41,0	35,0	6,0
1949	55,9	46,7	9,2
1950	67,4	54,8	12,6
1951	76,7	62,0	14,7
1952	86,1	68,7	17,4
1953	98,4	79,5	18,9
1954	114,4	97,0	17,4
в том числе:			
I полугодие	55,9	47,0	8,9
II полугодие 1955	63,6	57,2	6,4

* Без оккупированной территории.

Источник: Советская жизнь. 1945–1953. М., 2003. С. 697

Возрастающее число разводов заметно беспокоило правительство страны. Оно видело именно в устойчивой семье источник повышения рождаемости³⁴.

И в городе и в деревне к разводу прибегали сравнительно молодые люди — мужчины в возрасте от 30 до 39 лет и женщины — от 25 до 29 лет. В 1940–1950-е гг. в общем числе распавшихся семей эти возрастные категории составляли почти две

трети. Большая часть браков распалась после 1–4 (треть) и 5–9 лет совместной жизни (еще треть). В конце 1950-х гг. по доминировавшей среди разводящихся группе 25–29-летних развод коснулся 3 мужчин и 3 женщин на 1 тыс. сельского населения³⁵.

Количество разводов в деревнях было намного меньше, чем в городах. Традиционно деревня осуждала разведенных людей, главным образом виновников распада семьи³⁶. Среди причин развода значились прежде всего пьянство, как правило мужа, связанная с этим супружеская неверность, значительные культурно-бытовые различия, часто называли длительное отсутствие мужа вследствие отъезда в город на заработки, разногласия со свекровью... В большинстве случаев инициаторами развода в деревне были мужчины. Они по-прежнему считались «хозяевами и кормильцами», без которых содержание дома и семьи заметно ухудшится³⁷. Кроме того, малочисленность мужчин усиливала их значимость. С повышением статуса женщин их влияние в семье возрастало, как и требования к супругу, и тем не менее фактически до конца XX в. к разводу, распаду семьи общественное мнение было настроено однозначно негативно. Хотя треть населения страны проживала в сельской местности, только один из шести разводов приходился на деревню. В течение 1970-х гг. тем не менее число разводов на селе возрастало более быстрыми темпами, чем в городах³⁸. Эта тенденция развивалась в последующие годы.

В 1980-е гг. на территории СССР заключалось более 2,6 млн браков и распалось около 1 млн. Наблюдался устойчивый рост разводов, составивший в среднем за год 938 тыс. по сравнению с 757 тыс. в 1970–1979 гг. Одним из последствий разводов явилось большое количество неполных семей, число которых составило, по данным переписи населения 1989 г., более 9 млн (свыше 12% общего числа семей), из них 5,3 млн — с детьми моложе 18 лет. В 1989 г. на 1000 разводов приходилось 829 общих детей. Только в течение 1989 г. добавилось 775 тыс. детей, лишившихся в результате развода одного из родителей, как правило отца. Всего в 1989 г. было учтено 13 млн разведенных и разошедшихся. Согласно итогам переписи населения 1989 г., в стране насчитывалось более 8 млн разведенных женщин, их доля в общей численности женщин свыше 16 лет несколько увеличилась³⁹. В последующее десятилетие при снижающемся числе официально зарегистрированных браков с 1319,9 тыс. в 1990 г. до 1001,6 тыс. в 2001 г. увеличивалось количество юридически оформленных разводов: с 559,9 тыс. до 763,5 тыс., т.е. почти в полтора раза. Сельские семьи распались опережающими темпами. За 1990-е гг. количество разводов на 100 заключенных браков возросло на селе в 1,8 раза, тогда как в городе в 1,3 раза⁴⁰. Статистика XXI в. фиксирует расходящиеся демографические тенденции: возрастает количество желающих официально оформить семейные отношения, но одновременно увеличивается и число пар, расторгающих юридически оформленный брак.

Браки и разводы

Годы	Тысяч		На 1000 человек населения	
	браков	разводов	браков	разводов
1960	1500	184	12,5	1,5
1970	1319	397	10,1	3
1980	1465	581	10,6	4,2
1990	1320	560	8,9	3,8
2000	897	628	6,2	4,3
2001	1002	764	6,9	5,3

Источник: Женщины и мужчины России. 2002. Стат. сборник. М., 2002. С. 38.

В России около половины мужчин и женщин в течение жизни расторгали брак. В среднем из каждых пяти зарегистрированных браков расторгалось два. Более 30% разводов приходилось на молодые семьи, просуществовавшие менее пяти лет⁴¹. Казалось бы, значительное и постоянно возрастающее количество разводов приведет и к возрастанию повторных браков. Фактически для многих неудачный опыт супружеской жизни послужил негативной оценкой брака вообще, женщин останавливало отношение к детям будущего мужа... Как фиксировали демографические исследования середины 1990-х гг., «в течение двадцати пяти лет число повторных браков в условных поколениях снижается»⁴². Многие разведенные предпочитали фактические семейные отношения, не считая обязательным их официальное оформление. Это больше типично для города⁴³, но современная деревня также ориентируется на этот тип семьи после развода.

Таблица № 22

**Доля повторных браков среди всех браков в России
в 1980–1995 гг. (в %)**

Год	Мужчины		Женщины	
	все повторные браки	в т.ч. браки разведенных	все повторные браки	в т.ч. браки разведенных
1980	18,9	16,1	17,9	14,3
1985	23,8	20,7	24,6	20,1
1990	25,3	22,3	24,6	20,4
1995	27,5	25,0	27,4	23,3

Источник: Население России 1996. Ежегодный статистический доклад. М., 1997. С. 68.

Современная женщина ориентирована на любовь и уважение к мужу и со своей стороны проявляет повышенную требовательность и не мирится с не устраивающими ее сторонами семейной жизни, с какими еще мирились ее бабушка или даже мать. Нередко демографы интерпретируют развод как трагедию, свидетельство дезорганизации семьи, обращая внимание исключительно на негативные последствия, особенно для детей. Между тем дети, чьи родители продолжали жить в конфликте и не развелись, испытывали на себе все последствия этих взаимоотношений. Отметим при этом, что наличие детей в целом не сказывается на интенсивности расторжения браков⁴⁴. В складывавшихся ситуациях непримиримости лучшим выходом становится развод супругов, от которого в конечном счете выигрывают все члены семьи⁴⁵.

Таблица № 23

Разводы и повторные браки в отдельных странах

Страна	Уровень разводов в 1985 г. на 1000 человек населения	Повторные браки в 1980 г. в % к числу браков
СССР	3,4	нет данных
Япония	1,38	16,9
Бельгия	1,86	15,0
Франция	1,95	11,4
Италия	0,29	16,6
Швеция	2,37	20,6
Великобритания	3,20	23,7
США	4,96	32,5

Источник: Человек и труд. 1992. № 3. С. 8; Народное хозяйство СССР в 1990 г. Стат. ежегодник. М., 1991. С. 83.

В первые годы брака причины и мотивы развода в основном связаны с нравственно-психологической и экономической неготовностью супругов к совместной жизни, неумением психологически адаптироваться друг к другу. Браки продолжительностью от 5 до 9 лет имеют несколько иные причины и поводы разводов. Бракоразводные дела пестрят многочисленными и разнообразными случаями, приведшими к распаду семьи. Среди них часто встречаются: «моральное разложение», хулиганство, грубость, пренебрежение своими обязанностями, несговорчивый характер одного из супругов, различное понимание семейных обязанностей. Нередко причиной распада семьи становится неверность, создание другой семьи, бесплодие. К разводу приводят ревность, ссоры и конфликты с родственниками, неравномерное распределение обязанностей в семье. Причинами распада брака стано-

вятся эгоизм, упрямство, подозрительность, жестокость, грубость, черствость одного из супругов⁴⁶.

Таблица № 24

Мотивы расторжения брака*

Болезнь одного из супругов	2,8
Отсутствие детей	2,5
Вынужденная разлука	7,7
Сводные дети	0,5
Физические оскорбления	3,8
Измена	17,5
Наличие другой семьи	21
Пьянство	14,2
Не сошлись характерами	13
Вмешательство родителей	3
Полюбил(а) другую (другого)	7,5
Религия, несоответствие социального положения и др.	6,5

* На основе анализа 400 бракоразводных дел в Верховном суде Литовской ССР.

Источник: Соловьев Н. Развод, его факторы, причины, поводы // Проблемы быта, брака и семьи. Вильнюс, 1970. С. 123–124.

Инициатива расторжения брака прочно перешла к женщинам. Многочисленные социологические исследования и анализ бракоразводных дел фиксируют их большую настойчивость и отказ от примирения для сохранения семейных отношений⁴⁷. Более чем в 40% случаев причиной для расторжения брака указывался «алкоголизм мужа». Обзор разводов в деревне показал, что в большинстве случаев конфликт в семье возникал из-за тяжелого пьянства мужчины⁴⁸.

«У меня четверо детей. У нас в семье дня не проходит без скандала, — писала Л.Букарева из пос. Бегичева Тульской области в 1965 г. в “Работницу”. — Муж пропивает все получки, премии. Я обращалась на предприятие, где работает муж. Никакого результата. Таких семей, как наша, в поселке много⁴⁹. Из Омской области Ольга К. обратилась с письмом в журнал «Сельская молодежь»: «Трудно стало жить и разобраться в своей жизни. Дело в том, что у меня пьет муж. Он любит меня трезвой, но если запил, то забывает про все, сутками не бывает дома, пока не истратит деньги на выпивку. Я знаю, таких семей много, и в наше время встретить счастливую семью редкость.

Я сама выросла в семье, где пил отец, и не хочу моим детям такой жизни. Да, я жалела его, думала пропадет, а теперь, со временем, жалость сменилась ненавистью к нему, пьяному.

Не знаю, смогу ли я решиться на развод, но жить так дальше невозможно»⁵⁰.

Случаи пьянства отнюдь не новое явление для деревни. Но для российской деревни, как правило, лишь религиозные праздники и окончание сельскохозяйственных работ сопровождалась обильной выпивкой. Советская деревня переняла эти традиции. Государство активно и постоянно боролось с проявлением пьянства в стране. Принимавшиеся постановления на правительственном и партийном уровне выдвигали многие меры борьбы с этим «антисоветским явлением». Это выражалось в сокращении производства вино-водочных изделий, ограничении их продажи, расширении сети культурно-просветительных учреждений и улучшении их работы, пропаганде здорового образа жизни, усилении борьбы с лицами, злоупотреблявшими алкоголем. Многочисленные проверки и «рейды» выявляли в коллективах случаи пьянства, которые не оставались без внимания со стороны партийных, комсомольских и советских органов. Бюро Чкаловского обкома КПСС в своем постановлении от 2 августа 1954 г. отмечало: «В отдельных колхозах Тепловского, Ново-Покровского, Абдулинского районов устраивались коллективные пьянки в связи с окончанием полевых работ, религиозными праздниками и т.д., нередко сопровождавшиеся драками и несчастными случаями»⁵¹. Особый упор делался на массовое пьянство именно в религиозные праздники. И хотя пили одинаково много и в религиозные и в советские праздники, о застольях, пьянстве и драках во время советских праздников не говорили.

Центральный Комитет КПСС обратился к ЦК компартий союзных республик, крайкомам, обкомам, райкомам КПСС и первичным партийным организациям с закрытым письмом от 14 июля 1957 г., где констатировал: «Пьянство принимает наиболее широкое распространение во время религиозных праздников, особенно в деревне». В связи с этим рекомендовалось усилить «разъяснительную работу среди населения, принимать меры по предотвращению случаев невыхода на работу, а также организовывать в эти дни различные массовые мероприятия, отвлекающие население от пьянства»⁵².

Поведение членов КПСС на работе и в быту всегда было под особым контролем государства, партии, общественности. Некоторые из них были замечены в чрезмерном употреблении алкоголя. Комитет партийного контроля при ЦК КПСС в 1957 г. рассмотрел 777 дел коммунистов, «уличенных» в пьянстве, а также 1148 дел коммунистов, которые в результате частых выпивок допускали «серьезные проступки и злоупотребляли своим служебным положением». Большинство из привлекавшихся к партийной ответственности за пьянство — молодые члены партии⁵³. Нередко партийная организация, наказывая коммуниста, злоупотреблявшего спиртным, содей-

ствовала его увольнению с места работы. Потеря рабочего места не означала начала новой «трезвой» жизни. Для большинства злоупотреблявших алкоголем мужчин складывалась ситуация, при которой невозможно было трудоустроиться в сколько-нибудь престижное учреждение или на предприятие. Они оказывались на обочине и трудовой и общественной жизни, постепенно опускались по социальной лестнице, а их алкогольная зависимость продолжалась или даже усиливалась. Женщины, семья страдали от этого по-прежнему, а может быть, и сильнее. «Куда обращаться, к кому? — спрашивала Ракитина редакцию “Работницы” (1965 г.). — Мой муж Козлов В.И., коммунист, пьет беспробудно. Я хожу в синяках, на детей он бросается с ножом. Младший сын нервно заболел. Я ходила в парторганизацию мужа, но там только посмеялись надо мной. Пошла в горком КПСС. Оттуда позвонили на фабрику. Мужу дали выговор, а потом выгнали с работы. После этого он совсем спился»⁵⁴.

Увольнение с работы — практически единственная мера, применявшаяся к пьянице и дебоширу. Но он продолжал жить в семье, выселить его или развестись женщине было трудно. «На развод нужны деньги, а где их взять, если он все пропивает. С разводом связан и жилищный вопрос. Но и после развода разъехаться трудно» — так комментировала письма женщин редакция журнала «Работница» в 1965 г.⁵⁵

Многие женщины находили выход из создавшейся ситуации в переезде в другие города или села. Из сибирского села в 1965 г. в Среднюю Азию уехала Н.М. Маркина с матерью и ребенком из-за пьянства, оскорблений мужа. В журнал «Работница» она прислала полное отчаяния письмо, считая пьянством в семье — не личным и семейным делом, а государственным, требующим немедленного решения. «Я — инженер. Училась и работала в Сибири. И меня постигла беда. Муж пьянствовал, дебоширил. И мне приходилось скрываться у соседей с 70-летней матерью и ребенком. На работе я — старший инженер, дома — я бессильная жертва тирании. Я и соседи обращались в милицию, в организацию, в прокуратуру. И нигде не помогли. В милиции мне сказали: “Как опутались, так и распутывайтесь. Убьет, тогда придете”.

Сколько же терпеть это пьянство и издевательства женщинам?! Где выход? Никто не помогает. Не пора ли все-таки найти выход, не заставляя женщин с детьми бегать из дома? ...Ссылаться на то, что это мое “личное” дело, семейное, значит, уйти от ответственности. Это далеко не личное и не семейное дело.

Если нас, женщин-работниц, не защитит наша Советская власть, кто нас защитит? Женщины, которые живут с мужьями под страхом смерти (я несколько не преувеличиваю), не пишут вам, и никому не пишут, т.к. они убедились в своей

беззащитности. А мужья-хулиганы, убежденные в безнаказанности, убивают все светлое в душе жены, матери. А ведь мы, женщины, работаем, не уступая мужчинам ни в чем, да еще растим детей и учимся»⁵⁶.

Отсутствие культурно-просветительных учреждений, замкнутость и изолированность жизни села приводили к тому, что для некоторых жителей привычным делом становилась выпивка на работе и дома, в будни и праздники. Для иных это стало основным видом досуга. Нетрудно предположить последствия этого явления для семьи.

В редакцию журнала «Работница» в 1965 г. З.С. Аксенова из Омской области прислала отчаянное письмо: «Почему когда читаешь газеты, журналы, слушаешь радио, все так хорошо, а как в жизни столкнешься, совсем иное.

У меня муж пьет систематически. Дети в страхе. Уроки не учат или учат на скорую руку, пока отец не пришел. Ночь напролет не спим, отражаем атаки пьяного отца. Он бьет не только меня, но и детей...

Я не раз жаловалась в милицию, но с ним проведут беседу или оштрафуют, да еще за вытрезвитель за него заплачу, а нам жить не на что. ...Писала я и на завод, где он работал, мер никаких не приняли... Вы скажете, почему живу, почему терплю. Но я уйду с двумя детьми. Где меня ждут? А он не желает уходить и грозит: “Подашь в суд, убью!”

Если бы общественность, милиция действовали беспощадно к пьяницам, то, пожалуй, пьяницы и притихли. Или заставили бы их лечиться в принудительном порядке, было бы больше пользы и государству и семье.

Мой муж трезвый — хороший, а напился — как зверь.

Как тяжело так жить, ведь иной раз хочется покончить жизнь, да детишек жаль»⁵⁷.

Второй (а в некоторых республиках первой) причиной разводов выступало несходство характеров. Под данной формулировкой скрываются разные причины семейных конфликтов. По мнению медиков, чаще всего речь идет о неудовлетворенном стремлении иметь ребенка и др. Однако выборочные исследования судебной практики показали, что к разводу ведет чаще не нежелание иметь детей, а невозможность их иметь. Причинами расторжения брака служили плохие отношения с родителями супруга. Одним из серьезных аргументов в пользу развода являлась супружеская измена. Отмечалась прямая зависимость между образовательным уровнем и уровнем разводов⁵⁸. Однако в каждой второй молодой семье (среди попавших в обследование) супруги имели одинаковый уровень образования; в каждой четвертой — образование жены выше образования мужа; в каждой шестой — образование мужа выше, чем у жены⁵⁹. Если высшее образование чаще встречается у мужей, то незаконченное высшее и среднее специальное — у жен. С низ-

ким уровнем образования (неоконченное среднее) мужей было больше, чем жен.

Но встречались и такие причины разводов, как тяжелое материальное положение. Многие молодые женщины изначально были настроены на хорошее финансовое обеспечение за счет будущего мужа. Они полагали, что именно мужчина как глава семьи обязан обеспечивать материальное благополучие, тогда как женщина — привносить в дом тепло, уют, покой. Из Смоленской области сестры Лидия и Зинаида писали в «Крестьянку»: «Мы думаем, что известная пословица — с милым рай и в шалаше — в наше время устарела. Одной любовью сыт не будешь. Да и чувств, если они вообще есть, часто хватает только до свадьбы. Главная сторона любви и семейной жизни в наш рационалистический XX век — материальная. Ну скажите, какой муж даже из горячо любимого человека, если он зарабатывает всего 100 рублей в месяц? Как он семью содержать будет?»

Вы можете подумать, судя по письму, что мы законченные циники и эгоисты, люди, не отличающиеся скромностью. Вовсе нет. Мы нормальные, средние, современные девушки. В меру максималисты и скептики. Словом, типичные. И нам кажется, мы выражаем мнение большинства»⁶⁰.

Для некоторых молодых семей непреодолимым препятствием для семейной жизни оказались трудные жилищные условия. Особенно часто в разладе они винили родителей, с которыми им приходилось совместно жить. Однако из числа обследованных молодых семей за время брака лишь 3,3% объединились с родителями и другими родственниками, а 42,8% отделились⁶¹.

Некоторые молодые люди не спешили вступить в брак по той причине, что каждый пятый расторгнутый брак длился не более двух лет. Каждый третий развод приходился на первые три-четыре года супружеской жизни⁶².

Однако следует отвергнуть бытующее мнение, что значительная часть браков расторгается в первые годы жизни семьи. Наоборот, с продолжительностью брака растет число разводов. Французские профессора М.П. Мари-Шампенуа и Ж. Коман считают, что чувственная основа все с большей легкостью ныне подвергается сомнению и пересмотру, в результате чего возрастают поводы для разрыва, которые возможны на любом этапе семейной жизни⁶³. Так, если со стажем супружеской жизни 1–2 года расторгли брак 15% разводящихся, то доля супругов с продолжительностью брака 3–4 года составляла уже 17%. Пик разводов приходится на 5–9-летний период супружества — эта доля в общей массе разводов составляла 29%⁶⁴.

Даже со стажем супружеской жизни от 10 до 19 лет граждане чаще, чем в первые годы, склонны менять спутников жизни. При этом следует учитывать, что между реальным распа-

дом семьи и его юридическим оформлением проходит от одного-двух месяцев до нескольких лет.

В первый период брака мужа уступают при разрешении спорных проблем более чем в 2,5 раза чаще женщин. При этом в стабильных семьях муж уступает в 21 случае из 100, жена — только в 9; в нестабильных семьях соответственно 14 и 7. Более чем в 17% нестабильных семей ни муж, ни жена не идут на мелкие уступки.

Мужчины чаще женщин идут на компромисс. Если 33% женщин, недовольных поведением мужа, реагируют резко негативно, то 44% мужчин стремятся избежать открытого конфликта⁶⁵. Объединение многих ролей одной женщины приводит к физическим и психологическим перегрузкам. Проводившиеся социологические обследования подтверждали, что в конце рабочего дня большинство женщин жаловались на усталость, а впереди предстоял труд дома и по хозяйству⁶⁶. Труд в полеводстве, практически полностью ручной, и в животноводстве при средней механизации не более 30–40% был очень тяжелым и изнуряющим. Принимавшая участие в социологическом обследовании А.И. Редькина из деревни Леонтьевщина Кичменгско-Городецкого района Вологодской области в 1991 г. вспоминала: «Сразу же после того, как перестала ходить в школу, пошла работать на телятник, где проработала около года. Затем возила молоко пять с половиной лет. Возила молоко на лошади 2-3 раза в день, обслуживала две фермы: ферму в Леонтьевщине и ферму Рудников (там работали три доярки). Кроме возки молока сама мыла бидоны. Зарботки в то время были низкие, хотя молока было очень много. После возки молока стала работать телятницей, телята были откормочные, проработала 8 месяцев. Когда построили в Леонтьевщине ферму на 200 голов (1969 г.), стала работать дояркой. Нагрузка была 20–25 коров. Работа дояркой очень тяжелая: доили коров вручную, корма раздавали вручную, навоз убирали транспортером, сами коров чистили, днем сами дежурили (как дневные сторожа), пасли летом коров сами, в жаркие дни и ночью пасли, подкормку косили и возили сами. А весной с кормами было плохо, так ездили по полям, собирали остатки»⁶⁷.

Одна из самых популярных колхозных частушек конца 1920-х — начала 1930-х гг. звучала в деревнях и в военное, и в мирное время, отражая сельские трудовые будни большинства крестьянок:

Я и лошадь, я и бык.
Я и баба и мужик.
Я и сею, я и жну,
На себе дрова вожу.

Другие трудовые приложения женщин в деревне, не связанные с сельским хозяйством, часто были отнюдь не легче.

О своей матери, А.В. Поповой, из деревни Кобелево Пинежского района Архангельской области рассказывала в 1992 г. ее дочь Анна: «В 1971-м или 1972-м, вот так вот. В тех годах. Мама до пенсии в интернате работала, там в восьмилетней школе. Она там уже поваром варила. Уже ходила в 5 часов утра. Рано придет. Она ведь работала в 5 утра, да придет в час, в два. Да назавтра опять. Помню, как она плакала, не хотела ходить, тяжело было»⁶⁸.

Трагично и правдиво эти сюжеты отражены в художественной литературе, например, в знаменитом «Привычном деле» вологодского писателя-деревенщика В. Белова.

Но крестьяне для женщин в деревне видели иное предназначение. Семья Редькиных из деревни Леонтьевщина Кичменгско-Городецкого района Вологодской области выразила мнение большинства: «Наше общее мнение — женщину-мать необходимо беречь, создавать хоть маломальские условия, чтобы она могла воспитывать детей. А на данный момент что имеем? Женщина — это вол в полном смысле слова, дома трудится как пчелка, на работе — те же 8 часов наравне с мужчинами, да еще при нынешнем тотальном дефиците прибавьте стояние в очереди, — так когда же ей заняться детьми? А уж о том, чтобы обратить внимание на себя, на свою внешность, и думать не могли! Надо в корне такое положение менять.

Первое и, мы думаем, основное предназначение женщины — родить и воспитывать ребенка, поэтому рабочий день у нее должен быть короче, чем у мужчин. Была бы наша воля, мы сделали бы рабочий день для женщин не более пяти часов, а еще лучше — до обеда. Чтобы она могла прийти домой, приготовить обед, встретить детей из школы, накормить, проверить уроки да, наконец, просто с ними книги почитать. Этот вопрос очень серьезный. Это одним колхозом не поднять, надо союзному правительству уделить внимание.

Хотелось бы высказать свое мнение по многим вопросам, но кто его услышит, кто к нему прислушается, это глас в пустыне»⁶⁹.

Многочисленные социологические обследования фиксировали, что почти 80% сельских женщин считали трудным, а иногда очень трудным справляться с нагрузкой по дому и на работе. Доход от приусадебного участка позволял свободнее чувствовать себя в материальном плане, и, не жалея сил и времени, трудились селянки по хозяйству. Труд на общественных работах чередовался с трудом на подворье с редкими минутами отдыха. Анализ результатов социологических исследований за 1980–1990-е гг. показал, что около трети женщин находились под постоянным воздействием отрицательных факторов, связанных как с их трудовой деятельностью, так и с условиями быта. Это подтвердили исследования в других от-

раслях экономики: сверхурочная работа названа как причина возрастания психологического напряжения женщин, что влечет за собой и снижение рождаемости, и невнимание к детям, и брачные конфликты⁷⁰. Это мнение высказано и в многочисленных письмах женщин.

При взаимном согласии брак супругов, не имеющих несовершеннолетних детей, расторгается в органах записи актов гражданского состояния. В этих случаях оформление развода и выдача супругам свидетельства о расторжении брака производится по истечении трех месяцев со дня подачи супругами заявления о разводе (часть 7 статьи 14 Основ законодательства Союза ССР о браке и семье). Жилищные, имущественные и иные претензии супругов друг к другу могут быть в общем порядке рассмотрены в суде после расторжения брака в органах загса.

На первый взгляд, может показаться странным, что граждане предпочитают судебный порядок расторжения брака, нежели в органах записи актов гражданского состояния. Анализ динамики бракоразводных дел выявил увеличение из года в год числа поступающих в суды исков о расторжении брака супругов, не имеющих несовершеннолетних детей.

В 1980-е гг. в органы загса на регистрацию по взаимному согласию супругов поступал только каждый шестой развод. Так, в 1985 г. было зарегистрировано 800,7 тыс. разводов по решению суда и 133,3 тыс. по взаимному согласию. Из числа лиц, не имеющих несовершеннолетних детей, 60% прибегали к судебной форме расторжения брака и только 40% обращались в органы записи актов гражданского состояния.

В 90 случаях из 100 супруги, расторгавшие брак, не имели друг к другу материальных и иных претензий. На этом основании можно предположить, что обращение расторгавших брак супругов, не имевших несовершеннолетних детей, в суд, а не в органы загса было вызвано не наличием претензий и не отсутствием согласия на развод, а иными причинами⁷¹.

Следует отметить, что бракоразводный процесс через судебное разбирательство — явление длительное и сопряженное с глубокими эмоциональными переживаниями, во всяком случае, для одного из супругов. Советская система гражданского суда предусматривала неоднократный вызов «истца» и «ответчика» в зал судебного заседания и на беседу к судье, ведущему данное дело. Даже при обоюдном согласии на расторжение брака судья имел право приглашать супругов трижды для выяснения «обстоятельств» дела. После чего следовало краткое заседание с оглашением постановления суда о разводе. Многочасовые ожидания в обществе друг друга, публичные выяснения отношений, взаимные упреки, а иногда и оскорбления, а до 1968 г. еще и публикация в газете факта предстоящего развода для большинства разводящихся влекли за собой серьезные психические и психологические трав-

мы, которые лечились годами и не забывались никогда. Кроме того, отсутствие у судьи психологического образования, руководство лишь собственными жизненным опытом и моральными принципами часто приводили к болезненному и ненужному выяснению причин и поводов для расторжения брака, особенно если супруги приняли обоюдное и твердое решение о разводе. В других же случаях судьи в силу загруженности, отсутствия интереса к данному делу не проявляли инициативы для «примирения сторон», хотя законом такие действия судьи предусматривались, и многие семьи при внимательном и чутком подходе могли бы быть сохранены, а их разногласия преодолены, поскольку ни психологической, ни моральной поддержки получить многие не могли и единственной их надеждой оставался судья народного суда. В советское время по этим вопросам в церковь не обращались, не было ни служб «Доверия», ни антикризисных центров, ни психолого-аналитических консультаций. Для многих бывших супругов развод становился настоящей трагедией, выход из которой некоторые видели в употреблении алкоголя. Здесь же была почва для развития проституции. Жестокость, несправедливость в отношении одного из супругов порождала жестокость другого.

Традиционные представления о браке, разводе распространялись и на супружескую неверность. Очень типичная ситуация: «Полюбила я парня из своего села в очень раннем возрасте. Мы жили по соседству. По вечерам ходили вместе в клуб. Он научил меня танцевать, по его совету я окончила техникум, институт. Сколько сил мне дала любовь, сколько терпения и сколько переживаний! Он не заметил мою любовь. Женится на другой, живут они в городе. Не смогла я его забыть, хоть и женатого.

Годы шли. В 23 года я вышла замуж без любви, просто потому, что в моем возрасте пора обзаводиться семьей. Мне сейчас 40 лет. С ним не встречались уже 15 лет. Как ни странно, если еду в город, где он живет, всегда разговариваю с ним, мысленно, будто он со мной. Ко мне приходит снова молодость, я чувствую его рядом и радуюсь. Я счастлива, что он есть, что именно мне довелось испытать такое чувство. У меня муж, взрослые дети. Но ношу в себе радость, что есть на свете любимый мной человек.

Мне кажется, можно гордиться, что даже в таком возрасте сердце человеческое не остывает. Встречи не ищу, не надо этого, я хочу сохранить свою семью. А любовь поможет мне выдержать все испытания» (К.Л., Чувашия)⁷².

В деревне большинство считало, что брак не должен разрушаться, если в семье муж или жена любит кого-то другого. Это фиксировали многочисленные социологические опросы, анализ потока писем в женские и молодежные журналы, нашло это отражение и фольклоре⁷³.

Ты, подруженька, подружка,
Не люби-ка моего.
Тебе годиков побольше,
Заведи-ка своего.

В условиях деревенской жизни тайны часто становились явью, особенно если речь шла о деревенских «романах». Абсолютное большинство деревни не принимало никаких аргументов в пользу разрушения прежней семьи и построения новой. Особой строгостью в этом вопросе выделялись разведенные: среди них 80% опрошенных отстаивали прочность семьи, среди состоящих в браке — 70% и неженатых и незамужних — 60%⁷⁴. Жизнь сложилась и надо идти с избранником молодости по ней только вместе, за исключением некоторых и немногих, но очень весомых обстоятельств, например, пьянство и нежелание работать, увязанное в один узел (пьющий, но работающий мужчина не дискриминировался в сознании большинства женщин). Затаенное чувство тем не менее требовало выхода в виде обсуждения с подругами, которых часто не было рядом или которым не совсем и во всем можно довериться, или посещения церкви, чтобы побыть наедине со своими мыслями, но и храм был далеко не в каждом селе, да и многие женщины были не столь религиозны. Оставалось писать, чаще анонимно, и ждать, что твое письмо опубликуют под твоим или чужим именем, но ты знаешь, что ты не один, ты рассказал и тебя услышат, а может быть, и ответят, и посоветуют, и пожалеют.

«Я в молодости встретила с парнем: сейчас мне 40 лет, ну а ему на два года больше, встречались мы с ним три года, но была ли то любовь, не могу сказать.

Прошло время. У него семья: двое сыновей. Я вышла замуж. Муж хороший: 20 лет мы живем дружно. У нас сын (правда, жаль, что единственный), трехкомнатная квартира, обставленная по-современному, машина. А в селе, у родителей, свой дом. Туда мы ездим каждое лето. Но именно там и живет мой старый друг. Вот я себя и мучаю: тайно хочу его видеть, горю желанием, чтобы он заговорил или хотя бы посмотрел в мою сторону. К мужу я не питаю никакой любви, даже жалости нет. Есть только *долг*, долг жены перед мужем. Делаю ли что, иду ли куда, а думаю о том, который за сотни километров от меня живет.

Что это — запоздалая любовь? Или от безделья маюсь? Вроде бы не то. Как я хочу ласки именно его, как я хочу стирать и все делать только ему: провожать его на работу, встречать с работы. Нарожать детей от него, и чтобы они были похожи на него, чтобы у них была его улыбка, глаза, взгляд и такое же застенчивое лицо.

Я завидую влюбленным, любящим, и как мне хочется испытать настоящей желанной любви только с ним, любимым!

О чем же я думаю? Скоро внуков дождусь, дожила до седых волос, но как приеду в родную деревню — все забываю, бегаю по улицам, лишь бы милого увидеть...

Прошу: не осуждайте меня строго, я уж и так дважды наказана: во-первых, живу с нелюбимым, а обязана ему всем за его доброту, за ласку; во-вторых, люблю другого, о ком даже думать не имею права. И поплакать открыто нельзя»⁷⁵.

Общественное мнение осуждало развод, кроме того, на селе значительно меньше возможностей для вступления в повторный брак.

Различия в установках на семью проявляются и в ответах на вопрос о том, как быть семейному человеку, если у него появилось новое сильное чувство, — оставить семью или выполнять свои семейные обязательства во что бы то ни стало. Браки, в которых супруги духовно близки друг другу, наиболее прочные. Одинаково тяжело и муж и жена переживают новое увлечение супруга⁷⁶, но именно понимание другого, взаимопонимание и духовная близость, боязнь причинить другому боль и страдание и останавливают от трудного выбора оставить семью, формируют ответственность за близких людей, их покой и благополучие. Большинство участников социологического опроса 1986—1987 гг. разных национальностей считали, что разрушать семью, оставлять детей ради нового брака не стоит ни при каких обстоятельствах. Этого мнения придерживались 84% узбеков, 73% грузин, 67% молдаван, 54% русских (в РСФСР) и 51% эстонцев⁷⁷.

В письмах женщины обычно подчеркивали, что личному счастью следует предпочесть ответственность за детей в браке, несмотря на переживания и страдания: «Встретились мы на поле, вроде пожилой человек, сошел с трактора, попросил попить воды, только и всего. А он влюбился. Стал ходить за мной по пятам. У нас же есть семья. Разговоры пошли по всему поселку. Скрывать не стану, мужа я своего не люблю. Наверное, это не любовь была, а просто жалость, когда мы решили соединить наши жизни. А теперь мне деваться некуда, ради детей жить надо. Мне подруги советовали: поживешь, привыкнешь, полюбишь. Нет! Сердце болит и любит другого. Как быть, кто виноват? Неужели тот знойный июльский день и тот глоток воды?»⁷⁸. Многие мужчины также считали, что семейная жизнь не должна разрушаться, если пришло сильное чувство к другой женщине: долг, ответственность за семью, детей должны быть выше собственного счастья, даже если это стоит огромных страданий. Из Тюменской области В. писал в «Крестьянку» искренне и пронзительно: «Опять я не нахожу себе места. Все мысли о ней, о моей любимой. Побывать с ней хотя бы пять минут для меня безграничное счастье. Мне больше 45 лет. По характеру я человек общительный и веселый, хотя в жизни пришлось хлебнуть немало. Живем в мире и согласии. Воспиты-

ваем троих детей. Все шло у нас размеренно и гладко. Дружья и знакомые считали нас идеальной парой. К женщинам всегда относился с большим уважением: как же им, бедняжкам, достается, сколько терпения и сил надо, чтобы быть “тягловой лошастью” и при этом оставаться Женщиной! Я смотрел на них с сочувствием и пониманием. В том числе и на Тамару.

Мы работаем вместе не первый год, и я не переставал изумляться ее выдержке, неизменной доброте и человечности в отношениях с сослуживцами. Но и только.

До сих пор гадаю, когда и почему так получилось, что вдруг вошла в мою душу эта любовь. Сначала ее огонек был маленький и робкий. Но с каждым днем разгорался все жарче и сильнее. Господи, говорил я себе, ты с ума сошел, ведь тебе сорок один год, у тебя семья, дети. Но мысли о ней прогнать не удалось.

Более четырех лет носил я в себе эту тайну. Но в один майский день — я всю жизнь его помнить буду — получилось так, что мы остались одни. И я не смог сдержать свои чувства. Тамара пыталась как-то образумить меня, все время напоминала о наших семьях. Но я знал, чувствовал, что любим... Только теперь я понял, что такое любовь. Но почему, почему так поздно!

Тамара хорошо знала мою семью. Она сказала, что не может строить свое счастье на их несчастье. Что я мог возразить? Сам не однажды наблюдал, как родители, устраивая свою личную жизнь, калечили судьбы детей. Я своих ребят предать не могу. Они не виноваты, что их папа еще влюбляется.

Мы прекратили встречаться. Не только ради детей, но и потому, что жить двойной жизнью было невыносимо. Нас все время давило предательство.

Сейчас мне свет не мил. Мне очень больно. Я мучаюсь этой болью и в то же время испытываю наслаждение. Я благодарен судьбе, что она одарила меня высочайшим чувством любви, которое не каждому отпускается, и я жалею тех людей, которые не испытали его»⁷⁹.

Изучение общественного мнения на селе показало, что оно поддерживало сохранение брака. Женщины были более категоричны: «Так получилось у меня в жизни, что мой любимый человек, мой единственный, женился на другой. Я сильно переживала, тосковала по нему, но все же через некоторое время вышла замуж за хорошего человека, и вот уже 10 лет мы живем в мире и согласии, воспитываем двух сыновей. Все хорошо, но все равно в жизни чего-то не хватает. Любовь прекрасна, она дает силу, красоту. Но ради любви нельзя разрушать семью». Одно из типичных писем⁸⁰. Но и многие мужчины придерживались строгих моральных норм. Из Брянской области Алексей Н. писал в «Крестьянку»: «Через год после свадьбы я понял: жену не люблю — и честно сказал ей об этом, но семью не брошу.

У нас растет сын, дороже которого у меня нет никого на свете. Сейчас он учится во втором классе. Мальчик болезненный, замкнутый, учится неважно, если я уйду из семьи, что с ним будет? Я постараюсь вырастить его смелым и мужественным, настоящим мужчиной. Это мой долг. Я так считаю»⁸¹.

В городе к этому относились не столь однозначно. Еще одно письмо: «Моя сестра замуж вышла не по любви. Все выходят, и она вышла (ее слова). Прожила с мужем 15 лет. Поняла, что чужие они. Пока поднимали троих детей, терпела, а как подросли дети, они развелись, и вот каждый имеет свою вторую семью. И там и тут вполне счастливы. А если бы смотрели они на “нравственность”, то, пожалуй, до сих пор тянули бы ненужную супружескую лямку, а попросту обворовывали бы себя»⁸².

Женщина отстаивала право на семейное счастье любовью, самоотдачей, переживала разрыв с близким человеком как трагедию. Треть замужних женщин оценивает измену мужа как «предательство» и больше половины не могут смириться с таким поворотом их судьбы, хотя и понимают, что «всякое в жизни может случиться». Лишь каждая десятая спокойно относится к внебрачным связям и не считает, что из-за этого следует прибегать к разводу⁸³. Журнал «Сельская молодежь» в рубрике «Личная переписка» публиковал письма читателей на семейные темы. Большинство их были посвящены переживаниям в связи с конфликтом в семье и разводом, причин к которому, с точки зрения женщин, не было. Одно из обычных писем в журнал: «Я потеряла веру в людей, в справедливость, во всем разочаровалась. Я, как говорят, не от мира сего. Верила, ждала своего мужа, делила с ним все его неприятности и горести и радовалась его успехам. Верила, что жить надо друг для друга, а если любимому плохо, нужно забыть о себе и все сделать, чтобы помочь ему. Через 9 лет совместной жизни муж решил пожить для себя. Он предал нашу любовь, предал нас с дочерью. Я не считаю, что он нас бросил, он нас потерял»⁸⁴. Женщины в подавляющем большинстве считают, что труднее перенести факт духовной, эмоциональной измены. Для большинства мужчин невыносима мысль о физической измене. Психологи объясняют эти расхождения так: мужчины в большей степени собственники, а женщины больше ценят эмоциональную близость⁸⁵.

Для людей, живущих в деревне, общественное осуждение являлось существенным тормозящим фактором при расторжении брака и создании новой семьи. Вот как описала свою историю школьная учительница, оставившая мужа ради другого мужчины: «Мы с ним много пережили неприятностей, на нас косо смотрят в коллективе, нам нет прохода в нашей деревне — вот уж поистине позавидуешь горожанам. Его жена готова тигрицей броситься, ведь мы в одном коллективе, мой муж назы-

вает меня непристойными словами, а рядом и мои дети и мои ученики... Каково такое вынести! Вот когда я поняла: непоправимую ошибку совершила, выходя замуж без любви, дорого пришлось за нее расплачиваться!»⁸⁶. Наверное, ни на один сюжет не сложилось такое количество грустных и задорных, а часто язвительных частушек как о разлучнице, сопернице, «супостатке» и «лиходейке». Как правило, им доставалось в частушках, доставалось им и в реальной жизни. «Борьба» за сохранение семьи поддерживалась деревней, часто вся местная «общественность» была в курсе семейных разногласий и в разной степени участвовала в примирении сторон, всегда отстаивая интересы обиженной жены, начиная с душевных разговоров старших родственников и соседей и заканчивая партийными собраниями. Для деревенской действительности, небогатой на события, это был законный повод посудачить обо всем и обо всех. Правда жизни оставалась на стороне обиженной. Общественное мнение формировало образ обязательно гордой и безусловно лучшей, чем соперница, жены, по недоразумению или навету оставленной, несмирившейся и поддержанной сочувствующей деревней, как бы предупреждало, что такая ситуация может (не дай, Бог!) возникнуть еще в чьей-то судьбе!

Супостатка — девка бойка,
Ну и я — девчонка-бой.
Ты не думай, супостаточка,
Не будет дроля твой.

Лиходейка, юбку черную
Короче надевай.
Ягодиночку отбила
С радости не захворай.

Многие женщины делили себя между личным счастьем и семейной жизнью. Такого рода драмы достаточно типичны и выход из них крайне болезнен для семьи, детей, но отказ от общения с любимым человеком женщина не признавала как выход из создавшейся ситуации. В рубрике «Личная переписка» журнал «Сельская молодежь» поместил горькое и откровенное письмо Елены, раскрывающее неразрешимую, с ее точки зрения, проблему жизни: «До замужества я встречалась с одним человеком. Он женат, у него прекрасная жена и маленький сын. Женщины, бывшие в моей роли, поймут, как это: ждать “свободное время” от жены и семьи, верить в “искренние” слова, что без тебя не может (и без жены, как ни странно, тоже), обещания встреч, разлуки... И это кажется бесконечным. Меня осуждали, а я — любила, меня ругали, а я — любила, меня ненавидели, а я — любила! Я любила и “готова была пожертвовать всем”. А однажды я задумалась по-настоящему над тем, что любовь не может быть такой, ну, не должна быть такой! Она дол-

жна быть другой! Но какой? Я вышла замуж, прислушиваясь к “стерпится — слюбится”, “лучше пусть он тебя любит, а ты полюбишь потом” и т.п. Я замужем за человеком, который любит меня и верит в то, что я люблю его... А я? А я по-прежнему набираю знакомый номер телефона: “Я могу в любое время, а ты? А жена? Работа? Семья? Но у меня тоже муж, семья, а я — могу в любое время”. Я знаю, что если будет опубликовано мое письмо — меня не одобрит ни один читатель, когда прочитает... Думаете, я сама себя сейчас одобряю? Думаете, так легко жить? И главное — ничего нельзя изменить! Поздно. Да и зачем?»⁸⁷. Для деревни такие ситуации были практически невозможны, ибо в течение очень короткого времени такая связь становилась общеизвестной, в советское время пресекалась через партком и руководство хозяйством и «полюбовница» всячески преследовалась обидчицей и поддерживающей ее стороной.

Но измена в семье одним из супругов, даже прощенная, надолго, а иногда навсегда, оставалась неизгладимой трещиной в отношениях между супругами и часто преследовала их долгие годы совместной жизни. Светлана К. так описала свою семейную жизнь после измены мужа: «Мне иногда казалось, что я самая счастливая на свете. Иногда казалось: что-то должно случиться. Не может быть сразу столько хорошего для одного человека. Так любить и быть такой любимой! И случилось. Я узнала, что мне муж изменил. Прошло время. Он все такой же — любящий, внимательный, без ума от дочурки. А я не могу быть прежней. Не могу! Мне кажется, что он притворяется, что все у него ненастоящее: и улыбка, и поцелуй — все! Все! Хотела подать на развод. Не смогла. Делаем вид, что все забыто. Он еще ласковее, сама доброта. А у меня в сердце огонь. Как жить дальше? Что делать?»⁸⁸.

Часто в новой семье после пережитого развода, преодоления кризиса супружеских отношений, разрушения иллюзий зарождалась ревность, нередко и необоснованная. Но преодолеть страх быть преданной дважды удавалось не всем. В письме, которое пришло в редакцию журнала «Крестьянка», доярка Анна Павловна Н. из Харьковской области с горечью признается, что своим недоверием к мужу, недоверием, для которого и оснований-то нет, она отравляет близким жизнь. «Замужем я второй раз, — рассказывает Анна Павловна. — С первым мужем расстались, так как у него появилась другая женщина. Я очень тяжело пережила все это. Но вот встретила хорошего человека. Поженились. Сергей — механизатор. Нередко, бывает, трудится с утра да позднего вечера.

Возвращается домой уставший, но всегда с шутками да прибаутками — такой он человек. А мне все кажется: неспроста это, кто-то у него есть. И поделаться с собой ничего не могу. Ведь первому мужу я очень доверяла, а оказалась обманутой. И вот злюсь на весь белый свет. То упрекаю Сергея, то плачу. Раньше

он отшучивался, а теперь мои слезы вызывают у него раздражение... Боюсь, — заключает Анна Павловна, — нашему счастью быть недолго»⁸⁹.

Не будем касаться ситуаций, когда возникает пресловутый треугольник: он или она полюбили другого человека. В таких случаях ревность вспыхивает по вполне понятной причине, но бывает, что подозрительность овладевает человеком беспричинно. Это не способствует укреплению брака, установлению хороших отношений в семье, а часто ведет к разрушению.

«Я замужем вот уже двадцать лет, — рассказывает Г.Р. из Тамбовской области, — и все эти годы страдаю от ревности мужа. Повода для нее нет никакого. Утром ухожу на работу, а с работы — домой. Замкнутый круг. Одни заботы по дому меня уже состарили. И все равно постоянные подозрения. Как мне больно и тяжело!»⁹⁰.

При отсутствии психологической помощи, кризисных центров для большинства людей возможность поделиться с родственниками и подругами была моральным выходом из трудной для них жизненной ситуации. Но не все хотели и могли рассказать о своей жизни, и потому обращение в средства массовой информации, часто анонимно, особенно в немногочисленные женские журналы, было приемлемым выходом для очень многих. Даже не обратившиеся сами всегда могли почитать журнал и увидеть подобную или близкую собственной ситуации и услышать слова понимания, а может, осуждения. Большинство писем-откликов, поступивших в «Крестьянку» и «Сельскую новь», и редакционных статей на тему «Любовь и ревность» были полны советов к спокойному и мудрому решению всех жизненных семейных ситуаций.

«Мы с мужем живем восемнадцать лет и очень часто бываем в разлуке — такая у нас работа. Много пережито, но благодаря тому, что мы верим друг другу, нам удалось сохранить наши чувства такими, какими они были в первые годы супружеской жизни. Ревность, — продолжает автор этого письма М. Николаева, — злейший враг любви. Ревностью можно погубить самое большое чувство. Ведь любовь не терпит унижения»⁹¹.

А вот что рассказывает сельский библиотекарь Алевтина П.: «Не скрою, я очень ревнива. Но попробуйте выгнать из меня слова упреков. Не хватает еще портить настроение мужу и близким! Я никогда не позволяю себе выпускать “зверя” наружу. Николай ценит это и всегда откровенен со мной»⁹².

В деревне в силу замкнутости жизненного пространства, ограниченности общения, большой осведомленности друг о друге и привычке поговорить обо всех и обо всем, поскольку все известно о каждом, поводом для разговоров, дальнейших семейных конфликтов, а иногда расставания и даже развода служили различные деревенские «пересуды». Нередко они ломали судьбы уже в юности. «Дружила я с мальчиком, — пишет Ма-

рина Н. из Куйбышевской области. — Он часто приходил ко мне домой, но однажды мама сказала, чтобы он не заходил к нам больше. Было очень обидно слышать от мамы сплетни, которые ей передавали о нас другие, и что еще обиднее: мама не верит мне совсем, никаких моих объяснений не слушает»⁹³.

Умение любить, доверять и помогать любимому человеку, не обращая внимания на сплетни, — это, наверное, тоже своего рода талант. Но не все могли оценить ситуацию и выйти из нее победителем. Для некоторых деревенская молва сыграла решающую роль в построении отношений с любимым человеком. Но жалеть позже приходилось многие годы и двоим. А.Г. из Харьковской области написала такое письмо: «...Встречались мы с Виктором год. Никогда не ссорились, и все завидовали нашей дружбе, а потом проводила я его в армию и так мне грустно стало. Радовали наши письма. Писали мы друг другу часто. Отслужил он год и приехал в отпуск, и снова мы были вместе. Но вот уехал, и реже стали приходить письма, в последние полгода вообще ни одного от него не получила. Вернулся из армии, так и не подошел ко мне. Обида меня взяла. И я тоже старалась не замечать его. А потом и замуж вышла.

Понял он, наконец, что виноват был: поверил письму клеветному, наговорам на меня, да только поздно уж было что поправить. Сейчас и он женился. Жена у него хорошая, двое детей. Да и у нас с мужем дети, уважаем мы друг друга. Только разве забудешь первое чувство?

Вот и хочу сказать молодым: “Если любите друг друга, не верьте пересудам и сплетням. Верьте друг другу и тогда будете счастливы!”»⁹⁴.

Серьезным сторонником сохранения семьи стали советские, профсоюзные и особенно партийные организации.

Пожаловаться можно было различными способами: пойти на прием к местному или вышестоящему начальству, написать в районную, областную, центральную прессу, обратиться в партийные или советские органы (очень редко в профсоюзные) лично или анонимно. И ждать ответ. Он приходил всегда. В некоторых случаях назначалась проверка, командировка по письму. Очевидно, что для деревни это событие. Лишиться членства в КПСС и даже запятнать свою биографию выговором с занесением в учетную карточку коммуниста или «просто» вызовом в партком для личной беседы означало если не конец служебной карьеры, то очень серьезное осложнение. Многие женщины активно пользовались этим методом восстановления семейных отношений. Они писали в вышестоящие организации, вплоть до ЦК КПСС. Начинали жаловаться с местного колхозного, районного руководства и в случае «непонимания ситуации» писали выше. О своих семейных проблемах в 1950 г. решила рассказать районному, городскому и вологодскому областному начальству жена, оставленная мужем ради учитель-

ницы, с которой он работал в сельской школе и жил фактическим браком. Не найдя должного понимания, женщина написала в ЦК ВКП(б), жалуясь уже и на обидчика и на не принявших меры местные власти. Высказала она и конкретные предложения: «Перевести кого-либо: либо учительницу, либо моего мужа в другую школу, другой район», очевидно, полагая таким образом повлиять на «заблудшихся коммунистов», восстановить «справедливость», т.е. разрушенную семью⁹⁵. Немалое число семей благодаря воздействию общественности были таким образом восстановлены. Просто как в частушке:

Вы, товарищи, дружки,
Режьте сердце на куски,
Белу грудь напополам —
Отбить духанечку не дам.

Таблица № 25

К кому Вы предпочитаете обращаться за помощью в тех случаях, когда переживаете трудные периоды или тяжелые события в своей жизни? (в %)*

	Как правило	Иногда	Никогда
К подруге	20	39	12
К мужу	40	16	7
К другу	9	33	17
К товарищам по работе	10	43	15
К церкви	2	9	43
К соседям	2	22	37
К анонимным психологическим службам («телефону доверия» и т.п.)	0,4	3	50
К гадалке	1	8	49
К отцу	11	20	23
К матери	36	30	11
К детям	22	32	15
К профсоюзному комитету	4	27	44
К партийному комитету	3	16	55
К местному совету	2	12	57
К женсовету	3	13	53
Полагаюсь на себя	56	11	2

* Опрос проведен в 1990 г. в 8 союзных республиках СССР и 16 территориях РСФСР.

Источник: Женщины и демократия: Общественное мнение женщин по актуальным социально-политическим вопросам (результаты социологического обследования) М., 1991. С. 84–85.

Случалось, что дело не ограничивалось обсуждением недостойного поведения коммуниста в узком кругу парткома, выносили личные дела на партийные собрания. Для деревни простое упоминание о повестке предстоящего собрания становилось всеобщим достоянием и обсуждалось многие недели. Опасение за карьеру, спокойную жизнь, боязнь открытых пересудов толкали провинившихся коммунистов как можно скорее прекратить партийные разбирательства. Нередко случалось, что приходилось публично каяться и возвращаться к прежней жизни. Причем женщины в этих ситуациях проявляли большую стойкость, принципиальность, последовательность. Протокол от 11 января 1965 г. партийного комитета одного из совхозов Вологодской области зафиксировал «партразложение двух членов КПСС». Девять членов парткома, а вслед за ними вся деревня живо обсуждали чужую жизнь управляющего фермой и бухгалтера. Медленный деревенский роман перерос в скандальную историю с вовлечением членов двух семей и всей совхозной общественности, а затем и жителей деревни. Дело рассматривалось как на суде, с дознанием, выяснением мест встречи, времени, намерений сторон. В результате запутавшийся заведующий фермой невинно «отказывался», за что был обвинен в «неискренности». Партком совхоза стоял за сохранение всех семей в деревне и этих двух конкретно, затем последовали два выговора с занесением в учетную карточку, перевод одного из них на другую работу⁹⁶. Бухгалтер, которая подверглась и физическому и публичному унижению со стороны своих и чужих родственников и осудивших ее деревенских жителей, не захотела ни отказываться от любимого человека, ни перекладывать на него вину. Она надеялась на понимание. Может быть, в душе оно у кого-то и было, но публично ее никто не поддержал. Деревня всегда была более традиционна в вопросах сохранения брака, тем более видимых причин, с ее точки зрения, для развода не было, а эмоциональная основа совместной жизни в расчет не принималась.

Подавляющее число сельских мужчин, не присутствовавших на партийных собраниях, поскольку не были коммунистами, для себя делали вывод о правильности своего выбора в пользу беспартийной жизни. Для них разбор всех конфликтов мог происходить только в семье, в самом крайнем случае — на глазах у деревни. Женщина-коммунистка, общественница всегда на виду, она вполне могла и пожаловаться на пьющего или разгулявшегося мужа. С этой точки зрения, членство в партии жен не приветствовалось и не поощрялось, за редким исключением, если и муж и жена являлись «ответственными» работниками и оба были членами КПСС. Но «ответственных» постов в колхозном производстве было немного. Выдвижение передовиков и ударников являлось делом большой важности (в таком случае внимания района, области и, может

быть, даже Москвы удостаивался и колхоз), поэтому выдвигались и доярки, скотницы, работницы полеводства, немногие оставшиеся работать женщины-механизаторы. Рядовые по должности, но не рядовые по производственным показателям. Мужья у них, как правило, были простые рядовые труженики, не замеченные в высоких рекордах на ниве сельского хозяйства. Естественно, что такое продвижение жены по служебной и общественной лестнице вызывало у большинства из них активную отрицательную реакцию, которая нередко выражалась и в побоях, и в уничтожении партийного билета. Это было характерно не только для начинавшей советское становление деревни 1930-х гг. и «отсталых» периферийных районов Средней Азии⁹⁷. Русская деревня также столкнулась с неменьшим сопротивлением мужей и вообще мужчин при продвижении женщин по общественной стезе и открыто протестовала. Не особенно разбираясь в тонкостях партийной жизни, но зная об обязательном посещении женой партийных собраний и строгостях, вплоть до исключения из партии за утрату партийных документов, некоторые из них прибегали к этому способу, чтобы заставить жену-коммунистку вернуться домой и не опасться ни при каких семейных конфликтах быть осужденным партийным собранием. При потере, утрате партбилета на собрании требовалось отчитаться о случившемся, за что полагался выговор или строгий выговор с занесением в учетную карточку. Понятно, что о продолжении карьеры в таких случаях речи идти не могло. Не учитывались никакие обстоятельства при потере документа. Партийное собрание строго осуждало не сумевшую сохранить документ и иногда ставило вопрос: «Нужен ли такой коммунист партии?», как, например, в отношении утратившей партбилет во время болезни коммунистки А. из совхоза «Борисовский» Вологодского района Вологодской области. Ей был объявлен строгий выговор с занесением в личное дело. Решение было принято единогласно⁹⁸.

Потеря партийного документа в деревне была делом редким. Партбилет строго хранили. Но уничтожение документа в семье, в собственном доме, мужем оказалось делом не столь уж и редким. Партийная комиссия Вологодского обкома КПСС при проведении проверок об утрате документов и выяснении обстоятельств, при которых это произошло, сталкивалась со случаями уничтожения документа мужем. Так, у коммунистки К., бригадира животноводов из деревни Куркино, в 1984 г. уничтожил партбилет «ее муж в пьяном виде». У другой коммунистки Л. из Вологодского района, цыплятницы, партбилет «в пьяном виде сжег муж», как следует из объяснений женщин членам партийной комиссии обкома КПСС. Обеим работницам был объявлен выговор с занесением в учетную карточку «за халатность», «за небеспеченные сохранности» партийного билета⁹⁹.

Однако не все женщины-коммунистки оправдывали оказанное им доверие. Среди них были некоторые, кто вел свободный образ жизни. Он проявлялся не только в том, что они не посещали партийные собрания, не участвовали в общественной жизни деревни, но и имели нарекания на производстве, вели аморальный образ жизни. Дела таких коммунисток разбирали на партийных собраниях. Прения по таким вопросам были длительными и бурными, выслушивались все желающие, а не только коммунисты и сама виновница, как, например, на открытом партийном собрании в 1969 г. в колхозе «Россия» Вологодской области. Обвиняли в недобросовестном отношении к производственным обязанностям: «ни одного наряда не выполнила, несколько раз оставляла коров недоенными, часто оставляла скотный двор на сторожа», кроме того, «уходила на трое суток на гулянку, оставляла детей одних», не посещала партийных собраний, чем, по мнению выступавших «очень часто нарушала устав партии и неаккуратно платила членские взносы». Далее последовало предложение: «если в будущем коммунист А. не исправится, тогда нужно будет исключить ее из партии и лишить материнских прав»¹⁰⁰. Бюро Вологодского РК КПСС поддержало решение местной партийной организации, и доярка А. была исключена из рядов КПСС¹⁰¹. Далее ее моральным обликом никто не интересовался.

Конечно, по-разному можно относиться к членству в КПСС. Тем не менее нельзя отрицать прямого и положительного влияния на борьбу парторганов с пьянством и алкоголизмом, тунеядством, аморальным образом жизни. Поэтому на собраниях раздавались голоса о том, чтобы не исключать из рядов КПСС «запутавшуюся» женщину¹⁰²: «Если она не будет членом КПСС, то мы меньше сможем оказать на нее влияние». В известном смысле членство в КПСС обязывало коммуниста соответствовать тем образцам, которые провозглашались в Программе партии, и сопоставлять свои действия с Моральным кодексом строителя коммунизма. Среди многого там провозглашались высокие моральные нормы. Иной вопрос — прямое и беспелляционное вмешательство в личную и семейную жизнь коммуниста партийной организацией. Вполне этичным считалось обсудить среди товарищей чью-то судьбу, коллективно и по партийному разобравшись в ней. Называлось это «персональным делом». Как правило, инициатором открытия его было обращение, устное или письменное, в партийную организацию по месту работы или жительства коммуниста. Без внимания это никогда не оставалось. Наиболее популярными были обращения-жалобы «покинутых» или «обманутых» жен на коммунистов-мужей. Однозначно вина за «разбитую семью» перекладывалась на соперницу. Если же она была еще и членом КПСС — виноватой считалась вдвойне. Одна.

Партийное собрание, состоявшееся в апреле 1968 г. в колхозе «Россия» Вологодского района Вологодской области рассматривало персональное дело (объединенное) двух коммунистов Ч. и К. Нина Михайловна К. работала в хозяйстве токарем в машинно-тракторной мастерской. Она не была замужем и воспитывала двоих детей. Как установило собрание, «она вступила в сожителство со слесарем этой же мастерской, коммунистом Валерием Анатольевичем Ч.», который был женат и имел также двоих детей. Жена Ч., «узнав о тайных связях своего мужа с К.», обратилась в партком с целью «воздействовать на коммунистов». Начались длительные разбирательства членов парткома с К. и Ч., беседы на квартире обиженной жены «в присутствии членов парткома и председателя сельсовета», где «была достигнута договоренность, что супруги будут жить во взаимопонимании и согласии и поэтому персонального дела не требуется возбуждать». Произошел возврат «любовных писем» вернувшемуся в семью мужу. Письма эти «совершенно случайно» оказались в руках членов парткома. Это дало им повод усомниться в искренности поведения коммунистов. Прошло немного времени, и работники машинно-тракторной мастерской решили, что не могут жить отдельно, и нарушили «договоренность». Это вызвало гнев всей партийной организации в составе 21 человека, тем более что К. и Ч. не явились на партсобрание и отказались объяснить «свой поступок». Выступавшие в их отсутствие клеймили неустойчивых коммунистов гневными словами: «Предупреждали, предупреждали их, чтобы не разбивали семьи», «Почему они губят свои семьи, губят своих детей, оставляя их сиротами». Раздавались голоса о возможности развода: «Ч. не разводится с женой, потому что жалеет детей, ему нужно самому сделать вывод или не жить со старой семьей и не смешить людей». Были и сочувствующие трудной ситуации: «Что если они иначе не могут быть?» Партийное собрание, продолжавшееся несколько часов, из персонального дела, где разбирались двое, выделило одно — Нины Михайловны К. и приняло решение: «Не исключать тов. К. из рядов КПСС, а строго предупредить», поскольку коммунист Валерий Анатольевич Ч. после долгих раздумий решил остаться с «законной» супругой. Таким образом, семейная жизнь слесаря машинно-тракторной мастерской была справедливо «по просьбе» жены восстановлена¹⁰³. Характерно, что его причастность к конфликту вообще не принималась во внимание. В отношении его работала некая «презумпция невиновности».

Не всегда для коммунистов, попавших в трудные семейные ситуации, выбор оказывался в пользу сохранения прежнего брака. Многие, невзирая на предстоящие партийные взыскания и даже исключение из рядов КПСС, отстаивали свое право на создание новой семьи. Им приходилось пройти

через «персональное дело», публичное разбирательство личной жизни, лишение возможности сделать карьеру. Они делали такой выбор.

Возмущение партийного собрания, состоявшегося в октябре 1969 г. в совхозе «Плодопитомнический» Вологодской области, было направлено на двух коммунистов, «хороших производственников», решивших начать новую семейную жизнь. За связь с женатым мужчиной Галина Д. была охарактеризована разбравшимися в ее личной жизни следующим образом: «Занялась недостойным поведением, разбила семью рабочего совхоза Р., нечего таких принимать в партию и там держать». «За моральное разложение как на производстве, так и в быту и неискреннее признание при разборе, постановили: просить общепартийное собрание исключить члена КПСС Галину Д. и уволить ее из совхоза, если она не изменит свое поведение, то по просьбе коллектива направить дело в народный суд о лишении ее материнства». Характерно, что относительно члена КПСС — мужчины — партсобрание никакого решения не вынесло и никакого разбирательства не предприняло. Пройдя через партийное осуждение, рабочие совхоза, как и планировали, решили соединить свои судьбы и переехать в другой поселок вместе с двумя детьми Галины Д. от первого брака. Но по решению РК КПСС Вологодской области Галина Д. была исключена из рядов КПСС¹⁰⁴. Любовь к близкому человеку стала для нее выше продвижения по производственной и общественной лестнице: она сделала свой выбор.

При любых обстоятельствах: удавалось восстановить семейные отношения или семья распадалась — виновницей считалась женщина. Если она была членом КПСС, то, помимо публичного разбирательства ее «персонального дела», она могла быть наказана в лучшем случае — «выговором с занесением в учетную карточку», в худшем — исключена из рядов КПСС. За последним следовало прекращение карьерного роста, лишение премий, снятие с очереди на жилье, на получение путевки в детсад. И, конечно, всеобщее осуждение большинством деревенского населения. Мужчины оставались вне критики и внимания парторганов в этом вопросе. А вот влюбившаяся женщина, коммунист С. из колхоза «Боевик» Вологодского района Вологодской области, «неоднократно обсуждалась на партсобрании за неправильное поведение в быту, но не сделала выводов и продолжала разбивать чужую семью», и собрание признало необходимым «строго наказать виновную С.». Выяснилось, что работница уже четыре года не посещала партийные собрания, в это время она «гуляет с К., делает разврат в их семьях и губит свою семью и калечит детей». Соединив две эти «провинности», партийное собрание колхоза «Боевик» в составе 20 человек в августе 1969 г. ходатайствовало перед РК КПСС об исключении коммунистки С. из рядов КПСС¹⁰⁵. За работницу колхоза ни один

из коммунистов не считал необходимым заступиться, никто не предложил дать ей самой возможность разобраться в собственной личной жизни и сделать свой выбор.

Интерес к чужой судьбе, особенно в условиях деревенской изолированной и небогатой на события действительности, всегда оставался повышенным. Тем не менее с роспуском КПСС и ликвидацией такого мощного органа морально-психологического воздействия, как партийное собрание или партком, он не ослаб. Пересуды, осуждения и обсуждения были переадресованы к местам общего сбора — в магазины, службы быта, поликлиники и т.д. Но после таких деревенских разговоров чья-то судьба уже никому не была подотчетна. В основном по инерции, но многие и по убеждению, особенно задетые разного рода притеснениями со стороны партийного руководства, сельские жители, в том числе и крестьянки, начали выходить из рядов КПСС.

Альтернативой КПСС для женщин не стали ни объединения женщин в Государственной Думе, ни иные общественно-политические организации. Для многих из них, в том числе и на селе, большой интерес начали вызывать различные психолого-аналитические службы и организации, заметно возросло желание приобщиться к религиозным мировоззрениям.

ДОМОСТРОЙ В СЕМЬЕ

Современная деревня оказалась на сломе истории, во многом потеряв традиционные ценности.

В течение длительного исторического периода сельский брак был практически нерушим. Заинтересованность в сохранении семейного хозяйства, взаимная необходимость супругов, подкрепленная законом и обычаями, не допускали мысли о разводе. Кроме того, существовали четкое распределение обязанностей и семейная иерархия, пресекавшие возможность серьезных ссор и открытых конфликтов. Семейное хозяйство создавало общность интересов, совместный труд сближал¹⁰⁶. Неспоримое главенство мужчины-кормильца в семье утверждалось экономически, юридически, общественным мнением и «кулаком». Редкая сельская женщина не боялась физического воздействия со стороны своего мужа как воспитательной меры в семье. Примеры такого рода были в каждой деревне и осуждались односельчанами, но относились к этому как к атрибуту сельской жизни. Долгие годы и после осуществления социалистических преобразований в деревне и в городе, наполненном бывшими крестьянами, такая мера воздействия на сознание и поведение женщины была достаточно распространенной. А если касалось серьезных разногласий по важным жизненным вопросам, то и частой. Это отражено и в литературе (М. Шолохов

«Тихий Дон»), и в кинематографе (кинофильм «Коммунист»). За семейные измены виновницу избивали под молчаливое одобрение общественности, однако без «рукоприкладства» в деревне не обходились и в «мирных» семьях при разногласиях, например, о вступлении в колхоз, переезде в город и даже указании о вероисповедании при проведении переписи в 1937 г.¹⁰⁷ Современная сельская семья, разъединенная по профессиональному признаку, перегруженная трудовыми нагрузками и финансовыми проблемами, таит в себе внутренний конфликт. Супруги нередко выливают раздражение друг на друга, чему способствуют усталость и раздражение на работе, расхождение взглядов на воспитание детей. У некоторых это переходит в открытую агрессию. Проблема насилия в отношении женщин не получила до сих пор должной оценки и необходимого разрешения¹⁰⁸. Наиболее сильно насилие в отношении женщин выражается в таких формах, как принуждение к сожительству, проституция, изнасилование, бытовое насилие, убийство на почве ревности, алкоголизма, наркомании, садизма, систематического избиения, психологического насилия. Статистика упрямо свидетельствует, что большинство умышленных убийств совершалось на почве ревности и ссоры, следовательно, пострадавшими оказывались чаще *женщины!* Как правило, семейная ссора и ссора на почве ревности сопровождалась обильной выпивкой и дракой. Сокращение этого вида преступлений было связано с развернувшейся в 1980-е гг. в СССР борьбой с пьянством. Экономический ущерб стране нанесенный вырубкой виноградников, сокращением производства алкогольной продукции и снижением поступления в бюджет доходов от этого вида продукции, а также развернувшимся самогонноварением не идет в сравнение с резко уменьшившимися преступлениями на почве пьянства: за вторую половину 1980-х гг. более чем вдвое! К тому же в послевоенное время шло стабильное увеличение умышленных убийств на почве ссоры и ревности: за 1950–1985 гг. — втрое, достигнув пика в 1980 г. — почти 15 тыс. — около 70% их общего числа!

В 1990-е гг. при общем росте преступности в России и этот ее вид имел тенденцию к увеличению. Нестабильность семейных отношений связывалась с отсутствием работы, низкой заработной платой, невозможностью обеспечить детей привычными в советское время образованием, отдыхом и в связи с этим снижающейся самооценкой у значительной части мужчин, которые решали жизненные проблемы путем злоупотребления алкоголем, а самоутверждались в семейной драке, где пострадавшей, а иногда и жертвой становилась жена.

По данным Генеральной Прокуратуры Российской Федерации, в 1994 г. зарегистрировано 565,3 тыс. преступлений, потерпевшими в которых являлись женщины. Это на 70% больше, чем в 1993 г. При этом в 39,6 тыс. случаев преступления

Распределение умышленных убийств в СССР по обстоятельствам их совершения (1956–1990 гг.)

Годы	Совершение умышленных убийств, связанных с:								Убийство матерью новорожденного	
	разбоем		изнасилованием		хулиганством		ревностью и ссорой			
	абс.	доля	абс.	доля	абс.	доля	абс.	доля	абс.	доля
1956	612	6,3	132	1,4	1879	19,5	5098	52,8	724	7,5
1960	355	2,5	132	0,9	2763	19,4	7073	49,6	835	5,9
1965	265	1,9	164	1,2	3628	26,4	8128	59,0	575	4,2
1970	263	1,7	203	1,3	3240	21,2	9633	63,1	489	3,2
1975	306	1,7	266	1,5	1951	11,1	11856	67,5	432	2,5
1980	414	1,9	360	1,7	2750	12,8	14896	69,5	397	1,8
1985	293	1,6	234	1,3	1489	7,9	11570	61,8	376	2,0
1990	174	0,7	83	0,3	700	2,8	7668	30,8	191	0,8
1991	Данные не собирались									

Источник: Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. Мировой криминологический анализ. М., 1997. С. 206.

совершены вследствие ревности, ссор, иных бытовых причин, что более чем в 2 раза превышает этот показатель в 1993 г.¹⁰⁹ В России в 1990-е гг. ежегодно погибали 12 тыс. жен от руки мужа. Еще 54 тыс. получали тяжкие телесные повреждения.

«...Если жена, или сын, или дочь слова и приказания не слушают, не боятся, не делают того, что муж, отец или мать повелевают, то их плетью постегать, смотря по вине; а бить их наедине, не при людях наказать. За какую-либо вину не бить по уху, по лицу, под сердце кулаком, пинком, не колоть посохом, ничем железным и деревянным не ударять. Должно бить плетью и разумно, и больно, и страшно, и здорово. Да чтобы люди этого не видели и не слышали» («Домострой». XVI век)¹¹⁰. И это единственный закон, регламентирующий внутрисемейные отношения несколько столетий!

Закон о предотвращении насилия в семье рассматривался в России в конце XX в., но не был принят. По мнению юристов, в России действовало обоснованное уголовное и семейное законодательство.

Обзор результатов 34 исследований, проведенных в нескольких странах, показал, что 25–50% (по некоторым оценкам даже больше) женщин сообщали о том, что они подвергались жестокому обращению со стороны своего партнера (настоящего или бывшего)¹¹¹. Распространенность психических нарушений

среди подвергшихся избиению столь высока, что вызывает обоснованную тревогу. Три массовых исследования, проведенные среди обычного населения и посвященные изучению связи между жестоким обращением со стороны супруга и проблемами психического здоровья, свидетельствуют, что у пострадавших женщин отмечается более высокая степень выраженности психопатологии¹¹². Наиболее типичным для женщин, подвергшихся жестокому обращению, являются депрессия, посттравматическое стрессовое расстройство, бессонница и нарушения, обусловленные злоупотреблением алкоголем. Избиваемые женщины намного чаще нуждаются в лечении у психиатра и чаще совершают попытки к самоубийству¹¹³.

Считается, что жен бьют в основном алкоголики или патологические ревнивцы. И только женщины с низким социальным статусом бескомплексно «выносят сор из избы», вызывая участкового на каждый дебош мужа. Жены депутатов, профессоров и ответственных работников предпочитают не портить карьеру своему истязателю.

Всего на учете в органах МВД в 1998 г. состояло 4 млн человек, совершавших насилие в семье. Из них 205 тыс. — «дебоширы», люди с неустойчивой нервной системой, 400 тыс. — алкоголики, 40 тыс. — психически больные. Итак, 3355 тыс. семейных истязателей — нормальные, уважаемые люди. По статистике МВД России, в 1998 г. в результате домашнего насилия из жизни ушло 12 тыс. женщин. По анонимным опросам, проведенным кризисным центром «Анна», 75% мужей хотя бы раз поднимали руку на жену¹¹⁴.

Жертвами бытовых убийств в современной России в 70% случаев становятся женщины. Оставшиеся 30% — это когда жена больше не выдерживает и наносит мужу удары ножом.

«Представьте, — говорит исполнительный директор женского кризисного центра «Анна» Е. Потапова, — напишет женщина заявление. А ей объясняют: “Подумай, с кем дети останутся? И как ты им биографию испортишь! Каково в анкетах писать, что отец в тюрьме сидит?!” И, допустим, жена пошла на принцип. Уголовное дело возбудят... И мужа отпустят домой на время следствия. Нет, если бы он жену убил, то, конечно, не отпустили бы. А так — до суда под подписку...»¹¹⁵.

В 2000 г. в России более 250 тыс. пострадавших женщин отказались от возбуждения уголовного дела «по причине примирения сторон».

По статистике, избиваемая жена в среднем 7 раз пытается покинуть мужа, прежде чем расстанется с ним окончательно. Привычный стереотип быть «за мужем», причем за любым, приводил к тому, что для многих женщин не существовало выхода из критической ситуации, кроме как смириться или даже отстаивать свое право на такую семейную жизнь. Не столь уж редким явлением для некоторых супружеских пар является

**Социологический опрос:
«Что делать женщине, которую бьет муж?»**

Написать заявление в милицию о нанесении телесных повреждений	75 (9%)
Немедленно разводиться	490 (64%)
Развестись, только если нет детей	34 (4%)
Убить мужа	113 (14%)
Ничего не делать	50 (6%)

Источник: «АиФ-опрос» в Интернете. По данному вопросу проголосовали 760 человек.

выяснение отношений с помощью мужской силы. Заканчивается семейная драма вызовом «Скорой помощи», но не милиции, «избитая до полусмерти» жена «поплачет», но даже в больницу не поедет, как рассказывает сельский врач из Московской области, серьезно мотивируя: «Как же тут хозяйство без меня?»¹¹⁶. Есть резкие и справедливые оценки такого рода ситуаций и однозначного осуждения женщин, у которых настолько снижен порог самооценки, что его порой просто не существует. Популярный певец Александр Розенбаум вспоминал, как в бытность свою врачом «скорой помощи» госпитализировал женщину «на седьмом месяце беременности с распоротым животом: муж разбушевался». Ребенок, конечно, погиб. А сама она, едва придя в сознание, заголосила: «Где Коля? Что ему будет?! Не сажайте его!!!» И семейная жизнь продолжалась. А известный дизайнер Борис Краснов оправдывает «рукоприкладство» тем, что, «когда “заводятся”, устраивают истерики, унижают мужа изо всех сил... и чаша переполняется, мужчина бьет свою вторую половину», после чего «женщина тут же успокаивается». Правда, впоследствии «испытываешь жуткое чувство вины, но... ты уже понимаешь: ударить — это способ прекратить “жужжание над ухом”».

Надо сказать, что для некоторых семей выяснение отношений с помощью силы является достаточно типичным и обычным. Мужчина в такой ситуации самоутверждается, женщина либо мирится из-за безвыходности, по ее мнению, либо, как считает писательница и феминистка Мария Арбатова, на подсознательном уровне признает физическое насилие. Она пишет: «Иногда ко мне приходят женщины: “Муж меня бьет, а я ему стекло битое в борщ подсыпаю! Все, я с ним расхожусь!” А я понимаю, что они не разведутся никогда. Просто это такая модель отношений. Ей без этого — как без пряников, с нормальным мужем такой женщине будет чего-то не доставать. Если ее отец бил мать, то на подсознании ей всегда будет не доставать физического насилия»¹¹⁷.

В современной России насилие по отношению к женщинам официально признано. Причем его формы разнообразны — это и уличная преступность, и агрессия в семье и даже со стороны органов власти. Каждая 6–7 женщина уже стала жертвой насилия. Наиболее широко оно распространено вне дома (8%), но более 4% опрошенных женщин отметили, что подверглись агрессии в семье, еще 1,1% отметили факт насилия со стороны представителей органов власти. Агрессии в семье чаще подвергаются женщины среднего возраста, среди молодежи это довольно редкое явление. Не случайно каждая пятая из опрошенных женщин опасается в своей жизни разгула преступности, а еще 3% в числе опасений назвали страх перед насилием со стороны кого-то из близких. Отсюда и мнение женщин, что в современной России уберечься от насилия стало труднее: так считают две трети опрошенных россиянок. Причем среди беднейших слоев населения рост угрозы насилия отметило подавляющее число женщин, в основном это относится к сельским жительницам, которые считают, что за 1992–2002 гг. уберечься от насилия им стало намного труднее (около 80% опрошенных). По-прежнему в районных центрах и деревнях насилие распространено много шире, чем в крупных городах, и каждая третья из жительниц районных центров и пятая из деревень отметили, что разбушевавшийся после принятия алкогольных напитков муж нередко находит виновных в собственных проблемах среди ближайших родственников. Как правило, это происходит в семьях и с низкими доходами и с низким уровнем образования семьи, хотя есть, конечно, и исключения. При этом семейная женщина, как правило, не хочет придавать огласке конфликт с близкими, тогда как после развода, как показывают данные опроса, отмечают факты насилия вдвое чаще. Совершенно очевидно, что именно в конфликтных семьях обычное рукоприкладство часто становится способом выяснения отношений и самоутверждения. Разногласия, как правило, возникают на почве пьянства супруга, употребления наркотиков, профессиональной успешности женщины, ревности, измены, но при серьезных трудностях и большой озабоченности материальным положением в малообеспеченных семьях, где конфликты так часты, они не происходят из-за финансовых проблем. Не защищенными себя в правовом отношении от неадекватного отношения мужа к карьере или проведению послерабочего времени считает три четверти женщин, половина из которых уже подвергалась насилию дома. Кроме того, эту точку зрения разделяет треть женщин, подвергшихся насилию на улице¹¹⁸.

В число насильственных преступлений помимо изнасилований включаются: умышленное убийство, умышленные тяжкие телесные повреждения, хулиганство и др.

**Динамика насильственных преступлений в СССР
и России (1956–1996 гг.)**

Год	Изнасилования	
	Абс.	Доля
1956	6967	1,2
1960	11523	1,8
1965	12032	1,6
1970	13859	1,3
1975	16139	1,3
1980	20225	1,3
1985	19438	0,9
1990	22472	0,8
1991	20624	0,6
Россия		
1992	13663	0,5
1995	12515	0,5
1999	8300	0,5
2000	7900	0,5
2001	8200	0,4

Источник: Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. Мировой криминологический анализ. М., 1997. С. 211–212; Российский статистический ежегодник. 2002. Статистический сборник. М., 2002. С. 273.

Законы, направленные против насилия в семье, существуют лишь в 45 странах из 193¹¹⁹. Выступая перед московской общественностью в июне 2003 г. известный политический деятель, адвокат и феминистка Жизель Алими в числе приоритетов женской борьбы за эмансипацию назвала: право на аборт, борьбу за расширение политических прав и против насилия. Это международные и российские проблемы. В 1996 г. в России было зарегистрировано 10,9 тыс. случаев изнасилований и покушений на изнасилование¹²⁰. Нередко умышленные убийства совершаются в связи с изнасилованием жертвы; в так называемой уличной преступности изнасилования занимают также немалую долю: в 1980-е гг. в СССР до 3 тыс. изнасилований фиксировалось в составе этого вида преступлений, в России в 1980–1990-е гг. — 1,8 – 1 тыс.¹²¹ Органами внутренних дел раскрывалось свыше 80% таких преступлений¹²². Отметим, что в сталинские суровые времена количество преступников, наказанных в уголовном порядке за совершение изнасилования, было много меньше: 1940 г. —

3,7 тыс., 1949 г. — 3,1 тыс., 1950 г. — 3,4 тыс., 1951 г. — 4 тыс., 1952 г. — 4,7 тыс., 1953 г. — 5,8 тыс.¹²³, хотя кривая шла по возрастающей, что говорит о возможностях тоталитарной системы «чрезвычайной жестокостью и государственным насилием удержать традиционную уголовную преступность на социально терпимом уровне», на что указывают современные юристы¹²⁴. Из всех зарегистрированных насильственных преступлений, посягающих на половую свободу и половую неприкосновенность личности, изнасилования составляют до 85%¹²⁵. Как свидетельствуют данные уголовной статистики, рост числа изнасилований наблюдался в России до 1990 г. включительно, а в период 1991–1999 гг. показатели регистрации этого преступления стали снижаться: в 1990 г. зарегистрировано 15 009 преступлений, в 1998 г. — 9014¹²⁶.

Официальная статистика не отражает реальной картины преступлений в отношении женщин. В силу различных причин пострадавшие нередко воздерживаются от обращения в правоохранительные органы. По некоторым данным, фактическое число изнасилований превышает зарегистрированные в 4–5 раз¹²⁷, а по данным известного криминалиста В.В. Лунева, это соотношение 6 к 1. Для сравнения: по данным американских источников, фактические случаи изнасилований в 3,5 раза превышают официальные цифры¹²⁸. Фиксировались случаи, больше характерные для мусульманского мира, когда женщине даже приходилось выйти замуж за мужчину, от которого она пострадала, чтобы «не выносить сор из избы», не позорить себя и свою семью. И в силу последующей невозможности вступления в брак. Такого рода факты, единичные, замечены и в русской деревне, правда, более раннего периода ее жизни, например, довоенного. Не все женщины выдерживали психологический стресс, нередко прибегали к употреблению алкоголя, наркотиков и даже совершали самоубийство¹²⁹. А помощь получить даже в современном городе крайне трудно, не говоря о деревне, где по-прежнему менталитет подсказывает, что лучше этот тяжелый факт скрыть. По данным московского независимого центра помощи пережившим сексуальное насилие «Сестры», лишь 2% жертв сексуальной агрессии обращались в милицию¹³⁰. Поскольку изнасилования совершают, как правило, знакомые женщине мужчины, то и раскрываемость этого преступления в случае заявления о нем в милицию была высокой: девять из десяти изнасилований, совершенных в 1990 г., были раскрыты. При этом следует подчеркнуть, что правоохранительные органы не прекращают дело, даже если жертва забирает заявление из правоохранительных органов и отказывается от возбуждения уголовного дела. Со времен Петра I закон сурово наказывал за посягательство на изнасилование и за изнасилование, и по Военскому артикулу можно было поплатиться за это преступление

«отсечением головы» или в лучшем случае быть «вечно» сосланным на галеры¹³¹. Советское уголовное законодательство, начиная с 1922 г., постепенно повышало меру ответственности, и к в 1962 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР за изнасилование при особо тяжких обстоятельствах была введена смертная казнь¹³². Отметим, что в 1960-е гг. в структуре этого преступления по рассмотренным уголовным делам изнасилование при особо отягчающих обстоятельствах, включая изнасилование несовершеннолетних, составляло свыше 70%¹³³. Однако и общественность и известные юристы оспаривали справедливость такой суровой меры наказания, если только преступление не сопровождалось убийством женщины. Тем более, что смертная казнь за изнасилование не защищала пострадавшую, поскольку преступники чаще шли на убийство, опасаясь суровости наказания. В 1960-е гг. суды крайне редко выносили столь суровые приговоры¹³⁴. Уголовный кодекс РФ 1996 г. отказался от этой меры наказания и при самых тяжких обстоятельствах установил уголовную ответственность от восьми до пятнадцати лет (УК РФ, статья 131).

Изнасилования в основном совершали лица в возрасте до 30 лет — 84%, из них каждый третий — несовершеннолетний¹³⁵. На почве пьянства чаще, чем другие преступления, совершаются убийства, нанесения тяжких телесных повреждений, изнасилования, разбойные нападения, хулиганство; они составляли в 1990 г. 60–70%¹³⁶. Из Калининской области В.И. Лебедева написала в «Известия»: «Хочу написать о своем самом больном. Пьяницы как пили, так и пьют. Мер никаких не принимается к ним. Неужели наше правительство не в состоянии что-то сделать? Взять хотя бы наш город. Пьяниц снимают и вывешивают в фотовитрине. А они ходят и посмеиваются. Почему не заставить их лечиться. Пишу я все со своего горького опыта. Недавно по ул. Пионерской пьяница зарубил свою жену. Остались дочь 14 лет и сын 9 лет. Около двух лет назад был такой же трагический случай в нашем городе.

Я писать-то складно не умею, но от имени жен и детей прошу вас, помогите, поспособствуйте, чтобы в нашем городе было начало по борьбе с пьяницами»¹³⁷.

Часто случалось, что деревенские жители искали правду и помощи за своих соседей — они не мирились с чужой действительностью, где было пьянство, насилие над женщиной и детьми. Горожане не в свою защиту писали письма значительно реже. Деревня жила корпоративно и неудачи и горе одной семьи переживались многими.

В Вологодский обком КПСС в августе 1965 г. поступило письмо из Верховажского района от колхозников, «возмущенных» поведением председателя одного из местных колхозов. Они сообщали: «23 июля 1965 г., напившись пьяным, а это случается с ним нередко, избил жену, выражаясь при этом нецензурными слова-

ми так, что разбудил и поднял на ноги всю деревню. Потом схватил ружье и хотел застрелить свою жену, но, к счастью, та успела выскочить на улицу и там ей пришлось находиться до утра. Т.Б. ведет непутуный образ жизни с одной колхозницей уже ряд лет, запирается с ней в правлении колхоза и пьет с ней водку, в дальнейшем все кончается опять избиением жены, а ведь у нее 4 детей».

Далее для усиления аргументов против морально разложившегося председателя добавили и недостатки в его хозяйственной деятельности: «Тов. Б. очень груб с колхозниками, не считается с мнениями правления. Он все дела решает единолично и как ему заблагорассудится. Мы считаем это неправильно. Не случайно, никто из молодежи в колхозе не остается, а остались одни старики, которым идти некуда».

Обо всем этом знает и райком партии, но мер никаких не принимают. Весной Т.Б. увез копну колхозного сена домой без решения правления, при этом в кассу — ни копейки. Мы требуем самого сурового наказания Т.Б., так члены партии не поступают».

Письмо колхозников (анонимное) было передано в сельскохозяйственный отдел Вологодского обкома КПСС, откуда для рассмотрения — в Верховажский райком КПСС, который сообщил результаты проверки: факты, касающиеся финансовых нарушений со стороны председателя, не подтвердились, но его отношение к жене было признано «неправильным», за что на бюро РК КПСС он был «строго предупрежден»¹³⁸. Передачи этого персонального дела в правоохранительные органы не последовало, и провинившийся коммунист продолжал руководить коллективным хозяйством. И наводить порядок в своей семье!

В случаях нарушения «социалистической законности» включалась Прокуратура СССР, предстояло судебное разбирательство, и суд выносил справедливое решение. Проверка областной Курганской прокуратуры в 1953 г. установила факты «грубого произвола» в отношении крестьянок со стороны колхозного руководства. В одном из хозяйств заместитель председателя колхоза за опоздание на работу «избил колхозницу В. в ее квартире и наносил другие оскорбления в присутствии детей этой колхозницы. Кроме того, пытался незаконно выселить ее из колхозной квартиры». Другой руководитель чином ниже — бригадир «нанес несколько ударов кулаком колхознице Б., сбил ее с ног и продолжал наносить удары пинком ноги за то, что она не смогла ответить, почему ее дочь не вышла на работу». Еще один бригадир избил колхозницу Е. за то, что «она без его ведома взяла колхозную лошадь для поездки за сеном и отказалась пойти на ночное дежурство». Факты избиения и оскорбления женщин-колхозниц оказались не единичными¹³⁹.

Все перечисленные лица за совершенные преступления были привлечены к уголовной ответственности. Кроме того, по указанным фактам прокурор Курганской области внес представление в облисполком и обком КПСС. Об этих фактах сооб-

шил в ЦК КПСС в феврале 1954 г. Г. Торопов, начальник отдела общего надзора, Государственный советник юстиции 2 класса Прокуратуры СССР¹⁴⁰. Абсолютно однозначно деревня отделяла насилие в семье от насилия на работе: избивание мужем переносилось с меньшей обидой, чем рукоприкладство начальства, последнему никогда не прощали поднятую на крестьянку руку и жаловались всей семьей, всем колхозом.

Традиционный российский взгляд относил к «насилию» лишь физические действия мужчины в отношении пострадавшей от него женщины: на работе или дома. Хотя во всем цивилизованном мире законодательство предусматривает юридическую, в том числе уголовную, ответственность не только за избивание, изнасилование и покушение на изнасилование, но и за сексуальное посягательство, непристойные и неприличные предложения, нежелательные просьбы и требования сексуального характера, словесные оскорбления, создание враждебной, невыносимой или оскорбительной рабочей обстановки путем неприятных разговоров, предложений, требований, физических контактов или проявлений внимания сексуального или иного неподобающего содержания... В России подобного рода проблемы, возникавшие и молчаливо сносившиеся женщинами, открыто начали обсуждаться лишь с 1990-х гг. К этому со всей серьезностью и ответственностью подошли региональные гендерные центры и созданные по их инициативе немногочисленные, но деятельные кризисные организации, оказывающие психологическую и юридическую помощь пострадавшим женщинам. По данным Московского центра гендерных исследований, за первую половину 1990-х гг. каждая четвертая женщина в России стала жертвой сексуальных домогательств на работе¹⁴¹. Большинство женщин, сталкиваясь с такого рода отношением начальства к подчиненной, как правило, либо увольнялись по «сокращению штата» либо «по собственному желанию», либо им приходилось быть терпимыми к излишнему вниманию руководства. Нередко жизненные планы женщин связываются с их сексуальной привлекательностью, которая могла быть использована для достижения жизненных целей, в том числе карьерных¹⁴². Но большинство женщин стремятся, чтобы на работе к ним относились прежде всего как коллегам, и отстаивают равное право на карьерный рост, высокую зарплату и признание их привлекательности в общепринятых моральных рамках.

«ОСТАНОВИТЕ ПЬЯНСТВО! НАШИ СЕМЬИ КРИЧАТ: КАРАУЛ!»

Простая колхозница, не умеющая за себя постоять, вынужденная мириться и с тяжелым трудом, и с грубым и недопустимым к себе отношением, не имела возможности ни

усмирить хулигана с помощью милиции, которая находилась за десятки километров, ни с помощью вышестоящих властей, для которых главное — производственная характеристика хозяйства и его руководителя. И это — когда речь шла о колхозном руководстве. Рядовые же колхозники-мужчины нормой поведения считали выпивки, часто сопровождавшиеся дракой. Для деревни это не было редкостью.

Хотя домашнее насилие не получило в научной литературе и СМИ достаточно широкого освещения, это не означает, что его не было или ему не придавалось значения; об этом говорят появлявшиеся публикации писем и очерков в газетах и журналах¹⁴³.

«Крестьянка» в 1979 г. (№ 12) поместила обширный материал корреспондента Н. Семиной «Не хотим такого отца...» Редакция журнала получила тревожное письмо от сестер Беловых из колхоза «Призыв Ильича» Торжокского района Калининской области: «Нет никакой жизни из-за пьяницы — отца, — писали Лариса и Оля Беловы. — Каждый день пьет и скандалит, бросает в нас ножи, топор, ножницы. Деньги все пропивает. Мама у нас очень хорошая, он же оскорбляет ее самыми скверными словами и все время грозит убить, да и нас тоже. Мама боится на него жаловаться... Дальше так жить невыносимо. Это же изверг — не человек, не хотим такого отца! Помогите нам, пожалуйста...»¹⁴⁴.

По письму была осуществлена командировка корреспондента редакции «Крестьянки». Н.Семина пишет: «И вот я в деревне Рылово, в родном доме Лары и Оли. Но девочек здесь уже нет: старшая, окончив Торжокский политехникум, взяла направление в Пермскую область, младшая, получив аттестат зрелости, поступила в ПТУ и переехала в райцентр, в общежитие при заводском училище. Перед отъездом сестры и написали в редакцию — раньше боялись...

Зато Евгений Алексеевич был дома, как обычно, в крепком “подпитии”.

Трудно понять, почему Валентина Белова никогда ни разу не обратилась за помощью в правление, в сельсовет, в женский совет, почему не отправила пьяного хулигана в милицию. Передовая доярка, статная, красивая, ловкая в любой работе, отличная хозяйка — ее стараниями и держится дом, немалое хозяйство, она же — главный кормилец в семье: зарабатывает в среднем до 170 рублей в месяц, у Евгения-то на круг еле-еле получается около 70! — она все эти годы молча терпела издевательства мужа над собой, над детьми... Боялась расправы? Или не хотела “выносить сор из избы”?»¹⁴⁵.

Правда, председатель колхоза Л. Пальмовский и председатель сельсовета А. Каменский пытались урезонить пьяницу, но их уговоры носили производственный характер: «Опять вчера жаловались, что ты очень неаккуратно вез народ на дальнее

поле. Когда же ты пить-то за рулем бросишь, а? Надо бы снять тебя с машины. Вот в следующий раз — смотри...» Во время одной из таких бесед «хулиган запустил в жену, посмевшую вставить слово, крынку с молоком», но руководство не решилось вмешиваться в семейные «разногласия».

Корреспондент журнала предлагала «бороться» за главу семейства, привлекая «могучий арсенал мер»: от отвлекающих «от бутылки» до карательных, а именно организовать досуг (отдельный от семьи?), профилактические лекции, беседы врачей, юристов, педагогов и показ соответствующих научно-популярных кинофильмов, а также индивидуально «работать с лицами, склонными к спиртному». Предлагалось лечить больного в стационарном наркологическом отделении районной больницы, или посещая наркологический кабинет. Очевидно, без согласия лечащегося. И только после неэффективности моральных мер можно приступать к мерам принуждения, предусмотренных государством, «чтобы пьяница не отравлял жизнь сотням окружающих его людей»: это наказания, налагаемые милицией и судом за нарушения общественного порядка, вплоть до принудительного лечения, не исключаяющие при этом общественно полезного труда. В этой семье о таких мерах не помышляли¹⁴⁶. Злостным пьяницей считался в деревне пьющий и неработающий, дебоширом — регулярно выгонявший жену с детьми из дома; этот хозяин дома скорее вызывал недовольство жены, но не желание вычеркнуть его из совместной жизни. Жаловались и уехали из дома их дети, а они продолжали жить вместе и дальше. Периодически получали нарекания руководства вследствие появления на работе мужа в нетрезвом виде, из чего не следовало ни его увольнение с работы, ни развода. Такая жизнь больше устраивала, чем не устраивала.

Несколько опубликованных в прессе писем отчаявшихся женщин о пьянстве и насилии в семье, единичные очерки на эти тревожные темы и тысячи неопубликованных писем, хранящихся в архивах центральных и местных газет и журналов.

В 1965 г. М.Ф. Кузнецова из Карельской АССР писала: «Дорогая редакция журнала “Работница”! Мне 22 года, но я совсем седая. Мой муж пьет, получку приносит 9—7 руб. Ходила к директору: где он работал, только посмеялись. Ходила к прокурору: вызвали, поругали. И все идет по-старому. Пришлось подать на алименты — у нас мальчик семи лет.

Я неделями не ночую дома. Сколько раз приходилось схватывать ночью ребенка и убегать из дома от разбушевавшегося хулигана раздетой, несмотря на осень, зиму. Даже после больницы. Ведь это не люди, а звери...

Чтобы идти к прокурору, нужны справки от врача, а врачу нужны мои синяки или ножевые раны. Вообще нужно, чтобы избил до полусмерти...

А сколько в одном нашем маленьком городке случаев, когда муж застрелил жену, зарезал или заколол отверткой. Да, потом его забирают, судят, но матери нет, дети остаются сиротами.

Почему у нас поощряется пьянство? Почему не принимают самых суровых мер по отношению к таким бандитам?»¹⁴⁷.

Получал журнал «Работница» и гневные коллективные письма от женщин. Из Курской области в 1965 г. колхозницы писали: «Обращается к вам женсовет. Помогите остановить пьянство! Наши семьи кричат: караул! Пьяницы бьют жен и детей до полусмерти. Они никакого удержу не знают. Почему, если человек бьет постороннего, то судят, а если пьяный муж избивает жену, грозит ей ножом, ежедневно пугает детей, доводит их до психического заболевания, — его никто не наказывает. Мы требуем:

1. Выселять пьяниц, заставлять их работать и часть заработка отдавать семье.

2. Предоставить право развода женам пьяниц бесплатно и без согласия мужей.

3. Если семья живет в собственном доме, лишать пьяниц права надела, оставлять дом жене, воспитывающей детей.

4. Из квартиры также выселять этих дебоширов и пьяниц, оставляя жилплощадь жене или детям или родителям.

Мы уверены, что строгий закон прекратит пьянки. Просим вас, помогите скорее, как можно скорее, прекратить этот ужас — пьянство»¹⁴⁸.

Жесткие требования не оставались без внимания государства и общественности. Пьянство, как правило, сопровождалось антиобщественным поведением, тунеядством, «паразитическим образом жизни». Юридическая система СССР предусматривала за это суровое наказание: высылку из места проживания. Специальный корреспондент газеты «Сельская жизнь» В. Халманов в 1966 г. побывал по заданию редакции в северных районах Омской области, которые служили местом высылки для исправления для осужденных «за тунеядство и паразитический образ жизни». В Знаменском районе находилось 256 человек, осужденных и высланных сюда из Новгородской, Псковской и других областей РСФСР. В «Закрытой информации о положении в местах высылки тунеядцев» он писал главному редактору газеты: «Под видом тунеядцев нарсуды осуждали пьяниц, алкоголиков и наркоманов. Здесь они продолжали антиобщественную деятельность и разлагающе действовали на местное население. В их делах написано «систематически пьянствуют». Отсюда им одна дорога — в тюрьму, но их это не пугает. Примеров исправления мало»¹⁴⁹. Естественен и вывод: алкоголизм — это болезнь, которую необходимо лечить и отнюдь не переселением из одного района страны в другой.

Продажа алкоголя строго контролировалась в СССР. Тем не менее в сельской местности такого рода законы постоянно и повсеместно нарушались. Производство самогона становилось обычным делом во многих семьях. Нарушались и установленные законом правила продажи вино-водочных изделий. В 1970—1980-е гг. особенно много жалоб от сельских женщин по поводу незаконной продажи алкогольных напитков поступало в ответственные за это инстанции и в СМИ¹⁵⁰. Большую тревогу вызывал тот факт, что при отсутствии вино-водочных изделий на прилавках магазинов в любое время дня и ночи их можно было приобрести даже «в долг» в магазине или в частном секторе. Кроме того, сами магазины стремились торговать именно «алкогольным товаром», поскольку он был дорогостоящ, а план торговли строился в денежном выражении, а не исходя из потребностей сельских жителей. Письмо от жительницы деревни Ансорино Чувашской АССР Р.Ивановой: «Есть в нашей деревне магазин, и возглавляет его Е.И. Савинова. Ох, и добрая же душа у этой женщины! Какая бы ни была очередь за хлебом или еще за чем, а подойдет пьяненький, попросит бутылку, завмаг бросает всех — и давай его улаживать... А если денег у алкоголика не хватает, так и в долг запишет. В большую черную книгу, что под прилавком держит.

Пытались мы внушить ей, что водку положено продавать с 11 часов, а не с восьми утра, да ей разве внушишь...

— Будем жаловаться, — сказали мы Савиновой.

— На здоровье, — ответила она. — Думаете, чего-нибудь добьетесь? Я тридцать лет за прилавком и план каждый месяц тяну. Что мне ваши жалобы?

Недавно мы убедились, что завмаг была права. Жалобы наши в райпо возымели действие: магазину присвоили звание коллектива отличного обслуживания¹⁵¹. В итоге к зарплате у многих мужчин накапливался значительный долг, что сокращало их вклад в семейный бюджет¹⁵². Нередко лишь вмешательство прессы помогало остановить распространение пьянства в деревне, ибо местные власти, заботясь о выполнении торгово-финансовых планов, были глухи к просьбам и требованиям сельских женщин. В селе Юдиново Погарского района Брянской области была открыта «Закусочная». «Но не верь глазам своим, когда прочтешь это название, — пишут жительницы села. — Закусывать здесь нечем. Зато выпить — хоть залейся. И стало это злачное место прибежищем алкоголиков со всей округи».

«Местная общественность неоднократно предпринимала попытки ликвидировать этот кабак, — сообщают авторы письма. — Но, увы, оказалась бессильной». Председатель колхоза М.С. Баранок при поддержке депутатов сельсовета два раза добивался решения сессий о закрытии его. Но двух решений оказалось мало. Причем на одной из сессий присутствовал пред-

седатель райисполкома Зубрицкий и поддержал идею об открытии в помещении этого заведения магазина культтоваров. Это было три года назад.

«Но “зеленый змий”, по-видимому, родственник Змею Горынычу. Орубят ему одну голову, а на ее месте вырастает другая. Не выдержал как-то председатель колхоза и на свой риск повесил замок — распивочную закрыли под предлогом ремонта, и она не работала полгода. О, как радовалось тогда все трезвое население Юдинова!

А радость оказалась преждевременной. Распивочная торговая точка снова процветает»¹⁵³.

Безразличие, отказ принимать всерьез такого рода проблемы приводили к тому, что единственной надеждой найти справедливость в борьбе с местной администрацией были СМИ. Трудно было оставаться спокойной за судьбу детей, когда по соседству со школой торговали вино-водочными изделиями. Из Челябинской области в 1965 г. в редакцию журнала «Работница» матери писали:

«У нас на лесохимкомбинате школа рабочей молодежи размещена в одном здании с магазином, где продается водка. Можно на перемене не только приобрести бутылку водки, но и распить ее. Кроме того, вокруг школы расположены ларьки, где также продаются спиртные напитки. Вот уже на протяжении ряда лет мы просим городские организации упорядочить торговлю водкой — ограничить в часах, перевести магазин, — но ничего добиться не можем»¹⁵⁴.

Деревенская жизнь вся на виду. Сохранение семьи, ее благополучие сельянки связывали с трезвым образом жизни. Размеренный деревенский ритм жизни нарушался значимыми событиями: рождение ребенка, свадьба, похороны, возвращение из армии и т.д. Как правило, это сопровождалось застольем, тон которому старались задавать женщины. Они всегда были ярыми и активными поборницами умеренности в употреблении спиртного. Удавалось это не всегда. Жительница из поселка Савино Савинского района Ивановской области А.Якушина писала в «Сельскую жизнь» (1974 г.): «Не знаю где как, но у нас в Савино пьют от мала до велика. На работе у женщин одни жалобы на мужей. И никто этих пьяниц не обуздает, разве что оштрафуют, так от этого опять же страдает только семья. Кругом полное равнодушие»¹⁵⁵. Общий итог подвело письмо, написанное в «Крестьянку» (анонимное): «Дорогие товарищи, пишет вам мать двух детей пионеров-школьников, жена алкоголика, пятнадцать лет борющаяся с алкоголизмом. К сожалению, алкоголик не один — их миллионы. У нас принято считать, что если человек ходит на работу, то все еще хорошо, он еще не пьяница. Но это не так.

Можно привести много конкретных примеров, когда человек — хороший производственник — шахтер, моряк, а вышел

на землю или сошел на берег — и нет человека. Остался один пьяница, эгоистичный, назойливый, грубый.

В 1937—1938 гг. культ личности сделал наших матерей вдовами, а теперь алкоголизм не меньше делает вдов. А мне часто приходит в голову, что лучше вовсе быть без мужа, а детям без отца, чем иметь мужа и отца алкоголика. Очень тяжело, когда на твоих глазах когда-то любивший тебя и любимый тобой человек превращается в жестокого, грубого, лживого, развратного и наглого человека»¹⁵⁶.

Однако не все женщины были столь категоричны. В условиях деревни, где большинство мужчин были пьющими, при малочисленности мужского населения и трудностях устройства личной жизни желание иметь семью и МУЖА значило получить статус семейной женщины и быть для большинства предметом зависти; для очень многих служило главной причиной не расставаться с когда-то любимым человеком, конечно, если дело не доходило до критических ситуаций. Но и в тех случаях, когда кризис миновал и дебошира и пьяницу удавалось «образумить» на некоторое время, женщины стремились не к разводу, а к налаживанию отношений в семье, в деревне и как можно скорее сгладить ситуацию, найти виновных: «друзей», «разлучницу», торговые точки спиртным — и рассуждали так: «Куда ж ему деваться?» и «Куда ж мне деваться?» — и продолжали жить под одной крышей, вместе, семьей. До следующего дебоша. А если пьянка не сопровождалась «семейными страстями», то такой дом и вовсе считался благополучным. Аргументами «за» приводились: не систематическое пьянство (следовательно, нередко зарплата мужа появлялась в руках хозяйки) и некоторое участие в хозяйственных делах. Одобрительно отзываться о такой жизни крайне трудно, но думали так многие, выразила их мнение одна: «Мне говорят, что Ваня пил сильно. Некоторые женщины говорят про своих мужиков: “Он такой-сякой, он пьет, буду с ним разводиться...” А я так рассуждаю — да, он пьет, да, в семье не ладится на этой почве. Ну и пусть! Ведь он — мужчина в доме. Ведь не всегда ж он пьет. Когда-то он ведь и трезвый ходит! Он иногда и зарплату приносит. Так что не надо мужиками разбрасываться — в мужиках тоже польза есть»¹⁵⁷.

Но главная забота — дети, их настоящее и будущее. Каждая мать старалась оградить от пагубного влияния окружающих своего ребенка. Из поселка Зеленогорский Вышневолоцкого района Калининской области рабочая В.Г. Фадеева обращалась в газету за советом и помощью: «Большое горе, отчаянное и безвыходное положение заставило меня написать в газету.

У нас в поселке пьют не только взрослые, но и подростки. А у меня сын, которому всего 18 лет. Пока он на работе, я спокойна. Но только выйдет на улицу, его окружает компания малолетних пьяниц и они пытаются затянуть его в свою среду.

У многих из этих подростков родители тоже пьют. Я еле уговорила сына не выходить за ворота, сидеть дома, он так делает неделю. Но нельзя же вечно запирается на засов! Когда же матери смогут отпускать без страха своих детей на улицу? Почему общественные организации не занимаются судьбой малолетних пьяниц?»¹⁵⁸. Жительница Ивановской области В.Пучкова продолжала: «Надо больше проводить с молодежью беседы о вреде алкоголя, больше выпускать специальной литературы, показывать по телевизору, в кино. Пусть перед сеансом показывают журналы, где бичуют пьяниц. А то у нас нет никакой работы. Молодежь скандалит, дерется — никакого наказания — штраф, и надо меньше водки изготавливать»¹⁵⁹. Многие женщины выход из создавшейся ситуации видели в переезде их детей в город или в другой поселок. Главное им виделось в том, чтобы изолировать сына или дочь от влияния местных жителей. Они верили в лучшее будущее в других местах.

Активно противостояли пьянству в семье и дети. Газета «Известия» опубликовала на своих страницах 16 июня 1965 г. письмо Вити Царевского «Мой папа пьет». Редакция получила около 5 тыс. откликов. В большинстве это письма от жен, матерей, детей и родителей алкоголиков. Были письма от врачей, юристов, работников органов охраны общественного порядка, торговли, рабочих, колхозников, педагогов, пенсионеров.

После письма Вити Царевского в «Известиях» был опубликован ряд статей и корреспонденций, посвященных этому же вопросу: «Такой закон нужен», «Алкоголизму — беспощадную войну», «Именем односельчан», «А утром они извиняются», «Трагические последствия одной привычки». На эти материалы редакция получила еще около 500 откликов. Инженер-механик С. Трикотский писал: «Одна из самых радикальных мер по устранению преступлений, совершаемых лицами в нетрезвом виде, — это издать закон, запрещающий появление на улице и вообще в общественных местах лиц в пьяном виде. Необходимо, кроме того, установить, что за преступление, совершенное лицом в пьяном виде, отвечает вся компания, где напился преступник.

Хотелось бы мне, чтобы редакция “Известий” на основании многочисленных писем читателей обратилась к правительству с просьбой издать чрезвычайный закон — жестокий и неумолимый по отношению к лицам, особенно к пьяным, совершившим насилие над мирными гражданами. Надо же в конце концов кончать с этим злом.

И пусть никого не пугает, что станут меньше пить и доходы от продажи водки станут меньшими. Надо учитывать другое — что эти доходы никогда не окупятся потерями, происходящими в результате преступлений на почве пьянства»¹⁶⁰.

Трудности сельской жизни, тяжелые будни, редкие часы однообразного досуга, оторванность от большой жизни,

безысходность часто способствовали развитию склонности к употреблению алкоголя. Втягивались и женщины. Колхозницы из колхоза «Путь Ильича» Гаврило-Посадского района Ивановской области в 1967 г. писали в «Сельскую жизнь»: «Наш колхоз носит высокое звание, а председатель Ч. ...пьет безудержно. Такая сейчас наступила хорошая жизнь — только живи и радуйся, но у нас почти все женщины плачут, потому что спилась мужья и большой повод к этому дает председатель Ч. Сама она пьет вот уже как месяц, ни единого дня не бывает трезвой»¹⁶¹. Письмо от М.Парамоновой — члена колхоза «Большевик» Бежецкого района Калининской области (1979 г.): «Дела в бригаде запущены, учета никакого. Работать невозможно. Разве можно уважать нашего бригадира, который пьет, ворует, всех оскорбляет? Мы просим провести бригадное собрание, но в ответ от начальства одни обещания, а бригадир Иванова В. тем временем продолжает»¹⁶².

Женщина-пьяница на селе всегда была и есть редкость. Общественное мнение, от которого зависит репутация семьи, ее будущее останавливали многих. В деревне все про всех известно. И тем не менее пьянство распространялось и в этой среде.

Современные медико-социальные исследования фиксируют заметные тенденции возрастания заболеваемости среди женщин алкоголизмом. За 1930—1980 гг. их доля среди «учтенных контингентов больных» удвоилась и достигла, по разным оценкам, от 10—15 до 35—40%. Государственные доходы от торговли алкоголем возрастали: за 1966—1970 гг. поступления налога с оборота от продажи спиртных напитков составили 67 млрд руб., в 1981—1985 гг. — почти 170 млрд руб., притом, что экономические потери страны в связи с массовым распространением пьянства ежегодно составляли до 120 млрд руб.¹⁶³

В большинстве случаев женщины начинают злоупотреблять алкоголем в возрасте от 26 до 45 лет, тогда как мужчины — до 25 лет. При этом у женщин отмечено более быстрое привыкание: если мужчинам требуется 3—7 лет для формирования устойчивой тяги к алкогольным напиткам, то женщинам — всего 1—3 года. Постоянная зависимость от спиртного у большинства женщин формируется в течение первых пяти лет пристрастия к нему, тогда как у мужчин это происходит только у каждого пятого. У женского алкоголизма свои причины, среди которых главными психологи выделяют низкий порог сопротивляемости к дисгармонии в семейной и личной жизни, заболевания, экономическую самостоятельность и обеспеченность, снисходительное отношение общественного мнения к умеренному употреблению алкоголя, склонность к подражанию, влияние пьющего мужа. Постепенно эти причины трансформируются в одну — определяющую — «захотел и напился», что становится нормой поведения алкоголика и мужчины и женщины, чей день заканчивается в медицинском вытрезвителе.

**Мотивы потребления спиртного клиентами вытрезвителей
(в % к числу опрошенных)**

Мотивы	Мужчины	Женщины
Разлука с любимым (любимой)	0,1	—
Не везет в жизни	—	1
Замучило одиночество	0,4	0,4
Плохие жилищные условия	0,5	—
Плохая погода	0,5	—
Из-за болезни	0,5	0,4
С горя	0,6	1,6
Ссора с женой (мужем)	1,0	—
С расстройства	1,1	3,5
За компанию	3,3	2,4
Праздники личные	3,4	21,9
С похмелья	4,6	—
В честь выходного дня	6,2	3,2
Обмывал получку	9,1	6,0
Встреча с друзьями	19,8	3,1
Захотел и напился	37,4	46,7

Источник: Такала И.Р. Веселие Руси. История алкогольной проблемы в России. СПб., 2002. С. 262.

Среди женщин, мужа которых являлись алкоголиками и сильно пьющими, каждая пятая присоединялась к ним. Но большинство пьющих женщин не имели семьи. Если же они вступали в брак, то он, как правило, был после непродолжительного знакомства и быстро распадался. Что касается семейного алкоголизма, то, войдя в семью алкоголика, половина и более женщин разделяют его судьбу. Большинство семей, имевших мать-алкоголичку, многодетные, материально плохо обеспеченные, с низким социальным статусом. Более половины таких матерей были лишены родительских прав за алкоголь и асоциальное поведение. При этом свыше половины матерей предлагали своим детям «попробовать» спиртное. Здоровье детей, выросших в семье алкоголиков, согласно комплексной возрастной оценке, было «низким».

Алкоголизм у женщин имеет свои особенности: преимущественное пьянство дома, чаще в одиночестве, большая склонность скрыть злоупотребление, более позднее приобщение к спиртному, редкое противоправное поведение в случае опьянения по сравнению с мужчинами (16%), в том числе автокатастрофы (40%), в два раза реже теряют работу, редко пьют в

первой половине дня, но больше склонны к самоубийству. Нередко причиной алкогольной зависимости является заболевание, которое таким образом женщина старается преодолеть. Итогом становится комплекс новых болезней, главная из которых алкоголизм, что в свою очередь негативно влияет на репродуктивную функцию женщины.

Современные психоаналитики выделяют еще одну проблему пристрастия женщин к алкоголизму — так называемую зависимость от друга или мужа-алкоголика. Эмоциональная и психологическая привязанность к такого рода модели семейных и личных отношений приводит к невозможности разрыва этой сложной алкогольной цепи, которая сохраняется и после разрыва отношений и даже после развода. При построении новой семьи или новой встрече с другим мужчиной женщина на подсознательном уровне выбирает вновь пьющего мужчину, хотя сама отрицает пьянство. Часто она втягивается в этот мир и борьба истощает ее силы, уродует жизнь, но она продолжает бороться, чувствуя себя ответственной за сохранение семьи, судьбу мужа, жертвуя собственным здоровьем, карьерой, спокойной жизнью, но самостоятельно выйти из такой тупиковой ситуации она не в состоянии, ей требуется квалифицированная медико-психологическая помощь, которая прежде всего состоит в полном эмоциональном разрыве с прошлой жизнью. Нередко женщина не справляется с перегрузками и сама прибегает к «помощи» спиртного. По мнению некоторых медиков, перспективы лечения алкоголизма у женщин хуже, чем у мужчин — отношение общества к ним значительно жестче и нетерпимее, а потому они стараются скрыть свое состояние и позднее обращаются за помощью, если вообще прибегают к ней.

Пристрастие к алкоголизму имеет свое социальное лицо: среди женщин, страдающих алкоголизмом, работницы бытового обслуживания, промышленности и строительства (20%), общественного питания и торговли (49%), работники просвещения, здравоохранения и искусства (2–5%). Женщины предпочитают крепкий алкоголь¹⁶⁴. В 1988 г. задержано за распитие спиртных напитков и появление в нетрезвом виде в общественных местах свыше 267 тыс. женщин, за бродяжничество и попрошайничество — около 21 тыс. Число женщин, находившихся на принудительном лечении от алкоголизма, увеличилось за 1985–1988 гг. вдвое и составило 17 тыс.¹⁶⁵ Более объективную картину можно составить по заболеваемости алкоголизмом, исходя из количества заболевших алкогольными психозами. Прирост этих заболеваний за первую половину 1990-х гг. — более 5 раз! По приблизительным подсчетам, до 10% мужского и 3–5% женского населения России были больны алкоголизмом. Статистика зафиксировала: в Российской Федерации самое высокое потребление алкоголя в мире — 18 л в год. Для срав-

нения: во Франции эта цифра снизилась за 1990–1995 гг. с 14 до 12 л при том, что безопасной для здоровья нации является цифра 8 л. Такой показатель Россия имела в 1989 г. И это при том, что качество современных спиртных напитков является очень низким, а 60% алкогольной продукции «не выдерживает никакой критики»¹⁶⁶. Пик алкогольных отравлений со смертельным исходом пришелся на 1994 г. — 56 240 человек, что вдвое больше чем в 1992 г. и впятеро, чем в 1987 г. Всего от причин, связанных с употреблением алкоголя (случайные отравления, хронический алкоголизм, алкогольный психоз, цирроз печени) в 1994 г. умерло 68,8 тыс. человек в основном трудоспособного возраста. Пятая часть — это женщины, причем смертность от причин, связанных с алкоголем, возросла среди них по сравнению с 1990 г. более чем в 4 раза. Принимая во внимание все случаи смертей, так или иначе связанных с употреблением алкоголя, специалисты считают, что в середине 1990-х гг. погибло до 400 тыс. человек (в рекордный 1994 г. — 700 тыс. человек!) За все послевоенные годы суммарный алкогольный урон России превысил половину потерь во время Великой Отечественной войны¹⁶⁷. Депопуляция российского населения усиливается значительными потерями в результате злоупотребления алкоголем, приводящим к смертельному исходу. Советское государство, всегда стоявшее на страже здоровья собственных граждан и проводившее многочисленные, хотя и не всегда оправданные, мероприятия по ограничению выпуска спиртных напитков, тем не менее эту проблему никогда не выпускало из-под своего контроля. Из кубанской станицы простая сельская жительница писала во власть: «Я никогда не принадлежала ни к какой партии. Никогда не молилась в церкви, а в душе был Бог — заповеди Христа: не убий, не укради... Нам безразлично, какая партия будет у власти — лишь бы не истребляли русский народ.

На душу населения приходится 15 литров водки. Из-за пьяни распадаются семьи, сыновья убивают отцов, рождаются дети уроды, калеки. После войны было лучше. У нас были будни и праздники, мы верили в завтрашний день»¹⁶⁸.

В постсоветские времена выпуск алкогольной продукции больше государством не контролируется. Ее производство можно дотировать из местного бюджета, как, например, делает губернатор Псковской области Е.Э. Михайлов, «добившись» снижения цены на спирт до 40 руб. за 1 литр, в итоге одна бутылка водки в Псковской области, развозимая по территориям России, стоит меньше одного литра молока, а область вошла в лидирующую по России «алкогольную тройку» после Корякского округа и Тувы. Вновь избранный Алтайский губернатор Б. Евдокимов внес свой вклад в пропаганду алкогольной продукции, в ходе предвыборной кампании выпустив новую доступную по цене «Почтенную» водку, привлекая таким образом

население на сторону демократической власти, которую он возглавил в крае. Отчаявшиеся жители современной деревни и немногие успешные руководители разными способами, не всегда гуманными, борются за трезвого работника. Фиксируются случаи, когда «добрых» продавцов, записывавших в долг деревенским пьяницам, всей деревней передают в руки правосудия за «растрату» — без сожаления и сострадания даже к оставшимся без матери детям. Во многих хозяйствах в практику вошло кодирование принятых работников от алкогольной зависимости с последующим премированием за трезвую годовую жизнь, как это делает фермер Виталий Нилов из Калужской области, «стажировавшийся» в Швейцарии и открывший в своей деревне сыроваренное дело.

Для деревни обычным явлением во все времена было изготовление домашнего вина и самогонварение. В 1960-е гг. спиртные напитки домашнего приготовления составляли не менее половины по отношению к потребляемой водке. Их годовое потребление 1960–1970-е гг. колебалось от 2 до 2,5 л на одного человека в перерасчете на чистый алкоголь, а с учетом покупных спиртных напитков почти 11 л¹⁶⁹. Сельские жители откровенно признавались: «каждый третий в деревне гонит самогон» или «в редком доме не варят самогон»¹⁷⁰. Занимались этим ремеслом, как правило, женщины. Принимая во внимание значительные масштабы разрастания самогонварения в стране, Политбюро ЦК КПСС на заседании 28 сентября 1987 г. рассмотрело этот вопрос. В принятом ЦК КПСС постановлении «О более строгом применении законодательства, предусматривающего конфискацию имущества в целях усиления борьбы со злостным самогонварением» (6 октября 1987 г.) было отмечено, что хотя действовавшие законодательства всех союзных республик предусматривали конфискацию имущества (статья 158 УК РСФСР), но данная «мера применялась недостаточно». Так, в 1986 г. она была применена к 26% осужденных, за первое полугодие 1987 г. — к 16%. Даже к повторно привлекавшимся, что было обязательно по закону, эта мера не применялась¹⁷¹. В 1990 г. число зарегистрированных в СССР случаев самогонварения составило 6,6 тыс., из них 72,4% — с целью сбыта (в 1989 г. — 66,7%). По оценке Госкомстата СССР, в 1990 г. населением изготовлено 150 млн дал самогона из сахара (три четверти от объемов продажи водки и ликеро-водочных изделий) против 125 млн дал в 1989 г.

Рабочими и служащими в 1990 г. было произведено вина домашней выработки 2,3 литра на семью, а семьями колхозников — 21,9 литра¹⁷². М. Гусева из Калининской области писала: «Молчать больше невозможно. За последнее время увеличилось число самогонщиков, устраивают вечера, гулянки с дебошем, привлекают подростков, нарушают покой соседей. Нужно объявить бой самогонщикам. Не штрафовать лиц за са-

могоноварение, а наказывать тюремным заключением, это не только мое мнение»¹⁷³.

К административной ответственности было привлечено 231,2 тыс. подпольных производителей спиртного, из них 4 тыс. были наказаны в уголовном порядке. У самогонщиков изъято 4,9 млн литров самогона и 67 тыс. самогонных аппаратов¹⁷⁴. В России в 1986 г. было зарегистрировано 48,9 тыс. преступлений за изготовление, сбыт и хранение крепких спиртных напитков домашней выработки, в 1986 г. — 122,2 тыс. Начиная с мая 1987 г., лица, впервые привлеченные к ответственности за самогонование, наказывались в административном порядке. В 1987 г. уголовными преступлениями были квалифицированы 74,8 тыс., в 1988 г. — 7,1 тыс., в 1989 г. — 3,4 тыс. За изготовление, сбыт и хранение напитков домашней выработки в уголовном порядке было наказано за 1985—1989 гг. 12,9 тыс. жителей России¹⁷⁵. Самогонованием в деревне занимались в основном женщины. В числе привлеченных к уголовной и административной ответственности их было свыше 70%¹⁷⁶.

Нередко пристрастие к спиртному являлось одной из причин вовлечения в преступную деятельность. Были и другие причины, толкнувшие женщин преступить эту черту законности.

ЖЕНСКОЕ ЛИЦО ПРЕСТУПНОСТИ

Правовая статистика фиксировала довольно высокий уровень женской преступности. Наивысший ее всплеск в послевоенные годы в СССР фиксировался в период голода 1946—1947 гг. По причине полного отсутствия средств к существованию на скамью подсудимых попадали люди, никогда прежде воровством не занимавшиеся. Типология правонарушений в 1946—1947 гг. имеет свои особенности. Отдельную группу «правонарушителей» составляли председатели колхозов, осужденные за выдачу зерна колхозникам в качестве оплаты труда, а также за утайку зерна от государства. Из среды рядовых колхозников и рабочих совхозов на долю женщин и детей приходилось больше всего мелких краж колосьев и зерна. Возросло число вооруженных ограблений в городе и деревне. Среди лиц, ответственных за хранение и распределение продовольствия, увеличилась спекуляция продуктами питания и продовольственными карточками. Во время голода хищения государственных запасов зерна достигли огромных масштабов. Всеми силами стремясь остановить рост голодной преступности и удержать резервы продовольствия на прежнем уровне, правительство наращивало мощь карательных мер. В результате 1946—1949 гг. дали самые крупные пополнения ГУЛАГа женщинами и детьми.

Среди осужденных в 1946—1947 гг. женщины с малолетними детьми, последовавшими вместе с ними по этапу, составляли

около 50%. Поступление в места заключения многодетных матерей увеличивалось с общим ростом численности осужденных женщин. В исправительно-трудовых лагерях, колониях и тюрьмах на 1 июля 1947 г. с матерями находилось 18 790 детей в возрасте до 4 лет, в также 6820 беременных женщин. Число малышей, начинавших свою жизнь за колючей проволокой, в 3 раза превышало вместимость лагерных домов младенца, поэтому часть из них содержалась в малопригодных и даже в общих бараках вместе со взрослыми заключенными.

Дети осужденных вдов старше 7 лет, если их не брали на воспитание имевшиеся родственники, попадали в государственные учреждения: детдома и дома ребенка. Только в Ивановской области в 1946 г. из всех детей, помещенных в дома ребенка, 17,1% составляли дети осужденных матерей, а в 1947 г. — 30%. Большинство же детей грудного возраста были вместе с матерями в местах заключения¹⁷⁷.

МВД как могло избавлялось от детской проблемы. 15 июля 1947 г. министр внутренних дел СССР Круглов сообщал заместителю председателя Совета Министров СССР Молотову о том, что большинство прибывших и родившихся в тюрьмах, лагерях и колониях детей являлись физически слабыми, нуждались в особом уходе и соответствующих гигиенических условиях. Он предложил освободить 15 тыс. женщин — беременных и с детьми до 4-х лет — от дальнейшего отбывания наказания, кроме женщин, осужденных за измену Родине, шпионаж, террор, диверсии, бандитизм, убийства и расхищение социалистической собственности. Указ был секретно принят 16 августа 1947 г. и предусматривал освобождение из заключения упомянутых выше категорий осужденных. Он не распространялся на осужденных за хищение социалистической собственности (за стрижку колосков и др.), за что отбывали срок большинство колхозниц, зато был удобен для профессиональных воровок, спекулянтток, мошенниц.

С одной стороны, МВД освобождалось от нетрудоспособных женщин с детьми, а с другой — лагеря, колонии и тюрьмы наполнялись новыми жертвами, получавшими срок за мелкие кражи государственного и личного имущества по указам от 4 июня 1947 г.

Вся судебно-прокурорская работа по этим делам сводилась к получению акта с предприятия о факте задержания работницы, которая, как правило, сразу же сознавалась в совершенном проступке. На этом основании давалась санкция прокурора и выносился приговор народного суда. К осужденным матерям относились с большим сочувствием как по месту прежней работы, так и в местах заключения.

По официальным данным, на исходе 1948 г. в местах заключения пребывало 503 тыс. женщин, в том числе 9300 беременных и 23 790 матерей, отбывавших срок вместе с мало-

летними детьми. 22 апреля 1949 г. проект указа «Об освобождении от наказания осужденных беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей» был утвержден Президиумом Верховного Совета СССР. Своим чередом заработала исполнительская машина, и 26 апреля был готов совместный приказ министра внутренних дел и Генерального прокурора СССР, в котором подробно излагался порядок освобождения. Женщины, осужденные за контрреволюционные преступления (все пункты статьи 58 УК РСФСР), за бандитизм, умышленное убийство, за хищение социалистической собственности, совершенное повторно, организованной группой или в крупных размерах (закон от 7 августа 1932 г., статьи 2 и 4 указов от 4 июня 1947 г. и т.д.), не освобождались. Освобожденные женщины, до осуждения являвшиеся выселенками, направлялись под конвоем в места их обязательного поселения.

В отношении женщин, имевших детей вне лагеря (колонии) или тюрьмы, через городские и районные отделы и отделения МВД телеграфом запрашивались справки, подтверждавшие наличие у осужденных детей до 7 лет. Освобождение и отправка женщин и детей к местам жительства проводилась в течение нескольких месяцев.

В соответствии с последним указом было освобождено досрочно 55 657 женщин с детьми и беременных. Спустя некоторое время освободили еще 28 560 женщин, имевших детей вне мест заключения. Как и в 1947 г., указ 1949 г. имел немало ограничений для осужденных по закону от 7 августа 1932 г. и указам от 4 июня 1947 г. колхозниц и работниц, поэтому многие женщины с детьми и беременные продолжали отбывать срок. За рамки последнего указа остались женщины, имевшие детей на год-два старше 7 лет. Из них 13 тыс. женщин заявляли о своем желании освободиться, но получили отказ¹⁷⁸. И продолжали лагерную жизнь и труд. Некоторым пришлось работать на лесозаготовительных работах: «Участки лесоповала отстояли от лагерного пункта на расстоянии от 5 до 10 км. Зимой 10–20 км пути было очень тяжелым добавлением к работе. Работа включала трелевку на себе, т.е. по 2 женщины впрягались в сани, перекладина через грудь, и везли бревна с корой на расстояние до нескольких километров за один рейс» — из письма в ЦК КПСС бывшей колымской заключенной Е.Л. Владимировой¹⁷⁹.

Спад преступности начался лишь с улучшением материального положения трудящихся в 1950-е гг.

Понятно, что строительство коммунистического общества, развернувшееся в послесталинский период «оттепели», должно было покончить с преступностью и дать возможность советским людям жить в условиях полной безопасности и общественного порядка. Надо сказать, в действительности любой

Таблица № 30
Число осужденных в СССР по приговорам гражданских судов, вступившим в законную силу

	Общее число осужденных						
	1940 г.	1949 г.	1950 г.	1951 г.	1952 г.	1953 г.	
Всего осуждено по уголовным делам	3 330 515	1 925 528	1 747 472	1 420 802	1 447 435	1 127 244	
в том числе:							
1. Контрреволюционные преступления	13 594	8373	7614	8276	5032	3656	
2. Хищение государственного и общественного имущества	213 366	217 281	193 648	160 273	178 766	154 886	
3. Кража личной собственности	137 964	84 678	68 055	64 901	68 758	83 406	
4. Разбой	1732	11 895	12 033	13 282	147 88	19 270	
5. Бандитизм	2219	3742	2918	2366	2024	2949	
6. Хулиганство	199 813	70 425	71 907	86 016	103 981	116 592	
7. Самогодование	—	41 572	32 875	26 806	31 633	21 875	
8. Самоуправство	—	23 786	27 907	26 685	48 909	23 864	
9. Спекуляция	18 552	25 945	18 191	17 930	20 667	16 920	
10. Злоупотребление служебным положением	47 320	43 036	43 216	41 235	44 614	18 028	
11. Халатное отношение к службе	60 242	62 863	60 308	52 279	56 653	25 501	
12. Умышленное убийство	7489	5655	5825	6265	7238	8752	
13. Неосторожное убийство	2739	2102	2193	2257	2389	2090	
14. Запрещенный аборт: врачи беременные женщины	2533 9215	5781 33 772	5477 43 213	5855 56 193	6380 64 885	3812 54 195	
15. Нанесение телесных повреждений и побоев	94 702	68 518	74 696	83 369	89 056	89 858	

Продолжение табл. 30 на с. 184

Окончание табл. № 30

	Общее число осужденных						
	1940 г.	1949 г.	1950 г.	1951 г.	1952 г.	1953 г.	
16. Оскорбление и клевета	63 275	49 818	55 802	61 993	66 464	60 527	
17. Изнасилование	3651	3045	3366	4021	4726	5831	
18. Злостное уклонение от платежа алиментов	14966	3889	4050	3742	4793	3926	
19. Нарушение потребительских правил	42 767	36 809	26 672	22 877	19 704	14 409	
20. Незаконное хранение оружия	7481	6613	4985	4957	5102	5877	
21. Самовольный уход с предприятия и учреждения	321 648	267 867	209 012	133 823	179 695	137 304	
22. Прогрулы	1 769 790	517 462	513 891	315 275	147 885	107 031	
23. Невыработка колхозниками обязательного минимума трудовой	—	144 354	122 313	82 222	140 404	59 825	
24. Уклонение от мобилизации на сельскохозяйственные работы	—	—	—	6827	9508	4376	

Источники: ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 3. Д. 171. Л. 63—64 (из «Справки о числе осужденных по приговорам гражданских судов, вступивших в законную силу (по Союзу ССР)», № 15/344 (совершенно секретно) от 24 июня 1954 г., подготовленной начальником отдела статистики Министерства юстиции СССР Б. Хлебниковым).

тоталитарный режим, в том числе и советский, обеспечивал достаточно высокий уровень и правопорядка, и сознательного участия в борьбе за его осуществление. Справедливости ради стоит отметить, что раскрываемость преступлений (а это один из важнейших показателей работы правоохранительных органов) в советские времена приближалась к 100%. Неудивительно, что Н.С. Хрущев убеждал, что самолично пожмет руку последнему преступнику, а большинство населения страны считали такие заявления вполне реалистичными, связывая их с лозунгом «Мы будем жить при коммунизме!», где нет места преступности¹⁸⁰. К сожалению, ни в хрущевский период, ни в последующие преступность ликвидировать не удалось. Более того, с начала 1990-х гг., с вступлением России в эпоху демократических реформ, она резко пошла вверх, что является, по мнению известного юриста В.В. Лунева, «реальной платой народов развитых демократических стран за свою свободу, которая используется для совершения не только добра, но и зла». Темпы прироста преступности в России в течение 1992 г. достигли «пикового» уровня — 45–35%, в последующий период снизившись, как и сама преступность¹⁸¹.

Одним из важных показателей эффективности уголовной юстиции является раскрываемость преступлений. Ее средний показатель в мире колеблется в пределах 50%. В СССР раскрываемость преступлений в 1990 г. составляла 58%, в России в 1991 г. — 52, в 1994 г. — 64%. В 1970-е гг. этот показатель в СССР превышал 95%¹⁸².

В 1990 г. в СССР было зарегистрировано 2,8 млн преступлений, что на 13,2% больше, чем в 1989 г. Органами МВД СССР и Прокуратуры СССР в 1990 г. было выявлено 1,4 млн человек, совершивших преступления, это на 6,1% больше 1989 г., в России — около 900 тыс. И тем не менее на органы правопорядка рассчитывает только 10–12% населения, почти столько же (10%) — на неформальные силовые структуры. Основную помощь люди ждут от друзей — 26% и родственников — 25%. Многие настолько разочарованы в правовой силе государства, что отчаялись и не видят выхода для себя в поисках законной справедливости нигде: в городе таковых — 36%, а в деревне — 59%¹⁸³.

Число осужденных за хозяйственные и должностные преступления только за 1989–1990 гг. увеличилось с 34,7 тыс. до 36,6 тыс., или на 5,6%. Женщины чаще попадали на скамью подсудимых за обман покупателей и заказчиков — 59% от числа осужденных за это преступление, за самогоноварение — 63%. Третью часть они составляли среди осужденных за спекуляцию, взяточничество и прочие должностные преступления (в среднем за все преступления — 8,8%).

Среди осужденных за приписки и искажения отчетности две трети приходилось на сельскую местность, за самогоноваре-

ние — более половины, за халатность, злоупотребление и превышение власти, должностной подлог, а также за нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств — около половины (в среднем по всем преступлениям — треть)¹⁸⁴. При этом свыше 60% людей, которые прибегали к «мелким хищениям», не осуждали¹⁸⁵.

Доминирующая мотивация различных видов преступлений утилитарна: корысть, власть, месть, секс и иная личная выгода. Удельный вес корысти в преступном поведении в начале 2000-х гг. достиг 80–90%. В целом за XX век преступность возросла вдвое. Это касается не только России. Ежегодно в мире регистрируется до 450–500 млн преступлений на 6 млрд населения, что означает 8 тыс. правонарушений на 100 тыс. человек, хотя, как считают юристы, реальная преступность по меньшей мере выше вдвое. При этом не выявленная преступность соотносима с регистрируемой.

Наряду с фактическим ростом преступности идет процесс криминализации все новых видов общественно опасного поведения.

Уголовная юстиция не справляется даже с регистрируемой преступностью. В России учитывается около 3 млн преступлений, т.е. не более четвертой части реальной преступности. В связи с этим от 5 до 7 млн фактически пострадавших от преступлений не получают никакой правовой помощи от государства. При этом в числе учтенных деяний выявляется лишь около половины виновных. До суда вообще доходит один из десяти фактических преступников, к лишению свободы осуждается около 350 тыс., или 2–5 человек из 100 реально совершивших уголовно наказуемые деяния.

По данным МВД России, в 2002 г. из 1,3 млн выявленных правонарушителей 53% — лица, не имевшие постоянного источника дохода, 24% — совершившие преступление в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, 24% — ранее судимые, 18% — женщины (*идет процесс феминизации преступности*), 11% — несовершеннолетние. И только 3,6% выявленных лиц совершали преступления в составе организованных групп¹⁸⁶. Конец 1990-х гг., письмо из кубанской станицы, адресованное Г.А. Явлинскому: «Работу найти очень сложно. А если и найдешь, то ежедневно рискуешь ее потерять... Так что молодежи ни работать, ни реализовать свои знания и способности негде. Так что влчит она нищенское существование наравне со стариками... В станице такое положение: предприятия не работают, почти все распались, обнищали, сокращение рабочих мест продолжается, безработица продолжает нарастать, молодежи работать негде (наркоманят, занимаются разбоем, воровством)»¹⁸⁷. На селе преступность растет опережающими темпами по сравнению с городом. За 1991–1998 гг. количество преступлений в расчете на 100 тыс. населения возросло в 1,5 раза и

на 11% превысило городской уровень. В 1990 г. на долю деревни приходилась четверть зарегистрированных в России преступлений, в 1998 г. — треть, при возрастании числа разбойных нападений, убийств, грабежей сельскохозяйственных предприятий, фермерских хозяйств, домохозяйств и сельских магазинов¹⁸⁸.

Положение с соблюдением законности и правопорядка остается в современной России достаточно сложным при «стабилизации» и «позитивных сдвигах» в экономике страны. За 1998–2001 гг. более чем в 1,5 раза выросло число выявленных преступлений в сфере экономики, составив 326 тыс. Это кражи (13%), мошенничество (14%), растраты (16%), причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (6,5%), контрабанда (4,4%), обман потребителей (28,3%), коммерческий подкуп (0,8%) и др. К уголовной ответственности в 2001 г. было привлечено 162 тыс. человек (в 2000 г. — 154 тыс.). «Опережающими темпами» растет число женщин, совершивших преступления в сфере экономики: они составляли более половины. Число административных правонарушений в экономической сфере за 1998–2001 гг. возросло также в 1,5 раза, составив почти 3 млн. В основном сюда входят «административные правонарушители» в области торговли и финансов — 96% правонарушений, в том числе торговля с рук, в не установленных местах, продажа товаров ненадлежащего качества, нарушения правил торговли и т.п. Остальное — это мелкое хищение государственного имущества, нарушения правил водных ресурсов... Административные правонарушения приобретают чисто женский облик. Федеральными судами общей юрисдикции в 2001 г. было подвергнуто административным взысканиям 35,2 тыс. лиц за совершение мелкого хищения чужого имущества, 45,2 тыс. за торговлю в не установленных местах и 18,7 тыс. за продажу товаров ненадлежащего качества или санитарных норм¹⁸⁹.

Работа органов юстиции в основном нацелена на бедные, низшие, маргинальные слои населения. Ведущие юристы страны не видят «оптимистического прогноза преступности на ближайшие годы», что подкрепляется негативными тенденциями развития современного общества: проституция, наркомания, беспризорность, безнадзорность, бездомность, психические заболевания и т.д. Отмечая, что «либеральная демократия все менее и менее справляется с интенсивно растущей преступностью», современная юридическая мысль не испытывает ностальгии по умеряению преступности тоталитарным режимом, считая, что «формы его борьбы опаснее самой преступности», и выступая за обеспечение одновременно и эффективности правоохранительной деятельности, и ее гуманности при сочетании строжайшего соблюдения фундаментальных прав человека на основе нового соотношения свободы и

необходимости, свободы и социально-правовой подконтрольности, свободы и безопасности¹⁹⁰.

В 1999 г. судами Российской Федерации было осуждено 1,2 млн человек, в том числе 144,3 тыс. женщин, что составляет около 12% всех осужденных. Суды назначают женщинам более мягкие наказания, чем мужчинам. Если к лишению свободы были приговорены около 34% мужчин, то женщин вдвое меньше — 17,7%. Женщин чаще приговаривают к штрафу и почти на 5% их доля выше среди условно осужденных. Среди 710,5 тыс. отбывающих лишение свободы женщины составляли 5,5% — около 39 тыс. Из 731 колонии для женщин предназначались 33. И поскольку они имелись далеко не в каждом регионе, то почти половина осужденных женщин отбывали наказание очень далеко от дома (среди мужчин менее 20%), что практически лишало их контактов с родственниками, детьми, а в дальнейшем создавало трудности адаптации после освобождения.

В колониях-поселениях находились 2,8% женщин, отбывающих наказание в виде лишения свободы, и их удельный вес ниже, чем мужчин, поскольку направляют сюда в основном за нарушения правил дорожного движения (УК РФ, статья 264), а большинство водителей — мужчины. Так, доля женщин осужденных в 1998 г. по этой статье УК РФ, составила менее 2%. В исправительных колониях строгого режима находилось около 5% женщин, отбывающих наказание, преступная деятельность которых была наиболее опасна и связана с рецидивом. Большинство осужденных женщин отбывают срок наказания в колониях общего режима — почти 90% (среди мужчин — менее 50%)¹⁹¹. Кроме того, около 17 тыс. женщин находились в следственных изоляторах, ожидая приговора суда. В процентном отношении женщин в местах лишения свободы несравненно меньше, чем мужчин, однако настораживает тенденция роста численности женщин в заключении: за 1990-е гг. количество женщин в российских местах лишения свободы увеличилось в 2,3 раза¹⁹². Некоторым категориям заключенных разрешен оплачиваемый отпуск на 12–18 дней, однако фактически этим правом воспользовались лишь чуть более 1% осужденных, большинство же (около 70% мужчин и 60% женщин) этого права не имели. Но, даже получив такое разрешение, у многих не было денег на поездку, другие были лишены его из-за поведения в колонии, а остальные предпочли стены колонии родному дому. В 1994 г. около 6% женщин и 3% мужчин сумели воспользоваться возможностью выехать к родственникам. Наличие телефона в колонии могло бы позволить хоть в малой степени сохранять контакты с родственниками и знакомыми, но только 15% осужденных звонили домой. Конечно, не во всех колониях телефонная связь оказалась доступной по причине «технической неисправности», но боль-

шинство и не стремилось к этому. Материальное положение женщин в колониях было несколько лучше, чем мужчин, поскольку они были, как правило, обеспечены постоянной работой, в основном в швейном производстве, и помогали своим семьям, посылая деньги домой, что мужчины делали редко.

В действующем российском законодательстве установлена отсрочка отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей, но распространяется этот принцип не на всех женщин, и потому из 33 колоний в 10 организованы дома ребенка, который может находиться с матерью до достижения им трех лет (в 1933 г. — 4-х лет). Мать имеет право отвезти трехлетнего малыша к родственникам или в детский дом, побывать в родных местах, устроить своего ребенка и быть за него относительно спокойной, что расценивается социологами и юристами как один из путей приобщения ее к новой жизни после освобождения. Однако практика говорит о том, что многие женщины расценивают ребенка как возможность «льготного» пребывания в местах заключения, пособия на детей тратят на сигареты и косметику¹⁹³, а его устройством заниматься не хотят, и, как рассказывала в СМИ начальник Можайской колонии, за ее многолетнюю практику единицы стремились начать новую жизнь, забрав с собой своего ребенка после освобождения.

В 2001 г. было зарегистрировано 2968 тыс. преступлений; из общего числа правонарушителей 1,4 млн мужчин и 278 тыс. женщин (в 1990 г. соответственно 774 тыс. и 123 тыс.). Среди осужденных женщины составляли 13,7% (1990 г. — 8,5%)¹⁹⁴. По темпам роста женская преступность XXI века опережает мужскую.

ЖЕНЩИНЫ «ДРЕВНЕЙШЕЙ ПРОФЕССИИ»

С приходом гласности объектом пристального внимания со стороны журналистов, писателей, кинематографов, а также юристов, социологов, психологов, медиков стала проблема проституции. До середины 1980-х гг. ее как бы официально и не существовало. Лишь в отдельных милицейских сводках фигурировали «женщины легкого поведения», но явление это отнюдь не было массовым и всячески осуждалось и общественностью и государством. И оно действительно не было массовым.

В российском праве традиционно уголовная ответственность за занятие проституцией не предусматривалась, и со времен Соборного Уложения 1649 г. царя Алексея Михайловича, когда «забывшие страх Божий и христианский закон» сводники «были биты кнутом»¹⁹⁵, с изменением меры ответственности

и наказания и по сей день отвечают за все действия этого «сообщества» в уголовном порядке только вербовщики, организаторы и содержатели притонов, а сами практикующие «жрицы любви» несут только «административную ответственность». Невысокие штрафы не смогли приостановить доступ к столу, казался бы, легкой и прибыльной деятельностью. Провинция пополняла московский спрос, и в столицу потянулись за заработком и красивой жизнью. Маленькие причины были у каждой, но главная у всех одна — вырваться из прежней, как им казалось, неинтересной и однообразной жизни провинции и вдохнуть разнообразия большого города, желательно столицы. Так, только в Москве в 1989 г. по сравнению с 1987 г. рост числа зарегистрированных элитарных проституток составил 11,2%. В целом по стране на профилактический учет в 1988 г. было поставлено свыше 2 тыс. проституток, в 1989 г. — свыше 5 тыс., многим из которых (10–20%) по 12–13 лет¹⁹⁶.

Приведенные статистические данные не отражают истинного положения дел. По оценкам специалистов, только в Москве число проституток составляло не менее 10 тыс. Проституция охватила не только столичные центры и портовые города, но и провинциальные практически всех регионов.

Исследователи отмечают, что рост негативных социальных явлений обуславливается экономическими и политическими потрясениями, снижением уровня жизни общества.

Росту проституции наряду с социально-экономическими, по мнению социологов, способствовали и другие факторы, в частности, воздействие средств массовой информации¹⁹⁷. На начальном этапе содержание их материалов носило сенсационный характер. Отдельные авторы с определенной долей зависти и даже восхищения, взяв за объект своих сочинений наиболее элитарную часть — валютных проституток, живописали их доходы. Эти публикации вкупе с повестью В.Кунина «Интердевочка», известными художественными и документальными фильмами создали их красочный образ, оставив в тени трагичный исход жизни героинь.

Массированный натиск подобной рекламы не мог остаться без последствий. Самое печальное то, что она непосредственным образом воздействовала на несовершеннолетних девочек и молодых женщин. Примечательно в этом отношении результаты опросов школьниц в Ленинграде и Риге в 1988 г., согласно которым профессия валютной проститутки попала в десятку наиболее престижных, точнее — доходных профессий¹⁹⁸. По данным выборочных исследований, если в 1987 г. лишь каждая двадцатая проститутка была моложе 18 лет, то в 1996 г. — уже каждая восьмая, а в Москве и Санкт-Петербурге — каждая пятая¹⁹⁹.

Определяющий элемент анализа причин и условий — социальный портрет проституток. По полученным в результате ис-

следования сведениям*, среди валютных проституток 69% — женщины до 30 лет. Из них: несовершеннолетних — 7%, 18–20-летних — 14%, 21–25-летних — 29%, 26–30-летних — 19%, старше 40 лет — 5%. Среди уличных и вокзальных проституток 68% были старше 30 лет. Из них: 35% — женщины 41–45 лет, 10% — 51–60 лет, несовершеннолетних — 13%. Около 65% валютных проституток имели образование не ниже среднего, а 23% — высшее или незаконченное высшее. Только 15% вокзальных проституток имели среднее образование и единицы — высшее.

Подавляющее большинство (81%) из общего числа респонденток не состояли в браке, из них 24% были разведены, 2% — вдовы.

Более половины вокзальных и иных низших категорий проституток не работали (52%), служащих — 24%, рабочих — 10%, домохозяйек — 8%, учащихся — 6%. Среди валютных проституток соотношение несколько другое: неработающие — 36%, служащие — 28%, рабочие — 23%, учащиеся — 9%, домохозяйки — 2%. Чаще других среди проституток преобладали представительницы сферы обслуживания, а также студентки вузов, учащиеся техникумов и ПТУ, школьницы.

Среди валютных проституток 75% проживали в отдельных либо коммунальных квартирах, не имели своего жилища — 10%. Около 50% вокзальных проституток не имели постоянного места жительства. У каждой пятой из общего числа опрошенных семейный бюджет был ниже определенного государством прожиточного минимума.

Свыше половины (53%) проституток воспитывались в неполных семьях либо вне родного дома — 16% (детдом, родственники, знакомые). По данным некоторых исследователей, показательным является и отношение проституток к своим родителям: 22% ничего не сказали о них, 16% к ним равнодушны, а 4% высказали презрение²⁰⁰.

Исследования не дают однозначного ответа на вопрос, что толкает каждую из женщин на этот путь, что является побудительным мотивом: материальные затруднения, жилищная неустроенность, влияние ближайшего окружения, душевная пустота, нежелание трудиться, просчеты родительского и школьного воспитания, отсутствие правильного и своевре-

---

* Опрошено 98 проституток (из них — 42 валютных), 243 сотрудника правоохранительных органов, 121 медицинский работник. С учетом невысокой репрезентативности объема исследований использовались данные других исследований, опубликованные в печати. Осуществлен выборочный контент-анализ более 750 публикаций из 1500 статей в СМИ по проблемам проституции, появившихся в 1986–1991 гг. Изучено 12 уголовных дел по привлечению к ответственности лиц, паразитирующих на секс-бизнесе.

менного полового просвещения, подражание взрослым, любопытство...

Интересно мнение актрисы Е. Яковлевой, сыгравшей роль «интердевочки» в одноименном фильме П. Тодоровского: «Это следствие неприятия того, что приходится “исхитряться”, чтобы прилично одеваться, вечно толкаться в очередях и еле дотягивать до полочки или стипендии, жить в долгах. Между тем у них на глазах кому-то доставались любые блага явно не по труду. Образцов роскошной жизни и безнравственного поведения тех, кто до недавнего времени был на виду, хватало. Но именно эти люди громче всех требовали от молодежи нравственной чистоты и бескорыстия. Поэтому проституция часто была для девочек формой протеста против демагогии и несправедливости, с которыми они сталкивались в жизни»²⁰¹.

А вот мнение одной из проституток, так сказать, «взгляд изнутри». «Сколько же нам врал! В школе одно. Дома другое. Почему я на панель подалась? Разве я об этом мечтала? Нет, мечтала как и все, о чепухе розной и розовой. И только — зло брало, что у одноклассницы моей все из-за бугра, а я в нашем ширпотребе щеголяю. И все потому, что мой папа честно жил и под водой задохнулся, а ее папочка — в конторе какими-то делами крутит, или в исполкоме заседает, или на дефиците сидит. А классная руководительница не преминет подарок от богатой девочки получить и выделить ее среди нас, среди сереньких и простеньких. Вот чтобы все было по справедливости, я и пошла по рукам»²⁰². С подобного рода трактовкой понятия справедливости согласиться трудно, но данное «признание» достаточно ярко подтверждает общую ситуацию, прежде всего в социальной и экономической сферах, способствующую занятию проституцией в «советское» дефицитное время. В современной же ситуации — при открытии любых материальных возможностей, но трудностях получения хорошей и достаточно высокооплачиваемой работы и высоком уровне женской безработицы, отсутствии социальных гарантий — для многих «простым» решением наболевшей проблемы организации жизни становится торговля собой. Причем часто за очень умеренное и ниже того «вознаграждение». Но его предпочитают, заплатив небольшой штраф при выявлении занимающихся проституцией, а манящие соблазны новой российской жизни закрывают и принципы морали, и проблемы со здоровьем, и самоуважение, и просто боязнь быть избитой или покалеченной, особенно для мигрантов с Украины, из Молдавии и российских провинциальных городов и деревень.

В последнее время многие специалисты высказывают мнение о существовании наряду с общесоциальными условиями и определенной личностной предрасположенности отдельных женщин к занятию проституцией, обуславливаемой воспитанием и социальной средой, а также личными установками и ценностными ориентирами²⁰³.

Проституция неразрывно взаимосвязана с преступностью, распространением венерических заболеваний, наркоманией, пьянством, падением нравственности и распадом семьи. Так, только в 1987 г. проститутками непосредственно совершено 16,5 тыс. различных правонарушений, в их числе убийства, грабежи, разбои, кражи, незаконные валютные операции, спекуляция и др. По данным исследователей, каждая пятнадцатая проститутка ранее совершала правонарушение.

Ежегодно от проституток заражается свыше 350 тыс. мужчин. Более 1/3 проституток перенесли венерические заболевания, причем некоторые из них по два, три и более раз²⁰⁴.

Неэффективность лишь запретительных мер продемонстрирована не только зарубежным, но и отечественным опытом. Деятельность правоохранительных органов по выполнению требований Положения «О мерах по борьбе с проституцией» («Известия ВЦИК». 1922. 16 декабря), постановлений ВЦИК и СНК РСФСР «О мерах борьбы с проституцией» от 29 июля 1929 г. и «О мерах борьбы с преступностью несовершеннолетних» от 7 апреля 1935 г., наконец, Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 29 мая 1987 г., которым установлена административная ответственность за занятие проституцией, не привела к ощутимым положительным результатам.

За три года действия Указа 1987 г. из 1327 задержанных в Москве валютных проституток только 18 были привлечены к административной ответственности и оштрафованы. За 1988 г. лишь 47 проституток были привлечены к уголовной ответственности за уклонение от лечения венерических заболеваний, 29 — в связи с заражением венерической болезнью, и никто не привлекался за вовлечение несовершеннолетних в занятие проституцией.

Современное общество, его государственные структуры стали более терпимы в оценке безнравственного.

Широкую практику получило распространение порнографических изданий и видеofilmов. Фильмы, пропагандирующие жестокость и насилие, провоцируют, особенно несовершеннолетних, не только на преступления, но на занятие проституцией, что подтверждают 12% опрошенных несовершеннолетних проституток²⁰⁵. Неудивительно, что большинство мужчин и женщин при опросах высказываются за введение государственной цензуры над средствами массовой информации²⁰⁶.

Проституция в нашей стране приобретает все более четкие очертания хорошо отлаженного механизма, системы, превращаясь фактически в одну из ветвей или форм организованной преступности. И это при том, что еще в 1949 г. Генеральная Ассамблея ООН утвердила Конвенцию о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами (к ней присоединились большинство стран, в том числе СССР), обязательную к выполнению. Проституция была названа «угрозой

благосостоянию человека, семьи и общества», а наказанию должны подвергаться те, кто «сводит, склоняет, совращает в целях проституции другое лицо, даже с согласия этого лица», а также «эксплуатирует проституцию другого лица, даже с согласия другого лица» и содержит притоны или их финансирует²⁰⁷. Многочисленные показы СМИ убеждают в обратном. Небольшие штрафы занимающихся «нелегальным бизнесом» и полная безнаказанность держателей такого рода развлекательных заведений под видом массажных кабинетов, саун в помещении частных квартир, салонов красоты и загородных домов отдыха. Доходный бизнес набирает обороты, принося его владельцам огромные капиталы на здоровье и безверии молодых женщин, потерявших себя в большом городе большой жизни.

Деятельность фактически всех категорий проституток в той или иной степени организуется и контролируется сутенерами, рэкетирами, главарями преступных групп и группировок. Наиболее ярко это проявляется в среде элитарных проституток (о чем заявили 80% опрошенных), притонов и публичных домов (93%), в меньшей степени «домашних проституток» (51%) и еще меньше вокзальных, трассовых и других (15%)²⁰⁸.

Состояние проституции в нашей стране дает основание утверждать о существовании вполне сформировавшейся мафии, что является серьезной угрозой общественной и нравственной безопасности, которую она представляет для общества и государства²⁰⁹. Однако озабоченные проблемами собственной жизни российские женщины достаточно равнодушно относятся к этому преуспевающему бизнесу. Поведение и судьбы проституток вызывают какой-либо отклик лишь у половины женщин, с кем беседовали социологи, негативно к ним относились четверть, с осуждением — каждая седьмая и 8% — с презрением, однако треть женщин их «по-русски» жалели, остальных вообще не волновала их судьба²¹⁰.

Российская проституция в 1990-е гг. перешагнула границы своей страны. Традиционная этническая миграция советских времен уступила место брачной и трудовой миграции для временной работы за рубежом. Наиболее актуальной оказалась проблема женской миграции, которая не регулируется законодательством Российской Федерации. Согласно официальным данным, ежегодно Россию покидали на постоянное место жительства 50 тыс. женщин. Неофициальные данные неправительственных организаций и исследователей показывают, что помимо этого сотни тысяч женщин выезжали из России ежегодно в поисках временной работы и с намерением вернуться²¹¹. Половина женщин-мигрантов ориентируются на работу за границей от года до двух, и, даже если бы им удалось закрепиться в чужой стране на более длительное время, тем не менее большинство их намерены, за короткое время заработав деньги, вернуться домой. В ходе недавнего российского исследования

по результатам интервью с женщинами, стоящими в очередях в посольствах в Москве и нескольких официально зарегистрированных фирмах по трудоустройству за рубежом, анализировались мотивы желающих эмигрировать женщин. 86% респонденток пояснили, что они ищут более высокие заработки²¹².

Сказывалось быстрое ухудшение их социально-экономического положения в ходе посткоммунистических преобразований после 1991 г. Эти преобразования принесли с собой крупномасштабные социальные сдвиги и неопределенность, наряду с новыми политическими свободами для всех и возникающими экономическими возможностями для некоторых.

Хотя в 1996–1997 гг. инфляцию удалось подавить до относительно разумных пределов, показатели экономической активности в России продолжали снижаться. По оценкам некоторых экспертов, женщины составляют до 80% потерявших работу в последние годы в результате сокращения производства и экономических преобразований²¹³. Развитие малого и среднего бизнеса, который мог бы послужить созданию новых рабочих мест для миллионов женщин, тормозится. Многие женщины увидели выход в отъезде за рубеж для трудоустройства. Трудовая женская миграция тесно связана с брачной. По данным опроса 2002 г., стремление «закрепиться на длительное время за рубежом» было характерно примерно для половины выезжавших, в том числе пятая часть из них надеялась на замужество.

Преобладающая возрастная группа — 20–25-летние, в целом средний возраст мигранток — 26 лет (мужчин — 35 лет), каждая десятая женщина — моложе 20 лет. Треть женщин-мигрантов никогда не были замужем, еще треть — разведены или вдовы, т.е. мотивы трудовой и брачной миграции очень тесно переплетаются. Около половины женщин имеют высшее образование, значительна доля студентов и не закончивших вуз. И лишь немногие мигрантки ответили, что их переезд повлек за собой повышение по социальной лестнице, для абсолютного большинства — это лишь возможность заработка. Самыми популярными сферами занятости является общественный и более предпочтительный домашний сервис. Русские женщины пользуются хорошей репутацией как домработницы, и спрос на такую рабочую силу частично покрывается именно россиянками. Социальный статус такой работы очень низкий, как и его оплата. Законных каналов трудовой миграции женщин низкой и средней квалификации не существует, и потому мигрантки часто оказываются в «зоне риска». Приехавшие в другие страны в подавляющем большинстве (84%) отрицают для себя возможность работы, связанной с интимными услугами, 7% считают это нежелательным и только 2% отметили вариант «смотря сколько за это заплатят». В основном русских женщин принимает Европа (более 60% выехавших) и США и Канада (20%), уже есть россиянки, настроенные на обживание Гре-

ции, Турции и Кипра²¹⁴. Ни социальных гарантий, ни социальной защищенности приехавшие в чужую страну через многочисленные посреднические фирмы женщины-мигранты не имеют. Частыми становятся случаи невыполнения фирмой своих обязательств по трудоустройству россиянок в сферу обслуживания отелей, ресторанов, многие поневоле оказываются втянутыми в международную сеть секс-индустрии. По данным Международной организации по миграции, 500 тыс. женщин ежегодно переправлялись для работы проститутками в Западную Европу — регион, первым принявший большое число женщин из России.

В 1997 г. от 60 до 80% женщин, «продаваемых» в Германию для работы проститутками, приехали из Восточной Европы, России и других стран бывшего Советского Союза²¹⁵. Примерно 15 тыс. российских и восточноевропейских женщин работали в одних лишь германских «кварталах». Надежды на лучшую жизнь в Европе не оправдались.

Большинство их не помышляло о работе в увеселительных и развлекательных заведениях. Многие женщины решают в рамках имеющихся вариантов выбора, по своей собственной воле уехать из одной страны в другую или из сельской местности в город. Однако то, что они соглашаются на переезд ради работы или замужества, не означает, что они соглашаются на насилие по отношению к себе и нарушение своих прав. Но, оказавшись в другой стране, нередко без документов и средств существования, не имея работы, ради которой оформлялись некоей фирмой, они вынуждены торговать собой. Многих к этому понуждали. Для других начиналась новая жизнь вне России, вне морали. А новый бизнес на женских судьбах, поставленный на официальную основу, набирает обороты.

Конфликтные ситуации, последующий развод, эмоциональные и психологические перегрузки, материальная несостоятельность многих женщин нередко приводили к мысли поиска иного, аморального жизненного пути. Такие судьбы были пагубны, но они состоялись. Государство борется с такими явлениями полумерами. Укрепление семейных отношений как приоритет государственной политики, пропаганда здорового образа жизни, высоких моральных ценностей и идеалов могут способствовать усилению института брака в стране с традиционными представлениями о нем, с ориентированной на него ментальностью большинства населения.

Примечания

¹ Чудновский С.Л. Очерки народного юридического быта Алтайского горного округа // Русское богатство. 1894. № 7. С. 34.

² Неклепаев И.Я. Поверья и обычаи Сургутского края // Записки Зап.-Сиб. Отдела РГО. Омск, 1903. Кн. 30. С. 143–144.

³ Миненко Н.А., Рабцевич В.В. Любовь и семья у крестьян в старину: Урал и Сибирь в XVIII—XIX веках. Челябинск, 1997. С. 51.

⁴ Кривошапкин М.Ф. Енисейский округ и его жизнь. СПб., 1865. Т. 1. С. 54—55.

⁵ Миненко Н.А., Рабцевич В.В. Указ соч. С. 283.

⁶ Там же. С. 3.

⁷ Голоса крестьян: Сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах. М., 1996. С. 241.

⁸ Липинская В.А., Сафьянова А.В. Свадебные обряды русского населения Алтайского горного округа // Русский народный свадебный обряд. Л., 1978. С. 185.

⁹ Ransel David L. Village Mothers. Three generation of change in Russia and Tataria. Bloomington and Indianapolis, 2000.

¹⁰ Голоса крестьян: Сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах. С. 316—317.

¹¹ Там же. С. 80—81.

¹² Российско-британское социологическое обследование российских деревень 1980—1990-х гг. Брак и семья.

¹³ Левин М. Деревенское бытие: нравы, верования, обычаи // Крестьяноведение. Теория. История Современность. Ежегодник. 1997. М., 1997. С. 122.

¹⁴ Clements Barbara Evans. Later Developments: Trends in Soviet Women's History, 1930 to the Present // Russia's Women. Accommodation, Resistance, Transformation. Berkeley, 1991. P. 269.

¹⁵ Viola Lynne. Bab*“i* Bunty and Peasant Women*“s* Protest During Collectivization// Russian Peasant Women. N-York, 1992. P. 189.

¹⁶ Панкратова М.Г. Сельская женщина в СССР. М., 1990. С. 76—77.

¹⁷ Крестьянка. 1980. № 2. С. 18; 1981. № 8. С. 32.

¹⁸ Сельская молодежь. 1989. № 4. С. 19.

¹⁹ Крестьянка. 1981. № 9. С. 29; № 10. С. 26—27; 1982. № 1. С. 28; № 3. С. 26.

²⁰ Там же. 1982. № 10. С. 27; Bridger Susan. Soviet Rural Women: Employment and Family Life // Russian Peasant Women. N-York, 1992. P. 281—282.

²¹ Крестьянка. 1980. № 2. С. 18.

²² Там же. 1982. № 1. С. 29; Bridger Susan. Soviet Rural Women: Employment and Family Life. P. 288—289.

²³ Крестьянка. 1982. № 1. С. 30.

²⁴ Социологические очерки о Советской Эстонии. Таллин, 1979. С. 51.

²⁵ Крестьянка. 1980. № 3. С. 26.

²⁶ Там же. 1978. № 11. С. 26.

²⁷ Панкратова М.Г. Сельская семья в СССР: проблемы и перспективы. М., 1974. С. 10.

²⁸ Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. Информационный бюллетень. М., 1995. № 2. С. 48.

²⁹ Вестник «Новые возможности для женщин». 1997. № 9; Женщина и культура. Материалы конференции, проведенной 30 мая 1996 года в Москве. М., 1997. С. 77.

³⁰ Крестьянка. 1981. № 7. С. 27.

³¹ Панкратова М.Г. Сельская женщина в СССР. С. 76—77.

³² Вестник статистики. 1986. № 7. С. 68.

- ³³ Аргументы и факты. 1988. № 44. С. 5.
- ³⁴ Bridger Susan. Soviet Rural Women: Employment and Family Life. P. 287.
- ³⁵ Вербицкая О.М. Население российской деревни в 1939–1959 гг. Проблемы демографического развития. М., 2002. С. 228–229.
- ³⁶ Власова И.В. (Сельская семья), Шмелева М.Н. (Городская семья). Семейно-брачные отношения в 1917–1990-х годах // Русские. М., 1997. С. 439.
- ³⁷ Вербицкая О.М. Указ. соч. С. 230–231; Рязанское село Кораблино (История, экономика, быт, культура, люди села). Рязань, 1957. С. 144.
- ³⁸ Волков А.Г. Семья как фактор изменения демографической ситуации // Социологические исследования. 1981. № 1. С. 38.
- ³⁹ Вестник статистики. 1991. № 8. С. 52, 64; Человек и труд. 1992. № 3. С. 11.
- ⁴⁰ Социально-экономические проблемы агропромышленного комплекса России. М., 2002. С. 21.
- ⁴¹ Народное хозяйство РСФСР в 1989 г. Стат. ежегодник. М., 1990. С. 92.
- ⁴² Население России 1996. Ежегодный демографический доклад. М., 1997. С. 68.
- ⁴³ Голод С.И. Семья и брак: Историко-социологический анализ. СПб., 1998. С. 203.
- ⁴⁴ Бурова Н.С. Социология и право о разводе. Минск, 1979. С. 29.
- ⁴⁵ Голод С.И. Семья и брак: Историко-социологический анализ. СПб., 1998. С. 78.
- ⁴⁶ Сысенко В.А. Устойчивость брака. Проблемы, факторы, условия. М., 1981. С. 140–141.
- ⁴⁷ Чуйко Л.В. Браки и разводы. М., 1975. С. 139; Седельников С.С. Позиции супругов и типологические особенности реакций на развод // Социологические исследования. 1992. № 2. С. 40.
- ⁴⁸ Социологические исследования. 1976. № 3. С. 78; Коллектив колхозников. М., 1970. С. 215–216.
- ⁴⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 217. Л. 1.
- ⁵⁰ Сельская молодежь. 1987. № 12. С. 23.
- ⁵¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 15. Д. 690. Л. 78.
- ⁵² Там же. Оп. 33. Д. 66. Л. 92.
- ⁵³ Там же. Л. 90.
- ⁵⁴ Там же. Д. 217. Л. 1–2.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ Там же. Л. 5.
- ⁵⁷ Там же. Л. 11.
- ⁵⁸ Королев Ю.А. Брак и развод (современные тенденции). М., 1978. С. 131; Подобная картина за рубежом. Так, Датский институт социальных исследований отмечал, что женщины с высшим образованием чаще других становятся инициаторами разводов. Среди женщин в возрасте 30–39 лет число разведенных составляло 20%, причем среди женщин этого возраста с высшим образованием этот показатель был почти вдвое больше // См.: Советская Россия. 1988. 11 ноября.
- ⁵⁹ Вестник статистики. 1986. № 4. С. 60–61.
- ⁶⁰ Крестьянка. 1981. № 7. С. 27.
- ⁶¹ Там же. С. 58.

⁶² Некоторые ученые связывают причины разводов в первые годы супружеской жизни с добрачным поведением. Основанием для такого заключения служат следующие факты: 95,6% всех зачатий у 16–17-летних матерей приходится вне брака, у 25–29-летних матерей уже только половина зачатий опережает вступление в брак. См.: Гольц М.С., Оверг Л.Я., Шишко О.А. Начальные этапы реализации репродуктивной функции женщины // *Здравоохранение РСФСР*. 1984. № 7. С. 14.

⁶³ См.: СССР — США: социальные аспекты правотворчества. М., 1980. С. 60.

⁶⁴ *Вестник статистики*. 1987. № 12. С. 53.

⁶⁵ Социологические исследования. 1986. № 6.

⁶⁶ Bridger Susan. *Soviet Rural Women: Employment and Family Life*. P. 286.

⁶⁷ Российско-британское социологическое обследование российских деревень 1980–1990-х гг. История семьи Редькиных из дер. Леонтьевщина Кичменгско-Городецкого района Вологодской области. Исследование проведено Г.А. Ястребинской и О.Г. Субботиной.

⁶⁸ Там же. История семьи Поповых из дер. Кобелево Пинежского района Архангельской области. Исследование проведено Г.А. Ястребинской и О.Г. Субботиной.

⁶⁹ Там же. История семьи Редькиных из дер. Леонтьевщина Кичменгско-Городецкого района Вологодской области. Исследование проведено Г.А. Ястребинской и О.Г. Субботиной.

⁷⁰ Охрана труда женщин в сельском хозяйстве. Орел, 1979. С. 73; Шишкан Н.М. Социально-экономические проблемы женского труда в условиях развитого социализма. Автореферат докторской диссертации. М., 1978. С. 12; Переведенцев В.И. 270 миллионов. С. 32; *Вестник статистики*. 1992. № 1. С. 54.

⁷¹ *Труд, семья, быт советской женщины*. М., 1990. С. 209.

⁷² *Крестьянка*. 1982. № 10. С. 27.

⁷³ Bridger Susan. *Soviet Rural Women: Employment and Family Life*. P. 288.

⁷⁴ *Русские. Этносоциологические очерки*. М., 1992. С. 164–165.

⁷⁵ *Крестьянка*. 1982. № 10. С. 26–27.

⁷⁶ Голод С.И. *Семья и брак: Историко-социологический анализ*. СПб., 1998. С. 128–131.

⁷⁷ Панкратова М.Г. *Сельская женщина в СССР*. С. 72; Bridger Susan. *Soviet Rural Women: Employment and Family Life*. P. 287.

⁷⁸ *Крестьянка*. 1982. № 1. С. 29.

⁷⁹ Там же. 1989. № 11. С. 36–37.

⁸⁰ Там же. 1982. № 1. С. 30.

⁸¹ Там же. № 3. С. 27.

⁸² Там же. № 1. С. 29.

⁸³ *Женщина новой России: Какая она? Как живет? К чему стремится?* М., 2002. С. 48.

⁸⁴ *Сельская молодежь*. 1989. № 1. С. 42.

⁸⁵ *Женский вопрос. 37 основных тем о здоровье*. СПб., 2002. С. 80.

⁸⁶ *Крестьянка*. 1982. № 1. С. 29.

⁸⁷ *Сельская молодежь*. 1987. № 11. С. 9.

⁸⁸ Там же.

- ⁸⁹ Крестьянка. 1980. № 4. С. 26.
- ⁹⁰ Там же.
- ⁹¹ Там же.
- ⁹² Там же.
- ⁹³ Там же. 1981. № 1. С. 23
- ⁹⁴ Там же.
- ⁹⁵ ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 17. Д. 85. Л. 27—29.
- ⁹⁶ Там же. Оп. 63. Д. 51. Л. 39—41.
- ⁹⁷ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. 1927—1939. Том 5. Книга 2. 1938—1939. М., 2006.
- ⁹⁸ ВОАНПИ. Ф. 9435. Оп. 1. Д. 8. Л. 68—70.
- ⁹⁹ Там же. Ф. 2445. Оп. 61. Д. 32. Л. 8 об., 9.
- ¹⁰⁰ Там же. Ф. 6734. Оп. 1. Д. 71. Л. 22—23 об.
- ¹⁰¹ Там же. Д. 72. Л. 96, 97.
- ¹⁰² Там же. Л. 97.
- ¹⁰³ Там же. Ф. 6754. Оп. 1. Д. 70. Л. 85—86 об.
- ¹⁰⁴ Там же. Ф. 3646. Оп. 1. Д. 8. Л. 22—24.
- ¹⁰⁵ Там же. Ф. 8774. Оп. 1. Д. 33. Л. 15—17.
- ¹⁰⁶ Панкратова М. Сельские жители России: Судьбы и семьи в XX веке. М., 1995. С. 47—48.
- ¹⁰⁷ Жиромская В.Б. Отношение населения к религии: по материалам переписи 1937 года // Труды Института российской истории РАН. 1997—1998 гг. Вып. 2. М., 2000. С. 329.
- ¹⁰⁸ Bridger Susan. Soviet Rural Women: Employment and Family Life. P. 287.
- ¹⁰⁹ Концепция улучшения положения женщин в Российской Федерации // Российская газета. 1996. 14 февраля.
- ¹¹⁰ Гуревич Я., Павлович Б. Историческая хрестоматия по русской истории. В 3 ч. СПб., 1889. Ч. 2. С. 53—55.
- ¹¹¹ Heise L.L., Pitanguy J. and Germain A. Violence against women. The hidden health burden / World Bank Discussion Papers. The World Bank. Washington, D.C. 1994.
- Данные о распространенности этого явления существенно варьируются в разных регионах. Так, в Северной Америке о допущенных по отношению к ним за 1997 г. физических злоупотреблениях сообщали 11,6% женщин, а в Северной Корее — 37,5%. (Heise L.L., Pitanguy J. and Germain A. Violence against women. The hidden health burden. World Bank Discussion Papers. The World Bank. Washington, D.C. 1994).
- ¹¹² Gelles R.J. and Harrop J.W. Violence, battering and psychological distress among women // Journal of Interpersonal Violence. 1989. № 4. P. 400—420; Mullen P.E., Romans-Clarson S.E., Waltson V.A. and Herbison P.E. Impact of sexual and physical abuse on women's mental health // Lancet. 1988. P. 841—845; Ratner P.A. The incidence of wife abuse and mental health status in abused wives in Edmonton, Alberta // Canadian Journal of Public Health. 1993. P. 84, 246—249.
- ¹¹³ Stark E. and Flitcraft A. Violence against intimates: an epidemiological review // Van Hasselt V.B., Morrison R.L., Bellack A.S. and Hersen M. (eds.) Handbook of family violence. New York, 1988. P. 293—318.
- ¹¹⁴ Арбатова М., «Открытое письмо» при участии в предвыборной кампании в Государственную думу // Прощание с XX веком. Книга II. М., 2002. С. 323.

¹¹⁵ Николаева Ю. Романтический садизм // Аргументы и факты. 2000. № 37. С. 17.

¹¹⁶ Метелица Г. В деревнях люди терпят боль до последнего. Сельский дохтур // Аргументы и факты. 2004. № 30.

¹¹⁷ Аргументы и факты. 2000. № 37.

¹¹⁸ Женщина новой России: Какая она? Как живет? К чему стремится? С. 78–83, 115.

Социологическое исследование проводилось Институтом комплексных социальных исследований РАН в 2002 г. в 12-ти территориально-экономических районах Российской Федерации, а также Москве и Санкт-Петербурге и охватило 1406 женщин в возрасте от 17 до 50 лет.

¹¹⁹ Николаева Ю. Романтический садизм // Аргументы и факты. 2000. № 37; Не сорвался — значит, не мужик? // Там же.

¹²⁰ Концепция улучшения положения женщин в Российской Федерации // Российская газета. 1996. 14 февраля.

По некоторым данным в США примерно одна из пяти или семи женщин в тот или иной период подвергалась изнасилованию или попытке изнасилования (Гомель Мишель К. В фокусе внимания — женщина. (Нации — за психическое здоровье). Киев, 1997. С. 24.

¹²¹ Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. Мировой криминологический анализ. М., 1997. С. 216, 218.

¹²² Российская газета. 1996. 14 февраля.

¹²³ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 3. Д. 171. Л. 63–64.

¹²⁴ Лунеев В.В. Особенности современной преступности в России // Куда пришла Россия?.. Итоги социентальной трансформации. 2003. Международный симпозиум 16–18 января 2003 г. М., 2003. С. 265.

¹²⁵ Преступность и реформы в России. М., 1998. С. 155.

¹²⁶ Криминология. М., 1999. С. 424.

¹²⁷ Преступность и реформы в России. С. 161.

¹²⁸ Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировой криминологический анализ. М., 1997. С. 136; Шур Э.М. Наше преступное общество. М., 1977. С. 267–268.

¹²⁹ Koss M. The Women's health research agenda. Violence against Women // American Psychologist. 1990. № 3. P. 374–380; Heise L.L., Raikes A., Watts C.N. and Zwi A.B. Violence against women: A Neglected public health issue in less developed countries // Social Science and Medicine. 1994. № 39. (9). 1165–1179.

¹³⁰ Лунеев В.В. Преступность XX века. С. 210.

¹³¹ Титов Ю.П. Хрестоматия по истории государства и права России. Учебное пособие. М., 1997. С. 193.

¹³² Ведомости Верховного Совета СССР. 1962. № 8. Ст. 84.

¹³³ Гездензон А.А. Уголовное право и социология. М., 1970. С. 79.

¹³⁴ Гендерная экспертиза российского законодательства. М., 2001. С. 192.

¹³⁵ Вестник статистики. 1991. № 8. С. 65, 66.

¹³⁶ Там же.

¹³⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 233. Л. 85.

¹³⁸ ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 63. Д. 51. Л. 211–213.

¹³⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 45. Д. 39. Л. 40–41.

¹⁴⁰ Там же.

¹⁴¹ Ярская-Смирнова Е. Одежда для Адама и Евы. Очерки гендерных исследований. М., 2001. С. 48–49.

¹⁴² Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Трансформация гендерного гражданства в современной России // Куда пришла Россия?.. Итоги социентальной трансформации. 2003. Международный симпозиум 16–18 января 2003 г. М., 2003. С. 148–149.

¹⁴³ Крестьянка. 1979. № 12. С. 20; 1981. № 11. С. 11; Социологические очерки о Советской Эстонии. С. 56.

¹⁴⁴ Крестьянка. 1979. № 12. С. 20.

¹⁴⁵ Там же.

¹⁴⁶ Там же. С. 21.

¹⁴⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 217. Л. 9.

¹⁴⁸ Там же. Л. 12.

¹⁴⁹ Там же. Л. 124–130.

¹⁵⁰ Bridger Susan. Soviet Rural Women: Employment and Family Life. P. 287.

¹⁵¹ Крестьянка. 1979. № 10. С. 27.

¹⁵² Там же. 1975. № 7. С. 28; 1980. № 1. С. 32; 1981. № 10. С. 35.

¹⁵³ Там же. 1980. № 5. С. 29.

¹⁵⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 217. Л. 20.

¹⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 190. Л. 132.

¹⁵⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 233. Л. 63.

¹⁵⁷ Виноградский В., Виноградская О., Никулин А., Фадеева О. История сельской женщины: семья, хозяйство, бюджет // Рефлексивное крестьяноведение. Десятилетие исследований сельской России. М., 2002. С. 235.

¹⁵⁸ РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 244. Л. 38.

¹⁵⁹ Там же. Л. 97.

¹⁶⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 233. Л. 79, 80.

¹⁶¹ РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 38. Л. 61–62.

¹⁶² Там же. Д. 244. Л. 62.

¹⁶³ Горбачев М.С. О задачах по коренной перестройке управления экономикой // Правда. 1987. 26 июня; Левин Б.М., Левин М.Б. Мнимые потребности. М., 1986. С. 18; Заиграев Г.Г. Общество и алкоголь. М., 1992. С. 43; Такала И.Р. Веселие Руси. История алкогольной проблемы в России. СПб., 2002. С. 258; Григорьева Н.С., Чубарова Т.В. Гендерный подход в здравоохранении. М., 2001. С. 56.

¹⁶⁴ Курьянова Н.Н., Сердюков А.Г. Медико-социальные аспекты женского алкоголизма. Астрахань. 2002. С. 5, 29–33, 53, 67–69, 89–94; Григорьева Н.С., Чубарова Т.В. Гендерный подход в здравоохранении. С. 56.

¹⁶⁵ Женщины в СССР. 1990. Стат.материалы. М., 1990. С. 18.

¹⁶⁶ Потапов В. Неутешительная ситуация (Проблемы алкоголизма и наркомании в России) // Трезвость и культура. 2002. № 3. С. 7.

¹⁶⁷ Такала И.Р. Веселие Руси. История алкогольной проблемы в России. С. 282–283.

¹⁶⁸ Голоса крестьян. Крестьяне Кубани пишут Г.Явлинскому. Кубань-М., 1998–1999. С. 3.

¹⁶⁹ Такала И.Р. Веселие Руси. История алкогольной проблемы в России. С. 254.

¹⁷⁰ РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 91. Л. 22–23, 26–27.

- ¹⁷¹ Там же. Ф. 89. Перечень 12. Док. 6. Л. 4.
- ¹⁷² Женщины в СССР. 1990. С. 18; Вестник статистики. 1991. № 8. С. 62, 64, 66.
- ¹⁷³ РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 91. Л. 19—20.
- ¹⁷⁴ Вестник статистики. 1991. № 9. С. 64.
- ¹⁷⁵ Народное хозяйство РСФСР в 1989 г. С. 310, 314. В 1949 г. за самогонварение гражданскими судами СССР было осуждено 41,6 тыс., в 1950 г. — 32,9 тыс., 1951 г. — 36,8 тыс., 1952 г. — 31,6 тыс., 1953 г. — 21,9 тыс. человек (ГА РФ. Ф. 3492. Оп. 3. Д. 171. Л. 63—64).
- ¹⁷⁶ Женщины в СССР. 1990. С. 18.
- ¹⁷⁷ Зима В.Ф. Голод в СССР 1946—1947 годов: происхождение и последствия. М., 1996. С. 116, 128.
- ¹⁷⁸ Там же. С. 119, 128.
- ¹⁷⁹ Иванова Г. Женщины в заключении (историко-правовой аспект) // Женщина. Гендер. Культура. М., 1999. С. 278.
- ¹⁸⁰ Лунеев В.В. Преступность XX века. С. XIII, 35.
- ¹⁸¹ Там же. С. 21, 26.
- Во всех странах, расположенных в различных регионах и различающихся между собой по структуре учитываемой преступности в 1960—1990-е гг. уровень ее был высоким и она интенсивно росла: в США более чем в 7, в Англии и Уэльсе — в 6, во Франции — в 5, в СССР — в 4, в ФРГ — в 3, в Японии — в 1,5 раза. В среднем это намного больше, чем в мире в целом (Лунеев В.В. Преступность XX века. С. 20—21).
- ¹⁸² Там же. С. 34—35.
- В США раскрываемость преступлений на протяжении 1960—1995 гг. составляла 21—22%, в Англии и Уэльсе — 35, в ФРГ — 45, в Японии — около 60% (Лунеев В.В. Преступность XX века. С. 34).
- ¹⁸³ Шабанова М.А. Индивидуальная и социальная свободы в реформируемой России // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность. Международный симпозиум 17—18 января 2000 г. М., 2000. С. 406—407.
- ¹⁸⁴ Вестник статистики. 1991. № 8. С. 64—67.
- ¹⁸⁵ Шабанова М.А. Индивидуальная и социальная свободы в реформируемой России // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность. Международный симпозиум 17—18 января 2000 г. М., 2000. С. 407.
- ¹⁸⁶ Лунеев В.В. Особенности современной преступности в России // Куда пришла Россия?.. Итоги социальной трансформации. 2003. Международный симпозиум 16—18 января 2003 г. М., 2003. С. 266—268.
- ¹⁸⁷ Голоса крестьян. Крестьяне Кубани пишут Г. Явлинскому. С. 6.
- ¹⁸⁸ Социально-экономические проблемы агропромышленного комплекса России. С. 21.
- ¹⁸⁹ Вопросы статистики. 2003. № 6. С. 71—74.
- ¹⁹⁰ Лунеев В.В. (Заведующий сектором уголовного права и криминологии Института государства и права Российской академии наук). Особенности современной преступности в России // Куда пришла Россия?.. Итоги социальной трансформации. Международный симпозиум 16—18 января 2003 г. С. 265, 269—271.
- ¹⁹¹ Гендерная экспертиза российского законодательства. М., 2001. С. 214—219.
- ¹⁹² Иванова Г. Женщины в заключении (историко-правовой аспект) // Женщина. Гендер. Культура. М., 1999. С. 281.

- ¹⁹³ Гендерная экспертиза российского законодательства. С. 229.
- ¹⁹⁴ Российский статистический ежегодник. 2002. Статистический сборник. М., 2002. С. 273–275.
- ¹⁹⁵ Титов Ю.П. Хрестоматия по истории государства и права России. Учебное пособие. М., 1997. С. 143.
- ¹⁹⁶ Дьяченко А.П. Интердевочки в зеркале прессы // Проституция и преступность. Проблемы. Дискуссии. Предложения. М., 1991. С. 71–79; Женщины в СССР. 1990. С. 18.
- ¹⁹⁷ Рак Л. В ночном тупике // Студенческий меридиан. 1988. № 9.
- ¹⁹⁸ Там же.
- ¹⁹⁹ Криминология. М., 1999. С. 492.
- ²⁰⁰ Гилинский Я.И. Проституция как она есть // Проституция и преступность. С. 99–122; Майданская Н. Проза «сладкой жизни» // Советская культура. 1990. 24 марта.
- ²⁰¹ Жилиева В. Группа риска // Советская Россия. 1988. 25 октября.
- ²⁰² Монолог «ночной феи» // Трезвость и культура. 1988. № 9.
- ²⁰³ Карпунин Ю.Г., Торбин Ю.Г. Проституция: закон и реальность // Социологические исследования. 1992. № 5. С. 114.
- ²⁰⁴ Криминологическое изучение наркомании, проституции и других социально-негативных явлений. М.: Академия МВД СССР, 1990. С. 47.
- ²⁰⁵ Кислинская Л. «Легкое поведение» на весах правосудия // Советская Россия. 1987. 12 марта; Алексеев Б. Ночной промысел // Неделя. 1987. № 12; Лиляниц И. «Доллар girl». Новая московская элита // Щит и меч. 1991. № 52. 26 декабря.
- ²⁰⁶ Айвазова С., Кертман Г. Женщины на randevu с российской демократией. М., 2001. С. 14.
- ²⁰⁷ Конвенция о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами. Утверждена Генеральной Ассамблеей ООН 2 декабря 1949 г. // Международные Конвенции и Декларации о правах женщин и детей. Сборник универсальных и региональных международных документов. М., 1998. С. 17–21.
- ²⁰⁸ Социологические исследования. 1992. № 5. С. 116.
- ²⁰⁹ Лиханов Д. В осаде // Огонек. 1989. № 5; Мироненко Н. Механическая дева // Щит и меч. 1991. № 1. 4 января; Пронь В. Капкан для «шакалов». Кто паразитирует на секс-бизнесе // Там же. 1990. № 32. 7–13 декабря.
- ²¹⁰ Женщина новой России: Какая она? Как живет? К чему стремиться? С. 48.
- ²¹¹ Тюрюканова Е. Женщины в поисках работы за рубежом: трудовая миграция женщин из России // Валдай-96. Материалы Первой российской летней школы по гендерным исследованиям. М., 1997.
- ²¹² Там же.
- ²¹³ Преступление и порабощение. Разоблачение секс-торговли женщинами из стран бывшего СССР. Доклад Всемирной сети за выживание в сотрудничестве с Международной Лигой прав человека. М., 1997. С.13.
- ²¹⁴ Тюрюканова Е. Женщины в поисках работы за рубежом: трудовая миграция женщин из России // Валдай-96. Материалы Первой российской летней школы по гендерным исследованиям. М., 1997. С. 110–120.
- ²¹⁵ Преступление и порабощение. Разоблачение секс-торговли женщинами из стран бывшего СССР. С. 5.

ГЛАВА III

ОХРАНА ДЕТСТВА В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ

СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ — ПЕРЕМЕННАЯ ВЕЛИЧИНА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Мировое сообщество ставит задачу охраны материнства и детства как одну из приоритетных в государственной политике. Не простое декларирование принципов заботы о подрастающем поколении (с ним-то и связано решение демографических задач и, как следствие, развитие экономики и могущества страны), а приоритетное отношение к женщине-матери и детям, подкрепленное обоснованной законодательной базой, сформированным общественным мнением о важности роли семьи и охранительной политикой государства своих граждан — работающих, временно прервавших работу по объективным и субъективным причинам и нетрудоспособных, — способно дать уверенность в завтрашнем дне.

Общеизвестно, что уровень социальной защищенности населения является показателем силы, могущества и гуманизма государства. Забота о престарелых, нетрудоспособных, детях и поддержка каждого, потерявшего источник средств существования по не зависящим от него причинам, признается одной из общечеловеческих ценностей в цивилизованном мире, что закреплено во Всеобщей декларации прав человека (1948) и Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах человека и гражданина (1973)¹. Для реализации этих задач существует созданная система социального обеспечения.

В жизни государства и общества она занимала и занимает одно из ключевых, определяющих мест. Социальное обеспечение — индикатор социальной политики государства и находится в непосредственной зависимости от развития экономики.

Россия, как и другие зарубежные страны, не имела большого опыта реализации социальных программ до конца XIX в.² Лишь после революции 1917 г. социалистическое правительство сосредоточило усилия на решении социальных задач для большинства населения огромного государства, превзойдя в этом даже развитые страны. Советская социальная защита считалась одной из лучших в мире.

С 1917 г. по 1922 г. было принято около ста декретов и распоряжений в области социального обеспечения и открыто 1500 учреждений по охране материнства и детства. Эти нормативные акты заложили фундамент для организации советской государственной системы социального обеспечения.

В октябре 1917 г. провозглашается модель государственного призрения нуждающимся трудящимся и затем создается Наркомат государственного призрения РСФСР, задачами которого стали социальное обеспечение трудящихся при всех случаях временной нетрудоспособности, охрана материнства и детства, попечение об инвалидах войны и их семьях, о престарелых и несовершеннолетних³. В 1918 г. Наркомат государственного призрения был переименован в Наркомат социального обеспечения, а функции попечительства и охраны материнства переданы вновь созданному Наркомату здравоохранения. Социальное страхование было заменено на бесплатное социальное обеспечение, при этом финансовые средства предполагалось взимать с предприятий и предпринимателей и лишь в крайнем случае прибегать к государственному бюджету. В 1918 г. было принято Положение о социальном обеспечении трудящихся, которое установило пособия по временной нетрудоспособности, безработице, беременности и родам, на рождение ребенка, пенсии по инвалидности, медицинскую помощь⁴.

Социальное обеспечение крестьян не вошло в государственную систему и осуществлялось за счет организации крестьянской взаимопомощи. Положение о крестьянских обществах взаимопомощи от 28 сентября 1924 г. обязывало их предоставлять обеспечение семьям военнослужащих, инвалидов и беднейшему крестьянству, «содействовать государственным органам в оборудовании, содержании и снабжении находящихся в районе действия общества инвалидов учреждений, больниц, школ, детских домов, яслей, бесплатных столовых и т.п., а при возможности открывать и содержать таковые собственными средствами»⁵.

Не имели права на государственное социальное обеспечение ремесленники, а в отношении выходцев из дворянства, буржуазии и духовенства проводилась политика ограничения их прав⁶.

В 1919 г. было отменено внесение взносов на социальное страхование для предприятий и учреждений, установлен порядок прямого сметного финансирования социального обеспечения. Все страховые фонды и кассы объединялись во Всероссийский фонд социального обеспечения⁷. Однако после окончания Гражданской войны, с переходом к новой экономической политике и введением хозрасчета на предприятиях появилась возможность замены государственного социального обеспечения рабочих и служащих социальным страхованием за счет взносов предприятий, что было утверждено постановле-

нием СНК РСФСР от 15 ноября 1921 г.⁸ В 1933 г. социальное страхование было передано в ведение профсоюзов. Основные расходы по финансированию легли на государственный бюджет, который был объединен с бюджетом социального страхования. Социальное страхование приобрело бюджетный дотационный характер. И до начала периода радикального «демократического» реформирования в начале 1990-х гг. справедливо не подвергалось больше пересмотру.

Советская система социального обеспечения охватывала все случаи утраты заработка в связи с нетрудоспособностью, старостью и безработицей. В СССР была создана система по оказанию медицинской помощи, санаторно-курортному лечению, а также содержанию и воспитанию детей в детских учреждениях.

Россия была одной из первых в мире стран (после Великобритании), где было введено пособие по безработице⁹, которое выплачивалось до ее полной ликвидации, т.е. до начала 1930-х гг., и которое вновь было введено в 1990-е гг.

Декретом «О страховании на случай болезни» от 22 декабря 1917 г. были установлены пособия в случае болезни, родов, смерти работника и бесплатно предоставлена врачебная помощь: первая помощь, амбулаторное лечение, помощь на дому, родовспоможение, лечение в больнице с полным содержанием больного, санаторное лечение. В 1919 г. было установлено бесплатное детское питание в виде пайков на детей до 14 лет независимо от социального положения их родителей¹⁰. Таких достижений не знала ни одна страна мира не только в начале XX века, но и в начале XXI столетия. Утрачены эти высокие рубежи и современной Россией.

Большое внимание уделялось социальному обеспечению беспризорных и безнадзорных детей. Внимание государство было сосредоточено на ВСЕХ детях, нуждавшихся в его поддержке и содержании: начиная с 3-летнего возраста (а до этого Дом малютки, Дом ребенка) и до 16 лет включительно они находились под опекой своей страны.

Советская Россия сформировала новую систему дошкольного и внешкольного воспитания детей, сосредоточенную в системе Народного комиссариата просвещения. Плата за содержание детей в детских учреждениях была невысокой и не превышала 6% заработка рабочих и служащих¹¹. В начале 1920-х гг. в Сибири работали 96 детских садов, 363 детские площадки, 92 детские колонии и 348 детдомов, где воспитывались 23 тыс. детей¹². В 1920 г. в детских домах страны жило и училось свыше 1,2 млн воспитанников¹³.

Все меры социального обеспечения касались городского населения, в малой степени — приехавших на заработки мужчин-отходников и совершенно не касались деревни, большинства населения страны. Лишь 16 ноября 1929 г. в период коллективизации было принято постановление «Об оказании по-

мощи лицам и хозяйствам, пострадавшим от кулацкого насилия»¹⁴. Касалось это бедных слоев деревни, для которых открылась возможность получать единовременные пособия и медицинскую помощь наравне с рабочими, они получили право на первоочередное устройство в детские учреждения своих детей.

Переустройство сельской жизни в конце 1920-х гг. принесло и новые формы социального обеспечения теперь уже колхозного крестьянства. Созданные в деревне кассы взаимопомощи выделяли средства для организации яслей, детских садов и летних площадок для детей. Примерный устав сельскохозяйственной артели 1935 г. предусмотрел двухмесячный декретный отпуск. Однако наблюдалось ущемление деревни в реализации программы охраны материнства: декретный отпуск был вдвое короче аналогичного отпуска для рабочих и служащих, оплачивался он лишь в половинном размере. Многие крестьянки старались воспользоваться этим правом, хотя серьезное противостояние этому оказывали председатели колхозов, особенно во время посевной и уборочной¹⁵. В колхозах создавались фонды помощи престарелым и нетрудоспособным колхозникам.

Конституция СССР 1936 г. статьей 120 установила *право на бесплатную медицинскую помощь* трудящимся и возможность воспользоваться широкой сетью курортов. Статья 122 предоставляла женщинам равные права с мужчинами во всех сферах жизнедеятельности. Возможность осуществления этих прав обеспечивалась предоставлением женщинам равного с мужчинами права на труд и его оплату, отдых, социальное страхование, образование, а также государственной охраной интересов матери и ребенка (отпуск при беременности с сохранением заработной платы, развитие сети родильных домов, детских яслей и садов).

Великая Отечественная война прервала последовательное осуществление социальных гарантий для советских граждан. Однако даже в тяжелейших условиях страна продолжала отдавать приоритет женщинам — будущим матерям. Июльский Указ 1944 г., справедливо оцениваемый как антинародный в отношении так называемых незаконнорожденных детей, в других статьях усиливал внимание к беременным женщинам. В условиях тяжелого военного и голодного послевоенного времени даже небольшая государственная помощь была им очень необходима. Решения подкреплялись контрольной практикой. Правительство взяло под строгий контроль обеспечение беременных женщин и кормящих матерей дополнительным питанием по продовольственным карточкам, а также выделение так называемого детского приданого для новорожденных, включавшего хлопчатобумажные ткани, байковые одеяла и белье. К этой работе сразу же подключилась Прокуратура СССР, строго взыскивавшая с нарушающих советское законодатель-

ство. В течение 1945—1946 гг. проведенными проверками были выявлены «факты нарушения» и «занижения норм», установленных правительством. В Московской области продовольственные карточки «отоваривались» менее чем на треть, а в Горьковской и Вологодской лишь пятая часть женщин по дополнительным спискам смогли получить молоко или молочные продукты. Воронежская, Сталинградская, Свердловская области и проверенная Прокуратурой СССР Татария также разделили трудности и «безответственность» местного руководства. В Челябинской же области в некоторых районах «беременным женщинам и кормящим матерям совершенно не выдавалось дополнительное питание»¹⁶. Потребности в «детском приданом» во многих областях вдвое превышали выделяемое, а его ожидание нередко растягивалось на год, когда малыш выросал¹⁷. Прокурорские проверки выявили и факты «мелкого хищения», «разбазаривания», «использования не по назначению» дополнительных фондов, предназначенных беременным женщинам и кормящим матерям, и «отсутствие должного внимания и контроля»¹⁸. Последнее было возложено на Министерство торговли СССР, которое в «тесном взаимодействии» с Министерством здравоохранения страны, «обязанном» предоставлять полные и достоверные списки «по контингентам», развернуло работу по обеспечению продовольственными и промышленными товарами в условиях карточной системы. Суровость проверяющих органов и военного времени способствовала достаточно быстрому «наведению порядка». Постепенно положение со снабжением товарами широкого потребления и основными продуктами питания стало выравниваться после отмены в 1947 г. карточек, но практика дополнительного обеспечения будущих матерей дефицитными товарами, необходимыми малышу, существовала на протяжении всего советского времени.

После окончания Великой Отечественной войны, с восстановлением народного хозяйства началось реформирование системы социального обеспечения. Энергичные и результативные меры государства в этом направлении не касались многочисленного и преобладающего населения деревни. Лишь со второй половины 1960-х гг. все сельские жители получили все социальные гарантии, которыми пользовались горожане. 15 июля 1964 г. Верховный Совет страны принял Закон о пенсиях и пособиях членам колхозов, вступивший в действие с 1 января 1965 г.¹⁹ В соответствии с ним были введены пенсии по старости, инвалидности, по случаю потери кормильца, пособия для женщин — членов колхозов по беременности и родам. Колхозники стали полноправными гражданами своей страны.

В 1969 г. был образован централизованный фонд социального страхования колхозников. Из его средств члены сельскохозяйственных артелей стали получать пособия по временной

нетрудоспособности, путевки в санатории и дома отдыха, пользоваться и другими видами социального страхования.

К концу 1960-х гг. в СССР завершилось формирование организационно-правовых форм социального обеспечения, включивших в себя государственное социальное страхование рабочих, служащих и колхозников, обеспечение членов сельскохозяйственных артелей за счет централизованного союзного фонда, социального фонда колхозников, прямое финансирование социального обеспечения из государственного бюджета.

В 1969 г. были приняты Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении, а в 1970 г. — Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о труде, кодексы законов о труде союзных республик, в которых содержались главы о социальном страховании. Развитие законодательства о социальном обеспечении шло в зависимости от политических целей и экономических возможностей СССР по пути совершенствования и улучшения медицинского обслуживания и лечения своих граждан, усиления государственной помощи семье в содержании и воспитании детей.

Конституция СССР 1977 г. определила, что в стране созданы государственные системы здравоохранения и социального обеспечения, которые являются самостоятельными и решают тесно связанные между собой задачи. В Основном Законе государства говорилось о социальном обеспечении в различных формах, равенстве прав мужчин и женщин (статья 35), праве граждан СССР на охрану здоровья (статья 42) и материальное обеспечение (статья 43), заботе государства о семье (статья 53).

В Советской России в XX в. сложилась особая модель здравоохранения, главными чертами которой являлись: охват всего населения страны, предоставление полного набора медицинских услуг БЕСПЛАТНО, наличие целостной системы медицинских учреждений, обеспечивающих преемственность в лечении, профилактику и реабилитацию и высокий уровень квалификации кадров. Модель Семашко — советская модель первичной медицинской и скорой помощи — в 1978 г. была признана Всемирной организацией здравоохранения лучшей в мире и предложена ВОЗ в качестве примера другим странам²⁰.

Радикальные реформы начала 1990-х гг. коснулись и системы здравоохранения. С законодательной точки зрения, охрана здоровья матери и ребенка, включая бесплатную медицинскую помощь и социальные гарантии, формально не осталась без государственного внимания. Так, беременным женщинам обеспечивается право на работу в условиях, отвечающих их физиологическим особенностям и состоянию здоровья. Каждая женщина в период беременности, во время родов и после обеспечивается медицинской помощью в государственных или муниципальных учреждениях здравоохранения за счет целевых средств. Женщины во время беременности и в связи с рожде-

нием ребенка, а также во время ухода за больными детьми в возрасте до 16 лет имеют право на получение пособия и оплачиваемого отпуска в установленном законом порядке: единовременное пособие при рождении каждого ребенка; ежемесячное пособие на период отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста 1,5 лет; ежемесячное пособие одиноким матерям на детей в возрасте до 16 лет, ежемесячное пособие на детей военнослужащих, проходящих военную службу по призыву, и детей, родители которых уклоняются от уплаты алиментов, в возрасте до 16 лет. Государство гарантирует беременным женщинам, кормящим матерям и детям в возрасте до 3-х лет полноценное питание, в том числе в случае необходимости и специальное. Размер пособий оказался незначительным — не более 6% прожиточного минимума, а универсальные советские детские пособия стали адресными: они предназначены только тем, у кого доходы в семье меньше двух прожиточных минимумов. Время ухода за ребенком до 1,5 лет, прежде входившее в трудовой стаж и учитывавшееся при начислении пенсии, с 1990 г. исключено из пенсионного стажа. При этом считается: лучшие традиции советской системы «охраны материнства и детства» остались неизменными! Новыми являются лишь перинатальный центр, получивший правовой статус с 1988 г., и центр репродукции и планирования семьи. Однако работающие в Российской Федерации 60 перинатальных центров обеспечивают помощь в наиболее тяжелых случаях беременности и патологии новорожденных. Именно профилактика и оздоровление, чем гордилась советская медицина, в современной жизни отошли на последний план. Но по-прежнему основным звеном в сети медицинских учреждений материнства и детства остается женская консультация.

Для деревни и сельских женщин современные нововведения недоступны. Усиливается неравенство в получении медицинской помощи в городе и провинции. И если в Москве или Санкт-Петербурге можно рассчитывать на срочную госпитализацию беременной женщины или матери с младенцем на машине «Скорой помощи» в специализированную больницу, то в Аларском районе Иркутской области — только на лошадь, которая доставит больную за несколько километров в районную больницу²¹. Дискуссии о целесообразности реформирования системы здравоохранения давно потеряли свою актуальность. Государственное решение оказалось единственным и неоспоримым, и уже перестроенная система не имеет альтернативы возврата к советским стандартам организации лечения: бесплатному и всем доступному. При всех ее недостатках она выдержала испытание временем и терпением своих граждан и вполне могла быть не заменена на новую, никому неизвестную и большинству недоступную, а изменена в ее слабых и недоработанных звеньях. Однако опыт прошлого был отбро-

шен и на вооружение принята страховая система здравоохранения, и только она, тогда как в развитых странах, например Великобритании, умело сочетается государственное участие и частная медицинская практика. Преждевременным оказалось и введение специалиста — «врача общей практики», которого в России ранее не было, разве что во времена А.П. Чехова. В конце 1990-х гг. в стране работало более 1 тыс. таких специалистов — и это на 144 млн российских граждан! Если эта тенденция и может прослеживаться, то в далекой перспективе. Но на сегодня связывать с новой категорией врачей всю первичную помощь явно преждевременно. Привычные женские консультации, ведущие большую лечебную и, главное, профилактическую работу, должны усилить именно это направление своей деятельности. Ведь 80% средств здравоохранения вкладывается в дорогостоящую стационарную медицину, в то время как 80% пациентов нуждаются в догоспитальной и внебольничной помощи!²²

Главным для здравоохранения был и остается вопрос финансирования. В России дефицит средств, необходимых для оказания бесплатной медицинской помощи, в конце 1990-х гг. составлял 40%. Это связано и с общим недостатком финансирования здравоохранения страны. Широкое распространение получили так называемые платные медицинские услуги. По итогам опросов, проведенных в 14 регионах России, в среднем каждая семья в декабре 1998 г. потратила на оплату медицинских услуг и товаров около 300 руб., что в пересчете на все население означает 144,9 млрд руб., или 5,4% ВВП. В то же время совокупный бюджет здравоохранения в 1998 г. составил всего 84,4 млрд. руб., или 3,14% от ВВП. По официальным данным, затраты населения на медицину составляли в среднем 8% доходов, по результатам опроса — вдвое больше. Но самая бедная часть населения с доходами ниже прожиточного минимума тратит на медицинскую помощь примерно треть своих доходов, а самые богатые — только 11%²³. Для значительной части российского населения ностальгия по советскому строю связана прежде всего с его социальными достижениями.

«ПЕШКОМ В БОЛЬНИЦУ ЗА 12 КИЛОМЕТРОВ, С ГРУДНЫМИ — НА ТЕЛЕГЕ»

Россия в сравнении с европейскими странами довольно поздно пришла к организации специальной системы охраны здоровья женщины и ребенка. Только при Петре I в Петербурге, Москве и Кронштадте были организованы школы «медицинской и хирургической практики», но и в их программы акушерство включено не было. Первые школы «бабьего дела» открылись в Москве и Петербурге только во второй половине

XVIII в. на 20 слушателей с курсом обучения на русском и немецком языках, рассчитанным на шесть лет. В 1797 г. в Петербурге учрежден Повивальный институт. Этими тремя учебными заведениями ограничивалась подготовка акушерского персонала для всей России. Реформы 1860-х гг. и введение земских учреждений способствовали росту акушерских школ, и к началу XX в. их насчитывалось уже 40.

Русский Врачебный устав выделял две категории повивальных бабок: присяжных (в обиходе повивальные бабки или акушерки), которые получали образование в Повивальном институте или сдавали экзамены в Военно-медицинской академии или одном из университетов и имели право работать по всей России, и сельских (повитухи), закончивших повивальные школы и имевших право на работу в деревне. Требования, предъявляемые Врачебным уставом к повивальной бабке, были серьезными: она должна являться к роженице по первому зову, днем и ночью, и не покидать ее до момента, когда необходимость в ней отпадет, быть ласковой и молчаливой и при опасении тяжелых родов немедленно приглашать врача. Повивальных бабок повсеместно не хватало, особенно в деревнях, и в начале XX в. лишь 5% рожениц получали медицинскую помощь. Крестьянки предпочитали пользоваться услугами домашних повитух еще и потому, что они ближе были им по привычкам, складу жизни и считались своими в деревенской среде. Часто они заменяли хозяйку по домашним делам, ухаживали за детьми, временно переселяясь в ее дом. Кроме того, за услуги ей платили не родители, а согласно обычаю, гости на крестинах ребенка. Конечно, многие практикующие повитухи были достаточно искусны, но в случае трудных родов нередко не могли помочь женщине, и от послеродовых осложнений ежегодно в России умирало до 30 тыс. женщин при средней продолжительности их жизни 33 года. Первая детская больница была открыта в Петербурге в 1834 г. на пожертвования «сострадательных лиц». Это было крайне актуально, поскольку младенческая смертность превышала 300 детей на 1 тыс., а в некоторых губерниях и 400. С земской реформы 1884 г. началась организация медицинской помощи крестьянкам и их детям: разъездной, а позже стационарный врач стали заботиться об их здоровье. Эта система сохранялась до конца XIX в.

Советское правительство одной из главных задач поставило охрану здоровья населения страны, выделив особо женщин и детей. В ноябре 1917 г. организован Народный Комиссариат государственного призрения. В январе 1918 г. создана специальная Коллегия, основной задачей которой стала разработка неотложных мероприятий по охране материнства и младенчества. После организации летом 1918 г. Народного Комиссариата здравоохранения на него были возложены эти функции. В условиях голода и разрухи только в 1918 г. в России было открыто 46 домов

ребенка, 66 родильных домов, 59 консультаций, 47 молочных кухонь и 409 яслей (в 1913 г. были открыты 9 консультаций для грудных детей, 19 яслей на 550 мест). Заботясь о подрастающем поколении, советское правительство принимает декреты «Об охране материнства и детства» (1918), «Об учреждении Совета защиты детей» (1919) и «Об организации детского питания» (1919). В 1922 г. основан Государственный институт охраны материнства и младенчества, реорганизованный в середине 1940-х гг. в Институт педиатрии. Создан Институт акушерства и гинекологии. Уже в 1925 г. действовало свыше 1 тыс. женских и детских консультаций. Это постепенно привело к снижению детской смертности: 1913 г. только в Европейской части России она составляла 26%, к 1925 г. по всей стране — 20%. С 1928 г. промышленные предприятия, использовавшие женский труд, отчисляли 1/4 фонда заработной платы на содержание яслей. До 10% профсоюзного фонда по улучшению быта рабочих прямым назначением шло на содержание учреждений охраны материнства и детства. К началу 1930-х гг. в СССР была сформирована система охраны материнства и детства.

В годы Великой Отечественной войны приоритетными направлениями деятельности системы охраны здоровья матери и ребенка стали эвакуация детей, их устройство на новом месте, обеспечение им санитарного и медицинского обслуживания. Государственная система здравоохранения максимально сосредоточила усилия и средства на создании возможно нормальных условий для матери и ребенка. Поставленная первым послевоенным пятилетним планом задача интенсивного развития медицинских учреждений с приоритетом детских была выполнена. Основным медицинским учреждением для детей стала детская поликлиника, работавшая по участковому принципу. Одновременно большое внимание уделяется заботе о беременных женщинах. Расширяется сеть женских консультаций: к концу 1950-х гг. их уже более 7 тыс. и ВСЕ женщины городов и рабочих поселков рожали исключительно в родильных домах.

Параллельно с развитием системы оказания медицинской помощи женщинам-матерям и детям развивалась и система социальных гарантий и льгот женщинам, имеющим детей. В Основах законодательства СССР и союзных республик о труде 1970 г. были определены положения о труде женщин, в частности беременных женщин и матерей. В стране была создана сеть лечебно-профилактических учреждений, обеспечивающая бесплатную медицинскую помощь женщинам и детям: родильный дом, женская консультация, детская поликлиника и больница, — которая просуществовала до начала 1990-х гг.²⁴

В соответствии с частью 2 статьи 38 Основ законодательства о здравоохранении охрана здоровья матери и ребенка обеспечивалась организацией широкой сети женских консультаций,

родильных домов, санаториев и домов отдыха для беременных женщин и матерей с детьми, яслей, садов и других детских учреждений. Органы здравоохранения обязаны были обеспечить каждой женщине квалифицированное медицинское наблюдение за течением беременности, стационарную медицинскую помощь при родах и лечебно-профилактическую помощь матери и новорожденному ребенку (статья 39).

Все мероприятия по охране здоровья женщин и детей возглавляло Министерство здравоохранения СССР. Оно проводило совместно с другими министерствами и ведомствами мероприятия по охране труда женщин, по оздоровлению, физическому и гигиеническому воспитанию детей. В составе Минздрава СССР было выделено Управление лечебно-профилактической помощи матерям и детям.

По мнению многих специалистов, в области охраны детства органами здравоохранения необходимо различать четыре этапа. Первый этап включает лечебно-профилактические мероприятия, направленные на укрепление здоровья беременной женщины. Сюда относится деятельность женских консультаций, отделений патологии для беременных, акушерских стационаров и других лечебных учреждений. Второй этап — деятельность по ведению родов. Весь объем специальной медицинской помощи оказывается в акушерском отделении родильного дома. Третий этап обеспечивает охрану здоровья новорожденного, куда входят, с одной стороны, наблюдение и уход за здоровым ребенком, с другой — лечение и выхаживание больных и недоношенных детей. Наконец, четвертый этап — забота о здоровье детей старшего возраста, которая осуществляется в основном детскими поликлиниками²⁵.

В сельских местностях, где нет женских консультаций, необходимый объем работы выполнял фельдшерско-акушерский пункт под руководством врача участковой больницы, а также родильный дом. Для оказания акушерско-гинекологической помощи центральная районная больница периодически организовывала выезд акушеров-гинекологов для осмотра селянок.

Медицинская помощь роженицам в СССР осуществлялась в учреждениях двух типов: в самостоятельных родильных домах и в акушерских отделениях, входящих в состав городских больниц.

В России начала XX в. обычным делом было, когда роды случались дома и шли под наблюдением повивальной бабки, знахарки или женщины-родственницы. Но бывало, что в критический момент рядом никого из них не оказывалось, и женщина рожала без чьей-либо помощи. А.Е. Амосова, 1924 года рождения, жительница деревни Красное Пинежского района Архангельской области, рассказывала, что, когда мать рожала ее, в доме свекра был односельчанин. Мать ушла рожать на назем (в сарай), родила и ждала, пока гость уйдет. Свекор «на-

мекнул», в чем дело, и сосед сразу же ушел, и тогда новорожденную Анастасию занесли в дом на печь, обмыли²⁶.

Прибегать к услугам повитух и рожавших женщин было обычным делом и в 1920-е, и 1930-е, и 1940-е гг. В деревне только 12% крестьянок рожали под наблюдением медицинских работников, остальные — самостоятельно или с помощью повитух и родственниц. И хотя советская власть предпринимала меры финансового и организационного характера для достижения социального благополучия селянок, родильных домов строилось недостаточно, акушерок повсеместно не хватало. Кроме того, имевшиеся медицинские учреждения, предназначенные для женщин, находились в критическом состоянии, и многие из них были столь отталкивающими, что женщины по старинке предпочитали рожать дома. Но даже в таких роддомах большинство мест было отдано женщинам, которые делали аборт. Дефицит родильных домов правительство пыталось ликвидировать, обязав колхозы выделять средства на строительство, оборудование и обеспечение кадрами этих медицинских учреждений. И даже с привлечением всех средств только половина из имевшихся к 1941 г. роддомов работала в сельской местности, тогда так в деревнях проживало 70% населения страны. Большинство колхозов были не в состоянии содержать медицинские учреждения. Инспекции, проведенные медицинскими работниками центрального аппарата на местах, показывали крайнюю запущенность некоторых роддомов. В отчетах говорилось о «холодных помещениях с отваливающейся штукатуркой, сквозняках, антисанитарных условиях, использовании соломенных матрацов, отсутствии топлива, плохом освещении керосиновыми лампами, нехватке самого керосина... акушерках, живущих прямо в родильных домах...»²⁷. Далеко расположенный роддом, отталкивающие условия по-прежнему ориентировали сельских женщин прибегать к услугам повивальных бабок или полагаться на родственников и собственные силы и опыт.

С развитием медицинских учреждений на селе в послевоенные годы родовспоможение стало расширяться, но в силу заброшенности деревень родильные дома и даже фельдшерско-акушерские пункты для многих были недоступны. Привычным считалось добираться до роддома за десятки километров, не говоря уже о практически полном отсутствии наблюдения врача в период беременности.

Экономисты называли финансированием по остаточному принципу, когда вложение средств в образование, здравоохранение, культуру осуществлялось после того, как были удовлетворены все прочие нужды экономики, не связанные напрямую с жизненными потребностями человека.

Роддом находился в 30 км от деревни. Сельская жительница М. Золотарева точно знала, что ее туда никто не повезет. Если

бы речь шла о бочках с горючим или о мешках с семенами (которые, кстати, она постоянно возила на лошади, преодолевая гораздо большие расстояния), то лошадь обязательно нашлась бы. Но в случаях, подобных этому, действовали другие правила — на женщинах во всем экономили, даже когда речь шла о рождении новой жизни. К ней позвали неопытную повитуху, а в итоге разрывы и потеря крови, а потом хроническая болезнь, потому что сам уклад той жизни не предполагал элементарную заботу о женщине²⁸. Да и сами крестьянки считали неудобным обращать на себя излишнее внимание по такому личному делу и терпеливо сносили все трудности женской деревенской судьбы.

«Мои женские проблемы начались сразу после первой беременности. Роддом находился в 30 километрах от деревни. А кто тебя туда повезет? Никто. Они позвали старую повитуху, но она не могла помочь мне. У меня было много разрывов, и я нуждалась в операции, а вместо этого сразу же вернулась в колхоз.

С тех пор я постоянно страдала от этой болезни. А в 1954 г., в тот день, когда мне сделали операцию, умер свекор. Лежать я не могла и пошла на похороны. В результате из семи швов, которые мне сделали во время операции, осталось только два. Врач предложил мне повторить операцию, но я никак не могла решиться снова на такую страшную боль. Я, дура, отказалась, потом все 40 лет так и промучилась», — вспоминала бывшая колхозница М.Золотарева²⁹.

Терпению и выносливости крестьянок не было предела. Считалось неудобным в глазах общественного мнения выставить на показ свои беды и боли. И не придавая значения хворям, и работали, и помогали по хозяйству, и выполняли все общественные деревенские обязанности. Любовь к себе и забота о собственном здоровье занимали самое последнее место в ценностной иерархии крестьянской жизни.

И в городах, и в сельской местности постепенно расширялась сеть акушерских и родовспомогательных учреждений. В середине 1960-х гг. в России в медицинских учреждениях функционировало 118 тыс. врачебных и акушерских коек для беременных женщин и рожениц, 11 тыс. женских консультаций, детских поликлиник и амбулаторий³⁰.

Несмотря на расширение строительства, слабой оставалась материально-техническая база лечебно-профилактических учреждений сельской местности, низок уровень профилактической и лечебно-диагностической работы на селе. Даже нормативы штатных единиц врачей и средних медицинских работников для сельского населения были установлены намного ниже.

За 1946—1949 гг. в Вологодской области число больничных учреждений возросло на треть и составило 172 (в основном они располагались в сельской местности — 128). Из них — 122

больницы, включая районные, и 4 родильных дома. Увеличивалось и число больничных коек (по сравнению с 1946 г. на одну пятаю) и составило в сельских больницах 2,5 тыс. Возросла на селе фельдшерская амбулаторная помощь, улучшилось и обслуживание населения фельдшерско-акушерскими пунктами. Дефицит медицинский персонала приводил к тому, что врачи не могли принимать всех первичных больных, и эта функция перекладывалась на средний медперсонал. В Вологодской области в 1949 г. в сельской местности врачи принимали только половину больных, обратившихся за медицинской помощью впервые, еще половину они смогли принять при повторном и следующих обращениях в медучреждения. В участковых амбулаториях лишь пятая часть больных принималась врачами, остальных лечил средний медперсонал. Эти специалисты на селе были довольно хорошо подготовлены и как практики в подавляющем большинстве случаев правильно ставили диагноз. Проверка, проведенная по итогам работы медицинских учреждений в 1949 г., показала совпадение клинических диагнозов, поставленных в районных больницах и амбулаториях, с диагнозом областных специалистов по крупозной пневмонии — на 80%, туберкулезу — на 78%, язвенной болезни желудка — на 97%, воспалении легких — на 77%, болезням нервной системы — на 85%, заболеваниям мышц сердца — на 78%, склерозу сосудов головного мозга — на 93%.

Трудности с оказанием помощи больному вследствие удаленности медучреждений и фельдшера от деревни, плохие дороги и практически полное отсутствие транспорта, случалось, приводили к тому, что медицина опаздывала. Все больные крупозной пневмонией должны срочно госпитализироваться, но в 1949 г. в Вологодской области 58 таких больных (13%) по причинам несвоевременного установления диагноза и трудностей с доставкой в больницы не были помещены в медицинские учреждения. Это привело к тому, что в 1949 г. от крупозной пневмонии дома умерли 9 человек. Оказание срочной и своевременной помощи служит залогом успешного лечения. Данные обследований по Вологодской области за 1949 г. показали, что при поступлении в больницы по истечении 24 часов после посещения врача при аппендиците смертность увеличивалась на 33%. При прободной язве желудка — на 70%, при внематочной беременности — на 30%³¹.

В 1959 г. в Харовском районе Вологодской области функционировало 46 лечебно-профилактических учреждений, из них 4 участковых больницы, 28 медицинских пунктов, 2 здравпункта, 4 колхозных родильных дома и 7 постоянных детских яслей. Все больницы имели только 210 больничных коек. В районе работало 18 врачей, в том числе 4 стоматолога. По штату лечебных учреждений не хватало еще 6 врачей: терапевта, 2 педиатров, отоларинголога, окулиста и невропатолога. Общий меди-

цинский персонал составлял 160 человек: на селе работали 96 специалистов и 64 — в городе. Тем не менее эти небольшие по численности медицинские кадры самоотверженно вели свою работу. В 1958 г. через стационарные больницы прошло около 5 тыс. больных, что на 800 человек больше, чем в 1957 г., и только за 10 месяцев 1959 г. в больницах лечилось 3800 человек. Обеспечение медикаментами оставалось недостаточным, не хватало антибиотиков, шприцов, не было физиотерапевтического оборудования. Отсутствие автотранспорта делало невозможным посещать больных вне крупных населенных пунктов, где не имелось больницы. Дефицит врачей приводил к тому, что многие больные вынуждены были обращаться за медицинской помощью в фельдшерско-акушерские пункты или больницу, где принимали не врачи, а фельдшеры. Количество таких приемов в городе составило 45%, на селе — 25%³².

Обычная сельская больница выглядела так (1960 год. Вологодская область): «Больница на 15 коек. Расположена в центре деревни Матурино Череповецкого района. Занимает двухэтажное деревянное здание. Обшито. Крыто железом.

Под больницу здание приспособлено в октябре 1957 г. Находится в 4 км от Череповца, за рекой Шексной. Дом старый, необходим капитальный ремонт.

Территория больницы маленькая, не имеет положенного участка 2-х га, что не дает возможности строить подсобные помещения. Обнесена забором. Нет площади, где бы можно построить кладовую для хранения белья больных, ввиду чего белье хранится на чердаке. Негде разместить лабораторию, зубной кабинет, аптечный пункт.

В верхнем этаже расположен стационар. В комнате, расположенной с наружного коридора, приспособлена прачечная.

В нижнем этаже расположены амбулатория и родильное отделение. Здесь же расположен пищеблок, в тесной комнате, приспособленной под кухню, которой необходим капитальный ремонт. Больница всем требованиям санитарных правил и норм не соответствует, даже нет санпропускника и автоклавной. В родильном отделении и стационаре санитарное состояние хорошее.

Радиус обслуживания приписного участка от 5 до 18 км. Прикрепленных медицинских пунктов к Матуринскому врачебному участку 13, один детский дом, 4 детских яслей, 3 детсада. Количество обслуживаемого населения около 12 тысяч человек. Контингент населения — рабочие совхозов «Комсомолец» и «Политотделец», работники авиапорта, колхозники и служащие.

Средним и младшим медперсоналом больница обеспечена, но нет врача.

По решению райисполкома, матуринская больница считается районной.

Обеспечение мягким инвентарем недостаточное. Не хватает перовых подушек, медицинских халатов. Из твердого инвентаря требуется шкаф для кухни, замена некоторых кроватей, тумбочек, недостаточно столов и стульев.

Райпотребсоюз плохо снабжает свежей рыбой, белым хлебом, сухофруктами, сухим киселем. Редко бывает творог и сметана» (из Справки Череповецкого районного отдела здравоохранения Вологодской области)³³.

Усилиями государства и колхозов сеть медицинских учреждений в сельской местности увеличивалась, колхозные стипендиаты получали в вузах высшее медицинское образование и возвращались в родные места. При этом численность обслуживаемого ими населения постоянно сокращалась, прежде всего вследствие миграции в соседние города и на Крайний Север.

В Вологодском районе Вологодской области в 1978 г. медицинское обслуживание работниц сельского хозяйства осуществляли две районные больницы на 65 и 60 больничных коек и 7 участковых больниц на 150 коек. Кроме того, работало 57 медицинских пунктов. На 1 тыс. населения района было предусмотрено 4 больничные койки. Обеспеченность врачами оставалась ниже установленной нормы: 6 на 10 тыс. населения при установленном нормативе 9 на 10 тыс. населения, 1 акушер-гинеколог приходился на 20 тыс. населения. Не хватало среднего медицинского персонала, вследствие чего некоторые медпункты не работали.

В Вологодском районе проживало 65,5 тыс. человек, из них 39 тыс. женщин. В сельском хозяйстве трудилось 3115 крестьянок. Усиление профилактической работы среди населения постепенно становилось главной задачей медицинских работников. Немаловажным здесь стало преодоление стереотипа обращения к врачу только при наличии ярко выраженного заболевания или в период инфекционных эпидемий (гриппа и др.). Тем не менее уже в 1978 г. профилактическими осмотрами было охвачено 74% работающих женщин (10 100 человек), в результате были выявлены заболевания, о которых женщины не знали. Это способствовало излечению многих из них. В Прилукской центральной районной больнице было осмотрено свыше 86% прикрепленных к этому участку женщин, у которых были взяты анализы на цитологию; выявлено 11% больных (полипы, новообразования, эрозия). Своевременная диагностика и лечение привели к тому, что почти две трети заболевших были полностью излечены. Ясно, что запущенность заболевания не способствовала его быстрому излечению, а иногда и вела к затяжному и не всегда оптимистическому прогнозу.

Огромное влияние на здоровье оказывают условия труда. Проверками выявлялись многочисленные факты нарушений элементарных из них. В Вологодском районе только на трех крупных животноводческих и птицеводческих комплексах условия

труда были признаны удовлетворительными, остальные не отвечали современным требованиям, на многих фермах и в телятниках осуществлялась ручная раздача кормов, была повышенная влажность помещения, сквозняки, что приводило к частым простудным заболеваниям и травматизму. За 1978 г. причинами временной утраты трудоспособности зафиксированы: уход за больными детьми, острые респираторные заболевания и производственный травматизм³⁴.

Государственный контроль за системой здравоохранения был жестким, но выявленные проверками «недостатки», как правило, упирались в финансирование и укрепление квалифицированным медицинским составом. Нарастали темпы строительства больниц, увеличивались выпуски из вузов и училищ, но улучшение здравоохранения в масштабах страны требовало большего. И государство брало на себя решение этих важнейших задач, большинство из которых сумело выполнить. За 1980-е гг. в России было введено в действие за счет капитальных государственных вложений детских больниц на 10 тыс. коек, детских поликлиник на 30 тыс. посещений в одну смену, родильных домов на 7,3 тыс. коек и женских консультаций на 17 тыс. посещений в смену. К концу 1980-х гг. в России работало детских больниц на 314,5 тыс. мест, родильных домов и больниц для беременных женщин и рожениц на 123 тыс. мест³⁵. В конце 1980-х г. почти 50 тыс. фельдшерско-акушерских пунктов принимали деревенских жителей³⁶. Медленно, но сокращалось число сельских районов, где полностью отсутствовали врачи — акушеры-гинекологи. В 1986 г. их было 24, в 1987 г. — 16. Преимущественно они относились к Российской Федерации (в 1987 г. здесь было 13 таких сельских районов)³⁷.

Как показало обследование состояния медицинского обслуживания в учреждениях здравоохранения, проведенное органами государственной статистики в 1988 г., материально-техническая база многих родовспомогательных учреждений требовала улучшения. Так, из 500 обследованных зданий родильных домов свыше трети требовали текущего ремонта, 11% из них была необходима реконструкция, 6% — подлежали сносу. Во многих из этих учреждений отсутствовали элементарные удобства: в каждом пятом роддоме не было ванны или душа, в каждом десятом отсутствовало горячее водоснабжение, 3% зданий не имели канализации, 2% — водопровода. Почти в трети роддомов в среднем на одну больничную койку приходилось менее 4 кв. метров площади при норме 7³⁸.

По данным опроса, почти половина женщин отметили антисанитарное состояние мест общего пользования, четверть пациенток — палат. В 1988 г. у 7 тыс. женщин в послеродовом периоде был диагностирован сепсис (в 1987 г. — у 5 тыс.).

Основными причинами неудовлетворенности женщин работой родильных домов были: плохая обеспеченность бельем

(67% опрошенных), неблагоустроенность помещений (58%), отсутствие медикаментов (30%), невозможность получить необходимую помощь без «материального поощрения» (16%)³⁹. И нечуткое отношение медицинского персонала. Нередко женщины вспоминали о родах «с ужасом», но не от болей и сугубо медицинских аспектов, а от грубости и нечуткости медицинского персонала. «Одна моя знакомая потеряла при родах первого ребенка и со слезами вспоминала, как в общей палате всем приносили кормить детей, а она лежала, уткнувшись в стенку. Уже второй ребенок вырос, а то состояние души до сих пор вспоминается с горечью», — делилась впечатлениями о «женских проблемах» на страницах журнала «We/Мы» одна из его авторов⁴⁰.

Радикальные реформы 1990-х гг. распространялись и на систему здравоохранения. К ней было немало претензий у медиков и населения, столь неравномерно пользовавшегося ее услугами. Уже в 1970–1980-е гг. стало очевидно, что система здравоохранения нуждается в реформировании. Экспериментально с 1987 г. в Кемеровской, Куйбышевской областях и Ленинграде внедрялась новая схема создания рынка услуг: за здоровье пациента отвечал врач первичной медицинской помощи — терапевт или педиатр. Финансирование поликлиник было увеличено. 40% населения экспериментальных территорий положительно отзывались о нововведениях, половина врачей отметила «повышение чувства профессионального удовлетворения». И главное — первые шаги перестройки показали гибкость системы здравоохранения и возможность ее дальнейшего реформирования. Однако, минуя всенародное обсуждение и быстрыми темпами, в противовес бюджетному финансированию, Россия, еще будучи в составе СССР, в 1991 г. принимает Закон «Об обязательном медицинском страховании» и начинает разрушение сложившейся системы советского здравоохранения с целью создания новой, демократической. Это происходит в условиях резкого снижения финансирования на общую медицину: по данным Всемирной организации здравоохранения, в большинстве стран Запада затраты на здравоохранение в середине 1990-х гг. составляли до 9% валового внутреннего продукта, в США — 14%, в России — 4,76% при ежегодных расходах на одного человека менее 300 долларов, тогда как в Венгрии — 470 долларов, в Чехии — 779 долларов и странах ОЭСР — 1589 долларов. Основной акцент делался на дополнительные средства от медицинского страхования. Но в условиях безработицы, падения уровня жизни и отсутствия эффективных механизмов их сбора это себя не оправдало. И в Российской империи, и в Советском государстве предпринимались попытки перейти к системе медицинского страхования, но были отвергнуты как несостоятельные. В современных условиях при продолжающемся десятилетнем ухудшении состояния здоровья

населения вполне можно констатировать, что «поколение детей — ни в количественном отношении, ни в качественном — не воспроизводит поколение родителей» и «каждое последующее поколение обладает меньшим потенциалом здоровья по сравнению с предыдущим»: это подтверждено данными российской диспансеризации детей, признавшей лишь 60% из них «практически здоровыми». По данным Всемирной организации здравоохранения, Россия в 2000 г. занимала 130 место в мире из 191 страны по состоянию здоровья населения и прежде всего потому, что «большинство населения не получает достаточной медицинской помощи». Такое положение является результатом дезинтеграции централизованной советской системы здравоохранения, перекалывания ответственности за здоровье на семью, снижения критериев оценки здоровья и отказа государства предоставлять социальные гарантии при постепенном переходе к всеобщей платной медицине, что приводит к «социальной дискриминации большинства населения». Перспектива медицинского страхования в сочетании с призванными лечить население малочисленными семейными врачами (5293 врача прошли переподготовку, работает из них менее половины), которых не хватает сегодня (и дефицит их просчитан вплоть до 2007 г.), для большинства населения, особенно в деревне, совершенно неприемлема. Подавляющее большинство россиян отрицательно оценивают реформированные здравоохранения — и так на протяжении 1991–2003 гг.⁴¹

Стратегические задачи улучшения прежде всего выразились в неадекватном сокращении медицинских учреждений — общедоступных и бесплатных. Только за 1991–1998 гг. число районных больниц по России уменьшилось на 53, участковых — на 1273, фельдшерско-акушерских пунктов — на 3 тыс. Среднегодовые объемы строительства больниц на селе по сравнению с началом 1990-х гг. сократились в 5, а амбулаторий и поликлиник — почти в 7 раз. В 1999 г. по всей России было введено в эксплуатацию больниц на 360 коек! Обеспеченность жителей села учреждениями здравоохранения составляет лишь половину от городского уровня, при этом региональные колебания достигают 3–4 и более раз. Каждое восьмое здание амбулаторий и участковых больниц находится в аварийном состоянии, а каждое четвертое нуждается в капитальном ремонте. Две трети сельских медицинских учреждений испытывают недостаток в самом необходимом оборудовании⁴². Обеспечение медикаментами из семейного бюджета даже при государственном бесплатном медицинском лечении становится нормой для большинства больных, нуждающихся в стационарном обслуживании. При небольшой пенсии и невысокой зарплате значительной части населения страны многие приходят к выводу, что «болеть нельзя, в противном случае оплатить лечение, медикаменты не под силу простым людям»⁴³.

В системе здравоохранения существующая сеть лечебных учреждений позволяет выявлять заболевания на ранних стадиях. Однако трудовые, семейно-бытовые и другие обязанности оставляли женщинам немного времени следить за своим здоровьем. Срабатывала и привычка обращения к врачу только в случае болезни. Опрос, проведенный в 1990 г., показал, что более четверти женщин в возрасте 18–23 лет не помнили, когда были у врача-гинеколога. Свыше двух пятых женщин в возрасте 24–29 лет посетили врача более года назад или не помнили, когда были у него последний раз, в 30–40 лет — половина опрошенных, в 41–50 лет — до 57%, в 51–60 лет — до 76% опрошенных не помнили об этом⁴⁴. Даже во время беременности значительная часть женщин оставалась вне медицинского наблюдения⁴⁵.

В 1987 г. в целом по стране около 17 тыс. беременных, половина которых проживала в Средней Азии, в родовом периоде ни разу не посетили врача-гинеколога или акушерку. Несвоевременное обращение к врачу в ряде случаев служило причиной тяжелых родов, серьезных заболеваний матери и новорожденного. Доля женщин из числа опрошенных, посещавших врача-гинеколога недавно (менее года), во всех республиках и по всем возрастным группам не превышала двух третей⁴⁶.

Известно, что для России характерно раннее материнство. Но в середине 1990-х гг. около трети женщин репродуктивного возраста были в возрасте от 35 до 45 лет, в основном они мало заботились о своем здоровье и не планировали больше иметь детей. Именно они оказались самыми нездоровыми по результатам медицинских обследований. Для многих из них вопрос материнства не стоял уже вследствие серьезных, прежде всего гинекологических, заболеваний. Выборочное обследование 1 тыс. женщин выявило, что две трети пациенток страдали хроническими заболеваниями сердечно-сосудистой системы, мочевыделительной системы и пищеварения — и все это на фоне гинекологической заболеваемости, которая фиксировалась более чем у половины обследованных, каждая десятая пациентка перенесла оперативное вмешательство⁴⁷. Следует отметить, что и значительная часть мужчин также не обладала хорошим здоровьем. Специалисты говорят о росте заболеваемости простатитом, от которого страдают, по разным оценкам, от четверти до трети мужчин детородного возраста. По данным врачей Военно-медицинской академии, треть обследованных ими мужчин, признанных в свое время годными к несению военной службы и служащих в армии, страдает бесплодием, до половины — заболеваниями репродуктивной системы⁴⁸.

Забота о своем здоровье, профилактические посещения врача, как считают медики, в значительной степени облегчают и

выявление болезней и их предупреждение. Однако обремененные проблемами работы, быта и семьи российские женщины, даже горожанки, оказались мало заботящимися о здоровье. Даже ежегодное посещение врача-гинеколога для трети женщин не считается обязательным, что является недопустимым, поскольку в структуре онкологических заболеваний женщин злокачественные новообразования молочной железы и матки занимают первое место. В современной России материнская смертность находится на высоком уровне по сравнению с другими развитыми странами, хотя и отмечается тенденция к ее снижению. Если в 1970 г. она составила 105 женщин на 100 тыс. родившихся детей, то к 1990 г. упала до показателя 47. Однако в 1990-е гг. устойчивая тенденция снижения материнской смертности была нарушена: в 1995 г. этот коэффициент повысился до 53, но в 2001 г. вновь снизился до 37 на 100 тыс. родившихся детей. (Для сравнения: США — 7,1 на 100 тыс. родившихся живыми, Австралия — 4,7, Италия — 4,3, Швейцария — 3,6, Норвегия — 1,7, но Литва — 13,5, Армения — 21,8, Украина — 23,9, Таджикистан — 58,2.) Особо следует подчеркнуть, что материнская смертность в деревнях России находится на уровне «пика», характерного для Бразилии, Мексики и Средней Азии: 1990 г. — 55 на 100 тыс. родившихся живыми, 1995 г. — 62, 2000 г. — 52 и 2001 г. — 47. Причинами являются осложнения во время беременности, родов и послеродовом периоде.

Медицинская статистика свидетельствует об ухудшении здоровья женщин. В структуре заболеваний главными остаются болезни системы кровообращения и органов дыхания (по 19%) и пищеварения (14–17%). Растет число злокачественных заболеваний, связанных с гинекологией, что составляет почти половину всех злокачественных новообразований у женщин, и их доля за 1990-е гг. постоянно увеличивалась. Практически ликвидированный в СССР туберкулез вновь зафиксирован в современной России. Среди ВИЧ-инфицированных — каждая пятая женщина; при этом, за редким исключением, это молодежь.

Современная медицинская статистика фиксирует ухудшение состояния здоровья беременных, рожениц и новорожденных. В 2000 г. свыше 45% женщин Российской Федерации находились в репродуктивном возрасте. Почти две трети рождений приходилось на женщин в возрасте 20–30 лет. Средний возраст матери при рождении первого ребенка составляет 23–24 года, второго и последующих детей — 25–27 лет. Не исключением становятся преждевременные роды. За 1980-е — 1990-й гг. их доля снизилась вдвое и составила 2%, но в 1993 г. вновь поднялась до 4% и сохранялась все 1990-е гг.

Болезни беременных женщин также имеют тенденцию к росту. В результате в 2001 г. анемией страдали 43% женщин, отеки, протеинурия и гипертензивные расстройства, а также

болезни мочеполовой системы наблюдались у каждой пятой беременной, а каждая десятая страдала болезнями системы кровообращения. Для сравнения: в 1980 г. анемия отмечена у 3,6% беременных, отеки — у 8,3%, болезни мочеполовой системы — у 2,3%, болезни системы кровообращения — у 3,5%⁴⁹. Разительная картина резко ухудшающегося репродуктивного здоровья нации.

Время, которое уходит у женщин на деторождение и послеродовой уход за ребенком, существенно различается в зависимости от демографической ситуации в стране. В индустриально развитых государствах, где фертильность находится на уровне воспроизводства или ниже, продолжительность жизни составляет около 80 лет; женщина, имеющая в течение жизни две беременности, тратит на деторождение 1,5 года, или менее 2% жизни. В развивающихся странах, с высокой фертильностью и низкой продолжительностью жизни женщина, имеющая 6 беременностей и продолжительность жизни около 52 лет, тратит на деторождение 4,5 года, или 9% жизни, т.е. почти в 5 раз больше. Такая ситуация имеет свои последствия: акцент, как правило, делается на репродуктивное женское здоровье, и фактически очень мало внимания уделяется девочкам, подросткам, незамужним, престарелым и бездетным женщинам⁵⁰. По данным выборочных профилактических осмотров, проведенных Минздравом СССР в 1990 г., у 13–26% девочек в возрасте до 14 лет были обнаружены отклонения в состоянии репродуктивной системы⁵¹. Рост сексуальной активности подростков не только влечет за собой рост ранней беременности и родов, но и существенно влияет на уровень их здоровья. По данным статистики, материнская смертность у девочек 13–15 лет в четыре раза превышает уровень смертности 15–19-летних. Практически каждая 14–17-летняя девочка, ведущая половую жизнь, по наблюдениям врачей, страдает гинекологическими заболеваниями⁵².

Современная медицина обращает внимание на состояние здоровья женщин старше 40–45 лет, т.е. так называемого переходного возраста. Специфические расстройства охватывают почти две трети этой возрастной группы, что сопровождается резким увеличением гипертонии (в 7 раз чаще, чем в репродуктивном возрасте), урологических заболеваний (на 50–80%), остеопороза (частота переломов у женщин старше 40 лет увеличивается в 4–7 раз). Массовая профилактика и лечение заболеваний у женщин этих возрастных групп практически не проводится⁵³. И тем не менее женский организм более приспособлен ко всем жизненным катаклизмам. В современной России продолжительность жизни мужчин снизилась до 57 лет в сельской местности и 59 лет в городе (у женщин до 72 лет)⁵⁴. Женщины по-прежнему остаются «большой силой» в деревне, а

порой и единственной, ибо вслед за населением уходят в историю тысячи сел, а в оставшихся вологодских и костромских краях уже сформировались вдовьи деревни.

«Я НЕ МАШИНА ВЫПУСКАТЬ В ГОД ПО ДВОЕ ДЕТЕЙ, НЕТ СИЛ БОЛЬШЕ РОЖАТЬ!»

Большой вред здоровью женщин наносят аборт. Однако даже в царской России не было единого мнения об отношении к искусственному прерыванию беременности⁵⁵, и диаметрально расходящиеся точки зрения религии, общественности и медицины так и не нашли соприкосновения в решении этого социально-семейно-демографического вопроса. В различные периоды жизни СССР отношение к аборту также было неодинаковым. Это было связано и с демократическими преобразованиями в стране, и с демографической ситуацией.

18 ноября 1920 г. постановлением Наркомюста и Наркомздрава РСФСР «Об охране здоровья женщины» аборт был легализован⁵⁶. По разрешению врачебной комиссии женщина могла сделать в больнице эту операцию. Одновременно Уголовные кодексы РСФСР 1922 г. и 1926 г. устанавливали уголовную ответственность за аборт, произведенный с согласия женщины лицами, не имеющими специальной медицинской подготовки или имевшими таковую, но практиковавшими в «ненадлежащих условиях»⁵⁷ либо в антисанитарной обстановке⁵⁸. Постоянная медицинская практика аборт, операции без согласия матери и смерть пациентки были признаны отягчающими обстоятельством. За «криминальную» деятельность знахарки, бабки, повитухи преследовались в уголовном порядке. В больнице аборт был относительно безопасен для здоровья женщин, даже безопаснее, чем роды, так, во всяком случае, утверждала официальная медицинская статистика: опасность заразиться инфекционными заболеваниями оказалась в 60–120 раз ниже, чем при родах. Тем не менее врачи констатировали, что 15–20% женщин, подвергшихся аборту, получали серьезные осложнения и иногда лишались возможности иметь детей. В больнице аборт производился без анестезии, считался простой операцией, а на резонное возмущение одной пациентки оперирующий врач заметил: эти операции женщины легко переносят, а анестезия нужна для сложных случаев, ей же это послужит хорошим уроком на будущее⁵⁹. Надо подчеркнуть, что анестезия не применялась и в последующий период советской медициной, вплоть до 1990-х гг. Гневно и правдиво рассказала об абортах феминистка, писательница Мария Арбатова, за что была осуждена общественностью и обвинена в столь откровенных измышлениях на совсем не откровенные для женщин темы.

В 1926 г. в России было произведено почти 103 тыс. аборт, и хотя в Москве и Ленинграде было всего 3,9% населения страны, на их долю пришлось 39% аборт. И вообще большинство аборт было зарегистрировано медициной в городах. По разрешению медиков аборт был сделан 30% женщин из больших городов и райцентров, 16% — из маленьких городков и только 15% крестьянкам, хотя 83% женского населения России жило в деревне. Иными словами, 83% женского населения России жило в деревне, а 85% аборт делали в городе. Это официальная статистика. В деревнях аборт в основном делали замужние женщины (84%) и имевшие детей (85%)⁶⁰. Мотивация аборт для деревенских женщин — это последствия голода 1921 г., неурожай 1924 г., трудности бытового и финансового характера, безработица, невозможность совмещения работы и воспитания детей, бедность и даже отсутствие пеленок и одежды.

В большом городе можно было скрыть факт беременности и аборт, воспользоваться услугами больницы под каким-либо предлогом. В деревне, особенно для незамужней женщины, это не могло пройти незамеченным. Многие не обращались к врачу из-за страха быть опозоренными. Так что легализованный аборт был выходом из трудной ситуации далеко не для всех крестьянок. Кроме того, многие из них просто боялись больницы и врачей, по старинке доверяли только бабкам и повитухам, некоторым отказали медицинские комиссии, другим не на кого было оставить семью, останавливало бездорожье и большие расстояния до больницы.

В 1926 г. 14% женщин — 20 240 из 121 978 сделали «криминальный» аборт, а в Иваново-Вознесенском районе, где большинство проживавших были женщины, до 40% аборт являлись «подпольными». В 1930 г. в некоторых совхозах Смоленской области до половины аборт также были сделаны не в больницах. Из всех выявленных криминальных аборт — 17 201 в 1926 г. — 28% сделаны в деревне и 20% в маленьких городках, даже не в районных центрах, впереди были только Москва и Ленинград — 30%. Многие женщины затем попадали в больницы. Так, в Нижегородской области до трети больничных коек было занято женщинами после неудачного «подпольного» аборт, при этом комиссии отказали только 6% обратившихся. Всего по России женщинами было занято 14% больничных коек после проведения нелегальных аборт, а отказ получили вдвое меньше. Это учтенная статистика.

И легальные, и криминальные аборт в основном делали замужние женщины — 85%; крестьянки чаще прибегали к криминальным аборт — 18%, чем к разрешенным, и в больнице — 10%. В 1930-е гг. медицинский аборт сделали платным. Бесплатными услугами могли воспользоваться только женщины, больные открытой формой туберкулеза, с врожденным пороком сердца, с диагнозом «шизофрения» и «эпилепсия».

Остальным предлагалось оплатить медицинскую операцию пятьюдесятью рублями при средней зарплате в городе 80–100 руб. и при отсутствии таковой в деревне. Естественно, что количество подпольных аборт и так называемых самоабортов возросло.

Нельзя сказать, что предохранение от нежелательной беременности было совсем не известно женщинам. Исследования показывали, что различными способами до половины женщин, например в обследованных совхозах Смоленщины, пытались контролировать сексуальную жизнь. Что-то знали о контрацепции до 40% опрошенных медиками женщин в Саратовской области, а 18% даже применяли контрацептивы⁶¹. Большинство женщин, проживавших в городах, и молодые имевшие образование крестьянки расценивали право на аборт как осуществление свободы выбора и реальное воплощение принципов эмансипации в жизнь. Но это было не большинство женского населения.

Законодательные акты от 27 июня 1936 г., направленные на укрепление семьи и повышение рождаемости, усложнили процедуру развода, обеспечили государственные субсидии многодетным матерям и запретили аборты. Закон предусматривал все случаи прерывания беременности: производство аборта было запрещено в больницах и во всех других медицинских учреждениях, на дому у врачей и на квартирах беременных женщин⁶². За год до этого, в 1935 г., были запрещены аборты при первой беременности. Разрешение на аборт можно было получить в случае, если продолжение беременности представляло угрозу жизни матери или грозило тяжелыми последствиями ее здоровью, а также при наличии тяжелых наследственных заболеваний. Аборт предписывалось производить только в больнице или родильном доме. За нарушение жестких условий закона предусматривалась уголовная ответственность. Правда, в отношении беременной женщины, решившейся на «подпольный» аборт, мерой наказания были «общественное порицание» в случае первого его совершения и штраф в 300 руб. при повторном его производстве. Ответственность за производство аборта в антисанитарной обстановке и лицами, не имевшими специального медицинского образования, была ужесточена: в случае доказательства их вины они подвергались тюремному заключению на срок не менее трех лет⁶³.

Сам факт выведения аборта за рамки закона, очевидно, был прежде всего связан со стремлением государства улучшить демографическую ситуацию даже путем отступления от ранее заявленных коммунистических принципов. Однако американский профессор Р. Маннинг выступает против широкой трактовки термина «отступление» как политики, касающейся большинства сельских женщин, утверждая, что новую политику в деревне диктовали интересы производства. В это время

центральное правительство продолжало поощрять сельских женщин в поиске занятости в нетрадиционных отраслях и тем укреплять позиции Советов и Коммунистической партии в деревне. Более того, новые законы о разводе и абортах большинство сельских женщин встретило с удовлетворением (за исключением небольшого числа молодежи и женщин-специалистов) и, по мнению профессора Р. Маннинг, «эти законодательные акты были направлены больше против безответственных мужчин, чем ограничивали свободу выбора женщин». Реальное отступление выражалось в форме препятствий, выдвигаемых крестьянской культурой (представителями которой были как мужчины, так и женщины) и чиновниками (управленцами) низшего уровня (многие из которых были крестьянами по социальному происхождению) в отношении тех женщин, кто работал и жил за рамками понимания традиционной роли женщины в деревне⁶⁴.

Глядя с позиций деревни, где в 1930-е гг. проживало две трети населения СССР, а численность крестьянок превышала эту цифру в структуре населения села, никакого резкого поворота в государственной политике в верхних эшелонах власти по отношению к женщинам на протяжении второй половины 1930-х гг. не отмечалось. Правда, фиксировались случаи сопротивления продвижению женщин по социальной лестнице, но на более низких уровнях администрации. Объяснение этому — преобладание традиционного отношения к крестьянке. Тем не менее запрещение абортов оказало на деревню меньшее влияние, чем на город, где простое объявление о том, что правительство обсуждает введение такого рода ограничений, привело к росту обращения беременных женщин в больницы для прерывания беременности, поскольку они опасались, что вскоре аборт будет запрещен⁶⁵. В первый же год запрета на аборт беременность прервали около 15 тыс. женщин, причем большинство их пошло на криминальные операции. Если в 1935 г. внебольничные аборт составляли 15% всех зарегистрированных операций по прерыванию беременности, то в 1937 г. уже 91% (!) притом, что регистрировались только случаи, когда женщина оказывалась в больнице после неудачного аборта. Возросло и число детоубийств: за 1935—1937 гг. более чем вдвое. При этом раскрываемость преступлений фиксировалась низкой. Так, по Ленинграду органами здравоохранения передавалось в прокуратуру лишь одно дело на каждые 40 зарегистрированных аборт, а осуждался лишь один человек по каждому из двух переданных в суд дел⁶⁶.

Принятие постановления 1936 г. привело к увеличению на 50—100% (в Москве и Ленинграде вдвое, на 50% — в Киеве, Минске, Баку, Ташкенте, Тбилиси, Фрунзе, на 85% — в Харькове) рождаемости в больших городах, которые по условиям (больницы, роддома, медперсонал, лекарства и др.) не могли

обеспечить необходимый медицинский уровень⁶⁷. В целом по стране тем не менее рождаемость в 1937 г. выросла только на 18%: с 24,6 на 1000 горожан и с 32,2 — на 1000 деревенских жителей до 38,8 на 1000 человек в целом по стране. Уже в 1938 г. показатели стали сокращаться.

Эта тенденция прослеживается и в последующие предвоенные годы⁶⁸. К началу Второй мировой войны в СССР рождение пятого и последующих детей выросло приблизительно до 200 тыс. в год, что на 43% меньше, чем в США (350 тыс.) при меньшем числе женского населения в стране⁶⁹.

Главным фактором неспособности правительства поднять уровень рождаемости при запрещении абортов было слабое развитие медицинских учреждений в сельской местности, где традиционно эта отрасль медицины ложилась на деревенских целителей, повивальных бабок, знахарок⁷⁰. Даже в 1939 г., после июньских постановлений 1936 г., в значительной степени расширивших медицинские услуги для сельских женщин, функционировало только 7 тыс. больниц, 7503 родильных дома, 14,3 тыс. поликлиник, 26,7 тыс. фельдшерско-акушерских и фельдшерских пунктов для обслуживания 114,4 млн сельского населения, включая 20 млн крестьянок в возрасте от 16 до 59 лет⁷¹.

При таких условиях для большинства сельских женщин воспользоваться правом на прерывание беременности оставалось лишь декларацией. Запрет на аборт 1936 г. не был никак воспринят в деревне, ибо государство могло контролировать медицинский персонал, работавший в государственных учреждениях городов и крупных деревень, но не деревенских повитух, проводивших операции в собственных домах сельской глубинки⁷². Практически в редком большом селе не было известной всей округе женщины, занимавшейся проведением нелегальных аборт.

Даже в Москве и Ленинграде количество криминальных аборт после вступления в силу нового закона возросло только с 2 до 3%. Это официальная статистика. С учетом невыявленных, скрытых аборт число «подпольных» операций увеличилось. По некоторым данным, с момента запрета аборт их число в деревне ежегодно увеличивалось примерно на 5%⁷³. Нередко следствием аборт становились хронические заболевания, а иногда и смерть пациентки, усиливался страх и внутренний дискомфорт, и все это увеличивало и без того сильное психологическое давление на судьбы женщин. Запрещая аборт, не развивали контрацептивную медицину, не оказывали и достаточной помощи матерям, имеющим детей.

В 1938 г. в Ленинграде состоялся суд над «подпольной» акушеркой, которая практиковала «несколько лет» и не была замечена властями до тех пор пока не умерла одна из ее пациенток. Это говорит о том, что непрофессионалы практиковали

до юридического запрещения аборт не только в деревнях, но даже в городе. Отметим, что в 1920–1930-е гг. число неудачных абортов, проведенных даже в городских больницах, было значительным⁷⁴. Только в Москве в отделениях гинекологии городских больниц и в родильных домах свыше половины мест были отведены для женщин, пострадавших в результате криминального аборта⁷⁵.

Некоторые врачи в городах нашли способ обойти новый закон, пользуясь преимущественным правом июньского постановления 1936 г., по которому женщинам разрешалось сделать аборт в случае, если беременность угрожала их здоровью. Отдельные доктора оправдывали такие аборты тем, что они угрожали психическому здоровью женщин, что вызвало гневную статью в «Правде»⁷⁶.

Точку зрения, противоречащую государственной, высказывал нарком здравоохранения СССР Г.Н. Каминский. Он вошел в ЦК партии и правительство с предложением разрешать аборты не только по состоянию здоровья, но и по «социальным мотивам». Эта точка зрения была отвергнута. Далее Г.Н. Каминский предложил расширить список болезней, в силу которых женщины по медицинским показателям могли делать аборты. Эта позиция также не была принята. В справке «О мероприятиях по борьбе с подпольными абортами» от 7 августа 1937 г., подготовленной Комиссией партийного контроля при ЦК ВКП(б) под грифом «Секретно», указывалось, что «неполные данные о фактическом количестве самодельных и подпольных абортов говорят о бедствии, с которым надо начать решительную борьбу». В подтверждение «бедствия» приведены данные по Смоленску, где искусственное прерывание беременности (выявленную) составляло в 1937 г. 30–40%, и Москве, где до 20% женщин не сохраняли беременность⁷⁷. Так реагировал город на правительственные нововведения в частной жизни. Деревня жила иной жизнью.

Традиционное крестьянское отношение к семье и браку во многом определило отношение крестьянок к июньским постановлениям 1936 г. В течение месячной дискуссии в прессе, общественных организациях до их публикации выявилось, что сельские женщины, за небольшим исключением, горячо поддерживали меры по запрету абортов⁷⁸. И действительно, некоторые пожилые женщины даже предлагали ввести уголовное наказание, включая арест женщин, прибегнувших к «подпольным абортам», а также лиц, осуществлявших аборты или поощрявших к ним, что и было оговорено в постановлениях 1936 г.⁷⁹ В одной из деревень Подмосковья разгорелась дискуссия между молодыми и пожилыми колхозницами по поводу запрещения абортов. Пожилые крестьянки полностью поддерживали правительственные решения о запрете абортов, тогда как молодые считали, что следует разрешить делать аборт женщи-

нам, имевшим четырех и более детей⁸⁰. Такие различия во мнениях, возможно, объясняют, почему запрет на аборт не привел к высокой рождаемости, как ожидало правительство.

Молодые, более образованные сельские женщины, получившие профессии агрономов, ветеринаров, зоотехников, как и горожанки, отвергали любые юридические ограничения права на аборт⁸¹. Н.И. Ивлева суммировала проблемы, которые возникли перед сельскими женщинами, специалистами сельскохозяйственного производства: «Я проработала четыре года главным районным зоотехником в Воронежской области... Не могу представить себя без работы на производстве... Я люблю детей и у меня есть дочь, но ее рождение на время прервало мою учебу. Я понимаю вред абортов. Но я против их запрещения, т.к. такой закон потребует от меня либо сменить работу, либо рисковать здоровьем»⁸².

Сельские женщины, как простые крестьянки, так и специалисты сельского хозяйства, стремились использовать дискуссию для получения дополнительных льгот для себя и детей. В одном из сельсоветов Бельского района Западной области дискуссия свелась к вопросу о дефиците детской обуви и одежды в местных магазинах. Колхозницы доказывали, что государство обязано предоставить им возможность одевать своих детей должным образом и тогда они будут больше рожать⁸³.

Часто дискуссия сводилась к вопросам расширения медицинских и социальных возможностей, увеличения субсидий матерям, имеющим большие семьи, что предполагалось проектом закона⁸⁴. Подвел итоги дискуссии о мерах по повышению рождаемости в 1936 г. Генеральный секретарь ВКП(б) И.В. Сталин: «Нам нужны люди. Аборты, которые уничтожают жизнь, неприемлемы в нашей стране. Советская женщина имеет одинаковые права с мужчиной, но это не освобождает ее от великого и почетного долга, который возложила на нее природа: она мать, она дает жизнь. И это определенно не личное дело, но дело большой социальной важности»⁸⁵. И тем не менее решать эту «социальной важности задачу» многие женщины не могли прежде всего по объективным причинам, с которыми, естественно, государство не считалось. Проведение Министерством здравоохранения СССР в 1950 г. анонимного анкетирования женщин, решившихся на аборт, показало, что главным препятствием для рождения ребенка большинство женщин считало «неустойчивость семьи», под чем подразумевалось наличие у мужа второй семьи в условиях необязательного законодательно оформленного брака, незарегистрированный брак, плохие отношения между супругами. Останавливали плохие жилищные и материальные условия, тяжелый физический труд на предприятии. Лишь очень немногие отказывались от материнства по причине нежелания иметь детей⁸⁶. Аборт, в том числе «подпольный», становился единственным выходом из слож-

ной ситуации. Женщины писали во власть с просьбой помочь им получить разрешение прервать беременность законным путем, объясняя, что в случае отказа они будут вынуждены пойти на крайние меры. Многодетная мать обращалась к Председателю Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилову: «Я устала, мне нужно отдохнуть, ведь я не машина выпускать в год по двое детей. Нет больше сил рожать и вскармливать грудью. Родить пятого ребенка я не могу и не допущу этого, даже если мне придется рисковать жизнью». Обращаясь в «абортные комиссии», женщины рассчитывали на понимание и в основном получали его: медики «придумывали» диагнозы для беременных, чтобы помочь им сделать операцию в условиях больницы. И тем не менее всем обратившимся женщинам дать направление они не могли. В 1954 г. они отказали 8% женщинам, но из них почти 40% все равно прервали беременность разными способами. В итоге только за 1952–1954 гг. в Москве от внебольничного прерывания беременности умерло 400 женщин⁸⁷.

Проконтролировать криминальные аборты в условиях сельской местности практически невозможно. Сказывалась специфика расселения, удаленность, естественное умолчание вследствие жестокого наказания с 1936 по 1955 гг. И это несмотря на то, что знахарки, практиковавшие на дому, были хорошо известны. В 1948 г. в Вологодской области было зарегистрировано медицинскими учреждениями 3116 абортов, в 1949 г. — 3490. Наибольшее число абортов фиксировалось в городах. И отнюдь не потому, что их там делалось больше, просто деревня по-прежнему пользовалась услугами повивальных бабок, знахарок, прибегали и к собственным знаниям. В итоге большой удельный вес занимали аборты, начатые или начавшиеся вне лечебных учреждений. Это было результатом запрета на аборт и трудностей получения соответствующей справки, официально разрешившей бы такую операцию в больнице. В городах разрешенных абортов было только 12%, а неразрешенных ... 88%. В сельской местности только 4% женщин, сделавших операции по прерыванию беременности, имели на это медицинское заключение, а 96% селянок самостоятельно решили свою проблему. Причем число абортов, в отношении которых установлено, что начаты они искусственно, составило в городах области 13%, на селе 21% по отношению ко всем абортам, сделанным вне медицинского учреждения и, следовательно, подлежащих тщательному разбирательству и уголовному наказанию виновных. Отсюда была велика и смертность в результате криминальных абортов. Только в больницах Вологодской области по этой причине в 1949 г. умерло 16 человек⁸⁸.

Государство боролось с «криминальными» абортами усилением ответственности к совершающим их и подвергавшимся им. Это было уголовно наказуемым преступлением. Тем не

менее женщины сознательно на это «преступление» шли. По сравнению с 1948 г. число осужденных за производство аборт-ов в 1949 г. возросло почти на 40%, за так называемые само-аборты — на 67%. Особенно большой рост числа этих пре-ступлений был зафиксирован в Азербайджане, Киргизии, Гру-зии — на 72–84% и в РСФСР — на 44%. Очень часто женщины скрывали имя врача или бабки, производивших «криминаль-ный» аборт, брали вину на себя, и суд, не утруждая себя тща-тельным разбирательством, квалифицировал операцию как «самоаборт». Только за 1949 г. их число резко возросло в Таджикистане (на 169%), Киргизии (на 114%), Литве (на 97%), Белоруссии (на 92%), Украине (на 74%), РСФСР (на 70%)⁸⁹. За период с 1940 по 1953 гг. количество пациенток, сделавших подпольный аборт и осужденных, возросло по СССР почти в 6 раз, врачей, осуществлявших эту операцию и осужденных, — в 1,5 раза. И это только за те «преступления», которые удалось выявить и доказать. И работники юстиции, и представители здравоохранения (многие из них тоже были женщинами и стал-кивались с теми же проблемами), будучи абсолютно уверен-ными в правоте государственной политики в отношении жен-щин, публично не высказывали мнения о пересмотре закона либо о введении дополнительных перечней, разрешавших аборт-ы. На заседаниях и коллегиях речь шла только о поисках ви-новных и жестком и справедливом их наказании. Прежде всего это были врачи, бабки, повитухи и подстрекатели-мужья, ко-торые толкали женщин на аборт. Острые «карательной полити-ки суда» и партийный гнев предлагалось направить на таких мужей, привлекая их к уголовной ответственности наряду с врачом или повитухой. Эмоциональная стенограмма заседания Министерства юстиции СССР от 10 мая 1950 г. именно таким образом зафиксировала «оказание помощи той женщине, ко-торая нуждается в этой помощи»⁹⁰. Но пока по закону отвечала женщина и иногда врач.

Большинство женщин тщательно скрывали производство аборта, и, только оказавшись в больнице с тяжелыми послед-ствиями, некоторые называли имя врача, сделавшего опера-цию. Этот факт отражала официальная статистика: число жен-щин, подвергшихся подпольным аборт-ам, было во много раз больше числа практиковавших врачей. Кроме того, «раскрыть» аборт, не повлекший тяжелых последствий, практически было невозможно. В период запрета на искусственное прерывание беременности в 1936–1954 гг. наказание применялось к одной из ста женщин, о которых были известно, что им произведен аборт⁹¹.

Запрет на аборт повлек за собой такое страшное явление, как убийство новорожденного ребенка матерью. В России всег-да это считалось «смертельным грехом», и еще со времен Со-борного Уложения 1649 г. царя Алексея Михайловича такие

женщины карались «смертию безо всякой пощады»⁹². Все последующие законы, включая советские и современные, признавали это преступление как «преднамеренное убийство при отягчающих обстоятельствах» и карались самым суровым наказанием, если мать готовила преступление заранее и обдуманно (УК РФ, статья 105, части 1, 2), и при некотором ослаблении наказания, если она находилась в послеродовой депрессии, в состоянии сильного психического расстройства (УК РФ, статья 106). Абсолютно нетипичное и редкое для России преступление знали и город и, реже, деревня.

В некоторых странах Азии убийство младенцев практиковалось довольно широко. Согласно данным проведенного в Китае исследования 1990-х гг., более 50% женщин в ходе выборочного опроса признались в том, что убили своих новорожденных дочерей. Как правило, они мотивировали этот поступок давлением других членов семьи и крайне тяжелыми жизненными обстоятельствами. Впоследствии многие из них испытывали мучительные угрызения совести, тяжелое чувство вины и глубоко раскаивались⁹³. Однако при всей тяжести этих нетипичных и редких преступлений и резком снижении их после отмены запрета на аборт они фиксировались и российской уголовной статистикой.

Таблица № 31

Количество врачей в СССР, осужденных за совершение криминальных абортов, и осужденных женщин, подвергнувшихся запрещенным абортam в 1940–1953 гг.

	1940 г.	1949 г.	1950 г.	1951 г.	1952 г.	1953 г.
Врачи	2533 0,08%	5781 0,3%	5477 0,3%	5855 0,4%	6380 0,4%	3812 0,3%
Пациенты	9215 (0,3%)	33 772 (1,8%)	43 213 (2,5%)	56 193 (4%)	64 865 (5%)	54 195 (5%)
Всего осуждено по уголовным делам	3 330 515	1 925 528	1 747 472	1 420 802	1 447 435	1 127 244

Источник: ГА РФ. Ф. 3492. Оп. 3. Д. 171. Л. 63–64. Расчеты автора.

Уголовная ответственность в отношении беременных женщин была отменена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 августа 1954 г.⁹⁴, а Указом Президиума Верховного Совета от 23 ноября 1955 г. был отменен запрет абортов. Одним из инициаторов принятия гуманного закона была министр здравоохранения СССР Мария Ковригина. Производство этой операции контролировалось медиками и разрешалось только в больницах и других медицинских учреждениях⁹⁵. Закон сохра-

нял уголовную ответственность врачей и лиц, не имеющих специального медицинского образования и производящих аборт вне этих учреждений. Уголовный Кодекс РСФСР 1960 г. оставил уголовную ответственность за нелегальный аборт, установив в статье 116 наказание за незаконное производство аборта врачом или лицом, не имевшим высшего медицинского образования. Отягчающими обстоятельствами признавались смерть пациентки или тяжкие последствия вследствие аборта, например бесплодие.

Отмена запрета на аборт для деревни не повлекла массового обращения для прерывания беременности в городские или районные больницы. По привычке пользовались услугами деревенских знахарок. В 1959 г. в Вологодской области было сделано 372 медицинских аборта, кроме того 92 аборта начались вне лечебного учреждения. (В 1958 г. из 617 случаев искусственного прерывания беременности 197, т.е. треть, — криминальные аборты⁹⁶.) Это было следствием отсутствия медицинских учреждений в своих и близлежащих селах, бездорожья, особенно весной и осенью, чтобы добраться до райцентра из глубинки, неналаженности быта (многим было не на кого оставить многочисленную семью), да и элементарной медицинской необразованности большинства сельских женщин и крайне низкой оценки и здоровья, и своей жизни.

В среднем российская женщина делала за свою жизнь два — четыре аборта. Свыше 15% прибегали к такому способу прерывания беременности по несколько раз в год⁹⁷. В 1970—1980-е гг. уровень абортов, зафиксированных медицинской статистикой, оставался стабильно высоким: до 4,5—4,8 млн абортов ежегодно⁹⁸. Правительство приняло меры по охране здоровья женщин, подвергшихся операции по прерыванию беременности. С 1 января 1985 г. была введена оплата первых трех дней временной нетрудоспособности в связи с операцией по искусственному прерыванию беременности (далее в случае осложнений женщина получала бюллетень в обычном порядке). Эти меры были призваны обеспечить определенную свободу женщины в интимной жизни при использовании гарантированных возможностей для лечения и восстановления после операции. Однако широкое распространение абортов, сделанных даже в условиях больницы, в ряде случаев вело к серьезным осложнениям, результатом которых становилось бесплодие, невынашиваемость, нарушения во время беременности и родах. О серьезности положения свидетельствует высокий уровень абортов в РСФСР: в 1980—1990-е гг. на одни роды приходилось два искусственных прерывания беременности. В основном к аборту прибегали женщины от 20 до 34 лет и старше. 2,5 млн, или 88%, всех абортов за 1995 г. сделали женщины именно этого возраста, но свыше 300 тыс. абортов сделали женщины моложе 19 лет, в том числе 40 тыс. моложе 17 лет, а из них 2,8 тыс. до 14 лет⁹⁹.

Большинство женщин и города и села прибегают к квалифицированной медицинской помощи в стационаре для прерывания беременности и в далеком прошлом остаются услуги повитух и акушерок на дому. Тем не менее редко, но такая практика фиксировалась уголовной статистикой. В связи с этим Уголовный Кодекс РФ 1996 г. статьей 123 подтверждает наказание за производство аборта лицом, не имеющим высшего медицинского образования соответствующего профиля, а также ранее судимым за незаконное производство аборта. Более строгое наказание предусмотрено за эти же деяния в случае смерти пациентки и при причинении тяжкого вреда ее здоровью. Однако производство аборта врачом, имеющим соответствующую медицинскую квалификацию, но вне стационара и при наличии противопоказаний к операции, более не является уголовным преступлением, что оценивается современными юристами как «недостаток» этой нормы и является «пробелом уголовного законодательства», в результате чего жизнь и здоровье женщины «не становится под защиту уголовного закона в полной мере» и статья 123 УК РФ, следовательно, нуждается в дополнении¹⁰⁰.

В структуре демографического поведения важное место занимает контрацептивное поведение, являющееся инструментом регулирования деторождения, механизмом реализации репродуктивных установок супругов.

СССР являлась единственной развитой страной, где в структуре методов планирования семьи наблюдалось резкое преобладание абортов над применением контрацепции. В 1980-е гг. в стране ежегодно производилось около 7 млн абортов — более 130 на 100 родов.

Высок уровень материнской смертности. В 1989 г. умерло 2,2 тыс. беременных, рожениц и родильниц, или 44 на 100 тыс. родившихся. Причиной смерти почти трети этих женщин послужили аборты, сделанные преимущественно вне лечебного учреждения. Из общего количества абортов, сделанных в стационаре, каждый восьмой начинался вне лечебного учреждения, а в республиках Средней Азии — каждый второй-третий.

В 1990 г. за незаконное производство аборта было осуждено 172 человека, в том числе за совершенное неоднократно и повлекшее тяжкие последствия — 91, что, соответственно, на 26 и 36% меньше, чем в 1989 г.

Если в среднем по стране примерно каждая десятая женщина не знала о существовании противозачаточных средств, то в сельской местности таких женщин в два раза больше¹⁰¹. Высокий удельный вес женщин, не знавших о методах и средствах контрацепции, был отмечен в республиках Средней Азии и Закавказья, где посещение врача-гинеколога также было редкостью. Обращает на себя внимание тот факт, что и в республиках с низкой рождаемостью — Украина, Прибалтика, Рос-

сия — большинство женщин также не пользовались контрацептивами, поскольку здесь было распространено более широкое применение методов и средств контрацепции мужчинами. Опросы показали, что и среди молодежи информированность о предотвращении нежелательной беременности была поставлена крайне неудовлетворительно: среди 16–17-летних об этом не знала каждая третья, среди 18–23-летних — каждая четвертая¹⁰². Правда, следует отметить, что в СССР этот вопрос возник, в отличие от Запада, намного позже, потому и такой неинтерес и нелюбопытство к столь важной проблеме. По мере взросления женщины начинали активно интересоваться этим, но многие, случалось, и с опозданием.

В советское время производство контрацептивов было налажено очень слабо, производились закупки за рубежом, но для села это было полностью недоступно. В республиках с низкой рождаемостью, в том числе в России, и с более высокой информированностью о контрацепции фиксировался и относительно высокий удельный вес среди опрошенных, отметивших трудности в приобретении противозачаточных средств — на это указала каждая десятая женщина. Несмотря на увеличение производства контрацептивов в СССР и возросшие закупки за рубежом, в 1989 г. охват женщин детородного возраста современными средствами контрацепции увеличился лишь на 2% и составил 15%. В последующие годы «безопасный секс», пропагандируемый не только медицинскими и образовательными учреждениями, но и средствами массовой информации, находит все больше сторонников, особенно из-за боязни СПИДа и других венерических заболеваний. Современные женщины, в том числе и сельские, в 1990-е гг. начали активнее прибегать к контрацепции, и, как фиксирует медицинская статистика, в 2001 г. каждая пятая россиянка в возрасте от 15 до 49 лет прибегала к этим средствам. Это безусловно низкий показатель, свидетельствующий, что основным способом прерывания нежелательной беременности оставался аборт. По опыту зарубежных стран, существенное снижение абортотворности возможно лишь при охвате современными средствами контрацепции не менее 40% женщин. В развитых странах этот показатель достигал 60–80%¹⁰³.

В России сохраняется высокий уровень абортотворности, хотя согласно официальным данным он уменьшается. Тенденция к уменьшению искусственного прерывания беременности наблюдалась еще в советское время. Но в 1990-е гг. к этой проблеме стали открыто обращаться, сравнивая ситуацию с другими странами. Число абортотворности на 1000 женщин в репродуктивном возрасте устойчиво снижалось с 253,4 в 1970 г. до 118,3 в 1983 г., т.е. в 2,2 раза, при дальнейших колебаниях и за 1988–2001 гг. вновь фиксируется снижение. Очень много абортотворности при первой беременности — открытые данные имеются

Прерывание беременности (аборты) в Российской Федерации

Год	Всего, тыс.	На 1000 женщин в возрасте 15–49 лет	На 100 родов	Число абортс у первобеременных
1970	4837,7	136,6	253,4	Нет данных
1975	4670,7	126,3	221,0	Нет данных
1980	4506,0	122,9	204,4	Нет данных
1985	4454,4	121,5	187,4	148,3
1990	4103,4	114,0	205,9	188,8
1995	2766,4	69,3	202,6	177,7
2000	2138,8	55,0	168,7	161,1
2001	2014,7	51,8	153,6	161,6

Источник: Российский статистический ежегодник. 2002. Статистический сборник. М., 2002. С. 246.

по этому показателю только с 1985 г., и они показывают его резкий рост в первой половине 1990-х гг. с последующим снижением. Но доля абортс при первой беременности в общем числе абортс увеличилась с 3% в 1985 г. до 8% 2001 г. В основном к абортс прибегали женщины в возрасте от 20 до 34 лет¹⁰⁴. Проблема абортс связана с их отрицательным влиянием на здоровье женщины, в том числе репродуктивное. Сохраняется высокий уровень осложнений после абортс. По мнению российских медиков, 3–4 абортс полностью подрывают здоровье женщины, после 2–3 абортс у каждой второй нарушается репродуктивная функция. Более того, около одной трети случаев материнской смертности в России вызваны абортс. У половины женщин, лишенных возможности иметь детей, медики считали причиной искусственное прерывание беременности¹⁰⁶. По неполным данным, в России насчитывалось около 5 млн женщин, страдавших бесплодием¹⁰⁵. Ежегодно в России от различных последствий абортс умирают 230–240 женщин. При анализе фактов установлено, что женщины в возрасте 30 лет умирают в два раза чаще, чем девятнадцатилетние. Среди малообеспеченных слоев населения смертность после абортс в 4 раза выше. Незамужние женщины после абортс умирают в три раза чаще, чем имеющие семью¹⁰⁷. В таких странах, как Англия, Финляндия, женщина имеет юридическую защиту от последствий абортс. Российские женщины этого лишены. В обществе превалирует упрощенный взгляд на операцию по прерыванию беременности. Большинство женщин вследствие заниженной самооценки не относятся к вмешательству в жизнедеятельность организма, как к серьезной хирургической операции. Реальные физические и психические последствия проведения абортс остаются вне внима-

ния общества. Не разработано и системы психологической, психической реабилитации женщин после аборта.

В мире существуют различные степени ограничения права женщин на безопасный и законный аборт. В 50 государствах, где проживает более 40% населения планеты, женщине предоставляется право принимать решение о своей беременности без каких-либо ограничений. В четырнадцать странах, доля которых составляет более 20% населения мира, действуют законы, разрешающие аборт только по социально-экономическим причинам (материальное благосостояние женщины, ее возраст, семейное положение и число проживающих с ней детей). Примерно 10% населения Земли проживает в 33 странах, где аборт разрешается только в целях сохранения физического здоровья женщины, а в 20 странах связывают это решение с психическим здоровьем женщины. В то же время в 74 странах (26% населения земного шара) аборт законодательно запрещен, кроме случаев, когда жизнь женщины находится в опасности¹⁰⁸.

Некоторые женщины, не решившиеся на аборт, после «самостоятельных» родов избавлялись от ребенка путем подкидывания его к дверям сельских домов, к квартирам, подъездам... Слово «подкидыш», ушедшее из лексикона советских людей через непродолжительное время после Великой Отечественной войны, в современной России становится достаточно привычным. Не единичные случаи, рассказанные средствами массовой информации об оставленных матерями младенцах, обращают на себя внимание не столько обсуждением вопросов преступного поведения этих молодых женщин, сколько озабоченностью судьбой подброшенных, поскольку специального, облегчающего усыновление, законодательства для таких случаев в нашей стране не предусмотрено. Этим детям еще в течение года и больше продолжают искать настоящих родителей (в том числе бросившую его мать) и других родственников, и лишь с их отказом ставится вопрос о возможности усыновления. Многие же бездетные семьи становятся счастливыми, взяв в свой дом ребенка. Хотя некоторые женщины, состоящие в браке, не считают для себя рождение ребенка обязательным, а бездетную семью видят как «идеальную»¹⁰⁹ и, во всяком случае на первых порах супружеской жизни, находят, что дети — это помеха супружеству (примерно треть опрошенных в г. Ленинграде в 1981 г. супружеских пар)¹¹⁰, общероссийская статистика говорит о том, что вообще не хотят иметь детей только 2%¹¹¹. Фактически в 1990-е гг. до 15% семейных пар не имели детей¹¹². И когда исчерпаны все аргументы: учеба, отсутствие квартиры, невысокая заработная плата и т.п., — бездетность становится предметом «пристального внимания и самих супругов, и родственников, и окружающих посторонних лиц», и супружеская пара старается исправить «ненормальное положение»¹¹³,

прибегая в ряде случаев к усыновлению. Такие возможности по сравнению с советским временем значительно расширились. В 2001 г. под опекой российских семей было почти 350 тыс. детей, еще 154 тыс. были усыновлены. Число таких семей увеличивалось с каждым годом. Но вместе с этим за 1990-е гг. численность детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в России стабильно возрастала, достигнув к 2001 г. 184 тыс.¹¹⁴ Забота о них юридически возложена на государство, и в зависимости от возраста и физического здоровья они воспитывались в домах ребенка, детских домах или школах-интернатах. К сожалению, лишь немногие учреждения такого типа могут предоставить обездоленным детям достойные условия проживания и реабилитации после часто совсем недетской жизни у бросивших их или лишенных прав на воспитание родителей. До 20 тыс. подростков ежегодно убегают из интернатов. Треть выпускников детских домов в разное время оказывается на скамье подсудимых, одна пятая становится бомжами, одна десятая кончает с собой. Но при усыновлении ребенка государство снимает с себя материальную ответственность за такую семью; при установлении опеки над брошенным ребенком положено около 700 руб. в месяц, и это при том, что содержание одного ребенка в детском доме обходится государству в 2000 руб., но эти деньги «целевым» назначением минуют тех, кому они выделены. Политика создания семейных детских домов медленно продвигается в сознание и общества, и чиновничества. А дети ждут семью, СВОЮ семью.

ГЛАВНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЗДОРОВЬЯ: ЭКОЛОГИЯ И УСЛОВИЯ ТРУДА

Состояние здоровья женщин, частота осложнений беременности и родов находится в прямой зависимости от условий труда и окружающей среды. Ответной реакцией со стороны женского организма на вредные влияния чаще всего является патология репродуктивного здоровья¹¹⁵. По данным научных исследований Министерства здравоохранения СССР, в 1989 г. 50–70% беременных женщин имели различные патологические осложнения. Из 4,7 млн беременных, наблюдавшихся в лечебно-профилактических учреждениях системы Минздрава СССР в 1989 г., 698,2 тыс. (14,8%) страдали анемией; 366,2 тыс. (8,1%) — поздним токсикозом; 184,2 тыс. (3,9%) — болезнями почек; 173,8 тыс. (3,7%) — сердечно-сосудистой системы. Только 52,9% родов, принятых в стационарах в 1989 г., протекали без отклонений от нормы. Более 50% родившихся детей имели различные отклонения в состоянии здоровья и нуждались в проведении различного рода лечебно-оздоровительных мероприятий¹¹⁶. Эти общесоюзные отрицатель-

ные показатели, которые в советское время считались крайне высокими и вызывавшими тревогу общества, оказались вскоре превзойденными. В 1996 г. доля нормальных родов составила только 34%, в 1999 г. — 31,1%, в 2000 г. — 32%. Основными причинами в структуре заболеваний младенцев стали возникающие в первые недели жизни (свыше 40%) и врожденные (25%) аномалии. Смертность детей первого года жизни в России в 2–4 раза выше, чем в экономически развитых странах¹¹⁷.

Неблагоприятное состояние со здоровьем матери и ребенка ставит перед обществом ряд вопросов. Главный из них сводится к скрупулезному анализу последствий перехода России к рыночным отношениям и изменений функционирования всей системы здравоохранения. Накопившиеся советские проблемы в новых социальных условиях, усугубленные стремительным реформированием медицины, сплелись в узел сложно разрешимых проблем, которые касаются каждого жителя России. Главный акцент государственной политики перенесен на низкую и все еще понижающуюся рождаемость населения. За всю историю страны никогда ранее в мирное время рождаемость не занимала планку статистики, скорее свойственную военному периоду. (Как считают демографы, в советский период смертность снижалась в России трижды и на очень короткий период: это период нэпа, завершения Гражданской войны и окончания голода 1920-х гг.; мирное время 1950–1960-х гг. после Великой Отечественной войны, когда появились антибиотики и проводилась массовая иммунизация населения, и 1980-е гг., что связано с широким проведением антиалкогольной кампании¹¹⁸.)

Численность населения Российской Федерации к началу 2002 г. составила 144 млн человек и сократилась по сравнению с 2001 г. на 800 тыс. Эффект естественной убыли возник в 1992 г., и только за восемь лет (1992–2000) в результате депопуляции страна потеряла 5 млн человек.

Только в трех республиках России — Дагестане, Ингушетии и Тыве — ежегодное число родившихся обеспечивает замещение поколений. В большинстве же российских территорий рождаемость заметно ниже черты простого воспроизводства населения, причем почти вдвое в Мурманской, Ленинградской, Владимирской, Ивановской, Московской, Рязанской, Смоленской, Тульской, Ярославской областях и Санкт-Петербурге¹¹⁹.

Имея столь низкие показатели рождаемости, Россия оказалась в числе стран, которые не могут на современном уровне обеспечить социальную и медицинскую помощь ВСЕМ женщинам и детям.

Ухудшение состояния здоровья детей раннего возраста, когда закладываются основы будущего здоровья, связано с рядом факторов, которые, как показывают специальные исследования, в 1990-е гг. заметно обострились. Среди них: заболевания у женщин до и во время беременности, часто связанные с

работой в неблагоприятных условиях, низкий уровень жизни, вредные привычки, кризис института семьи¹²⁰. При общем ухудшении здоровья женщин и детей лидируют именно беременные и новорожденные. Около 1,5 млн женщин, в том числе и беременных, работают в неблагоприятных условиях труда. Накладывает свой негативный отпечаток и окружающая экология: треть населения использует для питья воду из источников нецентрализованного водоснабжения. Радиационное загрязнение воздуха фиксируется не только в Брянской, Тульской и Калужской областях, но и в целом по стране, дефицит йода затронул почти три четверти территории России.

Серьезной проблемой для нормального деторождения остаются «вредные привычки» родителей. Только по официальным данным, число женщин, больных алкоголизмом, выросло за 1990–1999 гг. с 411 до 434 на 100 тыс. женщин. В 1999 г. их число достигло 335 тыс. При этом в структуре больных алкоголизмом за 1990-е гг. соотношение между числом больных алкоголизмом мужчин и женщин фиксировалось 10:1, то в 1995 г. стало 6:1. При этом, как отмечают специалисты, перспективы лечения алкоголизма у женщин хуже, чем у мужчин. Прежде всего это происходит потому, что отношение общества к женщинам-алкоголичкам жестче и нетерпимее и они стараются скрыть свой недуг, позднее обращаясь к медицине либо не обращаясь вообще. Наркомания среди женщин также приобрела стремительный размах: за 1993–1999 гг. она выросла более чем в пять раз. Неслучайно проблема здоровья женщин и детей вошла в число приоритетных Всемирной организации здравоохранения, сформулированных еще в 1948 г., в период ее образования, и стала единственной, связанной не с борьбой с конкретной болезнью, а с выделением «демографического контингента риска». Состояние здоровья матери и ребенка — по-прежнему одно из важнейших направлений деятельности этой международной организации. И потому, что женщины и дети составляют одну из самых больших, но не самых благополучных групп населения, и потому, что между здоровьем матери и ребенка существует неразрывная связь.

Состояние здоровья женщины — это условие, определяющее здоровье детей и, значит, будущее страны. Приступив в 2003 г. к выполнению обязанностей Генерального директора Всемирной организации здравоохранения, Ли Джонг-Вук в числе приоритетов работы ВОЗ выделил охрану здоровья матери и ребенка¹²¹.

Трудности переходного периода изменили все сферы жизни населения России — производственную, общественную и семейную. Социальные потери, связанные с социально-экономическими реформами, отразились на большинстве российских семей.

Сложный период переживает и институт семьи. При общей тенденции 1990-х гг. к снижению числа людей, вступающих в брак, отмечается высокий уровень разводов: почти каждый второй брак распадается. Далеко не каждая российская семья смогла приспособиться к переменам и новой жизни в условиях рынка. Разводы повлекли за собой большое число семей, где дети воспитываются одним родителем, как правило матерью. До 600 тыс. детей ежегодно жили в распавшихся семьях. При этом продолжался рост числа родившихся вне зарегистрированного брака: с 11% в 1970 г. до 15% в 1990 г., а в 1990-е гг. этот показатель почти удвоился — до 28% в 1999 г.

В наиболее сложной ситуации находятся молодые семьи и семьи с детьми до 16 лет. Большинство семей в Российской Федерации имеют низкий уровень материального благосостояния, что является следствием небольшой заработной платы и ее задержки, особенно в бюджетной сфере, и безработицы. Сокращение реальных доходов семей с детьми происходило быстрее, чем у населения в целом. Среди домохозяйств с детьми до 16 лет доля семей с доходами ниже прожиточного минимума составляла в 1995 г. — 54%, в 1996 г. — 41% (по домохозяйствам в целом этот показатель составлял в 1995 г. — 42%, в 1996 г. — 30%). В 1997 г., по данным выборочного обследования, доля домохозяйств с доходами ниже прожиточного минимума составила четверть, а среди семей с несовершеннолетними детьми — треть. При этом около 70% семей с тремя детьми оказались среди «бедных», среди имевших четверых и более детей таковых насчитывалось подавляющее большинство. Значительная часть многодетных семей не имели и половины прожиточного минимума на одного члена семьи. Разрыв в уровне среднедушевых доходов семей с одним ребенком и семей с четырьмя детьми в 1997 г. возрос с 2,7 до 3,3 раза. Это являлось следствием «высокой иждивенческой нагрузки» на работающих членов семьи, их невысокой заработной платы и низких государственных пособий на детей. Имеющиеся денежные средства тратились в основном на питание: в семье с двумя детьми расходовали 43% бюджета, с тремя детьми — 48%, с четырьмя и более — 55% при общем снижении потребления продуктов¹²². ВЦИОМ 15 мая 2001 г. провел исследование, приурочив его к Международному Дню семьи, в ходе которого выяснилось, что только 15% российских семей за десять лет «радикального реформирования экономики страны» стали жить лучше, а 62% — отметили ухудшение жизни. Для двух третей семей ухудшились возможности получения хорошего образования и медицинского обслуживания¹²³. Особенно пострадавшими от реформ оказались сельские жители. Доходы работников аграрной сферы составляли менее половины (42%) от среднего показателя по России и треть доходов в промышленности. Численность занятых на сельскохозяйственных предприятиях снизилась вдвое и

составила 5 млн человек, тогда как в личном подсобном хозяйстве — удвоилась, достигнув 6 млн. человек. Для многих занятых на подворье это лишь прикрытие их безработицы. Безнадежность толкает людей на преступления, усиливается тяга к спиртному.

Низкий семейный бюджет влечет за собой плохое и несбалансированное питание, снижение его калорийности. Эксперты Мирового Банка выделяют три проблемы с питанием: недоедание, недостаток витаминов и перебор энергетических калорий¹²⁴. Населению России известны все три этих показателя. На продовольственные товары расходуется большая часть семейного бюджета. В 1999 г. доля продуктов питания составила в среднем 52% расходов российских домохозяйств. С сокращением доходов снижается и разнообразие питания, а также преобладает сезонность потребления некоторых продуктов. Стабильной остается тенденция к увеличению потребления хлеба, картофеля и сахара при снижении в рационе мяса, молочных продуктов, рыбы, яиц, фруктов и овощей. В России складывается «бедный тип питания», приводящий к возрастанию частоты белково-калорийной недостаточности: в 1997 г. от 20 до 40% семей испытывали белковое голодание, проявляющееся у детей и подростков снижением массы тела и низким ростом. Происходит естественная закономерность: больные дети, выросшие в отсутствие эффективных оздоровительных программ, становятся потенциальными родителями больных детей, бедные семьи воспроизводят новую бедность¹²⁵. Но даже в обеспеченных семьях родители недостаточно внимания уделяют охране здоровья своих детей. По данным медицинского обследования элитных московских школ, проверенного в 2000 г., старшеклассницы, за редким исключением, отличались слабым здоровьем, в том числе репродуктивным, многие курили, употребляли наркотики, вели беспорядочную жизнь¹²⁶. Занятия спортом и здоровый образ жизни в их среде были скорее данью принадлежности к новому стилю жизни их родителей, чем стремлением реально воспользоваться и принять это как руководство к действию. И это те, кто реально мог воспользоваться возможностями спортивных учреждений в условиях большого города. Отличительной особенностью деревни оставалось отсутствие самих учреждений спорта, а при скромном их наличии — дефицит средств для их массового посещения.

В условиях безработицы и трудностей с получением работы многие женщины соглашаются на труд в любом производстве, в том числе вредном для их здоровья. Приоритетом становится повышенная зарплата и тяжелые условия труда, сознательно выбираемые вследствие необходимости содержать семью. Производство поглощает таких работников, особенно не утруждая себя улучшением условий их труда, а часто и элементарным соблюдением установленных Трудовым Кодексом РФ и обяза-

тельных для всех норм. «Привлекательные» льготы и компенсации за условия труда касались в 1997 г. почти 40% работников, занятых на вредных и тяжелых работах. Правительство Российской Федерации тогда фиксировало «положение дел в области обеспечения надлежащих условий и охраны труда» как «неудовлетворительное». Ежегодно на производстве травмировалось более 360 тыс. человек и 7,6 тыс. человек погибало¹²⁷. Проверки соблюдения требований охраны труда постоянно фиксируют массовость нарушений. На многих агропромышленных предприятиях Ставропольского края, Смоленской, Тверской, Саратовской областей с широким использованием женского труда, в колхозах Оренбургской области, которые посетили сотрудники инспекции по охране труда, практически полностью прекращены распространенные в советское время медицинские осмотры, закрыты либо находятся в аварийном состоянии медпункты, комнаты отдыха, приема пищи, личной гигиены, раздевалки, душевые¹²⁸. В Курской области более 70 тыс. женщин трудились в условиях, не отвечавшим санитарно-гигиеническим нормам (повышенный шум, запыленность, загазованность), в Саратовской области тяжелые физические нагрузки, превышавшие допустимые нормы, вредные факторы, нарушения показателей микроклимата касались более чем 50 тыс. женщин. По данным обследований Читинской области, в неблагоприятных условиях в строительстве была занята каждая четвертая женщина, а в здравоохранении — даже четыре пятых. На высоком уровне фиксировался травматизм на производстве: за 11 месяцев 1999 г. в Российской Федерации было зарегистрировано 36 тыс. женщин, пострадавших на производстве. Травматизм со смертельным исходом имеет тенденцию к росту¹²⁹. В 2001 г. каждый третий мужчина, занятый в промышленности, работал в условиях, не отвечавших санитарно-гигиеническим нормам, среди женщин таких было почти 16%. От несчастных случаев на производстве пострадали 110 тыс. мужчин и 34 тыс. женщин (в промышленности — 14 тыс., сельском хозяйстве — 10 тыс.), погибли свыше 4 тыс. мужчин и 283 женщины¹³⁰. За грубые нарушения трудового законодательства 28 тыс. руководителей были подвергнуты штрафу, 23 тыс. привлечены к дисциплинарной ответственности, из них отстранено от должности или уволено 1,5 тыс. В связи с нарушением норм охраны труда была приостановлена работа 110 предприятий, свыше 6,5 тыс. подразделений, около 100 тыс. единиц оборудования, не принято в эксплуатацию около 800 объектов¹³¹. Но труд в «привилегированном» производстве находит все больше желающих приблечь к льготам, за которые впоследствии приходится расплачиваться здоровьем, своим и своих детей.

Проведенная Всероссийская диспансеризация детей в 2002 г. зафиксировала неутешительные итоги: не более трети ново-

рожденных детей медицина могла признать здоровыми, 12% — являлись недоношенными или имели недостаточную массу тела (до 2,5 кг). За 1999—2003 гг. заболеваемость новорожденных выросла на 26,2%, у детей в возрасте до 14 лет — на 22%, у детей старшего подросткового возраста (от 15 до 18 лет) — на 24%¹³². Исследования городских и сельских детей различных регионов России показали, что в большинстве групп сельское население отстает от городского по уровню физического развития и полового созревания. Свой отрицательный вклад в эти показатели вносила нарушенная экологическая среда, влияющая на здоровье матери во время беременности, а впоследствии и на здоровье ребенка, живущего в этих же, а иногда ухудшающихся условиях. В 12 наиболее индустриальных районах России уровень младенческой смертности на четверть выше, чем в относительно благополучных регионах¹³³. Более того, темпы снижения этого показателя в зонах экологического напряжения заметно отстают от его динамики в «чистых» районах.

Заболевания женщин неблагоприятно сказываются на развитии плода и новорожденного. В 1989 г. у каждого седьмого новорожденного, погибшего в первые шесть суток жизни, причинами смерти являлись экстрагенитальные (не связанные с детородной функцией) заболевания женщин, среди них ведущие — сердечно-сосудистые и болезни почек. Из 41 420 новорожденных, умерших в первые шесть суток жизни, у 19 тыс. причиной смерти явились экстрагенитальные заболевания и заболевания во время беременности у матерей¹³⁴.

Исследования отечественных ученых показали, что здоровье человека лишь на 15–20% обусловлено генетическими факторами, тогда как на 25–30% оно зависит от образа жизни и на 10% — от эффективности здравоохранения, но более всего — на 20–40% — от влияния окружающей среды, оказывающей на него самое непосредственное воздействие¹³⁵.

В конце 1980-х — начале 1990-х гг. ВЦИОМ проводил регулярные общесоюзные опросы взрослого сельского и городского населения СССР (ноябрь — 1989 г., апрель — 1990 г., август — 1990 г.), ориентированные на выявление массовых экологических представлений.

Ряд катастроф 1980–1990-х гг. показал, что «чужой» окружающей среды нет. Трагедия Чернобыльской аварии на атомной станции отразилась на населении и землях, в том числе сельскохозяйственных, Белоруссии, Украины и России. Радиоактивному загрязнению аварийными выбросами подверглись угодья площадью 2–2,3 млн га и 89,6 тыс. га земли были исключены из землепользования. Общие потери Агропрома СССР исчислялись 2,5 млрд руб. Наиболее пострадало население украинских и белорусских сел, но свыше 150 тыс. деревенских жителей Брянской области (10% общей численности) трех районов: Гордеевского, Новозыбковского и Красногорского — тоже

оказались в зоне радиоактивного загрязнения¹³⁶. Как выявили опросы общественного мнения, экологической ситуацией были озабочены не менее 85–90% населения страны. Экологические проблемы находились не на периферии общественного массового сознания, а в центре. Не испытывали интереса, тревоги к экологии единицы, 70% жителей города и села отмечали ухудшение экологической ситуации во времени: ухудшение экологии в местах постоянного проживания на протяжении 10 лет. Лишь 10% увидели незначительные ухудшения. Весьма пессимистично оценивали они будущее. В ходе российско-британского социологического обследования российских деревень в 1980–1990-е гг. крестьяне охотно делились своими впечатлениями по поводу состояния окружающей среды в их населенных пунктах. Вот как рассказывали о своей деревенской экологии жители села Лох Саратовской области: «Последние 10–15 лет с деревенскими речками беда — Соколка и Суходолка превратились в пересыхающие ручейки, отравленные выбросами с животноводческих комплексов и Нового поселка. В конце 1950-х гг. в речках исчезла рыба. Заилились родники по берегам рек. Не стало источников чистой питьевой воды. Последнее 10–15 лет питьевую воду получают из двух артезианских скважин, в жаркий период воды не хватает — она вся идет на полив»¹³⁷. Поволжье — один из 13 регионов России, где сложилась кризисная экологическая ситуация. Отсутствие современных очистных сооружений, аварии и пожары, нерациональное использование удобрений, приводящее к ухудшению земельных угодий, вызывают серьезную тревогу медиков, экологов и, конечно, самих жителей этого края¹³⁸.

Причинами экологического беспокойства назывались прежде всего бросавшиеся в глаза негативные перемены в окружающей среде: загрязнение воздуха, водоемов, грязные улицы, здания, наличие химических элементов в овощах и фруктах, а также снижение качества питьевой воды, плохое состояние мест отдыха, уровень шума и повышенная радиация. Загрязнением воздуха было обусловлено свыше 40% заболеваний органов дыхания, 16% — эндокринной системы и 2,5% — онкологических заболеваний. Но не менее, а во многих случаях и более опасными для здоровья были последствия загрязнения водной среды и почвы, шум и электромагнитные излучения¹³⁹. Из села Александровка Алтайского края крестьяне рассказывали социологам российско-британского проекта в 1990 г.: «Когда на Семипалатинском полигоне взрывы — либо зимой выпадает мокрый снег, либо летом сильная гроза, после очередного дождя все желтеет, в огородах все гибнет. От Семипалатинского полигона нам вред не меньше, чем Казахстану, ибо ветра дуют в нашу сторону. Отсюда радиоактивные заражения. Близость Байконура тоже опасна. Вся вторая ступень космических кораблей падает над Алтаем. Точка проникновения из атмосферы

в иносферу находится над Алтаем. Из этой пробки — радиоактивные излучения. Ученые установили, что радиоактивный фон на Алтае выше, чем в Чернобыле»¹⁴⁰.

Преобладающее большинство населения было не согласно выходить из экономического кризиса за счет и в ущерб окружающей среде и собственного здоровья. Исследования показывают, что нарушения в состоянии здоровья людей обусловлены экологическими ситуациями. Учеными доказано, что при увеличении содержания взвешенных веществ в воздухе на каждые 18 мкг/куб м происходит увеличение смертности населения от заболеваний органов дыхания на 1,5–3,5%, сердечно-сосудистых заболеваний — на 0,8–1,8% и общей смертности на 0,5–1%, а также число обращений в лечебные учреждения по поводу бронхиальной астмы и пневмонии. При увеличении загрязнения атмосферного воздуха наблюдается и увеличение на 13–15% таких симптомов заболеваний, как насморк, кашель, раздражение глаз. В России загрязнение атмосферного воздуха является причиной 3% всех случаев смертности, 11–16% случаев смерти от острых заболеваний органов дыхания среди населения Екатеринбурга и 5–9% в Нижнем Тагиле связано с повышенным содержанием взвешенных веществ в атмосферном воздухе.

Немало жизней уносят злокачественные заболевания. Смертность в России от этого вида заболеваний за 1990-е гг. составила свыше 220 человек на 100 тыс. населения. Это самый высокий мировой показатель! Медицинские исследования фиксируют прямое влияние на возникновение и ход онкологических заболеваний таких факторов, как курение, вредные производственные условия, контакт с канцерогенными веществами. Так, у рабочих асбоцементного производства установлен повышенный риск возникновения злокачественных новообразований. В Каменске-Уральском с повышенным уровнем загрязнения атмосферного воздуха бензапиреном величина относительного риска возникновения рака легких составила 1,48, т.е. уровень загрязнения атмосферного воздуха обуславливает увеличение заболеваемости раком легких почти на 50%. Исследования, проведенные в этом регионе, выявили, что проживание вблизи алюминиевого завода обуславливает дополнительный риск заболеть злокачественными заболеваниями. Неблагоприятные факторы окружающей среды (органические растворители, тяжелые металлы и гербициды) являются причиной бесплодия у женщин. В Чапаевске, где на протяжении многих лет производились хлоросодержащие вещества, частота бесплодия как среди женщин, так и среди мужчин оказалась выше, чем в контрольной группе¹⁴¹. Это беспокоило проживающих в экологически неблагополучных регионах.

Состояние экологии места проживания напрямую связано в состоянием здоровья проживающих в этих районах людей.

Если на территории бывшего СССР в 1990 г. было около 290 арсалов с крайне неблагоприятной экологией и занимали они около 15% территории, где проживала пятая часть населения, то в постсоветской России в середине 1990-х гг. эта зона расширилась до 17%, причем проживало здесь, по разным оценкам, от 30 до 40% населения Российской Федерации¹⁴². Понимая реальные сложности экономики страны, 80% опрошенных тем не менее не считали, что экономику следует развивать невзирая на ущерб экологии, они склонялись к одновременному преодолению двух кризисов одновременно¹⁴³.

Таблица № 33

**Распределение ответов на вопрос:
«Считаете ли Вы, что состояние окружающей среды
в Вашем месте жительства опасно для здоровья?»
(% к числу опрошенных)**

Варианты	Ноябрь 1989 г.	Август 1990 г.
Да	60	56
Нет	19	22
Затрудняюсь ответить	21	22

Источник: Социологические исследования. 1992. № 12. С. 53.

В последние годы массовое сознание все чаще склоняется от переключения с очевидного вреда к скрытому, который наносят людям ядовитые примеси, излучения. Это отражается на жизни не одного поколения. После катастрофы в Чернобыле свыше половины населения выступали против энергетической и ядерной политики правительства.

Жители страны тесно связывали качество окружающей среды с состоянием своего здоровья. Большинство опрошенных, будь на то их воля, предпочли бы отправить средства госбюджета в здравоохранение (59%), сельское хозяйство (39%), социальное обеспечение (32%), оборону (10%), помощь другим странам (2%)¹⁴⁴.

Материалы социологических исследований второй половины 1980-х гг. свидетельствуют о том, что женщины в большей степени, чем мужчины, не удовлетворены состоянием своего здоровья и способом проведения вне рабочего времени. Особенно это касается замужних женщин, имеющих детей. Так, опрос женщин в г. Горьком и Горьковской области показал, что семейные, замужние женщины имеют меньше свободного времени не только по сравнению с мужчинами, но и в 2 раза меньше, чем несемейные бездетные женщины. Рождение только одного ребенка сразу более чем в 1,5 раза увеличивает затраты времени на домашний труд и самообслуживание (28,1 часа в неделю у бездетных против 43,8 часа у женщин с одним ребенком). Рождение второго ребенка еще боль-

**Распределение ответов на вопрос:
«Что именно не удовлетворяет Вас в вашем городе,
в его ближайших окрестностях?»
(разрешается выбор нескольких вариантов)**

Варианты	%
Загазованность воздуха	55
Грязные улицы, обшарпанные здания	45
Загрязнение реки, озера, моря	44
Антисанитарное состояние территории	38
Вредные химические вещества в овощах, фруктах	35
Плохая питьевая вода	25
Вытаптывание, загрязнение скверов, парков	23
Повышенный уровень шума	18
Повышенный уровень радиации	15
Исчезновение отдельных видов птиц, рыб, животных, растений	14
Изменение климата	13
Ухудшение почв, снижение их естественного плодородия	12
Гибель исторических памятников, усадеб	12
Исчезновение лесов	11
Появление большого числа вредных насекомых и других вредителей	9
Обмеление водоемов, появление болот, изменение местности	9
Непригодность воды для поливов	3

Источник: Социологические исследования. 1992. № 12. С. 52.

ше сокращает досуг матери, уменьшая возможность социального и профессионального роста и время для поддержания своего здоровья¹⁴⁵.

По данным Госкомстата СССР, более 70% опрошенных семей высказали неудовлетворенность работой амбулаторно-поликлинических учреждений из-за больших очередей и ограничений в записи на прием к специалистам. Затраты времени в очередях на прием к врачу составили в 1988 г. от 30 мин. до часа в летнее время и двух и более часов — в осенне-зимнее время¹⁴⁶. Это характерно было для города. В условиях деревни все выглядело иначе. Из села Лялино Захаровского района Рязанской области жительница писала в «Сельскую жизнь»: «Село у нас большое и без медработника невозможно. У нас больницу разорили, медпункт закрыли. Работаю дояркой, наш коллектив трудится хорошо, а о нас не заботятся. Ведь у нас нет такси. Пока найдешь транспорт, всякое может случиться, любая беда»¹⁴⁷. В «неперспективных» же деревнях, где проживали в

основном старики-пенсионеры, считалось нецелесообразным содержать за государственный счет небольшие больницы, и их закрывали. Ближайшее медицинское учреждение могло находиться за 20, 40 и даже 70 км и для большинства пожилых селян было практически недоступно¹⁴⁸. Очень многие сельские жители вследствие удаленности больницы или фельдшерско-акушерского пункта полагались на собственные медицинские знания или пользовались привычными народными средствами, считая такое положение вполне нормальным явлением. Неудивительно, что пилотажные опросы фиксировали серьезную обеспокоенность населения России своим здоровьем: свыше 70% респондентов по данным на 2000 г.¹⁴⁹

Занятость по хозяйству и на работе не оставляла времени придавать значение своим болезням, многие искренне считали, что «работа лечит». И трудились, не покладая рук. Дома, в колхозе, на подворье. Привычное для них трудолюбие и терпение помогали преодолевать многие недуги, да и болеть было некогда. Кроме того, это была своя психология, свой взгляд на жизнь и труд, где праздности и отдыха вообще не было места. А.М. Тарышкина из села Красная Речка Новобурасского района Саратовской области рассказывала социологам из Москвы в 1990 г.: «Уж мне-то восемьдесят три года, года мои ушли, а я все держу в порядке. А когда я молодая была, я не знала устали. Я работаю и, вот, гляжу — батюшки, уж время-то много! Что же это день-то такой короткий?!»

«У нас, бывало, мама упокойная говорила: “Тонька, у ленивого человека, знаешь, как все болит”, — возбужденно продолжала Антонина Михайловна. — Вот... Потому что он ленивый, у него болит. А который заботливый, у него тоже болит, но он этого не чувствует. У него мозг работает — какое тут болит!»

«Я вот встаю, у меня все ломит, — замечает о себе рассказчица. — Если б кто знал, как у меня все ломит! Все изношено... Да... И я выхожу на работу, и вроде мне там легче. Вот так...», — назидательно подчеркивает она¹⁵⁰. Именно таким крестьянкам деревня обязана существованием. Большие и маленькие затерявшиеся деревеньки жили одной жизнью с состарившимися в них сельскими женщинами и уходили вместе с ними в историю.

Ориентация на сосредоточение населения в благоустроенных перспективных поселках привела к тому, что в крупных населенных пунктах условия проживания были приближены к городским стандартам, в неперспективных же деревнях жители лишились всех возможностей нормальной жизни: закрывались школы, магазины и медицинские учреждения. С резкой критикой такой политики и поиском компромисса в решении медицинского обслуживания сельских жителей неоднократно выступала редакция журнала «Крестьянка», предлагая в интересах здоровья сельских тружеников найти разумное сочетание

высокого уровня медицинского обслуживания и его повсеместной доступности¹⁵¹. Однако решен этот вопрос не был практически ни в одной из областей России, где были малочисленные деревни.

РОЖДЕННЫЕ ВНЕ ЗАКОНА

Традиционный крестьянский менталитет, превалировавший в аграрной стране, на протяжении российской истории сохранял высокие семейные ценности и устойчивость брака. Законодательство в России также жестко регулировало семейные отношения, однозначно защищало брак, отвергало развод и охраняло интересы детей. В высоко религиозной стране рождение ребенка вне законного супружества — явление редкое. «Незаконнорожденные» дети являлись исключением и «призывались» государством. При всей демократичности советской юридической системы она по-прежнему опиралась на крестьянскую ментальность и довольно быстро вернула ужесточение в отношении разводов, укрепляла всеми средствами брак и брачные отношения и усиливала ответственность родителей в отношении детей. Однако борьба с религией, поспание норм обычного права в крестьянской стране, Первая мировая война, затем Гражданская, модернизация народного хозяйства, повлекшая огромные перемещения по России, потрясения Великой Отечественной войны привели в разном сочетании и переплетении с судьбами своих сограждан к *постепенному разрушению единого представления о совместной жизни как семье и обязательном рождении детей в браке*. И деревня опережающими темпами начинает догонять города и даже «добивается» лидерства и по числу разводов, и по количеству внебрачных рождений.

В России после окончания Второй мировой войны официальная статистика фиксировала рождение каждого четвертого ребенка как «незаконнорожденного». Новая мирная жизнь, поиски счастья в городах и деревнях, где мужчин было намного меньше, чем женщин, приводили и к вступлению в официально зарегистрированный и фактический брак, и к случайным связям, а результатом становилось рождение ребенка. Усиление семейного законодательства, лишившего незаконнорожденных детей юридических прав по отношению к отцу, стабилизация и улучшение демографической ситуации привели к снижению числа внебрачных детей, и к середине 1950-х гг. их доля фиксировалась на уровне 17%, в 1960 г. — 13% и минимально в 1968 г. — 10%. До середины 1980-х гг. не более 11% детей рождалось вне зарегистрированного брака. Неоспорима и роль пропаганды за советский образ жизни и претворение в жизнь принципа крепкой семьи и привлечения общественного мнения, строго стоявшего на ее охране, вплоть до вмешатель-

ства в личную жизнь партийных органов. Социологические опросы фиксировали стойкое осуждение внебрачных связей и внебрачных детей: лишь 14% бывших селенок, приехавших в город на работу и проживавших в общежитии в 1970-е гг., считали эти факты биографии «не позорными» и еще 20% не сумели определиться в прямом ответе. Однако наличие внебрачного ребенка, с точки зрения большинства девушек, не является препятствием для заключения брака их родственниками, хотя каждая пятая тем не менее была бы сама категорически против такого брака¹⁵².

Снятые сдерживающие законодательные ограничения, открытость общества, связанная с перестройкой 1980-х гг. привели и к более свободным представлениям об обязанностях в семье, в том числе и в отношении детей. Последующее демократическое продвижение российского общества в мировое общество повлекло за собой и заимствование некоторых норм западного образа жизни, не свойственных менталитету большинства населения России, в том числе фактических браков и возрастающей внебрачной рождаемости. «У нас в палате больницы из шести человек только у одной женщины зарегистрированный брак, — рассказывала одна из пациенток. — Живут гражданским браком. Тут одна женщина, ей 36 лет, у нее второй — ну, как? — мужчина. Первый-то брак у нее зарегистрирован. А с этим она живет уже восемь лет. И она рассуждает так: “Зачем мне расписываться? Я не боюсь его потерять. Что, эта роспись, его удержит?”»¹⁵³.

До 1992 г. изменения числа родившихся вне зарегистрированного брака носили тот же характер, что и изменения числа брачных рождений: периоды подъемов и спадов совпадали. В результате пропорция внебрачных детей до середины 1980-х гг. оставалась стабильной. В 1990-е гг. тенденции изменения брачных и внебрачных рождений в России разошлись: брачные рождения продолжили свое снижение, начавшееся в 1989 г., а внебрачные резко возросли. И вот результат: не только доля детей, родившихся вне зарегистрированного брака, за десятилетие увеличилась вдвое, но и их абсолютное число стало значительным, превысив 300 тыс. В 1998 г. рост числа рождений вне зарегистрированного брака смог даже компенсировать уменьшение числа рождений в юридическом браке и привел к общему увеличению числа родившихся. В 2000 г. число родившихся в зарегистрированном браке составило 912,5 тыс., вне брака — 354,3 тыс. (241,1 тыс. в городе и 113,2 тыс. в деревне). По сравнению с 1999 г. число брачных и внебрачных рождений увеличилось на те же 4%.

Наибольшую распространенность внебрачные рождения имеют у самых молодых матерей — до 20 лет и в самых старших возрастных группах — после 40 лет. Правда, рождаемость у женщин старших возрастов в целом низкая, потому в общем числе

детей, рожденных вне юридического брака, преобладают дети, рожденные у молодых женщин. На протяжении 1980–2000 гг. доля родившихся вне зарегистрированного брака повышалась во всех возрастных группах. Но если в 1980-х гг. рост был медленным и у матерей старших возрастов происходил быстрее, то во второй половине 1990-х гг. темпы роста значительно возросли во всех возрастных группах, особенно среди молодых женщин. В результате распространенность рождений вне юридического брака значительно выросла, составив 27–30%, и приобрела, как считают демографы, «всеобщий, статистически важный характер»¹⁵⁴.

Повышенная внебрачная рождаемость у самых молодых является следствием низкой культуры контрацепции в начале сексуальной жизни. В западносибирских селах каждый третий внебрачный ребенок был рожден 15–19-летней женщиной, причем эта тенденция оставалась устойчивой на протяжении десятилетий и касалась большинства регионов России¹⁵⁵. Часто такая беременность не планировалась и была нежеланной. И в России, и во многих других странах часто беременность приводит к вынужденной регистрации брака, который изначально становится конфликтным и непрочным. В последние годы молодые люди предпочитают не связывать себя узами брака, ведя совместную жизнь. Родившиеся вне брака дети примерно в половине случаев признаются отцами, и эта тенденция имеет вектор увеличения: 1988 г. в среднем 43% детей признавались отцами и регистрировались по совместному заявлению родителей, в 2000 г. — 47,2%¹⁵⁶.

На протяжении последних десятилетий деревня по числу внебрачных рождений опережает город. В 2001 г. треть сельских детей была рождена вне юридически зарегистрированного брака, в городе — 27%, а в некоторых регионах (Север, Сибирь, Дальний Восток) — до 40%¹⁵⁷. Две трети внебрачных детей в городе и половина в деревне — это первенцы. При этом каждый четвертый ребенок, рожденный вне зарегистрированного брака, в сельской местности и каждый пятый в городе имел старшего брата или сестру, а каждый девятый — родился третьим. «Деревенский внебрачный бум рождаемости» демографы объясняют половой диспропорцией в брачных возрастах вследствие войн и миграций, низкой культурой контрацепции и меньшей распространенностью аборт. Социологи считают, что прежние деревенские ценности и давление общественного мнения сменилось на «простое» отношение и к браку и к детям. Сложилась и частушка:

Пусть, пусть говорят,
Пусть наговорятся
Нынешние девушки
Славы не боятся.

В 1990-е гг. зафиксировано быстрое сближение доли внебрачных рождений, зарегистрированных и в городе и в деревне по совместному заявлению родителей, причем за счет движения в противоположных направлениях: в городских поселениях признание отцами своих детей возрастает, а в сельской местности снижается. За 1988–2000 гг. в городском населении доля внебрачных рождений, признанных обоими родителями, выросла с 37 до 48%, на селе упала с 52 до 46%. И в городе и деревне становится достаточно распространенным совместное проживание и рождение детей в «свободных союзах». Россия больше не находится в числе стран с низкой внебрачной рождаемостью, таких, как Греция — 4%, Хорватия — 8%, Македония — 9%, что и в целом для Европы является исключением, а активно вписывается в западный образ жизни, где распространены юридически не оформленные браки, в которых рождаются дети: Швеция — 40–50% внебрачных детей, Франция — 39%, Великобритания — 37%¹⁵⁸.

Таблица № 35

Число детей, родившихся у женщин, не состоявших в зарегистрированном браке (в % от общего числа родившихся)

Годы	Городское население	Сельское населения
1970	9,60	12,25
1975	9,27	13,71
1980	9,64	13,43
1985	11,33	13,58
1990	13,79	16,50
1995	21,06	21,32
2000	27,19	29,78
2001	27,83	30,94

Источник: Российский статистический ежегодник. 2002. Статистический сборник. М., 2002. С. 125.

**«ДВОЕ — ЭТО ПРОСТО ЛЮБОВНИКИ.
ТРОЕ (СМОТРИТ НА ДОЧКУ) УЖЕ СЕМЬЯ»**

Большинство мужчин и женщин, состоявших в браке, главными жизненными сферами считали семью и работу. Соотношение этих приоритетов у мужчин 84 к 54%, у женщин — 92 к 37%¹⁵⁹.

По мнению опрошенного в 1994 г. ВЦИОМ большинства (58%), главной целью брака является рождение детей. Молодые женщины (39%) реже своих сверстников (46%) согласны с подобным утверждением, однако в возрасте от 25 до 39 лет несостоятельность этой нормы усиливается (68–71%) и сохраняется на этом уровне уже без изменений.

Хотя демографическая статистика констатирует уменьшение среднего числа рожденных детей в семье, общественное мнение утверждает, что «брак без детей неполноценен» (так думают 79% опрошенных)¹⁶⁰. По данным микропереписи 1994 г., 41% женщин в возрасте 18–44 года, не имевших на момент ее проведения детей, предполагали родить одного ребенка, треть — двух и 3% — трех и более детей. Четвертая часть (24%) женщин этого возраста не намерены ими обзаводиться¹⁶¹. Среди женщин респонденты со средним образованием чаще, чем имеющие высшее образование или не имеющие никакого образования, согласны с тем, что брак без детей неполноценен. Наличие детей тесно связано с их мнением о ценности брака, причем различия между респондентами очень незначительны (13%).

Больше всех согласие с этим суждением высказывают молодые неженатые или разведенные мужчины (88%); женщины среднего возраста вне брака — разведенные (82%), незамужние (73%)¹⁶². Дети, по словам большинства родителей, — главный смысл жизни. При этом такое отношение подкреплялось большой материальной поддержкой и желанием быть духовно близким и понимающим другом для них: от четверти до половины семейного бюджета родители тратили на воспитание и обучение своих детей¹⁶³.

Самое большое значение для женщин, состоящих в браке, имеет семья. Считали свою семью прочной 60% женщин, сомневались — 8%, недовольны — лишь 1%; более уверены в этом женщины в возрасте 56–60 лет (две трети) и менее — в 30–40 лет (57%)¹⁶⁴. Орловская область считается урбанизированным регионом России. Здесь фиксировались достаточно низкие показатели стабильности семьи, хотя и выше, чем в крупных городах. Треть женщин считали свой брак удачным и почти удачным. Каждая десятая семья оценивалась как «скорее неудачная». «Очень неудачной» назвали свою семью 3% женщин. Остальные не ответили. Это означало, что в Орловской области почти две трети семей имели шансы на длительное существование. Для сравнения: в малоурбанизированной Удмуртии «удачным» и «скорее удачным» оценили свой брак подавляющее число женщин и мужчин. При этом часто появлялись мысли о разводе только у 3% женщин, а всерьез о нем думали 2% (среди мужчин мысли о разводе возникали лишь у 1%)¹⁶⁵.

Хорошая семья — важнейшая предпосылка полноценной жизни для подавляющего большинства современных российских женщин. При этом почти половина из них уже сумели создать такую семью. Счастливая семейная жизнь, по мнению россиянок, это семья, основанная на любви, где воспитываются дети, а брак официально зарегистрирован. Большинство российских женщин мечтает встретить не просто спутника жизни, а любимого и достойного человека. Мечта стала явью

для половины женского населения России. Однако примерно пятая часть женщин либо отчаялись встретить «идеального» мужчину, либо не строят таких планов. Остальные не оставляют надежду на счастливую встречу, которая для большинства женщин должна бы завершиться официально зарегистрированным браком. Традиционно россиянки при благоприятных условиях хотели бы иметь в семье двоих детей, а некоторые даже трех и более. Но реалии современной жизни не позволяют на практике воплощать в жизнь идеальную модель семейного счастья, и один ребенок становится реальной жизненной стратегией¹⁶⁶.

Постепенно изменились представления о главенстве в семье. Современные мужчины и женщины являются сторонниками «биархата» либо делегирования полномочий по принятию решений тому члену семьи, кто наиболее успешно справится с этим. Среди россиян — сторонников патриархата оказалась пятая часть, в основном с низким уровнем образования, и традиционно сельские жители (треть), но среди татар и представителей народов Кавказа и Закавказья — свыше половины¹⁶⁷.

К числу проблем, занимающих особое место в жизни женщин, относится воспитание детей. Известная феминистка Маргарет Сангер писала: «Женщина приковала себя к определенному месту в обществе и в семье природными функциями материнства, а лишь сверхпрочными цепями можно обречь себя на положение всего лишь воспроизводителя в мужских цивилизациях. Загнанная в этот “порочный круг”, женщина благодаря способности к деторождению создала и увековечила земную тиранию. Воздвигнутые на фундаменте дремучего и порочного материнства, эти тирании и процветали благодаря исполнению женщинами этой природной функции»¹⁶⁸. Но большинство женщин именно в этом видели смысл жизни. «Есть люди — ну, артистически (одаренные), или, там, цель какая-то... Умный там, ученый... А мы простые люди! Живешь — ради детей. Радуешься, что их вырастишь. Что внуки... Ведь цель-то в жизни должна быть? — Не просто так прожить!»

Акцент делается на внутрисемейных связях и отношениях. «Я считаю, что двое — это просто любовники. Трое (смеется и смотрит на коляску, где лежит ее семимесячная дочка Лизочка) — уже семья»¹⁶⁹.

Многие женщины (62%) предпочитали, чтобы дети дошкольного возраста воспитывались дома, а не в детском саду или яслях, — две трети горожанок и 53% селянок. Это связано прежде всего с частыми заболеваниями детей, посещающих детсады, на что указали 49% опрошенных. Каждая пятая женщина недовольна режимом их работы, 46% — уходом за детьми¹⁷⁰.

Женщины выразили желание больше времени находиться с детьми, проводить совместно отпуск, каникулы, удельный вес

желающих отправить детей в лагеря невысок. «У меня сын восемнадцати лет. За работой не заметила как вырос. Спасибо, не в чем парня упрекнуть — хороший, работающий, учится в СПТУ на механизатора. А ведь всякое могло случиться. Дурных соблазнов, сами знаете, и на селе хватает. У подруг по ферме дети только подрастают. Ох, как надо им, чтоб мамка приходила вовремя и не усталая вконец», — рассказывала доярка колхоза «Прогресс» Гродненского района Белоруссии В.Я. Горчарук за «круглым столом» в редакции журнала «Крестьянка»¹⁷¹. Практически же на воспитание детей работающие женщины тратили не более 30–40, мужчины — 20–30 минут в день¹⁷².

Среди семейных предпочтений для женщин главным оставались занятия, прогулки, развлечения с детьми, тем более что большинство их посещали вначале детсады, затем следовало обязательное школьное обучение, и времени для общения оказывалось немного.

Одним из основных показателей уровня жизни является коэффициент младенческой смертности. Несмотря на положительную динамику и устойчивое снижение младенческой смертности в стране, уровень ее оставался достаточно высоким. И он всегда будет считаться высоким при любых отрицательных показателях в любой стране.

Резкое снижение младенческой смертности — почти на треть — произошло в 1960-е гг., тогда как в 1970-е гг. не наблюдалось устойчивой тенденции к ее уменьшению, а в отдельные годы даже фиксировался ее некоторый рост: в 1970 г. в России из 1 тыс. родившихся детей в возрасте до 1 года умерло 23. Это было в 2 раза выше, чем в развитых европейских странах. Так, в Швеции этот показатель тогда составлял 11, в Нидерландах и Финляндии — 13¹⁷³. Предпринятые правительством усилия по социальной защите населения, охране материнства и детства в 1980-е гг. дали толчок к новому снижению младенческой смертности в среднем на 5% ежегодно. Статистика зафиксировала: в 1980 г. в России на 1 тыс. родившихся в возрасте до 1 года умерло 22 младенца. В сельской местности эти показатели были выше: 24 умерших в возрасте до года из каждой тысячи родившихся живыми. К 1989 г. статистика зафиксировала 17 умерших младенцев в городе и 19 в сельской местности России на тысячу родившихся. Уровень младенческой смертности в республике оказался в 1,4–1,7 раза выше, чем в Литве, Латвии, Белоруссии и на Украине. В развитых странах Европы, а также в США, Канаде, Австралии и Японии смертность младенцев фиксировалась в 2–3 раза ниже, чем в России. В Японии этот показатель составлял — 5, в Швеции и Финляндии — 6, в ФРГ, Дании, Нидерландах, Норвегии, Австрии и Франции — 8, в США — 10¹⁷⁴.

Высокая детская смертность в стране являлась следствием экологических, социальных и санитарно-гигиенических при-

чин. В России в 1989 г. почти половина младенцев умирала в результате состояний, возникавших в перинатальном периоде, 16% — от болезней органов дыхания, 8% — от инфекционных и паразитарных болезней. Каждый пятый умерший младенец имел врожденные аномалии¹⁷⁵. При надлежащем уходе и своевременном обращении к врачу эти показатели могли быть резко снижены. Особенно это относилось к деревне, что подтверждалось общероссийской и региональной официальной медицинской статистикой¹⁷⁶.

Около половины умерших в возрасте до одного года составляли дети первого месяца жизни, из которых три четверти умирали в течение первой недели жизни. Основной причиной являлась патология во время беременности, вследствие этого в России в 1989 г. умирало 27 младенцев из каждых 10 тыс. родившихся¹⁷⁷.

В многонациональном Советском Союзе расселение не было абсолютно компактным, и рядом с латышами жили белорусы, а в Средней Азии селились украинцы. Русские традиционно жили по всей территории страны в различном соотношении с коренными народами регионов, и отношения, как правило, складывались добрососедскими, много было и смешанных браков. Различны были религии, традиции, социальные и бытовые условия, и весь комплекс причин влиял на уровень младенческой смертности, который различался по регионам огромной страны. Если в целом по СССР этот показатель составил в 1989 г. 22,6, то крайние величины по национальностям отличались более чем в 5 раз¹⁷⁸. Лидировал Туркменистан. Помимо медицинских и социальных причин, здесь фиксировалась еще одна, приносящая большое количество детских смертей: родственные браки. Наиболее популярным среди туркмен оказался брак между двоюродными братьями и сестрами. Частота таких браков составляла в 1980-е гг. до 60%. Родственный брак непредсказуем. Их заключение часто пагубно отражается на здоровье потомства. Именно в таких браках проявляются скрытые наследственные заболевания, которые влекут за собой различные виды инвалидности. Высока смертность детей от таких браков. Так, в колхозе им. Чкалова и совхозе им. Калинина сельсовета Яг-тылык в 115 семьях муж и жена являлись близкими родственниками, за несколько лет они потеряли до 100 детей. Такие семьи достаточно распространены в Туркменинии¹⁷⁹. Ниже приводятся данные, характеризующие уровень младенческой смертности в национальном разрезе за 1989 г.

В 1990-е гг. коэффициент младенческой смертности продолжал снижаться и к 2001 г. был зафиксирован на уровне 14, тем не менее он оставался заметно выше сравнительного показателя передовых стран мира. Основными в структуре младенческой смертности стабильно сохранялись причины, тесно связанные со здоровьем матери. Перинатальные осложнения (66%),

Число детей, умерших в возрасте до 1 года на 1000 родившихся

До 15	15–21	22 и выше
Литовцы — 10,6	Эстонцы — 15,1	Азербайджанцы — 25,8
Белорусы — 12,0	Русские — 17,6	Казахи — 30,7
Латыши — 12,2	Грузины — 20,0	Киргизы — 34,6
Украинцы — 12,8	Армяне — 20,6	Узбеки — 38,3
	Молдаване — 20,8	Таджики — 41,1
		Туркмены — 58,1

Источник: Вестник статистики. 1991. № 8. С. 69.

врожденные аномалии (34%) и болезни органов дыхания (14%) оставались главными¹⁸⁰.

Радикальные реформы привели к уменьшению доходов и снижению уровня жизни значительной части населения. Это повлекло за собой сокращение рождаемости и высокую детскую заболеваемость. Рост числа больных новорожденных превратился в устойчивую тенденцию. В 1980 г. свыше 90% детей родились здоровыми. Среди прошедших диспансерный осмотр дошкольников 15–20% имели хронические заболевания, а к окончанию школы ограничения в выборе профессии по состоянию здоровья имела половина подростков¹⁸¹. Эти статистические показатели считались крайне неблагоприятными, требовавшими государственного вмешательства и контроля общества за выполнением главной задачи советского здравоохранения — охраны детства.

К 2000 г. треть новорожденных была признана медиками больными, 44% — отнесены к группе риска и только каждый пятый ребенок был здоров. Безусловно, это оказывало дальнейшее влияние на показатели здоровья детей. Среди школьников младших классов здоровыми медики признали лишь одного из десяти, средних классов — 9%, среди старшеклассников — 5%. И это при том, что диспансерные осмотры проходили в 1999 г. немногим более 80% школьников. Оправданную тревогу общества вызывает растущая детская заболеваемость, снижение показателей физического развития, психологические проблемы, рост инвалидности среди детей, распространение в детской среде наркомании, алкоголизма, венерических заболеваний и СПИДа. Происходит рост заболеваемости детей по всем классам болезней, но наибольшее увеличение наблюдалось в 1990-е гг. по болезням костно-мышечной и эндокринной системы, крови и врожденным аномалиям. В детской среде распространился и прогрессирует туберкулез: за 1990-е гг. количество больных возросло вдвое и достигло показателя 37 на 100 тыс. детей. Согласно официальной статистике в 2000 г. за-

регистрирован 761 ВИЧ-инфицированный ребенок, среди которых больны СПИДом 127 детей. Резко возросло число детей-инвалидов в возрасте до 16 лет, получающих социальные пенсии: в 1980 г. государство поддерживало 53 тыс., в 2001 г. — 658 тыс. детей-инвалидов¹⁸².

Переход от советской к российской государственной системе обострил имевшиеся большие проблемы и привнес новые, и для большинства населения «социальная цена реформ оказалась невыносимой». Это не только обоснованное заключение научной элиты России, но и «неблагоприятное состояние здоровья матери и ребенка в России как результат сложных социально-демографических и политико-экономических процессов, происходящих в стране»¹⁸³, — отмечает и Всемирная организация здравоохранения. Она объективно отодвинула Россию на 130 место (из 191) по состоянию здоровья населения, поскольку «большинство населения в силу известных финансовых проблем не получает достаточной медицинской помощи. В стране колоссальная поляризация по затратам на лечение богатых и бедных, отсутствует принцип солидарности в перераспределении средств»¹⁸⁴. Пока еще по показателю «уровень здоровья нации» Россия держится на 69 месте и только потому, что разрыв в доступности к лечению наметился только с 1991 г. и он еще не успел сказаться на здоровье населения в целом. Но вряд ли стоит относиться оптимистично к прогнозам на этот счет. Российское правительство должно «простые» семейные вопросы поднять до государственного уровня, исходя из имеющегося опыта охраны материнства и детства, накопленного страной. Для этого необходима разработка демографической политики, направленной на стимулирование рождения в семье второго ребенка, формирование культа семьи и усиление заботы о беременным женщинам. За 1990—1998 гг. число детей, родившихся вторыми и последующими, сократилось почти вдвое, а их доля в ежегодном числе рождений уменьшилась на 40%. Каждая шестая семья в России бездетна, а в двух третях семей воспитывается по одному ребенку. И хотя двухдетная семья не решит демографическую проблему России, о стабилизации ситуации можно уже констатировать. Критикуемая сегодня советская действительность на государственном уровне поощряла рождаемость, и социальная и финансовая преемственность в этом вопросе должна быть продолжена. К этому следует присоединить и очень трудную в современных условиях задачу формирования культа семьи или возвращение к традиционным российским представлениям о семье и ответственности перед ней. Уверенность в завтрашнем дне и опора на свою семью у старшего поколения (матери, родившиеся в 1950—1960-х гг. и заканчивающие репродуктивную деятельность в настоящее время) привела к тому, что четверть из них родили одного ребенка, ПОЛОВИНА — двоих, 17—18% — больше двоих

и только 6–7% не имели детей по причине бесплодия¹⁸⁵. Способствовали этому бесплатная медицинская помощь и система социального обеспечения. Существующая в современной России система пособий и дотаций на детей не обеспечивает семьи с детьми средствами на их содержание и воспитание. У подавляющего большинства семей их доля не превышала в конце 1990-х гг. 5–10% совокупного семейного дохода, при этом в денежном эквиваленте они составляли 4–5% в сравнении со средней заработной платой при хронической задолженности по ее выплате, превысившей к 1998 г. сумму в 20 млрд руб. В некоторых регионах детские пособия не выплачивались свыше полугода¹⁸⁶. Отчаявшиеся женщины в 1998 г. писали во власть: «За счет детских пособий крутят как хотят. Были мы по организациям, теперь передали все документы в райсобес. Теперь никто не знает. Один ответ — денег нету... Мы все в деревне малоимущие... Хоть живьем ложись и умирай. Сегодня мы у главы района говорили: пойдем войной. Приведем детей голых и босых и бросим их вам в кабинете — что хотите, то и делайте с ними. До каких пор будут издеваться над нами и нашими детьми?!»¹⁸⁷. Дошкольная воспитательная сеть сократилась, заметно меньше стало матерей, желающих определить своего ребенка в ясли или садик, прежде всего по причине высокой оплаты. Постепенно ликвидируются и перепрофилируются летние лагеря отдыха для детей школьного возраста, а из-за высоких тарифов на железнодорожные и авиабилеты и стоимости путевок на санаторно-курортное лечение большинство семей проводят свой отпуск в городе или близлежащем дачном участке. На вопрос, какова современная демографическая ситуация в России, 96% респондентов в 2000 г. ответили, что «неблагоприятная», и только 4% «не видели пока оснований для пессимизма». Главным направлением демографической государственной политики две трети опрошенных считали «улучшение материальных и бытовых условий жизни» и затем поощрение рождаемости, предупреждение заболеваемости, заботу о здоровье населения, укрепление института семьи и регулирование миграционных процессов¹⁸⁸.

Казалось бы, в деревне жизнь проще и размереннее, все дети находятся на виду (но безнадзорно!) у всего села, хотя и «природных» соблазнов и развлечений здесь много больше городских. Обычное явление, когда дети предоставлены сами себе. Они больше болеют, травмируются, меньше лечатся, часто и потому, что больница далеко от дома. Для многих из них посещение школы связано с многокилометровым ежедневным походом за знаниями — в любое время года и в любую погоду. Это отрицательно сказывалось на детском здоровье. Количество сельских ребят, не посещавших школу по болезни, в несколько раз больше, чем в городе. В 1969 г. в Вологодской области не учились в школе и не получили образование по причине

болезни: в городе — 19 детей, в деревне — 91¹⁸⁹. Типичный рассказ о школьных буднях: «Не учеба, а одни мучения наших ребят. В прошлом году сгорела начальная школа. Детей учили на частной квартире. Сейчас возим их за 7 км в дер. Себякино. Ребят будим в 6 утра, возвращаются они в 16–17 часов. Голодные, мокрые, а зимой обмороженные, часто болеют. Так было в прошлом году, так и ныне. Грязь, слякоть, лошади не могут везти в такую погоду. Обращались в правление выделить транспорт, нам отказали»¹⁹⁰.

Медицинское обследование детей оставалось одной из главных и нерешенных на селе проблем деревенской жизни. При отсутствии коммуникаций и транспорта поездка в районную больницу не всегда была возможна. Сельские лечебные учреждения зачастую отсутствовали, не хватало и специалистов. Из села Афанасьевка Ульяновского района Калужской области жители писали (1979): «С июня 1978 г. у нас нет медработника. Наше село в 27 км от района, автобусного сообщения нет. Если заболел человек, то везут на открытой грузовой машине, а ребенка так везти просто преступление»¹⁹¹. За 1960–е гг. число больничных коек для детей несколько уменьшилось: с 99 до 92 на 10 тыс. населения. Количество педиатров возросло с 64 тыс. до 83 тыс. и составило 6 специалистов на 10 тыс. человек. Эти данные оказались ниже установленных медицинских нормативов¹⁹².

Дефицит на селе врачей вел к запущенности болезней у сельских жителей. В материалах комиссии по здравоохранению за 1980 г. констатировалось, что больные из сельской местности поступали в детскую городскую больницу г. Вологды в крайне запущенном, тяжелом состоянии. Представление об этом дают сравнения расходов медикаментов для больных. Так, если в отделении реанимации в сутки на одного больного ребенка, поступившего из города, расходовалось в среднем медикаментов на 3 руб. 60 коп., то для лечения детей, поступивших из села, приходилось расходовать 30 руб. в сутки¹⁹³.

Селянки, имевшие детей, часто не получали поддержки руководства хозяйствами для их нормального семейного воспитания. Прежде всего это выражалось в организации дошкольного воспитания, школьного обучения и медицинского обслуживания. Пятая часть работниц совхозов и шестая часть колхозниц отмечали равнодушие руководства к их проблемам, связанным с воспитанием детей, а 3–4% отмечали негативное отношение к работницам, имевшим детей. Тем не менее отношение деревенского руководства к семейным женщинам было лучше: рабочие и служащие имели больше претензий к своему начальству¹⁹⁴. В условиях села простота и доступность общения позволяли решать многие проблемы, связанные с детьми, полагаясь на родственников, друзей, соседей, а знание друг друга с детства располагало к доброжелательному отношению и к

бывшим одноклассникам, которые становились, как считала деревня, «своими». И потому, с одной стороны, в селе было труднее уволить или не принять на работу в нарушение законодательства знакомую с детства соседку, а с другой — слабое знание, а часто и полное незнание законодательства приводило к полновластияю начальства.

Таблица № 37

Мнение женщин, имеющих детей, об отношении к ним администрации предприятий (в % к числу опрошенных)*:

	Так же, как и к остальным	Лучше, чем к остальным	Хуже, чем к остальным	Безразлично
Женщины, имеющие детей				
до 7 лет	60,8	12,5	6,6	20,2
от 7 до 16 лет	61,3	13,0	5,4	20,3
от 16 до 18 лет	61,3	14,6	5,0	19,2
Рабочие				
до 7 лет	61,0	10,8	6,7	21,4
от 7 до 16 лет	61,4	11,4	5,6	21,4
от 16 до 18 лет	61,8	13,9	5,1	19,3
Рабочие совхозов				
до 7 лет	64,0	10,8	4,3	21,0
от 7 до 16 лет	62,8	11,0	3,9	22,3
от 16 до 18 лет	62,2	12,7	3,2	21,9
Колхозницы				
до 7 лет	66,6	13,1	2,6	17,8
от 7 до 16 лет	66,3	13,1	1,6	19,0
от 16 до 18 лет	66,5	14,5	1,4	17,6
Служащие				
до 7 лет	59,1	13,5	7,5	19,9
от 7 до 16 лет	60,1	13,9	6,2	19,7
от 16 до 18 лет	59,3	15,3	6,1	19,3

* По результатам социологического опроса, проведенного в СССР в 1990 г.

Источник: Вестник статистики. 1991. № 2. С. 57.

Нередко руководители предприятий и учреждений нарушали статью 35 Кодекса законов о труде РСФСР, которая запрещала расторжение трудового договора по инициативе администрации без согласия местного комитета профессионального союза. Часто не соблюдался и закон о преимущественном пра-

ве оставлять на работе рабочих и служащих, имеющих высокую производительность труда, квалификацию, учитывая при этом их семейное положение. По сокращению штатов чаще необоснованно увольняли женщин, в том числе беременных или имевших малолетних детей. Они не мирились с нарушениями законодательства и находили правду в судебных органах. В Вологодской области в 1979 г. 58 уволенных работниц обратились в народный суд с исками о восстановлении на работе. Часто это было тяжелое производство, и тем более женщины стремились сохранить за собой возможность здесь трудиться, поскольку получали более высокую зарплату. Проработавшая без замечаний на предприятии свыше 10 лет и имевшая на своем иждивении двоих малолетних детей, незаконно уволенная Л.А. Федотова вернулась к прежней работе в механизированную автоколонну, отстояв свои права в суде. Фиксировались случаи, когда руководители предприятий и учреждений в нарушение требований статьи 170 КЗоТ РСФСР отказывали в приеме на работу беременным женщинам. Нередко администрация заставляла писать работниц заявление об увольнении по собственному желанию¹⁹⁵.

Экономическая реформа, переход предприятий и организаций на хозрасчет и самофинансирование, бригадный подряд еще больше обострили проблему охраны прав и интересов работающих женщин. Периодическая печать пестрела фактами незаконных увольнений беременных женщин, матерей, имеющих маленьких детей, принудительного перевода женщин на неполный рабочий день и других нарушениях трудового законодательства. Типичную ситуацию поведала редакции журнала «Сельская новь» совхозный ветеринарный фельдшер из Бурятии С. Цыренова. Работу по специальности после возвращения из декретного отпуска ей «пришлось» поменять на заведование ветеринарной аптекой, с зарплатой вдвое ниже. Отказ в просьбе занять освободившееся место ветеринара одинокой матери был мотивирован «наличием у нее малого ребенка и старого отца»¹⁹⁶. Потребовалось вмешательство прессы, чтобы ветеринар получила законное право работать по специальности.

Работники отделов кадров под разными предлогами не принимали на работу женщин с детьми, а также девушек, которые в перспективе могут стать матерями. Постепенно складывался стереотип восприятия женщин как ненадежных работников. Даже такая льгота, как право ухода на пенсию на пять лет раньше мужчин, стала ныне для женщин дискриминирующим их правилом. Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 4 февраля 1988 г.¹⁹⁷ и постановлению ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС от 22 февраля 1988 г. «Об обеспечении эффективной занятости населения, совершенствования системы трудоустройства и усилении социальных гарантий для трудящихся»¹⁹⁸ администрация получи-

ла право прекращать по своему усмотрению, с согласия профсоюзного комитета, трудовые отношения с работниками, достигшими пенсионного возраста, и, следовательно, увольнять женщин с работы, даже против их желания, на пять лет раньше, чем мужчин.

Нарушение трудового законодательства в отношении женщин стало еще более распространенным явлением при переходе к «радикальному реформированию» экономики России. В условиях безработицы и возможности широкого выбора руководством предприятия работников беременные женщины «заменялись» на других специалистов под разными предложениями или по их «собственному желанию». Такие нарушения трудового законодательства оказались столь типичны, что о них, а также о борьбе за свои права женщин государственных организаций на государственном уровне прямо говорилось 9 сентября 2003 г. в докладе Федеральной инспекции труда Министерства труда и социального развития среди широкой общественности¹⁹⁹.

Многие родители не знали собственные юридические права. Введение отпуска по уходу за ребенком, больничного листа при болезни детей мужчине для значительной части семейных пар явилось новостью, которую они узнали не на предприятии, где работали, не в детской поликлинике, а, например, при проведении социологического обследования, участником которого они случайно стали.

Как показал опрос в г. Рыбинске, лишь пятая часть мужчин и женщин знали эту законодательную норму, а треть родителей пребывала в уверенности, что такой отпуск может взять только мать.

Таблица № 38

**Распределение ответов на вопрос
«Кто по закону может использовать отпуск по уходу за ребенком?»
(в % от числа опрошенных)**

Ответ	Мужчины	Женщины
Только мать	33,6	37,5
Мать или отец	34,2	33,7
Любой родственник	20,3	22,8
Не знаю	11,9	6,0
Итого	100,0	100,0

Источник: Права женщин в России: исследование реальной практики их соблюдения и массового создания (по результатам анкетного опроса). М., 1998. Т. 1. С. 252.

Мужчины недостаточно осведомлены о проблемах, которые возникают у работающих родителей, имеющих маленьких

детей. Треть опрошенных мужчин ничего не знала о практике предоставления на их предприятии отпуска по уходу за ребенком и о бюллетенях по уходу за больным ребенком (среди женщин таких 14%), а половина — о гарантиях возвращения на рабочее место после отпуска по уходу за маленьким ребенком (среди женщин — 20%)²⁰⁰.

Знание своих прав и возможность ими воспользоваться в данном случае особенно важны, поскольку из-за частых болезней детей потери рабочего времени, связанные с уходом за ними, составили в 1988 г. более 230 млн человеко-дней, т.е. по этой причине не работали 800 тыс. человек²⁰¹. За редким исключением, это были женщины.

Социальная программа развития села предусматривала наличие дошкольных детских учреждений. Детские сады и ясли строили за счет государственного бюджета, активное участие в строительстве принимали и колхозы. Экономически крепкие хозяйства сооружали детские учреждения, хорошо оборудовали их, направляли в них подготовленных воспитателей. Остальные хозяйства пользовались любыми помещениями для привлечения детей на время работы родителей. Нередко детские сады и ясли организовывались лишь на период посевной и уборочной. Это вынуждало женщин брать с собой в поле или на ферму маленьких детей, но только тех, кто работал недалеко от дома. За многие километры торопились сельские женщины домой проведать своих детей и покормить их, в том числе и грудных. Вот одно из писем: «У меня четверо детей — старшей дочери 8 лет, младшей — 4 месяца. За детьми смотреть некому. В колхозе нет ни яслей, ни детского сада. Муж работает на строительстве, я — в полеводстве. Каждый день в обеденный перерыв приходится ходить пешком по 10 км кормить грудного ребенка»²⁰².

Из-за неравномерного распределения финансов между городом и селом в пользу первого в начале 1950-х гг. 37% детей в возрасте от 3 до 7 лет, проживавших в городе, могли посещать детсады, тогда как в деревне только 7%²⁰³. В колхозах для детей-дошкольников организовывали детские летние площадки, где за ними присматривали. В 1955 г. только 30,4 тыс. детей посещали колхозные детсады, еще 523,7 тыс. — детские площадки²⁰⁴. На время летних полевых работ в колхозах развертывали сезонные ясли, которые в 1957 г. охватывали до 2 млн детей²⁰⁵. Точно определить количество сезонных детсадов и летних детских площадок трудно, тем не менее, в 1962 г. они охватывали более 1 млн детей²⁰⁶, т.е. дополнительно, но временно 10–12% детей колхозников и рабочих совхозов в возрасте от 3 до 7 лет. Только 40% колхозов СССР открыли у себя детские сады и детские ясли, причем половина их носила сезонный характер²⁰⁷. 3,8 млн детей в возрасте от 3 до 7 лет из 19,3 млн, или 20%, в 1962 г. посещали детские сады²⁰⁸.

В Нечерноземье в начале 1960-х гг. лишь 11% колхозов открыли детские сады и ясли. Большая их часть — это мелкие сезонные детские учреждения, работавшие в период уборочных работ. Стационарные детские сады и ясли практически повсеместно отсутствовали²⁰⁹.

Большинство сельских дошкольников оставались дома под присмотром старших родственников, в том числе подростков, а нередко без присмотра. Дети предоставлены сами себе. Если среди детей был кто-либо постарше — девяти-десяти лет, то он считался «нянькой» и был обязан следить за младшими. Во время сенокоса, например, в деревнях можно было наблюдать ватаги ребят самых разных возрастов во главе с такими «няньками». Они старались занять играми своих подопечных, а когда надоело быть на улице приходили всей компанией к кому-то из них в дом. Дети, предоставленные сами себе, часто проказничали. Вечером мать находила их уставшими и грязными, иногда они засыпали где попало²¹⁰. Бывали и несчастные случаи. В 1966 г. в «Сельскую жизнь» пришло письмо из колхоза им. Тимирязева Краснобаковского района Горьковской области, где рассказывалось о трагедии, случившейся в семье работников животноводческой фермы. Из-за отсутствия в селе детского сада дети были оставлены дома без присмотра. В результате пожара все трое — 4 года, 2 года и 6 месяцев — погибли²¹¹. Такие случаи единичны. Но даже если бы этот случай был единственным, трагедия не становится менее драматичной. Есть ситуации, которые можно и должно избежать. И организация детсада на период работы родителей — один из простейших способов уйти от трагедии. Из колхоза им. Калинина Мамыжского района Кировской области в 1969 г. женщины писали: «Вот уже 25 лет, как у нас нет детских учреждений. Женщины вынуждены брать ребят с собой на работу или запирать дома. Вот и растут они, как сорняки на задворках, дело доходит до трагедий. Сынишка комбайнера М., оставленный без присмотра, утонул в пруду, сынишка комбайнера Д. разжег костер и только по счастливой случайности не произошла беда. Председатель Л. распорядился отдать помещение детских яслей под ветлечебницу, забота о парнокопытных, видимо, выше, чем о детях колхозников. В коллективе не ведется никакой воспитательной работы, видимо, считают некоторые, что если колхоз сдал сверх плана лишний кусок хлеба и мяса, то люди в этом колхозе политически грамотны, сознательны»²¹². Не имея возможности оставить свой нелегкий труд на ферме или в поле, деревенские женщины вынуждены были трудиться на общее благо, отодвигая свое личное и подвергая риску оставленного дома ребенка. Тяжелые производственные условия умножались на беспокойство за своих детей.

Эта проблема оставалась острой длительное время. Решалась она медленно, что входило в противоречие с участием сель-

ских женщин в общественном производстве и не соответствовало требованиям деревни²¹³.

Сотни писем получали центральные и местные журналы и газеты от отчаявшихся родителей найти понимание у руководства хозяйствами с просьбой о помощи. «Наше село из года в год растет и благоустраивается, но остались в стороне забытыми дети. — Писали в редакцию газеты «Правда» в 1959 г. жители села Кичменгский городок Вологодской области. — Детский сад размещен в старом, непригодном для эксплуатации здании, на что имеется аварийный акт от сентября 1956 г. Вся площадь сада рассчитана на 75 мест, а помещается 140 человек, в результате в группах скученность, духота. Помещение холодное. В холода даже на кухне замерзает вода. Уборная и горшочная без канализации. Прачечная не отделена капитальной стеной, и поэтому во время стирки по всему зданию появляется смрадный запах и дети вынуждены дышать этим воздухом иногда целый день.

Несмотря на эти неблагоприятные условия для детей, родители считают себя счастливыми, что их дети находятся под наблюдением. Многие матери все рабочее время вынуждены переживать за детей, уходя на работу, оставляя одних дома под замком или вести с собой на работу. Детский сад расположен в одном конце села и большая часть детей вынуждена ходить за 2—3 км... Данное расстояние для ребенка 3—4-х лет, особенно в грязь и мороз, тяжело, не легче и матери с 2—3-мя детьми. Нас интересует, кто же запрещает создавать нормальные условия для наших детей и по чьей вине 140 человек вынуждены ежедневно находиться под угрозой обвала 2-этажного здания, которое держится только на подставках и скреплениях, разъезжаясь в разные стороны?»²¹⁴.

Нередко проводились «общественные рейды», выявлявшие неприглядную картину детсадовской жизни. Это и плохо отапливаемые помещения, где дети, «закаляясь», проводили день в шубах, шапках и валенках, как было в детском колхозном садике села Усениново Туринского района Свердловской области²¹⁵; и антисанитарные условия вследствие расположения детского сада между конюшней районного коммунального хозяйства и проезжей частью дороги, как в одной из деревень Вологодской области²¹⁶.

На протяжении 1960—1980-х гг. в среднем за каждую пятилетку вводилось детских дошкольных учреждений на 1,4—1,5 млн мест. Третью предполагалась для села. Колхозы России строили каждый десятый детский сад-ясли²¹⁷. Количество дошкольных учреждений увеличивалось медленно: с 22,8 тыс. в 1966 г. до 40 тыс. в 1989 г. Число детей, посещавших ясли и детские сады, за это время возросло почти в 2,5 раза, составив на конец 1980-х гг. 2258 тыс.²¹⁸ Свыше половины сельских дошкольников, проживавших в России, посещали детские сады и ясли, в

городе — три четверти²¹⁹. Остальные, как писали крестьянки, оказались «чужими» для колхозов и совхозов²²⁰. Многие дети при отсутствии родственников были предоставлены сами себе²²¹. Чаше же мать брала их с собой на работу, «чтобы беды не наделали дома одни», и они бегали по коровнику или сидели в конторе полный рабочий день²²².

Эта проблема оставалась острой длительное время. Каждый четвертый населенный пункт страны не имел детского сада. Значительная их часть располагалась в аварийных и требовавших капитального ремонта помещениях. Каждое четвертое дошкольное учреждение не было оборудовано водопроводом и центральным отоплением, треть — канализацией. Почти треть дошкольников воспитывались, а иногда и жили с понедельника по пятницу в таких детских заведениях.

Для работы в детских садах не хватало 62 тыс. человек педагогического персонала, 35 тыс. помощников воспитателей, 10 тыс. медицинских сестер, 7 тыс. поваров и 74 тыс. других работников. Прежде всего это объяснялось небольшой заработной платой, которая оказалась в 2 раза ниже, чем по народному хозяйству в среднем²²³.

Многие женщины не могли участвовать в общественном производстве из-за невозможности устройства ребенка в дошкольное учреждение. В 1980 г. 2254 тыс. заявлений родителей о помещении детей в дошкольные учреждения не были удовлетворены, в 1985 г. — 1576 тыс., в 1988 г. — 1875 тыс.²²⁴ Однако руководители хозяйств предпочитали приглашать студентов и рабочих городских шефствующих предприятий и учреждений, оставляя женщин «сидеть дома», чем заняться строительством детских дошкольных учреждений. Так было, например, в селах Березовка Усть-Коксинского района Горно-Алтайской автономной области Алтайского края, Русское Добрино Клявлинского района Куйбышевской области, Вассино Тогучинского района Новосибирской области, совхозе «Назимовский» Су-ньинского района Псковской области, где размещали «временно» прибывшую рабочую силу в помещениях строящихся детсадов и яслей. Уже построенные детские учреждения в селе Черновское Большеболдинского района Горьковской области, колхозе «Ленинский путь» Верховского района Орловской области, совхозе «Новодеревенский» Путятинского района Рязанской области также «временно» передавали под общежития, квартиры для колхозных и совхозных специалистов и гостиницы для приезжих²²⁵.

Социологические опросы 1980–1990-х гг. показывали, что одна треть горожанок и почти половина сельских жительниц предпочитали воспитание детей в дошкольных учреждениях²²⁶. На самом деле пользовались услугами детских дошкольных учреждений больше, и оставалось еще немало родителей, желающих устроить своих маленьких детей в детсады и ясли, в том

числе на всю рабочую неделю. Для многих родителей это было вынужденным. Низкий материальный достаток селян не позволял даже многодетным матерям-колхозницам или имевшим детей ясельного возраста оставаться дома. Но были и те, кто мог переложить заботу о ребенке на бабушку. Для других матерей возвращение на работу было обусловлено устройством ребенка в детские ясли или садик. Некоторым женщинам приходилось оставлять работу, поскольку место в дошкольном учреждении получить не удавалось, а администрация хозяйства в ответ на больничные листы и «дни за свой счет» грозила увольнением²²⁷. В других случаях, даже при наличии свободных ясельных мест, руководство детским учреждением по «рекомендации» администрации хозяйства не принимало детей, советуя, например, многодетной матери Л.А. Коробко из поселка Первомайский Свердловской области «сидеть с детьми до полутора лет», поскольку «никто ее на работе не ждет, затолкаешь своего ребенка в ясли и будешь не столько работать, сколько больничные листы нагонять»²²⁸.

Современные детские сады и ясли благоустроенные и с высококвалифицированным составом воспитателей способны обеспечить детям и воспитание, и обучение, и отдых, но доступны они очень немногим родителям, ибо плата за содержание в них очень высока и несопоставима с весьма условной и часто льготной денежной поддержкой этих заведений в советское время, когда государство брало на себя основные финансовые заботы о подрастающем поколении. Количество детских учреждений сокращается: только за 1990-е гг. почти вдвое при более чем двукратном уменьшении численности воспитываемых в них детей. В 2001 г. в сельской местности работало 22,1 тыс. детских дошкольных учреждений, которые посещали 900 тыс. детей. И если до 1990 г. включительно и в городе и в деревне мест в детских садах постоянно не хватало и они были перегружены, то в 2001 г. в сельских дошкольных учреждениях было занято лишь немногим более половины имевшихся мест²²⁹. Для очень многих семей недоступны не только элитные дошкольные учреждения, но и обычные сады и ясли вследствие высокой оплаты.

Приоритетным направлением деятельности советского государства всегда оставалось осуществление *всеобщего образования молодежи*. Начальное, неполное среднее, среднее обязательное обучение ВСЕХ детей — этапы развития системы просвещения СССР. В условиях Великой Отечественной войны правительство обеспечивало работу школ всеми возможными средствами. На разлинованных газетах и в старых тетрадях, в землянках и блокадном Ленинграде учителя не прекращали обучение, их подвижническая деятельность вызывала глубокое уважение окружающих.

Восстановительная послевоенная пятилетка для школ началась уже в 1944 г. В военные годы школьные здания «времен-

но» занимали госпитали, военные части, медицинский персонал и другие «сторонние организации», также, как Дом колхозника, контора Заготзерно...²³⁰ Заботясь о быстром налаживании школьного обучения, правительство в марте 1944 г. принимает постановление о возвращении «школьных помещений, используемых не по назначению», и оно энергично начинает претворяться в жизнь «под надзором Прокуратуры СССР». «Незаконно изъятые» здания оперативно возвращаются прежним владельцам, а выявленные «виновники волокиты» в «попустительстве беззаконию» в лучшем случае получали «взыскания по партийной линии»²³¹. Многостраничные тома прокурорских проверок свидетельствовали о государственной заинтересованности в решении важного вопроса, и перевод школьного здания в «стороннюю организацию» становился редким фактом²³². Забота о школьных помещениях была явно опережающей относительно внимания к учителю. Послевоенная прокурорская проверка зафиксировала «серьезные нарушения» в обеспечении сельского учителя «бесплатными квартирами с отоплением и освещением», как то предписывало постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 10 июня 1930 г. «О льготах квалифицированным работникам в сельской местности и рабочих поселках». Местные власти нередко и не предоставляли квартиры и не оплачивали коммунальные услуги, не занимались ремонтом жилья. В 1946 г. «некоторые учителя освобожденных районов жили в землянках»: в Великолукской области — 39 семей, Брянской — 56, Псковской — 31, Калужской — 98. Практика проживания на частной квартире являлась обыденной. В Новосибирской области 1840 учителей снимали жилье, из них 110 преподавателей проживали в «совершенно непригодных для жилья комнатах», а 270 — «занимали углы комнат частных квартир». Ситуация оказалась типичной и для Челябинской, Ростовской областей, Мордовии... Учителям приходилось селиться в школьных интернатах, бане или подвале («бывшем свиарнике») — «исключительно сыром, темном подвальном помещении размером 8 кв. м, с низкой температурой», как учительнице из Чувашии — матери троих детей, «которые заболели, а старшая дочь — туберкулезом легких». Многие учителя предпочли ходить на работу за 8–12 км. При этом местная номенклатура бесцеремонно выселяла сельских учителей «без предоставления жилплощади», а их квартиры занимали сотрудники НКВД, райкомов ВКП(б), исполкомов сельских советов... Были случаи, когда учителя оказывались «под открытым небом», где и «проживали с семьей несколько суток»²³³. Забота о топливе целиком являлась делом учителей и их семей. В Ярославской, Орловской, Вологодской областях они «вынуждены были собирать бурьян в поле, сами заготавливать топливо и возить его на себе, покупать его по высоким ценам на рынке или жить в неотапливаемых квартирах». В Астраханской облас-

ти, «не получив ни одного полена дров» и «чтобы не замерзнуть в своих квартирах», учителя ходили собирать за 5 км камыш. В Ростовской области школьные работники «топливо заготавливали сами»: рубили лес, складывали его в штабеля, нанимали подводы на «всю свою зарплату». При этом председатели сельсоветов «не считали себя обязанными заниматься этим вопросом». Некоторые учителя «просились к колхозникам приготовить себе пищу», а учительница из Тамбовской области (школа имени «13 Октября» Каменского района) за неимением дров «сняла доски с кровати, чтобы приготовить пищу себе и ребенку». За «самовольную порубку леса» или «хищение угля из шлака» учителей привлекали к ответственности, но «как учительниц — отпускали»²³⁴. Правительственные решения, строгие прокурорские проверки были направлены на улучшение жизни послевоенного учительства, но выполнение «правильных» постановлений во многом зависело от местной власти. В некоторых регионах, например в Удмуртии и Калужской области, учителя получили возможность по государственным закупочным ценам приобрести коров, коз, поросят, местные власти способствовали выделению кредитов на обзаведение хозяйством, оказывали семьям школьных работников безвозмездную помощь. Колхозы помогали в организации огородов, вспашке земли, обеспечивали семенами... Работая за неоплаченные хозяйством трудодни, колхозники традиционно с большим уважением относились к сельскому учительству, и простые деревенские женщины делились тем немногим продовольствием, что имели сами, разделяя все вместе тяжелую послевоенную действительность. Заработная плата сельским учителям постоянно задерживалась, она была установлена ниже, чем работавшим в городе, и на них не распространялись льготы городского жителя. И тогда за перо взялся учителя-фронтовики, отправив в 1946 г. анонимное письмо Прокурору Советского Союза (правда, по стилю чувствуется рука мужчины и неучителя). «Очень Вы будете удивляться или даже возмущаться авторам этого письма, — писали из сельской глубинки. — Из-за такой мелочи лезут, мол, к такому лицу, как Прокурор СССР. Нахалы и только. Напрасно. В конце концов надо испытать эту инстанцию всем остальным (Профсоюз, Министерство просвещения, «Учительская газета», «Правда» и т.д.). До таких мелочей нет дела или просто не хотят этим заняться... На промтовары для сельских учителей существует накидка на 250%, т.к. эти промтовары идут в сельскую местность, откуда надо выкачивать дензнаки. Получается, учитель города получает промтовары в 2—3 раза дешевле сельского учителя. И потому, что учитель села живет в ... селе, а учитель города в ... городе. Промтовары учитель села получает по цене рыночной. Поэтому многие товары он не берет. Керосин и то для сельского учителя стоит 2 руб. 70 коп. за кг, а в городе —

70 коп. Выходит, сельский учитель какой-то спекулянт, у которого надо выкачивать излишки дензнаков. Снова какое-то недоразумение, равное вредительству. А что учителю дают? Цветастые платки, рабочие ботинки размера 43—45 номера. Ни хорошего мужского костюма, ни хорошего женского платья. Дают какую-то заваль. Неужели по этому вопросу надо обратиться к господам Трумэну и Черчиллю? Но нам кажется, что в конце концов на эти “мелочи” обратят внимание, и у нас обойдется без посторонней помощи»²³⁵. Как свидетельствовали материалы прокурорской проверки 1946 г. по анонимному письму, «учителя сельских школ действительно получают промтовары по ценам сельской местности, которые значительно выше цен нормированного снабжения, действовавшего в городах». В решение вопроса вмешалось Министерство просвещения СССР, неоднократно обращавшееся в ВЦСПС и Совет Министров РСФСР, но в удовлетворении ходатайства ему было отказано. Вставшая на защиту интересов сельского учительства прокурор Отдела общего надзора Прокуратуры СССР младший советник юстиции Попова констатировала «несправедливость ситуации»²³⁶, которая полностью разрешилась лишь с отменой в 1947 г. карточной системы.

Перестройка и «шатания» современной системы образования привели к декларативному провозглашению, вернее, подтверждению среднего всеобуча. Фактически ответственность за его несуществствие никто не несет. Материально-техническое состояние значительной части обычных общеобразовательных школ, особенно сельских, нуждается в серьезном качественном улучшении, и речь идет даже не о компьютеризации и укреплении базы для занятий спортом, а об элементарной противопожарной и технической безопасности школьников и педагогического коллектива. «Школьные» пожары, к сожалению, оказались возможным явлением, а последующие проверки готовности учебных заведений к новому учебному году по-прежнему фиксировали нерадивость чиновников, полную безответственность и остававшуюся угрозой для жизни многих детей школьного возраста.

Все советское время общеобразовательная система доказывала на деле всеобщий принцип обучения всех детей независимо от места проживания и материального обеспечения семьи. Для этого организовывались интернаты и пришкольные интернаты, осуществлялся подвоз детей из отдаленных деревень, и к началу 1990-х гг. в целом проблема была решена. Во многих деревнях уже в XXI в. родители вновь обеспокоились невозможностью обучения детей в школе своего или близлежащего селенья и вновь стали обращаться, часто безрезультатно, к властям. Из кубанской станицы в 1999 г. Е.А. Гусева писала «во власть»: «Мои дети ходят пешком в школу. У председателя отговорка — нет бензина, некоторые дети из-за этого не посещают школу, т.к. в 6 км находится школа, детские вовремя не

выплачиваются, царит беспредел. С каждым годом жизнь становится ужасной, у меня 3 детей, их надо обуять, одеть, накормить. Выживаем за счет родителей, хозяйства... Детские не выплачиваются. Один раз дали мукой, нечем платить за коммунальные... Когда мои дети будут жить в достатке, обретая спокойствие?»²³⁷. Многие дети в Хабаровском крае не посещали школу, поскольку не имели соответствующей одежды и обуви. На помощь приходили Благотворительные фонды, взявшие на себя заботу о тысячах первоклассников. В российской глубинке большинство полагалось на свой скромный семейный бюджет. Нередкое явление непосещения школы стало предметом правительственной заботы, и советская школьная традиция подворной переписи школьников вновь приведена в действие: выявлять необучающихся детей и помогать им получать среднее образование.

Серьезные трудности в работе сельской школы были связаны с чрезмерным включением учащихся в производственную жизнь колхозов и совхозов. Дефицит рабочих рук заставлял руководителей хозяйств обращаться за помощью к школе. Не только во время каникул и часов, отводимых для практики и производственного обучения, но и в учебное время школьники трудились на колхозных и совхозных полях. Это влекло за собой сокращение обучения в некоторых сельских средних школах до 8–8,5 лет²³⁸. В ряде регионов страны, как, например, в Якутии, партийное руководство в лице секретаря Намского РК КПСС считало, что «следовало бы перенести постоянно на один месяц начало учебного года, чтобы молодежь имела возможность больше участвовать в производстве сельскохозяйственной продукции колхозов и совхозов». И это не единичное мнение: эту же точку зрения разделял и директор сельской школы из станции Горная Ростовской области. Причем такие письма-обращения публиковались центральной прессой. Простой способ решения проблем нерадивых колхозов за счет школьников! Обращения в ЦК КПСС по данному вопросу возымело действие: школьники, учащиеся ПТУ, техникумов и студенты получили такую возможность — учебный год был сокращен, правда, не на месяц, а на 15 дней²³⁹.

Итогом производственной помощи хозяйствам стало снижение именно на селе уровня подготовки молодых людей, что впоследствии лишало их возможности дальнейшего получения образования.

Обычное дело для села — проживание ребенка в пришкольном интернате в течение учебной недели. Большинство таких интернатов были мало приспособлены для жизни детей: во многих не было центрального отопления, водопровода, канализации, холодильников для хранения продуктов. Нередко они располагались в аварийных зданиях. В России из 525 проверенных пришкольных общежитий около 90% располагались в ста-

рых деревянных строениях, требовавших капитального ремонта²⁴⁰. Однако и «благополучные» с точки зрения организации быта и воспитания детей не вызывали желания жить в них ни у школьников, ни у их родителей. Но жить приходилось. Интернат при Передской средней школе Боровичского района Новгородской области, как справедливо писала «Крестьянка», должен был заменять детям родной дом, а не выглядеть, как гостиница для приезжих. Тем не менее бывавшая в нем от редакции корреспондент так описывала его внутренний распорядок: «Зашла я в спальню девочек. Стоят в ней пять солдатски заправленных коек. Ни коврика на стене, ни вышивок, хотя о школьницах мне говорили как о хороших рукодельницах. Окна без занавесок, тумбочки завалены книгами, лампочка без абажура — унылый, казенный вид».

Жаловались девочки и на то, что в интернате нет комнаты гигиены. Даже умыться приходится в коридоре, около кухни.

«Да и на нас самих посмотрите. Не очень-то опрятными выглядим мы. Почти на всех помятые платья. Живем мы от дома далеко, ходим к родителям только раз в неделю, по субботам. Платья несем в узелках. В дороге они мнутся, а погладить их в интернате нет возможности. Был раньше электрический утюг, но испортился», — рассказывали ученицы Передской средней школы, жившие в пришкольном интернате²⁴¹.

К концу 1980-х гг. в целом по стране в 16,7 тыс. пришкольных интернатах проживало 464,3 тыс. учащихся. Свыше 11 тыс. детей не были обеспечены местами в общежитиях и вынуждены были ходить в школу пешком более чем за 3 км. Большая часть этих детей жила в деревнях Российского Нечерноземья²⁴².

Иногда родители пристраивали своих детей на частную квартиру. О воспитании как о таковом в этих случаях говорить не приходится. Фактически вне школы дети были предоставлены сами себе. Но родители, желая остаться в деревне, шли на это, хотя и жизнь в пришкольном интернате и доставка детей в него дважды в неделю оценивалась большинством их отрицательно. Руководство колхозов и совхозов не утруждало себя подвозом школьников даже два раза в неделю: до школы и домой. В Велижском районе Смоленской области дети жили в пришкольном интернате, но дважды в неделю проделывали 15-километровый путь от школы домой и обратно «по колено в грязи», несмотря на наличие в колхозе транспорта²⁴³. Ситуация привычная, особенно для бездорожного мелкопоселенческого Нечерноземья²⁴⁴. Социологические исследования, проведенные в 1989–1991 гг., выявили, что почти 90% родителей относились негативно к проживанию своих детей в школах-интернатах. Такое обучение, считали они, не создает условий, способствующих закреплению ребят в деревне, разобщает их с семьей, отлучает от земли. Хозяйство необходимо вести круглый год, а школьник, приезжающий домой, как правило, толь-

ко на выходные дни или на каникулы, не втянется в работу, не почувствует ее своим делом. За редким исключением, сельские жители поддерживали идею сохранения любой малокомплектной школы независимо от количества обучающихся в ней детей²⁴⁵.

Сельский учебный процесс в Нечерноземье строился таким образом, что значительная часть школьников за неимением школы в своей деревне либо привозилась на занятия, на что уходил весь день, либо вообще жила вне дома: в интернатах, на частных квартирах. Здесь шла речь уже не только о полноценном семейном воспитании, но и просто об элементарном присмотре за детьми. Хотя обследования бюджета времени колхозниц указывают, что женщина-селянка занималась ребенком по 20–30 минут²⁴⁶ ежедневно, фактически она видела его еще реже. Это влекло за собой безнадзорность, что являлось нередко причиной подростковой преступности. Отсутствие возможностей и времени на воспитание часто кончалось трагически. Жизнь воспитывала по-разному. Обследования, проведенные в Вологодской области в 1960-е гг. показали, что до 80% преступлений несовершеннолетних связано с их безнадзорностью²⁴⁷. Часто отсутствие отца, занятая на работе мать, поездки и походы в школу за многие километры, иногда бедная и оторванная жизнь в интернате, практически полное отсутствие воспитания и в школе и дома — вот лишь некоторые причины, ставшие для многих главными — толкнувшими их на путь преступления. Тяжелые условия жизни, бедность, безысходность, неблагоприятная атмосфера окружения (распространившееся пьянство и полная ненужность), породившие удивляющее безделье молодежи, — это фон быта многих деревень. Безразличие всех и ко всем.

Сельская школа всегда была в деревне символом знания, притяжения и добрым советчиком для людей разных поколений. Сельский учитель имел высокий авторитет и нередко был доверенным лицом и близким другом своих учеников. Знание в деревне высоко ценилось всегда. Большинство родителей, даже не имевших хорошего образования, а иногда закончивших лишь начальную школу, стремились дать своим детям максимально возможное образование²⁴⁸. Деревенская школа выполняет важную социальную функцию, и ее закрытие, как правило, ведет к переезду большинства семей с детьми в другие места. Российская школа в своем большинстве всегда была малокомплектной, но правительством возможными средствами удерживало необходимый уровень ее приближенности к населенным пунктам, хотя и не всегда достаточный, сохраняя маленькие сельские школы, которые часто называли «гувернерскими пунктами» из-за малочисленности учащихся. Сокращение финансирования на социальные нужды коснулось в первую очередь сельского строительства. За 1990-е гг. количество сельских днев-

ных общеобразовательных школ сократилось на 3,3 тыс. Это было связано с отсутствием возможностей у местной власти содержать маленькие сельские школы для нескольких учеников, что широко практиковалось в советское время, и практически полным отказом от строительства новых. Количество учащихся в общеобразовательных школах села не уменьшилось, а даже несколько возросло: 1990 г. — 5797 тыс., 1995 г. — 6375 тыс., 2000 г. — 6245 тыс. и 2001 г. — 5892 тыс. Из-за закрытия малокомплектных школ и концентрации ученических мест в крупных населенных пунктах 633 тыс. сельских учащихся занимались во вторую смену (10,3%), а 5,7 тыс. — в третью²⁴⁹. Резко ухудшилось техническое состояние сельских школ: 6% зданий в 2000 г. были признаны аварийными, но в них продолжали обучаться 528 тыс. учащихся. Каждая третья деревенская школа нуждалась в капитальном ремонте, посещали эти учебные заведения еще 2852 тыс. детей²⁵⁰. Черда пожаров в российских школах печально подтвердила эту статистику. Ужесточенные проверки, в том числе и прокурорские, выявляют тревожную картину состояния современной школы: к началу 2004 учебного года почти пятая часть школ в противопожарном отношении оказалась не готова к приему учащихся. Правительство поставило школьный вопрос одним из приоритетных в своей деятельности.

Сельская школа была и остается единственным образовательным и профессиональным учреждением в деревне. Обучение в системе профессионально-технического и специального образования связано с отъездом из дома, который, как правило, поощрялся семьей. Из военной голодной деревни матери стремились отправить детей учиться в ремесленные училища или школы фабрично-заводского обучения, где, как им казалось, будет обеспечена для сельской молодежи профессиональное устройство и сытная жизнь. Так во всяком случае описывал положение в школе ФЗО № 21 г. Москвы ее директор, чье учебное заведение подверглось прокурорской проверке в 1945 г.: «Условия жизни в школе ФЗО нормальные. В общежитии тепло, полностью всем ученикам выдано обмундирование, питаются по установленным нормам для РУ и ФЗО, производственной практикой обеспечены»²⁵¹. Однако адаптация к новой городской жизни проходила для очень многих трудно, а для некоторых тоска по дому и родной деревне становилась непреодолимой, и они «убегали» из школ и училищ, невзирая на суровость действовавшего советского законодательства в условиях военного времени, определявшего их как «дезертиров» по действовавшему Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г., устанавливающего уголовную ответственность за самовольный уход с предприятия (учреждения) и за прогул без уважительных причин и отмененного лишь в 1956 г. Только в Московской школе ФЗО № 21 ее директор

требовал возбуждения уголовных дел в отношении 22 учеников²⁵². Некоторые из молодых людей были «мобилизованы» в систему профобучения «недобровольно», иные уезжали домой за продуктами и возвращались, но суровость закона, по мнению директора школы ФЗО № 21, должна касаться всех в одинаковой мере. И в январе 1945 г. в связи с Указом 1940 г. было возбуждено 28 уголовных дел, в феврале — еще 20 при возраставшем числе нарушителей²⁵³. Московские ремесленные училища и школы ФЗО находились в лучшем бытовом и производственном состоянии по сравнению с провинциальными, и потому «побеги» считались абсолютно необоснованными. Обычные же РУ и фабрично-заводские училища не привлекали сельскую молодежь, а тем более городскую, но «мобилизационные» планы верстались с расчетом на возрастающие приемы, а поток убежавших был много больше московского, и даже проверка Прокуратуры СССР признавала (частично) «серьезные недостатки в организации обучения и быта» учащихся, не оправдывая, но объясняя причины «побегов». В провинциальной школе ФЗО железнодорожного транспорта № 9, расположенной на станции Валуйки Курской области, учащиеся «общеобразовательный процесс» осваивали «на хозяйственных работах», «рытье погребов», «распиловке дров» для «частных лиц» (местного руководства), на что уходило до половины учебного времени, а остальное они тратили на поездки домой, так называемые самовольные отлучки²⁵⁴. Непривлекательное, ненужное «обучение» в ФЗО поддерживалось суровостью законодательства, но не становилось от этого престижным, а приобретало на многие годы вперед положение социально низкого, малоквалифицированного образования в стране, несмотря на последующие серьезные правительственные меры вплоть до придания ПТУ в 1969 г. статуса среднего учебного заведения. Поддерживать контингенты учащихся даже за счет сельской молодежи удавалось только в лучших ремесленных училищах и школах ФЗО. В целом при возраставшем спросе на рабочие кадры массовых профессий количество учебных заведений и число учащихся продолжало сокращаться. И если Москва могла пополнять ряды молодых рабочих за счет оргнабора из других областей (только в 1953 г. свыше 70 тыс.) и привлечения окончивших ФЗО в других регионах (еще 17 тыс. человек)²⁵⁵, то провинциальные училища и школы должны были работать в «усиленном» режиме по приему и подготовке кадров: для центра и для регионов.

Для деревни послевоенного времени одним из актуальных направлений кадровой политики становилось пополнение МТС квалифицированными кадрами механизаторов, которых готовили училища системы трудовых резервов. Высокая по деревенским меркам зарплата, неполная загруженность в сельском хозяйстве в течение года, не превышавшая в целом по СССР

70%²⁵⁶, возможность воспользоваться услугами МТС для собственного хозяйства постепенно повышали статус механизаторских кадров в глазах и молодежи и старшего поколения. При остром дефиците водителей, механиков, трактористов местные партийные организации добивались увеличения направления в подведомственный регион как можно большего количества подготовленных квалифицированных кадров и одновременно «наращивали темпы» зачисления в школы ФЗО и механизации²⁵⁷. Интересы государства и общества совпали, и система ПТУ в послевоенное время вполне могла оправдать свое назначение — готовить профессиональные кадры, но ни государственного внимания к этому вопросу, ни государственной финансовой и кадровой помощи оказано не было и образовательно-политический шанс возрождения профтехобразования оказался упущенным в 1950-е гг. В иерархии учебных заведений ПТУ прочно заняли последнее место.

Нечастые проверки положения дел в региональных училищах, предназначенных в основном деревенской молодежи, выявляли картину обучения и жизни, где нечему и не по чему научиться при отсутствии элементарных условий. Март 1954 г.: фронтальная проверка, организованная по поручению ЦК КПСС и охватившая училища механизации Прибалтики и Узбекистана, Украины и Белоруссии, Краснодарского края и Горьковской области, показала оборотную сторону «жизни и обучения» сельских парней, приехавших из «деревни в город». Многие здания училищ и общежитий были признаны аварийными: помещения не отапливались, окна были забиты досками, стены зданий имели трещины, в отдельных комнатах обвалилась штукатурка, «местами обвалился потолок», в других «стены покрыты слоем копоти и паутиной», а два угла — льдом или «стены и потолок покрыты ледяной коркой». Занятия проходили в неотапливаемых помещениях, где учащиеся «обучались» в верхней одежде, а температура воздуха не превышала +8 градусов. Не хватало учебной литературы, пособий по агротехнике, механизации... В общежитиях было холодно, сыро и грязно, отсутствовали освещение, столы, табуретки и вешалки для одежды, бачки для воды, постельное белье менялось нерегулярно. Нередко спали одетыми, «по два человека на одной кровати»; в некоторых общежитиях на 24 кв. м размещено было 46 человек, которые спали на «сплошных нарах»; на 15 кв. м — 10 человек, на 31 кв. м — 17 человек... В течение четырех и более месяцев! учащиеся ни разу не были в бане, распространился педикулез. Лишь каждый третий учащийся училищ механизации был обеспечен «нательным бельем, брюками, гимнастеркой и курткой», остальные одевались в привезенные из дома старые вещи²⁵⁸. Неудивительно, что результаты проверки длительное время хранились «засекреченными» для большинства властных струк-

тур разного уровня, но для деревни, ее жителей эти «секреты» были обычной жизнью их детей.

Школьная реформа 1958 г. подняла престиж профтехобразования, реформировав ремесленные училища и школы ФЗО и механизации в сельские и городские профессионально-технические училища. В 1969 г. ПТУ были «повышены» до уровня среднего учебного заведения. Все эти нововведения относились в первую очередь к деревне и были ориентированы на семьи с низким образовательным и социальным статусом. 38% матерей учащихся ПТУ, опрошенных в 1991 г. в Подмоскowie, имели образование в объеме 8 классов и ниже, 25% — общее среднее, 17% — среднее специальное и 4% — высшее. В семьях учащихся техникумов 16% матерей имели образование ниже 8 классов, 6% — среднее, 13% — среднее специальное и 4% — высшее. Предпочли обучение своих детей в средней школе 86% матерей с высшим образованием, 57% — со средним специальным, 54% — средним и 25% — неполным средним и ниже. Интересно, что отцы иначе относились к образованию детей. Обследование 1991 г., проведенное в Подмоскowie, выявило, что среди рабочих и сельскохозяйственных работников около половины мужчин стремились учить и учили детей в средней школе, 10% — в техникуме и 26% — в ПТУ. Неквалифицированные рабочие — мужчины также хотели учить детей в средней школе — 84%, а 6% — в техникуме и только 5% — в системе профтехобразования. Такого же мнения придерживались квалифицированные служащие, военные и специалисты с высшим образованием: за среднюю школу высказались — 75–80%, техникум — 5–16%, ПТУ — 5–10%²⁵⁹. Престиж образования в профтехучилищах оставался низким среди всех родителей. Именно поэтому система профессионального образования в ПТУ являлась серьезной проблемой для общества и с точки зрения формирования контингента учащихся, и с точки зрения обучения последующей профессиональной пригодности и востребованности.

Тяжелое послевоенное детство наиболее трудным и безрадостным было у детей, оказавшихся волей судьбы в детских домах. Оно оказалось даже много труднее, чем у тех, кто отбывал наказание в детских трудовых воспитательных колониях МВД СССР. Голод 1946–1947 гг. не обошел Вологодскую область. Продовольствия не хватало повсеместно, страдали деревня и город. Наиболее незащищенными оказались дети, воспитывавшиеся в детских домах. Понимая трудность этого положения, государство оказывало помощь детским учреждениям, но выделяемые средства были явно недостаточны, а система народного образования, финансировавшая их, была сама на остаточном бюджете. За выявление нарушений в системе детских домов взялась Комиссия партийного контроля при ЦК ВКП(б), которая в январе 1947 г. провела ряд прове-

рок по этим учреждениям, расположенным в Вологодской области. Картина выявилась критическая. В Тарногском районе комиссия обследовала работу четырех детских домов, два из них были предусмотрены для детей дошкольного возраста. Все они были рассчитаны на 249 детей, из размещавшихся там детей половина имели родителей, а 18% из них с материальной точки зрения были в состоянии воспитывать своих детей в домашних условиях — они были «максимально обеспечены» по оценкам того времени, но не хотели заниматься воспитанием детей. И дети оставались жить в детских домах. Учреждения были размещены в деревянных зданиях, требовали капитального ремонта, многие печи не действовали, семь из них следовало перекладывать.

Проверка фиксировала: «В 1946 г. не проведен капитальный ремонт зданий, в результате при низкой температуре в помещениях холодно. Дети от подъема до отбоя находятся в пальто. Освещение помещения неудовлетворительное (одна лампа на 25–30 человек). Несмотря на то, что во всех детских домах требуется проводить капитальный ремонт, сметы на их ремонт не составлены.

Недостаточно детские дома обеспечены твердым инвентарем: стульев ни в одном детдоме нет для полного количества воспитанников. В Заборском детдоме на 70 человек имеется только 28 коек, больше половины детей спят на полу.

Из мягкого инвентаря не имеется мягких подушек. Из одежды нет теплого белья, головных уборов (как зимних, так и летних) для всего количества воспитанников.

Освещение во всех детских домах, за исключением Ромашевского, керосиновое. Потребность в топливе до конца отопительного сезона составляет 375 куб. м дров. Заготовлено на период проверки 175 куб. м, подвезено к детским домам 70 кубометров.

Детские дома плохо снабжены учебниками “Родная речь”, даже такими письменными принадлежностями, как ручки, чернила. Недостаточно имеется спортивного инвентаря, лыж и салазок. Совершенно не имеется струнных музыкальных инструментов, настольных игр (лото, шашки, шахматы, домино).

В дошкольных детских домах нет игрушек. Детские библиотеки бедны — на 175 человек имеется 115 книг. Из культинвентаря в детских домах имеется 6 гармошек. Успеваемость учащихся за первую четверть: из 168 учащихся не успевало 41 человек, за вторую четверть из 102 человек не успевало 38»²⁶⁰.

Вызывали серьезные замечания питание детей и состояние их здоровья. Из общего количества воспитанников каждый десятый был ослабленным («с пониженной упитанностью»). Кроме того, двое были больны туберкулезным лимфаденитом, один — туберкулезом легких, плевро-хроническим отитом,

12 — гриппом, у двоих была обнаружена грыжа, половина воспитанников была поражена глистными заболеваниями²⁶¹.

Аналогичную картину комиссия партконтроля выявила и в Грязовецком районе Вологодской области. Из имевшихся здесь трех детских домов ни один не соответствовал элементарным санитарным и воспитательным нормам. Все они были переполнены воспитанниками, в результате чего в Юровском школьном детдоме дети спали по два человека на одной кровати. Здания учреждений деревянные, старой постройки, в нижних этажах было холодно. В морозные дни в классных комнатах при нормальном печном отоплении температура не поднималась выше 8°C. Подвоз топлива проводился силами детдомов, завезено на 15 февраля 1947 г. было менее половины необходимого. Обеспечение одеждой и обувью воспитанников с точки зрения комиссии было «удовлетворительным», поскольку не хватало только 30—40 пар валенок (а имевшиеся были малы, т.к. рассчитаны на дошкольников). Большинство воспитанников не имели рукавиц, шапок и теплых платков и по зимним морозам 25—30° ходили в школу. Освещение в одном детском доме оставалось керосиновое, дефицитом были ламповые стекла и лампы, поэтому дети выполняли уроки при коптилках. Снабжение продуктами — не лучшего качества — осуществлялось с перебоями, не хватало даже ржаного хлеба. Зафиксированы неоднократные случаи хищения продуктов обслуживающим персоналом, не говоря о том, что многие из них питались за счет продуктов детей и бесплатно.

Состояние здоровья многих детей вызывало опасения. Из-за плохого обеспечения одеждой до 90% воспитанников детдомов кашляли. Свыше половины (60%) детей были поражены глистными заболеваниями, из-за нерегулярного мытья в бане и отсутствия дезакамеры у некоторых обнаружен педикулез. 22 человека переболели коклюшем, шестеро были больны чесоткой. Недостаточное количество медикаментов, отсутствие витаминов, плохое питание приводили к ослабленности детей, они были «очень бледными».

Успеваемость в детских домах была низкой, до 20% детей школьного возраста не справлялись с учебной программой, отличников были единицы. Для этого имелись и объективные причины: отсутствие подготовленных воспитателей и учителей, учебников, пособий, школьно-письменных принадлежностей. Дошкольники не имели игрушек²⁶².

Проверки такого рода были очень действенными. Выявив многочисленные недостатки и нарушения, партийная комиссия предъявляла требования к ответственным организациям, обязывая их оказать практическую помощь детским учреждениям в Вологодской области²⁶³. И она оказывалась. Но большинство детдомов было вне внимания и интереса властей, решавших глобальные задачи, куда детские вопросы не включали-

лись, а дети жили и воспитывались по усмотрению и возможности каждого района и отдельно взятого учреждения и его руководителя.

Сравнительный анализ воспитательной системы показывал, что ей придавалось большое значение. Разные ведомства с разной степенью материальной обеспеченности в целом решали одну задачу — воспитания подрастающего поколения. Исправительно-трудовая система перевоспитывала очень многих из воспитанников детских домов, оказавшихся в ДТВК (детская трудовая воспитательная колония). Неналаженность первой системы (детдомов) увеличивала контингент второй (системы колоний). В Вологодской области в 1947—1948 гг. функционировала специальная детская колония для девочек, совершивших преступления, подпадающие в том числе под Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 декабря 1940 г. Из 320 воспитанниц, числившихся на 1 сентября 1947 г., большинство были в возрасте от 14 до 16 лет. Половина из них имели родителей. Проверка, проведенная в 1947 г. инструктором обкома КПСС по поручению первого секретаря Вологодского обкома КПСС В.Н. Дербинова установила:

«Санитарное состояние колонии удовлетворительное — в спальнях чисто, уютно, белье (постельное и нательное) постирано, баня и дезакамера работают регулярно. Тогда как во всех актах предыдущих проверок колонии (в октябре 1947 г. областной прокуратурой, в январе 1948 г. — инспекцией Управления МВД и в марте отделом детской беспризорности) отмечались грязь и наличие завшивленности в колонии.

Регулярно, раз в месяц, проводится медицинский (врачебный) осмотр воспитанниц. Преобладающее большинство девочек имеют чрезвычайно здоровый вид. Результаты проверки физического состояния воспитанниц от 23 мая следующие: из 252 чел. имеют здоровье I гр. — 108 чел., II гр. — 132 чел., III гр. — 12 чел., IV гр. — нет.

В стационаре колонии находились 3 больных туберкулезом, которые отправлены 29 мая в Вологду для специального лечения.

Все воспитанницы прилично одеты и обуты, имеют по 3 сменны белья и по 3 платья. К осени для каждой девочки сшиты стеганые фуфайки, шьются суконные зимние пальто.

Питание в колонии трехразовое — в соответствии с существующей дневной нормой на воспитанника: 600 грамм — хлеба, 95 грамм — мяса, рыбы, 75 грамм — крупы, 25 грамм — масла, 15 грамм — сахару, 500 грамм — овощей.

Воспитанники, выполняющие производственную норму на 125%, получают дополнительный паек: 25 грамм — рыбы, 5 грамм — масла, 15 грамм — сахара, 100 грамм — хлеба. При выработке производственного задания на 150% — дополнительный паек увеличивался вдвое.

Случаев хищения продуктов нет, так как закладка продуктов в котел и выдача пищи с кухни систематически контролируется дежурным по пищеблоку, дежурным воспитателем и воспитанниками»²⁶⁴.

Производственное обучение воспитанницы проходили в Красавинском льнокомбинате и кружевных и швейных мастерских. Все воспитанницы неплохо учились в школе и на второй год по результатам экзаменов было оставлено только 14 девочек.

В колонии проводились политинформации, беседы, доклады о международном положении на политические темы, проводилось обсуждение книг, раз в неделю воспитанницы посещали кинотеатр при клубе льнокомбината. Дисциплина у детей заметно улучшилась: прогулы уроков, рабочих часов, побеги и кражи практически прекратились. В качестве недостатков работы колонии инструктор обкома КПСС отмечал нехватку деревянных топчанов, в результате чего некоторым воспитанницам приходилось спать по двое, дефицит некоторых продуктов, например, картофеля, рыбы и «отсутствие должного внимания к художественной самодеятельности». Предлагалось «усилить» воспитательно-педагогический персонал специалистами с вузовским образованием, ликвидировать «грубость» в отношении воспитанниц ДТВК²⁶⁵. Условия содержания, даже приукрашенные проверкой, в колонии и условия жизни обездоленных родителями и государством детей существенно отличались и, к сожалению, не в пользу последних.

Тяжелые послевоенные годы уходили, но проблемы, связанные с воспитанием детей, оставленных родителями, или детей, чьи родители, были лишены родительских прав, решались по-прежнему в детских домах и школах-интернатах. Хотя количество этих специфических учебных заведений медленно, но сокращалось, число детей, проживавших в них, как правило, в очень приближенных к нормальным условиям, оставалось значительным. По СССР в 1980-е гг. функционировало свыше 700 детских домов, где воспитывались и учились 70–80 тыс. детей. В почти 300 школах-интернатах получали образование и профессиональную подготовку 65 тыс. учащихся²⁶⁶. Материальная база, педагогический состав, уровень воспитательной работы, за небольшим исключением, в большинстве этих учебных заведений был далек от требований времени «всестороннего развития личности». Именно в этих учебных заведениях, призванных помочь обездоленным судьбой и родителями детям, шло нивелирование личности, психологическое подавление индивидуальности, формирование в сознании собственной «второсортности». Лучшие, единичные, специальные общеобразовательные учреждения для этой категории детей, и в советское и в сегодняшнее время²⁶⁷ разрекламированные в СМИ, тем не менее не могли и не могут конкурировать с при-

нятыми в цивилизованном мире семейными домами, которые социально и финансово поддерживаются государством.

Генеральная Прокуратура России привела данные статистики за 1994 г., доказывающие несостоятельность системы интернатов: 40% молодых людей, вышедших из этих учебных заведений, становятся преступниками; 30% — это алкоголики и наркоманы, а 10% в течение первых трех лет после выхода из интерната кончали жизнь самоубийством²⁶⁸.

Принято считать, и не без оснований, что формирование криминогенной подростковой среды проистекает из неполных семей, в которых по разным причинам мать не справляется с задачами воспитания детей. Это относится и к неполным семьям, где дети рождены вне официально оформленного брака, и к распавшимся семейный парам.

Развод между бывшими супругами — это не только эмоциональный стресс для них, но и проблема оценки и выбора для детей. В СССР в 1989 г. почти 12% детей проживали в неполных семьях, не имея чаще всего отца, реже мать. В городских поселениях удельный вес таких детей заметно выше (14,1%), чем в сельской местности (8,2%). Среди союзных республик особенно высока была доля детей (13–19%), проживавших в неполных семьях в РСФСР; наиболее часто семьи распались вследствие разводов²⁶⁹. Во многих распавшихся семьях дети оказывались предоставленными сами себе. Крушение идеалов часто дорого обошлось и бывшим супругам и их детям (за исключением, конечно, случаев, когда развод с пьяницей-отцом считался в семье за благо). Половина разведенных пар сумели сохранить нормальные отношения, и отцы продолжали общаться с детьми; среди остальных (примерно поровну) бывшие супруги или не хотели (отцы) или препятствовали такому общению (как правило, матери). Для каждой пятой разведенной женщины потенциальный брак вызывал большие сомнения из-за опасений за судьбу своего ребенка²⁷⁰.

Дети по-разному реагируют на разрыв отношений между родителями. Для некоторых — это освобождение от бытового насилия и постоянного страха, для других — тоска по добрым отношениям и разрушенным семейным традициям... Как правило, мать старается всеми возможными средствами загладить свою вину, даже будучи невиноватой за отсутствие отца в семье, и компенсировать это в основном материальными ценностями и повышенным вниманием к своему ребенку.

Развод, как правило, не отражается на физическом развитии детей, что подтверждают специальные исследования²⁷¹, но психическое состояние таких детей нередко становится неустойчивым и требующим участия друзей, родственников, а иногда и медиков. В исследовании В.Я. Гиндикина²⁷² отмечается, что 1/3 обследованных детей с нарушениями психического развития воспитывались без отца. В исследовании А.И. Захарова²⁷³ та-

кие дети составляют 1/5 часть. Есть и более радикальные точки зрения: В.М. Борский, проводивший социологические обследования по данной проблематике, пришел к выводу, что число детей «здоровых во всех отношениях» в неполных семьях составило лишь 4%, тогда как даже в семьях, где наблюдался «скрытый распад семейных отношений», их было 60—70%²⁷⁴. Заметные различия этих данных говорят прежде всего о том, что в обществе сложился устойчивый стереотип восприятия неполной семьи, как «неполной» не только по составу, но и по воспитанию, образованию, социальным возможностям и нередко не без оснований. Но полная семья — отнюдь не главный залог и благополучного воспитания и хороших перспектив на будущее. Как построить свою семью и как складывается судьба ее членов — это не связано напрямую с подрастающими в ней детьми. Микроклимат в доме, характеры людей, возможности, в том числе материальные, формируют структуру взаимоотношений между ее членами, сколько бы их не было: двое или более.

Школа является общим и обязательным для всех детей социальным институтом, который позволяет определить степень их подготовленности к жизни в обществе. Обучение в школе предполагает не только общеобразовательную подготовку ребенка, но и усвоение им социальных норм общества. Именно в первые годы обучения в школе часто впервые обнаруживаются (особенно у детей, не посещавших детских дошкольных учреждений) отклонения от нормы в социальном или психическом развитии.

Школа предоставляет возможность сравнить всех без исключения детей по единому показателю — успешности обучения. Это сложный показатель, в состав которого входят успеваемость школьника и его поведение. Большинство исследователей, изучавших роль семьи в учебных условиях школьников, отмечают, что успеваемость детей, живущих в полных семьях, выше успеваемости детей из неполных семей²⁷⁵. По данным М.Г. Панкратовой, выделившей среди опрошенных ею школьников две крайние группы: «благополучных» — с хорошей успеваемостью и поведением и «неблагополучных» — с низкой успеваемостью и плохим поведением, в первой группе почти не было детей, живущих с отчимом или мачехой, но 40% жили без отцов; во второй группе треть детей имели неродных родителей. Главное различие между ними, по мнению известного социолога, «состоит не в структуре семьи и брачном статусе родителей, а в отношениях, сложившихся в семье»²⁷⁶.

Расходились мнения специалистов и о взаимосвязи асоциальности поведения, ведущего к правонарушению и преступности, с составом семьи. С одной стороны, имелись указания на то, что в «неполной семье вероятность того, что ребенок станет правонарушителем, выше, чем в полной, более чем в

два раза»²⁷⁷, с другой — утверждение, что «все более возрастает доля подростков-правонарушителей, воспитывающихся в семьях с двумя родителями»²⁷⁸.

Анализ специальной литературы по социализации детей в семье, проведенный Н.Г. Аристовой, и эмпирические исследования Сектора социологии семьи Института социологических исследований АН СССР не позволяют сделать однозначного вывода о влиянии структуры семьи на качество выполнения ею воспитательной функции²⁷⁹.

В 1980-е гг. ежегодно около 100 тыс. детей оставались безнадзорными из-за алкоголизма и наркомании родителей. 50 тыс. покидали собственные семьи. Росло число детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Ежегодно в дома ребенка от несовершеннолетних и не состоявших в браке матерей поступало 8 тыс. детей²⁸⁰. В 1988 г. по решению суда отобраны у родителей 12,6 тыс. детей²⁸¹. Считается, что малолетняя преступность в основном произрастает из неблагополучных семей и при отсутствии одного или обоих родителей. К примеру, в Вологодской области до половины подростков-преступников выросли в неблагополучных семьях, около 70% осужденных подростков в 1950–1960-е гг. имели одного из родителей²⁸². Но в общем числе осужденных несовершеннолетних удельный вес подростков, проживавших в семье с одним из родителей, составлял 40%, воспитывавшихся вне семьи — 6%²⁸³. Была такая частушка:

Не отец меня воспитывал,
Воспитывала мать.
Мне, молоденьку мальчишечке,
Тюрьмы не миновать.

И тем не менее для матери, особенно в условиях деревни, это была нескончаемая боль за поломанную судьбу своего ребенка, желание помочь ему всем возможным и огромный, с трудом переносимый позор людской молвы.

В современной России женская и подростковая преступность росли опережающими темпами в сравнении с мужской. Нередко семья сама не защищала, а привлекала детей к криминальным действиям. Статистика фиксирует: 1993 г. — 32,1 тыс. несовершеннолетних заключенных находятся в следственных изоляторах и воспитательных колониях, в 2000 г. — 40 тыс., в 2004 г. — 27,5 тыс.²⁸⁴ Каждая такая судьба драматична еще и тем, что, пройдя «школу выживания», большинство подростков связывают свою жизнь с «криминальным талантом».

Одной из причин вовлечения детей в преступную среду является приобщение их к спиртному и наркотикам. Пьянство родителей прямо влияло на отношение детей к алкоголю. Этот процесс, несколько притормозившийся в советские времена, в современной России приобрел заметный размах для обще-

ственности и семьи. В 1991 г. при обследовании 1 тыс. учащихся профессионально-технических училищ (как правило, сельских подростков) и техникумов в возрасте 14–19 лет непьющих оказалась треть, каждый седьмой никогда не пробовал алкоголь. Но 12%, т.е. каждый восьмой, употребляли алкогольные напитки не реже одного раза в месяц. В основном это брага, настойка, самогон, водка или крепленые вина. В 1984 г. первая проба спиртного приходилась на 13–14-летних подростков: 47% школьников и 49% учащихся ПТУ, в 1988 г. эти показатели составляли 40% и 43% и в 1991 г. — 37% и 48%. Школьники начинали употреблять спиртное с сухого вина и шампанского, учащиеся ПТУ выпивали шампанское уже в 11–12 лет и к 14-ти начинали употреблять крепкие напитки. И школьники и учащиеся ПТУ стали выпивать больше: несколько раз в год употребляли спиртное в школе 52% (в 1984 г. — 28%), в ПТУ — 47% (в 1984 г. — 25%). Половине школьников и четвертой части учащихся ПТУ спиртное не нравилось, в основном это были «домашние» дети из семей, где складывались хорошие отношения с родителями. Пьянство дома порождало отчуждение в семье, насилие провоцировало насилие. Враждебность со стороны взрослых ощущали свыше половины учащихся, это же чувство было свойственно и 54% подростков²⁸⁵. Современные школьники выпивают в год 1 млрд литров спиртного и тратят на это 215 млрд руб. Для сравнения: бюджет системы российского образования составлял в 2003 г. 80 млрд руб.²⁸⁶

На протяжении советского времени СССР активно и довольно успешно боролся с проникновением наркомании в свою страну. Этому способствовала и жесткая его изоляция от Запада. Открытость границ, свободная пропаганда наркотиков, снижение уровня жизни и попытка уйти от проблем для некоторых молодых людей оказались ближе «борьбы за существование» и выживание в новых российских условиях. В 2004 г. Президент страны В.В. Путин ставит перед правительством и обществом задачу «переломить ситуацию». В России создан крупнейший в мире Комитет по борьбе с наркотиками, привлечены к этой работе, помимо медиков, средства массовой информации и учреждения культуры, которые должны ее вести, «начиная с детского сада». Такая государственная активность оправдана: в начале 1990-х гг. в СССР на учете состояло около 20 тыс. больных наркоманов, в 2003 г. в России их числилось 2 млн, половина которых — подростки. (СМИ максимально увеличивают эту цифру до 5 млн.) Как считают медики, это лишь «надводная часть айсберга». Торговля наркотиками приносит 500-процентную прибыль: только российские дети ежегодно тратят на них 2,5 млрд долларов. Вместе с выпивкой и сигаретами они расходуют 7 млрд долларов. Хотя бы один раз пробовали наркотик 6,5 млн россиян, из них 4 млн — молодежь от 11 до 24 лет. Среди зависимых наркоманов (1 млн) дети

и подростки. Возраст начинающего наркомана снизился до 11 лет. 60% наркоманов курит «травку», 15% — опий, остальные — колются, нюхают или глотают таблетки. Большинство подростков (около 60%) впервые пробовали наркотик в кругу сверстников, в основном на улице. Остальные на дискотеке, на работе, в армии. Наибольшее распространение наркотики получили на Алтае, в Еврейской автономной области, на Северном Кавказе, в Краснодарском и Ставропольском краях и Ростовской области²⁸⁷.

Таблица № 39

Как часто вы употребляете наркотик?

Не потребляли никогда	70,2%
Пробовали	16,7%
Потребляют не чаще одного раза в неделю	16,7%
Потребляют 2–3 раза в неделю или ежедневно	3,9%

Где вы впервые попробовали наркотик?

В кругу сверстников, вне помещений	57%
По месту учебы	13,9%
На дискотеке	12,6%
В поездках на отдых, походах	6,3%
В парке, на пляже	4%
В армии	2,3%
В больнице	0,7%
В местах лишения свободы	0,7%
На массовых концертах	0,7%
В других местах	0,5%

Источник: Известия. 2003. 20 мая.

Физическое и моральное здоровье ребенка определяется микроклиматом семьи. Дружба, взаимопонимание, уважение друг к другу родителей формируют у детей стереотипы поведения, которыми они впоследствии руководствуются в жизни. Детская психика поддается серьезным испытаниям, бурно реагируя на конфликты в семье, пристрастие одного из родителей к спиртному. Воспитатель детского сада Н. Попова из пос. Мынга Ягодинского района Магаданской области писала в «Крестьянке»: «Дети очень наблюдательны. Все подмечают: как мы одеваемся, как разговариваем, чему радуемся, о чем печалимся. Многого они еще не понимают, не могут осознать, но все впитывают — и хорошее и плохое. И здесь очень важно, какой пример им подадут родители: для ребенка нет выше авторитета, чем мать и отец.

Воспитатели детского сада по поведению ребенка в коллективе, по его рассказам безошибочно могут определить, какой микроклимат в семье, чем она живет, что волнует родителей.

“Я — как мой папа, буду водить трактор”, — говорит Ваня. “У моей мамы полная шкатулка наград”, — с гордостью сообщает Олеся. “Я с мамой ходила на ферму. Ой, как там интересно!” — восторгается Ира.

Но бывает и так. Вышли мы как-то на прогулку в наш детский “городок”. Смотрю, несколько мальчиков отделились от группы и прячутся за домик. Подхожу и вижу: на обрывках газеты разложили конфеты, печенье и прозрачные стеклышки. Спрашиваю: что это вы здесь делаете? Один из них отвечает: “Сбросились по рублику, решили обмыть прогулку!”

Однажды у меня в группе вечером всех детей разобрали, осталась одна Лариса. Я ее спрашиваю:

— А почему ты домой не собираешься? Скоро мама придет.

— Не хочется, — отвечает девочка и, насупившись, добавляет по-взрослому: — Сегодня у папы получка. Приведет в дом дружков. Вино пить будут, мама убежит. А мне куда?

Действительно: куда?»²⁸⁸.

Независимо от посещения детских яслей или сада в свободные вечера и выходные дни детьми занималась тоже в основном мать. Результаты социологических исследований за 1986—1987 гг. зафиксировали: этого мнения придерживались 70% опрошенных. Это относится к семьям и с более высоким уровнем образования супругов и менее высоким. Принимали активное участие в уходе за своими детьми около 1/4 отцов. В молодых семьях активно заботились о детях также дедушки (в 20% семей) и бабушки (в 40%). Помощь других родственников незначительна. Если семьи прошлых поколений еще иногда имели няню (все реже и реже), то для молодых семей такая возможность практически отсутствовала. В случаях, когда нужно на время оставить с кем-то ребенка, женщины чаще всего прибегали к помощи своих родителей (60% молодых женщин), 15% — к помощи свекра или свекрови, другие возможности использовались редко²⁸⁹. Современные семьи нечасто имеют старших братьев или сестер, которые могли бы им помочь. Социальные и родственные связи в условиях большого города, да и сельской местности, незначительны.

В создавшейся ситуации молодой женщине приходилось надеяться либо на детские учреждения, либо на бабушку. Число мест в детских учреждениях в различных регионах постепенно увеличивалось, но было явно недостаточно. Что касается бабушек, способных посвятить себя уходу за внуками, то их число постоянно сокращалось, так как многие из них не хотели оставлять работу.

Атмосфера духовной, интеллектуальной жизни семьи незаменима для правильного формирования личности ребенка.

Содержание бесед, характер проведения свободного времени, выбор книг для чтения и обсуждения, умение ответить на самые разнообразные вопросы ребенка — все это предопределяет высокий престиж матери в семье, повышает ее воспитательный потенциал. К детям переходит ее увлеченность профессией, ее многообразные интересы, общественная активность.

В этом отношении представляют определенный интерес данные социологического исследования о распределении между супругами обязанностей по воспитанию детей. Гуляли с детьми, посещали с ними культурные учреждения, проверяли их уроки, как правило, и отец, и мать. Однако мать чаще беседовала с детьми о семейных делах (75,4% женщин, 67,2% мужчин), о прочитанных книгах, просмотренных спектаклях (56,7 и 48,9%), о политических и общественных событиях (45,5% женщин, 25% мужчин), о производственной и общественной работе (60,4% женщин, 36,4% мужчин). Это свидетельствует не только о высоком авторитете матери в глазах детей, но и ее больших воспитательных возможностях.

Общая направленность воспитательной деятельности супругов зависит от общности их интересов. Обследование показало, что 71,5% супругов часто беседовали друг с другом об общих семейных делах, 52,3% — о прочитанных книгах и просмотренных спектаклях, фильмах, телевизионных передачах, 37% — о политических и общественных событиях, 50,2% — о производственной и общественной работе, учебе, 32% супругов имели общие любительские занятия и увлечения²⁹⁰.

Общность интересов оказывает непосредственное влияние и на воспитание детей, и на самовоспитание и взаимовоспитание супругов, на осуществление важнейших функций современной семьи.

Опросы 1980-х гг. показывали также, что родителям практически негде было получить конкретный совет о том, как поступить в том или ином случае. Чаще всего они пытались решить возникающие у них воспитательные проблемы силами семьи — 20% опрошенных; обращались за советом к своим родителям — 2%. Многие практически не обращались ни к консультативной службе, ни к врачам (только в случаях, когда имелись выраженные отклонения в психическом или физическом здоровье ребенка). К помощи учителей и других работников просвещения родители прибегали тоже достаточно редко, ибо они (работники) были загружены, да и не всегда знали, как помочь решить возникающие проблемы. Большинству родителей оставалось опираться главным образом на собственный опыт. При этом отмечалось заметное ослабление семейной дисциплины по поколениям. Среди тех, кто был старше 50 лет, только 14% не настаивали на суровой дисциплине, из среднего поколения (30–50 лет) — 23, из младшего — 30%. Дисципли-

лина в отношении мальчиков всегда была строже, чем в отношении девочек.

Большие разногласия отмечались во мнениях о применимости телесных наказаний. Мужчины прибегали к ним чаще, чем женщины, особенно в деревне. Однако и в сельских семьях строгость воспитания постепенно находила словесные формы. Вот как говорил на собрании родителей в школе села Вирятино Тамбовской области в 1953 г. один из отцов, воспитавший нескольких взрослых детей: «Учеба очень нужна, это та же борьба за мир... Хорошо, когда дитя из года в год хорошо учится и мы имеем радость от своего ребенка. Плохо, когда он отстает в учебе, хулиганит. Тебе и учитель об этом говорит, и в сельсовет вызывают... Но я не согласен, что детей надо бить. Надо вразумлять ребенка и лаской брать... Надо учить ребенка»²⁹¹. В современных семьях среднего возраста только 1% родителей отметили, что прибегали к физическим наказаниям часто, но в редких случаях к этому методу воспитания приходилось прибегать в 1/3 семей²⁹².

Становление семейной кооперации, распределение всех домашних обязанностей укрепляют отношения в семье. Однако данные многочисленных исследований свидетельствовали о том, что как по времени, так и по формам участия в воспитании детей мужчина часто уступал женщине, что отрицательно сказывалось и на отношениях между супругами, и на отношениях между родителями и детьми. Социологи констатировали, что отношения детей с матерью складывались в большинстве случаев благоприятнее, чем с отцом. Юноши и девушки в большей мере считались с советами и требованиями матери, больше общались и дружили с нею, и поэтому степень ее влияния на них была выше²⁹³.

Роль матери в семье является особой. Данные социологических исследований зафиксировали: когда детям нужна поддержка и утешение, они обращались к матери (37%), одинаково к отцу и к матери (33%), преимущественно же к отцу — только 2%, к бабушке — 3%. Если им была нужна помощь в выполнении домашних заданий, то опять чаще всего они обращались к матери (28%) или одинаково часто к отцу и матери — 25%, только к отцу — 6%.

Если им хотелось рассказать о чем-то, что их волновало, то здесь опять велика была роль матери (29%), хотя было немало семей, где дети были откровенны с обоими родителями (38%). Только отец оказывался таким доверенным лицом опять редко (1,5%). То же самое можно сказать и о других случаях, когда дети вступали в контакт с родителями, если им были нужны практический совет, деньги, обсуждение вопросов, касающихся их будущего, образования или выбора профессии. Проблема современной семьи — снижение воспитательной роли отца. «Грамотная, работающая и потому хорошо разбирающаяся в

сложностях современной жизни, мать “захватила” те области семейного взаимодействия, которые традиционно принадлежали мужчине. Ее тесные контакты с детьми не обрываются и тогда, когда дети взрослеют. А вот отец... Он не заботился о том, как рос его малыш, ему было скучно и “некогда” поиграть с ним, поговорить, объяснить. Его “воспитательные” усилия ограничивались спорами с женой на тему “баловства”. Он ждал, что, когда сын вырастет, они станут друзьями. Отчуждение подкрадывалось предательски незаметно. Сын вырос, но взаимопонимание не пришло. Конечно, это беда далеко не каждой семьи, но, к сожалению, достаточно многих», — писала социолог М.Г. Панкратова²⁹⁴.

Социологи отмечали, что многие сельские женщины испытывали трудности в воспитании детей; это являлось прямым результатом недостатка помощи и понимания мужей.

Загруженность матери нередко создавала серьезные трудности в семье. Достаточно сказать, что около половины опрошенных в 1980-е гг. женщин от 30 до 60 лет считали, что им следовало уделять больше времени своим детям, когда они были маленькими. Проблема осознавалась в большей степени женщинами старших возрастов: среди молодых женщин каждая третья сожалела о том, что не уделяла достаточно времени своим детям, а среди 30–50-летних — более половины.

Большинство взрослых не были удовлетворены тем, как их самих воспитывали родители. По крайней мере на вопрос: «Хотите ли Вы воспитывать своих детей так, как воспитывали Вас?» — респонденты, как правило, отвечали отрицательно²⁹⁵.

Современные женщины непременно считают воспитание хороших детей приоритетным в семейной жизни. При этом отметила в этом свои успехи лишь треть, как правило, сумевших создать счастливую семью с любимым человеком. Однако низкие оценки женщинами своих успехов в воспитании детей скорее связаны с тем, что в российском обществе дети, даже став взрослыми, нередко продолжают оставаться зависимыми от родителей в финансовом и социальном плане и воспринимаются родителями в качестве объекта воспитания. Пятая часть женщин, имеющих взрослых детей, по-прежнему собирались их воспитывать, поскольку не считали свою задачу выполненной. Матери полны оптимизма: практически каждая женщина верила, что реализует планы по воспитанию детей. Любовь к детям россиянки ставят в основание пирамиды качеств идеальной женщины. Не менее значима любовь к детям и как неотъемлемая характеристика идеала мужчины. Дети для российских женщин — это не только часть жизни самой женщины, но и необходимое «связующее звено» отношений между мужчиной и женщиной в семье в целом²⁹⁶.

Многие женщины жаловались, что их мужья не проявляли никакого интереса к детям. Опрос, проведенный в 1970-е гг.,

показал, что почти в половине семей воспитанием детей занималась исключительно жена²⁹⁷. Это были средние показатели, фактически во многих семьях отцы вообще не принимали участия в жизни своих детей. Наиболее часто сталкивающиеся с детьми детские врачи, воспитатели дошкольных учреждений и школьные учителя пытались привлечь к этой проблеме общественное внимание. Арсенал их средств был невелик: доверительные беседы, родительские собрания, советы в критических и сложных ситуациях... Но даже это приносило положительный результат, особенно в условиях деревенской жизни, где общественное мнение, особенно исходящее от «образованной части села», играло большую роль и семейные конфликты старались замалчивать. В одном из детских дошкольных учреждений Архангельской области было проведено «собрание» или «вечер отцов», который начался с прослушивания магнитофона среди притихших и насторожившихся взрослых. Дети делились своими воспоминаниями, откровенно рассказывали о домашней жизни... Родители в полной тишине слушали и узнавали голоса своих детей: «Мой папа никогда со мной не играет и не гуляет. Когда папа пьяный, я его боюсь» или «В выходной день мы идем с папой гулять, он мне все-все рассказывает: про деревья, про улицу, про птиц...»²⁹⁸. Понятно, что такая инициатива не могла понравиться всем присутствовавшим, а деревня несколько дней обсуждала и собрание, и директора детского сада, а главное — семейные проблемы незадачливых родителей, многие из которых тем не менее были вынуждены «скорректировать свое семейное поведение». И в деревне и в городе немногие родители одинаково разделяли и заботы о детях и хлопоты по ведению домашнего хозяйства. Один из социологов, занимавшихся проблемами села, отмечал, что между провозглашенным политическим равенством и юридическим его обоснованием и фактическим равенством между мужчинами и женщинами в семье и личных отношениях проходит водораздел²⁹⁹.

Примером для подражания было опубликованное в журнале «Сельская новь» интервью с известным артистом М.М. Глузским. Из него следовало, что мужчина должен участвовать в воспитании детей, создании морального благополучия в доме. На вопрос корреспондента журнала «Сельская новь» о редких часах досуга популярный среди нескольких поколений зрителей народный артист СССР Михаил Глузский говорил: «Выпадает он, действительно, нечасто. Недавно в “Неделе” было опубликовано интервью с одним из любимых мною актеров Н.А. Крючковым. На подобный вопрос он ответил так: “Я не собираю марки, не сочиняю стихи, не пишу маслом...” Полностью подписываюсь под этими словами. Зато у меня большая семья: двое детей и три внука. Стараюсь этот самый час проводить с ними»³⁰⁰.

Мальчики и девочки вырастают, взрослеют, создают свои семьи. Как складываются их отношения с родителями?

Данные обследования свидетельствовали, что две трети молодых семей жили отдельно от родителей и основную часть домашних забот им приходилось нести самим. Тем не менее многие из них все же так или иначе помогали родителям, если жили в том же городе, хотя бы и на другом его конце.

Среди семей, где мать пенсионного возраста, большинство имели отдельно живущих детей. Половина их училась в другом городе. Они чаще нуждались в денежной помощи родителей. Помогали чем могли родители и совсем взрослым детям, образовавшимся собственными детьми. Постоянную финансовую помощь взрослым детям оказывали две трети орловских горожан старшего поколения, а пятая часть помогали им время от времени. В то же время седьмая часть семей получала финансовую помощь от своих взрослых детей, другие оказывали ее время от времени. Большинство молодых женщин на вопрос: «К кому Вы обратитесь за помощью в случае возникновения денежных трудностей?» — ответили: «К своим родителям». Только 5% решились просить помощи родителей мужа. Многие предпочитали обойтись своими силами.

Если у молодой семьи возникали трудности в воспитании детей, помощи и совета они, как правило, искали у родителей. Однако многие считали, что проблемы должны решаться только внутри молодой семьи. Как бы то ни было, родители — основная категория, к которой обращались чаще всего. Других родственников, соседей, друзей, сослуживцев привлекали редко³⁰¹.

Ирина Н., воспитатель Калужского центра дошкольного воспитания, написала в дневнике о своих отношениях с родителями, без взаимопонимания с которыми она себя не мыслила: «Я думаю так: куда жив и существует человек, столько и будут окружать его заботы и проблемы. Проблемы они ежедневные. Но есть еще и непредвиденные, это тогда, когда за одну зиму вырастает ребенок из обуви или разорвались сапоги или туфли, и вот тут-то раскалывается голова: где взять сумму, чтобы хватило на обновку. Ведь воровать-то не пойдешь: законы в стране суровые. Да и займешь — чем отдавать? Про себя мы уже не говорим, потому что забыли, что такое мода, что она существует, забыли, что такое обновки, забыли как себя чувствует человек в новом пальто или сапогах.

Меня много забот, как я думаю, еще не касается, т.к. я живу с родителями. Мне надо благодарить Бога за хорошее отношение, и меня и моего ребенка родители не бросают, они нам помогают во всем. Как я жила бы одна — я не знаю и себе просто не представляю»³⁰².

Семейные связи оставались довольно прочными в сельской местности. Даже при раздельном проживании родителей и детей между ними сохранялась взаимопомощь. Так, большинство

опрошенных в 1986–1987 гг. сельских жителей Орловской области, живущих отдельно от родителей, но в той же деревне, помогали им в наиболее трудоемких работах в саду и огороде. Почти все они принимали участие в заготовке топлива, кормов для животных, в ремонте помещения, где жили родители, в покупке продуктов для них.

Со своей стороны, представители старшего поколения оказывали немалую помощь взрослым детям: воспитывали внуков, активно помогали в ведении домашнего хозяйства. В трехпоколенных семьях старшие ухаживали за домашними животными, работали в саду, в огороде, вели домашнее хозяйство. Они провожали детей в детский сад или в школу, но проверкой домашних заданий у школьников занимались значительно реже — это, как правило, обязанность родителей.

Между старшим и средним поколениями обычно существовали взаимопонимание и уважение. Так, дети прислушивались к мнению родителей в большинстве семей, родители, в свою очередь, пользовались советами взрослых детей. Только 4% родителей старшего возраста заявили, что дети не оправдали возлагавшихся на них надежд.

Во многих семьях отношения между поколениями характеризовались эмоциональной близостью. Большинство представителей старшего поколения были довольны тем, что дети советовались с ними по поводу выбора профессии, искали одобрения при вступлении в брак, обсуждали политические события, книги, фильмы, телепередачи, проблемы воспитания маленьких детей и, конечно, бытовые дела³⁰³. Хорошие добрые отношения в семье — это душевный покой для матери и залог благополучия ее старости. И всегда главной ее заботой и тревогой оставались дети. В числе жизненных приоритетов современные россиянки выделяют **ПОРЯДОК, СЕМЬЮ И ОБЩЕНИЕ**. Для подавляющего большинства женщин участие в общественном производстве становится экономической необходимостью обеспечения семьи, которая потребовала активизации их роли в сфере занятости³⁰⁴.

Примечания

¹ Захаров М.Л., Тучкова Э.Г. Право социального обеспечения. М., 2003. С. 19–20.

² Инициатива принятия социального законодательства принадлежала Германии (закон «О страховании от несчастных случаев на производстве» 1881 г., закон «Об обязательном государственном страховании на случай болезни» 1883 г. и др.). За Германией последовали другие страны, в том числе Россия.

В 1901 г. в России утверждены Временные правила о пенсиях рабочим государственных горных заводов и рудников, утратившим трудо-

способность. В 1903 г. был принят закон «О вознаграждении потерпевших рабочих вследствие несчастных случаев», установивший ответственность заводчиков в связи с несчастными случаями на производстве (но не право рабочих на материальное обеспечение). Компенсация называлась пенсией. В 1912 г. были приняты законы «О страховании рабочих от несчастных случаев на производстве», «Об обеспечении рабочих на случай болезни», «Об утверждении Совета по делам страхования рабочих» и «Об утверждении присутствий по делам страхования рабочих». Принятые законодательные акты строились на гражданско-правовых принципах, были посвящены собственно страхованию, но распространялись только на Европейскую часть России и Кавказ, на предприятия с числом рабочих не менее 200 человек, т.е. до 15% рабочих России. Вознаграждение выплачивалось после 14-й недели после несчастного случая и в размере не более 2/3 годового содержания. В Петербурге при Министерстве торговли и промышленности был создан Совет по делам страхования рабочих, в губерниях и больших городах — страховые присутствия. На предприятиях с числом рабочих не менее 200 человек учреждались больничные кассы и страховые товарищества. Мелкие предприятия объединялись для создания общей страховой кассы. В начале XX в. в России насчитывалось несколько тысяч страховых касс и около десяти товариществ. В 1912 г. для рабочих, членов больничных касс, вводились пособия в связи с болезнью (от 1/4 до 2/3 дневного заработка), увечьем, смертью (от 20 — до 30-кратного дневного заработка умершего) и родами (1/2 дневного заработка за две недели до родов и четыре недели после родов) за счет взносов в эти кассы. Законодательно рабочие получили право на первоначальную медицинскую помощь, амбулаторное лечение, родовспоможение, больничное лечение (до 4-х месяцев), бесплатную выдачу лекарств и медицинских принадлежностей с оплатой через больничные кассы за счет взносов ее членов. Фактически врачебную помощь могли получать только члены больничных касс, т.е. всего одна четверть рабочих России (Мачульская Е.Е. Право социального обеспечения. М., 1999. С. 65—67).

³ Косарев Ю.А. Социальное страхование в России: на пути к реформам. М., 1999. С. 19.

⁴ СУ РСФСР. 1918. № 89. С. 906.

⁵ Там же. 1924. № 81. С. 813.

⁶ Декрет СНК РСФСР от 11 декабря 1917 г. отменил выплату пенсий, превышавших 300 руб. в месяц, этой категории граждан (СУ РСФСР. 1917. № 9. С. 124). 21 февраля 1929 г. Союзный Совет социального страхования при Наркомате труда СССР принял постановление «О лишении права на пенсию и пособие по безработице бывших помещиков, фабрикантов, жандармов, полицейских, руководителей контрреволюционных банд и т.п.» (Известия НКТ СССР. 1929. № 12—13. С. 197).

Названные лица получили право на социальное обеспечение только после восстановления их в избирательных правах после принятия Конституции СССР 1936 г.

⁷ СУ РСФСР. 1919. № 18. С. 208.

- ⁸ СУ РСФСР. 1921. № 76. С. 627.
- ⁹ Там же. 1917. № 8. С. 111.
- ¹⁰ Там же. 1917. № 13. С. 188; 1919. № 20. С. 238.
- ¹¹ Еженедельник Наркомпроса. 1925. № 46. С. 4.
- ¹² Социальное обеспечение. 1933. № 3–4. С. 2.
- ¹³ Бюллетень официальных распоряжений и сообщений Наркомпроса. 1922. № 75. С. 6.
- ¹⁴ СЗ СССР. 1929. № 71. С. 673.
- ¹⁵ Manning Roberta T. Women in the Soviet Countryside on the Eve of World War. 1935–1940 // Russian Peasant Women. N-York, 1992. P. 216.
- ¹⁶ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 23. Д. 130. Л.1, 1 об., 2.
- ¹⁷ Там же. Д. 99. Л. 1, 1 об.
- ¹⁸ Там же. Д. 130. Л. 2.
- ¹⁹ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (Сборник документов за 50 лет). М., 1968. Т. 5. С. 472–478.
- ²⁰ Григорьева Н.С., Чубарова Т.В. Гендерный подход в здравоохранении. М., 2001. С. 19–20; Григорьева Н.С. Что было... что есть... что будет... (некоторые размышления по поводу реформы здравоохранения Российской Федерации) // Управление здравоохранением. 2003. № 8. С. 19.
- ²¹ Независимая газета. 2001. 24 апреля.
- ²² Охрана материнства и детства в России и Великобритании. Междисциплинарный подход. М., 2002. С. 65.
- ²³ Известия. 1999. 7 октября; 2001. 6 июня.
- ²⁴ Охрана материнства и детства в России и Великобритании. С. 42–52.
- ²⁵ Нечаева А.М. Правовая охрана детства в СССР. М., 1987. С. 87–88.
- ²⁶ Российско-британское социологическое обследование российских деревень 1980–1990-х гг. Архангельская область. 1993 г. Исследование проведено Г.А. Ястребинской и О.Г. Субботиной.
- ²⁷ Ransel David L. Village Mothers. Three generations of change in Russia and Tataria. Bloomington and Indianapolis, 2000.
- ²⁸ Мальшева М.М. Коммунистическая утопия в судьбах сельских женщин // Демография и социология. Вып. 15. Гендерные аспекты социальной трансформации. М., 1996. С. 222.
- ²⁹ Устные свидетельства сельской женщины Марии Золотаревой // Демография и социология. Вып. 15. М., 1996. С. 214–215.
- ³⁰ Народное хозяйство РСФСР в 1980 г. Стат. ежегодник. М., 1981., С. 295.
- ³¹ ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 17. Д. 98. Л. 21–39.
- ³² ГАВО. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 1197. Л. 46–48.
- ³³ Там же. Л. 76–77.
- ³⁴ Там же. Оп. 21. Д. 2342. Л. 123–125, 128–129.
- ³⁵ Народное хозяйство РСФСР в 1980 г. С. 295; Народное хозяйство РСФСР в 1988 г. Стат. ежегодник. М., 1989. С. 217, 236; Народное хозяйство РСФСР в 1989 г. Стат. ежегодник. М., 1990. С. 236.
- ³⁶ Российский статистический ежегодник. 2002. Статистический сборник. М., 2002. С. 245.
- ³⁷ Шинелева Л.Т. Женщина и общество. Декларации и реальность. М., 1990. С. 89.

- ³⁸ Вестник статистики. 1991. № 8. С. 58.
- ³⁹ Женщины в СССР. 1990. Статистические материалы. М., 1990. С. 8–9.
- ⁴⁰ Черкасова Е. Здоровье матери и ребенка — будущее России // *Ве/Мы*. 1998. № 5(21). С. 31.
- ⁴¹ Григорьева Н.С. Что было... что есть... что будет... // *Управление здравоохранением*. 2003. № 8. С. 18–25, 79.
- ⁴² Социально-экономические проблемы агропромышленного комплекса России. М., 2000. С. 15–16.
- ⁴³ Голоса крестьян. Крестьяне Кубани пишут Г.Явлинскому. Кубань — М., 1998–1999. С. 7.
- ⁴⁴ Вестник статистики. 1992. № 1. С. 54.
- ⁴⁵ Там же. 1991. № 8. С. 58.
- ⁴⁶ Там же. С. 58–59.
- ⁴⁷ Фролова О.Г. Проблема аборта и контрацепции у женщин групп социального риска // *Право на репродуктивный выбор. Безопасный аборт и контрацепция. Материалы Третьей Российской конференции по планированию семьи*. М., 1996. С. 59–60.
- ⁴⁸ Баллаева Е.А. Гендерная экспертиза законодательства РФ: репродуктивные права женщин в России. М., 1998. С. 122.
- ⁴⁹ Российский статистический ежегодник. 2002. С. 253; Женщины и мужчины России. 2002. Статистический сборник. М., 2002. С. 33, 189–190.
- ⁵⁰ Григорьева Н.С., Чубарова Т.В. Гендерный подход в здравоохранении. С. 14.
- ⁵¹ Вестник статистики. 1991. № 8. С. 60.
- ⁵² Баллаева Е.А. Указ соч. С. 124.
- ⁵³ Здоровье женщин России. М., 1988. С. 33; Баллаева Е.А. Указ соч. С. 123.
- ⁵⁴ Российский статистический ежегодник. 2002. С. 125.
- ⁵⁵ Engelstein Laura. *Abortion and Civil Order The Legal and Medical Debates // Russia's Women: Accommodation, Resistance and Transformation*. Berkely, 1991. P. 185–207.
- ⁵⁶ СУ РСФСР. 1920. № 90. Ст. 471.
- ⁵⁷ УК РСФСР. 1922. Ст. 146.
- ⁵⁸ Там же. 1926. Ст. 140.
- ⁵⁹ Goldman Wendy. *Women, Abortion and State. 1917–1936 // Russia's Women. Accommodation, Resistance and Transformation*. Berkeley, 1991. P. 243, 248, 249.
- ⁶⁰ *Аборт в 1926 г.* М., 1929. С. 18, 36, 54.
- ⁶¹ Goldman Wendy. P. 246, 250, 256–257, 261–262.
- ⁶² СЗ СССР. 1936. № 34. Ст. 309.
- ⁶³ Гендерная экспертиза российского законодательства. М., 2001. С. 188.
- ⁶⁴ Manning Roberta T. P. 206, 226.
- ⁶⁵ *Рабочий путь (Смоленск)*. 1936. 30 мая; Manning Roberta T. P. 207.
- ⁶⁶ Шаргородский М.Д. Преступление против жизни и здоровья. М., 1948. С. 90. 421.
- ⁶⁷ *Правда*. 1937. 3 марта; 2 августа; 1938. 8 апреля; *Социалистическое земледелие*. 1937. 27 июня; Manning Roberta T. P. 207, 227; Ransel David L. P. 122.

- ⁶⁸ Вылцан М.А. Завершающий этап создания колхозного строя (1935—1937 гг.). М., 1978. С. 193.
- ⁶⁹ Manning Roberta Т. Р. 207.
- ⁷⁰ Маннинг Р. Т. Женщины советской деревни накануне Второй мировой войны. 1935—1940 годы // Отечественная история. 2001. № 5. С. 88.
- ⁷¹ Manning Roberta Т. Р. 208.
- ⁷² Социалистическое земледелие. 1936. 5 июня; Правда. 1938. 14 декабря; Manning Roberta Т. Р. 207.
- ⁷³ Ransel David L. Р. 123.
- ⁷⁴ Правда. 1938. 14 декабря.
- ⁷⁵ Ransel David L.Р. 122.
- ⁷⁶ Правда. 1936. 15 сентября.
- ⁷⁷ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 29. Д. 361. Л. 1—6.
- ⁷⁸ Социалистическое земледелие. 1936.1,5,6,10 июня; Правда. 1936. 28—31 мая, 1—6 июня, 8, 11, 12 июля; Крестьянская газета. 1936. 8 июня.
- ⁷⁹ Социалистическое земледелие. 1936. 1, 5 июня.
- ⁸⁰ Там же. 2 июня.
- ⁸¹ Там же. 4, 11 июня; Manning Roberta Т. Р. 208.
- ⁸² Социалистическое земледелие. 1935. 4 июня.
- ⁸³ Маннинг Р.Т. Женщины советской деревни накануне Второй мировой войны. 1935—1940 годы. // Отечественная история. 2001. № 5. С. 89.
- ⁸⁴ Manning Roberta Т. Р. 208—209; Социалистическое земледелие. 1936. 1, 5 июня.
- ⁸⁵ Труд. 1936. 27 апреля.
- ⁸⁶ Советская жизнь. 1945—1953. М. 2003. С. 681.
- ⁸⁷ Женщина, которая разрешила аборт // Московский комсомолец. 2004. 24 августа.
- ⁸⁸ ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 17. Д. 98. Л. 32—33.
- ⁸⁹ Советская жизнь. 1945—1953. М. 2003. С. 685.
- ⁹⁰ Там же. С. 682—683.
- ⁹¹ Дагель П.С. Условия установления уголовной наказуемости // Правоведение. 1975. № 4. С. 70.
- Нераскрываемость подпольных абортов вследствие умолчания была характерна и для других стран. Так, в 1956 г. в Норвегии число криминальных абортов составляло примерно 7 тыс. в год, при этом в течение пяти предшествовавших лет в среднем только 20 человек в год признавалось виновными в этом преступлении (Анденес И. Наказание и предупреждение преступлений. М., 1979. С. 73.)
- ⁹² Титов Ю.П. Хрестоматия по истории государства и права России. Учебное пособие. М., 1997. С. 142.
- ⁹³ Desjarlais R., Eisenberg L., Good B. and Kleinman A. World Mental Health, Problems and Priorities in Low Income Countries. Oxford University Press, 1995.
- ⁹⁴ Ведомости Верховного Совета СССР. 1954. № 15. Ст. 334.
- ⁹⁵ Там же. 1955. № 22. Ст. 425.
- ⁹⁶ ГАВО. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 1197. Л. 48.

⁹⁷ Бриджер С. Женщина в современном советском обществе // Вестник РАН. 1992. № 2. С. 85.

⁹⁸ Российский статистический ежегодник. 2002. С. 246.

⁹⁹ Женщины и развитие: права, реальность, перспективы. Материалы Всероссийской конференции по положению женщин. М., 1999. С. 65; Сивочалова О.В., Родионова Г.К., Низлева И.В., Андреева М.В. Здоровье человека как индикатор устойчивого развития общества // Женщина и мужчина на пути к устойчивому развитию (Опыт гендерного подхода). М., 1997. С. 25; Российский статистический ежегодник. 2002. С. 246.

¹⁰⁰ Гендерная экспертиза российского законодательства. С. 190.

¹⁰¹ Вестник статистики. 1991. № 8. С. 60–61; Женщины в СССР. 1990. С. 39.

¹⁰² Вестник статистики. 1991. № 8. С. 61.

¹⁰³ Там же. С. 61–62; Женщины и мужчины России. 2002. С. 66, 67.

¹⁰⁴ Охрана материнства и детства в России и Великобритании. С. 26–27; Российский статистический ежегодник. 2002. С. 246.

¹⁰⁵ We//Мы. 1998. № 5 (21). С. 31; Серов В.Н. Темная сторона секса // Век. 2001. № 12.

¹⁰⁶ Российская газета. 1996. 14 февраля; Московский комсомолец. 1999. 11 июня.

¹⁰⁷ Женский вопрос. 37 основных тем о здоровье. СПб., 2002. С. 77.

¹⁰⁸ Григорьева Н.С., Чубарова Т.В. Гендерный подход в здравоохранении. М., 2001. С. 13.

¹⁰⁹ Шлиндман Ш., Звидриньш П. Изучение рождаемости (по материалам специального исследования в Латвийской ССР). М., 1973. С. 57.

¹¹⁰ Голод С.И. Семья и брак: Историко-социологический анализ. СПб., 1998. С. 58.

¹¹¹ Семья в Российской Федерации. М., 1994. С. 125.

¹¹² Авдеева Н.Н. Социально-экологические проблемы развития человеческого потенциала России // Историческая экология и историческая демография. Сборник научных статей. М., 2003. С. 135.

¹¹³ Голофаст В.Б. О взаимосвязи подходов в изучении семьи // Социологические проблемы семьи и молодежи. Л., 1972. С. 65.

¹¹⁴ Российский статистический ежегодник. 2002. С. 212.

¹¹⁵ Акушерство и гинекология. 1990. № 3. С. 6–9; Вестник Академии медицинских наук. 1989. № 8. С. 14–18.

¹¹⁶ Вестник статистики. 1991. № 1. С. 63.

По самым пессимистическим данным, в 1987 г. в группу здоровых детей статистика относила 25% родившихся детей (625 тыс. новорожденных), в 1993 г. — 9% (123 тыс.), в 1994 г. — 2%, что составляло лишь 28 тыс. детей. — Женщина и мужчина на пути к устойчивому развитию (Опыт гендерного подхода). М., 1997. С. 28.

¹¹⁷ Веселкова И.Н. Социальная нестабильность и состояние здоровья населения России // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технология разрешения. М., 1999. С. 56; Об итогах хода реформ и задачах по развитию здравоохранения и медицинской науки в РФ на 2000–2004 годы и на период до 2010 года. Доклад министра здравоохранения РФ Ю.А. Шевченко. М., 2000. С. 6–7; Охрана

материнства и детства в России и Великобритании. С. 25; Романов К.С. Краткий анализ статистики населения и домохозяйств в гендерном аспекте // Статистическое исследование социально-демографической ситуации. Сб. научных трудов. М., 2002. С. 51.

¹¹⁸ Мифы демографии: рождаемость и смертность // Новая газета. 2000. 23–26 ноября.

¹¹⁹ Российский статистический ежегодник. 2002. С. 82; Тезисы РУСО. О современном демографическом бедствии в России и мерах по его преодолению // Буревестник. Май—июнь 2001. № 4–5. С. 8.

¹²⁰ Ильин В.А., Шабунова А.А. Проблемы здорового детства: региональный аспект. Вологда, 2000.

¹²¹ ВОЗ: Путь вперед. Новый Генеральный директор ВОЗ видит большие задачи для глобального здравоохранения (Интервью с Джонг-Вук Ли) // Управление здравоохранением. 2003. № 8. С. 84.

¹²² Здоровье женщин России. С. 9.

¹²³ Тезисы РУСО. О современном демографическом бедствии в России и мерах по его преодолению // Буревестник. 2001. Май—июнь. № 4–5. С. 8.

¹²⁴ Литвинова А. Мода на детей совсем прошла Интервью с И. Бестужевым-Ладой // Жизнь Евразии. М., 2001. С. 3.

¹²⁵ Охрана материнства и детства в России и Великобритании. С. 35–36.

¹²⁶ Григорьева Н.С. Политика государства в области здравоохранения: международный опыт и Россия. Автореферат дисс. ... доктора политических наук. М., 1999.

¹²⁷ Программа социальных реформ в Российской Федерации на период 1996–2000 годов. Приложение к Постановлению Правительства Российской Федерации от 26 февраля 1997 г. № 222 // СЗ РФ. 1997. № 10. Ст. 1173.

¹²⁸ Доклад Федеральной инспекции труда «О работе по государственному надзору и контролю за соблюдением трудового законодательства в 2002 году» // Научно-практическая конференция «Проблемы защиты трудовых прав граждан». М. Академия труда и социальных отношений. 9–12 сентября 2003 г. М., 2003. С. 25–26.

¹²⁹ Гендерная экспертиза российского законодательства. С. 166.

¹³⁰ Женщины и мужчины России. 2002. С. 110, 120.

¹³¹ Гендерная экспертиза российского законодательства. С. 166.

¹³² Родная газета. 2003. 14 ноября.

¹³³ Население России на рубеже XX–XXI веков. Проблемы и перспективы. М., 2002. С. 334, 336.

¹³⁴ Вестник статистики. 1991. № 1. С. 63.

¹³⁵ Экологическая альтернатива. М., 1990. С. 760.

¹³⁶ РГАНИ. Ф. 89. Перечень 53. Документ 66. Л. 1–4, 6–8.

¹³⁷ Российско-британское социологическое обследование российских деревень 1980–1990-х гг.

¹³⁸ Маслов Д.Г., Маслова И.И. Проблемы здоровья населения и формирование осознанной мотивации природоохранительного труда // Историческая экология и историческая демография. Сборник научных статей. М., 2003. С. 286–304.

¹³⁹ Сенявский А.С. Российская урбанизация: экологические последствия и их влияние на демографические процессы // Историческая экология и историческая демография. Сборник научных статей. М., 2003. С. 70; Природно-ресурсные ведомости. 2002. № 29. С. 3.

¹⁴⁰ Российско-британское социологическое обследование российских деревень 1980–1990-х гг.

¹⁴¹ Население России на рубеже XX–XXI веков. Проблемы и перспективы. С. 335–336.

¹⁴² Сенявский А.С. Российская урбанизация: экологические последствия и их влияние на демографические процессы // Историческая экология и историческая демография. Сборник научных статей. М., 2003. С. 70; Россия на пороге XXI века. М., 1996. С. 169.

¹⁴³ Социологические исследования. 1992. № 12. С. 53.

¹⁴⁴ Там же.

¹⁴⁵ Панкратова М.Г. Сельская женщина в СССР. М., 1990. С. 89–90.

¹⁴⁶ Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 34–37.

¹⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 243. Л. 42.

¹⁴⁸ Там же. Д. 87. Л. 9–10.

¹⁴⁹ Бахметова Г.Ш., Иванкова Л.В. Пожилой человек в семье и обществе // Демографическое развитие и его социально-экономические последствия. Международная научно-практическая конференция 23 ноября 2001 г. Доклады и тезисы докладов. М., 2002. С. 32–33.

¹⁵⁰ Российско-британское социологическое обследование российских деревень в 1980–1990-е гг. Проект «Социальная структура советского села». Брак и семья как процесс воспроизводства поколений.

¹⁵¹ Крестьянка. 1981. № 8. С. 27.

¹⁵² Яковлева Г.В. Охрана прав незамужних женщин. Минск, 1970. С. 7.

¹⁵³ Права женщин в России: исследование реальной практики их соблюдения и массового сознания (по результатам исследования в г. Рыбинске Ярославской области на основе глубинных интервью). М., 1998. С. 97.

¹⁵⁴ Антипова М.Л. Внебрачные дети в России // Статистическое исследование социально-демографической ситуации. Сборник научных трудов. М., 2002. С. 5–6; Российский статистический ежегодник. 2002. С. 125.

¹⁵⁵ Михеева А.Р. Феномен сожителства в сибирской деревне: новая форма семьи или продолжение традиции? // Социологические аспекты перехода к рыночной экономике (Материалы к XIII Всемирному социологическому конгрессу). 4.1. Проблемы социальной адаптации к изменяющимся условиям жизни. Новосибирск, 1993. С. 142.

¹⁵⁶ Антипова М.Л. Внебрачные дети в России // Статистическое исследование социально-демографической ситуации. Сборник научных трудов. М., 2002. С. 6; Женщины в СССР. 1990. С. 38.

¹⁵⁷ Население России на рубеже XX–XXI веков. Проблемы и перспективы. С. 83.

¹⁵⁸ Антипова М.Л. Внебрачные дети в России // Статистическое исследование социально-демографической ситуации. Сборник научных трудов. М., 2002. С. 7–8.

¹⁵⁹ Голод С.И. Семья и брак: Историко-социологический анализ. СПб., 1998. С. 172.

¹⁶⁰ Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. Информационный бюллетень. М., 1995. № 2. С. 48.

¹⁶¹ Гундарова И.А., Матвеева С.В. Влияние социальных реформ в России на репродуктивную активность населения // Материалы межрегионального семинара «Открытый диалог по репродуктивным вопросам». М., 1996. С. 24.

¹⁶² Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. Информационный бюллетень. М., 1995. № 2. С. 48.

¹⁶³ Панкратова М.Г. Функция семьи в понимании современного сельского жителя // Производственная деятельность женщин и семья. Минск, 1972. С. 189.

¹⁶⁴ Вестник статистики. 1992. № 1. С. 53.

¹⁶⁵ Панкратова М. Сельские жители России. Судьбы и семьи в XX веке. М., 1995. С. 52.

¹⁶⁶ Женщины новой России: Какая она? Как живет? К чему стремится? М., 2002. С. 37, 55, 61–62.

¹⁶⁷ Россия на рубеже веков. М., 2000. С. 355.

¹⁶⁸ Сангер М. Женщина и новое поколение. Феминизм: проза, мемуары, письма. М., 1992. С. 495.

¹⁶⁹ Права женщин в России: исследование реальной практики их соблюдения и массового сознания (по результатам исследования в г. Рыбинске Ярославской области на основании глубинных интервью). М., 1998. С. 94.

¹⁷⁰ Вестник статистики. 1992. № 1. С. 53.

¹⁷¹ Крестьянска. 1987. № 4. С. 2.

¹⁷² Народное хозяйство РСФСР в 1990 г. Стат. ежегодник. М., 1991. С. 122; Вестник статистики. 1992. № 1. С. 53; Аграрная реформа в России и положение женщин и пенсионеров. М., 1994. С. 78.

¹⁷³ Народное хозяйство РСФСР в 1988 г. С. 29; Вестник статистики. 1992. № 1. С. 15.

¹⁷⁴ Народное хозяйство РСФСР в 1989 г. С. 104; Народное хозяйство СССР в 1989 г. Стат. ежегодник. М., 1990. С. 677.

¹⁷⁵ Народное хозяйство в РСФСР в 1989 г. С. 105.

¹⁷⁶ ГАВО. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 1436. Л. 68.

¹⁷⁷ Вестник статистики. 1991. № 8. С. 57–58.

¹⁷⁸ Там же. С. 69.

¹⁷⁹ Денисова Л.Н. Невосполнимые потери: Кризис культуры села в 60–80-е годы. М., 1995. С. 156; Denisova L.N. Rural Russia: Economic, Social and Moral Crisis. N-York, 1995. P. 213.

¹⁸⁰ Российский статистический ежегодник. 2002. С. 127.

¹⁸¹ Denisova L.N. Rural Russia: Economic, Social and Moral Crisis. N-York, 1995. P. 186.

¹⁸² Российский статистический ежегодник. 2002. С. 253–255; Охрана материнства и детства в России и Великобритании. С. 27–29.

¹⁸³ Охрана материнства и детства в России и Великобритании. С. 39.

¹⁸⁴ Время новостей. 2000. 4 ноября.

¹⁸⁵ Охрана материнства и детства в России и Великобритании. С. 39–40.

- ¹⁸⁶ Здоровье женщин России. С. 10.
- ¹⁸⁷ Голоса крестьян. Крестьяне Кубани пишут Г.Я. Явлинскому. С. 70.
- ¹⁸⁸ Волгин Н.А. Современная демографическая ситуация: проблемы и тенденции // Демографический кризис: механизмы преодоления. М., 2002. С. 36.
- ¹⁸⁹ Буданов Г.А. Социально-демографические изменения в Вологодской области за 1959—1985 годы// Материальное положение, быт и культура северного крестьянства (советский период). Вологда, 1992. С. 106.
- ¹⁹⁰ РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 205. Л. 94.
- ¹⁹¹ Там же. Д. 243. Л. 43.
- ¹⁹² Народное хозяйство РСФСР в 1989 г. С. 297.
- ¹⁹³ Буданов Г.А. Социально-демографические изменения в Вологодской области за 1959—1985 годы// Материальное положение, быт и культура северного крестьянства (советский период). Вологда, 1992. С. 106.
- ¹⁹⁴ Вестник статистики. 1991. № 2. С. 57.
- ¹⁹⁵ ГАВО. Ф. 1300. Оп. 21. Д. 2342. Л. 141—143.
- ¹⁹⁶ Сельская новь. 1989. № 2. С. 35.
- ¹⁹⁷ Ведомости Верховного Совета СССР. 1988. № 6. Ст. 95.
- ¹⁹⁸ СП СССР. 1988. № 5. Ст. 13.
- ¹⁹⁹ Доклад Федеральной инспекции труда «О работе по государственному надзору и контролю за соблюдением трудового законодательства в 2002 году» // Научно-практическая конференция «Проблемы защиты трудовых прав граждан». М. Академия труда и социальных отношений. 9—12 сентября 2003 г. М., 2003. С. 25.
- ²⁰⁰ Права женщин в России: исследование реальной практики их соблюдения и массового сознания (по результатам анкетного опроса). М., 1998. Т. 1. С. 252.
- ²⁰¹ Женщины в СССР. 1990. С. 12.
- ²⁰² РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 51. Л. 33—34.
- ²⁰³ Итоги—1959—СССР. С. 60—66; Dodge Norton D. and Feshbach Murray. The Role of Women in Soviet Agriculture // Russian Peasant Women. N-York, 1992. P. 255, 270.
- ²⁰⁴ Культурный прогресс в СССР. М., 1958. С. 198.
- ²⁰⁵ ГА РФ. Ф. 7928. Оп. 1. Д. 315. Л. 47.
- ²⁰⁶ В 1955 г. 971 тыс. детей пользовались детскими площадками, из них 815 тыс. детей в сельской местности, среди которых 771 тыс. дошкольников колхозниц (из них 524 тыс., 68%, было в возрасте от 3 до 7 лет). Значит, 550 тыс. детей из 815 тыс., проживавших в деревнях, должны бы были посещать детские сады. К 1959 г. общее число охваченных детскими учреждениями детей возросло до 1155 тыс., или вдвое, что способствовало расширению этой сети учреждений. См.: Культурный прогресс в СССР. С. 199; Народное хозяйство СССР в 1959 г. Стат. ежегодник. М., 1960. С. 738—739. Подсчеты сделаны Dodge Norton D. and Feshbach Murray. P. 255—256, 270.
- ²⁰⁷ Планирование народного потребления в СССР. М., 1964. С. 64.
- ²⁰⁸ Dodge Norton D. and Feshbach Murray. P. 255.
- ²⁰⁹ Денисова Л.Н. Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960—1980-е годы. М., 1996. С. 171.

- 210 Анохина Л.А., Шмелева М.Н. Культура и быт колхозников Калининской области. М., 1964. С. 206.
- 211 РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 172. Л. 34.
- 212 Там же. Д. 59. Л. 52–53.
- 213 Dodge Norton D. and Feshbach Murray. P. 255–256.
- 214 ГАВО. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 1327. Л. 62 об.–63.
- 215 Крестьянка. 1980. № 1. С. 29.
- 216 ГАВО. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 1327. Л. 202, 202 об., 203.
- 217 Народное хозяйство РСФСР в 1980 г. С. 240; Народное хозяйство РСФСР в 1989 г. С. 233.
- 218 Народное хозяйство РСФСР в 1980 г. С. 249; Народное хозяйство РСФСР в 1989 г. С. 241.
- 219 Народное хозяйство РСФСР в 1989 г. С. 241.
- 220 Крестьянка. 1979. № 12. С. 19.
- 221 Там же. 1980. № 1. С. 28–29.
- 222 Там же. 1978. № 7. С. 28.
- 223 Вестник статистики. 1991. № 10. С. 59; № 11. С. 60.
- 224 Женщины в СССР. 1990. С. 46.
- 225 Крестьянка. 1975. № 9. С. 28; № 12. С. 19; 1980. № 4. С. 24; № 6. С. 26.
- 226 Вестник статистики. 1992. № 1. С. 53.
- 227 Сельская новь. 1989. № 2. С. 35.
- 228 Крестьянка. 1988. № 6. С. 8.
- 229 Российский статистический ежегодник. 2002. С. 210.
- 230 ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 22. Д. 108. Л. 118–125; Д. 117. Л. 38, 39, 142, 216.
- 231 Там же. Д. 108. Л. 4, 8.
- 232 Денисова Л.Н. Невосполнимые потери: Кризис культуры села в 60–80-е годы. С. 10.
- 233 ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 23. Д. 202. Л. 13–15.
- 234 Там же. Л. 16–17.
- 235 Там же. Л. 1–1 об.
- 236 Там же. Л. 2.
- 237 Голоса крестьян. Крестьяне Кубани пишут Г. Явлинскому. С. 2.
- 238 Денисова Л.Н. Всеобщее среднее образование и социальный прогресс села. М., 1988. С. 74–75.
- 239 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 67. Л. 62; Оп. 37. Д. 47. Л. 159–161.
- 240 Денисова Л.Н. Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960–1980-е годы. С. 168.
- 241 Крестьянка. 1959. № 9. С. 29.
- 242 Денисова Л.Н. Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960–1980-е годы. С. 169.
- 243 РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 127. Л. 94.
- 244 Там же. Л. 93–94.
- 245 Социологические исследования. 1991. № 9. С. 95–96.
- 246 Народное хозяйство РСФСР в 1988 г. С. 57.
- 247 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 102. Д. 209. Л. 83.
- 248 Панкратова М.Г. Функция семьи в понимании современного сельского жителя // Производственная деятельность женщин и семья. Минск, 1972. С. 189.

²⁴⁹ Социально-экономические проблемы агропромышленного комплекса России. М., 2000. С. 16; Российский статистический ежегодник. 2002. С. 212.

²⁵⁰ Огарков А., Огарков С. Демографические процессы и образование в сельских регионах России // Демографические процессы и образование в регионах России и СНГ. Международная научно-практическая конференция. 6 марта 2001 г. М., 2001. С. 83.

²⁵¹ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 22. Д. 9. Л. 173.

²⁵² Там же. Л. 177.

²⁵³ Там же. Л. 174.

²⁵⁴ Там же. Л. 257.

²⁵⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Д. 436. Л. 30.

²⁵⁶ Там же. Оп. 45. Д. 22. Л. 107–108; Оп. 46. Д. 141. Л. 5–7.

²⁵⁷ Там же. Оп. 46. Д. 141. Л. 29.

²⁵⁸ Там же. Оп. 45. Д. 22. Л. 46–48, 52, 53.

²⁵⁹ Социологические исследования. 1992. № 8. С. 97.

²⁶⁰ ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 11. Д. 172. Л. 1–5.

²⁶¹ Там же. Л. 2.

²⁶² Там же. Л. 6–9.

²⁶³ Там же. Л. 5.

²⁶⁴ Там же. Л. 24–26.

²⁶⁵ Там же. Л. 27–29.

²⁶⁶ Женщины в СССР. 1990. С. 50–51.

²⁶⁷ В центре Москвы под патронажем израильских меценатов открыт еврейский детский дом, принявший свыше 30 детей из разных российских детдомов. Эти дети после окончания учебного года с охраной, поваром и прачкой летом путешествуют к Черному морю. Анита-центр — светское учебное заведение, и одна из его целей — собрать и выучить всех детей, оставшихся без родителей из еврейских семей. (Аргументы и факты. 2004. № 44).

²⁶⁸ Московский комсомолец. 1995. 16 февраля.

²⁶⁹ Вестник статистики. 1991. № 8. С. 54–55.

²⁷⁰ Гурко Т.А. Программа социальной работы с неполными семьями. М., 1992. С. 9, 10.

²⁷¹ Сегленице К. Пути разработки социально-гигиенических индикаторов функциональной успешности семьи // Социологические проблемы взаимодействия личности и социальных групп в условиях развитого социалистического общества. Сборник 3. Материалы к научной конференции. Паланга— Вильнюс, 1977. С. 97.

²⁷² Гиндикин В.Я. Психопатии и патохарактерологические развития (роль внешних факторов в их формировании и динамике) // Клиническая динамика неврозов и психопатий. М., 1967. С. 152–183.

²⁷³ Захаров А.И. К изучению семейных отношений при неврозах детского возраста // Социальная психология и социальное планирование. Л., 1973. С. 130–144. Изучены 100 детей с невротическим состоянием. Метод — клиническая беседа, наблюдение, интервью с детьми и родителями, анкета, выборочное школьное исследование.

²⁷⁴ Крестьянка. 1981. № 9. С. 28–30. Все исследования рассматривали не наследственно обусловленные заболевания, а невротические от-

клонения у детей, связываемые с нарушенными семейными отношениями и отклонениями в воспитании.

²⁷⁵ Васильева Э.К. Семья и учебные успехи школьников // Социологические проблемы воспитания и образования. М., 1973. С. 47; Радюте-Бутинавичене С. К вопросу об успеваемости детей младшего школьного возраста (социально-медицинский аспект) // Социализация индивидов и семья. Материалы республиканской конференции. Вильнюс, 1972. С. 171.

²⁷⁶ Панкратова М.Г. Московский школьник и его родители // Взаимоотношения поколений в семье. М., 1977. С. 36–47.

²⁷⁷ Федоров И.В. Подростки с отклоняющимся поведением и их семьи // Взаимоотношения поколений в семье. М., 1977. С. 65.

²⁷⁸ Чечот Д.М. Социология брака и развода. Л., 1973. С. 29.

²⁷⁹ Аристова Н.Г. Влияние структуры семьи на успешность выполнения воспитательных функций // Семья как объект социальной политики. М., 1986. С. 56, 57.

²⁸⁰ Человек и труд. 1992. № 3. С. 12.

²⁸¹ Женщины в СССР. 1990. С. 18.

²⁸² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 102. Д. 209. Л. 83.

²⁸³ Женщины в СССР. 1990. С. 18.

²⁸⁴ Аргументы и факты. 2004. № 34.

²⁸⁵ Климова С.Г. Изменения в алкогольном поведении молодежи (По данным сравнительных исследований в Московской области в 1984, 1988, 1991 гг.) // Социологические исследования. 1992. № 8. С. 92–94.

²⁸⁶ Известия. 2002. 20 мая.

²⁸⁷ Трезвость и культура. 2002. № 3. С. 6–7; Известия. 2003. 20 мая.

²⁸⁸ Крестьянка. 1985. № 7. С. 27.

²⁸⁹ Панкратова М.Г. Сельская женщина в СССР. С. 170–171.

²⁹⁰ Социологические исследования. 1974. № 1. С. 104; Новикова Э.Е., Языкова В.С., Янкова З.А. Женщина. Труд. Семья. (Социологический очерк). М., 1978. С. 64–65; Ершова Е.Н., Новикова Э.Е. СССР — США: Женщина и общество. Опыт сравнительного анализа. М., 1988. С. 210–211.

²⁹¹ Село Вирятино в прошлом и настоящем. Опыт этнографического изучения русской колхозной деревни. М., 1958. С. 257–258.

²⁹² Панкратова М.Г. Сельская женщина в СССР. С. 171–172.

²⁹³ Новикова Э.Е., Языкова В.С., Янкова З.А. Женщина. Труд. Семья. (Социологический очерк). С.65; Ершова Е.Н., Новикова Э.Е. СССР — США. Женщина и общество. Опыт сравнительного анализа. С. 210–211.

²⁹⁴ Панкратова М.Г. Сельская женщина в СССР. С. 172–173.

²⁹⁵ Там же. С. 171–172.

²⁹⁶ Женщина новой России: Какая она? Как живет? К чему стремится? С. 52–53.

²⁹⁷ Взаимоотношения поколений в семье. М., 1977. С. 59.

²⁹⁸ Крестьянка. 1980. № 3. С. 22–23.

²⁹⁹ Серебряков Ю.Г. Культура и быт современной деревни. Чебоксары, 1977. С. 68.

³⁰⁰ Сельская новь. 1981. № 12. С. 29.

³⁰¹ Панкратова М.Г. Сельская женщина в СССР. С. 173–174.

³⁰² Дневник Ирины Н., воспитателя центра дошкольного воспитания (г. Калуга. 18.02.1999 г.) // Женщина не существует: Современные исследования полового различия. Сыктывкар, 1999. С. 154–155.

³⁰³ Панкратова М.Г. Сельская женщина в СССР. С. 128–129.

³⁰⁴ Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Трансформация гендерного гражданства в современной России // Куда пришла Россия?.. Итоги социентальной трансформации. Международный симпозиум 16–18 января 2003 г. М., 2003. С. 148.

Раздел 2

СЕЛЬСКИЙ БЫТ

«Грязи в сельской работе больше, рабочий день длиннее, зачастую люди трудятся без выходных. А чтобы помыться, постирать — надо затопить баню, наносить и нагреть воды. А еще личное хозяйство — огород, заготовка сена на зиму для своей коровы... Когда и как все это успеть? Ведь если летом к 12 часам ночи “отробишься”, так это хорошо, зачастую работа заканчивается еще позже, а в 6 утра вскакиваешь с одной мыслью: “Ой, проспала...” Считаю, что в деревне нужно обязательно строить только благоустроенное жилье, оно здесь более необходимо, чем в городе. Нам нужны дома с центральным отоплением, с горячей водой... Главное, чтобы в любое время, возвращаясь с работы, сельский житель приходил в теплый дом. Одно это наполовину решит проблемы сельского быта».

*Из письма агронома колхоза «Память Калинина»
Осинского района Пермской области // Сельская
новь. 1989. № 6. С. 56.*

«МЫ ЖЕЛАЕМ МОЛИТЬСЯ ГОСПОДУ БОГУ И СЛАВИТЬ НАШЕ ОТЕЧЕСТВО»

Из всех жизненных ценностей крестьянки выбрали СЕМЕЙНУЮ ЖИЗНЬ и ВЕРУ. Они отстаивали свое право на благополучную и счастливую жизнь в родном селе, где всегда возвышался и должен стоять храм — как источник гармонии жизни.

Деревенская жизнь открыта. Высокую нравственность традиционно поддерживала Церковь. Русская деревня являлась православной. Посещение храма, празднование религиозных праздников, отправление обрядов было важным и необходимым для ее жителей. Они не мыслили себя вне православных ценностей и их атрибутов: храма в своем селе или близлежащем, колокольного звона в праздничные дни, коллективного празднования религиозных праздников.

Православие — основа культуры русского народа, это душа крестьянской жизни. На протяжении веков оно оставалось нравственным стержнем русской деревни, в разные времена, трагические и мирные, объединяло нацию и дало возможность ей сохранить себя и высокую культуру и духовность русского народа. Сформировавшиеся районы расселения русской стороны традиционно исповедовали православие. Начало XX века: 103,4 млн российского населения (65%) относит себя к православным¹.

Революционный взрыв 1917 г. привел не только к политическому переустройству государства. Он принес с собой новую идеологию, которая начинала внедряться в социальную жизнь, сметая и разрушая прежние традиционные духовные ценности. Церкви, православия это касалось в первую очередь. В крестьянской стране, где свыше 80% населения проживало в деревне, такая перестройка духовной жизни не могла быть принята и не была принята. Стремление быстро и радикально перестроить ВСЮ жизнь началось с духовной сферы. Немногие, но уверенные в своей правоте служения идеалам революции и коммунизма, в основном мужчины, «ломали» старый мир и надеялись на близкие и уверенные победы над «религиозным дурманом» в умах своего окружения.

Ах, яблочко
Прокатилось!
А советская власть
Укрепилась.

Немногие женщины, Клавдии и Евдокии, переименовавшиеся в Тракторин и Искр, активно пропагандировали новый, «атеистический» образ жизни.

Я к учителю ходила,
Буки-веди поняла.
Я с учителем сидела,
Крест и пояс отдала.

Авангардом в антирелигиозной борьбе и яркими сторонниками атеизма стали члены ВКП(б). Бывшие ценности и традиции были отставлены и забыты, и, руководствуясь новыми идеалами, уже в 1920-е гг., за редчайшим исключением, никто из партийных функционеров деревенского масштаба не посетил церковь²: разрушая старый мир, они строили новый. Атеистическая приверженность поддерживалась выговорами, взысканиями и даже исключением из рядов ВКП(б), что укрепляло антирелигиозную стойкость.

Но деревня подавляющим большинством населения не принимала бездуховности нового бытия.

Большинство активного православного населения — это женщины. Антирелигиозная кампания, развернутая государством, была направлена против деревни, где проживало большинство населения страны и против женщин, которые являлись главной верующей силой деревни. Государство воевало с ними на равных, от этой победы зависело дальнейшее преобразование аграрного сектора и становление новой атеистической идеологии. Сельские женщины проявили стойкость, решительность и убежденность в своей правоте. Государство отступало и наступало вновь, но сломить эту силу не смогло. Именно сельские женщины противостояли нововведениям советской власти и открыто выступали против коллективизации. Комсомолки колхозных деревень слагали новые частушки:

Милый месяц, смейся в выси,
Лей на крышу синий свет,
Ныне женщина в колхозе —
Полноправный человек.

Но для государства, вставшего на социалистический путь переустройства сельского хозяйства, крестьянка должна была стать не только «полноправным» членом артели, а опорой его политики, той «большой силой», которую так возвысил Сталин. Подтягиваемая «сверху», перестраивающаяся деревня — отсталый пережиток аграрного сектора экономики — тормозила развитие советской передовой страны прежде всего своими традиционными ценностями. Ее социалистическое обустройство в государственной политике обычно сводилось к борьбе с религией, регулированию семейных отношений и деторождения и привлечению женщин к участию в общественном производстве. Выдвижение знаменитого лозунга «Женщины в колхозах — большая сила!» — это вынужденное признание значимости женской силы, ее влияния в деревне и обращение к ней. «Религиозный дурман» отвлекал от социалистического строительства, от мечтаний об идеалах будущих свершений, православие проповедовало любовь к ближнему, смирение, веру в ВЫСШУЮ справедливость и отвергало насилие. Но без активного участия женщин поворот в новой политике социалистического государства

был невозможен. И началась неравная борьба государства с большинством деревенского населения, где на стороне сильного — хозяйственный, репрессивный, идеологический аппарат власти. Метод привлечения и государственного убеждения оказался неэффективным. Сталинская «революция сверху» завершилась форсированной коллективизацией. Организация насильственной «коллективной» сельскохозяйственной жизни в деревне не привела к «коллективному» атеистическому сознанию. Самое упорное сопротивление, и открытое и внутреннее, оказали сельские женщины, о чем говорят известные бабьи бунты и непоколебимая ВЕРА. Не победив эту «большую силу», *никогда в советской и постсоветской истории больше не обращались к женщинам для решения ключевых государственных задач!*

Юридически Церковь была *отделена от государства* декретом от 23 января 1918 г., и велась «смертельная» война со священнослужителями и мирянами. До 1922 г. в Советской России было закрыто свыше 600 монастырей, многие из которых обрели большую историческую ценность. Общее число жертв среди мирян и духовенства за 1917–1921 гг., стоявших вне Гражданской войны, превысило 10 тыс. человек. За 1922–1923 гг. были уничтожены 2691 священник, 1962 монаха и 3447 монахинь. За 1929–1936 гг. 50 тыс. священнослужителей и мирян было осуждено и 5 тыс. из них казнено, за 1937–1938 гг. — 200 тыс. репрессированных и 100 тыс. казненных, за 1939–1940 гг. — около 2 тыс. расстрелянных³. Конституция СССР 1936 г. в статье 124, формально признавая свободу «отправления религиозных культов» при «свободе проведения антирелигиозной пропаганды», зафиксировала «в целях обеспечения за гражданами свободы совести» отделение Церкви от государства и школы от Церкви, но *Церковь никогда не была отделена от народа*. Несмотря на непрекращающиеся репрессии и гонения на Церковь и попытки дискредитировать ее деятельность, даже официальная перепись 1937 г. зафиксировала: 55,3 млн граждан СССР в возрасте от 16 лет и старше, или почти 60%, не скрывали своих религиозных убеждений и отнесли себя к «верующим»⁴, хотя, безусловно, таковых было больше, но ответить искренне многие побоялись. Две трети женщин не изменили ВЕРЕ, тогда как среди мужчин атеистами стали свыше половины⁵. Православие по-прежнему являлось самым распространенным вероисповеданием в России, и его приверженцами остались 41,6 млн, три четверти верующих. Около 70% православных — это женщины⁶.

В довоенное время число культовых учреждений сокращалось. Многие церкви использовались под склады, заводы, мастерские, клубы, кинотеатры. Иные были варварски уничтожены. Из воспоминаний С.Л. Грачева, жителя деревни Чижево Лесного района Калининской области: «Две церкви рядом стояли — одна кирпичная, другая деревянная. Вот где кирпичная,

здесь сельхозтехника расположилась, построили постройки, церковь хотели разобрать на кирпич, воспользоваться кирпичом. И ничего не вышло. Кирпич не снять с раствора. Вот такой делали раствор. А рядом с церковью стояла вроде часовенки, маленькая такая будочка, и начали ее ломать. И ничего, ни одной кирпичины, все идет на лом. Ее взять с раствора невозможно. Ну, церковь поломали и бросили, оставили ее в середине этих построек, это в Лесном. А такая красота-то была!»⁷.

Власти стремились соблюдать юридическую сторону при ликвидации церкви: инициатива должна принадлежать обязательно местному населению. Главным документом становился протокол общего собрания о закрытии церкви; прилагалось и постановление райисполкома об упразднении церкви с указанием дальнейшего использования ее здания в таком случае. По ходатайству жителей села Перя Устюженского района Вологодской области, желающих повышать свой образовательный уровень, в 1930-е гг. был вначале закрыт зимний Никольский храм для передачи его здания под школу колхозной молодежи, а затем и летний Преображенский храм, с предварительно снятыми колоколами, «в распоряжение сельсовета... на культурные нужды колхозного населения». Прихожане опротестовали эти «ходатайства», но храмы были закрыты для них. Школа колхозной молодежи в селе Перя так и не открылась, а Преображенская церковь была «продана» как стройматериал в соседнее село, для чего под свод положили взрывчатку, а здание Никольского храма разобрали местные строители. Обе церкви являлись уникальными памятниками северного зодчества конца XVIII — начала XIX вв.⁸

Церковное имущество — книги и архив — сдавалось «как макулатура», церковные облачения продавались пошивочным артелям для переделки, иконы, иконостасы и металлические изделия использовались для ремонта других зданий. Все, что нельзя было «использовать» или «продать», подлежало «разрубке», «сожжению», «уничтожению». В последующие годы были выявлены научными экспедициями чудом уцелевшие национальные сокровища мирового значения, как, например, икона XIII в. из церкви Рождества Богородицы Передского сельсовета Новгородской области и иконы иконостаса XV в. из разрушенной и разграбленной другой церкви этого древнерусского края⁹. Деяния подкреплялись задорными, слагаемыми по следам событий частушками:

Отец гонит самогон,
Чтоб залить кручину,
Сенька сбросил все иконы —
В щепки, на лучины.

Насаждение атеизма «загнало» религиозные убеждения внутрь, но не искоренило их из сознания деревенских жителей.

Проводниками новой идеологии стали молодежь и специалисты сельского хозяйства. Женщин среди них были единицы. Именно крестьянки стали наиболее «консервативной» силой, способствовавшей сохранению религиозных обычаев в деревенской жизни, именно они оказались «хранительницами» и обрядности, и норм христианской морали. Именно они первыми выступали и активно боролись с посягательствами на церковь и ее имущество. В зафиксированных органами ОГПУ массовых выступлениях «в связи с перегибами в церковном деле» главную роль играли сельские женщины: в ряде районов Севера до 500 «верующих крестьян», вооруженных топорами и кольями, протестовали против действий советской власти¹⁰. Именно крестьянки являлись носителями религиозного сознания и были опорой Церкви в деревне.

Увлеченные революционным порывом быстрой победы над «пережитками» в сознании миллионов граждан России, большевистские лидеры встали на путь прямого гонения и откровенного грабежа и уничтожения Церкви. Усилился натиск на Церковь и верующих руководимыми властью «воинствующими атеистами-безбожниками». Но Церковь стремилась продолжать свою богослужебную деятельность и оставалась с народом.

Постановление ВЦИК СССР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г. и Инструкция НКВД отрицали права Русской Православной Церкви как юридического лица. Религиозные объединения и их члены подлежали обязательной регистрации местными властями, действующими по своему усмотрению. Церковная жизнь была ограничена богослужением в храме. Духовенство отчисляло в казну три четверти своих доходов. Физическое давление на Церковь привело к еще большей стойкости оставшегося на свободе священства, которое в условиях так называемого подполья, носившего в общей своей направленности вовсе не антисоветский характер, смогло объединить вокруг себя православное население и развернуть благотворительную, образовательную, просветительную активную деятельность и оставалось со своими прихожанами¹¹. И вместе с ними с 1943 г. возрождало «разрешенную» церковную жизнь.

Форсированная модернизация в СССР привлекла Церковь как один из важных источников пополнения бюджета страны. Изъятие материальных ценностей нанесло непоправимый ущерб. Это был невосполнимый удар по традициям и культуре русского народа. Конфискация церковного имущества подкреплялась начавшейся «антиколокольной кампанией». Осенью 1929 г. Президиум ВЦИК постановил, что «колокольный звон, производимый на всю округу церковниками, резким образом противоречит принципу отделения церкви от государства, ибо нарушает бытовые условия и права широких безрелигиозных трудящихся масс, особенно города, мешает труду

и использованию трудящимся населением его отдыха»¹². Полностью был запрещен звон во все колокола.

Кампания по изъятию колоколов развернулась повсеместно. ВЦИК СССР разработал инструкцию для местных исполнителей по проведению в жизнь этой акции, где указывалось, что ей должна предшествовать «широкая подготовительная кампания на местах»: это меры организационного характера, а также давление на заинтересованных противодействующих лиц вплоть до прямых угроз и репрессий. Государственный план предусматривал заготовить в РСФСР в течение 1930/1931 г. не менее 20 тыс. т колокольного лома, на Украине — не менее 4 тыс. т, в Белоруссии — не менее 1 тыс. т. Рудметаллоторг «встречным планом» увеличит государственные задания до 150 тыс. т., позже, правда, снизив до 75–90 тыс. т. В 1929/1930 г. планировалось поступление 15 тыс. т «колокольного» лома, в 1931/1932 г. — 45 тыс. т, в 1932/1933 г. — еще 40 тыс. т. Но и для фактически поступивших 11 тыс. т «поруганных», сброшенных с колоколен колоколов в стране не хватило мощностей для переплавки, не было разработано и соответствующей технологии по утилизации. В октябре 1930 г. Совнарком СССР принял «политически» оправданное решение: чеканить из «колокольного» металла мелкую разменную монету (вместо использования для этих целей прежде импортной меди)¹³. На эти и все другие государственные задачи «колокольного» металла было более чем достаточно, и Центр информирует республики о приостановлении этой кампании. Председатель Совета Труда и Оборона СССР А.И. Рыков 13 декабря 1930 г. направил в СНК РСФСР, СНК УССР, СНК БССР и ВСНХ СССР телеграмму под грифом «совершенно секретно»: «В отмену писем от 8 и 23 октября 1930 г. сообщаю, что предложения ВСНХ СССР об изъятии колоколов из церквей в тех городах, где запрещен колокольный звон, отменяются»¹⁴. Но события стремительно развивались.

Была осуществлена форсированная коллективизация, десятки тысяч крестьянских семей были выселены из своих деревень, где были организованы коллективные и советские хозяйства. В стране быстрыми темпами развивалась промышленность. Индустриализация и укрепление обороноспособности требовали расширения сырьевой базы. Простой способ изъятия колоколов у Церкви решал одновременно задачу борьбы с религией и укреплял развивающуюся промышленность. О возможности использования «колокольного лома» по-прежнему никто во власти не задумывался, но верстались грандиозные планы переустройства всей жизни страны, которые «выполнялись» и «перевыполнялись» на местах. Здесь тоже выявились передовые и отстающие районы и области. Вот один из многих примеров деятельности властей. И один из многих примеров ответа на нее деревни, деревенских жителей, инициаторами

среди которых были бесстрашные крестьянки, вступившие в открытую борьбу с властью, твердо зная о неизбежности последующих акций района и центра.

События развернулись в селе Черная Заводь Некрасовского райисполкома Ярославской области. Их значимость определяется тем, что резонанс о них отозвался в Москве. Заместитель наркома внутренних дел Л. Берия в Записке от 30 сентября 1938 г. в ЦК ВКП(б) на имя И.В. Сталина изложил последовательность событий и доложил о принятых мерах. В селе Черная Заводь по решению Ярославского облисполкома было предпринято закрытие церкви и снятие колоколов с колокольни. Для осуществления этой акции туда прибыли секретарь Некрасовского РК ВКП(б), председатель райисполкома, заведующий районного финансового отдела и бригада Цветметаллолома.

«В это же время группа церковников собрала толпу 500—600 человек, которая, став у церкви, категорически заявила приехавшим: “Снимать колоколов не дадим, а если посмеете приступить к снятию колоколов насильственным путем, то учиним расправу”».

При малейшей попытке представителей района подойти к церкви в толпе начиналось движение и раздавались провокационные выкрики: “Караул, бьют, грабят”, “Пьяные бандиты приехали, бейте их”. Наиболее активными были сельские женщины. Колхозница Е.П. Баулина “с паперти церкви призывала верующих вооружиться топорами и вилами и гнать всех приехавших, а если будут нажимать, то рубить их всех”».

Встретив организованное сопротивление, представители района вызвали врача, который засвидетельствовал, что они не пьяны. Но ситуация не разрядилась, и «под свист, крики и хлопанье в ладоши представители района уехали из села».

Сельские жители организовали круглосуточное дежурство около церкви (50—60 человек ночью и 10—15 — днем) и постоянное наблюдение за дорогой из райцентра. «Как только наблюдатели обнаруживали автомашину, идущую из района, поднимался крик, крестьяне бросали полевые работы и сбегались к церкви».

После инцидента райисполком принял решение: церковь не закрывать, но колокола снять. Однако церковная «двадцатка» на это не согласилась.

Обвинены во всех беспорядках были местные власти, которые действовали «административным» путем, проинформировав лишь сельский актив и не проведя «разъяснительной работы» среди крестьян, в то время как «церковники» ходили по домам и призывали верующих оказать сопротивление этим акциям властей.

Народный Комиссариат внутренних дел СССР вынес решение о командировании в село сотрудника НКВД по Ярос-

лавской области, а обкому ВКП(б) «рекомендовалось обсудить этот инцидент и принять соответствующие меры»¹⁵.

По распоряжению И.В. Сталина, была проведена тщательная проверка, а заведующим отделом руководящих парторганов ЦК ВКП(б) Г.М. Маленковым подготовлена Записка от 27 октября 1938 г. о ее результатах на имя Поскребышева. Проверка установила, что в селе Черная Заводь 16 сентября 1938 г. действительно имело место выступление против снятия церковных колоколов. Обстоятельства, указанные в письме Л. Бери, подтвердились.

Руководство Ярославского облисполкома в феврале 1938 г. утвердило годовой план заготовки колокольной бронзы в объеме 520 т — вдвое выше государственного задания. Некрасовский райисполком для облегчения выполнения задачи принял решение о закрытии храма в селе. Ярославский обком ВКП(б), оценив упорное сопротивление местных жителей и открытое противостояние властям, отменил повышенные планы заготовки бронзы и привлек к ответственности, в том числе уголовной, председателя Некрасовского райисполкома, работников «Вторцветмета», принимавших участие в этой акции, и заведующего районным финансовым отделом. Лишен работы был первый секретарь Некрасовского РК ВКП(б). В области была развернута антирелигиозная работа с привлечением пропагандиста-«антирелигиозника», а органы НКВД «по своей линии» проводили «необходимую работу по изъятию враждебных элементов, организовавших выступление населения против снятия колоколов»¹⁶.

Даже в 1938 г., выполняя поручение И.В. Сталина по анализу ситуации в Ярославской области, Г.М. Маленков характеризовал закрытие церкви и снятие колоколов как «неправильное решение» и «провокационное по своим последствиям»¹⁷.

В предвоенный период гонения против церкви не ослабевали. Наиболее бесстрашными и самоотверженными приверженцами православия всегда оставались сельские женщины. Именно они первыми вступали в борьбу с властями, открыто протестуя против закрытия храмов, грабежа церковного имущества, насилия над священнослужителями.

Великую Отечественную войну Русская Православная Церковь встретила на стороне своей страны. Молитвами и денежными вкладами на строительство военной техники она внесла огромный вклад в победу СССР. На средства Церкви была построена танковая колонна имени Дмитрия Донского. И не только. Общий материальный вклад в фонд обороны составил 300 млн руб.¹⁸

Измощенные непосильным трудом и исстрадавшиеся женщины несли всю тяжесть военных лет на себе и верили в скорую победу над врагом. Вдохновляла, утешала, помогала им

пережить эти суровые времена Церкви. Приближался конец войны и Великая Победа над фашизмом. Перед СССР стояли задачи укрепления и распространения своего влияния в Европе. Не упускала из поля зрения власть могущество Церкви в решении важнейших внешнеполитических задач Советского государства. Принимали во внимание и возможность использования Церкви в решении продовольственного вопроса в стране, привлекая ее материальные, хозяйственные и людские ресурсы. Вырос авторитет Церкви и среди населения СССР. И руководство страны вняло времени: началось возрождение Русской Православной Церкви. Для *государства* был необходим авторитет Церкви для укрепления СССР на международной арене, для *Церкви* это была единственная возможность возрождения — встать на путь компромисса с властью. Интересы совпали. В 1943 г. был провозглашен «новый курс» в государственно-церковных отношениях: произошел поворот государства в сторону Церкви под строгим его контролем. 1943–1953 гг. стали «золотым десятилетием» Русской Православной Церкви¹⁹. Стремительно восстанавливалась церковная жизнь: в течение осени 1943 г. произошла встреча Сталина с митрополитами в Кремле, начал работу Собор русских епископов, и потому 16 из 19 епископов были возвращены из лагерей и ссылки, состоялось избрание митрополита Сергия Патриархом Московским и Всея Руси. В 1945 г. Совнарком СССР постановил передать распоряжение денежными средствами и церковным имуществом от прихожан настоятелю (как это было прежде). В 1946 г. Церкви предоставлено было ограниченное право юридического лица: приобретение транспортных средств, покупка в собственность домов, новое строительство зданий. Гражданский персонал, обслуживающий церковь, получил возможность профсоюзного обеспечения и социального страхования.

В сентябре 1943 г. Совнарком СССР утвердил создание Совета по делам Русской Православной Церкви, который должен будет осуществлять связь между правительством и Московской Патриархией. Компетенцию Совета Сталин определил так: «Совет будет осуществлять связь между Правительством Союза и патриархом. Он (Совет) не должен принимать самостоятельных решений, а докладывает лишь те или иные вопросы Правительству и, лишь получив по ним указание Правительства, приступает к их решению»²⁰. Совет возглавил начальник отдела Народного комиссариата государственной безопасности СССР полковник Г.Г. Карпов. Его заместитель Зайцев и большинство уполномоченных на местах также являлись сотрудниками НКГБ СССР. Фактически все они совмещали службу в органах НКГБ и работу в Совете. «Двуликий» Совет находился в полном подчинении власти, стоял на страже интересов государства и был послушно управляемым в политической игре Сталина²¹.

С февраля 1944 г. началась передача храмов Церкви. Здесь было сближение интересов, но не продуманная, искренняя, честная политика государства, проводимая для возрождения Церкви и церковной жизни. Постановление Совнаркома СССР от 28 ноября 1943 г. «О порядке открытия церквей» формально предоставило значительные права верующим и соответствующие полномочия местным властям и Совету по делам Русской Православной Церкви. На деле все выглядело иначе. В.М. Молотов указывал Г.Г. Карпову: «Пока не давать никаких разрешений на открытие церквей. В последующем по вопросу открытия входить с санкцией в Правительство и только после этого спускать указания в облисполкомы». И далее твердо: «Открыть церкви в некоторых местах придется, но нужно будет сдерживать решение этого вопроса за Правительством»²². Из 5770 ходатайств об их открытии, поступивших в Совет за 1944–1945 гг., было удовлетворено 414²³. К 1941 г. Русская Православная Церковь имела 3021 действующий храм, причем около 3 тыс. находились на территориях, вошедших в состав СССР в 1939–1940 гг. Непосредственно перед Великой Отечественной войной только в 120 церквях Российской Федерации было разрешено богослужение для прихожан. Священнослужителей насчитывалось 6376 (в 1914 г. — 66 100 священников и диаконов). В 1938 г. не существовало ни одного монастыря. После присоединения «новых» территорий их стало 46. Из высшего духовенства было 2 епископа и 2 митрополита²⁴, а в начале XX в. Россию украшали 697 православных обителей, монастырские капиталы оценивались в сумму 8,5 млн руб.²⁵ Историческая, художественная, культурная и НАРОДНАЯ ценность православных монастырей не подлежит оценке, их бесценность определили время и память русского народа.

Возрождение Церкви в сталинское «золотое десятилетие» было связано с необходимостью ее участия как во внешнеполитическом курсе страны (укрепление авторитета СССР с привлечением Церкви с учетом ее значительного влияния в мире), так и во внутреннем (участие Церкви в решении продовольственной проблемы). И Церковь оправдала эти надежды. А контроль за возрожденной религиозной жизнью страны осуществлялся через Совет по делам Русской Православной Церкви под руководством полковника НКГБ СССР Г.Г. Карпова. Но уже в 1948 г. наступил период «охлаждения» в государственно-церковных отношениях. Это выразилось и в запрещении крестного хода из села в село, и в «недопустимости» разъездов архиереев по епархии в период посевной и уборочной, решения о чем принял Синод под давлением Совета. С ноября 1946 г. по март 1953 г. официально не было открыто ни одного храма²⁶. Сокращалось число священнослужителей. В 1955 г. во всех учебных заведениях Московской патриархии обучалось 845 слу-

шателей (в том числе 600 в семинариях и 155 в академиях), в 1954/1955 учебном году было принято 312 человек. С 1946 г. по 1954 г. ими было выпущено 653 священнослужителя (512 семинариями и 81 академиями), что составляло не более 5% всего зарегистрированного духовенства (11 968 священников и диаконов) и 26% к числу лиц, посвященных в духовный сан за 1948—1954 гг. (за 7 лет посвящено в духовный сан 248 человек). За этот же период из состава духовенства убыло 5 тыс. человек. В набор 1954/1955 г. было принято только 180 слушателей в возрасте 18—20 лет. А возрастной состав священства был «старым»: только немногим более 11% священнослужителей не достигли 40-летнего возраста, четвертая часть была в возрасте 41—55 лет, а почти 65% — старше 55 лет. Правда, и авторитет этой возрастной группы был, как правило, неоспоримым. Но ротация кадров была неизбежна, поэтому так остро стоял вопрос о зачислении в духовные учебные заведения молодежи, но именно по этой же причине власти всеми средствами препятствовали этому. Проще они относились к зачислению в эту категорию заведений детей священнослужителей, но таких было немного и не все хотели продолжить семейную традицию, особенно видя сопротивление властей. Опорой и здесь оставались сельские семьи: более двух третей зачисленных в духовные учебные заведения по социальному происхождению являлись крестьянами, причем каждый десятый — бывший колхозник. Это бывшие студенты, учителя, юристы, военнослужащие, как правило, молодые люди в возрасте от 21 до 30 лет и имеющие полное среднее образование²⁷. Выросшие в деревне, сохранившие традиционные взгляды на жизнь, усиленные влиянием Православия, эти новые духовные наставники оказывали большое влияние на жизнь деревни. Особенно это было важно для сельской молодежи. Старшее священство всегда почиталось в русской деревне и его авторитет был непререкаемым. Приходящее ему на смену молодое поколение, имевшее деревенские корни, также пользовалось большим авторитетом в сельском мире. Их СЛОВО было понятным, утешительным и вседоступным.

Непрерывно следует учесть огромную нравственно-воспитательную роль Церкви в сохранении семьи. Свободная любовь и фактические браки (с признанием и непризнанием детей при последующем раздельном проживании бывших супругов), столь распространенные в СССР и поначалу одобряемые советской властью, привели к тому, что «ячейка общества» — семья перестала быть контролируемой, а значит, перестала быть контролируемой и рождаемость. Суровые изменения законодательства 1936 г. касались лишь запрета на аборт — важно, но не единственного регулятора увеличения рождаемости. В 1944 г. государство Советов законодательно вводит: только зарегистрированный брак порождает права и обязанности супругов.

И закон 1936 г., и закон 1944 г. получили безусловную поддержку Церкви. Ее консолидация с государством в этих вопросах была полной. Церковь вела большую разъяснительную и воспитательную работу в этом направлении, и государство на нее справедливо рассчитывало.

В крестьянской стране с преобладанием православного населения ее слово было весомо, к нему прислушивались, в него верили. Эти государственные задачи совпадали с нравственным учением православия, и Церковь, не отступая от своих устоев, выполняла их. В условиях «общественного согласия» Церковь была обращена в первую очередь к деревне и крестьянкам.

До середины 1960-х гг. СССР оставался страной с доминирующим сельским населением. Переехавшие в город долгие годы ощущали себя в душе крестьянами, с крестьянским менталитетом, крестьянскими ценностями и традиционными установками на жизнь. Возрождение Церкви было важно прежде всего женщинам, *сельским женщинам*, составлявшим подавляющее большинство военной и послевоенной деревни, выстрадавшим и заслужившим это возрождение духовной жизни. В одинокой, вдовой, обездоленной и нищей деревне конца 1940-х гг. открытие храма становилось знаковым событием, безусловным одобрением советской власти, вернувшей нравственное начало деревенской жизни. За одним открытым храмом тянулись тысячи надежд на открытие еще многих и вера, что в своей деревне будет своя церковь. Ради восстановления сельских храмов шли за многие километры «ходоки» из деревень и сел, писались и переписывались прошения и ходатайства, составленные строго по инструкции и подписанные церковными активистами, отправлялись телеграммы и ожидалось ответы. Люди не отступали. В 1947 г. в Москву в Управление делами Московской патриархии как «высшую инстанцию» обращались вологодские крестьяне из Кирилловского района с ходатайством об открытии Рукинской Воскресенской церкви: «побывав 87 раз в облисполкоме» и «не помним число раз» в сельсовете, «мы хлопочем уже четвертый год, и всюду один только тормоз. Глас народа — глас Божий! 5629 подписей можно довести до 10 тысяч подписей Почему никто не считается с массой народа на доброе христианское дело. Может быть, ехать к самому Сталину И.В.»²⁸. Упорство многих было вознаграждено.

В 1953 г. из 13 508 церквей и молитвенных домов, действовавших в СССР, 11 536 приходилось на сельскую местность. Начиналось возрождение Церкви со 120 действовавших храмов на огромной территории Российской Федерации²⁹. На 1 января 1955 г. в СССР на регистрации состояло 13 376 церквей и молитвенных домов, в том числе на селе 11 450. В основном они находились на Украине — 8517 (63%) и в России 2916 (22%).

Отмечалось увеличение поступления в православные монастыри новых лиц: в 1954 г. числилось 59 монастырей, в них поступило 129 новых из 312 вступивших человек. Среди женщин преобладали колхозницы не старше 30 лет³⁰. В 1957 г. в СССР было зарегистрировано 13 430 православных церквей и молитвенных домов и 5104 других религиозных общин. Кроме того, существовало 2646 групп верующих, общины которых официально не были зарегистрированы. В РСФСР действовало 2933 церкви и молитвенных дома, 2 монастыря, где служили 4579 священников³¹. Колхозницы из деревни Калитино Вологодской области так отразили свое отношение к церкви: «Только Бог может принести для человека хорошее»³².

Таблица № 40

Церкви и молитвенные дома Русской Православной Церкви

На 1 января	Всего	Церквей	Молитвенных домов	В городах	В рабочих поселках	В сельской местности	Православное духовенство
1950	14 273	11 713	2560	1448	545	12 280	13 483
1951	13 867	11 483	2384	1386	569	11 912	12 443
1952	13 740	11 037	2703	1425	553	11 762	12 318
1953	13 508	10 891	2617	1433	539	11 536	12 089
1954	13 422	10 797	2625	1427	545	11 450	11 912
1955	13 376	10 745	2631	1445	501	11 430	11 993
1956	13 417	10 843	2614	1458	523	11 436	12 185
1957	13 430	10 827	2603	1460	531	11 439	12 288
1958	13 413	10 925	2488	1491	559	11 363	12 169

Источник: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Д. 704. Л. 52; Оп. 33. Д. 9. Л. 16, 18.

Хрущевский период не стал «оттепелью» для возрожденной церковной жизни. «Примиренческий» сталинский курс в церковно-государственных отношениях был заменен на хрущевскую открытую «конфронтацию» этих структур³³. Строительство коммунизма было несовместимо с отвлечением от заявленных во всех партийных документах идеалов атеизма. Не было серьезных причин и для «заигрывания» с Церковью ни в экономических, ни во внешнеполитических государственных целях. Развернувшаяся антирелигиозная и атеистическая кампания подкреплялась и направлялась партийными решениями, главным из которых стало Постановление ЦК КПСС от 7 июля 1954 г. «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения». Руководство страны пересмотрело и осудило «примиренческую» политику государства в отношении Церкви и начало «наступление на религиозные пере-

житки». Перед принятием постановления В.М. Молотов предупредил Н.С. Хрущева о том, что оно «поссорит нас с духовенством и верующими, принесет массу ошибок». Хрущев ответил: «Будут ошибки — исправим»³⁴. Работа над ошибками началась в 1990-е гг., почти полвека спустя, когда многие материальные памятники были уже безвозвратно утрачены, а нравственность значительной части советских граждан деформирована бездуховностью, не заменившим религию атеизмом.

Расширение церковного влияния противоречило становлению всесторонне, но атеистически развитой личности, и нажим на Церковь усилился. Прежде всего это выражалось в сокращении храмов и касалось исключительно *деревни*. За 1950-е гг. в целом по СССР число церквей уменьшилось на 860, что означало закрытие, разрушение, передачу другим организациям десятой части церковных зданий, и если в городах и рабочих поселках наметилась относительная тенденция к их увеличению (в городах — на 43 и в рабочих поселках — на 14 церквей за все 1950-е гг.), то только за счет сельских приходов их число сократилось: на 917 храмов и на 72 моленных дома (см. таблицу № 40). Пропорционально сокращению церквей уменьшалась и численность духовенства. Сказывался и старый возрастной состав священства. За 1950-е гг. его численность в СССР уменьшилась на 1314 человек. Посетивший в 1958 г. СССР протопресвитер Мароитакис с горечью негодовал: «Я удивляюсь, до чего мог дойти русский народ, который в прошлом был таким богобоязненным. Здесь, в Кремле, произошло то же, что турки сделали в Константинополе, — храмы превращены в музеи»³⁵. На 1 января 1958 г. в СССР на регистрации состояло 13 413 церквей и молитвенных домов, в том числе 10 925 церквей. В городах действовала 1491 церковь, в рабочих поселках — 559. Свыше 11 тыс. сельских храмов открыли двери для прихожан. Однако ежедневно церковные службы совершались только в 949 церквях, в воскресные и праздничные дни — в 10 921, нерегулярно (1–3 раза в год) службы бывали в 1378 церквях. В 1958 г. не было служб в 213 церквях. В 1957 г. было зарегистрировано 12 288 священнослужителей: 11 010 священников, 1086 диаконов, 73 архиерея, из которых 3648 служили в городских церквях, 610 — в церквях рабочих поселков и 7911 — в сельских храмах. За 1957 г. общее число духовенства уменьшилось на 119 человек, главным образом за счет Украины, тогда как в России увеличилось на 66 человек. Происходило это в условиях сокращения числа сельских храмов. На 1 января 1958 г. на регистрации состояло 12 169 служителей Русской Православной Церкви³⁶. В их число входили и 300 священников, вышедших на свободу в «либеральные» 1950-е гг.³⁷ Из общего числа церквей большинство действовало на Украине — 8537 (63,4%), в России 2930 (21,8%), в Белоруссии — 967 (7,2%) и в селах³⁸.

В крестьянской православной стране в каждом большом селе строился храм. Будни и праздники скрашивались востребованной возможностью его посещения для утешения, успокоения, наставления. Разрушение храмов прежде всего и в большей степени коснулось деревни, а вместе с ними разрушались и традиционные устои крестьянской жизни. И начало восстановления, и возвращение храмов коснулось прежде всего деревни, как доминирующей по численности населения, сохранившей значительную часть храмов и социально очень активной, не потерявшей православной веры. Вдохновителями, зачинателями, организаторами восстановления и открытия храмов всегда были смелые русские женщины. Получив разрешение на открытие Федоровской церкви в Кировской области, крестьяне «дни и ночи работали по очистке здания от мусора и грязи, из своих квартир приносили стекло для остекления окон, а также краску, железо и проч.», — сообщил уполномоченный Совета по делам Русской Православной Церкви по Кировской области. Освобождая здание церкви в селе Никулята Салобелякского района, его жители «в два дня вынесли на себе на солидное расстояние около 200 тонн зерна, добровольно собравшись для этого из разных деревень» и готовы были продать коров и помочь деньгами возрождающемуся сельскому храму³⁹. За 1950-е гг. количество храмов и моленных домов в России сократилось и в городе — на 22 и, особенно, на селе — на 228, а прихожане продолжали настойчиво ходатайствовать об их открытии⁴⁰. В 1958 г. в России действовало 2403 церкви и 527 моленных домов, в том числе на селе — 2222. Но ежедневно церковные службы совершались только в 460 церквях, воскресные и праздничные — в 2321. В 1959 г. работало 2914 церквей и моленных домов (2392 церкви и 522 моленных дома), в том числе на селе — 2201, среди которых 1797 храмов и 404 моленных дома. Из 4688 служителей Церкви в 1958 г. на селе работали 2426 священнослужителей, за 1959 г. их число сильно сократилось⁴¹. При значительном численном превосходстве сельских храмов этого было абсолютно недостаточно, и власть использовала этот факт для закрытия храмов вследствие отсутствия духовных лиц для проведения службы, не допуская при этом увеличения количества слушателей в духовных учебных заведениях.

Процесс сокращения храмов продолжался и под предлогом передачи здания для организации в нем краеведческого или любого другого музея, либо передавался как «исторический памятник» под охрану государства, что означало полное государственное безразличие к национальному культурному достоянию. Не приостановился и прямой захват закрытых церковью под хозяйственные нужды колхозов, совхозов, «Заготзерно», «Сельхозтехники». Только за 1958 г. из юрисдикции Церкви было выведено 11 церквей. Многие закрытые для прихожан храмы, особенно деревянные, разрушались, горели в пожарах и на-

Церкви и моленные дома в РСФСР

На 1 января	Церкви и моленные дома — всего	В том числе на селе
1950	3164	2429
1951	3053	2338
1952	3010	2293
1953	2989	2277
1954	2974	2259
1955	2916	2229
1956	2923	2231
1957	2933	2232
1958	2930	2222
1959	2914	2201

Источник: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 90. Л. 52; Оп. 34. Д. 37. Л. 4, 8; Д. 57. Л. 23.

всегда уходили из российской истории. Но деревня не безмолвствовала. И прежде всего крестьянки. Они писали письма в «высокие» инстанции, отстаивая свои конституционные «религиозные» права. Именно они включались в «двадцатки» и ходатайствовали об открытии церкви. Официальная регистрация двадцати прихожан, составляющих общину, для открытия в селе православного храма предусматривала запись фамилий, места жительства и работы активистов, после чего выявляли их родственников, через которых оказывалось давление на членов «двадцатки». Но только под угрозой увольнения с работы родственников они иногда были вынуждены отступить. Формально. А затем начинали вновь писать по инстанциям в поисках крестьянской религиозной правды. И добивались ее. Главные жалобы крестьянок адресовались в Москву — в Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР (Совет по делам Русской Православной Церкви и Совет по делам культов в 1965 г. объединились в Совет по делам религии), в Верховный Совет СССР. Во всех случаях разбирательство переносилось на областной уровень.

В Ивановском обкоме КПСС в феврале 1953 г. рассматривались жалобы крестьянок, входивших в религиозные «двадцатки» различных церковных советов, которые под нажимом местных властей вынуждены были отказаться от ходатайств об открытии храма.

В феврале 1953 г. в Гаврило-Посадский райисполком были вызваны около десяти работников местных советских учреждений, родственники которых работали в церкви, и перед ними поставили вопрос о «недопустимости положения, когда они — работники советских учреждений имеют родственников-цер-

ковников». В течение 2—3 дней им было предложено «заставить» родственников написать заявления о выходе из состава «двадцатки». Отметим, что указанные работники советских учреждений занимали отнюдь не руководящие районные посты. Это были: счетовод из райсобеса, техник райисполкома, финансовый агент, учительница и «техничка» местной школы. Опасаясь за судьбу своих родственников, заявления ими были написаны⁴².

Прихожанка Лазарева писала в феврале 1953 г. в Сербиловский церковный Совет: «Прошу исключить меня из членов двадцатки, т.к. дочери мои работают — одна в райсобесе, другая в отделении в Сербилове на почте. Если не выпишите меня, то дочерей с работы снимают»⁴³. В церковный Совет Спасо-Преображенской церкви в феврале 1953 г. поступили два заявления с просьбой об исключении из членов религиозной «двадцатки» — от Жильцовой «в виду того, что мой сын работает в советском учреждении, что несовместимо. За то что я в двадцатке, его освобождают от работы», и от Якимовой: «Прошу исключить меня из членов двадцатки, т.к. сноха работает учительницей и сын партийный. Если не выпишите меня из двадцатки, то сноху с работы снимут»⁴⁴.

Свои заявления они передали священникам. Один из священнослужителей — Пресняков из церкви села Сербилово Гаврило-Посадского района — изложил ситуацию в письме в Совет по делам Русской Православной Церкви. Прихожанка Лазарева лично обратилась к патриарху, который ответил ей, что «председатель облисполкома дискредитирует Советскую власть»⁴⁵. Местные власти отреагировали на протест Церкви своеобразно: членам «двадцатки» было предложено переписать заявления. Но противостояние продолжалось: Совет по делам Русской Православной Церкви 2 апреля 1953 г. обратился с письмом в ЦК КПСС, к Н.С. Хрущеву, изложив «факт грубого администрирования по отношению к церкви, имевший место в Гаврило-Посадском районе Ивановской области»⁴⁶. Обращение возымело действие: последовавшее из ЦК КПСС указание об «объективной» проверке фактов и устранении нарушений в отношении прав верующих вынудило высшее партийное руководство Ивановской области несколько снизить темпы антирелигиозной кампании.

Бюро Ивановского обкома КПСС, обращая внимание прежде всего на улучшение научно-атеистической работы среди колхозников, тем не менее вынесло решение о «недопустимости администрирования в преодолении религиозных предрассудков в сознании людей»⁴⁷.

Крестьяне продолжали отстаивать свои права и одерживать маленькие победы, которые давали им возможность приобщаться к высокой духовности русского православия. В 1955 г. в Совет поступило 1310 ходатайств и пришло 1700 просителей

об открытии храмов, в 1956 г. — еще 2265 заявлений и 2299 «ходоков»⁴⁸. Но раскол в деревенское сознание, в менталитет крестьянской жизни был внесен. Антирелигиозные кампании и в довоенные годы (постоянно и яростно) и в послевоенные (с некоторым отступлением и «заигрыванием» с населением деревни) не могли не затронуть ее устои.

Массовость обращений об открытии церквей, как один их важных факторов, привела к принятию 10 ноября 1954 г. Постановления ЦК КПСС «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения». Основная же причина его принятия — это борьба со «сталинским» либеральным курсом в отношении православной церкви 1943—1953 гг. Деревня приняла его неоднозначно. Выросли поколения, отлученные от Церкви и уверенные в правильности атеистических убеждений, но при этом агрессивно настроенные против православных традиций русской деревни. Наиболее воинственно против Церкви и всех ее «привилегий» были настроены в селах мужчины. Колхозник Маренков из артели «Память Ильича» Хлевенского района Липецкой области после опубликования известного постановления так высказывался: «И чего мы нянчимся с попами? Собрать бы их всех, да и прибрать к рукам. И уж если этого сделать нельзя, то ведь можно дать указание патриарху, чтобы он выпустил всем попам такой приказ, после которого они прекратили бы свою работу. А то получается, что у нас одновременно существуют две идеологии»⁴⁹. Его поддержала колхозница Разинкова: «И зачем только после войны открыли церкви? Ведь некоторые верующие поняли это как возврат к старым порядкам»⁵⁰. Некоторые сельские жители с оптимизмом атеистов оценивали перспективы церкви и верующих: «Верующих понастоящему осталось очень мало и достаточно усилить пропаганду среди населения, как и они откажутся от всякой веры»⁵¹. И все-таки это мнение меньшинства деревни. Большинство селян оставались приверженцами традиционного русского православия. Бухгалтер колхоза имени Ворошилова Буева высказала мнение, которое разделяли многие деревенские жители: «Действительно, сколько верующих у нас честно и добросовестно работают для Родины и готовы отдать за нее жизнь! А все-таки их считают скомпрометированными, они не имеют порой политического доверия»⁵². Женщины наиболее активно отстаивали свое право на религиозные убеждения и не хотели мириться с давлением на мировоззренческие умонастроения: «В последнее время в газетах стали много писать, осуждая тех, кто пошел в кумовья или окрестил в церкви ребенка. А кому какое дело до этого? Это дело совести каждого, о чем записано в Конституции. Людям надо разъяснять их неправильное мировоззрение, но нельзя за это преследовать»⁵³.

В последующие годы гонения на церковь и прихожан продолжались.

Участились случаи незаконного отказа группам верующих в регистрации, факты поспешного и зачастую ничем не обоснованного закрытия церквей, оскорбление религиозных чувств верующих, увольнение с работы и исключение из учебных заведений за религиозные убеждения. При этом Совет по делам Русской Православной Церкви при Совмине СССР, анализируя ситуацию после принятия Постановления ЦК КПСС 1954 г. «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения», в информационном письме в ЦК КПСС от 7 сентября 1955 г. отмечал снижение нарушений законов местными органами в отношении Церкви. Однако такие факты фиксировались повсеместно. Прежде всего это касалось открытия новых церквей.

В Архангельской области Ленский РК КПСС и начальник районного отдела милиции майор милиции Сидоров в марте 1955 г. вызывали к себе для «беседы» граждан, подписавших заявление об открытии церкви, и после таких бесед поступали заявления и письма, например, такого содержания: «Объясняю в том, что мы были несколько женщин, и я подписалась, и уже забыла, но потом пришла домой и вспомнила, ведь верно, мы подписались: Ушакова Катя, Залужная Тина. Но я свою подпись беру обратно, ничего мне не надо, никакую церковь, умру и так схоронят, в землю зароят и так весь свой век, сколько ни прожила на свете, не видела хороших дней, все одна работа и забота. И больше мне ничего не вспоминайте. Виновата, исправлюсь, больше ни к чему не подпишусь, к сему Иванова»⁵⁴.

В Новозыбковском районе Брянской области в 1955 г. директор и учителя средней школы проводили в домах колхозников «индивидуальные беседы» о закрытии церкви в селе Замищево и затем предлагали подтвердить «свое» решение письменно. Причем многие во время беседы с агитаторами, соглашаясь на закрытие церкви, в списки свои фамилии не разрешали вносить. Но в результате такой «работы» за длительное время в список желающих закрыть церковь было внесено 1100 человек. Когда же верующие этого района узнали об этой кампании, то в течение 2–3 дней собрали 1500 подписей против закрытия церкви в селе Замищево⁵⁵.

Открытое запугивание сельских жителей последующим увольнением родственников верующих с работы, штрафы, изъятие части земельных участков и т.п. не имело серьезных последствий для продвижения атеистической работы в деревне. Наиболее активные прихожанки сопротивлялись гласно и открыто, остальные молчаливо были на стороне Церкви, но все они не прекратили обращаться с жалобами в вышестоящие инстанции о несправедливом отношении к чувствам верующих, что было прямым нарушением их конституционных прав.

Серьезным культурным противовесом Церкви в деревне должны были стать Дома культуры и сельские клубы, а главными пропагандистами атеистической идеологии — культурно-просветительские работники и приглашенные лекторы. Для молодых людей, выросших в условиях советской колхозной деревни выбор был в пользу отдыха в клубе. Но организация культурного проведения досуга, приобщение к высшим духовным ценностям и поиски высоких идеалов и жизненных ориентиров — разного порядка выбор. Кроме того, старшее поколение традиционно было связано с Церковью. Не только дефицит клубных учреждений в деревнях способствовал приобщению сельских жителей к религии, но клубные мероприятия не могли и никогда не смогли бы заменить традиционное православие, хотя эти попытки предпринимались постоянно, вплоть до 1990-х гг. Партийному атеистическому руководству искренне казалось, что при налаженной клубной работе сельские дороги к храму сменят на дорогу в клуб. Но этого не происходило.

В 1954 г. в Ульяновской области в 23 населенных пунктах действовали храмы и мечети. В дни религиозных праздников в церквях собирались сотни, а иногда тысячи богомольцев. В церковь села Ивановка Чердаклинского района ежегодно в день религиозного праздника Боголюбской Божьей Матери собиралось до 5 тыс. богомольцев. Подобное отмечалось и в других церквях. При этом во всех населенных пунктах, где работали церкви, двери клубов также были открыты для желающих.

Местное руководство приоритет церкви объясняло только слабой материальной базой клубных учреждений области: в селе Измайловка Чердаклинского района сельский клуб размещался в старом доме вместимостью 60—70 человек, в селе Оськино Инзенского района здание сельского клуба находилось в аварийном состоянии. В большинстве сельских клубов не было мебели и музыкальных инструментов. 12 населенных пунктов, где работали церкви и мечети, к 1954 г. не были радиофицированы⁵⁶. Конечно, хороший клуб в каждой деревне — привлекательное место отдыха для сельян, но задачи, цели и направленность этих двух учреждений — клуба и церкви — несопоставимы и несравнимы. Они совершенно разные. И между ними не должно и не может быть «борьбы за массы» и конкуренции. А она навязывалась партийной и советской номенклатурой.

Изредка, но появлялись лекторы-пропагандисты в деревнях, даже в отдаленных. Обычно это было связано с разъяснением решений очередного пленума ЦК, съезда КПСС или касающегося села правительственного постановления, либо проводилась агитационно-разъяснительная работа по поводу займов или налогов. Для лектора из районного или областного центра это была обычная работа, для деревни — всегда событие. Рассказывалось о планах и перспективах лучшей жизни в

будущем при усилении труда сегодняшнего, «временных» трудностях, с которыми правительство борется, преодолевает и преодолееет. После одной такой лекции о прекрасных завтрашних буднях и сравнительно неплохом сегодняшнем положении в СССР вообще, а не в этой конкретной деревне Орловской области один колхозник не выдержал: «Что Вы нам, товарищ лектор, тут читаете целый час. Мой отец мучился при царской власти, а я мучаюсь при Советской»⁵⁷. А жизнь в Орловской глубинке выглядела так: в 1958 г. из почти 5 тыс. деревень электрифицированы были около 600, радио могли послушать лишь в трети из 153,4 тыс. крестьянских домов. 175 сельских клубов и изб-читален размещались в арендованных помещениях, иногда в зданиях бывших церквей, а на территории половины колхозов Новосильского, Колпнянского и Троснянского районов культурных очагов не было вовсе, в том числе и в передовых хозяйствах. Кино не демонстрировали в 370 крупных селах, а в иных — лишь 2–3 раза в год. Дорога к ближайшей церкви занимала несколько часов, а то и дней. А имевшиеся храмы занимали под склады, пищекомбинаты, тюрьмы. На почве собственной ненужности и невостребованности и при отсутствии каких бы то ни было альтернатив проведения досуга главным оставалось пьяное застолье. Это не было связано ни с церковными ни с какими другими праздниками. Это было проведение свободного времени. Для многих мужчин. И бывшая церковь, превращенная в тюрьму, принимала на перевоспитание бывших своих прихожан. В Орловской области за преступления, в основном на почве пьянства, в 1954 г. было осуждено около 3 тыс. человек, в 1957 г. — почти 4,5 тыс. Из них коммунисты и комсомольцы — каждый пятый⁵⁸. А настойчивая антирелигиозная кампания набирала темпы. Началась работа по организации университетов, названных народными, где обучение было бесплатным, вечерним и для ВСЕХ желающих. В нее включился и сельский актив. Для городских жителей, за исключением некоторых интересного и нужного повышения общекультурного и профессионального уровня, это была еще одна общественная «нагрузка», а для села университеты культуры с педагогическим, литературным и даже научно-атеистическим профилем должны были стать альтернативой посещения храма и общения со священнослужителями. Именно народные университеты своей научно-практической деятельностью должны были развенчать «религиозный обман» и направить энтузиазм сельских жителей на построение коммунистического государства. Безусловно, начали работать народные университеты в лучших колхозах и совхозах, с приглашенными лекторами из района и области; вне сомнений общекультурная польза этих учебных заведений, особенно для молодежи. Но для старшего поколения, особенно для крестьянок, этой альтернативы не существовало. Они не посещали эти занятия, не интересовались

вообще деятельностью новых культурных приоритетов: им нужна была Церковь. И тем более было для них оскорбительно, когда читались атеистические лекции и высмеивались «чудеса», ставились под сомнение «святые источники» и другие символы Православия.

В 1961 г. в СССР открылось свыше 6 тыс. университетов культуры, куда было зачислено 1,5 млн слушателей. В основном они работали в городах, но старалась не отставать и деревня: 1,5 тыс. университетов развернули работу на базе сельских клубов, Домов культуры и общеобразовательных школ, охватив 210 тыс. колхозников и рабочих совхозов. Обучение было рассчитано от одного до трех лет. На долю колхозов приходилось 7% общего числа университетов и 4% контингента слушателей, в основном молодых. Наиболее привлекательными в деревне стали университеты литературы и искусства, сельскохозяйственных и педагогических знаний. Научно-атеистическая тематика оказалась невостребованной: в СССР работало 27 университетов этого профиля — это 4 тыс. слушателей. Из принятых на обучение занятия посещала треть. «Лекции на антирелигиозные темы читаются главным образом для атеистов. Верующие на эти лекции как правило не ходят», — вынужден был констатировать Совет по делам Русской Православной Церкви в 1959 г. в Записке, подготовленной для ЦК КПСС⁵⁹.

Антирелигиозная кампания не ограничивалась атеистическими лекциями философов, астрономов и историков, демонстрацией разоблачающих Церковь опытов, проводимых физиками и химиками, разъездными бригадами, курсирующими по всей стране, включая и глухие деревни (для молодежи), активизацией пионерского и комсомольского движения, выявлением в коллективах и строгими беседами с верующими (без перспективы должностного продвижения) — началось прямое вмешательство в жизнь Церкви. Оно было узаконено Постановлениями «О монастырях в СССР» и «О налоговом обложении доходов предприятий епархиальных управлений, а также доходов монастырей» и секретным Постановлением Совета Министров СССР (16 января 1961 г.) «Об усилении контроля за деятельностью Церкви». Легитимно были отменены ВСЕ законодательные акты, принятые в 1940-е гг. Направление государственной политики в отношении Церкви, или так называемая церковная реформа, преследовало цель при сокращении количества храмов поставить Церковь в полное подконтрольное положение, ужесточив требования к священнослужителям, всеми возможными средствами сужать число прихожан. И эта политика осуществлялась до середины 1980-х гг., до «перестройки» всей жизни в СССР, включая и церковную. Духовенство было отстранено от административной, финансовой и хозяйственной деятельности в религиозных объединениях и переведено на фиксированные оклады, были ликвидированы льготы

в отношении подоходного налога для церковнослужителей. Церкви было запрещено заниматься благотворительной деятельностью, от религии должны были быть «ограждены» дети (до 18 лет включительно): родителям «не следовало» приводить с собой детей в церковь.

Государственная реформа Церкви Советом по делам Русской Православной Церкви была оценена как «крупное, наиболее эффективное, полезное для государства мероприятие», которое поставит Церковь в рамки закона, возьмет под контроль всю ее деятельность⁶⁰. Начали без какой-либо мотивации закрывать церкви, и к 1961 г. их осталось — 7523 при служивших в них 7400 священниках. В СССР действовало 16 монастырей (в 1950-е гг. — 63).

Построение новой общественной модели — социализма, а затем в кратчайшие сроки, к началу 1980-х гг., коммунистического общества требовало и нового «всесторонне развитого человека», который будет жить и творить в этом обществе. Атеистическое сознание его было ориентировано на решение глобальных задач, где нет места и времени сомнению, притом что партийные догмы давали ответы на все вопросы, тем более, что, по словам Н.С. Хрущева, «распространение научных знаний, изучение законов природы не оставляет места для веры в бога»⁶¹.

Удобным аргументом для выступления против Церкви были массовые празднования религиозных праздников, поскольку деревня в это время не работала, к тому же праздники сопровождались пьянством части селян. Но сами сельские жители считали так: «Действительно, часты случаи пьянства в колхозах, в дни Покрова, Казанской и т.д., но религия тут не причем. Если кто и пьет, то пьет, так сказать, не осенив себя крестным знаменем и забыв о Боге, так что от прежних религиозных праздников остались одни названия, являющиеся поводом для пьянства. Пьяные праздники и не характеризуют отношение людей к религии»⁶². Действительно, праздники сопровождались обильной выпивкой, но не только религиозные — все праздники. Первомайские чествования и ноябрьские «выходные» отмечались точно так же. Но этого не замечали. Советское пьянство отделялось от религиозного.

По подсчетам председателя колхоза имени Калинина Вологодской области, колхозники отмечали более 20 религиозных праздников в году, теряя на этом 2 тыс. трудодней. В Пермской области в 1960 г. на территории только одного колхоза имени Чапаева, насчитывавшего 25 деревень, праздновалось столько же «престольных» праздников, сопровождавшихся обильными выпивками, к которым присоединялись жители соседних сел. В Кимрском районе Калининской области прямые потери от невыхода на работу в дни религиозных праздников составили около 3 млн руб.⁶³

Работа в большие религиозные праздники традиционно считалась в деревне «большим грехом». Под разными предлогами даже в довоенные атеистические времена крестьяне старались не выходить на поле и к минимуму свести работу на ферме. Из этого вовсе не следовало, что эта работа не будет выполнена вообще. Она выполнялась через день-два с большим напряжением сил, но с чувством выполненного нравственного долга. Совет по делам Русской Православной Церкви в 1958 г. фиксировал: «В ряде мест празднование так называемых престольных праздников происходит с привлечением большого количества духовенства. Этим службам предшествует подготовительная работа, выражающаяся в украшении церквей, сборах церковного актива, через него — оповещение верующих о предстоящих торжественных службах. В результате большое число колхозников на 2–3 дня, а иногда и больше, в горячее время, отрывалось от полевых работ, нанося большой ущерб нашему государству, не говоря уже о том, что торжественные пышные службы сами по себе повышают религиозную активность верующих и укрепляют позиции церкви»⁶⁴. Как еще один аргумент в пользу борьбы с религиозными праздниками приводилось пьянство деревенских жителей в эти дни. Этим колхозное начальство стремилось оправдать заодно и неумелое хозяйствование на земле. Ибо даже 2–3 дня «повального» деревенского пьянства не могут довести передовой колхоз до полного развала. Свою позицию руководство подкрепляло и ссылками на борьбу с частыми деревенскими драками, которые имели место практически в каждой деревне во время праздников. Но любых праздников, включая советские и семейные. В эти торжественные дни, будь то празднование дня революции или свадебные торжества, драки между мужчинами и разнимающие их женщины были привычным явлением. Это было не лучшей традицией деревни. Особенно характерны деревенские драки для послевоенного времени; фиксировались они и в 1950-е гг., и в 1960-е гг., но количество их шло по уменьшающей. Это немотивированное насилие, подогретое обилием спиртного, осуждалось большинством деревни, особенно женщинами, и тем не менее оставалось чисто деревенским явлением. Проводилась «разъяснительная» работа, привлекалась милиция и тем не менее праздники по-прежнему сопровождались выпивкой и неизменной дракой. В Вологодской области в 1950-е гг. на дни религиозных праздников, по сводкам правоохранительных органов, приходилось свыше половины «хулиганских проявлений». В 1952 г. драки с применением холодного оружия фиксировались более 300 раз, в них было совершено 27 убийств⁶⁵. Зачинщиками были, за редким исключением, молодые люди, огражденные от религиозного влияния. Безусловно, такая ситуация взывала к принятию мер, но не против Церкви, а к расширению ее воспитательного, нравственного влияния на

семью, человека, его душу. Власть открыто выступала против празднования «престольных» праздников, которых в каждой области, районе и деревне было несколько, но абсолютно бесполезно было бороться с празднованием главным православных праздников, таких, как Пасха, Рождество и Крещение. Об этом говорил здравый смысл, подтвержденный открытой и секретной информацией. И тем не менее ограничительные мероприятия проводились с одобрения Совета по делам Русской Православной Церкви, который констатировал: «Церкви во время пасхальных служб везде были переполнены верующими и в ряде мест не вмещали всех молящихся», подтверждал, что повсеместно в дни Пасхи колхозные рынки не работали, а значительное число колхозников на первый и второй день Пасхи на работу не выходили. Но вместе с тем Совет одобрял проводимые в дни пасхальных праздников гуляния, организованные районными и городскими комитетами комсомола, бесплатные вечера отдыха в клубах, показ кинофильмов, концерты художественной самодеятельности с «проведением опытов по химии, разоблачающих «чудеса». Так сельскую молодежь ограждали от влияния православной религии. Действительно, среди верующих преобладали люди среднего и пожилого возраста и женщины (90%)⁶⁶.

Борьба власти с Церковью продолжалась, и не только на идеологическом фронте. Власть строго контролировала доходы Церкви, следила за «моральным обликом» священнослужителей, и единичные факты их нелицеприятного поведения превращались пропагандой в усредненный образ служителей Церкви. Пытавшимся смягчить атмосферу вокруг Церкви в таких случаях грозили ответственность по партийной линии и административные наказания.

В 1958 г. в Оренбургской области действовало 23 храма и молитвенных дома, в которых служили 60 священников. Как зафиксировано в Справке отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по РСФСР, составленной в феврале 1959 г. для Бюро ЦК КПСС по РСФСР, «несмотря на сравнительно небольшое количество церквей, их доход составляет свыше 7 миллионов рублей в год. Это значительно превышает доход 92 церквей Псковской области и почти равен сборам 155 церквей Курской области. Такой доход церквей объясняется массовым отпращиванием религиозных обрядов населением. В 1958 году было окрещено свыше 14 тысяч детей, что составляет 28% всех новорожденных, проведено почти 2 тысячи свадеб и около 5 тысяч похорон (30% всех умерших) с религиозными обрядами. В церквях широко организована продажа свечей, икон, крестиков и молитвенников». В справке отмечалось, что «усиленно ведется работа по благоустройству церквей и молитвенных домов. Церковникам и сектантам удалось электрифицировать их, подвести к ним водопровод, паровое отопление, канализацию, хотя этих

удобств не имеется в ряде общежитий, жилых домов, детских и культурно-бытовых учреждений. Так, в Оренбургский собор проведены электричество, водопровод, канализация и паровое отопление. В г. Абдулино с ведома местных властей водопровод к церкви тянули осенью прошлого года на расстояние полкилометра. Отдел связи г. Орска установил телефон в доме попа, в то время как значительная часть городских работников не имеет телефонов в квартирах»⁶⁷.

Проверяющие высшие партийные работники выражали неудовлетворение бездействием местной власти в борьбе против «церковников», подчеркивая, что областное и районное партийное руководство не знало о «подключении собора к электросети, водопроводу и канализации» и «ему неизвестно, кто разрешил работы по радиофикации». Под удар попал и Орский горком КПСС, где «отдельные руководители фактически содействовали распространению влияния церкви на отсталую часть населения». Выразалось это в том, «в октябре 1958 г. группа верующих г. Орска подала заявление в народный суд Советского района на священника Дмитриева. Они жаловались, что в течение последних трех лет этот священник истратил на свои личные нужды 500 тыс. руб. церковных денег, пьянствует, привел в негодность три автомашины, принадлежащих церкви, грубит верующим. Судья тов. Тарасова с этим заявлением обратилась за советом в горком партии. Не получив указаний, она вызвала священника в суд, отчитала его за неправильное поведение, компрометирующее духовенство, и предупредила, что если он не исправится, то будет привлечен к судебной ответственности. Когда об этом узнал епископ, он выразил признательность судь»⁶⁸.

Острые антирелигиозной кампании было направлено против священнослужителей. Критиковать их деятельность считалось хорошим партийным тоном, а разоблачать и обличать их в глазах прихожан долгом. Информационная записка «О недостатках в работе партийных организаций Пермской области по воспитанию коммунистического отношения к труду», подготовленная заместителем заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС по РСФСР К. Рыбаковым в ноябре 1960 г., не могла обойти вниманием вопрос о «легальных тунеядцах, служителях религиозных культов». Рассекреченный в 1990-е гг. документ раскрывает «суть» проблемы: «Многие трудящиеся предлагают принять меры по резкому сокращению личных доходов служителей церкви». От имени многих выступил номенклатурный работник ЦК КПСС. Уже через год это мнение было принято к исполнению. Под тунеядцем имелся в виду епископ Павел: «Епископ Павел получает официально 17 тыс. рублей в месяц. К тому следует добавить и то, что, разъезжая по приходам, он еще загребает немалую сумму. Его каждый приезд обходится верующим в 16–20 тыс. рублей. Этот тунеядец имеет

личный дом и дачу, шофера с окладом 2200 рублей, келейника, повара, садовника, уборщицу, сторожей, кочегаров, прачку». В Пермской области, по сведениям, подготовленным для Москвы, работало 127 священнослужителей, их доход определялся в 4 млн руб. ежегодно⁶⁹. На немногочисленные выявленные факты неэтичного поведения либо хозяйственные злоупотребления Церковь реагировала однозначно осуждающе, исправляя допущенные нарушения и наказывая виновных. Патриарх Алексей в августе 1958 г. обратился к «Пресвященным епархиальным архиереям» с посланием, где подверг острой и резкой критике и выразил полное неприятие злоупотреблений церковными средствами и имуществом некоторыми служителями Церкви — это и постройка дач за счет средств Церкви, и обстановка для дома, и присвоение денежных сумм, содержание за их счет родственников, что было признано им как «не соответствующее высокому и чистому служению, к которому призваны служители Церкви Христовой»⁷⁰.

В приспособленчестве и улучшении материального благосостояния за счет Церкви подозревались не только священнослужители, но и «гражданские» служащие, работающие в храмах. Постановлением Совета Министров СССР от 23 мая 1956 г. на рабочих и служащих религиозных организаций распространялось действующее законодательство о труде, если трудовой договор заключен с профсоюзными органами. В развитие этого постановления Президиум ЦК профсоюза работников коммунального хозяйства 9 октября 1956 г. утвердил список категорий и профессий, работающих в религиозных организациях и подлежащих профсоюзному обслуживанию. В него включались счетно-бухгалтерские работники, работники транспорта и некоторые другие. Номенклатурными чиновниками работа гражданских лиц в церковных организациях расценивалась лишь «корысти ради», а именно для увеличения пенсии, которая оказывалась выше, чем после работы на государственном предприятии⁷¹. Это вызывало возмущение, протест со стороны «гражданских» работников Церкви, как правило женщин, которые искренне служили избранному делу, а полученные «высокие» пенсии передавали в пользу Церкви, нередко завещая ей свои сбережения. Совет по делам Русской Православной Церкви был вынужден констатировать, что повышение пенсий, проведенное в 1956 г. в СССР (кроме не получавших государственных пенсий колхозников), привело к увеличению посещаемости церквей и возрастанию расходов пенсионеров, преимущественно женщин, на покупку свечей и различные пожертвования. Некоторые из них, завещали свои сбережения в пользу Церкви. Так, в Архангельской области верующие «отписали» Церкви 10 тыс. руб. Это был один из источников пополнения церковного бюджета для восстановления церквей и их ремонта. В 1956 г. в Ленинграде доход кафедрального собора

увеличился по сравнению с 1955 г. на 22 тыс. руб., в ноябре 1956 г. — на 40 тыс. руб., в декабре 1956 г. — на 136 тыс. руб.⁷²

Деятельность Православной Церкви и прихожан во благо не замечалась, игнорировалась, любое единичное нарушение закона представлялось пропагандой обычным явлением для Церкви. Среди атеистически настроенных сельских жителей находились желающие публично заклеить «церковников», хотя нередко это выглядело нелепо, но в антирелигиозной пропаганде использовали все. «Я верю в Христа, потому что он был коммунистом. Он не врал, не обманывал честной народ. А священники и разные попы — они обманывают и обворовывают крестьян»⁷³, — высказывался сельский житель из Липецкой области. Но большинство сел воспринимало Церковь как высший авторитет и не подвергало сомнению деятельность священнослужителей. За многие километры шли крестьяне в религиозные праздники в храм, поэтому наличие его в своей деревне было не только данью традиции православия, но и огромной психологической притягательной силой. И для отстаивания имеющейся церкви в своей деревне или открытия новой они не жалели сил, терпения, энергии. И во многих случаях своей активной настойчивостью, объединенными усилиями всей деревни добивались поставленной цели.

На имя Председателя Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилова поступало до 50 писем в месяц с просьбой об открытии церкви или молитвенного дома с приложением списка верующих из 500—2000 подписей. Вот одно из них: «Дорогой Климент Ефремович, мы обращаемся к Вам от имени тысячи человек, верующих в православную веру, и просим Вашей помощи открыть храм в селе Каратухино Рязанской области Путятинского района. С 1945 года и по сей день мы хлопочем об открытии, обошли всех начальников, и все отказывают»⁷⁴. Выступали верующие и против разрушения православного храма, с просьбой вернуть его прихожанам. Из Рязанской области в Верховный Совет СССР пришло письмо за 209 подписями. «Никола-Бавыкинский собор и колокольня бывшего монастыря являются историческим и архитектурным сооружением. Собор передан в распоряжение колхоза. Колхоз собор, колокольню и другие постройки намерен ликвидировать, т.е. разломать все это. Мы, верующие, даем протест против такого варварского решения, направленного на разрушение русского древнего искусства. Просим вмешаться в это дело и не допустить бессмысленного разрушения памятников русского зодчества, а наоборот, просим отдать собор в ведение верующих»⁷⁵.

На имя Председателя Верховного Совета СССР приходили и телеграммы: «В с. Коротяке Воронежской области ломают церковь. Просим Вашей помощи о прекращении ломки, от верующих просим не отказать в просьбе»⁷⁶. На 1 января 1957 г. в России было возбуждено 1673 ходатайства об открытии 669 церквей⁷⁷.

Закрытые в 1920–1930-е гг. церкви были переданы сторонним организациям, которые в лучшем случае поддерживали здания для использования в далеких от религии целях. Редко церкви использовались под музеи и здесь сохраняли росписи на стенах, иконостас, утварь, внутренне убранство как экспонаты культуры народа. В основном местные власти использовали здания под кинозалы, клубы, заводы, склады, мастерские и тюрьмы, что приводило к перестройке и утрате исторических памятников. Но были редкие случаи, когда табличка на храме говорила о его принадлежности к «памятникам культуры или архитектуры», взятым под охрану государства. Средств для сохранения этих и других национальных архитектурных реликвий постоянно не хватало. В Новгородской области в 1965 г. государство выделило 171 млн руб. на эти цели, что составляло не более трети от необходимых ежегодных затрат⁷⁸. Такая же ситуация фиксировалась во *всех* областях Нечерноземного региона — местах традиционного русского православия, русской государственности и культуры.

Средств для поддержания памятников русской православной культуры не находилось, а церкви разрушались, исчезали, горели в пожарах, но их по-прежнему упорно не хотели передавать прихожанам, которые не теряли надежды и продолжали бороться за открытие храма в своей деревне. Безусловными лидерами в этой борьбе были крестьянки. Не надеясь на поддержку государственных чиновников, прихожане сами вставали на защиту церкви. В апреле 1957 г. областной совет депутатов Тамбовской области принял решение разобрать здание бывшей церкви в селе Ново-Архангельском и использовать материал на строительство пристройки к семилетней школе. При техническом осмотре здания комиссией облисполкома оно было признано «ветхим», после чего последовало решение о его сношении. Но сельские жители установили у деревянной церкви круглосуточное дежурство и не допускали ее сноса. Они принесли из дома иконы, собрали деньги на ремонт храма. Прибывшие для закрытия церкви председатель Первомайского райисполкома и начальник отделения милиции обнаружили закрывшихся в храме 40 прихожан. Собравшиеся около церкви еще более 200 сельских жителей требовали от властей открытия храма. Вмешательство прихожан способствовало решению вопроса о начале службы в селе Ново-Архангельское Тамбовской области⁷⁹.

Несмотря на все запреты и гонения, Церковь и деревня жили единой жизнью. Для сельской женщины посещение храма было не только традиционным обращением к религии, но и в условиях изолированности деревенской жизни это была единственная возможность получить моральную поддержку, услышать слова утешения и быть услышанной самой. Для большинства сельских жителей по-прежнему, как и для их родителей, обя-

зательными оставались главные церковные обряды. Многочисленные проверки фиксировали: во многих районах Калининской области, особенно в сельских, массовый характер приобрело крещение детей. В Бологовском, Торопецком районах каждый третий ребенок, родившийся в 1959 г., был окрещен⁸⁰. Доходы церкви по Калининской области в 1958 г. составили свыше 10 млн руб., что в 3 раза превысило поступления в государственный бюджет от самообложения населения⁸¹. В Свердловской области в январе-марте 1956 г. было окрещено 2 тыс. человек, за тот же период 1957 г. — еще 2400. В Карповской церкви Горьковской области иногда в день крестили 145 человек⁸². Факты крещения детей фиксировались и в семьях, где родители являлись членами КПСС⁸³. Стало распространяться венчание в церкви, в том числе членов ВЛКСМ⁸⁴. В Свердловской области в январе-марте 1956 г. венчались 457 пар, в 1957 г. — 525. В Карповской церкви Горьковской области в некоторые дни 1957 г. венчали по 150 пар⁸⁵. Отмечался наплыв школьников в церковь, особенно во время школьных каникул. Подростки причащались, исповедовались. В Высоковской церкви Горьковской области иногда исповедывалось и причащалось до 100 девочек и мальчиков в день, в Карповской церкви — около 60 ребят.

Многие дети заказывали молебен Кириллу и Мефодию, чтобы успешно сдать экзамен. Только в Кировской области в 1957 г. их заказывали в 9 церквях⁸⁶. В 1957 г. в г. Коломна Московской области был создан хор певчих из девочек школьного возраста, с согласия и поощрения их родителей⁸⁷. Доверие сельских жителей к Церкви было столь велико, что в августе 1959 г. на центральной усадьбе совхоза «Селихово» Торжокского района в связи с засухой был совершен крестный ход⁸⁸. Власти объясняли это «приспособленчеством Церкви к запросам верующих, угодничеством перед ними, вежливостью в обращении, терпеливостью» старого духовенства, но не могли не отметить, что во многих храмах служили «молодые священники», они были «морально устойчивы», «хорошо образованы», «хорошо воспитаны» и «работали с любовью к делу»⁸⁹. Прихожане отвечали им уважением и почитанием. Для сельских жителей это была одна из немногих возможностей откровенного общения, внимания совету и высокому слову. Из Московской области колхозники ходатайствовали: «У нас в стране только пишут и говорят о свободной религии, а на самом деле ее нет. Если нам не отстоите церковь, то мы бросим работать в колхозе. Колхозники помогают правительству, работают в колхозе, подписываются на заем, а им даже не разрешают открыть свободную ничем не занятую церковь. Нам теперь остается одно — бросить работать, тогда, может быть, скорее откроют»⁹⁰. И во всем этом местные власти усматривали лишь слабое ведение атеистической агитационной работы, неналаженность культурно-

массовой деятельности клубов и слабой их материальной оснащенности. А Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний по-прежнему основной своей задачей в области атеистической пропаганды ставило «разоблачение классовой сущности и вреда религии»⁹¹.

Партийные проверки констатировали, что «парторганизации не дают должной политической оценки, формально, без должной наступательности ведут антирелигиозную работу, не принимают необходимых мер к улучшению деятельности культурно-просветительных учреждений, особенно на селе. Во многих населенных пунктах нет клубов, красных уголков». В Калининской области, например, в 1958 г. из 300 клубов, строительство которых было предусмотрено трехлетним планом, за полтора года было построено всего 88. Свыше 1500 деревень и сел не обслуживались кино, 500 стационарных пунктов для демонстрации кинофильмов было закрыто пожарной инспекцией⁹².

По-прежнему активно работали уполномоченные Совета по делам Русской Православной Церкви, часто нарушая свои непосредственные обязанности, занимались атеистическо-разоблачительной деятельностью. Они следили за работой Церкви и священнослужителей, информировали вышестоящие органы о положении дел на местах и нередко грубо вмешивались в дела Церкви. Так, в 1958 г. уполномоченный Совета Ножкин, который, по оценке руководства, «в основном правильно строил свои взаимоотношения с епископом», так, что «последний прислушивался к его рекомендациям», этим не ограничился и начал вызывать через епископа к себе на беседу лиц, подготавливаемых Церковью для посвящения в духовный сан. (Хотя в его задачу входила лишь информация⁹³.) А местные партийные и советские власти продолжали самоуправствовать, нарушая конституционные права прихожан. В условиях села они чувствовали себя полноправными хозяевами судеб и душ сельских жителей. И вновь первыми не безмолвствовали женщины даже очень преклонного возраста. До Председателя Совета по делам Русской Православной церкви Г.Г. Карпова была доведена «история» крестьянки Марии Дмитриевны Еремеевой из села Кирюшкино Бугуруслановского района Тамбовской области. К ней в ее родное село для соборования был вызван священник, но председатель Кирсановского сельсовета написал большой старушке, вызвавшей священника, следующее «извещение»: «Тов. Еремеева Мария Дмитриевна, сельский совет обязывает Вас с приездом попа явиться вместе в сельсовет. В случае неявки Вам будет поднесен штраф в сумме 500 руб., а попу предъявить документы в сельсовет на право въезда в сельскую местность, в случае непредъявления документов вопрос будет поставлен перед исполкомом горсовета депутатов трудящихся и перед горкомом КПСС. Ваша явка строго обязательна»⁹⁴.

Совет по делам Русской Православной Церкви при Совмине СССР боролся с самоуправством в отношении Церкви и прихожан. В него стекалась информация о состоянии дел на местах, руководствуясь которой он включался в противостояние с властями, действовавшими слишком прямолинейно. Председатель Совета Г.Г. Карпов делал это в первую очередь из-за убеждения, что курс 1943–1953 гг. является правильным, не понимая, что новому руководству в лице Н.С. Хрущева нужно совсем иное. В информационном письме № 57 от 26 марта 1959 г. за подписью Г.Г. Карпова, направленном всем уполномоченным на местах, говорилось: «Совет располагает материалами о том, что, несмотря на категорическое запрещение, сделанное в Постановлении ЦК КПСС от 10 ноября 1954 года “Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения”, и строгое предупреждение, высказанное в записке Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам “О недостатках в научно-атеистической пропаганде”, утвержденной решением ЦК КПСС от 4 октября 1958 года, за последнее время в ряде мест отмечены случаи грубого администрирования по отношению к священнослужителям и верующим и вмешательства во внутренние дела Церкви со стороны работников и Уполномоченных Совета»⁹⁵.

В письме были приведены и конкретные примеры: 8 января 1959 г. по указанию руководства Сучанского горисполкома Приморского края работники санинспекции под предлогом «якобы санитарного закона о том, что церковь, как и жилые здания, должна находиться на расстоянии от кладбища не менее как в 300 метрах» (хотя известно, что церкви расположены и на кладбищах), намеревались закрыть церковь. Старосте церкви было предложено подписать акт о закрытии церкви. Когда он и священник ответили отказом, работники санинспекции стали опечатывать двери церкви. Церковный сторож ударил в набат, собралась толпа верующих и с возмущением сорвала печати. Протестовавшего против незаконных действий священника Герасимова вызвали «на допрос» в отделение милиции и затем решением народного суда осудили на 10 суток за хулиганство. «Грубое администрирование» по отношению к верующим и священнику было прекращено вмешательством и.о. Уполномоченного Совета по Приморскому краю М.А. Конышевой.

В Оренбургской области у архиерея отключили телефон, а к церкви перекрыли подачу воды.

Председатель исполкома Аскинского райсовета Башкирской АССР Очковский в начале февраля 1959 г. дал указание об отключении электроосвещения в церкви. На замечание Уполномоченного Совета по Башкирской АССР Михайлова о нецелесообразности этого, так как община верующих пользуется электроосвещением в течение нескольких лет и что это вызовет недовольство верующих, Очковский заявил, что он «дела-

ет это в порядке ограничения деятельности церкви». Под этим же предлогом он запретил делать текущий ремонт церкви.

Уполномоченный Совета по Ульяновской области Кошман вел не входящие в его компетенцию беседы с архиепископом Иоанном. В частности, он сказал: «Намереваюсь призвать к активности двадцатки церквей, а то они пассивны, а между тем они должны быть очень активны, как хозяева церквей». На замечание Иоанна, что во главе прихода стоит священник, Кошман ответил: «Нет — священник никто».

Кошман допускал и «другие грубые ошибки»: он вызывал к себе молодых священников и уговаривал их оставить службу в церкви, обещая устроить на гражданскую работу, чем «компрометировал себя как работника госаппарата».

Уполномоченный Совета по Ростовской области Усанов, по указанию заместителя председателя облисполкома, без согласования с Советом потребовал от архиепископа Иннокентия (несмотря на категорические возражения с его стороны) прекращения церковного звона в церквях г. Ростова. При этом власти не было даже известно, что колокольный звон разрешен Правительством СССР⁹⁶.

В январе 1959 г. в Караидельском районе Башкирской АССР библиотекарь и парторг села Иткули пригласили к себе священника Печникова и запретили ему заниматься исполнением обрядов вне церкви, «стыдили» его за службу в церкви и предлагали снять духовный сан. Один из внештатных лекторов Краснокамского РК КПСС ходил по домам верующих и «уговаривал» их, чтобы они сняли у себя дома иконы и не посещали церковь. Председатель Янаульского поселкового совета и местные учителя каждое воскресенье заходили в церковь и в присутствии верующих «записывали в блокнот» фамилии всех находящихся там детей, а затем вызывали к себе их родителей.

В г. Кимры Калининской области местные работники в целях пресечения ходатайств верующих об открытии недействующей Вознесенской церкви, предлагали взорвать ее, «забывая, что такие действия и недопустимы и могут быть расценены населением как провокация».

В ряде мест (Башкирская АССР, Тульская область) стали практиковать собрания колхозников по вопросу закрытия церквей, «не учитывая, что это ведет к делению масс по религиозному признаку»⁹⁷.

По сообщению Уполномоченного Совета по Башкирской АССР Михайлова, председатель исполкома Бирского райсовета Караваев дал указание сельским организациям закрыть действующие церкви в селах Силантьеве и Сорвихе Бирского района. Во исполнение этих указаний председатель колхоза, куда территориально входит село Силантьево, директор местной школы, заведующий сельским клубом и секретарь комсомольской организации 12 и 13 января 1959 г. организовали сначала

комсомольско-молодежное (с участием 43 человек), а затем общеколхозное (с участием 197 человек) собрания с повесткой дня о закрытии церкви и передаче ее здания клубу. Аналогичные собрания были проведены в селе Сорвиха Бирского района. Такие действия властей вызвали возмущение верующих. Церковный актив организовал сбор подписей под заявлением с протестом против закрытия церквей.

Доводя до сведения Уполномоченных Совета указанные факты, Совет обращал внимание всех Уполномоченных на необходимость усилить работу по предотвращению и исправлению ошибок, выражающихся в «грубом администрировании» по отношению к духовенству и верующим, которое, «как известно, не ослабевает, а укрепляет церковь. Кроме того, администрирование и вмешательство во внутренние дела церкви мешает Совету осуществлять серьезные мероприятия по линии церковного центра. Мы обязаны принимать все зависящие от нас меры к ослаблению позиции церкви. Делать это нужно продуманно, умело. Прежде всего следует требовать от духовенства и церковников строгого соблюдения советских законов, относящихся к церкви, и оказывать на них нужно влияние в смысле сдерживания активности церкви по укреплению ее положения»⁹⁸. Анализируя отношение к своим обязанностям Уполномоченного по Ульяновской области Кошмана, который «слишком упрощенно понимает характер своей работы», в информационном письме Г.Г. Карпова указывалось на то, что «наше стремление ослабить положение церкви воспринял как необходимость грубого нажима на духовенство и неосмотрительно рассказал архиепископу о нашем отношении к духовенству, церковным исполнительным органам. Духовенство не только не должно знать о наших намерениях и целях, а даже и догадываться об этом. Тов. Кошману нужно было терпеливо, постепенно, не раскрывая наши интересы, работать по усилению своего влияния на духовенство и церковников.

Разговоры т. Кошмана с молодыми священниками о том, чтобы они бросили церковную службу, дали повод архиепископу сообщить об этом патриарху, что в известной степени осложнило нашу работу»⁹⁹.

Будучи государственным учреждением, Совет по делам Русской Православной Церкви стоял на страже государственных интересов, а не церковных. Как контролирующий орган он был в центре согласования всех церковных вопросов с советскими и партийными организациями на местах, следил за соблюдением законодательства, не позволял преступать черту закона, но тем не менее, как видно из документов Совета под грифом «Секретно», старался и вел работу по нераспространению религиозных настроений и усилению работы Церкви всячески препятствовал. На протяжении 1960–1980-х гг. так называемая церковная реформа, начатая Н.С. Хрущевым, воплотилась в

жизнь. Ее проводником был по-прежнему Совет по делам Русской Православной Церкви, который боролся с «администрированием» и отстаивал права верующих и в то же время направлял партийные и советские органы на борьбу с Церковью, ее влиянием на население, «терпеливо и постепенно», «не раскрывая» государственные атеистические интересы по усилению влияния на священнослужителей и прихожан. По существу, реформа отменила все секретные Постановления 1945–1953 гг., что де-факто для Церкви означало лишение ее юридического лица. Это привело к тому, что священники были отстранены от финансово-хозяйственного управления общиной. При этом государственные чиновники продолжали лавировать между политическим нажимом на население и участием к нуждам православных.

В Ростовской области, как показала проверка, проведенная в 1965 г. Советом по делам Русской Православной Церкви и Советом по делам религиозных культов при Совете Министров СССР, «грубо нарушается социалистическая законность в отношении верующих, допускается искривление политики КПСС и Советского государства в религиозном вопросе». Это отмечалось в письме ЦК КПСС «О фактах грубого нарушения социалистической законности в отношении верующих и искривления политики КПСС и Советского государства в религиозном вопросе в Ростовской области» от 28 апреля 1965 г.¹⁰⁰

Это выражалось в том, что в области незаконно было закрыто много церквей, а верующие подвергались судебным преследованиям за религиозные убеждения. В селах Первомайском, Заветном и Федосеевке Ремонтненского района церкви были разгромлены, а предметы религиозного культа: иконостасы, хоругви, ризы, иконы, кресты, библии, Евангелия, богослужебные книги — вывезены в степь и сожжены. В Матвеево-Курганском, Миллеровском, Сальском, Чертковском районах, городе Новочеркасске также без всяких законных оснований и вопреки воле верующих было закрыто 10 церквей и молитвенных домов. В рабочем поселке Константиновском (бывший центр 1-го Донского казачьего округа) была запрещена деятельность единственной церкви, которую посещало свыше 600 человек.

В рабочем поселке Зимовники местные органы препятствовали религиозному обществу арендовать помещение под молитвенный дом, несмотря на решение Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР, а в казачьей станице Кочетковской Семикаракорского района принудили верующих под угрозой лишения их пенсий выйти из «двадцатки», после чего церковь под предлогом «распада» религиозного общества закрыли¹⁰¹.

Одним из направлений так называемой церковной реформы Н.С. Хрущева было отстранение детей от религии. В Ростов-

ской области это положение реализовывалось так: облисполком обязал председателей городских и районных Советов «принять меры к тому, чтобы не допускать детей и молодежь до 18-летнего возраста посещать церкви и молитвенные дома, совершать над ними какие бы то ни было религиозные обряды»¹⁰². В ряде мест выполнение этого указания повлекло за собой столкновения с верующими. Так, 4 апреля 1965 г. в ограде кафедрального собора г. Ростова верующие «подняли крик», протестуя, что их с детьми не пускают в церковь. Подобное имело место и в других церквях. Облисполком, кроме того, потребовал от религиозных обществ представления в районные Советы специальных актов на каждый случай крещения детей.

Нередко и местная печать включалась в борьбу с религией. Областная газета «Молот» в номере за 17 августа 1964 г. писала: «Пора разговаривать с этими людьми не языком увещевания, а языком уголовного кодекса». Газета «Вечерний Ростов» не называла верующих иначе, как «мракобесами», «фанатиками», «кликушами», «изуверами», «оголтелыми элементами».

Грубые нарушения законности по отношению к верующим вызывали с их стороны многочисленные жалобы. В ЦК КПСС, Совет Министров СССР и другие центральные органы только за 4 месяца 1965 г. поступило 57 жалоб. В Москву приезжало 7 делегаций верующих. Это явилось следствием того, что на местах жалобы не рассматривались. И, конечно, на Москву рассчитывали. Верующие из поселка Константиновский Ростовской области писали: «За что же такое отношение к нам? Помогите восстановить справедливость. Беззакония мы никакого не хотим и не делаем. Мы не фашисты, не враги народа; мы, верующие люди, молимся за благополучие наших детей, нашу любимую Родину, правительство и за мир на земле. Мы старые, нам мало осталось жить... Откройте наш храм».

Многие письма подписывались сотнями верующих.

Нарушения законности по отношению к религии и Церкви, массовое закрытие церквей и молитвенных домов, вопреки воле верующих, привело в области к оживлению деятельности Церкви. Несмотря на то, что количество церквей за 1960–1965 гг. в Ростовской области сократилось вчетверо, религиозная обрядность и доходы церквей возросли. Так, если в 1960 г. в православных церквях было окрещено 27,4% от общего количества родившихся в области детей, то в 1964 г. — 29,1%. Доходы всех православных церквей в 1962 г. составляли 1424 тыс. руб., а в 1964 г. 1529 тыс. руб.¹⁰³ Ситуация, сложившаяся в Ростовской области, не была исключением. Те же проблемы, то же противостояние, то же нарушение прав и законности фиксировались и в других регионах страны. И таким же высоким оставался авторитет Церкви!

В селе Пересыпкино Тамбовской области в 1965 г. сельским советом было принято решение о сносе церковного здания под

предлогом его аварийного состояния, а затем предприняты попытки разрушить церковь при помощи тракторов. Эти действия вызвали возмущение верующих, которые, оставив работу, организовали дежурство вокруг церкви. Критическая ситуация в селе сохранялась на протяжении нескольких месяцев и разрешилась благодаря вмешательству обкома КПСС, отменившему решение сельсовета.

При закрытии церквей в селах Славково, Марьино и Метлино Калининской области специально выделенные группы активистов ходили по домам колхозников и членов церковных «двадцаток» и требовали от них отказа от участия в религиозных обществах, угрожая при этом, что в случае несогласия у них будут урезать приусадебные участки, лишать пенсии, увольнять с работы.

Студенты Ярославского педагогического института, крестившие ребенка «под воздействием верующих родителей», были исключены из института. Возможность продолжать учебу они получили после вмешательства горкома КПСС¹⁰⁴. Не останавливало прихожан и то, что необходимо было давать точные данные о родителях, окрестивших детей, после чего их оперативно «выявляли» уполномоченные Совета, с тревогой «сигнализируя» в Москву о возраставших показателях религиозности населения на вверенной им территории. Так, в Пензенской области среди решивших окрестить детей в церкви большинство — молодые семьи, среди них были комсомольцы и коммунисты. Уполномоченный сообщал в центр: «Хуже того, среди граждан, совершивших религиозные обряды, иногда оказываются такие представители интеллигенции, которые в силу своих должностных обязанностей занимаются воспитанием населения, в их числе: учителя, культпросветработники, воспитатели детских садов, медицинские работники»¹⁰⁵. Понятно, что именно они попадали под пристальное внимание атеистической общественности и подвергались притеснениям.

Справедливые жалобы и протесты верующих на подобные действия зачастую игнорировались. Это вызывало недовольство верующих местной властью и, как отмечал аппарат КГБ СССР, порождало стихийные поездки в Москву больших групп людей, которые приходили в центральные учреждения, добиваясь приема в правительственных инстанциях. «Враждебно настроенные лица» из их числа пытались проникнуть в иностранные посольства или связаться с находящимися в Москве иностранцами для передачи за границу «тенденциозной» информации о положении Церкви в СССР. Об этом предупреждали колхозники-активисты из села Амельфино Волоколамского района Московской области еще в 1947 г.: «Остается только теперь написать в иностранное посольство и раскрыть перед ними нашу свободу отправления религии. Выходит дело, что свободная религия у нас остается только на словах, а на деле

ее нет. Будем писать куда надо, а своего добьемся»¹⁰⁶. Проверяющее и курирующее деятельность Православной Церкви в СССР Второе Главное управление Комитета государственной безопасности при Совмине СССР в Справке в ЦК КПСС под грифом «Совершенно секретно» от 27 января 1966 г. за подписью его начальника Банникова вынуждено было признать: «Указанные нарушения происходят чаще всего в результате незнания должностными лицами советского законодательства по вопросам религии и слабого контроля со стороны органов, призванных осуществлять надзор за соблюдением этого законодательства»¹⁰⁷.

В последующие десятилетия, вплоть до начала горбачевской «перестройки» в экономике и «гласности» в общественной жизни, отношения государства и Церкви оставались прежними: с главенством государства и подконтрольностью Русской Православной Церкви. Политика наступления на Церковь продолжалась, атеизм сохранялся главной идеологической доктриной в СССР. Количество церквей в городах и селах к 1986 г. сократилось по сравнению с началом 1950-х гг. вдвое и составило всего 7 тыс.¹⁰⁸ По-прежнему активно руководил деятельностью Церкви Совет по делам Русской Православной Церкви, переименованный в Совет по делам религий.

На протяжении нескольких десятилетий Совет решал государственную задачу регулирования отношений между властью и прихожанами, справляясь и не справляясь с ней одновременно. Властные структуры отстаивали право вмешиваться в дела Церкви, направляя и корректируя ее деятельность. Все годы существования Совета отношение к нему духовенства и прихожан было вынужденно терпеливым. Филарет Киевский, в феврале 1990 г. принимавший участие в беседе с первым заместителем Председателя Верховного Совета СССР А. Лукьяновым, оценивая деятельность Совета по делам Русской Православной Церкви, назвал его «язвой на теле Церкви и государства»¹⁰⁹, выразив мнение прихожан и церковных иерархов.

Наибольшие нарекания у церковных служителей вызывали уполномоченные по делам Совета. О них было сказано: «Из-за подхода к формированию уполномоченных за счет отставников КГБ либо проштрафившихся областных и районных начальников, конечно, ситуация в плане Церкви и государства в нашей стране вызывает большую тревогу» (Кирилл)¹¹⁰. Эту мысль развил и конкретизировал митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий: «Уполномоченные на местах — это люди, которые не пользуются авторитетом в области, потому что они в табели о рангах областной иерархии занимают очень низкое место. Они сами ничего не решают. Они связаны с облисполкомом, они связаны с другими почтенными ведомствами, мы их воспринимаем как почтальонов. Зная, что престиж его в области низкий, мы воспринимаем его как какую-то обузу.

Но этой же обузе надо, во-первых, есть и пить, а потом ему же надо показывать как-то свою значимость. И вот на этом стыке происходят все конфликты между епископом и уполномоченным»¹¹¹. Свобода вероисповедания, провозглашенная в Конституции СССР, — это право исповедовать близкую духовному миру человека религию. Для русской деревни — это традиционное православие.

Огульные заявления о победе над религией и отождествление страны с атеизмом оказались преждевременными. Трудности жизни, моральный дискомфорт обращали человека к религии. Типичная сельская ситуация. Одна из многих. Из деревни Заволенье Орехово-Зуевского района Московской области З.Е. Веревкина писала в 1970 г. в «Сельскую жизнь»: «Я решила свое горе, печаль описать вам. На моем иждивении находятся трое детей в возрасте 14, 12 и 8 лет, все учатся, притом на моем иждивении и муж — инвалид I группы без обеих ног. Заболеваемость муж получил на производстве. Пенсия его небольшая. Очень тяжело впятером прожить на 100 руб. Кроме того, нужно и за свет заплатить, и топливо купить, и детей одеть, обувь. Заботы от местного начальства никакой. Живем в несчастных 10 метрах в старой разваленной хижине 5 человек, без удобств. Ходить нужно, плакать, а у меня больше нет слез, я их с детьми и больным мужем выплакала»¹¹². Многие черпали долготерпение в религии.

«Перестройка» не могла быть радикальной, не затронув положение Церкви. С 1988 г. — празднования юбилея 1000-летия Крещения Руси — начали строиться новые отношения государства и Церкви. Церковь получила возможность просветительской, издательской, благотворительной, миссионерской деятельности. По некоторым данным, в 1989 г. верующих насчитывалось свыше 20% населения, в 1991 г. — 22%, или 59,4 млн человек¹¹³. Даже в атеистические времена крещение ребенка в деревне было достаточно распространено. Многие женщины считали это обязательным. В некоторых областях Нечерноземья до 20% новорожденных были крещены в церкви¹¹⁴. В последующий период число крещений резко возросло, причем не только среди новорожденных. Инициатива отправления религиозных обрядов оставалась в сельской местности. На религию, как на основное занятие в жизни, указали более 3% женщин в городе, на селе вдвое больше¹¹⁵.

Исследования, проведенные Всесоюзным центром изучения общественного мнения, показали возрастающий интерес россиян к религии. По данным опроса 1993 г., верующими себя сочли 40–50% опрошенных жителей России. (Опросом было охвачено 3 тыс. россиян, более 90% из них отнесли себя к Русской Православной Церкви.) При этом отмечалось малое количество людей, следующих важнейшим нормам Церкви относительно частоты причастия, участия в богослужении, в рабо-

те приходской общины. В конце 1989 г. крещеными были около 60% россиян, а в конце 1992 г. — уже более 75%. Однако в церковь они почти не ходили. Многие церкви были разрушены, и для сельских жителей путь от дома до ближайшего храма занимал много часов, а то и дней, поэтому число людей, регулярно посещавших церковь, было невелико. Лишь 10% считавших себя верующими ходили в церковь хотя бы раз в месяц. В 1990 г. хотя бы раз причастились 7% россиян, в 1992 г. — 10%, т.е. каждый пятый считавший себя православным. До 1917 г. существовал порядок, по которому православный, не приступивший к причастию в течение года, переставал считаться членом церкви. Рекомендуемого обычно минимума причастий придерживались не более 1%. Частота причастий не была связана с возрастом.

Доля верующих среди молодежи была несколько ниже, чем в старших возрастных группах, но выше, чем в средних. Если в старших возрастных группах доля верующих была выше среди менее образованных, то среди молодежи картина обратная: среди более образованной молодежи России верующих было больше¹¹⁶.

В обществе XXI в. возрастные различия перестали как-либо серьезно влиять на религиозность населения. Среди опрошенной молодежи и взрослых примерно треть отнесли себя к верующим, 27% к колеблющимся, 14% к безразлично относящимся к религии и столько же к неверующим. Большинство и молодежи и взрослых считают, что деятельность конфессий должна служить укреплению духовности и нравственности в обществе. Однако тезис о том, что православие должно стать государственной религией, поддерживала лишь десятая часть молодых людей и шестая — взрослых (и даже среди православных менее пятой части)¹¹⁷, однако другие исследования указывают на более высокую приверженность россиян к возвращению православия статуса государственной религии: треть опрошенных в 2001 г. разделяли это мнение, причем женщины (32%) в отличие от мужчин (26%) гораздо охотнее поддерживали идею об отказе от общедемократического принципа отделения Церкви от государства и высказывались за то, чтобы православие стало в России государственной религией¹¹⁸. Равенство религии перед законом поддерживала почти половина из опрошенной молодежи. Понятно, что молодые люди предпочитают посещение храма развлекательные мероприятия, политические организации и т.п., тем не менее более 3% из них свободное время полностью посвящали Церкви и у почти 5% в круг общения входили друзья, кто разделял их религиозные убеждения. Для 4% духовный наставник был высшим авторитетом, с ним они могли поделиться своими мыслями о жизни, его совету полностью доверяли.

Рост религиозности, наблюдавшийся в конце XX — начале XXI вв., прежде всего относится к молодым поколениям рос-

сиян, и это привело фактически к выравниванию возраста православных верующих. По-прежнему, как и в начале 1990-х гг., половина населения считает себя верующими, и это почти в 4 раза больше, чем в начале 1970-х гг. Большую роль в этом играет и активная роль Церкви, которая восстанавливает храмы, открывает религиозные образовательные центры, ведет большую культурную и благотворительную работу. И помогает своим прихожанам «словом и делом». Православными себя считает почти 60% опрошенных россиян: 65% женщин и 40% мужчин. Но фактически их больше. Как показывают социологические исследования, многие, не считая себя верующими, придерживаются традиционных взглядов на жизнь, семью и духовно «идентифицируются» с православием, разделяя ценности православной культуры¹¹⁹. Многие семьи, как реликвии, хранят Библию, Евангелие, иконы, лампадки... Праздник Рождества Христова россияне считали одним из главных в году, который уступал только Новому году, Дню Победы и Восьмому Марта. Помимо него, важными для себя религиозными праздниками были названы Рождество, Троица, Крещение, Вербное Воскресенье¹²⁰. Русская деревня, традиционно приверженная православию и сохранившая себя как его культурный центр, строго отделяет непосещающих храм (даже из-за преклонного возраста и по причине расположения самого храма за многие километры), несмотря на наличие икон в каждом доме и празднования главных православных праздников, считая их неверующими, от остального крестьянства — верующего и «сочувствующего»¹²¹.

Традиционно женщин среди верующих больше — почти 60%, что связано не только с их психологическими особенностями, но и трудностями социально-экономического характера, которые они пытаются переадресовать Высшей справедливости и найти возможный выход из порой тупиковой жизненной ситуации. Происходит постепенный отказ от точки зрения, что верующие в своем большинстве — это безмолвная, политически инертная и социально пассивная масса людей старшего возраста, в основном домохозяйки и пенсионеры, далекая от проблем, волнующих общество и избегающих политической активности. На деле проблемы верующих и неверующих в современной России одни и те же, их позиции и взгляды на развитие страны и его оценка также одинаковы и лишь различаются большей жесткостью к негативным нравственным и социальным явлениям и к подражательным общественно-экономическим преобразованиям. Здесь явно усматривается традиционный крестьянский менталитет. Не случайно, что один из важных уроков, который должна извлечь Россия из исторического опыта XX в., верующие видят в «невозможности жить без веры в Бога», а самым трагичным событием прошедшего столетия считают борьбу с религией. Показательно, что многие россияне счита-

ют, что в жизни будущей России Церковь традиционно должна играть большую социальную и культурную роль¹²².

Социологические исследования, проведенные в 1980–1990-е гг., зафиксировали мнение прихожан, что религия способствует самоуглублению, самосовершенствованию, делает человека более терпимым¹²³.

Каждый вправе выбирать себе духовный ориентир. На путь служения православию становились молодые девушки. Сегодня — это не исключение.

Открывающиеся монастыри не в силах принять всех желающих связать свою судьбу с благородной миссией служения высокой идее. Попранная мораль, разрушение идеалов, опустошение души вынуждали немалую часть молодежи искать идеалы в монашестве. Искать и находить. Этот нелегкий путь для многих из них становится единственным и превращается в смысл жизни.

В селе Могочино Томской области действует Свято-Никольская женская обитель. Здесь 12 монахинь, послушницы и около сотни переселенцев — тех, кто живет за монастырской оградой. Храм строили всем миром, в основном на средства епархии и прихожан. Небольшую сумму выделила и местная администрация. Создание этой обители благословил побывавший в этих местах Патриарх Московский и Всея Руси Алексей II. При церкви открыта и школа. Жить при монастыре приезжают целыми семьями¹²⁴. В 2003 г. началось возрождение женского монастыря в Старой Ладого на Северо-Западе России. Открываются женские обители и в других губерниях. 500 православных монастырей возродились на русской земле.

Открывающиеся храмы, заново отстроенные и переданные Церкви исторические памятники, — знак покаяния государства перед своим народом. В 2003 г. на территории России было зарегистрировано 11 299 религиозных организаций Русской Православной Церкви, в том числе 10 586 местных, и число их ежегодно возрастает¹²⁵. Современное общество консолидируется Верой. Передача прихожанам подмосковной церкви в Яхроме была встречена местными жительницами словами: «Мы ждали этого всю жизнь!»

В становлении веры, религиозности кроются возможности и истоки возрождения российской деревни, русской культуры.

«РАЗВЕ Я ЖЕНЩИНА? Я — ЗАГНАННАЯ ЛОШАДЬ. ТОЛЬКО И БЕГАЮ МЕЖДУ РАБОТОЙ, МАГАЗИНОМ И ДОМОМ»

Послевоенная деревня жила радостью Великой Победы. Вынесшие на своих плечах все годы военного труда во благо мирной, а значит, благополучной жизни, крестьянки активно

восстанавливали разрушенное и сожженное жилище. Вдовья и одинокая деревня ждала возвращения фронтовиков. С ними связывали надежды на семью и счастье, на их помощь надеялись при строительстве домов, школ, клубов... Начиналась новая жизнь. Деревня ожила. В клубе, а чаще в домах колхозников собирались потанцевать под патефон и познакомиться. На улицах появились гармонисты, и по-прежнему зазвенели задорные частушки:

Девочки, война прошла,
Миленочек вернулся.
Не успела оглянуться:
Другой он приглянулся.

Пришел мир в дома, и ничто не могло сравниться с этой Великой Радостью. Спустя десятилетия после победы в Великой Отечественной войне, этот подвиг остается самым значимым событием в жизни государства и людей¹²⁶. «Мы пережили и голод и войны, но терпение и надежда на лучшее нас не оставляли никогда»¹²⁷, — эти простые крестьянские строки разделяла вся *деревня*. Страна начала восстанавливаться. Огромные территории, подвергшиеся оккупации, были разорены настолько, что тысячи деревень просто исчезли, оставив после себя трубы печей, дороги слились с полями, сельскохозяйственные угодья были «распаханы» гусеницами танков и разорванными снарядами. Но крестьяне возвращались домой, нередко жили в землянках и начинали обустраивать новую мирную жизнь у себя, *дома*.

Война уничтожила в европейской части значительную часть основных магистралей, но для привычной ко всему деревни было достаточно хоть как-то обустроенной дороги до райцентра, до почты, до больницы, до школы. И строили в основном силами своих хозяйств. Но бездорожье оставалось число российской проблемой всегда. Эта проблема не решена и в начале XXI века.

Известно, что для нормальной жизнедеятельности человека пешеходная доступность того или иного конечного пункта не должна превышать 2–4 км. Между тем более половины сел в 1970-е гг. находилось в среднем на расстоянии 11 км от средней школы, больницы или культурно-бытовых учреждений. Поэтому транспорт, дорога приобретали особое значение. Между тем многие дороги выглядели так, как дорога между городом Тотьмой и деревней Дмитровской в Вологодской области протяженностью в 25 км. Обращаясь в редакцию газеты «Правда» жители писали в 1967 г.: «С тех пор, как дорога построена, прошло 40 лет, а ее не ремонтировали ни разу. В военные и послевоенные годы она еще проходила для грузовых машин. Сейчас же по ней может пройти только современный вездеход на гусеничном приводе. Можно проехать и на тракторе “Бела-

реть», но только в зимнее время, весной и летом его может засосать грязь, спасти сможет только вездеход или гусеничный трактор. Поэтому колхозники когда им нужно получить товар или везти груз в район отправляют “Беларусь” с тележкой и непременно в сопровождении гусеничного трактора. Но и такой вариант не обходится без риска. Например, летом прошлого года тележка перевернулась и весь товар, находившийся в ней, оказался в кювете, заполненном водой, а попадавшие с тележки люди уцелели только по счастливой случайности. Подмоченным товаром оказался сахар, который пришлось распродавать колхозникам по более низкой цене.

Ужасно и то, что из-за отсутствия дороги больные, нуждающиеся в медицинской помощи, ее не получают, не могут сами попасть к врачу, который находится в 40 км от деревни. Молодежь, оканчивающая среднюю школу, не желает оставаться в деревне, и надо сказать, что причина тому и бездорожье. Бездорожье — самый страшный бич для нас, говорят колхозники¹²⁸. За обращением в центральный орган КПСС последовала проверка, ответ трудящимся в колхозном производстве и некоторые средства небогатого районного бюджета были переадресованы на ремонт дороги.

К началу 1974 г. менее половины центральных усадеб колхозов и совхозов были соединены автомобильными дорогами с районными центрами¹²⁹. Более 60 тыс. населенных пунктов Нечерноземья были расположены от автобусной остановки на расстоянии свыше 6 км¹³⁰.

В России к 1983 г. автодороги с твердым покрытием были подведены к 887 сельским райцентрам из 1102 и к 17 737 центральным усадьбам колхозов и совхозов из 23 590. Еще хуже обстояло дело с внутривоспользовательными дорогами, имеющими твердое покрытие, которых требовалось не менее 600 тыс. км¹³¹. В Нечерноземье доля дорог с твердым покрытием среди автодорог местного значения составляла в среднем по региону 2,5 км на 100 кв. км, т.е. менее 30% всех дорог местного значения¹³².

Дороги, являющиеся необходимым компонентом нормального функционирования аграрного сектора, помимо экономических, выполняют важнейшие социальные функции. Населенные пункты не могут развиваться без постоянной и надежной связи. Однако автобусным сообщением было обеспечено только 32% сел и деревень Нечерноземья при условии даже одного рейса в сутки, а 30% селян этого обширного региона ради получения повседневных услуг выезжали в центры сельсоветов, райцентры, где были сосредоточены административно-хозяйственные учреждения и предприятия социальной инфраструктуры¹³³. «Нам нужны автобусы, а не только трактора и комбайны, которые уже навязывают силой. А чтобы получить колхозу автобус, даже трудно описать, сколько и чего надо пройти, где и кого “подмазать” медом и мясом! А ведь у нас

автобус и людей на работу доставляет, и детей в садик, в школу собирает, и за “скорую помощь” служит, и даже почту на автобусе возят. Да мало ли куда надо съездить сельскому человеку, ведь рейсовый автобус к нам не ходит», — писала из сельской глубинки Пермской области Надежда Ш. в журнал «Сельская новь»¹³⁴.

К началу 1991 г. 151 районный центр, 1807 центральных усадеб колхозов и совхозов, в основном на территории России, не имели шоссейных дорог с твердым покрытием до железнодорожных станций. В Нечерноземной полосе на 1 тыс. кв. м приходилось всего 48 км дорог с твердым покрытием. Это в 6 раз меньше, чем, например, в Литве, и в 11 раз — чем в Эстонии. Примерно одна треть центральных усадеб хозяйств была отрезана от районных центров¹³⁵.

Плохое состояние дорог отрицательно сказывалось не только на экономике. Оно оказывало негативное влияние на психологию людей, поскольку они чувствовали себя оторванными от большого мира.

В селах, расположенных у железной дороги или близ дорог с автобусным сообщением, жителей с высшим и средним образованием было вдвое больше, чем там, где не было хороших транспортных связей. Сельское население, проживавшее более чем за 4 км от культурно-бытовых учреждений, пользовалось детским садом в 5 раз, а клубом в 7 раз меньше, чем жители сел, где эти учреждения находились. Социологические обследования нечерноземной деревни показывали, что в совхозах и колхозах с разветвленной сетью автомобильных дорог, как правило, было больше интеллигенции, молодежи. И наоборот, в глубинку неохотно ехали учителя, врачи, культработники, специалисты сельского хозяйства. В колхозах и совхозах, где была низка обеспеченность жильем, дорожно-транспортной сетью, объектами культурно-бытового, медицинского назначения, коэффициент текучести трактористов-машинистов был в 2,7 раза выше, чем в хозяйствах с широко развитой инфраструктурой¹³⁶. В 1990-е гг. строительство современных дорог велось крайне медленно, во многих регионах и вовсе приостановилось. Ремонт занимались либо сами сельскохозяйственные предприятия в радиусе своих интересов, либо коммунальные службы в случае полной невозможности пользоваться этим средством коммуникации. В 2001 г. треть сел и деревень России были отрезаны бездорожьем от основных автодорожных магистралей¹³⁷. Средства массовой информации констатировали, что в 2003 г. свыше 10% россиян не имели доступа к федеральным трассам. Привычное сельское бездорожье воспринималось нормой деревенской жизни.

В разбросанной российской глубинке телефон является не средством общения в свободное время, а источником связи с медициной, почтой, торговлей, бытом и далекими родствен-

никами. Хотя бы один телефон в деревне! Однако задача телефонизации в основном решалась для города. Деревенские жители годами ждали подключения к почте телефона, который на протяжении десятилетий оставался «диковинкой». Число телефонных аппаратов, подключенных к телефонной сети Министерства связи страны, за 1960—1980-е гг. в сельской местности возросло с 422 тыс. до 3,1 млн и отставало от города в 6 раз. К концу 1980-х гг. большинство колхозов и совхозов провели внутрипроизводственную телефонную связь (96% хозяйств)¹³⁸. При разбросанности деревень и объектов в рамках одного колхоза и совхоза это было актуально. Однако о проведении телефонов в дома колхозников вопрос никогда не ставился. И даже статистика, отражающая телефонизацию в сельской местности, учитывает дома крупных поселков и центральных усадеб и совсем не отражает жизнь колхозной российской глубинки.

К концу 1980-х гг. в России только каждая третья семья в городе и каждая восьмая в деревне имели телефоны. По обеспеченности квартирными телефонами Россия находилась на 15 месте (городское обслуживание) и 9 месте (сельское обслуживание) среди советских республик. В деревне не были телефонизированы 34% торговых, медицинских учреждений, школ, детских садов и яслей, предприятий бытового и культурного обслуживания населения и 100% домов колхозников разбросанных российских деревень¹³⁹. С развалом колхозно-совхозной системы и ликвидацией многих учреждений с последующим снятием телефонных номеров, прекращением строительства телефонных подстанций, финансируемых хозяйствами, уже до половины (46,4%) сельских торговых, медицинских учреждений, а также организаций бытового и культурного обслуживания в 2001 г. остались без телефонной связи¹⁴⁰. Современная мобильная связь недоступна подавляющему числу их жителей, и на медицинскую помощь в маленьких стареющих деревнях можно рассчитывать лишь от односельчан. Из Архангельской области жители писали в центральную прессу: «Большой привет из маленькой северной деревушки всего на 12 дворов. Школу недавно закрыли — ребяташки учатся в районном интернате. Больницы тоже нет, фельдшер один на 3 деревни, живет за 50 км. В этом году мы подписались на журнал “Здоровье”. Пишите, пожалуйста, больше о первой помощи при различных болезнях — что в каком случае надо делать. Как помочь, если человек отравился, обморозился, сердечный приступ его хватил. Людям больших городов, наверное, такие сведения не очень нужны — главное набрать “03”. А нам, в глубинке, часто приходится помогать друг другу. И деревень таких, как наша, в России много»¹⁴¹. Более половины малонаселенных российских деревень в начале XXI в. не имели ни одного телефона!¹⁴²

В разрушенной войной деревенской стороне экономический прагматизм справедливо указывал на рациональность строительства и развития крупных поселков, где можно построить добротные дома со всеми коммунальными удобствами, наладить бытовое обслуживание, организовать торговлю, открыть школу и детский сад, развернуть клубную работу. И привлечь в них молодые квалифицированные кадры. Со временем этот рационализм был возведен в ранг государственной программы, во всяком случае для Нечерноземья, и стал активно и планомерно внедряться в жизнь. «Громадь» планов было рассчитано на молодые кадры будущего, которых хотели заинтересовать колхозной жизнью. Понятно, что для стариков и даже среднего поколения такая перспектива далеко не всегда была привлекательна, да и многие из них вообще не учитывались в этих перспективах, хотя даже после «ликвидации» маленькой деревеньки оставались там проживать. Деревня же ни в каких реестрах уже годы не значилась. А из этого следовало, что на нее и на ее стариков не распространяется почтовое, торговое, медицинское и вообще никакое обслуживание и государственное внимание.

1960—1970-е гг. стали временем наиболее сильного давления на деревни. Было принято государственное решение, что только в крупном сельском поселении, имевшем 2 тыс. жителей или более, возможно «на месте» иметь сравнительно полный набор учреждений обслуживания. По действовавшим нормативам поселку в 2 тыс. жителей полагались: средняя или неполная средняя школа на 400—480 учащихся; детский сад на 140—180 мест; клуб со зрительным залом на 300 мест и киноустановкой; амбулатория с несколькими врачами, рассчитанная на 50 посещений в день; библиотека на 6 тыс. томов; продовольственный магазин (или магазины) общей торговой площадью 140 кв. м; промтоварный магазин площадью 100 кв. м; столовая или кафе на 50 посадочных мест; предприятия бытового обслуживания, включая химчистку на 20—22 рабочих места; баня; отделение связи. Но даже в таком сравнительно крупном поселке не планировалось иметь сберкасса (по нормативам полагалась 1 сберкасса на 3—8 тыс. жителей), больницу с коечным фондом и врачами всех специальностей и некоторые другие учреждения.

Но в сельских местностях страны в 1970 г. было всего 6 тыс. поселений, имевших свыше 2 тыс. жителей и проживало в них лишь 23% сельского населения страны. Наряду с этим было 112 тыс. поселений величиной от 50 до 200 жителей, в которых в лучшем случае могли быть лишь торговые палатки или очень малые магазины смешанной торговли с одним продавцом и начальная школа на 15—20 учащихся. В таких поселках проживало более 12 млн человек, т.е. почти 12% сельского населения, и еще 3% — в мельчайших населенных пунктах — до 50 жителей¹⁴³. Отсюда — поездки в город, а то и вовсе переезд.

В России в 1970 г. лишь 60% сел имели у себя или поблизости клубные учреждения и медпункты, 70–75% — магазины, 33–36% — восьмилетние школы и почтовые отделения. В этих селах проживало 70–90% селян республики¹⁴⁴. По данным обследований 1989 г., свыше трети деревень не имели стационарных предприятий торговли, две трети — предприятий общественного питания, домов бытовых услуг или комплексных приемных пунктов, 42% — учреждений культурного обслуживания¹⁴⁵.

Из Хвойнинского района Новгородской области жители одной из деревень написали в «Сельскую жизнь»: «Наша деревня находится в 10 км от райцентра. Населения в ней около 200 человек. Но вот уже год у нас не работает магазин. За всеми продуктами вынуждены ходить в Хвойную. Автобусы туда идут в 10 и 11 часов, когда люди находятся на работе. Каждый выходной тратим на то, чтобы запастись продуктами на неделю. Даже автолавка с хлебом приходит нерегулярно, да к тому же в неопределенные часы, приходится подолгу ждать на морозе.

Клуб тоже закрыли с сентября. Он в аварийном состоянии. Никаких лекций и бесед не проводится, даже кино не бывает; в прошлом году показывали в клубе кино, но на каждом сеансе заведующая предупреждала, чтобы зрители не садились справа, т.к. потолок может обвалиться. Поговаривают, что закроют почту. Медпункт и библиотека находятся в очень холодных помещениях, ремонт не предвидится. В результате такой жизни в деревне скука и пьянки»¹⁴⁶.

Основная часть населенных пунктов, не обеспеченных стационарными учреждениями торговли, — мелкие с числом жителей до 100 человек, из них лишь 14% обслуживаются регулярно передвижными формами торговли. В подавляющем большинстве населенных пунктов с числом жителей до 300 человек отсутствовали стационарные учреждения и предприятия социально-культурной сферы. Доля этих сел в общей структуре сельских поселений, не имевших предприятий и учреждений торговли, здравоохранения, различных видов культурного обслуживания, составила свыше 90%¹⁴⁷.

Из-за отсутствия регулярного обслуживания сельского населения поселков численностью до 300 жителей вынуждены были обращаться за товарами первой необходимости 2,4 млн человек, за услугами бытовых предприятий — 8,5 млн человек, в отделения связи — 9,5 млн, первой медицинской помощи — почти 7 млн за два и более километров от места своего жительства¹⁴⁸. При этом отметим, что для сельских поселений с числом жителей менее 250 не существовало даже проектов для строительства культурно-бытового назначения¹⁴⁹. Тем не менее таких селений только в Нечерноземной полосе России по переписи 1979 г. насчитывалось 86%, на каждое в среднем приходилось 32 человека¹⁵⁰.

Из 53,5 тыс. крупных сел с населением свыше 500 человек — 2,5 тыс. не имели магазинов по продаже продовольственных и промтоваров, там проживало около 4 млн жителей; 21,3 тыс. сел с населением 23,4 млн жителей — предприятий общественного питания; 9,6 тыс. сел с населением 9 млн жителей — приемных пунктов или предприятий бытового обслуживания¹⁵¹. Письмо из села Самино Вытегорского района Вологодской области, написанное в редакцию газеты «Правда»: «Просим разобрать нашу жалобу. В настоящее время магазин не работает. За нужными товарами приходится ездить за 50 км. Сельпо заботилось о завозе товаров, когда был открыт магазин. Не часто завозят товары и в продуктовый. Белый хлеб и булочные изделия бывают от случая к случаю, очень редко. Неважно обстоит дело и с культурным строительством. Клуб находится в 300-летнем здании церкви (памятник архитектуры), которая находится в аварийном состоянии. Средств на строительство клуба нет. Все внимание уделено на строительство скотных дворов, а на обслуживание населения не уделяется внимания. Саминская восьмилетняя школа — здание бывшее кулацкое, которому 100 лет. В классах школы темно и неудобно. Помещение не ремонтируется и пришло в аварийное состояние. Дорога по маршруту Вытегра-Пудож значителен республиканского значения, но на нее уделяется мало внимания по ее ремонту. Дорожное полотно стало ниже канав. В весенний и летний периоды по два месяца нет возможности прохода не то что автобусам и машинам, но и тракторам. Люди вынуждены ходить 50 км пешком»¹⁵².

Деревня мирилась со многими трудностями, переадресовывая их решение последующим временам, но магазин требовался в обозримом будущем. Это место покупок *всех* предметов деревенской жизни — от хлеба до кастрюли и валенок. Это и место встречи для обсуждения новостей и возможность сплетничать о соседях, выяснив их бюджет и обсудив его с «товарками». В послевоенное время страна находилась на карточном обслуживании, которое действовало до 1947 г. Это организовывало торговлю и давало возможность как-то обеспечить население необходимым товаром по минимальным нормам. *Деревня в это население не входила*. Обычные телогрейки, платки, валенки, довоенные платья... — наряды деревенских женщин и привозимые фронтовиками «вещи из Германии», которые были предметом зависти всей округи. Одна из молодых женщин, попросив у свояченицы «на выход» такое платье, рассказывала, что ее подруги оценили общий вид: «В этом платье ты красивая, как Клеопатра!» Но и в деревне на зависть деревенским модницам были выделены женщины, которые получили льготы на снабжение. На особом «карточном» положении находились сельские учителя. По закону они были приравнены к горожанам, но на деле их принадлежность к деревне больше сближала их с крестьянками, которые обходились соб-

ственными возможностями в приобретении товаров первой необходимости, не говоря о «выходных» нарядах. Выделяемые для сельских учителей фонды обеспечения промышленными товарами были невелики, и «отоваривали» их, исходя из наличия товаров на складах, и потому для учителей торговлей предлагались тапочки из сыромятной кожи размером «от 36 и ниже и от 43 и выше», брезентовая обувь на резиновой подошве, рабочие ботинки военного образца, резиновые детские галоши и детские чулки, гнилые шерстяные платки. Как показала общесоюзная прокурорская проверка 1946 г., такое положение было выявлено в «Челябинской, Брянской, Омской, Орловской, Новосибирской, Костромской и во многих других областях, краях и АССР»¹⁵³. Одна из учительниц писала с юмором: «В начале мая месяца 1946 г. педколлективу нашей школы прислали по бязевой сорочке, а одной учительнице — платье бязевое, крашеное. Это платье с короткими выше локтя рукавами, с таким огромным выемом сзади, что ему (фасону) позавидовала бы, пожалуй, царица Елизавета Петровна»¹⁵⁴. И, конечно, местная номенклатура не могла не воспользоваться возможностями лимитного обслуживания учителей, и из немногочисленного и добротного ассортимента, предназначенного учителям, председатели райисполкомов, сельсоветов и другие, облеченные властью, «смогли приобрести» пальто, платья, шерстяные ткани. Заботясь о кадровом пополнении колхозов, совхозов и МТС из «учительского» фонда для комбайнеров, трактористов, специалистов сельского хозяйства также «выделяли» валенки, сукно, обувь, галоши, платки...¹⁵⁵

Сельские учителя были поставлены и на нормированное снабжение продовольственными товарами. Норма для них была установлена в 500 граммов хлеба на день. Прокурорские проверки фиксировали неоднократные занижения установленного минимума, несвоевременную его выдачу, замену другими продуктами. Иногда учителя получали «затхлый, сырой, горький хлеб с примесью мороженого картофеля», и даже его было недостаточно и подвозился он с «перебоями». Помимо хлеба им был положен квартальный паек, состоящий из сахара (1 кг), чая (100 г), мыла (1 кусок), спичек (9 коробок), соли (1,2 кг) и керосина (6 л). Нарушения этого снабжения были повсеместно, сроки ожидания затягивались, продуктов часто не хватало. Кроме того, сахар заменяли «помадкой» или кондитерскими изделиями, керосин продавали лишь при условии покупки товаров, не пользующихся спросом в сельпо, например, глиняной куклы или тубетейки. Большинство товаров продавалось по сниженным нормам, а мыло не выдавали в некоторых сельпо по 6 месяцев.¹⁵⁶ Такая ситуация была вполне обычной для того времени.

Карточки в 1947 г. правительство отменило, и, безусловно, это было воспринято с огромной надеждой на лучшую жизнь.

Но, как писала в 1946 г. корреспондентка из Москвы «далекой подруге» в Великобританию, пользуясь возможностями Комитета советских женщин, «жизнь все больше и больше нормализуется, цены снижаются, осенью отменяют карточки», но даже при их наличии она «не испытывала нужды ни в чем, т.к. все что нужно мы имеем полную возможность приобрести на рынках и в магазинах»¹⁵⁷. Москвичка-корреспондент, да и большинство других горожанок, конечно же, не имели и малейшего представления о жизни женщин в деревне, и единственно правильной была строка из другого письма, тоже в Великобританию и тоже от москвички: «Народ наш мужественен и терпелив»¹⁵⁸. Эти слова следует отнести прежде всего к русской крестьянке.

Конец 1940-х гг. принес долгожданное ненормированное снабжение, но товаров широкого потребления по-прежнему не хватало и, по самым оптимистичным данным, лишь половина населения страны могла купить их в магазине, при том, что материальное положение многих было тяжелым, в частности, около 8 млн трудящихся получали зарплату ниже прожиточного минимума¹⁵⁹. Так жил «благополучный» город. Крестьяне на государственное нововведение ответили более частыми поездками в ближайшие города и поселки, где были магазины, за самыми простыми товарами. На протяжении всей колхозной принадлежности деревня оставалась в приниженном социальном положении.

Во многих селах отсутствовали магазины. Это вынуждало деревенских жителей идти за несколько километров в близлежащие села, ехать в районные или областные центры. Из деревни Зуево Семеновского района Горьковской области жители писали в «Сельскую жизнь»: «Более 3-х лет не работает в деревне магазин. В летнее время раз в неделю приезжает автолавка и привозит кое-какие продукты. Но разве на семью запасаешь на целую неделю? Вот и приходится в пору уборки ехать в Горький и терять время — два дня. А в осеннее и зимнее время автолавка не приезжает из-за дорог по три недели»¹⁶⁰.

Ассортимент товаров в сельских магазинах был крайне узок¹⁶¹. Прежде всего деревни испытывали дефицит в хлебобулочных изделиях. Магазины не получали хлеб регулярно и в необходимых количествах. Из села Георгиево Гусь-Хрустального района Владимирской области крестьянки писали: «Хлеб привозят очень редко, и приходится ездить за хлебом в г. Муром за 60 км. А если привозят хлеб, то отпускают на 2—3 суток, на человека один килограмм»¹⁶².

Часто сельские жители отмечали низкое качество покупаемого в магазинах хлеба. Из колхоза «Красный передовик» Торжокского района Калининской области в 1974 г. жители писали в «Сельскую жизнь»: «К нам в магазин хлеб привозят 2 раза в неделю. Пекарня находится в 8 км. Хлеб берут еще теплый и

завертывают в брезент. А везут на необорудованных машинах и тракторах. Так что привозят не хлеб, а лепешки, а в дождь — влажным и даже мокрым»¹⁶³.

58% опрошенных жителей Нечерноземья в 1970 г. не были удовлетворены качеством приобретаемого хлеба, в том числе 54% основной причиной этого назвали его низкие вкусовые качества — «кислый». По этой причине 20% опрошенных предпочли покупному хлебу приготовленный в домашних условиях¹⁶⁴. Во многих деревнях вернулись к хлебопечению в домашних условиях. Так было в совхозе «Долговский» Мосальского района Калужской области (1971 г.). Рабочие писали: «Терпим большую нужду с хлебом. Очень часто приходится идти работать, не имея на столе хлеба. А работать нам, пастухам, приходится с 3-х часов утра до 22 часов вечера. Женам нашим в такую горячую пору не всегда имеется возможность испечь хлеб домашний, да они правильно поступают, что не хотят заводить хлебниц, т.е. возвращаться к старым порядкам домашнего хлебопечения. А многие молодые хозяйки не имеют представления о хлебопечении»¹⁶⁵. Дефицит муки, забытые традиционные рецепты выпечки, отсутствие условий при наличии квартиры в доме, да и просто нежелание заниматься хлебопечением заставляло селян ездить и ходить в магазины за несколько километров. Так было во многих деревнях. Из деревни Кузнецово Рыбинского района Ярославской области в 1979 г. Н. Березкина писала в «Сельскую жизнь»: «Раньше в деревне был магазин, но его закрыли и стали доставлять продукты в повозке. В основном возят хлеб, но не регулярно. Хлеб черствый, низкого качества, белого хлеба не видим. Давно не везут соли. А зимой хлеб не возят совсем. Мол, жители сбегают за 6 км. А большинство жителей — одинокие старушки. Самой молодой — 70 лет»¹⁶⁶.

В отсутствие магазинов на селе стали практиковать выездную торговлю, так называемые автолавки. Этот магазин на колесах курсировал по сельскому бездорожью на отнюдь не новом транспорте и с весьма ограниченным выбором товара. Но энтузиазм шофера-продавца побеждал все преграды: и снабженческие, и дорожные, — если за дело брались женщины, полюбившие эту работу. На страницах журнала «Крестьянка» нечасто появлялись рассказы о буднях магазина на колесах¹⁶⁷. Но для сельских женщин это уже был перспективный выход из ситуации, когда в деревне нет магазина, а ближайшее ателье по пошиву или ремонту располагалось за десятки километров. Нашедшие свое призвание в работе разъездного продавца сельские женщины с благодарностью были встречены деревенскими жителями. «У нашей Тамары талант, коммерческая жилка», — отзывались они о работе Тамары Сауленко, шофера-продавца из Брянской области. Сама она так отзывалась о результатах своей торговли: «Люблю, когда много людей у ма-

шины, даже если не покупают, а просто так собираются. Люблю людей»¹⁶⁸. Разъездная советская торговля ушла в прошлое. Ее место в деревне заняли добровольные по призванию «социальные работники», соединившие профессии почтальона, продавца, домашнего медика... Почти 30 лет и только зимой из-за бездорожья работает в ярославской глубинке Надежда Топоркова, принося в деревенские дома последние известия, пенсии, продукты и лекарства и не мыслит себя вне села и сельской жизни, как и благодарные старики вне ее помощи и участия.

В розничном товарообороте государственной и кооперативной торговли селу по-прежнему отводилось весьма скромное место. За 1980-е гг. в сельской местности России общий объем товарооборота возрос с 30,3 млрд руб. до 38,2 млрд руб., однако удельный вес его снизился с 20 до 17%¹⁶⁹. Если в целом по России на душу населения розничный товарооборот составлял 1548 руб., то в Псковской, Брянской, Владимирской, Калужской, Рязанской, Тульской областях, Марийской, Мордовской и Чувашской республиках — менее 1200 руб.¹⁷⁰ При этом на селе реализовывалось товаров на сумму 981 руб. (в городе — 1751 руб.), из них продовольственных — на 449 руб. (в городе — 871 руб.), непродовольственных — 532 руб. (в городе — 880 руб.)¹⁷¹.

Специфика работы потребительской кооперации состояла в обслуживании сельских жителей. Однако, по расчетам Всесоюзного научно-исследовательского института экономики кооперативной торговли, около 20% покупательного фонда населения, обслуживаемого потребительской кооперацией, реализовывалось в городе. Это составляло 18 млрд руб. в год¹⁷². По данным НИИ лаборатории Центросоюза, из 17,7 тыс. обследованных семей 44% заявили, что в магазинах потребкооперации они не смогли купить необходимой одежды, 28% — обуви, 28% — трикотажа, 34% — хозяйственных товаров, 22% — культтоваров и 14% — мебели¹⁷³.

Сельское население значительное количество товаров покупало в городских магазинах. По данным статистики бюджетов населения, семьи колхозников приобретали в магазинах городов до 40% потребляемых ими непродовольственных товаров¹⁷⁴. При этом каждая сельская семья ежегодно тратила на поездки за товарами в города примерно 160 часов¹⁷⁵.

Введение гарантированной оплаты в колхозах, общее повышение заработной платы, назначение, а затем увеличение пенсий для колхозников позволило многим семьям строить достаточно благополучную жизнь и улучшить свой быт. К 1970 г. половина сельских семей имела радиоприемники (в городе 88) и треть телевизоры (в городе 64). Больше половины пользовались швейными машинами, треть — стиральными. Каждая десятая семья имела холодильник¹⁷⁶. Это вносило в сельскую жизнь элементы благоустроенного быта, позволяло расширять куль-

турно-познавательный диапазон. Стремление к городской жизни, городским удобствам многие семьи реализовывали в деревне. К концу 1980-х гг. большинство сельских семей (87 из 100) приобрели телевизоры, три четверти имели радиоприемники, свыше 60% — холодильники, стиральные и швейные машины, 25% — пылесосы¹⁷⁷. Эти показатели хотя и означали заметное улучшение бытовой и культурной жизни селян, тем не менее в 1,5–2 раза были ниже городского уровня¹⁷⁸.

Наращиваемые темпы производства промышленных товаров повышенного спроса не позволяли полностью удовлетворить в них население России. Достигнутый уровень потребления некоторых непродовольственных товаров составил 75–80% от установленного норматива. Прежде всего это относилось к селу¹⁷⁹.

Сельские магазины не удовлетворяли спрос селян на телевизоры и радиоаппаратуру, бытовую технику, часы, посуду, одежду. Крупные покупки селяне осуществляли, как правило, в городе. Остальное хотели приобретать по месту жительства. Не всегда им это удавалось. Письмо из деревни Кислово Касимовского района Рязанской области, направленное в 1970 г. в газету «Сельская жизнь»: «Шапки купить негде — ни в Елатоме, ни в Касимове, неужто это тяжелая проблема: нет никаких шапок, а летом не найдешь фуражки. А зайди в скобяной магазин купить напильник — не найдешь. Нет у нас и обливной посуды, чашек, жбанчиков, кружек»¹⁸⁰.

Дефицит некоторых товаров в торговле прежде всего распространился в деревне. Возможности приобретения любого товара здесь были ограничены стенами магазина в своем или близлежащем селе. Поездки в город за дефицитом тоже не всегда оказывались результативными, хотя на прилавках городских и особенно столичных магазинов, не говоря о комиссионных и «черном рынке», появлялись «заграничные» товары из Европы, Японии и США¹⁸¹. Приезжавшие в Москву и Ленинград крайне редко и очень немногие крестьяне были поражены этим «изобилием», рассказы о столичной жизни обрастали легендами для никогда и нигде не бывавших, кроме районного центра, сельских жителей и вызывали законную зависть. Но большинство импортных товаров, удивлявших селян, для деревни были непрактичными, а необходимые им хлопчатобумажные чулки, шапки-ушанки, платки-полushалки, резиновые калоши и т.п. и в городе оказывались «дефицитом» — из-за не востребованности.

В разные годы возникали перебои в торговле стиральными порошками, мылом, хлопчатобумажными тканями и изделиями из них, электрическими лампочками, сигаретами и т.д., и т.д. В городе могли открыться некоторые дополнительные возможности приобретения дефицита, для села единственный путь приобретения товара — в магазине. Из Дубенского района

**Состав совокупного дохода семей колхозников и его использование
(РСФСР, по материалам обследования семейных бюджетов;
в процентах)***

	1980	1985	1986	1987	1988	1989	1990
Совокупный доход; всего	100	100	100	100	100	100	100
в том числе:							
доход от колхоза	53,5	57,3	57,7	59,0	59,4	59,5	58,6
зарплата членов семьи	8,6	8,4	8,4	8,0	8,3	8,4	8,5
пенсии, стипендии, пособия, дотации на путевки в санатории, дома отдыха, пионерские лагеря, на содержание детей в дошкольных учреждениях	9,3	9,2	9,2	9,0	8,2	7,7	7,3
доход от личного подсобного хозяйства	25,1	21,8	21,2	20,5	20,0	20,5	21,5
доход из других источников	3,5	3,3	3,5	3,5	4,1	3,9	4,1
из совокупного дохода израсходовано:							
на питание	35,9	32,5	32,0	31,9	31,7	30,6	28,1
на непродовольственные товары	29,9	31,1	31,5	30,9	30,0	29,9	29,2
из них:							
на ткани, одежду, обувь	17,4	17,0	16,7	16,0	15,7	15,9	16,1
на мебель, предметы культуры и быта	4,7	5,7	6,2	6,1	6,0	5,9	5,3
на легковые автомобили, мотоциклы, велосипеды и т.д.	2,4	2,9	3,0	3,3	2,8	2,7	2,3
на алкогольные напитки	6,4	5,2	3,4	3,4	3,8	4,4	4,3
на культурно-бытовые услуги	5,0	5,3	5,5	5,6	5,9	6,0	4,9
из них оплата квартир, коммунальных услуг и содержание собственных домов	2,0	2,0	2,0	2,0	2,2	2,2	1,7
налоги, сборы, платежи	1,6	1,8	1,9	1,8	1,9	1,9	1,8
прочие расходы	10,1	9,6	9,7	9,3	9,0	8,5	7,9
накопления семьи (прирост наличных денег, вкладов в учреждениях Сбербанка РСФСР и др).	11,6	14,5	16,0	17,1	17,7	18,7	23,8

* Данные по полу отсутствуют.

Источник: Народное хозяйство РСФСР в 1990 г. Статистический ежегодник. М., 1991. С. 134.

Мордовии селяне писали в 1969 г. в центральную прессу: «Мы обращаемся по вопросу снабжения нас полушубками, валенками и шапками. При наличии колоссального количества сырья для производства этих вещей, к сожалению, мы, средневожжане, ощущаем острую нехватку в вышеуказанных товарах. В наших магазинах полушубки свободного покроя, которые необходимы для шоферов, трактористов и других специалистов сельского хозяйства и автотранспорта, работающих в холоде 6–7 месяцев году, десятилетиями не бывают.

Где фабричные валенки? Если изредка бывают, то из серой шерсти и неприглядного фасона. За последние два года пропали и шапки меховые. Нам думается, что наше сельское хозяйство теперь достаточно обеспечивает страну сырьем для полушубков, валенок и шапок, которые так необходимы для сельских тружеников»¹⁸².

На порою дефицит распространялся на самые простые товары: мыло, соль, спички, керосин. Из совхоза «Алексеевский» Медынского района Калужской области селяне писали в 1970 г. в «Сельскую жизнь»: «Спички, мыло, соль — это основной продукт, поставляемый деревне городом. Увы, в течение 1965 г. в магазины Калужской области спичек не поставляют»¹⁸³. Из Починковского района Горьковской области жители писали: «Подскажите, где купить спички? У нас дело дошло до высекания огня от камня»¹⁸⁴. Из колхоза «Маяк» Кировской области женщины писали: «Уже полгода нет мыла, в баню сходить не с чем. Нечем постирать. Стираем глиной и делаем шенок. Порою даже соли нет месяцами»¹⁸⁵.

Помимо этого, у села были свои специфические требования. В хозяйстве были необходимы крынки, чугушки, слесарные и столярные инструменты, стекла для керосиновых ламп, из одежды — ватные брюки, телогрейки, хлопчатобумажные чулки, резиновые сапоги и др. Этих товаров в сельских и городских магазинах было явно недостаточно.

Сельскохозяйственный труд для большинства женщин — это работа в поле или на ферме. Труд в полеводстве — это работа под открытым небом. Для него требовалась специальная одежда. Но каждый одевался на свой лад. Необходимую телогрейку, платок, резиновые сапоги, «простые» чулки и перчатки нередко купить было невозможно. Производство этих товаров свертывалось, а селянки в их поисках теряли дни и недели. Часто тщетно. Жительницы колхоза «Звезда» Балезинского района Удмуртии писали: «В наших магазинах нет товаров первой необходимости: сапог кирзовых, резиновых, валенок, телогреек»¹⁸⁶. Из деревни Ионово Ветлужского района Горьковской области: «В магазине нет теплых шалок-платков, которые можно бы завязать концами назад. Ведь они нам, женщинам-крестьянкам, крайне необходимы. Очень трудно работать, ведь у нас морозы и, чтобы работать в холодном сарае на сортировке льно-

тресты или сходить за 1,5 км в магазин, на речку, без таких шалок зябнет голова. Трудно купить в магазине и вязаную трикотажную кофточку»¹⁸⁷. Из колхоза «Рассвет» Торжского района Калининской области: «Вы представляете себе, что такое капроновые чулки с резиновой обувью? А ведь резиновую обувь мы носим круглый год. Но бумажные чулки не продают. Женщины просят ответить, куда подевались хлопчатобумажные кофточки, свитера, рейтузы всех размеров? Мы так любили их носить. Тепло, дешево, чисто. Их можно стирать и ходить нарядно. За одну дорогую кофту мы можем приобрести 3—4 кофточки для работы»¹⁸⁸.

Но если и удавалось приобрести дефицитный для деревни товар, не всегда он был пригоден к носке. Из Омской области Н. Карпенина писала в «Крестьянку»: «Я купила чулки 27—29 размера рижской фабрики “Аврора”, принесла домой, надела, а они еле до колен достают. Купила другие того же размера и той же фабрики. А они еще короче. Конечно, можно было бы их использовать как гольфы, но чем закрепить на ноге — ума не приложу. Тут бы хорошо иметь резинки, но в магазине их нет. Продаются только во Дворце бракосочетаний, но ведь не каждая женщина пойдет регистрироваться лишь того, чтобы их заиметь»¹⁸⁹.

В свободное от работы время сельские женщины мастерили для себя и своей семьи одежду. Швейная «машинка» в послевоенное время была редкостью. Ее наличие говорило о достатке семьи. Известная частушка:

Заработала в колхозе,
Триста сорок трудодней.
Куплю швейную машину,
Буду платье шить на ней.

Много позже она стала обычным предметом деревенского быта. Невеста с приданым в виде швейной машины считалась хорошо обеспеченной и подготовленной к семейной жизни¹⁹⁰. Деревенские женщины часто обращались к портнихе с просьбой пошить новое платье, юбку или кофточку, но основное время отдавалось переделке старых вещей, особенно для детей, которым, за очень редким исключением, обновки покупались, а в основном они «донашивали» перешитые и «перелицованные» вещи старших братьев и сестер, а также не по размеру большие, вышедшие из городской моды пиджаки, брюки, пальто, привезенные из города родственниками.

Но прошли времена, когда сельская женщина обшивала всю семью. В современной деревне обычно к швейной машине обращались для переделки вещей, шитья для маленьких детей, простых и обыденных, ненарядных платьев. Лишь немногие портнихи оставались верны своему вкусу. Большинство селянок предпочитало готовую одежду, купленную в магазине. Оп-

рос, проведенный в 1970-е гг. среди жительниц Нечерноземья показал, что лишь 5% пополняли свой гардероб собственными изделиями или шили на заказ у портнихи¹⁹¹. Конечно, в деревне труднее приобрести материал на платье или пальто, ателье расположено только в райцентре, а местная портниха вряд ли угодит молодой моднице. Стремление красиво и по-городскому одеться постепенно сокращало знаменитые на всю страну и за ее пределами женские искусные промыслы, знаменитые вологодские кружева и рязанские вышивки оказались и вне моды, и вне интереса. Традиции утрачивались, а возвращавшаяся мода не могла найти источники пополнения заказов: мастериц осталось мало.

Привычные горожанину бытовые услуги для значительного числа селян оказывались недоступными. Отсутствие домов быта, приемных пунктов в своей деревне усугублялось и бездорожием. Культурно-бытовая изоляция многих сел оказывала влияние на психологию жителей. Культурно-бытовой фон деревни во многих случаях становился одной из главных причин переезда в город.

Централизованные бюджетные ассигнования улучшали бытовое обслуживание селян, но повсеместно эта проблема не была решена.

Построенные комбинаты бытового обслуживания, ателье и парикмахерские были в состоянии обслужить небольшое число селян. Остальные оставались вне социальной сферы обслуживания. Объем услуг оставался небольшим.

Лишь крупные населенные пункты в России являлись обладателями домов быта, парикмахерских, ателье, различных мастерских. К концу 1980-х гг. в сельской местности работало 50 тыс. предприятий этой категории¹⁹². Объем услуг, оказываемых ими, был незначительным. (В 1989 г. в сельской местности России насчитывалось 152,9 тыс. населенных пунктов, в них проживало 39,1 млн жителей. 60 тыс. сел и деревень являлись крупными, население в каждом из них превышало 100 жителей. Всего в этих населенных пунктах проживало 36,5 млн человек¹⁹³.)

Неудивительно, что значительная часть селян оставалась вне бытового обслуживания по месту жительства и в случае необходимости была вынуждена обращаться в город. Иногда это выглядело так. Письмо от жителя села Байково Починковского района Горьковской области, присланное в 1977 г. в газету «Сельская жизнь»: «Шесть месяцев работал холодильник, потом сломался. Гарантийная мастерская находится в г. Починки в 8 км от деревни. Несмотря на расстояния и плохую дорогу повезли туда агрегат. Оказалось: зря, оказалось, надо везти в г. Арзамас за 120 км. С большим трудом и муками добрались туда, и там выяснилось, что надо было записаться и мастер придет в деревню. Мы записались, увезли агрегат и ждем полгода»¹⁹⁴.

Часто ремонт бытовой техники оказывался неразрешимой проблемой. В своем селе, как правило, мастерских не было, перевоз сломанного холодильника или телевизора в райцентр было делом хлопотным и не бесплатным. Многим приходилось мириться с такой ситуацией. Жительница Горьковской области Н. Ильина писала в «Сельскую жизнь»: «Купила я телевизор марки “Изумруд” в декабре 1980 г., но радости хватило на 2 дня. Пропала видимость, остался слабый звук. Написала два письма в Вязниковское телеателье, прошло 2 месяца, а мастера нет. Оно нас обслуживает плохо. Вот и смотрю на потухший экран 300-рублевого “Изумруда”»¹⁹⁵. Из деревни Филино Мосальского района Калужской области письмо в газету: «Трудности с ремонтом телевизоров. Дело в том, что до райцентра от нас 130 км. Добраться с телевизором тяжело, а на наши заявления управление бытового обслуживания не реагирует»¹⁹⁶. Настойчивость сельских жителей вполне понятна. В городе телевизор — одно из развлечений во время досуга, а для села — это практически единственный источник и информации, и отдыха. Сельские женщины фактически все свое свободное время проводили у телевизора, совмещая просмотр передач с домашними хозяйственными делами.

Объем услуг в расчете на одного городского жителя Нечерноземья составлял в 1965 г. 7,7 руб., в 1975 г. — 24,2 руб., на одного сельского — 1,7 руб. и 8,2 руб. На севере Нечерноземья в 1970-е гг. удельный вес сельского населения составлял свыше 30%, доля услуг на селе из общего их объема — только 13%. Север Нечерноземья заметно отставал от среднероссийского, тоже невысокого уровня, где на сельскую местность приходилось 21% реализованных услуг¹⁹⁷. В селах Нечерноземья на одного жителя объем реализации бытовых услуг составил 13,9 руб. против 27,8 руб. в городе. На одну мастерскую по ремонту обуви приходилось в среднем 117 и парикмахерскую — 71 населенный пункт¹⁹⁸.

По результатам обследования семей колхозников, проведенного в конце 1980-х гг., каждая пятая была не удовлетворена работой промтоварных магазинов, ателье по пошиву и ремонту обуви, мастерских по ремонту телевизоров, радиоприемников, бытовых машин и приборов, каждая третья — работой ателье по пошиву и ремонту одежды¹⁹⁹. Шестая часть сельских жителей России, принявших в 1989 г. участие в опросе общественного мнения, отметила ухудшение бытового обслуживания на селе. Половина не заметила перемены. Еще шестая часть селян подчеркнула наметившееся улучшение²⁰⁰. От 30 до 65% жителей Российского Нечерноземья неудовлетворительно оценили бытовое обслуживание, условия для отдыха, торговлю, общественное питание, жилье и дороги²⁰¹. По данным социологического обследования 1986–1987 гг., в орловских деревнях не удовлетворены культурной жизнью 67% опрошенных, бы-

товым обслуживанием — 64, жилищными условиями — 39, медицинским обслуживанием — 34, условиями для воспитания детей (если есть дети) — 28%. Аналогичные ответы получены и другими исследователями. Сельские жители Западной Сибири, например, не удовлетворены ограниченными возможностями выбора места работы (29%), условиями для воспитания и обучения детей (26%), работой учреждений культуры (17%) и транспорта (10%)²⁰². Современная деревня резко разделена по социальному признаку, но оказалось, что проблемы бытового обслуживания, торговли, медицины у всех общие и решаются они в основном не государством. Частная торговля, платная медицина — новые для деревни явления, и современные крестьяне жалобы на них и просьбы о помощи теперь, как правило, адресуют не центральной прессе, а наиболее известным государственным лидерам, в зависимости от собственных политических убеждений.

В условиях изолированной деревенской жизни безусловным «культурным» лидером в советское время для большинства населения всегда оставался сельский клуб. В нем можно было посмотреть кинофильм, организовать танцы под гармонь, аккордеон, патефон или радиолу, послушать лекцию заезжего из района и даже области политработника. Разоренная послевоенная деревня в своем большинстве добротных клубов не имела, оставшиеся здания по необходимости использовала для хозяйственных целей, а развлекательные мероприятия, в основном танцы, проводились в доме местных жителей. В Сталинградской области в 1952 г. в 16 районах свыше 60 клубов были переданы под склады. Строительство социально-бытовой сферы велось медленно, да и строителей явно не хватало. Хотя заложенное государством финансирование было немалым, колхозы не могли освоить эти средства и свыше половины их оставались не использованными²⁰³. Но сельские жители довольствовались ограниченным кругом развлечений в мирной послевоенной жизни.

Шло время, подрастали новые поколения, которые хотели обустройства сельской жизни по-новому. Однако большинство хозяйств по-прежнему оставались благополучными лишь в далекой перспективе.

Нищие колхозы были не в состоянии взять на себя строительство объектов культуры. Они десятилетиями гасили долгосрочные и краткосрочные ссуды и кредиты, часто не имея возможности рассчитаться с колхозниками за их тяжелый труд. Государство не спешило поддержать материально хозяйство. Чаще оно выступало инициатором организации различных двухлеток, трехлеток и пятилеток культуры. И вновь колхозы, еле сводившие концы с концами в своей экономике, отчисляли некоторые средства и выделяли людей для строительства клубов. Как правило, после напряженного трудового дня колхоз-

ники спешили на стройки, поскольку для них это был единственный выход получить в своем селе клуб или дом культуры. И такие колхозы были в каждой области²⁰⁴. Но число таким образом построенных учреждений культуры было невелико. В основном объявленные «походы за культуру» и «народные стройки» на долгие годы растягивали строительство клубов: не хватало стройматериалов, транспорта, строителей и главное — средств. И тем не менее...

Клубы на селе строились в основном за счет колхозов. За 1950—1970-е гг. хозяйства построили 60—70% клубных учреждений, в 1980-е гг. — половину. Средства государственного бюджета также привлекались на строительство клубных учреждений. Но общие объемы строительства были невелики. За 1970-е гг. на селе было введено клубных учреждений на 1,2 млн мест, за 1980-е — на 1,1 млн мест²⁰⁵. Темпы клубного строительства оставались низкими. В России в половине сел и деревень в советское время не было клубов²⁰⁶.

Из села Крутовское Староюрьевского района Тамбовской области жители писали в «Крестьянку»: «До поры до времени стоял наш клуб и делу подъема сельской культуры служил верой и правдой. Но ничто не вечно под луною. Не вечным оказался и он. Три года тому назад начал подозрительно обвисать потолок с явным намерением не сегодня так завтра рухнуть. И клуб закрыли, пообещав открыть, когда потолок будет приведен в порядок.

Через три года руководство хозяйства решило возобновить ремонт, но к тому времени “неизвестные лица растащили пол, унесли рамы”. Вновь потянулось ожидание. Совхозные руководители реагировали так: “Дался вам этот клуб! И чего вас туда тянет? Танцульки нужны? Так вот за деревней расчистите от снега полянку да пляшите, сколько душе угодно. Оно на морозе и не хочешь, да плясать начнешь”²⁰⁷.

Отсутствие добротного клуба лишало возможности селян отдохнуть в свободное время среди друзей и знакомых, поучаствовать в художественной самодеятельности, посмотреть фильм. Это и отсутствие возможности цивилизованного проведения досуга, который, как вакуум, быстро заполняется активным бездельем, подогреваемым выпивкой. Из деревни Ларионовской Петушинского района Владимирской области жители писали (1971 г.): «Деревень и поселков на территории сельсовета много, народу проживает тоже много, а вот деться в свободное время некуда.

У нас нет клуба, старый закрыли из-за аварийного состояния. Новый клуб начали строить 5—6 лет назад. Строительство идет крайне медленно, то нет рабочих, то нет материалов, то нет денег, а если все это есть, то нет трактора, на чем вывезти стройматериалы.

На территории сельсовета расположен туберкулезный санаторий, куда вход, естественно, запрещен. Но там есть клуб, и, несмотря на все запреты, туда стараются пролезть в двери или

окна на второй этаж — и молодежь, и дети, и пожилые, чтобы посмотреть кино или концерт. Их гонят из санатория, а куда пойдешь? Кто постарше — домой. А молодежь — пить вино, хулиганить, драться. Школьники ходят по подъездам — курят, бьют стекла или тоже пьют»²⁰⁸.

Из Калининского района Калининской области в «Сельскую жизнь» женщины писали (1970-е гг.): «У нас в селе не организован досуг молодежи. В клубе не проводится никакой работы, нет даже танцев. Ребятам некуда пойти и нечем заняться. Потому-то ребята и употребляют спиртные напитки, а потом — пьяные начинают хулиганить. Идут в школу-интернат, там драки. Дело доходит до милиции»²⁰⁹. Зажженный вечерами свет в клубе привлекал всех желающих провести интересно вечер: посмотреть кинофильм, поиграть в шахматы или шашки, почитать газету или книгу, заняться рукоделием или рисованием в кружке, подготовить концерт «силами» своих колхозных талантов, и в такой деревне для большинства — это означало *жизнь*, а не прозябание в скорой надежде на отъезд. Тон задавала местная интеллигенция.

Образованный человек в деревне, особенно учитель и врач, традиционно имели непререкаемый авторитет. К ним шли за советом, поделиться болью и радостью. В решении сложных и важных жизненных вопросов именно учительское слово часто было решающим. Сельское учительство помогало неграмотной и полуграмотной деревне поднимать уровень до рабфака, что давало возможность получить в дальнейшем образование. Вернувшиеся домой специалисты сельского хозяйства и сельская интеллигенция первого поколения благодарно вспоминали годы учебы и общения с народными учителями. Именно сельские учителя были организаторами первых сельских библиотек, которые начинались с привезенных ими в деревню книжечек. Интерес к чтению в сельских семьях всегда был необыкновенно велик. Это интерес *к знанию*. В довоенные годы число библиотек возрастало, значение книги в жизни нового поколения было чрезвычайно высоким. В военные годы жители городов и сел наряду с бесценными памятниками искусства, старины спасали и КНИГИ.

В послевоенной деревне грамотность населения была невысокой. Несмотря на разруху в стране и огромные восстановительные траты, книги печатались большими тиражами и стоили недорого. Кто-то покупал литературу, другие пользовались библиотечными экземплярами. В отсутствии телевизора чтению и последующему обсуждению в кругу друзей или семьи уделялось большое внимание, и знать содержание книг хотелось и окружающим, среди которых были и неграмотные старые люди. «Пересказывались» книги самого разного содержания, популярным был собственный монтаж романа Л. Толстого «Анна Каренина»²¹⁰. Шли годы, деревня стала образованной, необходимость в пересказе произведений отпала, как ушла и тради-

ция коллективного чтения и обсуждения прочитанной книги. Но роль библиотеки остается заметной в жизни деревни.

В 1980 г. каждая библиотека в Нечерноземье обслуживала в среднем примерно 1 тыс. человек, 5–6 населенных пунктов. Число библиотек по сравнению с 1965 г. не возросло, но их книжный фонд увеличивался. Книжный фонд — 12–15 книг на человека. Каждую книгу обычно прочитывали 1–2 человека. Опросы, проведенные в 1979–1980 гг. в селах Горьковской и Брянской областей, показали, что 30% селян регулярно читали в библиотеках научно-популярные, 28% — спортивные и охотоведческие, 23% — журналы по специальности, 17% — по домоводству, 14% — по искусству. Согласно данным опроса, запросы сельских жителей в этом плане не отличались от горожан. 80% опрошенных являлись постоянными читателями библиотек (на удаленных усадьбах — 50–55%). Только 18% ответили, что у них нет времени для чтения; 7% селян имели личные библиотеки²¹¹.

К концу 1980-х гг. на селе работало для читателей 42 тыс. библиотек. Книжный фонд их был вдвое скромнее городского и составлял 424 млн экземпляров, хотя и в городе и в деревне интерес к книге был одинаков: 20 прочитанных книг в селе и 22 — в городе на одного посетителя библиотеки²¹².

Деревенские жители, посещая районные центры, как правило, заглядывали и в книжный магазин. В половине крупных сел также можно было приобрести нужную литературу²¹³. Покупка книги была привычным делом. Образование и знание в деревне высоко ценились. В 1974 г. в чтении юношества художественная литература занимала 65%, в 1980 г. — только 30–35%, из них классика — 3%. Современная молодежь проявляет большой интерес к зарубежной фантастике, детективу, предпочитает чтение полного текста произведений лучших отечественных авторов в кратком изложении. Справедливо специалисты оценивают это явление как «национальное бедствие»²¹⁴. Забота о формировании читательского вкуса — это педагогическая и социальная задача *государственного уровня*.

Начало XX века. Город Урюпинск Волгоградской области, окружной центр в области Войска Донского. Документ из архива — список литературы, заказанный для урюпинской женской гимназии в 1912 г.: среди авторов Савинков, Герцен, Мережковский, Мамин-Сибиряк, Майков, Полонский, Тютчев, Л.Толстой, Короленко, Сенкевич, Вересаев, Григорович...

1995 год. Хутор Пимено-Черни, библиотека сельского Дома культуры: среди новых поступлений лишь одна книга русского автора — Данилевского, остальное — зарубежные детективы — так сформирован фонд общедоступной библиотеки. Аналогичное комплектование и библиотеки хутора Попереченского, которую посещают 400 взрослых и 160 детей — почти все жители хутора. Некоторые детские библиотеки также комплекуются за счет зарубежной детективной литературы²¹⁵.

Особо подчеркнем, что библиотеки и их книжные фонды — общественная система воспитания, и книги покупаются на бюджетные средства.

Сельская культурная сфера в основном представлена библиотекой и клубом. Оба эти учреждения важны и нужны деревне и в 1930-е гг., и в послевоенные, и в условиях современности. Клубная сеть сократилась не намного: с 62 тыс. до 48 тыс. за 1950—2001 гг. и при, казалось бы, незначительности цифр речь идет о ситуации, когда в деревне образуется вакуум проведения свободного времени, поскольку в маленьких отдаленных деревнях клубов никогда не строили, а сокращение в основном идет за счет крупных сел, где клубные учреждения не ремонтируются и не строятся, а передаются под склады, базары, магазины. Привыкший к книге сельский житель по-прежнему предпочитает библиотечный экземпляр покупному еще и по причине дороговизны книг, но количество библиотек остается относительно стабильным (1970 г. — 42 тыс., 2001 г. — около 40 тыс.), а их библиотечный фонд большим — 365 млн экземпляров (в городе — 657 млн), при том что на сельского жителя количество книг на треть больше, чем на городского читателя²¹⁶. Однако к комплектованию библиотек должна быть подключена сельская интеллигенция, не конъюнктурно понимающая задачи приобщения молодежи к литературным и художественным ценностям. Высокое русское слово должно занять главенствующее и подobaющее ему место в чтении и умах молодых поколений.

Деревня должна получить возможность выбора проведения досуга хотя бы из небольшого набора культурных альтернатив: провести вечер в зале библиотеки, послушать концерт в клубе или посмотреть с друзьями кинофильм. Главными инициаторами проведения вечеров после работы вне дома среди коллег и знакомых выступают женщины. И хотя современные женщины больше заняты заботами по хозяйству и половина их ограничивается домашним отдыхом, они этим недовольны и хотели бы организовать свой досуг иначе²¹⁷. Это забота и о престиже семьи и семейных отношений, которые в условиях деревни поддерживаются общественным мнением.

**«НЕ СЕКРЕТ, ЧТО ЖИТЬ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ
И НЕ ДЕРЖАТЬ ПОДСОБНОЕ ХОЗЯЙСТВО — ЭТО
НЕЕСТЕСТВЕННО. БЛАГОДАРЯ ПОДСОБНОМУ
ХОЗЯЙСТВУ КРЕСТЬЯНЕ ВЫЖИВАЮТ, ПРАВДА,
ПРИХОДИТСЯ ТЯЖЕЛО»**

Традиционно работы на приусадебном участке и уход за скотом считались женским занятием. С началом колхозного строительства мужчины, жившие в деревне, намного активнее

включились в работу сельскохозяйственных артелей, чем женщины. Кроме того, они занимали вышеоплачиваемую и круглогодичную работу. На их долю приходилось 2/3 трудней, выработанных колхозниками в 1937 г.²¹⁸ Работа женщин в колхозах была сезонной. Женщины также занимались приусадебным участком и домашним скотом. И приусадебный участок, и домашний скот находились около дома, поэтому эта работа легко согласовывалась с домашними хлопотами и уходом за детьми. В колхозе же могли направить на работу далеко от дома, а для детей не было организовано детских яслей и садов. В 1930-е гг. до 80% рабочего времени крестьянки тратили на работу в личном подсобном хозяйстве (ЛПХ), что приносило в семью продукты питания и денежный доход²¹⁹. В военные годы подсобное хозяйство помогло выжить крестьянским семьям и жившим в них «эвакуированным».

В послевоенные годы общественное хозяйство практически полностью работало на государство, выполняя и перевыполняя планы, а надежда «прокормиться» была связана только с ЛПХ.

Колхоз, колхоз
Не забуду сроду:
Пятилетку выполняли
Мы в четыре года.

Площадь под зерновыми в ЛПХ в 1946—1947 гг. достигала самых крупных размеров за все 1940-е, в том числе и военные, годы. В РСФСР посевы зерновых занимали до 15% всей площади ЛПХ колхозников, так как размер участка не позволял больше. В среднем по СССР до 40 кг зерновых на душу населения поступало от личного подсобного хозяйства, т.е. в 2,8 раза больше, чем до войны. Как ни важны были посевы зерновых, основное место на участке отводилось картофелю, потому что с того же отрезка земли получали в десятки раз больше продукции. В 1946 г. поступление картофеля на каждого члена семьи сократилось за год на 20 кг и составляло не более 400 кг в год, молока — на 13 л, уменьшившись до 210 литров.

Основная доля этих продуктов шла на питание семьи и нужды хозяйства. Вместе с тем резко возросли обязательные поставки государству, а также продажа государственным и кооперативным организациям и на рынке. В 1946 г. из оприходованного зерна обязательные поставки составляли более 12%, картофеля — 2,8%, мяса и сала — 15,3%, молочных продуктов — 5,7%, яиц — 14,6%. На рынке продавалось 2,8% зерна, 4% картофеля, 15% мяса, 2,8% молочных продуктов и 15,8% яиц. Прямой продуктообмен был предпочтительнее для населения. С ростом трудностей меновая торговля в городе и деревне усиливалась и плохо поддавалась учету.

После войны военный налог был отменен, но ежегодно возрастали натуральные и денежные государственные налоги с колхозников. В соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 16 октября 1945 г. поставки по обязательствам и налогам распространялись на всех граждан ранее пользовавшихся льготами, а по приказу Министерства заготовок СССР хозяйства погибших красноармейцев наравне с другими облагались зернопоставками. О повышении сельхозналога и госпоставок узнавали от налоговых агентов. Летом 1946 г. было принято постановление Совмина СССР № 1439 «Об изменении средних норм доходности для определения облагаемого сельскохозяйственным налогом дохода крестьянских хозяйств». В РСФСР нормы доходности с одной коровы возросли на 1 тыс. руб. больше, чем в Казахстане и Киргизии. Значительно повышались нормы доходности с одной сотой га земли и с каждой головы скота.

Налоги были непосильными в первую очередь для многодетных вдов, престарелых колхозников, семей инвалидов войны и труда. Отдел писем Верховного Совета СССР едва справлялся с обработкой писем, жалоб и заявлений, присланных жителями деревень²²⁰. Из колхоза им. Хрущева Уксянского района Курганской области О.П. Жиделева в 1952 г. писала лично И.В. Сталину: «Прошу извинить за беспокойство, но я все-таки решила. Я много и долго думала о своем тяжелом материальном положении, наконец пришла к выводу, что Вы можете устранить то, о чем я здесь сообщу.

Работаю я на скотном дворе в колхозе. Работаю круглый год и притом без выходных дней. Дочь тоже прошлый год работала, а заработать на пропитание не можем. Двое у меня еще детей-школьников. Как их учить? И чем кормить? Не знаю. Нечем. За год я заработала около 500 трудодней, а получила на них 140 кг потому, что 200 кг вычли за какой-то прошлый долг. Дочь окончила 3 класса учебы, и из-за недостатка питания я вынуждена отдать ее в город в няньки, одевать тоже нечем. На трудодни денег не дают. От продажи молока деньги идут на налоги и покупаем муку, чтобы пропитаться. Остальные двое детей вынуждены бросить школу, потому что нет питания, нет одежды и обуви. Как же быть, товарищ Сталин? Круглый год работать и не заработать хлеба! И вот берет меня горе: вырабатываем хлеб и сидим без хлеба»²²¹. Обвиняли местное начальство, погодные условия, жаловались и искали правды в Центре и обращались к Высшей справедливости — Сталину! Лишь косвенно можно было предположить, что как-то и в чем-то он был не полностью и объективно информирован, что понятно было не его виной, но подавляющее большинство населения в деревне не могло представить, что, узнав, Сталин не «разберется» и не поможет. Доярка Клочкова из сельхозартели имени Сталина Раменского района Московской области считала так:

«Товарищ Сталин проявляет повседневную заботу о колхозном крестьянстве, о нас, женщинах-колхозницах»²²². Бригадир Песцова из колхоза имени Мичурина той же области подтверждала: «Нет ни одного человека на свете, кто бы так заботился об улучшении жизни простого человека. Товарищ Сталин многое сделал для преодоления недостатков в работе колхозов... Пусть растут и крепнут наши колхозы...»²²³. Не стоит сомневаться в искренности этих мыслей и писем, поскольку жизнь передовых колхозов сама по себе служила подтверждением государственному курсу и порождала гордость за свое хозяйство, которой хотелось поделиться с другими, а для большинства остальных — правильный колхозный путь был «искривлен» местным начальством и непосредственным руководством.

Как личная трагедия были восприняты болезнь и кончина Великого вождя, тысячи писем были посланы в Москву, начинавшиеся словами: «На душе большое горе, пишу и плачу... от слез не вижу...»²²⁴.

Даже в глухих деревнях, где не было ни света, ни радио, ни газет, такие вести приходили и разлетались по всем домам, и реакция была немедленной: писать в Москву, наказывать известных в своей деревне виновных и оплакивать смерть И.В. Сталина, как смерть самого дорогого и близкого родственника. Гневно отписала Г.М. Маленкову простая крестьянка за своих односельчан: «Товарищ Маленков, к Вам обращается простая советская гражданка, беспартийная. Вы меня извините за это письмо, где будут гнев и ненависть к врачам нашей Родины и упреки к Вам — близким друзьям Иосифа Виссарионовича.

Как же можно было допустить к нашему сокровищу, нашему гению, любимому Иосифу Виссарионовичу Сталину такого лечащего врача — проходимца, как еврей Виноградов. Это он привил тов. Сталину гипертонию... Мы маленькие люди и в эти дни наши молитвы неслись к Богу, чтобы он послал здоровье и исцеление Иосифу Виссарионовичу. Однако великое горе случилось»²²⁵. Это невозможно объяснить только опасениями и страхом перед репрессиями, выселением из родных мест, все-таки это была вера в социалистическое будущее своего государства, связанная с именем вождя-полубога, достойного своей страны и своего народа, менталитет которого был умело привязан к идее будущих свершений, подтвержденный Великой победой народа в Великой Отечественной войне над фашизмом. Жизнь Сталина связывалась с достижениями и победами всей страны и всего народа, а жизнь без него для многих казалась безнадежной и опасной. Исторически подтверждается, что Сталин олицетворял не только власть, но и целостную систему жизненно важных ценностей, и его кончина воспринималась населением как крушение этой системы, за которым непременно последуют негативные последствия, и «именно поэтому советский социум начала 1950-х, после марта 1953 г.,

находился в состоянии ожидания катаклизмов и еще больших экономических трудностей»²²⁶. После известия о болезни вождя в партийное бюро Глебовской птицефабрики Московской области 4 марта 1953 г. за подтверждением этой информации пришла работница Михайленко, а удостоверившись, заметила: «Ну, все. Теперь американцы наверняка пойдут на нас войной»²²⁷. Колхозница Лазарева из поселка Кривандино Московской области с тревогой говорила односельчанкам: «Если что случится с товарищем Сталиным, у нас может не быть хлеба, американцы могут начать против нас военные действия»²²⁸. Не удивительно, что после ухода Сталина с политической арены страны многие были в полной растерянности и сами не могли объяснить никакие последующие перемены в государстве, вновь писали тысячи писем с надеждой получить единственно правильный ответ на происходящие события. Интересовались, почему разоблачен только один Берия и в чем состоят «извращения колхозного строя со стороны Берии», а также не дело ли рук Берии смерть Сталина...²²⁹ Некоторые логично приходили к выводу, что «снятие и арест Берии — большое происшествие в советской стране. Видно одно, что после смерти Сталина в верхах произошла неразбериха, и, что делается, понять трудно». Люди задавались справедливым вопросом: «Не получится ли так, как с врачами? Кому же сейчас верить?»²³⁰. Однако ответ от имени советского народа находился и среди идеологически стойких крестьян: «Наша партия, советский народ никому не позволят нарушить дружбу народов нашей страны, поколебать колхозный строй, и тот, кто позволит себе попытаться это сделать, будет сметен с лица земли»²³¹. Однозначно и просто!

Образ врага культивировался в сознании населения страны, и это был удобный повод для объяснения трудностей, поскольку подготовка к новой войне требовала больших издержек в экономике и социальной сфере и люди, пережившие страшные лишения в Великой Отечественной войне, готовы были принести в жертву все, но не допустить новой трагедии. Органы НКВД—КГБ тщательно отслеживали и обрабатывали всю информацию, доводя ее до сведения высшего руководства: «настроение народа» записывалось в магазинах и на остановках автобусов, на собраниях и в коридорах, на сельских посиделках и во всевозможных очередях.

Даже большинство покинувших Родину после Великой Отечественной войны признавали и авторитет вождя и «правильность» социалистического курса, который воплощали в жизнь, «исполняя каждый свои обязанности в полном соответствии с линией партии»²³². Социальные же достижения СССР, такие, как рост образования, медицинская помощь и пособия, безоговорочно оценивались наивысшим баллом по шкале завоеваний страны Советов, причем даже среди беженцев-колхозни-

ков, не принимавших сельскохозяйственно-артельное производство, но и не имевших этих самых социальных гарантий, а также лишенных паспортов. Не это отталкивало от возвращения в СССР, а только страх перед наказанием и репрессиями. Экономическая, социальная политика государства и даже идеологическая доктрина большинством оценивалась положительно, и лишь вынесенный за рамки террор не вписывался в этот позитивный круг и мешал поступательному развитию СССР по социалистическому пути²³³. Все негативные тенденции в жизни страны ассоциировались ТОЛЬКО с лидерами и вождями разного уровня и не были связаны в сознании с государственной системой СССР. Крестьянство обиду и злобу на страну персонифицировало с интеллигенцией, обвиняя именно ее в своем бедственном положении в оставленном ими СССР, считая ее наиболее близкой к режиму, на колхозном уровне относя к этой категории местное руководство, поскольку именно с бригадиром, председателем колхоза, работником сельсовета оно ассоциировало этот слой²³⁴.

Послевоенная деревня в восстановительную пятилетку 1946—1950 гг. предприняла невиданные усилия и в основном за счет женского населения поднимала из руин сельское хозяйство: без техники, без лошадей, с минимальной государственной помощью семенами и скотом. Выделенные государственным вниманием для ориентира всем лучшие колхозы служили далеким маяком и указывали «светлый путь» крестьянству. Частушки, которые распевали на деревенских улицах лучших колхозов-передовиков:

Наш колхоз — не отстающий,
Он другим дает пример,
Люди в нем живут зажиточно,
Колхоз — миллионер;

или

Ах, подружка дорогая,
Кофту новую надень!
Ты не бойся, что износишь, —
Нас оденет трудовень —

для большинства были далекой перспективой, а для многих несбывшейся последующие десятилетия мечтой. Муляжи из фильма «Кубанские казаки» пропагандировали очень скорую и благополучную колхозную жизнь, и эти частушки вполне отражали агитационную действительность «маяков».

Колхозная послевоенная деревня, выполнив все планы по государственным поставкам, затем вновь заботилась об общественном хозяйстве. Свое же приусадебное могло быть за счет колхоза не обеспечено никак, разве что будущими обещаниями

рассчитаться за выработанные трудодни. Частушки не могли оставить это без внимания:

Мы в колхозе работали,
Где же наши трудодни?
У коров хвосты крутили,
Пятилетке помогли.

Главной кормилицей в деревне всегда была корова. Обеспечение скота кормами было главным делом всей семьи. Разрешенные 10% сена и только из выработанных трудодней на сенокосении в 1950 г. нередко не выдавались колхозникам. Это влекло за собой «ночные» сенокосы или сдачу скота на заготпункты без ведома правления колхоза. Правление мотивировало отказ выдавать сено в счет 10% отсутствием кормов для общественного стада (в Вологодской области оно было обеспечено сеном на 85%), колхозники продавали скот и мотивировали этот факт объективными причинами²³⁵. В 1953 г. в Брянской области 84 тыс. хозяйств колхозников не имели в личном пользовании коров, а 60 тыс. — вообще никакого скота²³⁶. Общая сельскохозяйственная проблема еще более усугублялась в условиях тяжелого послевоенного времени. Длительный процесс ликвидации личного скота привел во многих областях страны к его полному исчезновению на крестьянском подворье²³⁷.

Голод 1946–1947 гг. тяжелым эхом прокатился по стране. Нормированное городское снабжение в отличие от села помогало горожанам преодолевать продовольственные «трудности», да и информация о положении в деревне была скудной и неправдивой. Многие, никогда не бывавшие в сельской местности, слабо себе представляли жизнь крестьян, но энтузиазм и уверенность будущих свершений в лучшей в мире стране захватывали. В письме в далекую Австралию корреспондентка из Москвы в 1947 г. анализировала деревенскую ситуацию: «Наше сельское хозяйство пострадало от войны и от засухи, которая у нас была в прошлом году, но благодаря нашей системе ведения хозяйства мы это тяжелое время переживаем сравнительно легко»²³⁸; она имела в виду, естественно, Москву и никак не деревню! Другая корреспондентка-москвичка, тоже написавшая в Австралию через Комитет советских женщин, «охарактеризовала» положение в советском сельском хозяйстве «одной фразой: русский крестьянин из раба земли становится ее господином», отвечая таким образом на «неправдоподобные и неправдивые рассказы в этой области»²³⁹. Но правда ситуации состояла в том, что деревня голодала, помогая выжить городу, непосильным трудом крестьянок во вдовьей, одинокой и нищей сельской действительности она делом дала возможность выстоять всей стране в тяжелейших условиях послевоенного восстановления. А большинство городского населения не имело об этом представления.

Голод охватил не только Молдавию, Украину, Поволжье, но прокатился и по северным деревням. Не обошел он и Вологодскую область. Низкие урожаи, непогода, высокие заготовительные процессы привели к тому, что в деревне Севера ощущалась нехватка продовольствия, кормов для скота. Усилился отток из колхозов, несмотря на отсутствие паспортов и все государственные препоны. Живущие в колхозах, зная по опыту, что не получат ничего или почти ничего на заработанные в колхозе трудодни, все внимание обращали на личное приусадебное хозяйство. Невзирая на сильный гнет налогов, используя силу всей семьи, на продукцию, полученную с подсобного участка, можно было как-то прожить. Первый после голодного 1948 год не принес желаемого облегчения. Государство по-прежнему старалось максимально изъять из колхозов под разными предлогами и за бесценок сельскохозяйственную продукцию. Крестьяне, особенно молодежь, реагировали на это массовым бегством из деревни, стихийным и «организованным». Массовая миграция носила характер пассивного сопротивления экономической и социальной политике государства²⁴⁰.

Исчезновение российской деревни справедливо связывают со стихийной миграцией крестьян. Заметную роль в этом процессе сыграли и организованные перемещения деревенских жителей. Довоенная миграция была связана с традиционным заселением Сибири и Урала, мощным строительным бумом первых пятилеток и ударными темпами коллективизации. В принудительном порядке переселяли сотни тысяч недовольных линией партии, но их путь лежал на Север и Восток, где выживание каждого становилось смыслом жизни.

Послевоенная миграция помимо экономической целесообразности преследовала цель заселения «новых» территорий русским населением: Сахалин, Калининградская область, Карелия, — кроме того, «пополнить» работниками Саратовскую область и Крым, а также Грозненскую область. Основным «донором» была определена Центральная Россия. Переселение должно было осуществляться только семьями и в организованном порядке. Уже за первую послевоенную пятилетку из Нечерноземья, таким образом, переселили около 160 тыс. колхозных семей. Приоритет всегда отдавался деревенским жителям. Переселенцы получали скромные льготы в виде денежного пособия, некоторые предметы «ширпотреба» (пальто, головной убор, валенки, носки, две катушки ниток, хозяйственное мыло...), но главное — возможность бесплатно получить жилой дом и участок земли. В условиях разоренной войной деревни, где многие жили в землянках и не имели денег, для них это был выход, чтобы обустроить жизнь, хотя и не в родном месте. Естественно, местные власти всячески препятствовали выполнению планов семейного переселения, поскольку в своих хозяйствах работников было явно недостаточно, но такой

«саботаж» пресекался сверху и планы выполнялись. Верстались они, исходя из надобности региона, куда ехали переселенцы, а не из реального «перенаселения» отдающей области, которого, естественно, не было. Иногда цифры становились для деревни «астрономическими»: оказывается, безболезненно можно было переселить не только 15 тыс. «излишних» трудоспособных из Калининской области, но и 110 тыс. из Владимирской. Отдавали кадры Орловская и Московская, Калужская и Ярославская области²⁴¹. А положение в этих регионах заметно ухудшалось. Выехавшие из передового Перемышльского района Калужской области семьи — молодые трудоспособные работники — помогали обустраивать новую жизнь в новых местах, а Перемышльский район из передовых стал отстающим²⁴². За 1945—1948 гг. только из центральных областей РСФСР в заселяемые районы переселились 111 тыс. семей колхозников²⁴³. Уже в 1950-е гг. программа семейного переселения подверглась корректировке: сократили количество областей для отбора предлагаемых семей-переселенцев, решили на уровне правительства добровольно переселять «бригадами и колхозами» и усилить льготы для желающих поменять место жительства (списывать недоимки, снизить налоговое обложение и т.д.). Но не все были довольными новой жизнью, обещанного благополучия многие семьи не нашли в новых местах и возвращались домой.

В 1947 г. возобновился организованный набор рабочей силы для промышленности. Уже в 1949 г. из Костромской области по оргнабору выбыло около 6 тыс. человек (по переселению 2,2 тыс.), из Орловской соответственно — около 14 тыс. и 2,1 тыс.²⁴⁴ За 1950—1952 гг. из Новгородской области для работы в промышленности по оргнабору выехало около 32 тыс. колхозников, или 25% всех трудоспособных²⁴⁵. Из колхозов РСФСР за 1951—1957 гг. оргнабор забрал 739 тыс. человек, в основном молодых мужчин. Треть выбывших — из Центрального экономического района. Министерство трудовых резервов считало организованный набор рабочих для промышленности «неиссякаемым источником трудовых ресурсов»²⁴⁶. Высшее руководство страны оценивало привлечение рабочих по организованному набору для строительства и промышленности, в целом, как меру временную и неэффективную, связанную с низким уровнем механизации производственных процессов. Выступая на июльском Пленуме ЦК КПСС в 1955 г. по докладу Н.А. Булганина о поиске резервов для экономии труда, Л.М. Каганович подчеркивал, что замена части имевшихся устаревших станков за 1956—1960 гг. могла бы дать экономию рабочей силы более 150 тыс. человек в год, 50 тыс. человек эксплуатационного штата железных дорог могли бы быть также выведены из этой отрасли за счет совмещения профессий оставшимися и 2,2 млн человек, занятых на погрузочно-разгрузочных работах, к 1960 г. могли быть освобождены при повы-

шении уровня механизации, несмотря на двойное увеличение объема работ, и это при том, что в 1955 г. на погрузочно-разгрузочных работах в народном хозяйстве было занято около 2 млн работников, из них грузчиков, подносчиков, выполнявших работу вручную, — 1,6 млн человек²⁴⁷. Все перечисленные категории рабочих, как правило, бывшие колхозники, взятые из деревни по оргнабору. Но простой путь привлечения любого требуемого числа рабочих был привычнее, проще, безответственнее, чем планомерная механизация трудоемких производственных процессов. И последующее сокращение оргнабора было связано именно с механизацией производств, где уже не требовалась в таком объеме неквалифицированная рабочая сила, да и обезлюдевшая деревня не могла «организованно» поставлять кадры для народного хозяйства страны, тем более, что эти кадры уже уехали без всякой государственной помощи в выбранные самостоятельно города и на стройки. Если в первые послевоенные годы превалировал оргнабор колхозников, в последующие годы главной стала стихийная миграция.

Промышленные оргнаборы выкачивали молодую рабочую силу. Уезжали мужчины:

Гармошка ревет —
Я куда деваюсь?
Милый в городе живет,
Я в деревне маюся.

В новую жизнь спешили и девушки:

На последний вечерок
Я ему призналася:
Прощай, милый, до свиданья,
Я завербовалася.

Для очень многих это была новая жизнь, для других — разрыв отношений с любимым человеком, разбитые мечты и невозможность соединиться:

В Ленинграде жизнь хороша —
Меня дроля известил.
Я уехала бы, девушки, —
Колхоз не отпустил.

Расставаясь, девушки на память, как правило, дарили довольно дефицитные в то время фотографии, для чего специально приходилось ездить в райцентр, и делали на них трогательные «стихотворные» надписи:

Дарю тому, о ком мечтаю,
о ком я думаю всегда,
о ком я часто вспоминаю
и не забуду никогда.

Если планам оргнабора, включавших молодых мужчин, колхозы ничего не могли противопоставить государству и выполняли их, сокращая по возможности их волевым решением председателя сельхозартели, то девушек особенно не ждали на новостройках и отказать в выдаче справки для получения паспорта им было обычным делом. И фотографии от далеких женихов с целинных земель и северных строек они получали с надписями, например, такими: «Татьяне, от кого — видно». Привязанности забывались, начиналась новая жизнь, но не для всех: у многих тоска по родному дому и юношеские чувства сохранялись навсегда... Из-за этого рушились сложившиеся на новом месте и прожившие многие годы семьи: встретив свою «первую» любовь, некоторые возвращались в прежнюю жизнь, разорванную когда-то обстоятельствами и собственной нерешительностью.

Хрущевская «оттепель» коснулась и пересмотра планов семейного переселения, и организованного набора: постепенно они стали снижаться, а в связи с уменьшением потребности в таком пополнении рабочего класса были реорганизованы и соответствующие ведомства. Кроме того, это стало своего рода признанием упадка сельского хозяйства. В основном области сами решали переселенческие проблемы в пределах собственной территории, и нередко это было не в пользу деревни. Именно сельские жители «мобилизовывались» и на Череповецкие стройки и затем отстроившиеся заводы, на предприятия Калуги, других нечерноземных городов. Постепенно переселенческая политика была свернута, о чем говорят данные 1968 г. о выехавших из деревень «самостоятельно» (более 90 тыс.) и в порядке организованного переселения (1600 человек). Начиная с конца 1960-х гг. появляется новая форма приобщения к городской жизни — лимитные рабочие. И это тоже одна из форм государственного организованного переселения. Но по сравнению с миллионной стихийной деревенской миграцией это были небольшие передвижения населения из села в город — и мужчин и женщин.

Возможность покинуть деревню по собственному желанию и выбору и *вместе* появилась для всех лишь с 1976 г.²⁴⁸

До начала 1990-х гг. российское село неизменно выступало в качестве «донора» для города, население которого росло в первую очередь за счет приезжих, а не за счет естественного прироста. Это явление было вызвано экономическими и социально-деревенскими причинами и явилось, как констатируют экономисты и демографы, «основой негативных демографических тенденций в сельской местности России»²⁴⁹. Уровень рождаемости в деревне исторически всегда был выше городского, но переток населения в города приводил к падению темпов роста сельского населения. Города «откачивали» демографический потенциал деревни.

Город принимал и отталкивал «деревню». Второсортная «деревенщина» была нужна городским предприятиям в качестве неквалифицированной рабочей силы, а традиционные крестьянские привычки и условности были чужды городской среде, и «деревня» быстро пополняла число маргиналов. Они очень долго не могли влиться в новую жизнь, а часто так и не сроднились с ней. Но в деревню уже не возвращались, поскольку там тоже не было уже «дома», за редким исключением родительского, да и деревенской молве не хотелось давать почву для рассуждений о себе как о неудачнике. Даже благополучные и успешные, взлетевшие по социальной лестнице бывшие деревенские — «новые горожане» в представлении окружения тем не менее оставались «деревней», поскольку, как вспоминала известная советская актриса Римма Маркова, «считают город своей вотчиной, особенно Москву, куда претендовать на жизнь никто не смеет, тем более из провинции да еще из деревни»²⁵⁰. Простые рабочие ощущали себя на низкой социальной ступени и отзывались сами о себе так: «Мы рабочие, а они начальники, разве они нас поймут». Они принимали все условия труда и жизни и опасались возвращения из «нового дома» в деревню, но «развенчивали» пропагандистские лозунги о высокой роли рабочего класса очередного лектора Общества «Знание»: «Вы говорите, что рабочие хозяева своей страны, а мы этого не чувствуем. Начальник цеха часто заявляет нам, что “выгоню вас и никакого спроса с меня не будет, на ваше место за воротами завода каждый день по 15–20 человек стоят”»²⁵¹. Миграция из деревни действительно была значительной, и устройство на завод, даже на вредное производство, даже женщин, считалось неплохой работой, тем более в Москве. Проводимые нечастые проверки санитарных и ведомственных учреждений и организаций старались не замечать серьезных нарушений производственного цикла и не фиксировали их как «недостатки», если не доходило до критических случаев, — тут могла вмешаться Прокуратура СССР. Обследованные по ее постановлению в 1945 г. два закрытых завода Министерства электропромышленности СССР оказались на грани «полной реконструкции», при этом работали на «полную мощность». Предприятия использовали высокотоксичные вещества, и рабочие трудились «в совершенно недопустимых условиях, что создавало опасность хронического отравления марганцем». Медицинский осмотр выявил признаки начального отравления марганцем у 12 рабочих из 56 и у 8 отравления. С подозрением на интоксикацию было выявлено еще 8 человек и 15 с отдельными симптомами интоксикации. Среди них были и женщины, бывшие деревенские жительницы. Периодические медицинские осмотры свидетельствовали, что 66% рабочих одного из этих заводов подверглись токсическому воздействию марганца. В 1946 г. было зафиксировано 6 несчастных случаев, в

том числе ожоги кислотой из-за отсутствия защитных очков. Погрузка и выгрузка размолотой марганцевой руды производилась лопатами вручную. Размолот производила мельница, которая располагалась на высоте 1,5 м от пола, где руду смешивали с другими компонентами, затем также вручную выгружали из барабана. Весь процесс сопровождался огромным выбросом марганцевой пыли. Здесь же, в цехе, рабочие обедали, некоторые курили. Душевая была перегружена, мыло выдавалось один раз в месяц. Спецодежда выносилась с территории завода²⁵². Вмешательство Прокуратуры СССР было крайне актуально для бесправных рабочих, которые по известному Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г., отмененному лишь в 1956 г., за самовольный уход с предприятия или прогул несли уголовную ответственность — даже с такого завода. И реконструкция закрытых производств медленно, но начала проводиться.

А деревня по-прежнему продолжала пополнять городские предприятия кадрами. Директора городских заводов справедливо были недовольны деревенской рабочей силой, поскольку именно они были первыми «прогульщиками» и часто нарушали «общественный порядок». В Пермской области в 1959 и 1960 гг. на промышленных предприятиях почти каждый восьмой рабочий не выходил своевременно на работу, только на предприятиях совнархоза прогулы совершили 37 тыс. рабочих, вследствие чего было потеряно свыше 100 тыс. рабочих дней. Нарушителей трудовой дисциплины увольняли (только за восемь месяцев 1959 г. свыше 6 тыс.), выносили прогульщикам административные взыскания, наказывали и начальников цехов за отсутствие дисциплины... А уволенные рабочие, оставаясь в городе, «нарушали общественный порядок», совершали мелкое хулиганство, и вновь терялись рабочие дни и часы (за 1959 г. только по этой причине 100 тыс. рабочих дней), в то время как хулиганы, отбывая наказание, подметали улицы города и работали на овощных базах. Ситуация столь накалилась, что передовики производства и инженерно-технические работники внесли предложение содержать отбывавших за мелкое хулиганство не за счет государства, а за счет самих нарушителей, а кроме того, «лишать их отпусков, путевок в дома отдыха и санатории и других благ, которыми они пользуются наравне с другими рабочими»²⁵³.

Складывалась трудноразрешимая ситуация, когда родители, не желавшие повторения своей колхозной судьбы, «вытаскивали» детей в город: в лучшем случае — учиться, в обычном — работать. Далеко не все и не сразу адаптировались к городской ритмичной жизни. Трудовой график был четким, а в свободное время разобщенным и в основном жившим в общежитиях и не привыкшим к индивидуальному проведению досуга сельским молодым людям занять себя было нечем. Пос-

ле рабочей смены, отработанной часто «на вредном производстве», им предлагали прослушать лекцию в заводском клубе о коммунистическом отношении к труду, передовом опыте, о воспитании коммунистической сознательности и будущих перспективах городской жизни. Такие лекции не посещались, что вызывало недоумение начальства. Однако на другие — на темы любви и дружбы, по астрономии, медицине — молодежь охотно приходила. Клубы, по мнению, например, Пермского областного партийного руководства, должны были основной целью своей работы поставить проведение вечеров труда и трудовой славы, на которые рабочие также не приходили. Из 7,5 тыс. рабочих Камского целлюлозно-бумажного комбината вечер трудовой славы посетили 90 человек, причем не пришли даже сами передовики производства. Но «шаблонные» мероприятия, с точки зрения партийных деятелей, «танцы и кино» молодежь посещала с удовольствием. Не занятые ничем и никем молодые люди были вечерами предоставлены сами себе и своей компании, где частыми были «выпивки», что нередко приводило к преступлениям.

Уволенные заводские рабочие в деревню не возвращались, вели «паразитический» образ жизни, неоднократно привлекались к уголовной ответственности. Рост преступности органами Прокуратуры Пермской области в 1960 г. фиксировался за счет приезжих из деревень. В основном — это молодежь до 25 лет. Среди более молодых было распространено даже нищенство и попрошайничество. Около 600 подростков, приехав из деревень, не работали и не учились, пополняя криминогенную среду. Заводская администрация, комсомол не справлялись с потоком сельских мигрантов и адаптацией их к новой жизни. Избранные из среды деревенских жителей комсомольские вожаки сами «превращали комнату в общежитии в место пьяных развлечений, где при проверке было обнаружено около 100 пустых бутылок из-под водки». Но комитет комсомола завода имени Сталина г. Перми об этом факте и не знал²⁵⁴, поскольку в условиях огромных барачно-общежитий для того, чтобы уследить, научить, воспитать молодежь, требовался большой штат сотрудников. Да и даже при этом у многих непреодолимой была тяга к дому, к деревне, они чувствовали свою невостребованность и ненужность. Те, которые были порешительнее и не постыдились односельчан, все-таки оставляли чужой город и ехали домой.

Оставшиеся в деревне могли надеяться только на свои силы и хозяйства. В полеводстве колхоза «Вожатый» Вологодской области в 1947 г. работало 50 человек, из которых ежедневно трудились 10–12. Еще 53 колхозника, фактически проживая в деревне, работали на железной дороге или в городе, а 11 колхозников работали в городских учреждениях. Немногие трудоспособные, вынужденные трудиться в колхозном производстве,

в среднем вырабатывали по 163 трудодня в год. Больше всего трудодней записывалось, естественно, руководству — 577, животноводы имели 378 трудодней, а полеводы 88. При подсчете трудодней выявились и такие колхозницы, кто вообще не выработал ни одного трудодня, а работал, будучи колхозником, только у себя на подворье, обеспечивая свою семью продуктами и приторговывая ими, не надеясь на будущие обещанные выплаты. До снижения налогов 1953 г. было ждать еще долгих 5 лет. Партийные, советские документы фиксировали некоторое оживление личной сельскохозяйственной инициативы, которая была явно преувеличена с целью показать зажиточность крестьянина и возможности надавить на него для изъятия якобы излишков. Поэтому при проверках деятельности колхозов нередко в справках и отчетах встречаются характеристики типа: «Колхоз “Вожатый” (Вологодского района Калининского сельсовета) за последние годы, особенно с 1945 г., идет по линии упадка, а личное подсобное хозяйство колхозников растет, расширяется и становится основным для них». Такого рода высказывания подтверждались не улучшением жизненного уровня колхозников, а ухудшением дел в колхозном производстве. Хотя главными причинами здесь были дефицит кадров молодежи и высокие планы при отсутствии техники и условий для ведения полеводства и животноводства в условиях Севера. Снижение денежных доходов вело к снижению оплаты на трудодень.

Таблица № 43

Выдано на трудодень по годам:

	1940	1944	1945	1946	1947
Зерновых (кг)	0,5	0,42	0,5	0,120	0,110
Картофеля (кг)	1,150	—	—	—	—
Сена (кг)	0,5	—	—	—	—
Денег (руб.)	0.39	—	—	—	0,33

Источник: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 15. Д. 408. Л. 108.

Взаимосвязь: неоплата трудодней — невыход на работу и невыход на работу — отсутствие оплаты на трудодни — привела к тому, что для многих колхозников единственным способом выживания оставалась работа у себя на подворье. Будущее изобилие их уже не интересовало. Пережив военные полуголодные и голодные годы, они пришли к выводу, что при любых обстоятельствах надежда одна — на себя. Хозяйства, где не было трудоспособных колхозников, имели низкий доход, но и он складывался практически полностью от работы в личном хозяйстве. Хозяйства, где все его члены работали в колхозном производстве, имели доход в три раза выше, но

лишь на треть он был от общественного хозяйства. Там же, где все колхозники жили в деревне, но члены их семей не работали в колхозе, имели максимальный годовой доход (14 тыс. руб.), включая минимальный вклад (259 руб.) от работы в колхозе²⁵⁵. Главной рабочей силой на подворье была в военное время и оставалась все последующие пятьдесят лет русская крестьянка. Сельская женщина.

В конце 1950-х — начале 1960-х гг. проводилась политика ограничения подсобного хозяйства. Ограничительные меры коснулись размеров приусадебного участка, количества скота в личном пользовании. Это был период резкого сокращения площадей под личное ведение хозяйства, уменьшения стада коров, овец и коз у себя на подворье. В 1959 г. почти 10 млн человек трудились в личном подсобном хозяйстве, и это занятие было основным видом их деятельности. В результате интенсивного труда на приусадебных участках, которые в 1959 г. занимали 3,7% общих площадей СССР, отданных под пашни, ЛПХ давали 64% картофеля, 41% мяса, 47% молока и 81% яиц²⁵⁶. Личным подсобным хозяйством занимались колхозники, рабочие совхозов и служащие. Самая значительная группа — это колхозники. По переписи 1959 г. их насчитывалось 58% от общего количества занятых в ЛПХ. Оставшиеся 42% — это семьи рабочих колхозов и другие рабочие и служащие в соотношении: 30% и 12% соответственно. При переводе процентов в человеко-затраты американские экономисты определили участие в ЛПХ семей колхозников и тех колхозников, кто трудился на личном подворье в свободное от работы время, в 71% трудовых ресурсов села²⁵⁷. В основном в подсобном хозяйстве работали женщины: в 1959 г. почти 9 млн — это 91% общего числа работников. Среди трудоспособных возрастов их доля была еще выше — 96% , т.к. мужчины обычно работали всю неделю в общественном секторе. Несколько меньшей была доля женщин среди младших возрастов, 86% и очень высокая среди престарелых. Среди женщин, занятых в ЛПХ, всех возрастов большинство — старше 45 лет и 46% — престарелые, т.е. старше 55 лет. Типично для деревни было, когда женщина, имевшая внуков, оставляла работу в общественном секторе и вела дом и хозяйство²⁵⁸.

Гонения на личное подсобное хозяйство имело печальные последствия для деревни. Ее переориентация на городской образ жизни оказалась преждевременной, а сократившееся поступление продовольствия государству не позволило снабжать и горожан и селян в достаточной мере продуктами питания. Только за 1959—1964 гг. сельскохозяйственные угодья, находившиеся в личном пользовании населения центра России, сократились с 454 тыс. га до 386 тыс. га. Резко сократилось поголовье скота. Во Владимирской области за 1959—1963 гг. поголовье коров уменьшилось с 97 до 71 тыс. голов, в Калужской —

со 117 тыс. до 95 тыс., в Рязанской — со 154 тыс. до 122 тыс. голов. Сократилось поголовье свиней, овец, коз, находившихся в личном пользовании²⁵⁹. В 1964 г. ограничения были сняты.

В 1966 г. в социологическом опросе, проводившемся на Кубани, выяснялось отношение колхозников к личному подсобному хозяйству. Оказалось, что почти никто из них не хотел расширения приусадебных участков, а многие считали возможным вообще отказаться от своего хозяйства. Сказывалась пропаганда, объявлявшая колхозника, много внимания уделявшего своему хозяйству, например, строившего теплицы на участке или еще как-либо пытавшегося поднять его производительность, спекулянтom и тунеядцем²⁶⁰. Применялись и более результативные санкции против «проявлявших частнособственнические интересы». Выросший в «колхозной семье», лучший тракторист хозяйства им. Ленина Б.Сосновского района Пермской области, бывший фронтовик и член КПСС, Григорьев в поисках «высоких заработков поставил личные интересы над общественными», что выразилось в расширении его подсобного хозяйства и «сбыте» на рынке сельскохозяйственной продукции. В 1956 г. он был исключен из рядов КПСС, а руководимая им бригада поставила вопрос об исключении его и из колхоза²⁶¹. Убедительный пример прямого вмешательства в личную жизнь для демонстрации сельской общественности всех последствий частной инициативы.

Ситуация резко начала меняться со второй половины 1960-х гг. Правительство попыталось остановить процесс разорения личного хозяйства селян, поощряя его развитие. Привыкшие к труду и трудностям, крестьяне охотно начали поднимать «свое» хозяйство и к 1970 г. сельскохозяйственные угодья, находившиеся в личном пользовании, были восстановлены. Они вновь достигли уровня 1959 г.

В 1970-е гг. подсобные хозяйства в сибирской деревне имели 90% семей, две трети содержали скот и птицу. За 1970-е гг. резко возрос объем услуг, оказываемых личным подсобным хозяйствам колхозами, совхозами и другими предприятиями деревни. Но какой бы ни была эта помощь, она не может избавить владельцев от ручных работ на огороде, в саду, на «домашней ферме». Отношение жителей сибирской деревни к личному подсобному хозяйству было противоречиво. С одной стороны, его имели почти все семьи, а из числа тех, кто не имел, 40% собирались завести его в будущем. Из числа семей, которые имели хозяйство, 70% в будущем были намерены сохранить его, а 15% — расширить. Как видно, установки на сохранение и развитие хозяйства в сельских семьях были еще достаточно сильны. Важная причина, питающая эти устремления, — недостатки в снабжении деревни продуктами. Но причина эта далеко не единственная. Личное подсобное хозяйство в сибирской деревне — стойкая традиция, своего рода соци-

альная норма. Семьи, не имевшие хозяйства, если и не осуждались, то, во всяком случае, «выпадали» из общего уклада сельской жизни.

Традиционность подсобного хозяйства, его жесткая вписанность в жизнь людей определяются тем, что оно не просто снабжает семью продуктами и обеспечивает их высокое качество. Оно в известной мере удовлетворяет потребности в продуктах питания и тех членов семьи, которые живут в городе. Свое хозяйство является источником дополнительных доходов, получаемых через продажу продуктов, и (или) экономии денег на их приобретение в торговой сети. Сельские жители постоянно подчеркивали, что личное подсобное хозяйство — важнейшее преимущество деревни, позволяющее большим многодетным семьям поддерживать нужный уровень материального достатка даже при сравнительно низких заработках. Несмотря на все это, из числа семей, ведущих подсобное хозяйство, 16% планировали сократить его размеры или отказаться от него совсем. Более половины опрошенных указали на трудности ведения хозяйства, необходимость больших затрат труда («много мороки», «непосильно»), 22% — на отсутствие кормов, пастбищ и других условий, 11% — на большие затраты времени. Результаты исследований новосибирской школы социологов под руководством Т.И. Заславской уже в 1970-е гг. прямо указывали на противоречие, возникшее между «объективными трудностями» ведения ЛПХ и «желанием семьи облегчить, осовременить свой образ жизни», и связывали «дальнейшую судьбу личного подсобного хозяйства» с масштабами помощи, оказываемой им со стороны общественных хозяйств, потребкооперации, и от того, «как промышленность будет удовлетворять спрос на средства механизации и инвентарь для облегчения труда в приусадебном хозяйстве»²⁶². Современный опыт ведения ЛПХ говорит о полном забвении этих известных рекомендаций. Личные подсобные хозяйства расширяются, труд в них остается ручным, тяжелым, семейным и не связанным ни с государственной помощью, ни вообще с чьим-то участием, кроме личного.

И тем не менее труд в подсобном хозяйстве оставался неотъемлемой частью сельской жизни. В разной степени принимали в нем участие мужчины и женщины в зависимости от занятости, отношений в семье, здоровья и просто желания. ЛПХ обеспечивало семью овощами, мясомолочными продуктами. По некоторым оценкам, около половины семейной сельскохозяйственной продукции производилось на личном подворье²⁶³.

Селянки активно трудились в личном подсобном хозяйстве в дополнение к традиционным женским обязанностям. Мужской вклад нередко ограничивался строительством и ремонтом сараев для домашнего скота, подготовкой грядок для овощей. Главная ответственность за заботу о скоте на подворье и

**Доходы от личного подсобного хозяйства населения РСФСР
(по материалам обследования семейных бюджетов;
на семью в год; рублей)***

	1980	1985	1987	1988	1989	1990
Все население	190	185	203	212	212	267
Из него:						
рабочие и служащие	110	113	130	140	127	163
колхозники	989	1045	1104	1160	1265	1589

* Данные по полу отсутствуют.

Источник: Народное хозяйство РСФСР в 1990 г. Статистический ежегодник. М., 1991. С. 135.

приусадебный участок ложилась, как правило, на женщин. В 1960-е гг. удельный вес затрат труда в ЛПХ у мужчин, по подсчетам экономистов, составлял 9%, у женщин — 35%²⁶⁴. У городского населения затраты времени мужчин и женщин на труд в домашнем хозяйстве составляли пропорцию 1:2, на селе 1:3 или даже 1:4. Летом на различные виды труда в домашнем хозяйстве, включая ЛПХ, мужчины-колхозники затрачивали 6,11 час., женщины — 25,54 час.; зимой — 10,17 и 50,55 час. в неделю²⁶⁵. Как зафиксировали исследования в Западной Сибири, где магазины были редкостью, женщины проводили на приусадебных участках почти 23 часа в неделю, тогда как мужчины — 12 часов²⁶⁶. В целом по РСФСР сельские женщины имели только 11 часов свободного времени в неделю, что было меньше половины аналогичного показателя у горожанок²⁶⁷.

Имевшие подсобное хозяйство гораздо меньше были склонны к переездам. Среди них больше было уроженцев данного села или людей, давно здесь живущих. Поэтому почти все они имели собственные отдельные дома. Разнорабочий, имевший хозяйство и корову и в то же время снимающий квартиру, — большая редкость.

И наоборот, среди разнорабочих, не ведущих подсобного хозяйства, встречалось много переселенцев, не успевших обзавестись собственным домом.

Заметна также разница в обеспеченности предметами культурно-бытового обихода. По-видимому, и в тех, и в других семьях несколько различна оценка необходимости отдельных вещей. Так, вещи, сравнительно давно вошедшие в обиход деревни, чаще встречались в семьях, ведущих подсобное хозяйство: у них на 13% было больше швейных машин, в 2 раза больше велосипедов.

Предметы, вошедшие в обиход деревни в 1970–1980 гг. (телевизоры, стиральные машины, фотоаппараты, проигрывате-

**Годовой бюджет времени в 1934 г. и в 1973–1974 гг. по полу
(на человека в год, часы)**

Виды деятельности	Затраты времени			
	Мужчины		Женщины	
	1934 г.	1973–1974 гг.	1934 г.	1973–1974 гг.
Труд в общественном производстве	3168,0	2971,7	1152,0	2185,3
Деятельность, связанная с работой	360,0	307,2	288,0	310,5
Труд в домашнем и личном подсобном хозяйстве	432,0	732,5	3024,0	1872,4
ИТОГО	3960,0	4011,4	4464,0	4368,2
Удовлетворение физиологических потребностей	3600,0	3516,6	3456,0	3396,3
Свободное время	1044,0	1102,8	684,0	867,8
Прочие затраты и нераспределенное время	36,0	9,2	36,0	7,7
ВСЕГО	8640	8640	8640	8640

Источник: Труд в СССР (1934 год). М., 1935. С. 378–379; Бюджет времени сельского населения. М., 1979. С. 106.

ли), пользовались больше популярностью у семей, не ведущих подсобного хозяйства: телевизоры — почти в 3 раза, стиральные машины — 2–3 раза, фотоаппараты — в 2, проигрыватели — в 2,5 раза.

Живя в небольших населенных пунктах, семьи, ведущие хозяйство, были хуже обеспечены детскими учреждениями. К тому же большой размер семьи и наличие старшего поколения отражались на условиях воспитания детей: у имевших хозяйство и корову дети в основном находились под домашним присмотром, а дети из семей, не ведущих ЛПХ, почти в 2 раза чаще посещали детские учреждения²⁶⁸.

Семьи, ведущие подсобное хозяйство, более многочисленны и более устойчивы. Дети в такой семье рано приобщались к труду, ощущали его необходимость, полезность. Личное подсобное хозяйство давало многим семьям возможность организовать летний отдых детей. Приусадебный участок привлекал пожилых горожан к обратному переселению в деревню.

Приусадебное хозяйство колхозного крестьянства в основном полностью удовлетворяло потребности колхозной семьи в

таких продуктах, как мясо, молоко, картофель, овощи. Однако в 1960–1980 гг. в обеспечении ими колхозников значительно увеличилась роль торговли.

Главной целью семейного производства было самообеспечение. Следовательно, приусадебное хозяйство колхозников сохранило *натуральный* характер.

Решающее влияние на развитие приусадебного хозяйства колхозного крестьянства оказывала политика государства, которая в 1960–1980 гг. была крайне противоречивой. С одной стороны, в середине 1960-х гг. правительством было заявлено о необходимости развития приусадебного хозяйства колхозников и других граждан как одной из вспомогательных форм сельскохозяйственного производства. С другой стороны, крестьянское хозяйство было по-прежнему ограничено определенными рамками, а колхозникам в их индивидуальном производстве практически не оказывалось никакой помощи. Кроме того, увеличение ассигнований на развитие общественного производства, введение гарантированной оплаты труда в колхозе и ее рост должны были ориентировать крестьян прежде всего на колхозное производство.

Трудоспособный колхозник тратил на личное хозяйство не более $\frac{1}{4}$ всего времени. Полностью заняты в нем были либо престарелые, либо многодетные женщины. В конце 1970-х гг. личное подсобное хозяйство имели примерно 34 млн семей, в том числе более 13 млн колхозных дворов и свыше 10 млн работников совхозов²⁶⁹.

В 1960–1980-е гг. приусадебное хозяйство колхозного крестьянства оставалось одной из форм сельскохозяйственного производства. Оно носило семейный характер, имело многоотраслевую структуру и было преимущественно натуральным, сохранив тем самым традиционные черты индивидуального крестьянского хозяйства. Эволюция приусадебного хозяйства имела свои особенности и определялась демографическими, экономическими, социальными и политическими факторами, под воздействием которых оно претерпело ряд значительных изменений. Крестьянская семья, главный организатор производства в приусадебном хозяйстве, в 1960–1980-е гг. переживала кризис, который проявился в сокращении численности семей колхозников, уменьшении их среднего размера и серьезных диспропорциях в половозрастном составе. Главными причинами этих процессов были мощный отток сельского населения в города, обусловленный не столько развитием производительных сил, сколько социально-экономической отсталостью деревни, а также преобразование колхозов в совхозы.

В Нечерноземье, где процесс огосударствления собственности получил наибольшее развитие, а социально-культурные проблемы стояли настолько остро, что миграция из села приобрела массовый характер, разрушение крестьянской семьи шло

особенно интенсивно. Именно здесь широкие масштабы приняла политика ликвидации «неперспективных» деревень, которая еще более ускорила переезд сельских жителей в города и «вымирание» деревень. В результате, лишившись прежде всего наиболее молодых своих членов, крестьянская семья утратила способность к воспроизводству, что, в свою очередь, отрицательно сказалось на обеспечении приусадебного хозяйства трудовыми ресурсами и возможности его дальнейшего развития.

Наибольшие трудовые затраты в приусадебном хозяйстве колхозников приходились на животноводство. В личном подсобном хозяйстве все большее значение приобретал труд пенсионеров и подростков. Так, например, сельские жители пенсионного возраста в РСФСР тратили на труд в личном подсобном и домашнем хозяйстве, работая еще и в общественном хозяйстве: 23,4 часа в неделю — мужчины, 46,9 часов в неделю — женщины. Продолжая работать на производстве, они тратили 20,3 часа в неделю, не считая затрат на домашний труд, на удовлетворение бытовых потребностей и на уход за детьми. Еще больше заняты в подсобном хозяйстве неработающие пенсионерки, которые тратили на него 30,2 часа в неделю, а всего в неделю уходило у них на домашний труд почти 68 часов.

Вместе с тем и другие члены семьи вынуждены жертвовать своим досугом ради работы в личном подсобном хозяйстве. По данным статистики, колхозники тратили на него в 39 раз больше времени в рабочий день и в 19 раз больше в выходной день, чем рабочие и служащие промышленности. В среднем у колхозника уходило на ведение личного хозяйства в рабочий день 1,17 часа, или 5,39% суточного фонда времени, а в выходной — 1,51 часа, или 7,7%²⁷⁰.

С ограничением хозяйственной деятельности крестьянского двора рамками домашнего производства главной трудящейся единицей в приусадебном хозяйстве стала женщина. В 1965 г. крестьянки в трудоспособном возрасте затрачивали 589 часов на работу в ЛПХ, тогда как колхозники-мужчины только 112 часов. В 1980-е гг. затраты труда женщин сократились в связи со свертыванием животноводства и составили 549 часов, у мужчин — 219,3 часа. Характерно, что свободные от общественного труда мужчины и женщины в деревне также по-разному трудились в приусадебном хозяйстве: в 1965 г. женщина-пенсионер потратила на работу в ЛПХ 921 час, а мужчина — 305 часов, в 1980-е гг. разрыв в показателях сократился, но селянка работала вдвое больше: 703 часа, тогда как мужчина только 355 часов²⁷¹.

В 1960–1980-е гг. основы приусадебного хозяйства колхозников были сильно подорваны. Его роль в сельскохозяйственном производстве страны и жизни колхозной семьи снизилась. Малочисленная деревня постарела. *Главной трудовой силой в ЛПХ являлась женщина.* Приусадебное хозяйство колхозников

действительно стало подсобным. Это во многом объясняет неудачу современных аграрных реформ. В условиях, когда традиции индивидуального сельскохозяйственного производства оказались утраченными, ставка на фермерское хозяйство во многих регионах была бесперспективна.

Самые радикальные изменения в 1980–1990-е гг. связаны с развитием негосударственных структур производства и распределения в стране, на протяжении трех–четырёх поколений не знавшей рынка и независимого экономического поведения субъектов. Практически внезапно — за два года — рухнули опоры «советского образа жизни»: относительно стабильные цены, гарантированное рабочее место, практически полное отсутствие риска нисходящей социальной мобильности.

Естественно было ожидать, что женщины, особенно уязвимые для всех подобных перемен, проявят больший консерватизм, реакция их на экономические перемены будет особенно остра и болезненна, а приспособление начнется позже и пойдет медленнее.

Исследования, проводившиеся с 1989 г. в Институте социологии Академии наук СССР, в целом подтверждают это предположение (1989 г. — опрошено 2360 человек в 10 крупных городах СССР; 1990 г. — опрошено 3937 человек в крупных и средних городах; 1991 г. — опрошено 5004 работника промышленности).

Сдвиги в общественном мнении женщин повторяют в целом эволюцию общественного мнения мужского населения, но с известным запаздыванием. Функция женщин как своеобразного «инерционного стабилизатора» социальной динамики, «замедлителя» слишком быстрых социальных процессов проявилась здесь как нельзя нагляднее.

С годами заметно растет число работников с установкой на переход из государственных в негосударственные предприятия. Так, в 1989 г. хотели пойти работать в кооперативы 31,8% опрошенных, в 1990 г. — уже 36,6%. Повышается и доля женщин, намеренных уйти из госсектора.

В 1991 г. среди опрошенных более 5 тыс. занятых в промышленности, желающих работать на негосударственных предприятиях, оказалось уже 74,2%, среди них женщин — 30,3%. Из 25,8% желавших остаться работать на госпредприятии 14,2% женщин. Однако рискнуть самостоятельно работать было готово незначительное их число (по сравнению с мужчинами). Работать индивидуально по патенту смогли бы 2,9% опрошенных, из них — 39,1% женщин, мужчин — 60,9%. Эта разница становилась трехкратной, когда речь заходила о готовности открыть собственное дело. Из 16,4% респондентов, занятых в промышленности и считавших себя способными создать собственное дело, женщин было чуть больше четверти (27,6%), мужчин — 72,4%. У селян разница оказалась менее заметна.

Хотя общее число рискнуть собственным капиталом среди них было меньше — 12,4%, причем женщин и мужчин почти поровну — 42,7% и 53,2% соответственно. Более половины (53,2%) женщин желало бы сохранить гарантированную заработную плату даже без надежды на то, чтобы сколько-нибудь ее повысить.

Вместе с тем работа в кооперативе при всей своей заманчивости по материальному вознаграждению и по возможности самореализации оставалась в массовом сознании не престижной и не надежной, поскольку не давала гарантий. Особая настороженность к новым формам хозяйствования ощущалась на селе. Мало кто из сельских родителей, особенно матерей, желал своим детям включиться в такую работу²⁷².

Таблица № 46

Соотношение мужчин и женщин, желающих работать на негосударственных предприятиях по годам

Пол респондентов	Годы					
	1989		1990		1991	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Всего	2272	31,8	3883	36,6	4767	74,2
в том числе:						
мужчин	995	16,2	1710	18,2	2634	43,9
женщин	1281	14,8	2173	18,4	2133	30,3

Источник: Бабаева Л.В., Нельсон Л. Деловая активность женщин в новых экономических структурах // Социологические исследования. 1992. № 5. С. 107.

Традиционное расселение и природно-климатические условия в России не способствовали индивидуальному сельскохозяйственному производству. Чувство коллективизма, всеобщей ответственности — одна из главных черт российского менталитета. Прижившиеся и в разной степени успешно работавшие коллективные хозяйства в деревне (колхозы и совхозы) находились в контексте «объединяющей» идеи. Устоявшиеся жизненные привычки менялись трудно, индивидуальное ведение хозяйства воспринималось большинством селян как «неправильное». Кроме того, освобожденные от голодной жизни отнюдь не стремились стать «поденщиками» у новых хозяев-фермеров.

Предельно ясно подобная позиция была выражена и председателем «Великодворья» Вологодской области: «Если бы я был уверен, что без колхоза прожить лучше и легче, я бы все за месяц развалил. Лично мне колхоз нужен. Если развалится колхоз, люди все равно объединятся. В деревне нельзя прожить в одиночку. Мы все фермеры по натуре, но без колхоза не

выживем». Такого же мнения придерживались и другие работники. Люди привыкли, что хозяйство всю жизнь было передовым. Колхоз здесь воспринимался как то, что дает людям средства к жизни. В «Великодворье» считали перерегистрацию колхоза в 1992 г. простой «сменой вывески». Люди не мыслили себя вне колхоза. Главный зоотехник (43 года) говорила: «Мы не хотим разделения. Сейчас одному не прожить. Люди считают себя хозяевами колхоза. Я в колхозе начинала, тут и останусь. Если бы рядом был богатый фермер, который бы хорошо за работу платил, люди бы пошли к нему, я — нет»²⁷³.

Перспективы при переходе к рынку у женщин оказались более тревожными. Более половины участниц опроса (54,2%) считали, что могли потерять работу, и только 1/3 (28,9%) были уверены, что с ними этого не произойдет. Очень немногие надеялись, что в новых условиях смогут увеличить свой доход. Их оказалось почти в три раза меньше, чем тех, кто не имел подобной надежды. Более оптимистично были настроены молодые женщины с высшим образованием²⁷⁴.

Дело здесь не только в консерватизме, осторожности, опасениях перемен. Сложившееся в советском обществе соотношение социальных ролей полов не требовало от мужчины активного участия в заботах о домашнем хозяйстве, семье, воспитании детей. Все, что связано с домом, ложилось на женские плечи. Поэтому женщину больше устраивали традиционные формы деятельности, не требующие слишком большой самоотдачи, мало оплачиваемые, но зато высвобождающие время и силы, чтобы накормить семью, создавать уют в доме. Из-за домашней занятости и социальные контакты женщины ограничивались в основном работой. Новые структуры требуют не только большей нагрузки, но и иной квалификации. Высвободить время для обучения сейчас очень трудно. Особенно трудно молодым бабушкам (от 40 и старше), которые своим вниманием и заботой, а порой и финансами должны обеспечивать по крайней мере три семьи: свою, детей, родителей. На наиболее активный возраст (40–45 лет), когда от человека ожидают существенной творческой отдачи, выпадают и наибольшие нагрузки, связанные одновременно с помощью престарелым и часто больным родителям, с одной стороны, и уже взрослым, но еще нуждающимся в помощи, по преимуществу семейным, детям — с другой²⁷⁵.

Сельские женщины в своем отношении к новым формам хозяйствования еще более консервативны, чем городские. Известно, что почти две трети фермерских хозяйств были созданы горожанами²⁷⁶. Среди сельских жителей это движение не получило широкой поддержки. Основную часть фермеров, выходцев из колхозов и совхозов, составляла хорошо известная социологам небольшая часть работников (5–7%), которые в силу своей исключительной психологической установки про-

сто не в состоянии работать в коллективе, нетерпимо относятся к любому диктату над своей личностью²⁷⁷. Их буквально выталкивает в свободное фермерство не экономическая целесообразность, а внутреннее состояние души. Именно этой категории людей принадлежит приоритет самых великих открытий в истории человечества, но успех или неудачу дела определяют не они, а общая масса последователей, которых со временем не становилось достаточно для того, чтобы признать приоритет фермерского движения в сельскохозяйственном секторе.

Горожане, являющиеся основой фермерского движения в России, как показали социологические исследования, не планировали всю свою дальнейшую жизнь посвятить решению сельскохозяйственных проблем. Для подавляющего большинства этот выбор был обусловлен коммерческими и предпринимательскими интересами достаточно краткосрочного характера. Но среди небольшого числа действительно занявшихся решением продовольственной проблемы страны в силу различных обстоятельств, в том числе вынужденных к этому обстоятельствами, были решительные и трудолюбивые горожанки. Лишь немногие из них сделали этот выбор, исходя из психологического фактора; большинство, потеряв работу в городе, пытались построить трудовую жизнь в деревне. И находились они в сельской местности в худших условиях: производительных, бытовых, этических, психологических по сравнению с фермерами — бывшими колхозниками и рабочими совхозов. Но они преодолевали все препятствия, добивались неплохих результатов исключительно благодаря перенапряжению физических и моральных сил, осознавая, что при возвращении в город их ничто не ожидает.

Некоторые семьи увидели перспективу жизни в труде на семейной ферме. Первоначально это был семейный подряд. Не исключением стало и руководство им женщиной.

Бывшая городская семья — Е. Малихонова, работник совхоза по снабжению, и В. Смирнов, преподаватель областной спортивной школы, — в 1987 г. взяла семейный подряд по выращиванию телят в совхозе им. Тельмана Раменского района Московской области. «Мы ведь с Леной хоть и горожанами считали себя в последние годы, но в душе самые настоящие крестьяне, — рассказывал Владимир. — В деревне выросли, родители наши и сейчас там живут, так что сельский труд не понаслышке знаем. Верите — потянуло к земле. Устали от бумажек и разговоров, захотелось конкретного, настоящего дела».

Им предложили ухаживать за 20 телятами. Через месяц они взяли 126, еще через месяц — 262. Совхоз продавал корма, обеспечивал техникой. Остальное, включая расходы на воду и электроэнергию, семья брала на себя. По договору они получали 23% прибыли. В совхозе себестоимость центнера привеса составляла 300 руб., на семейном подряде — 128 руб. Достиже-

ния основаны были на ручном труде. «Поначалу у нас такая техника была, — говорит Лена, — вилы да лопата. Удаляли навоз вручную, из-за перебоев с водой по 200 ведер в день на себе таскали». Ее муж показывает руки (видно, что рукам этим достается): не просто мозоли, а толстый шершавый роговой слой на ладонях, привычных к лопате, вилам, граблям.

«За год на 20 килограммов похудел», — констатирует Владимир. Постепенно наладили водопровод, приобрели за счет совхоза кормораздатчик, обогреватели, шнеки для очистки дворов, им выделили трактор и две тележки.

Активное участие в хозяйстве принимали их дети, которые, по словам родителей, «летом работали всерьез». Семья решила построить собственный дом и навсегда остаться в деревне. «Ну, а главное, — говорит Елена, — понимаете, мне кажется, мы только сейчас, проработав год, плечо к плечу, стали настоящей семьей. Раньше жили рядом, каждый своей жизнью — хорошо жили, дружно, но все-таки по особице, рядом, а не вместе. Теперь же я иногда путаю, где — я, где — Володя, что я сказала, что — он»²⁷⁸.

Для женщин переход к предпринимательству был вызван прежде всего двумя мотивами: реализовать свои способности с тем, чтобы получать высокую зарплату, и заниматься любимым делом. Для мужчин самореализация все еще остается ведущей, значительно опережая стремление к доходам.

Многим, кто столкнулся с реальностью, не удалось в полной мере реализовать свои желания. Особенно сильные разочарования постигли женщин: около 40% участниц опроса утверждали, что их надежды не оправдались и они полностью разочарованы. Видимо, это обстоятельство не в последнюю очередь повлияло на резкий спад участия женщин в предпринимательстве в 1991 г.

Все без исключения респонденты отмечали одни и те же проблемы: очень сложно выжить в мире «мужского» бизнеса²⁷⁹.

Ситуация усугублялась недоброжелательным отношением многих деревенских жителей к своим односельчанам, которые смогли по-новому организовать труд и лучше решить свои жизненные проблемы. Именно они и стали объектом пересудов и зависти.

Вопрос корреспондента: «Пока, кроме вас, в совхозе не нашлось смельчаков, готовых взяться за такую работу. Как относятся к вашей семье?» «Плохо относятся, — печально отвечает Елена Малихонова, глава семейного подряда из Московской области. — Мы для всех — как соринка в глазу. Боятся, что слишком много заработаем, озолотимся. Но ведь заработаем, не украдем! А охотников последовать нашему примеру мало: разучились вкалывать по-настоящему. Володя с утра до вечера на ферме, да и я не ленюсь — потому и результаты, о которых в совхозных бригадах и не мечтают: вдвое дешевле наши телоч-

ки обходятся! Говорят про нас: хапуги, куркули, только о деньгах и думают. И кто больше всех ярится? Самые ленивые да пьянчужки, которые забыли, а может, и не знали никогда, что такое настоящая крестьянская работа на земле. Видят ведь, понимают, что наш труд нужен не только нам, всем пользу приносит, им в том числе. Это же прибыль совхозу, а с прибылью и дома новые строятся, и магазины, и детские сады, у всех жизнь лучше становится»²⁸⁰.

Случалось, что непонимание исходило от ближайшего окружения — семьи. Перемена места жительства из города в деревню не встретила поддержку супруга и детей фермера из Татарии Раисы Шайхиевой, но вытолкнувшая из городской жизни безнадежность заставила ее благодаря огромному упорству и труду развернуть фермерское хозяйство. Сила воли, твердый характер, трудолюбие и вера в свои силы способствовали преодолению невероятных сельских трудностей.

Рассказывает Раиса Шайхиева, фермер из Татарстана: «Когда я была уволена с двух рабочих мест в городе, я взяла 25 соток земли и начала действовать, имея на руках только мотыгу и лопату. Муж не понял: “Паши, мне этого не надо”. Дети тоже не поняли. И постепенно я вложила все в свое хозяйство. В конце концов у меня получилось так: 60 телок и я одна, с вилами, лопатами. Из колодца поила телок, поддерживала хозяйство, теряла сознание и падала от бессилия.

В течение пяти лет я не только Москвы не видела, но даже и районного центра, потому что не в чем было выйти. Я на босу ногу надевала резиновые сапоги даже зимой. Да еще на руках годовалый ребенок. Выжила. Когда появились первые успехи, ко мне переехал муж и вернулись все дети. Я оказалась защитой для детей»²⁸¹.

Удачные и неудачные примеры ведения фермерского хозяйства можно чередовать. Но квалифицированной и авторитетной частью крестьян фермеры смогут стать, по подсчетам экономистов, когда их число превысит 300—350 тыс.²⁸² Современные фермеры, даже удачливые и развернувшие свое хозяйство на бывших колхозных землях, видят перспективы в дальнейшем развитии семейной экономики только с опорой на собственные силы. Один из них, Павел Гордеев из мордовской глубинки Турдаки, утверждает, что сельское хозяйство оказалось в «убогом состоянии», потому что правительство страны «просто хочет задушить» деревню собственными руками. В подтверждение своих слов молодой фермер приводит отсутствие юридической поддержки, страховых положений, кредитов, которые ему, будучи даже заместителем председателя Ассоциации фермерских хозяйств Мордовии, получить не удалось. Его вывод: «Нет у нас и не было любви к сельскому труженику!»²⁸³

В России традиционно основную массу сельскохозяйственной продукции производили мелкие и средние крестьянские

хозяйства. Попытка разрушения общины, не доведенная до экономического завершения в начале XX в. и прерванная войной 1914 г., не разрушила общинных устоев, что в какой-то степени сглаживало проведение коллективизации в деревне при всех ее сталинских нормативных жестокостях и трагизме исполнения. Но деревня выживала именно за счет личного хозяйства, которое и в 1940-х, и в 1950-х гг. давало до половины всей товарной продукции и во многом обеспечивало потребности самих крестьян. Даже в 1990 г., занимая всего 2% сельскохозяйственных земель, ЛПХ продолжало давать две трети объема картофеля и четверть — молока и мяса²⁸⁴.

За годы советской власти сформировался своеобразный симбиоз колхозного и личного хозяйства, вызванный неубстроенностью деревни. Колхозы помогали людям мукой, кормами для скота, техникой, из колхоза «тащили» все, что можно было унести с учетом места своей работы. И связано это было в первую очередь с низким материальным положением семей, отсутствием магазинов, дефицитом даже самого простого товара, ну, и привычкой, что «все вокруг колхозное — все вокруг мое».

Развернувшаяся перестройка аграрного сектора в 1990-е гг. привела к полному пересмотру и перекрою сельскохозяйственной карты страны с опорой на индивидуальное крестьянское (фермерское) ведение хозяйства. Ставка была сделана на инициативу «сильного» крестьянина. В 1993 г. насчитывалось примерно 50 млн домашних хозяйств, в том числе около 40 млн семейных и около 10 млн домохозяйств были представлены лицами, не имевшими семьи или утратившими связь с нею. Из этих 50 млн домохозяйств 300 тыс. занимались индивидуальной трудовой деятельностью, примерно 15 млн сельских семей вели подсобное хозяйство и свыше 13 млн городских семей занимались садоводством и огородничеством. Удельный вес продукции личных хозяйств населения только в совокупном сельскохозяйственном продукте вырос с 22,5% в 1990 г. до 36% — в 1993 г.²⁸⁵ И продолжал возрастать все последующие годы.

В сельском хозяйстве Российской Федерации к 2003 г. сформировались три основные группы производителей:

— *Хозяйства населения — это около 16 млн семей, имеющих приусадебные участки средней площадью 0,4 га, и 19 млн коллективных и индивидуальных садово-огородных участков средним размером 0,09 га. Их вклад в производство сельскохозяйственной продукции 2002 г. — 53,8%.*

— Сельскохозяйственные организации (производственные кооперативы, акционерные общества, товарищества всех видов), среди которых 24,8 тыс. крупных и средних предприятий. В расчете на каждое из них приходится 6,4 тыс. га сельскохозяйственных угодий, 2,6 тыс. га посевов пашни, 600 голов крупного рогатого скота, 311 голов свиней, 167 овец и коз. Средняя

численность работников — 171 человек. Общий вклад в продовольственный баланс страны — 42,2%.

— Крестьянские (фермерские) хозяйства — эта категория производителей появилась в России в 1990-е гг. и за 1990–2002 гг. их количество увеличилось с 4,4 тыс. до 265,5 тыс. Площадь сельскохозяйственных угодий, находящихся в пользовании крестьянских хозяйств, возросла с 0,1 млн га до 15,6 млн га. Среднее фермерское хозяйство располагает 62 га земли. Фермерский сельскохозяйственный вклад — 4%²⁸⁶.

Формирование общенационального сельскохозяйственного продукта (за исключением зерновых культур) стало напрямую зависеть от его производства в личном подсобном хозяйстве, где труд ручной, тяжелый и в основном *женский*. Статистика 2003 г. свидетельствует о высокой доле женщин старших возрастов, которые именно и заняты в личных подсобных хозяйствах. По Всероссийской переписи 2002 г., среди сельского населения 18 425 тыс. мужчин и 20 286,7 тыс. женщин²⁸⁷, с явным преобладанием их в старших возрастах (почти вдвое)²⁸⁸, и именно женщины пенсионного и предпенсионного возраста сегодня полностью посвящают себя подсобному производству в деревенской экономике. Деревня стареет, и молодежь не видит для себя перспектив в работе с лопатой и вилами в коровнике и на ручной посадке картофеля. Получившие сельскохозяйственные профессии в вузах страны не находят применения своим знаниям при отсутствии крупных агропредприятий и объединений и предпочитают город, предоставляющий возможность работы ветеринаром в клинике, а не на ферме и т.п. Свыше 80% выпускников высших учебных заведений трудоустроиваются в городских учреждениях²⁸⁹. Но современная деревня не страдает от этого — ПОКА, поскольку применения им нет. Прежние советские причины отставания аграрного сектора: «тяжелые погодные условия», миграция молодежи в города и отсутствие помощи государства сельскому хозяйству²⁹⁰ — действуют и в российской современности. Но в современной России основное влияние на аграрный бюджет оказывает *личное (женское) подсобное хозяйство* (с приобщением к нему мужчин), и именно от него зависит продовольственное благополучие России. И перспектива здесь просматривается: надо поддержать *семейное хозяйство*, придать ему юридический статус, распространяющийся на всех членов семьи. Надо сделать его основным и единственным местом их работы, а для этого наделить всех участников семейного хозяйства социальными гарантиями, правом на получение пенсии. И, конечно, необходима *государственная протекционистская политика в аграрном секторе экономики*²⁹¹, возможность для людей объединяться в кооперативы различных профилей, уровней, направлений и безусловный приоритет мнения самих крестьян и крестьянок при любых аграрных нововведениях. Ведь сами они считают, что

«установить единый порядок землепользования для всех невозможно... Россия слишком большая аграрная страна»²⁹². *Только в таком случае деревня, сельская экономика действительно «поднимется с колен»*, как считает представитель власти, министр сельского хозяйства А. Гордеев. За 2001–2003 гг. потребительская кооперация только за счет организации малых производств и расширения сети бытового обслуживания создала 80 тыс. рабочих мест и привлекла к заготовке и переработке сельскохозяйственной продукции, откорму скота, приему и переработке молока 140 тыс. сельчан. В рамках потребкооперации действовало 25 тыс. предприятий сферы обслуживания. Из кооперативной казны ежегодно расходуется свыше 2 млрд руб. на социальную поддержку бедных слоев деревни. И это один из путей, чтобы вывезти «сельский воз бедности» России²⁹³.

Но в 2003 г. основная доля сельскохозяйственной продукции поступала от личного подсобного хозяйства (кроме зерновых) трудом женских рук. С учетом реальной оценки положения в аграрном секторе экономики главное внимание правительства нацелено на усиление финансирования российского производителя. Президент страны В.В. Путин назвал и фактические средства, направляемые на подъем отрасли в 2004 г.: 20 млрд руб. из государственного и 30 млрд из местных бюджетов, а также введение единого сельскохозяйственного налога.

Следует отметить, что в переходные периоды реформирования аграрного сектора экономики, а также в результате особенно неблагоприятных обстоятельств бюджет, складывающийся в результате сельскохозяйственного труда, становится «матриархальным». Взгляд крестьянок (фермерш или работниц ЛПХ) на развитие своего хозяйства — это переплетение традиционно-консервативных норм (бережливость, переделка и неоднократное использование как можно большего количества материалов, практицизм и т.д.) и современных более динамичных методов (калькуляция, бухгалтерский учет и гибкое реагирование на потребности рынка). Это нередко приводит к возникновению различных проблем и противоречий, которые женщины всячески стараются смягчить или уравновесить, что облегчается их опытом и знанием почти всех сфер трудового приложения в деревне.

Благодаря своим хозяйственным способностям сельянки осуществляют *реальную власть* и оказывают свое влияние на все, что происходит на ферме и в ЛПХ. Но эта власть никогда не проявляется открыто, чтобы не уязвить самолюбие мужа. Да и деревенская общественность не поддерживает столь сильное проявление эмансипации.

Семейное крестьянское хозяйство имеет разносторонний характер, и это способствует возможности его развертывания. В первую очередь это относится к женщинам, по традиции они

занимаются домом, ухаживают за детьми и в отличие от мужчин в принципе готовы «делать все, что придется».

Российские реформы ослабили практику традиционного разделения труда, в очередной раз вместо уменьшения увеличили ношу. А так как мужчины часто ищут работу в некрестьянской сфере, то переход к новым формам труда привел к заметной «феминизации» фермерских (и остающихся личных подсобных) хозяйств, и женщинам пришлось заняться новым для себя делом. Следует также отметить, что женщины все более умело обращаются с сельскохозяйственной техникой, имеющейся на ферме и в ЛПХ, несмотря на отсутствие специальной подготовки, и скорее рассчитанной на мужчин, и успешно справляются с современной организацией хозяйства.

Характер сельскохозяйственного производства требует постоянных перемен в трудовом ритме, меняются и взаимоотношения в деревне.

Сельские женщины больше заняты физическим, чем умственным, трудом, но новые формы ведения ЛПХ и налаживание фермерского хозяйства требуют немалого и умственного напряжения, обучения, специального чтения, консультаций со специалистами. Для них это постоянное движение от умственного и физического напряжения к отдыху, которого им крайне не хватает, а иногда он отсутствует, кроме нескольких часов сна, но тем не менее они расценивают свою деревенскую жизнь как преимущество по сравнению с жизнью обычных домохозяек и работниц промышленных предприятий. Кроме того, несмотря на большую трудовую нагрузку, они чувствуют себя независимыми и самостоятельными. Однако им крайне редко удается организовать свои многочисленные обязанности так, чтобы отдыхом компенсировать трудовые затраты. Очень часто работать им приходится допоздна. Статистика утверждает: рабочий день женщин больше рабочего дня мужчин, особенно на маленьких фермах и в ЛПХ. Высокие требования, которые женщины предъявляют к своей работоспособности, укорененные в результате их воспитания, и традиционная деревенская привычка постоянной занятости часто вступают в противоречие с их физическими возможностями²⁹⁴. Но менять новую деревенскую жизнь, где женщина почувствовала себя хозяйкой хорошо налаженного семейного, хотя и очень трудного, производства, она не согласна, даже по настоянию мужа.

Проработав год на семейной ферме по выращиванию телят в Московской области, мнения мужа и жены о дальнейшем ведении хозяйства разошлись: муж решил, что «у жены дома много дел. Дети растут, им мать нужна». Однако сама жена, глава семейного подряда Елена, с этим не согласна: «Конечно, я буду счастлива, если смогу больше времени проводить дома, с детьми. Смогу читать, вязать, сажать цветы — делать то, что я люблю... Хочется навести дома красоту и уют, печь

вкусные пироги, принимать гостей, самим ходить в гости. А так даже телевизор не смотрю, сяду и сразу же засыпаю. Вставать ведь приходится в 5 утра. И все-таки совсем бросить работу я не согласна. Неинтересно будет! Уверена — потянет к своим телочкам»²⁹⁵.

Чрезмерная загруженность женщин оставалась неоспоримым фактом и даже официально подтверждалась многочисленными научными социологическими обследованиями. Время, затрачиваемое женщиной на ведение домашнего хозяйства, примерно равно еще одной рабочей смене²⁹⁶. Сами женщины так оценивали свою роль в семейной жизни: «Я вам скажу: мы, женщины России, избаловали наших мужчин! Мы все берем на себя!»²⁹⁷.

«ХОЧЕТСЯ ДОМА НАВЕСТИ КРАСОТУ И УЮТ, ПЕЧЬ ВКУСНЫЕ ПИРОГИ, ПРИНИМАТЬ ГОСТЕЙ, САМИМ ХОДИТЬ В ГОСТИ»

Государство и общество традиционно возлагают на женщин выполнение требующих больших затрат времени рутинных, механических и считающихся «непродуктивными» функций, связанных с обслуживанием семьи²⁹⁸. Если бы работа женщин по дому и в семье рассматривалась в качестве одного из видов производственной деятельности, то общий объем производства, по данным ООН, увеличился бы на 25–30%²⁹⁹, хотя такая работа никак не оплачивается и считается, что эта женщина «не работает»³⁰⁰.

Участие сельских женщин в производственном процессе аграрных предприятий любого типа, помноженное на труд в личном подсобном хозяйстве, практически полностью взятый в их руки, и не сменяемая «вахта» по дому характерны для многих стран, в том числе для России. Этот общепризнанный факт — огромного и полностью не оцененного государством вклада крестьянок в национальный доход страны — неоднократно отмечался, и к нему привлекалось внимание мировой общественности. В декабре 1979 г. Генеральная Ассамблея ООН одобрила Конвенцию «О ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин»³⁰¹. СССР был в числе ее инициаторов и разработчиков и одним из первых подписал документ. В декабре 1980 г. Конвенция была ратифицирована Верховным Советом СССР³⁰². В сентябре 1981 г. она вступила в законную силу³⁰³. К 2000 г. к Конвенции присоединились 133 государства из 185 государств — членов ООН³⁰⁴. По числу участников это одна из самых многочисленных Конвенций, что свидетельствует о высоком признании мировым сообществом возрастающей роли женщин в современном мире. Факт огромного значения:

в этой Конвенции появилась специальная статья 14 о сельских женщинах. Документ международного уровня подчеркивал их «особую» и «значительную» роль в «обеспечении экономического благосостояния своих семей», в том числе в нетоварных отраслях хозяйства. Государства-участники обязывались принимать «все меры для ликвидации дискриминации в отношении женщин в сельских районах», обеспечив им право участвовать в разработке и осуществлении планов развития на всех уровнях, во всех видах коллективной деятельности, право на получение сельскохозяйственных кредитов и займов, «на равный статус в земельных и аграрных реформах», а также на доступ к медицинскому обслуживанию, программам социального страхования, всем видам образования, пользования «надлежащими условиями жизни, особенно жилищными условиями, санитарными услугами, электро- и водоснабжением, а также транспортом и средствами связи»³⁰⁵.

Для подавляющего числа сельских женщин, в том числе России, понятия «дискриминация» и «конвенция» были далеко за пределами их каждодневной жизни, но для тех очень немногих, которых они своими голосами на выборах делегировали в органы власти, это была возможность законного влияния на жизненную ситуацию каждой обратившейся к ним с просьбой или жалобой, и они руководствовались высокими международными документами для отстаивания прав простых крестьянок-соотечественниц. Женщины писали о своем «неравноправии с мужчинами», о том, что «отношение к мужчине и женщине должно быть на равных» и чтобы не было «отдельных социальных проблем для мужчин и женщин», и только тогда «будет социально равное общество»³⁰⁶. И в решении этих *государственных* проблем включались их избранницы. Женщины — депутаты Государственной Думы Российской Федерации доказывали, руководствуясь международной практикой, что, если во власти женщин менее 15%, социальные вопросы никогда не будут рассмотрены парламентом. Если женщин 20%, парламент уже начинает рассматривать не только социальные вопросы, но и программы, связанные с детьми. Когда число женщин доходит до 30%, поднимаются вопросы, связанные с проблемами дискриминации женщин. Примером могут служить страны Скандинавии, где 40–50% парламентариев и членов правительства — это женщины³⁰⁷. Как считает известная французская писательница и социолог Мишель Перро, при современной невозможности включения столь значимого числа женщин в политику опора должна быть сделана на активность, инициативу, деловые качества немногих вошедших во власть женщин. Россия *медленно* усваивает передовую практику.

Разделение труда по признаку пола и общественное восприятие социальной значимости труда мужчин и женщин привели к тому, что, несмотря на двойную трудовую нагрузку,

женщина не может рассчитывать на то, чтобы ее труд оценивался адекватно (ни в материальном, ни в социальном отношении). Труд домохозяйки просто не считается трудом. А так как понятие «домохозяйн» не существует, значит, всем этим «невидимым», неучтенным трудом занимаются женщины.

Фактическое разделение обязанностей между мужчинами и женщинами по воспитанию детей и бытовому обслуживанию семьи не противоречит представлениям россиян о значимости оплачиваемой работы для женщин. Несмотря на то, что заработок статистически средней российской жены, как правило, все-таки сопоставим с заработком статистически среднего русского мужа, домашнее хозяйство и воспитание детей (особенно маленьких) все-таки считается женским делом вне зависимости от того, работает жена или нет. По данным социологических опросов, профессионально занятая женщина-мать тратит в среднем на домашнее хозяйство и воспитание детей в два раза больше времени, чем ее муж. При этом в общественном сознании укоренилась мысль, что разделение домашнего труда — это проблема семьи и в конечном счете личное дело женщины³⁰⁸.

Более того, существующие социологические и психологические исследования подтверждают тезис о том, что женатые мужчины используют неучтенный труд жены для более эффективного продвижения по службе, высвобождая для этого время путем перекалывания домашней работы на жену³⁰⁹.

Известная феминистка Ш.П. Гилман писала: «Человеческая мать работает гораздо напряженней, чем лошадь, трудясь всю жизнь в услужении не только своих детей, но и у мужчин: мужей, братьев, отцов, всех своих родственников мужского пола; на мать и сестру она тоже работает; немного на церковь, если ей это позволено; на общество — если может; также работает на поприще благотворительности, образования и перевоспитания, — таким образом, она трудится во многих областях, которые не связаны с материнством.

Но материнство не дает женщине присесть от рассвета до заката, она не только должна ухаживать за детьми, но и выполнять всю работу по дому. Рабочий день женщины и дольше, и тяжелее, чем у большинства мужчин»³¹⁰. Женщины мирились и не мирились с зависимым от дома положением, но протест в основном был скрытым либо выливался в раздражение в спорах о ведении хозяйства и возможностях привлечения к нему мужа. Обычно все заканчивалось некоторыми уступками со стороны мужчины (как правило, временными), конфликт затихал и семейная жизнь продолжалась с тем же разделением долей участия в домашних и хозяйственных делах, т.е. по-прежнему... Однако смена поколений приносила и новые взгляды на семью, личность, карьеру, воспитание детей и независимость от мужа. Это существенно отличало современных крестьянок от их матерей и бабушек.

Статус мужчины в представлении многих женщин, особенно старшего поколения был выше. Это относилось и к производству, и к личным качествам, и к характеру. «Бабушка моя работала всю жизнь. Не было тогда, как известно, ни декретных, вот этих, ни отпусков по больному ребенку. Она вынуждена была вот так круглосуточно работать в этой своей шахте, у нее было двое маленьких детей... Моя бабушка всегда была лидером так же, как почти все ее сестры. Очень активная женщина, которая привыкла принимать решения сама. С другой стороны, она всегда была уверена в том, что мужчина лучше женщины, и всегда говорила: вот мужчина — у него ум, ну, это мужчина» (Н.С.)³¹¹. Надо отметить, что сами мужчины тем более однозначно оценивали свою значимость несопоставимо выше женщин. Это фиксирует и бытовой уровень общения, и социологические исследования, и сельская жизнь. Рассказывая о себе как о «последнем из коренных жителей деревни» Вологодской области, один из деревенских мужчин 1915 года рождения на вопрос социологов о троих односельчанках-женщинах, также живущих в этой деревне, ответил так: «Женщины не в счет» — и это, несмотря на то, что одна из них приходилась ему родной сестрой³¹².

Традиционный взгляд на мужа, семью постепенно уступал место более свободному трактованию своих прав и обязанностей в совместной жизни. Но это не относилось к распределению семейных обязанностей, которое остается неравномерным, и большинство видов работ по-старому выполняет женщина. Прежде всего это приготовление пищи, мытье посуды, уборка квартиры, в том числе мытье полов, стирка белья и т.п. Одним из трудоемких домашних трудовых приложений в деревне являлось мытье полов, всегда только руками, а в некоторых местностях, если полы не были покрашены, их еще и скребли ножом, если, конечно, они не были земляными, как, например, в некоторых деревнях Тамбовской области даже в 1960-е гг. Полы затем обязательно застилались домоткаными, обычно выстиранными на реке, половиками.

Стирка велась также вручную в корыте на металлической доске. Глажение белья, как правило, проводилось «рубелем», а для платья и кофточки имелся утюг на углях, пользоваться которым было крайне трудно из-за его громоздкости и возможного попадания на одежду золы. Пользовались и чугунными тяжелыми утюгами, которые грели на печи, но они быстро остывали, и процесс глажения растягивался надолго. Правда, с появлением электрических утюгов деревня быстро к ним приобщилась, но они долгое время являлись дефицитным товаром даже в городе, и в 1960-е гг. во многих деревнях гладили еще по старинке.

Как правило, мнения жены и мужа о распределении между ними хозяйственно-бытовых нагрузок не совпадают. Мужчины

обычно склонны завышать свою роль в выполнении семейных обязанностей. Исключение составляют лишь покупка предметов домашнего обихода, починка бытовых приборов, занятия с детьми³¹³. Несмотря на то, что призывы к справедливому распределению домашнего труда не сходят со страниц прессы, нет оснований утверждать, что профессиональный труд женщин приводит к значительному сокращению домашнего труда в бюджете их времени.

Труд по хозяйству в деревне значительно шире и труднее, чем в городе. В деревне основная работа по дому: стирка, покупка товаров, работа по кухне, уход за детьми — закреплена за женщинами. Это подтверждают бюджеты времени. В среднем в рабочий день мужчины заняты домашней работой не более получаса, тогда как женщины — от 3 до 5 часов, в основном стиркой и на кухне. Максимальная загруженность у женщин старших возрастов и у тех, кто не имел возможности воспользоваться услугами бытового обслуживания и торговой сетью, особенно если приходилось выпекать хлеб в домашних условиях³¹⁴. Мужчины на словах с пониманием относились к сильной загруженности жены: «Женщина в хозяйстве вообще-то больше трудится, чем мужчина. Вот я гляжу на нее, на Ньюру-то, на жену. Встает она раньше меня и ложится позже меня. То то надо, то другое. Вот нынче стирала. Вчера — баню топила». Оправдывалось это традиционным разделением труда в деревне: «А в отцовской семье тоже так же. Отец — шорничал. А на матери — вся скотина и весь дом»³¹⁵. Однако в «прошлые времена» мать не работала в колхозе или совхозе, а только вела дом и хозяйство, и такое непересмотренное понимание роли женщины в семье было легальным и удобным предлогом для оправдания «раньше ложиться спать и позже вставать», чем собственная жена. Понимание трудностей не порождало желания разделить их, и жизнь продолжалась по-прежнему.

Дефицит мужчин в деревне и желание создать семью создавали ситуацию усиленного внимания к ним и порождали снисходительное отношение к их «слабостям». Причиной тому была Великая Отечественная война, принесшая огромные потери и хозяйственную разруху. Пришедшая Победа вселяла оптимизм счастливой мирной жизни, и тяжелые трудовые будни казались праздником по сравнению с военным лихолетьем. Женщины, пережившие эти суровые годы, мечтали «жить сто лет по меньшей мере, чтобы увидеть то прекрасное будущее, которое нас ожидает. Война научила нас по-особенному ценить жизнь, любить ее, видеть в ней красоту»³¹⁶. Мечтали иметь семью и свой дом.

Разоренная и разрушенная во время войны деревня очень медленно, но восстанавливалась. Переезжали из землянок во вновь отстроенные дома, подводили электричество и радио, налаживали долгожданную мирную жизнь. Помогали деревен-

ским жителям колхозы и совхозы. Но восстановительная пятилетка растянулась на долгие годы.

Финансовая нестабильность колхозов и совхозов не позволяла им в достаточных объемах вести жилищное строительство. Дефицит средств заставлял хозяйства концентрировать материальные ресурсы на производственные объекты. Колхозы и совхозы выделяли часть средств на строительство жилья для своих работников, но кардинально решить проблему не удалось. А это, в свою очередь, являлось одной из важных причин, побуждавших семьи к перемене места жительства.

Строительный «бум» и в городе и в деревне пришелся на конец 1950-х — 1960-е гг. За 1960-е гг. в сельской местности России было построено жилых домов полезной площадью 180,2 млн кв. м, за 1970-е гг. — 144,8 млн кв. м, за 1980-е гг. — 165,7 млн кв. м. За эти годы значительно возросло участие государства в сельском строительстве: если в 1960-е гг. государственные и кооперативные предприятия и организации строили менее 40%, то в 1970-е гг. — 55%, в 1980-е гг. — 63%³¹⁷. И тем не менее на одного жителя села строилось в 1,4–1,6 раза меньше жилья, чем в городе. Городское жилье стало полностью благоустроенным. В нем предусматривались все инженерные коммуникации. Уходило в прошлое, когда в городах носили воду в ведрах из коммунальных колодцев или «колонок», а горячая вода в городской квартире была редкостью. В 1950-е гг. две трети городских семей пользовались «колонками», а горячей водой в домах было обеспечено менее 3% населения (даже в г. Москве лишь 10% квартир в середине 1950-х гг. имели горячую воду). Городское строительство быстро набирало темпы, в сельской же местности, где стандарты были ниже и примитивнее, дом с водопроводом оставался крайней редкостью³¹⁸.

Объемы строительства в различных областях и автономиях резко отличались. Если в Ленинградской области в год строилось в среднем 26 квартир на один совхоз, то в Омской — 24, Новгородской — 12, Брянской, Рязанской областях и Чувашии — по 7, Калужской области — 5 на одно хозяйство³¹⁹.

Тяжелое экономическое положение значительного числа колхозов страны лишало их возможности решать социальные проблемы, заниматься строительством жилья, объектов культуры и быта. В 1984 г. в СССР 2973 колхоза, или 11% их общего количества, закончили год с убытком на сумму 718 млн руб. (в 1983 г. было 1975 убыточных колхозов)³²⁰. Пятая часть таких хозяйств приходилась на Российскую Федерацию. В этих и многих других колхозах, как правило, крестьяне могли рассчитывать только на собственные средства и силы.

Используя государственные кредиты, жители деревни в 1960-е гг. построили пятую часть жилья, в 1970–1980-е гг. — седьмую часть. Жители колхозов в 1960-е гг. отстроили 40% жилья, в 1970-е гг. — треть, в 1980-е гг. — четверть³²¹. Дома

усадебного типа составляли 80% вновь вводимой в селах жилой площади³²².

Отметим, что сельские жители предпочитали жить в собственном доме. Социологические обследования подтверждали это: среди опрошенных в 1980 г. сельских жителей Брянской области 12% высказались за многоквартирный дом городского типа с огородом за селом. 17,7% назвали двухквартирный колхозный или совхозный дом городского типа с отдельными выходами, участками при доме и сараями. 8,7% — одноквартирный совхозный или колхозный дом усадебного типа, но старый, без городских удобств. *А большинство — 59,3% — предпочитали все же собственный дом усадебного типа с участком и сараями.*

В зависимости от возраста, рода занятий, образования, квалификации, размера заработной платы желания людей оказываются различными.

Половина молодых людей — до 25 лет — предпочитали жить в многоквартирном доме городского типа с огородами за селом. В более старших возрастных группах предпочтение резко менялось в сторону собственного дома усадебного типа с участком и хозяйственными постройками. В возрастной группе 25—29 лет только 24% высказывались за многоквартирный дом, а 44% — за собственный. Из тех, кому от 50 до 54 лет, жить в многоквартирном доме городского типа предпочли бы только 9%, но собственный дом усадебного типа привлекал 77% опрошенных.

Отношение сельских тружеников к тому или иному виду жилья зависит и от уровня их образования. Среди людей с начальным образованием 77% стремились жить в собственном доме с участком и хозяйственными постройками. А из сельчан, имеющих высшее образование, такое желание высказал лишь каждый третий, но при этом за многоквартирный дом «проголосовали» лишь 12% опрошенных. Большинство сельских жителей были против «многоэтажек». Но больше всего людей с высшим образованием (38,3%) выбирало двухквартирный дом городского типа — прежде всего потому, что он колхозный или совхозный.

Чем выше заработная плата, тем меньше сельские жители отдавали предпочтение жизни в собственном доме с приусадебным участком и хозяйственными постройками, и больше было желающих жить в колхозном или совхозном доме городского типа, рассчитанном на две семьи.

Люди молодого возраста с более высоким образованием и квалификацией, с большей зарплатой предпочитали жить в совхозном или колхозном доме. И потому, что не были расположены тратить время, силы или средства на строительство собственного дома, и потому, что сознавали свое право — право наиболее квалифицированных, необходимых производству ра-

ботников — на государственную или колхозную жилплощадь³²³. Проводимые социологические исследования сельской жизни и деревенских приоритетов выявляли однозначную картину: большинство крестьян связывали свою семейную жизнь в родных местах с собственным домом³²⁴.

В деревне достаточно часто жители строили дома на свои сбережения. Прибегали и к государственным кредитам. Иметь свой собственный дом считалось престижно. Это говорило о достатке и благополучии семьи. Кроме того, при строительстве можно было по своему усмотрению распланировать жилые и подсобные помещения, использовать понравившиеся материалы и оборудование. Как правило, для возведения дома нанимались бригады плотников, столяров и других рабочих. Принимали участие в строительстве и сами будущие новоселы и их родственники.

Для улучшения жилищных условий многие сельские женщины пользовались правом написать в вышестоящие организации и «пожаловаться» на несправедливое к своей семье отношение. Пространно и обстоятельно излагалась «критическая ситуация». В письмах-жалобах-просьбах, как правило, анализировалась не только личная проблема, но она сопоставлялась с окружающим сельским миром. Спецификой деревенских писем является обращение к примерам соседей, сослуживцев, знакомых. При изолированной городской жизни трудно узнать подробности чужого дома. В условиях села, где все про всех знают, привлечь чужие проблемы для сопоставления казалось нелишним. Именно они оттеняли и улучшали с точки зрения писавшего собственные просьбы и справедливые жалобы. Наиболее весомым, серьезным и действенным было обращение в партийные органы. Отчаявшись найти справедливость у непосредственного начальства, обращались к «суду» партии. Из дер. Куркино Вологодской области обиженная несправедливым решением жилищного вопроса З.И. Кулиничева в марте 1988 г. в «условиях перестройки и гласности» обратилась к районному партактиву с заявлением: «Я, Кулиничева З.И., проживаю в пос. Куркино и работаю дояркой, работаю в Куркино с детства, а жилья хорошего получить не могу. Вот я, неграмотная женщина, да и то понимаю, что с таким решением и подходом к человеку далеко не уедешь. Вот вам и человеческий фактор. Где условия мне нормально работать? Я мать-одиночка, на руках двое детей, нужно дрова заготавливать, а как мне, когда дети еще малы. А ведь и нам хочется пожить по-человечески. Вот я и думаю: почему? Где справедливость? А вот другие...» Далее шел подробный перечень незаслуженно получивших в пос. Куркино квартиры, включая «осужденных за воровство, пьяниц». В ситуации разбирался инструктор Вологодского райкома партии, и уже через две недели после проведенной проверки указанных фактов несправедливости

были подготовлены отчет и письмо для тов. З.И. Кулиничевой. Вся проблема ее состояла лишь в том, что, проживая действительно в поселке с самого детства, она не знала и не предполагала, что существовала очередь на получение жилья, которая учитывает срок подачи заявления, а не прожитые годы в одном поселке и тяжелый ручной труд на ферме. Последовала «беседа», а квартиру пришлось ждать не один год, поскольку по порядку «очередности» ее семья была 96³²⁵.

Деревня росла и благоустраивалась и «держала равнение» на город, но, рассуждая по-хозяйски, стремилась иметь *свое* собственное жилье — частный дом. Никакие государственные решения и аграрные эксперименты не меняли мнение крестьянина: дом должен быть «частный». Так считало большинство деревни и осуществляло свою «мечту» в жизнь. В Новосибирской области 74% обследованных семей занимали отдельный дом либо половину дома, при этом 51% семей жили в собственном доме³²⁶.

Быстрое и кардинальное решение сельского жилищного вопроса за счет строительства городских многоэтажных домов, развернувшееся в 1960–1970-е гг., оказалось крайне неудачным, так как не учитывалась такая важнейшая часть сельского быта, как подсобное хозяйство. При сооружении больших жилых домов приусадебные участки оказались далеко от жилья, возникали трудности с содержанием скота и птицы, с недостатком надворных построек и т.п. В результате возникало противоречие между распространением бытовых удобств и интересами личного подсобного хозяйства, которое оседлый сельский житель решал в пользу последнего. Кроме того, «одиночное» строительство единственного дома среди сельского ландшафта превращало в трудноразрешимую, а иногда и вовсе неразрешимую, проблему подведения положенных ему коммунальных удобств: газа, воды, канализации. Из Тамбовской области жители написали в «Крестьянку»: «Мечтаем мы не о полетах на соседние галактики, а о том, что входит в понятие так называемых бытовых удобств. Например, о бесперебойном снабжении нашего дома электричеством со стабильным напряжением, чтобы можно было пользоваться холодильником и телевизором.

Долго мечтали мы и о воде на всех пяти этажах нашего дома. Появляется она в водопроводе, словно ясное солнышко в пасмурную погоду: блеснет и исчезнет. И снова идем мы с ведрами к колодцу, а он за полкилометра. А в 1978 году чуть не сбывлась наша мечта о газификации дома. Всю зиму и стар и млад прыгали через снежно-бетонно-асфальтовые торосы, счастливые от сознания того, что этот сложнопересеченный ландшафт принесет им двойную пользу: во-первых, весной они получают газ, во-вторых, за зиму хорошо подкуют себя для сдачи норм ГТО в прыжках в длину и высоту. А весной траншеи

зарыли. Оказывается, прошлым летом была допущена ошибка — газификации дом № 5 пока не подлежит. И снова перешли мы на испытанные агрегаты — примусы и керосинки, мечтая о том времени, когда можно будет быстро готовить вкусную и здоровую пищу»³²⁷. И это еще раз убеждало крестьян, что непродуманное строительство приносит больше проблем, чем их решение, и вновь склонялись к жизни в своем собственном доме, где по возможности, в том числе и материальной, обустроивали свой быт.

По данным обследования 1986—1987 гг., хотя большинство молодых сельских семей в Удмуртии жили в отдельной квартире, предоставленной государством или колхозом, большинство предпочли бы «частный» дом с приусадебным участком. Даже если подсобное хозяйство расположено недалеко от дома, в многоэтажном жилом доме хотели бы жить только 10% опрошенных, а коммунальные удобства без подсобного хозяйства оказались главным в решении выбора жилья лишь для 1%. Сельские жители традиционно привязаны к простым деревенским заботам, среди которых и трудная — ведение подсобного хозяйства. Вместе с тем жилищные условия не устраивали около половины жителей удмуртской деревни и служили одной из главных причин миграции. Свыше 32% намеревавшихся уехать из деревни отметили в качестве основного мотива отъезда желание улучшить свои жилищные условия³²⁸. Вот поэтому в лучших хозяйствах жилищный вопрос решался в первую очередь, и председатели ставили его на первое место в перспективах развития колхоза или совхоза.

«Все больше, — говорила председатель знаменитого костромского колхоза П.А. Малинина, — празднуют новоселье у нас по деревням. Колхозы помогают застройщикам ссудой и материалами. Это очень хорошо. Но пора, думаю, взяться и за кооперативное строительство домов на селе. В таких домах будут все городские удобства. А появятся у наших парней хорошие квартиры, верьте, не потянет их в город, и девушек наших не станут уводить. В своем селе, где родились, где выкормлены, будут свадьбы играть»³²⁹. Радикальные экономические реформы уравнивали «сильных» и «слабых» и, разделив хозяйство по частям и долям, оказалось, что заботиться о своих крестьянах больше некому, они стали чужими на своей земле. Убыточность почти половины сельскохозяйственных предприятий, дефицит региональных и местных бюджетов, отсутствие государственной поддержки повлекли резкое сокращение объемов строительства социального назначения, прежде всего жилья. Эти инвестиции за 1990-е гг. снизились в 14 раз. Их объем в расчете на одного деревенского жителя оказался в 5 раз меньше, чем в среднем на одного жителя России (в 1990 г. эти расходы достигали 80%). Ежегодно снижался ввод жилья в сельской местности, в сравнении с первой половиной 1990-х гг.

сокращение в 3,5 раза³³⁰. Социальные программы XXI в. строились с финансовой опорой не на федеральный (11%), а на региональный (89%) и без того дефицитный бюджет³³¹, что предопределяло дальнейшее запустение значительной части сел и деревень.

Благоустройство жилья в сельской местности намного отставало от городского. Сельское население, как правило, проживало в собственных неблагоустроенных домах, построенных и ремонтируемых за счет своих сбережений. В частном секторе бытовые удобства часто и не предусматривались. Даже в многоквартирных домах нередко отсутствовали центральное отопление, водопровод, канализация. Обобщественной жилой площади в 1974 г. в среднем на одного сельского жителя Нечерноземной полосы (включая семьи работников промышленности, здравоохранения, просвещения и торговли) приходилось по 2,3 кв. м, при этом в Брянской, Орловской и Горьковской областях, Чувашской АССР и Мордовской АССР — до 1,2 кв. м. В то же время только четвертая его часть была оборудована водопроводом, канализацией и центральным отоплением, а в Архангельской, Вологодской, Костромской, Пермской областях, в Коми АССР и Карельской АССР — 8–10%³³².

В 1977 г. в Новосибирской области из числа семей, имевших свой дом, 70% не имели в нем никаких удобств, кроме электричества и радио³³³. В Ярославской области на селе было газифицировано 70% жилья³³⁴. В Брянской области в 1980 г. электричеством были обеспечены практически все жилища, газом (в основном баллонным) — почти 74%, горячей водой — около 6,5% (главным образом в многоквартирных домах), паровым отоплением — 18%, ваннами — около 10%, канализацией — 10%, водопроводом — 19%³³⁵. Существенно отставал Европейский Север: в 1980 г. лишь половина колхозных семей пользовались газом, а городские коммунальные удобства деревне Архангельской и Вологодской области были неизвестны³³⁶.

Статистика зафиксировала: к концу 1970-х гг. инженерные системы (центральное отопление, водопровод, канализация) были лишь в 20–30% сельских домов России³³⁷. К концу 1980-х гг. почти половина жилищного фонда села России была обеспечена водопроводом, треть центральным отоплением и канализацией. Горячим водоснабжением обеспечивалась шестая часть. Газ был проведен в 80% сельских домов. Сравнение этих данных с числом благоустроенных поселков оказалось таково: лишь 13% сельских населенных пунктов России пользовались водопроводом, менее 3% канализацией, 58% — газом. В разбросанных по России деревнях только в новостройках предусматривались коммунальные удобства. Для ранее построенных обычных деревенских домов эти нововведения оставались редкостью и в 1980-е, и в 1990-е гг.³³⁸

Развернувшееся строительство в сельской местности, особенно вблизи областных центров, улучшало общую коммуникационную картину новой русской деревни. К 2001 г. уже 40% домов, расположенных в сельской местности, пользовались водопроводом и центральным отоплением, треть канализацией, четверть ванными, а в каждом пятом статистическом доме — горячим водоснабжением. Большинство сельских жителей смогли подключиться к газовой магистрали (или покупали газовые баллоны), а 3% приобрели напольные электроплиты. Однако эти показатели говорят об улучшении уровня жизни части горожан и сельских жителей, которые смогли позволить себе добротный дом со всеми коммунальными удобствами, где они проживали с семьей, не имея, как правило, отношения ни к сельскохозяйственному производству данного района, ни вообще к аграрному сектору и обладая жильем еще и в городе. Подавляющее население деревни жило по старинке, и, как свидетельствует государственная статистика России, даже к 2001 г. менее трети сельских населенных пунктов пользовались водопроводом и 4% канализацией, что можно считать прогрессом лишь по сравнению с 1970 г., когда 0,2% сел и деревень знали такое удобство, как канализация, и 2% — водопровод³³⁹. Неблагополучное санитарное состояние жилья нередко способствует распространению инфекций. На начало 1988 г. отсутствовали центральное водоснабжение в 23 городах с населением более 200 тыс. человек и в 606 поселках городского типа, централизованный отвод сточных вод — в 310 городах с общей численностью населения свыше 4 млн человек и 1930 поселках. В связи с этим неудивительно, что две трети от общего числа заболеваний острыми кишечными инфекциями зарегистрировано у детей в возрасте от 15 лет³⁴⁰. Через десять лет, к 1997 г., положение обострилось: каждая пятая проба воды не отвечала гигиеническим требованиям по санитарно-химическим показателям и каждая десятая — по микробиологическим. Свыше половины коммунальных и четверть ведомственных водопроводов не имели полного комплекса очистных сооружений, каждый шестой не имел обеззараживающей установки. В 1991 г. было зарегистрировано 9 вспышек и 870 пострадавших от кишечных заболеваний, в 1996 г. — 22 и 2,5 тыс., в 1997 г. — 14 вспышек и 1,1 тыс. заболевших инфекционными заболеваниями³⁴¹. По данным Всемирной организации здравоохранения, до 80% всех заболеваний обусловлено потреблением загрязненной воды. В 2000 г. около 40% городских водопроводных сетей находились в аварийном состоянии. В сельской местности около 63% водопроводов не отвечали гигиеническим требованиям, половина их не имела не только санитарной зоны, но и элементарных очистительных комплексов³⁴². По данным средств массовой информации, в 2003 г. треть сельского населения потребляла некачественную воду.

Для большинства простых жителей обычная деревенская жизнь была связана со всеми трудностями сельского быта.

В частном доме отопление было, как правило, печное. Агроном из колхоза «Память Калинина» Осинского района Пермской области писала в «Сельскую новь»: «Грязи в сельской работе больше, рабочий день длиннее, зачастую люди трудятся без выходных. А чтобы помыться, постирать — надо затопить баню, нанести и нагреть воды. А еще личное хозяйство — огород, заготовка сена на зиму для своей коровы... Когда и как все это успеть? Ведь если летом к 12 часам ночи “отробишься”, так это хорошо, зачастую работа заканчивается еще позже, а в 6 утра вскакиваешь с одной мыслью: “Ой, проспала”... Считаю, что в деревне нужно обязательно строить только благоустроенное жилье, оно здесь более необходимо, чем в городе... Нам нужны дома с центральным отоплением, с горячей водой, с теплыми туалетами, наконец! Часто приходится читать, что в сельской местности большой процент женщин с гинекологическими заболеваниями. Главное, чтобы в любое время, возвращаясь с работы, сельский житель приходил в теплый дом. Одно это условие наполовину решит проблемы сельского быта»³⁴³.

Тяжелая работа по обеспечению дома топливом и водой оставалась реальностью до конца 1990-х гг. Обследование, проведенное в Новгородской области в 1970-е гг., показало, что в среднем каждая семья тратила от 12 до 14 часов в неделю, чтобы приносить в дом воду, и почти все свободное время в течение двух месяцев семейство отдавало заготовке дров на зиму³⁴⁴. Не считая стирку, хозяйке требовалось 10-12 ведер воды ежедневно, и, если колодец был около дома, это облегчало задачу, но иногда приходилось ходить за водой много дальше³⁴⁵.

Неудивительно, что городские жительницы имеют преимущество перед сельскими: в список работ, которые распределяются между членами их семьи, обычно не входят такие, например, как доставка воды, топка печи, уборка двора, уход за скотом, работа в огороде и др. Во многих же сельских семьях без выполнения таких работ обойтись невозможно.

«В частном доме — никаких удобств. Все делаешь своим трудом, своими руками, — писала в журнал «Сельская новь» Н.К. Ахлюстина из Челябинской области, — вот и завидуешь городским: отработали на производстве, пришли домой, в квартиру, а там тепло, светло, вода горячая, холодная, газ. А в частном доме — придешь после работы и начинается: чистишь в печке, если топишь углем — каждый день, наносишь дров, угля, да когда еще нагреется, ужин сваришь — еще полсмены пройдет»³⁴⁶.

Понятно, что сельские женщины тратили значительно больше времени на быт, чем городские. На приготовление обеда, например, в будние дни у работницы промышленности в сред-

нем уходил 1 час 13 минут, у колхозницы — более 1,5 часа. Соответственно у них меньше свободного времени. В рабочие дни его оставалось всего 1 час 57 минут, в выходные — 4 часа 54 минуты (у рабочих и служащих промышленности — 3 часа 13 минут и 6 часов 18 минут, что также мало, но давало некоторую возможность почитать, сходить в кино, в гости немного чаще)³⁴⁷.

Для городского жителя радио — один из источников получения информации, спутник отдыха. Для деревни — это часто единственная возможность узнать новости, для стариков — просто не чувствовать себя одинокими в пустом доме.

На 1 января 1954 г. в Красноярском крае было радиофицировано 36% колхозов, 70% МТС и 85% совхозов. Только четверть колхозных домов имели радиотрансляционные точки³⁴⁸. В Пензенской области в конце 1950-х гг. 700 населенных пунктов, не считая поселков, имевших менее 30 дворов, не были радиофицированы³⁴⁹. В последующие десятилетия работы по радиофикации села шли активно. Но нередко радио молчало. В 1970 г. радиотрансляция не была проведена в шестую часть сел и деревень Нечерноземья³⁵⁰. Из села Лубянцы Большемурашкинского района Горьковской области жители писали в «Крестьянку»: «Не работает радио: столбы очень ветхие, и радиофикаторы ждут того времени, когда они упадут, чтобы заменить новыми». Обращение в СМИ принесло ожидаемый результат: в декабре 1974 г. все радиофикационные работы были закончены, и радио заговорило во всех населенных пунктах района³⁵¹.

В последующие годы проблемы радиофикации успешно решались, но и в 1970-е и в 1980-е гг. были села, оставшиеся «без радионовостей». Из деревни Золотово Кимрского района Калининской области жители писали в «Сельскую жизнь»: «У нас радио то молчит, то хрипит, то шелкает, словно дятел по иссохшему дереву. А недавно вовсе отключили. Говорили, надо с десятков столбов, неужели поэтому лишать людей возможности знать, как живет страна, возможности отдохнуть в свободное время»³⁵².

Привыкшие ко всему деревенские жители мирились со всеми трудностями. Но «большой бедой» для села было отсутствие света. В начале 1950-х гг. в Орловской области лишь 9% колхозов были электрифицированы³⁵³. В Псковской области в 1953 г. из 866 сельскохозяйственных артелей пользовались электричеством 39, которые обслуживались 22 межколхозными и колхозными электростанциями общей мощностью 670 квт³⁵⁴. В 1959 г. в Пензенской области было электрифицировано лишь 26% крестьянских дворов³⁵⁵.

В середине 1960-х гг. в колхозах Псковской области около 70% сельского населения не имели в домах электрического освещения и пользовались керосиновыми лампами, нередко

без ламповых стекол³⁵⁶. Такая жизнь не устраивала. Письмо от жителей деревни Русская Лашма Ковылкинского района Мордовии в «Сельскую жизнь»: «В 1965 г. к нам в село приехали электромонтажники, поставили столбы, сделали проводку, обещали подключить к линии электропередач к 7 ноября 1965 г. Прошло много праздников, но до сих пор в домах горят керосиновые лампы. Мы просим ускорить осуществление нашей надежды — жить, как все соседние села, и смотреть телепередачи, пользоваться электроприборами»³⁵⁷.

В 1970 г. около 12% деревень Нечерноземья не имели электричества. В совхозах Министерства сельского хозяйства страны 24% совхозных поселков не пользовались электроэнергией³⁵⁸. Но жили в этих затерявшихся русских деревнях одинокие старушки, привычкой трудиться от темна до темна давшие возможность выстоять в тяжелые годы Великой Отечественной войны и послевоенной разрухи и голода. Они посвятили себя деревне и, состарившись, хотели быть вместе, как во времена своей молодости, «посидеть» в доме среди своих ровесниц, поговорить или помолчать и вместе помолиться. В деревнях с разрушенными храмами такая возможность была лишь в избе с чудом сохранившимися многочисленными иконами и церковными книгами, которые оберегали, не давая провести электричество в свой дом. Архаичность мышления невозможно было никакими доводами поколебать. Московские социологи так и не смогли убедить одну из владелиц собрания икон из деревни Вологодской области в безопасности электрического света и привозили ей из районного центра дефицитные стекла для керосиновой лампы³⁵⁹.

Электрификация охватила в последующие годы все большее число сел, но оставались и деревни без света.

Из села Иловай-Дмитриевское Тамбовской области крестьяне писали: «По вечерам лампочки у нас горят то нормально, то еле теплятся. Мы не специалисты и не знаем, почему электросвет у нас такой болезненный. Но думаем, что виноват во всем столб, который давно перестал служить опорой проводам и лег на них всей своей тяжестью.

Много раз сообщали мы об этом руководителям электросети. Опасаемся, говорим, ведь вокруг дети играют, да и взрослые могут пострадать, если он упасть надумает. Долго они не внимали нашим словам. А потом приняли меры: сейчас к столбу привязаны четыре полновесных кирпича...»³⁶⁰. Колхозники рассчитывали на обустройство жизни в своих деревнях, правительство планировало благоустраивать лишь перспективные с государственной точки зрения. А жители неперспективных сел поехали в город или покорять Сибирь и Север.

Неизменное место встречи селян — у колодца. Для деревни, где мир общения довольно ограничен, это возможность обмена новостями, которые разлетались затем по всему селу. Даже

имевшие в доме водопровод предпочитали брать воду на чай из колодца или родника, а заодно и пообщаться. Но обеспечение коммунальными удобствами на селе было минимально, и селяне ходили за водой с ведрами на коромысле за несколько километров.

Жители сельской местности годами и терпеливо ждали «открытия» водопровода в своих деревнях и поселках, но прежде всего они заботились, чтобы в их населенном пункте было нормальное и не многокилометровое по несколько раз в день хождение за водой, которую они вынуждены были брать из реки. Помимо расстояния, их еще заботило и качество питьевой воды. Из поселка Гремячий Сямженского района Вологодской области в 1967 г. жители писали председателю Вологодского облисполкома: «Обращаемся к Вам с просьбой, чтобы Вы оказали нам содействие в бурении артезианской скважины в нашем поселке. Наш поселок расположен от реки на расстоянии до 500 метров, вода для питания берется из реки. Зимой 1967 г., в январе—феврале, у нас вспыхнула эпидемия дизентерии, и около 60 человек были помещены в больницу. Буровые работы по бурению скважины идут в соседнем колхозе. Просим Вас дать указание о бурении скважины»³⁶¹.

Местное начальство внимало просьбам односельчан, и работы по бурению скважин велись. Иногда этим и ограничивалось. Тогда на помощь приходили местные «изобретатели». Жители поселка Шейбухта Междуреченского района Вологодской области применили «рационализаторские» способности: воду брали непосредственно из скважины, поскольку водопроводные трубы строители «забыли» смонтировать, и осуществляли доставку на тракторах, автомашинах, планируя привлечь для этих целей и зерноуборочные комбайны³⁶².

Все трудности сельской жизни сглаживаются, если семья имеет *свой дом* и женщина в нем *хозяйка*. В числе трудных и разрешаемых в первую очередь проблем женщины всегда ставят жилищную. Это одна из четырех самых острых жизненных проблем, согласно социологическим обследованиям. Из общего числа опрошенных в 1990 г. женщин 78% проживали в отдельных квартирах или собственных домах, из них 74% горожанок и 88% сельских женщин. Значительное число женщин (13,5%) жили в коммунальных квартирах, 5% — в общежитиях и более 3% — снимали жилье.

Неустроенность с жильем женщины ставили на четвертое место из наиболее сложных проблем в их жизни после трудностей в приобретении продуктов питания, бытовой загруженности и материального достатка. Из общего числа опрошенных женщин 16,5% назвали ее в числе первых, а среди одиноких и проживающих с другими родственниками этот показатель был выше — до 23%. Причем самым тяжелым в жизни для 24% женщин, имеющих детей до 7 лет, и почти для 17% женщин,

**Вид жилья и совместное проживание женщин с членами семьи
(в % к числу опрошенных женщин):**

	Проживают				
	с мужем и детьми, с мужем, детьми и внуками	с мужем	с детьми	с роди- телями	одни
Всего	100	100	100	100	100
из них проживают:					
в отдельной квартире или в собственном доме	79,0	81,6	76,1	84,0	58,5
в коммунальной квартире	13,7	11,7	16,3	11,2	13,5
в общежитии	3,9	3,3	4,5	2,8	22,6
снимают жилье	3,4	3,4	3,1	2,0	5,4

Источник: Вестник статистики. 1991. № 2. С. 59.

имеющих детей от 7 до 16 лет, являлась неустроенность с жильем. В РСФСР неустроенность с жильем отметили 17–19% опрошенных женщин, в городе — 22–24%³⁶³.

Третьей по значению трудностью, по мнению женщин, являлась недостаточная материальная обеспеченность: 35% женщин испытывали материальные затруднения; в РСФСР — 37–40%.

Более материально были зависимы городские женщины, нежели сельские (51% против 44%). Из социальных групп наименее защищены и ощущали наиболее остро материальную зависимость служащие — половина опрошенных, а также неработающие пенсионерки — 42% (из числа опрошенных получали пенсию до 70 руб. в месяц свыше половины) и домашние хозяйки — 64%. Среди женщин, обучающихся в различных учебных заведениях, материально независимыми считали себя лишь 8%.

Свыше трети женщин жаловались на бытовую загруженность. Наиболее загружены бытовыми проблемами женщины в возрасте 30–40 лет (38% от числа ответивших), в возрасте 24–29 лет — 13%. Самой тяжелой домашней работой каждая пятая женщина считала стирку, 17% — приготовление пищи, каждая десятая — глажение белья, отопление жилищ, работу на садовом участке или занятие подсобным хозяйством, причем занятие последним считали самым трудоемким 33% сельских женщин. У работающей семейной женщины стирка отнимала

примерно два напряженных дня в неделю (по совокупности они приходились на вечера и выходные дни)³⁶⁴. Прачечные и химчистки открывались только в городах и их было недостаточно. На втором месте по трудоемкости для сельских женщин находилось отопление жилища (22% от числа ответивших). С удовольствием занимались домашней работой лишь 12% женщин. Занятие домашним хозяйством доставляло удовольствие 16% сельских женщин. Больше всего отметили бытовую загруженность женщины, имеющие детей до 18 лет, — 42–44%.

Наибольшей проблемой, по мнению женщин, являлось приобретение продуктов питания, товаров и услуг. На это указали 55% женщин, из них имеющие детей от 7 до 18 лет — около 60%. Покупку продуктов питания и товаров свыше 70% женщин оценили самой трудоемкой из бытовых проблем, в том числе 78% горожанок и 53% сельских жительниц.

Таким образом, в среднем около трети женщин находились под постоянным воздействием отрицательных факторов, связанных как с их трудовой деятельностью, так и с условиями быта³⁶⁵.

Работа по дому отнимала много времени и сил. Это сказывалось на производительности труда работавших женщин. Согласно данным опроса, работающая семейная женщина была занята на 3 часа в день больше, чем домохозяйка. Это при полной рабочей неделе. Обычно работающая и ведущая дом женщина на два часа меньше тратила на самообразование, чтение, развлечения и отдых и спала на час-полтора меньше³⁶⁶. Мужчины берут, как правило, на себя небольшую часть забот по дому³⁶⁷. Однако частой реакцией на жалобы о загруженности жены домашними делами становилась не помощь по дому, а облегчение ее труда механизацией. Но сельские женщины старшего поколения часто побаивались техники и не очень ей доверяли. Даже доильные установки, кардинально менявшие трудовые будни на животноводческой ферме, не всеми и не всегда воспринимались с энтузиазмом³⁶⁸, а такие бытовые механизмы, как стиральная машина, иногда вызывали боязнь и долго не использовались. Ей предпочитали стирку руками в корыте на металлической стиральной доске. Кроме того, хозяйка считала, что белье она сама стирает чище и оно дольше служит, поскольку его «не портит и не рвет» механическая стирка в машине³⁶⁹.

В передовых колхозах в рабочие дни на ведение домашнего хозяйства женщины тратили на 35–40 мин. меньше, чем в отстающих хозяйствах, так как пользовались электричеством, детскими дошкольными учреждениями, столовыми, пекарнями, что облегчало домашние заботы³⁷⁰. Сокращение времени на домашнее хозяйство для сельской женщины зависело, во-первых, от введения предприятий коммунального обслуживания (водопровод, электричество и т.п.), во-вторых, от внедре-

ния различных механизмов, машин, приборов для домашнего использования, экономящих время и силы (стиральные машины, пылесосы, кухонные комбайны и т.п.), что можно использовать и в нескольких семьях и индивидуально, и, в-третьих, широкого развития системы детского воспитания (детские ясли, детсады и т.п.)³⁷¹.

Таблица № 48

**Время, потраченное членами колхоза на работу по дому
(в % к проделанной домашней работе)**

Время	Рабочие дни		Выходные дни	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
От 1 часа	77	3		10
От 1 часа до 2 часов	12	11	85	23
От 2 часов до 4 часов	8	20	9	26
От 4 часов и более	3	66	6	41
Всего	100	100	100	100

Источник: Dodge Norton D. and Feshbach Murray. P. 255.

Значительны различия в затратах времени на ведение домашнего хозяйства между мужчинами и женщинами. Женщины в рабочий день на ведение домашнего хозяйства тратят в 3 раза больше времени, чем мужчины, а в выходной день — в 2 раза.

Большая часть свободного времени работающими женщинами использовалась пассивно. Просмотр телепередач и прослушивание радио в рабочие дни у них составляло более 60% свободного времени, чтение — 17%. В выходные дни его виды более разнообразны. Снизилась доля пассивного отдыха до 45% и увеличивались затраты времени на посещение кино и других зрелищ, прогулки и занятия спортом. В 4 раза по сравнению с рабочими днями увеличивались затраты времени на встречи, игры, посещение кафе и т.п.

С возрастом время отдыха женщин уменьшалось. Так, этого времени у женщин в возрасте 45 лет и старше оказалось меньше, чем в возрасте 16—19 лет, в 1,7 раза. По сравнению с 1980 г. свободное время у женщин сократилось примерно в 1,5 раза. Свободного времени у работающих женщин было в два раза меньше, чем у мужчин³⁷².

В свободное время сельские жители любили почитать, посмотреть телевизор, сходить в клуб на концерт коллектива художественной самодеятельности или посмотреть новый фильм.

Чтение — неотъемлемая черта образа жизни сельских жителей. «В свободное время люблю почитать книгу, посмотреть те-

Использование свободного времени женщинами — рабочими, служащими и колхозницами (1989 г.)*

	Рабочие и служащие		Колхозницы	
	Рабочий день	Выходной день	Рабочий день	Выходной день
Свободное время в среднем на одну работающую женщину в сутки	1 ч. 23 мин.	4 ч. 36 мин.	1 ч. 03 мин.	3 ч. 23 мин.
В том числе:				
Посещение театров, кино, концертов, спортивных и других зрелищных мероприятий	04 мин.	22 мин.	02 мин.	10 мин.
Просмотр телепередач, прослушивание радио	51 мин.	1 ч. 50 мин.	46 мин.	1 ч. 45 мин.
Чтение газет, журналов, художественной литературы	14 мин.	30 мин.	08 мин.	23 мин.
Прогулки и занятия спортом	05 мин.	29 мин.	01 мин.	10 мин.
Встречи, визиты, игры и т.п.	04 мин.	48 мин.	02 мин.	24 мин.
Прочие виды отдыха	04 мин.	32 мин.	03 мин.	24 мин.
Социально-политическая деятельность, митинги, собрания	01 мин.	02 мин.	—	01 мин.
Религиозные занятия	—	01 мин.	01 мин.	08 мин.

* Опрос проведен в 1990 г. в 8 союзных республиках СССР и 16 территориях РСФСР.

Источник: Женщины и демократия. Общественное мнение женщин по актуальным социально-политическим вопросам (Результаты социологического обследования). М., 1991. С. 86—87.

левизор, проверить дневники и выполнение домашних заданий детей» — один из типичных ответов селян о проведении своего досуга. В среднем каждая семья выписывала по 3—4 периодических издания.

Самым активным читателем являлась сельская интеллигенция, прежде всего учителя, круг интересов которых широк и разнообразен. Далее следовали механизаторы и квалифицированные животноводы. Читали ежедневно или довольно часто газеты 88% специалистов и столько же механизаторов, 80% квалифицированных работников ручного труда и 70% — мало- и неквалифицированного труда; читали книги ежедневно или довольно часто — половина селян.

Как часто вам удается уделить время для... ?*
(в процентах к числу опрошенных)

	Каждый день	Почти каждую неделю	Один-два раза в месяц	Один-два раза в полгода	Почти не занимаюсь	Никогда не занимаюсь
учебы, самообразования	17	22	14	5	18	24
основной работы	72	6	2	1	2	17
общественной работы	14	21	19	5	15	27
работы по совместительству	5	4	3	2	10	76
ухода за домом, семьей	71	14	2	1	1	11
занятия спортом, физкультурой	6	13	11	5	30	35
любимого дела	16	28	17	5	10	24
ухода за родителями	16	14	1	5	11	53
работы на своем земельном участке	10	23	8	5	8	46
посещения концертов, выставок, театров	1	5	29	35	12	18
просмотра телевизора, слушания радио	81	10	2	1	1	5
посещения кафе, ресторанов	0,3	3	9	20	28	39
посещения гостей	0,6	11	36	26	9	
ухода за машиной, гаражом	1	3	2	2	7	85
развлечений, посещения дискотек	0,4	1	4	3	10	81
отдыха	7	23	14	10	11	35
посещения клуба, дома культуры	1	3	9	9	11	67

* Опрос проведен в 1990 г. в 8 союзных республиках СССР и 16 территориях РСФСР.

Источник: Женщины и демократия. Общественное мнение женщин по актуальным социально-политическим вопросам (Результаты социологического обследования). М., 1991. С. 86–87.

Часто ли Вы читаете?*
(в процентах к числу опрошенных)

	Почти ежедневно	Раз в неделю	Раз в месяц	Несколько раз в год	Не читаю совсем
Литература по специальности	29	17	12	14	28
Художественная литература	40	28	13	13	6
Научно-попу- лярная литература	17	24	17	17	25

* Опрос проведен в 1990 г. в 8 союзных республиках СССР и 16 территориях РСФСР.

Источник: Женщины и демократия. Общественное мнение женщин по актуальным социально-политическим вопросам (Результаты социологического обследования). М., 1991. С. 79.

Однако 20% опрошенных колхозников отметили в анкетах: «Я настолько занят, что редко удается читать», в том числе 30% животноводов, 33% строительных рабочих. А 4% опрошенных, как правило, с низким уровнем образования и преклонного возраста вообще не читали книг.

Диапазон читательских интересов весьма разнообразен. Селяне читали книги самых различных жанров. Большим спросом пользовались книги на военные темы, приключенческая литература, с интересом читали книги на исторические сюжеты. У молодежи (до 30 лет) большим спросом пользовалась приключенческая литература, в то время как в группе колхозников старше 50 лет ее читал лишь каждый восьмой из опрошенных. Научную и учебную литературу, поэзию молодежь читала в 2 раза больше, чем пожилые колхозники. Люди старше 30 лет проявляли больший интерес к литературе о войне, политике.

Большинство колхозных семей имели личные библиотеки. 65% опрошенных насчитывали у себя дома до 50 книг, 10% — до 100, 7% — более 100 книг. 18% опрошенных колхозников не имели никаких книг дома. Однако подбор литературы в домашних библиотечках носил хаотичный характер. Большинство книг — это художественная и детская литература и несколько книг по специальности³⁷³.

Популярность телевидения на селе неоспорима. Свободное время селяне с удовольствием проводили всей семьей у экранов, предпочитая художественные фильмы, концертные и спортивные программы и, конечно, «последние известия» из жизни страны. В современной России пресса весьма дорога, разнообразна, так что порой сельскому жителю трудно ра-

зобратся в ее направленности и полезности для себя, а привычные газеты и журналы, например любимая женщинами «Крестьянка», полностью сменили «имидж», лишь «Сельская новь» продолжает вести крестьянские традиционные темы, привлекая большое количество читателей (тираж 135 тыс. экземпляров в год). В 1990 г. около четверти населения ежедневно получали информацию из всех трех видов средств массовой информации. Наибольшую популярность имели газеты — 54%. В 1994 г. это преимущество перешло к радио — 41%, а в 2002 г. к телевидению — 53%. Ежедневная аудитория газет сократилась с 1990 по 2002 г. более чем в три раза при увеличении россиян, вообще не читающих газеты (с 4% до 13,5%) и не слушающих радио (с 8% до 19%). Телевидение по-прежнему оставалось популярным, лишь менее 5% населения не смотрели его программы. Сельские жители в основном получают информацию по радио и из телепередач, пресса отходит на второй план³⁷⁴.

Любимый вид искусства в деревне — кино. Преимущество кино на селе состояло в том, что здесь, в отличие от города, оно собирало аудиторию людей, хорошо друг другу знакомых. После просмотра фильма начиналось его обсуждение, происходил обмен мнениями.

Однако немало было крестьян, кто совсем не ходил в кино. Объясняется это не столько конкуренцией телевидения, сколько прежде всего удаленностью сельских клубов, где демонстрировались фильмы, недостатками организации труда животноводов, занятостью домашним хозяйством. Из тех, кто не ходил в кино, большинство (около 75%) составляли женщины. Среди наиболее часто посещавших кинофильмы (2–3 раза в неделю) — большинство (55%) молодежь. По мнению селян, кинообслуживание на селе было организовано недостаточно хорошо. Анализ фильмов показывал, что на экранах деревенских клубов шли картины двух-трехлетней давности. Новых кинолент было не более 10%³⁷⁵.

Притягательным местом отдыха селян оставался клуб. Они отдыхали здесь от повседневных забот, встречались с друзьями, знакомыми, могли посмотреть кинофильм, послушать концерт, встретиться с городскими знаменитостями.

Самыми благодарными зрителями были колхозницы. Выступая перед сельской аудиторией, артисты из областного театра и филармонии чувствовали большой интерес к спектаклям и концертам и сами были заинтересованы в таких встречах со зрителями. Артисты Вологодского областного драматического театра с теплотой вспоминали свои гастроли по районам: «Хочется вспомнить еще одну встречу в Бабушкине. На спектакль привезли колхозниц. По окончании спектакля на сцену поднялась 73-летняя колхозница и сказала: “За всю свою долгую жизнь я первый раз в театре, спасибо вам, то, что вы показали сей-

час, все правда. Приезжайте, родные, к нам почаще, это не моя просьба, а всех нас»³⁷⁶.

В клубе организовывались и танцевальные вечера. Опросы показали, что 2—3 раза в неделю посещали свой клуб 22% селян, один раз — 17%, один-два раза в месяц — 22%, пять-шесть раз в год — 17%. Каждый пятый житель села принимал участие в работе клуба. Особенно активна была молодежь. Но часть жителей села не принимала никакого участия в работе клуба. 23% ходили в клуб редко, либо вообще игнорировали его существование. Свыше 30% селян объясняли это отсутствием свободного времени. Многим в клубе было скучно и неинтересно. Отметим, что сельские жители обнаруживали заметное желание участвовать в культурной жизни села: 26% из них хотели бы заниматься в хоровом кружке, 14% — в танцевальном, 12% — в техническом, столько же — в кружке садоводства и цветоводства, автомобильном кружке, 10% — в спортивных, 6% — в кружках народного ремесла³⁷⁷.

Многие жители деревни предпочитали домашний отдых. Это было связано не только с наличием в семье радио, телевизора, радиоприемника, магнитофона, но и с ограниченностью форм проведения внесемейного досуга. Многие селяне оценивали работу клуба в своей деревне неудовлетворительно. В некоторых селах таких было до половины жителей³⁷⁸.

Культурной жизнью на селе не были полностью удовлетворены все возрастные группы — от 16 до 59 лет. Однако с возрастом доля положительных ответов увеличивается, а среди лиц от 60 лет и старше положительные ответы заметно преобладают. Объясняется это, видимо, меньшей требовательностью пожилых людей к количеству и качеству культурных мероприятий³⁷⁹.

В свободное время сельские жители, в том числе некоторые женщины, занимались самообразованием. На селе была хорошо развита система заочного общеобразовательного среднего, среднего специального и высшего образования. Но для многих колхозниц актуально было получить образование в объеме семилетней и даже начальной школы. Всесоюзные переписи населения 1959, 1970 и 1979 годов фиксировали низкий уровень образования сельских женщин старших возрастов, в том числе трудоспособных³⁸⁰.

Развертывавшаяся научно-техническая революция требовала квалифицированные высокообразованные кадры специалистов. Подъем образования был начат со школьного обучения, начало которому положила реформа школы 1958—1959 гг. Но это были кадры будущего. Современный тому периоду рабочий класс, не говоря о колхозниках, имел достаточно низкий образовательный уровень. Многие же были малограмотными либо вовсе неграмотными. Ликвидация неграмотности и обучение малограмотных становятся общегосударственными задачами.

На январь 1959 г. была назначена Всесоюзная перепись населения. Одним из пунктов статистической отчетности была грамотность. В преддверии переписи проводилась огромная работа по выявлению и обучению неграмотных и малограмотных граждан СССР. Эта работа велась на государственном уровне. Включены в нее были и все общественные организации. Для страны оказалось важным, что, по данным ЦСУ СССР, на 1 июня 1957 г. было учтено 1242 тыс. неграмотных в возрасте 16–50 лет. По поводу ликвидации неграмотности в масштабах страны ЦК КПСС и Совмин СССР 4 января 1958 г. приняли специальное постановление «О ликвидации неграмотности среди взрослого населения», которую должны были победить в течение года. К июню 1958 г. из учтенного неграмотного населения закончили курс обучения 349 тыс. человек, тысячи учились, не было охвачено обучением 145 тыс. неграмотных³⁸¹.

Масштабы и энтузиазм работы были столь значительны, что статистика зафиксировала: за январь–май 1958 г. было обучено грамоте взрослого населения в три с лишним раза больше, чем за весь 1957 г.³⁸² На 10 октября 1958 г., по данным ЦСУ СССР, обучено было уже 360 тыс. человек, продолжали обучение еще 752 тыс. и 130 тыс. неграмотных еще предстояло обучить³⁸³. Среди призывников 1939 года рождения, приписанных к призывным участкам в 1958 г., оказалось 2065 неграмотных, в том числе 799 человек в РСФСР³⁸⁴.

В Российской Федерации, по неполным данным, на 1 января 1958 г. было учтено 623 тыс. неграмотных в возрасте от 16 до 50 лет, что составляло 1% в общей численности населения этих возрастов. Из общего числа неграмотных две трети — деревенские жители³⁸⁵. Большинство их были женщины.

По данным ЦСУ РСФСР, к 1 ноября 1958 г. из 623 тыс. выявленных неграмотных в возрасте от 16 до 50 лет было обучено 361 тыс. человек (58%), обучалось 206 тыс. человек (33%) и не было охвачено обучением 56 тыс. человек (9%), в том числе в сельской местности из 445 тыс. неграмотных было обучено 254 тыс. (57%) и обучалось 149 тыс. человек (34%).

По сообщениям Советов Министров автономных республик, крайисполкомов и облисполкомов, обучавшиеся 206 тыс. неграмотных должны были закончить обучение не позднее 1 января 1959 г. Не охваченные обучением 56 тыс. человек являлись в большинстве людьми длительно больными; сюда же входили слепые, глухонемые и другие лица, имевшие физические недостатки и требовавшие специального обучения³⁸⁶. К 1 декабря 1958 г. в Архангельской области из 4767 неграмотных было обучено 2865 человек, в Орловской из 4037 обучено 3713, в Липецкой из 7610 обучено 5644, в Краснодарском крае из 17 824 обучено 16 710³⁸⁷.

Для закрепления полученных знаний и навыков чтения и письма принимались меры по вовлечению лиц, прошедших

обучение, в различные формы повышения общеобразовательного уровня и усилению с ними индивидуальной работы.

По сообщениям отделов народного образования, в ноябре 1958 г. в 10 краях, областях и автономных республиках РСФСР (в Алтайском, Краснодарском и Красноярском краях, во Владимирской, Московской, Пермской, Новосибирской и Омской областях и др.) не было охвачено обучением 15 тыс. неграмотных.

В Москве на 20 октября 1958 г. на 20 проверенных предприятиях и организациях работало 760 неграмотных, которые не были охвачены обучением: на заводе «Серп и Молот» не обучалось 25 человек, на Московском рыбном комбинате — 37, на автомобильном заводе им.Лихачева — 42, среди технических сотрудников Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова насчитывалось 35 неграмотных и 345 малограмотных, обучение которых также не проводилось³⁸⁸.

В ходе учета неграмотного населения было выявлено 505 тыс. человек малограмотных, с которыми также была организована работа по повышению их общеобразовательного уровня. Часть малограмотных была вовлечена в младшие классы школ рабочей и сельской молодежи³⁸⁹.

Работа по повышению образовательного уровня населения страны принесла позитивные результаты. Перепись 1959 года зафиксировала ликвидацию неграмотности в СССР. Официально объявленный преодоленный рубеж практически достигался в 1960-е гг. На начало 1963 г. в СССР было учтено 554 тыс. неграмотных в возрасте 16—49 лет, в том числе на селе 339 тыс. Удалось посадить за парты 134 тыс. человек, в том числе 95 тыс. селян³⁹⁰. В Вологодской области на 1 января 1964 г., по данным областного отдела народного образования, числилось 722 неграмотных, из них 561 женщина, и 3,9 тыс. малограмотных. Курс обучения окончили в 1964 г. 649 неграмотных (525 женщин) и 1,6 тыс. малограмотных (1,1 тыс. женщин). С остальными продолжали решать общеобразовательные задачи, привлекая школьный актив и проводя индивидуальное обучение³⁹¹.

Постепенно старшее поколение выравнивало образовательные рубежи, но подрастающие — в условиях сельской жизни сталкивались с серьезными трудностями в получении образования. И вновь проблема всеобща выдвигалась на передний план.

В условиях малонаселенного и разбросанного Нечерноземья, при отсутствии хороших дорог любая перестройка школы превращалась для сельских жителей в трудную проблему. Но желание учить детей заставляло родителей обращаться во все инстанции, включая правительственные и партийные самого высокого уровня, чтобы не допустить закрытия школы в своем или близлежащем селе. Причем в понятие «близлежащие» колхозники включали школы, расположенные в пределах 7—10 км

от дома. Просьбы, как правило, начинались с местного областного руководства. В Вологодский облисполком при проведении школьной реформы 1958–1959 гг. пришло письмо от родителей, обеспокоенных реорганизацией учебного процесса, связанного с переходом к восьмилетнему обучению и последовавшим укрупнением школ. Они писали: «Наши дети, кончая 4 класс, идут в Воронскую семилетнюю школу за 7 км. В связи с перестройкой школ оставляют школу за 14 км, которая будет восьмилетней. Эта школа — Шобаровская удобна для учащихся 3 деревень, а остальные деревни сельсовета, из которых учащиеся будут ходить в эту школу, расположены за 10–14, 18 и 20 км. Намечали открыть в дер. Маза — в центре всех деревень, самое дальнее расстояние — 9 км. Это устроит всех родителей учащихся. Многие из нас не можем отпустить одиннадцатилетних детей в школу. Дорога очень грязная весной и осенью, зимой. У некоторых детей нет хорошей обуви и одежды, нет средств, чтоб отправить на целую неделю, хороших продуктов питания, т.к. большинство работало в колхозе и получали 1 руб. в день. Пройдя 14 км, ребенок не в состоянии полноценно работать день в школе. Просим помочь нам, удовлетворить нашу просьбу, иначе часть детей окажется вне школы из-за дальности расстояния и из-за домашних условий»³⁹².

Местные власти не оставались безучастными к просьбам родителей. Они боролись и за сохранение контингента в условиях развернувшейся борьбы за всеобуч, и за повышение показателей грамотности в преддверии переписи населения 1959 г. Школу в деревне Маза удалось отстоять³⁹³.

Но решить вопрос по каждой школе и каждой деревне в интересах конкретных родителей повсеместно не могли. Становится понятным, почему именно на селе число неграмотных и малограмотных в течение 1950–1960-х гг. было значительным. Через шесть лет, т.е. в 1965 г., недоучившиеся дети были включены в списки подлежащих обучению как малограмотные и вовсе неграмотные. Конечно, большинство лиц этой категории, от 16 до 49 лет, — не молодежь, а городские жители — в меньшинстве. В г. Вологда в 1965 г. неграмотных не было выявлено, но среди молодых людей Вологодской области было выявлено и обучено 9 неграмотных и 27 малограмотных допризывников в Советскую Армию. В основном же к категории неграмотных и малограмотных относились сельские пожилые женщины³⁹⁴.

Советская система образования по праву гордилась своими достижениями. Развернувшаяся с конца 1950-х гг. борьба за средний всеобуч была разделена на два этапа: вначале решали задачу обязательного восьмилетнего (неполного среднего), а затем и полного среднего обучения для *всех* детей, живущих в СССР. И к середине 1970-х гг. в целом решили огромной политической и социальной важности задачу. Ни одна страна мира

в то время не могла позволить себе обучать всех без исключения детей в объеме полного среднего образования, бесплатно и в обязательном порядке. Это касалось и города и деревни, отдаленной «глубинки» и всех аулов, аилов и кишлаков. Проводились подворные переписи и обходы домов для выявления и учета всех детей, подлежащих обучению, практически ликвидировали двухсменное обучение в школах, развернули работу в группах и даже школах продленного дня, строили и благоустраивали интернаты для сирот и ставили новые *общеобразовательные* задачи.

В советское время всеобщее образование осуществлялось через дневные и вечерние (даже заочные) средние общеобразовательные школы, дававшие одновременно и специальность, через техникумы и училища и средние профтехучилища. Результаты оказались захватывающими: в 1970–1980-е гг. до 95% молодых людей, достигших 16–17 лет, получили обязательное среднее образование в одном из перечисленных учебных заведений. Это были квалифицированные кадры будущего, которые имели возможность учиться бесплатно и дальше. Особенно актуально это было для деревни и для ее малообеспеченных слоев. При этом важно отметить, что женщины во второй половине XX в. стали решительно обгонять мужчин по темпам включения в образованные слои населения и стали преобладать численно среди занятых образованных.

В 1959 г. из 19,8 млн женщин, работавших в сельском хозяйстве, 15,8 млн — это малоквалифицированные и неквалифицированные кадры. Только 21% крестьянок имели среднее образование. Одиннадцатью годами позже, в 1970 г., их число возросло до 48%, что было внушительным прогрессом за одно десятилетие, но тем не менее это даже не половина женского населения деревни. Для сравнения: 75% городских женщин имели образование в объеме средней школы³⁹⁵. Образование могло и должно было открывать для женщин возможности получения более интересной, высокооплачиваемой и престижной, в том числе руководящей, работы.

Женщины мечтали стать
трактористками:

Пойду-выйду в сад зеленый,
Где черемуха цветет.
Погляжу я, как подружка
Трактор в поле поведет;

комбайнерами:

Василечки собирала,
Любовалась на поля,
Что задумала — сбылось:
Комбайнеркой стала я;

руководящими кадрами среднего звена:

По зеленой по траве
Пойду, разойдуся.
Свинофермой управляю —
Этим я горжуся;

и даже высшим руководством:

На веселый на мотив
Заводи тальяночку:
Председателем Совета
Выбрали крестьяночку.

По сложившейся в деревне традиции, поддерживаемой и самими женщинами, все эти должности, как правило, были прочно заняты мужчинами—руководителями всех рангов, начиная с председателя колхоза, что безусловно нашло отражение в ироничных частушках:

Бабы сеют и боронят,
Огороды городят,
Мужики сидят в правленье,
Папиросами чадят.

Повышение уровня образования для большинства занятых в сельскохозяйственном производстве женщин вовсе не означало повышение в должности. Только военное время 1941—1945 гг. в силу объективных обстоятельств заставило государство привлечь женщин к традиционно мужским профессиям и допустить к руководящим должностям. За годы Великой Отечественной войны 200 тыс. крестьянок стали председателями и бригадирами колхозов, 100 тыс. счетоводами и бухгалтерами, 150 тыс. зоотехниками и руководителями колхозных животноводческих ферм. Более 1 млн крестьянок овладели профессией механика, тракториста и комбайнера. Лучшим из них была присуждена Сталинская премия, в числе лауреатов и вологодский животновод Александра Люскова. 22 крестьянки были удостоены звания Героя Социалистического Труда³⁹⁶. Однако во власть высшего уровня женщин допускали по установленной 30-процентной квоте с понижением ее по мере возрастания власти: в составе Верховного Суда СССР работало 14 женщин (20,6%), Верховных судов союзных республик — 33,9%, среди народных судей — 35%. В 1946 г. депутатами в Верховный Совет СССР было избрано 277 женщин, в Верховные Советы союзных и автономных республик 1700 и 0,5 млн в местные Советы³⁹⁷. Эти квоты были относительно устойчивыми на протяжении всего советского времени. Представительство женщин резко сократилось с переходом к демократическим и свободным выборам. Среди избранных во власть женщин были представлены и крестьянки.

С приходом в деревню демобилизованных из рядов Советской Армии фронтовиков постепенно руководящие, механизированные и хорошо оплачиваемые должности перешли к ним. Ситуация в этом вопросе стабилизировалась на десятилетия. Крылатое выражение Н.С. Хрущева, что в зале заседаний «ответственных и руководящих» работников женщин можно «разглядеть» только «в бинокль», и после его отставки отражало сельскую действительность. И «выходило» в 1970, 1980 и 1990-е гг., как и в 1960-е: «если руководить — тогда мужчины, а когда работать — тогда женщины»³⁹⁸, прямо как в той частушке:

Наш колхоз Восьмое Марта
Уважает женский труд.
Бабы пашут, бабы сеют,
Мужики учет ведут.

Развал колхозной системы и новые аграрные преобразования ликвидировали многие «мужские» должности, ставшие «женскими» в силу большей ответственности за дело и за семью, большей инициативности и решительности, а фермерские хозяйства, возглавляемые женщинами, оказались вполне успешными и стабильными. Это относится к среднему и старшему поколению. Молодежь ориентирована на иные ценности, привлекательности в тяжелом и ответственном фермерском труде не видит, а с сельским хозяйством может связывать себя только в качестве высококвалифицированных и руководящих кадров, что подразумевает, как минимум, среднее специальное образование.

Высшее образование в современной России разделено на коммерческое (платное) и конкурсное (бюджетное). Понятно, что конкурс абитуриентов на «бесплатные» места увеличивается вследствие принятия в лучшие вузы страны значительного числа выпускников средних школ, родители которых имеют возможность обеспечить своим детям продолжение обучения. За 1998—2000 гг. доля обучающихся с полным возмещением затрат возросла втрое и каждый третий современный студент обучается на платной основе, причем преимущественно в государственных вузах, считающихся лучшими по-прежнему. Эта тенденция имеет развитие: в приеме 2000/2001 г. почти половина студентов (48,4%) были зачислены на «коммерческой основе». И если прием в институты страны возрос на 10%, то на платные отделения на 22%³⁹⁹.

Вузовское обучение слишком дорого для очень многих семей, а в деревне — для большинства, и именно поэтому у значительной части родителей и абитуриентов платное образование вызвало резко отрицательное отношение⁴⁰⁰. Из кубанской станицы в 1999 г. жители обращались с просьбой к Г. Явлинскому войти в правительство с предложением: «Сле-

лать все учебные учреждения государственными, чтобы дети смогли учиться, а то получается, способный ребенок не может учиться — у родителей нет денег. А бездарь с деньгами будет учиться, вот и получают у нас бездари врачи, учителя»⁴⁰¹.

Мужская часть населения оказалась более стойкой и внимающей голосу времени о необходимости получения «хорошего» образования, девушки после окончания средней школы снизили притязания на дальнейшую карьеру: если в 1960-е гг. в сельской среде таковых было 80%, то к середине 1990-х — лишь одна из трех. Причинами стали низкая самооценка, трудности с устройством на интересную и хорошо оплачиваемую работу («просто потому, что вы — женщина») и сложившийся стереотип, что женщина крайне редко может длительное время заниматься бизнесом вследствие конкуренции⁴⁰².

Деревня по-прежнему ждет специалистов, она, как и в советские времена, нуждается в кадровом пополнении и толчком к новому демографическому подъему села могут стать ориентированные на крестьянский труд люди, для которых, несмотря ни на какие трудности, открытая и простая жизнь привлекательна и интересна.

Одна из участниц социологического исследования в Ярославской области проникновенно говорила: «Эта деревня оказала на меня особое влияние. Я сейчас, анализируя свою жизнь, понимаю, что я там закончила как бы университет этики. Если что-то во мне заложено хорошего — то это оттуда. Крестьянский быт — это особенный быт. Там без уроков, повседневно на примерах видно, как нужно уважать старших, как к родителям относиться, как к учителям. Врач, учитель — это были великие люди. От них действительно наша жизнь»⁴⁰³.

При всех сдвигах, при всем движении в сторону города *сельский образ жизни* продолжает сохранять специфические черты, создающие его особый социальный облик. Одна из таких черт — переплетение занятий, традиционных для старой деревни, с современными, порожденными научно-техническим прогрессом, приметы давнего прошлого в домашнем быту — и потребление сугубо современных услуг.

Главное преимущество сельского образа жизни — это хорошие природные условия, непосредственная связь человека с природой. «Вот некоторые говорят... они тяжело работали, крестьяне русские! А знаешь, кто так говорит? Это те, которые не работали, которые не знают про нашу работу, — рассудительно замечает А.М. Тарышкина из села Красная Речка Новобурасского района Саратовской области в беседе с московскими социологами в 1991 г. — А нам была эта наша жизнь в такую радость! — невольно восклицает она. — Вот, бывало, в поле едешь и у тебя на душе какая-то радость. Радость! — восклицанием обращает внимание на это обстоятельство Антонина Михайловна. — Едешь: с одной стороны подсолнушки цветут,

как зарево, а с другой стороны стоит хлеб — вот такой вышины... Едешь дорогой и глядишь — какая же природа, какая радость»⁴⁰⁴.

С природой связан и ритм сельской жизни. Быть может, он более органичен и соразмерен человеку, чем ритмы современного индустриального города. Во всяком случае, трети сельских жителей ценят в деревенской действительности «покой и отсутствие спешки». Многие современные горожане предпочитают загородную жизнь.

Важным преимуществом крестьяне считают возможность иметь свое хозяйство и собственные продукты питания, хотя для многих семей это достаточно обременительное дело.

И главное. На селе существует особый психологический климат. Он выражается в сохранении родственных и соседских связей, которые чаще всего доминируют над формальными отношениями. Меньшая степень анонимности и соответственно большая сила контроля обычно трактуется как минусы образа жизни. Сельский житель считает иначе: соседство близких, с детства знакомых людей, взаимопонимание, общность душевного склада с односельчанами ощущается им как большая ценность. Обычная оценка деревенской действительности: «У нас здесь все свои». И, кроме того, родившиеся и выросшие в этой местности, *душевно слившиеся с этой деревней*, с ее заботами, проблемами и радостями, ощущают себя частью этой *малой Родины*, чувствуют свою причастность к этой земле, и это становится *привычкой*.

Деревенские жители с различным уровнем образования в разной степени, но обязательно положительно оценили благоприятные природные условия, размеренный ритм сельской жизни, здоровый климат и близкие, соседские отношения между людьми⁴⁰⁵. При этом, чем выше уровень образования, тем более ценными оказались эти характеристики деревенской жизни.

Однако, как бы высоко ни ценились хорошие природные условия, спокойный ритм жизни, привычный психологический климат, сельский образ жизни не исчерпывается этими чертами. Для нормальной жизни человеку необходимы жилье, снабжение, бытовые услуги, культурная среда, транспорт. И желание устроить свою семейную жизнь у себя на Родине, в своей родной деревне.

«У НАС ЗДЕСЬ ВСЕ СВОИ...»

На жизнь деревни большое влияние оказывают женщины. Именно они задают тон трудовой и общественной жизни в своем селе и создают авторитет своей деревне в округе. Ни одно сколько-нибудь значимое событие не может быть оставлено без их внимания, обсуждения и вынесения мнения, которое затем

всячески переговаривается на всех перекрестках, у колодцев, в домах соседок. Мужчины об этом просто узнают от своих жен или матерей и молча принимают, как правило, разделяя позицию своей родни.

Для мужчин интереснее собираться своей компанией в центре деревни, в закуской, кафе, столовой или около магазина. Темы их разговоров носят более общий, технический и абстрактный характер: сельское хозяйство, политика, погода. Темы родства обсуждаются, если они вообще обсуждаются, в сугубо деловой манере. Отношения между мужчинами, как правило, дружеские, они не стараются показать свои родственные привязанности, хотя в конфликтных ситуациях обычно на стороне родных.

Мир женщин в значительно большей степени сосредоточен на семейных делах и родственных отношениях. В повседневной деревенской жизни женщины обычно встречаются у колодца, у реки, в магазине, у садовых заборов. Исчезновение этих мест лишило бы женщин традиционного общения. Женские разговоры сопровождаются выполнением какой-либо работы. Все беседы в основном сводятся к семейным заботам, домашним делам, мужьям, детям, женитьбам, разводам, болезням, здоровью и общению всех и вся.

Помимо связей между семьями и соседями, в компетенцию женщин входят и другие важные формы деревенской жизни. Женщины не только помогают друг другу готовить угощение к семейным, общедеревенским и религиозным праздникам, или непосредственно участвуя в работе, или обмениваясь уварью и продуктами, но помогают разносить еду во время празднеств.

На селе в случае стихийного бедствия, несчастного случая, болезни или смерти принято оказывать материальную помощь или выражать моральную поддержку и преодолевать былую неприязнь и даже застарелую деревенскую вражду. А инициаторами этой взаимоподдержки в большинстве случаев оказываются крестьянки.

Следует упомянуть об еще одной форме женского общения: пересуды и сплетни. Эта форма общения между женщинами чрезвычайно эффективна, особенно в небольших деревнях, как это неоднократно отмечалось в специальной литературе⁴⁰⁶. Хотя формально сплетни и осуждаются, они составляют немаловажную часть деревенской жизни и неиссякаемый источник неформального влияния. Разговоры о ком и о чем угодно — в основном женское занятие. При этом даются характеристики семьям, создаются и рушатся репутации. Институт социально-политических исследований РАН исследовал феномен массового сознания — так называемые «обывательские слухи и сплетни». Оказалось, что они на 90% оправдываются, т.к. содержат в себе значительную долю объективного знания⁴⁰⁷.

Понятно, в критические исторические моменты жизни страны количество слухов увеличивалось и им охотно верили, тем более если были прецеденты негативного поведения властей по отношению к «простым» гражданам, каковыми себя крестьяне и считали. Уход с политической арены вождя всех народов и вдохновителя побед аграрного сектора Иосифа Виссарионовича Сталина заранее многими сельскими жителями воспринимался как личная трагедия и катастрофа для страны⁴⁰⁸, слухи о предстоящих переменах расползались из деревни в деревню и концентрировались на главных житейских проблемах. Прежде всего опасались повышения налогов, новых займов и денежной реформы. В любом случае дело касалось личных крестьянских денежных сбережений, которые они хранили у себя в доме — «в чулке за печкой». При первом сомнении, как свидетельствует практика работы сберегательных касс Краснодарского края мая 1953 г., из далеких деревень пешком и на лошадях, и на попутных машинах крестьяне стали добираться до города, чтобы «положить деньги на книжку», увеличив приток средств сбербанка только за одну майскую неделю в два-три раза⁴⁰⁹. Некоторые партийные работники работали на опережение и использовали слухи для принятия встречного, повышенного плана выполнения еще не принятых государственных заданий. Так было в Талызинском районе Горьковской области, где по еще не объявленному займу, в апреле 1953 г., подписка на него была полностью оформлена в сумме 600 тыс. руб. на чистых листах бумаги, с тем, чтобы затем «перенести подписные суммы в подписные листы при их получении». При выяснении обстоятельств рвение ответственных районных работников оказалось преждевременным и при вмешательстве Прокуратуры СССР, объявившей своим постановлением «выговор руководству районом», сочтя это «достаточным наказанием», деньги были возвращены сельским жителям. Колхозники, опираясь на распространившиеся слухи о денежной реформе, раскупили в местных магазинах все товары и поехали в райцентр «положить деньги на книжку»⁴¹⁰. Не единичные факты.

Сельские женщины добровольно и недобровольно передают официальную власть мужчинам, но реальная сила общественного мнения и невидимая женская политика в семье и в деревне явно формируется ими. Мужчины, как правило, выражают свою позицию прямо и открыто, женщины — обдуманно, направленно и до логического завершения задуманной ими идеи. Разными средствами.

Деревенская жизнь открыта. Здесь все про всех хорошо известно. Советское время открыло возможность для сельских жителей высказывать свое личное мнение, часто от имени общест-венности, на публичных мероприятиях в деревне или письменно. Анонимно и с подписями из деревни шел поток писем во все инстанции, вплоть до ЦК КПСС. Чужая жизнь часто

была известна и интересна больше собственной. Зависть к удачливым, выделившимся, преуспевающим — типичное чувство и для города и для деревни. Но в селе все сконцентрировано вокруг нескольких человек. Вначале приглядывались и осуждали стахановцев, ударников, затем переключились на руководство хозяйствами. Справедливо и предвзято писали «жалобы», просьбы, заявления. Разобраться в причинах и следствиях даже в самой деревне было крайне сложно, а удаленному райкому, обкому или вовсе Москве — порой и невозможно. Тем более, как правило, речь шла о моральном облике человека, а его «разложение» усиливалось хозяйственными, административными проступками, с точки зрения автора письма. Такой переписки — значительный пласт.

Профессор Роберта Маннинг считает, что зависть к зажиточным, преуспевающим пришла в Россию из Европы⁴¹¹. Не оспаривая этот тезис, отметим, что это качество и русская деревня знала. Перешло оно и в советскую эпоху. Интерес к жизни соседа, тем более зажиточного, всегда подогревался сомнением в честности нажитого им. И если случалось как-то поучаствовать в проверке его деятельности, особенно на законных основаниях, то желающих посудачить и помочь «следствию» было предостаточно. Имущество проворовавшегося и почившего в 1925 г. старосты маслобойного кооператива Вологодской области было описано. Включая собственный дом, сарай, продуктовые запасы, утварь, предметы домашнего обихода, в протоколе оказался 31 пункт. Но бдительные соседи, наблюдая за жизнью маслобойщика, провели собственное собрание, где присутствовало 25 человек, и «выявили» дополнительно 24 пункта, в частности, «лисые боа, каракулеву шапку, желтые женские ботинки, часы золотые мужские, серьги золотые круглые, брошку золотую с бриллиантами» и т.д., мотивируя этот «правдивый» список тем, что «все это должно быть включено в опись, по нашему мнению, но неизвестно для нас, где оно находится»⁴¹².

С большим любопытством деревенские жители следили за жизнью своих соседей и особенно руководства, до поры до времени приберегая некоторые факты. И писали в самые высокие инстанции по любому поводу в поисках справедливости. Из колхоза «Курсант» Сокольского района Вологодской области член артели обратился к главному лицу страны — Н.С. Хрущеву: «Прошу вашего содействия через следственные органы вмешательства в дела нашего колхоза “Курсант”, так как у нас в колхозе очень много беспорядков, по вине правления колхоза допущенных в 1958 году, по неправильному расходованию колхозных средств. Колхоз на 1 января 1959 года имеет задолженность перед государством более полмиллиона рублей, да и колхозники живут не богато. За 1958 год на трудодень получили 0,5 хлеба и 1 руб. 35 коп. денег.

Приведу факты. В бригаде № 1 деревни Севриги был подряжен плотник, не член колхоза, отремонтировать гуменник. Гуменник отремонтировали, комиссия приняла, деньги в сумме 3 тысячи рублей плотнику оплатили в декабре 1958 года, а в январе 1959 года гуменник, покрытый немолованной соломой, обвалился. Вся крыша упала совсем, и виновных никого нет. Еще факт. Колхозом куплена вторая автомашина, уплачены большие деньги, колхозу пользы нисколько не дала, один убыток. И много других крупных и мелких нарушений устава сельхозартели. Колхозники возмущены тем, что никакие меры к виновникам не принимаются»⁴¹³.

Каждое такое письмо регистрировалось, передавалось в отдел ЦК КПСС (обкома, горкома или райкома КПСС) по принадлежности, часто на место выезжала комиссия для проверки фактов (даже если сигнал был анонимный), и всегда адресат получал ответ о принятых мерах. Поэтому жаловались часто, а ответ ждали всей деревней, особенно если это касалось грубых нарушений устава сельхозартели или моральных проблем. Возможность пожаловаться и повлиять на судьбу своего соседа, особенно если он был выше по социальному статусу, почувствовать себя хозяином не только своей судьбы, но и чужой привлекала многих. Писем было много, разобраться объективно с каждой проблемой трудно, но тень на «обидчика» была брошена, что для изолированного деревенского общества было немало. Для многих писавших это являлось конечной целью.

Письма писали в районные и областные *партийные организации*, но большинство крестьян пользовалось неограниченной возможностью, минуя местный уровень, обратиться в самые высокие инстанции или написать лично Председателю Президиума Верховного Совета СССР или Секретарю ЦК КПСС о своих житейских проблемах. Особенно значимо было «письмо к съезду». Партийные форумы проходили с периодичностью один раз в 5 лет и к приуроченной к этой дате корреспонденции аппарат власти подходил очень серьезно. Только на «имя XXV съезда КПСС» поступило более 600 тыс. писем и телеграмм, и это было не только «огромным энтузиазмом миллионов трудящихся и биением пульса великой могущественной державы, а также свидетельством растущей сознательности советских людей, их общественной активности, политической зрелости», как отмечал Секретариат ЦК КПСС в «совершенно секретном» протоколе своего заседания в апреле 1974 г., а «и хозяйственной заботой о Родине», но все-таки больше о себе, своей семье, своей деревне, о своей малой Родине. Естественно, в основном обращались с просьбами, жалобами, требованиями и в поисках справедливости. И в ответ Секретариат ЦК КПСС констатировал, что в работе с этими письмами допускались факты невнимательного и равнодушного отноше-

ния, формального отношения к жалобам, и принял решение о рассмотрении всех жалоб и писем «в срок не выше одного месяца», редакциям газет и журналов «рекомендовалось» публиковать письма трудящихся, «предавать гласности факты бюрократизма и волокиты в разрешении справедливых жалоб», вместе с тем и «разоблачать, подвергать критике лиц, допускающих клеветнические измышления»⁴¹⁴. И все это была задача далеких от деревни редакций, редакторов, учреждений и их сотрудников. Но, не опасаясь «разоблачений», деревня продолжала писать тысячи писем на неправомерные с ее точки зрения факты, события и, особенно, действия местного начальства. Поток корреспонденции стал снижаться с переходом к демократическим формам жизни государства, но не потому, что исчезли проблемы и желание «пожаловаться», а в связи с игнорированием властью «обращений граждан», так считали в 2000 г. 70% мужчин и 62% женщин. И, надеясь на себя и своих близких, две трети опрошенных предпочли сами разрешить свои жизненные ситуации⁴¹⁵. Правда, среди разделенной по «партийному» признаку деревни крестьяне адресует теперь письма лично «своим» защитникам.

Жизненные катаклизмы не изменили главных российских черт, и по-прежнему социологи рисуют *портрет «русского человека»* по его собственным самооценкам как *душевного, приветливого, щедрого, доверчивого и смелого*. Ему присущи *скромность, жизнерадостность, честность и религиозность*. Русские в равной степени *активны и инертны, ленивы и трудолюбивы, преклоняются перед авторитетом и уверены в себе, недостаточно дисциплинированы, пунктуальны и аккуратны*. Этот современный образ русского человека, по мнению социологов, практически не отличается от образа, данного им в сказках и преданиях, в классической русской литературе, и от образа «русских», закрепившегося в массовом представлении, в том числе и других народов⁴¹⁶. Большинство россиян (59% мужчин и 56% женщин) считают: *Россия должна идти своим особым путем*⁴¹⁷. Характерно, что, как ни сложны, а порой и трагичны, были годы реформирования России, русские продемонстрировали устойчивость многих черт своего характера.

Ни загруженность в общественном производстве, ни занятость в приусадебном и домашнем хозяйстве, ни семейные проблемы не лишали сельских женщин инициативы и желания быть первыми во всех происходящих деревенских делах, активно включаться во все деревенские проблемы и всегда стремиться быть на «первых ролях». И, конечно, среди них выделялись наиболее яркие личности, своим авторитетным словом определявшие общественное мнение большинства. В каждой деревне всегда находилась такая крестьянка, как образно называет ее Василий Белов, «Колоколена»⁴¹⁸. Официально руководящие должности и посты принадлежали мужчинам, но вся

неофициальная власть в деревне и общественное мнение создавались и оставались за женщинами, в том числе и в семье.

Социологические обследования фиксировали, что мужьям редко принадлежал решающий голос в семье. Всего 2% мужей самостоятельно распоряжались деньгами, 5% определяли, как воспитывать ребенка.

Мужья уступали и по другим показателям семейной власти. Женщин, единолично принимавших решение в семье, заметно больше: 27% распоряжались деньгами, 26% имели решающее слово при обсуждении большинства вопросов, каждая пятая определяла, как воспитывать ребенка. 60% опрошенных заявили, что никаких сколько-нибудь важных решений муж не принимает, не посоветовавшись с женой⁴¹⁹.

Усиление женского начала в семье нередко приводит и к конфликтам. Отвечая на вопрос ВЦИОМ при исследовании, проводимом им в 1994 г.: «Кому в семье принадлежит власть?», треть супругов склонны были обвинять друг друга в том, что его (ее) роль в семье занижена, последнее слово при решении главных вопросов принадлежит ему (не ей).

В каждой пятой семье властные полномочия у жены, в каждой шестой — у мужа. Значит, наличие в 36% семей одного субъекта властных прерогатив служило основанием для конфликта. Кроме того, 14% опрошенных считали, что главные вопросы решают другие члены семьи. Опрос показал, что треть респондентов имеют установку на равенство и партнерство супругов. Сравнивая эти результаты с опросом 1989 г. можно заметить, что доля «конфликтных субъектов» сократилась на 3% и одновременно уменьшилась доля «эгалитаристов» (в 1989 г. их было 46%)⁴²⁰.

Со временем женщина должна будет взять на себя еще одну важную функцию: психоаналитика. В трудных условиях перехода к рыночной экономике, крушения системы привычных ценностей и обязанностей на производстве немало мужчин не могли самостоятельно справиться с возникшими проблемами. Требовались удвоенная поддержка и понимание в домашнем, семейном кругу. Мировой медицинский опыт свидетельствует, что в трудных жизненных ситуациях женщины чаще подвержены депрессиям, психическим и паническим расстройствам, тогда как для мужчин более характерны антисоциальное расстройство личности, злоупотребление алкоголем или алкогольная зависимость⁴²¹. Согласно данным исследования, проведенного Всемирным банком, в развивающихся странах депрессивным расстройствами обусловлено около 30% всех случаев нетрудоспособности вследствие психоневрологических расстройств среди женщин и только 12,6% случаев — среди мужчин. По некоторым данным, у женщин психические расстройства случаются в два-четыре раза чаще, чем у мужчин⁴²². Российский постперестроечный опыт говорит об обратном: рус-

ская женщина оказалась более устойчивой к трудностям экономики, изменению привычного образа жизни, социальным потерям и пытается найти выход из сложных жизненных коллизий. По данным медицинской статистики, за 2001 г. из 100 тыс. мужчин 438 страдали психическими расстройствами поведения, тогда как среди женщин только 337, или: 53 к 47 в процентном отношении⁴²³. Русская женщина более терпелива, трезво оценивает ситуацию и готова работать на любом производстве в случае необходимости. Она, как правило, недостаточно заботится о своем здоровье, тем более об эмоционально-психическом, полагаясь на время и терпение. Кроме того, неразвитость психолого-аналитических служб и практически полное отсутствие психоаналитиков и психоневрологов в доступных медицинских учреждениях даже в городах делает невозможным достоверную диагностику. Всемирная организация здравоохранения разработала программы и проекты, направленные на охрану и поддержку психического здоровья женщин⁴²⁴.

Современная российская женщина готова справиться со всеми трудностями, помогает своей семье жить сегодня и с оптимизмом смотрит на будущее. «Мужчины не отдают власть, но, растерявшись под напором политико-экономических перемен, взваливают на плечи женщин все новые и новые обязанности. Сегодня российская женщина многолика: она и работница, и глава семьи, и мать, и хозяйка, и воспитатель, да к тому же еще и домашний психоаналитик для своего мужа. Не потому ли все чаще женщины предпочитают не связывать себя узами брака и рожают детей, оставаясь матерями-одиночками?» — из выступления С.П. Горячевой, заместителя Председателя Государственной Думы Федерального собрания РФ, на Всероссийской конференции по положению женщин (1999 г.)⁴²⁵. Жестко связывая женщин только с семьей, детьми и бытом, а семью и ее благополучие — только с женщиной, общество поддерживает мощные механизмы социополовой стратификации: дом — место женщины, мир — дом мужчины⁴²⁶.

Известная феминистка США, социолог Шарлотта Перкинс писала: «Как естественное следствие разделения труда по половому признаку, в результате которого женщине для работы достается дом, а мужчине весь остальной мир, у нас развилось серьезное предубеждение в пользу того, что домашняя работа является женской обязанностью по своей природе в отличие от любого другого типа деятельности, считающейся мужской»⁴²⁷.

В современной семье утвердилось мнение, что домашней работой должна заниматься не одна жена. И тем не менее большинство дел оставалось за женщиной. Социологи фиксировали, что приготовлением пищи в основном занимались женщины, как правило, без помощи мужа. Им же приходилось в большинстве семей заниматься мытьем посуды, стиркой, глаже-

нием, ремонтом одежды, повседневной уборкой, мытьем окон, полов. Лишь покупка продуктов в магазине осуществлялась и мужчинами и женщинами одинаково. Мужчины были включены в физически трудную работу традиционного характера: уборка двора, топка печей⁴²⁸.

Интересно, что в семьях работников неквалифицированного и малоквалифицированного физического труда, где заработок жены составлял весомую часть семейного бюджета, доля мужей, принимавших активное участие в домашнем хозяйстве, больше, чем в других группах. Можно также отметить несколько меньшую вовлеченность в домашние дела мужей, занимавших более квалифицированные должности, — руководителей и специалистов. Тем не менее и в этих семьях каждый четвертый мужчина активно помогал жене в домашних делах.

По данным одного из обследований сектора социальных проблем семьи, проведенного в 1988 г. в Орловской области, единолично, без помощи мужа или другого члена семьи, приготовлением пищи занимались только половина замужних женщин, уборкой квартиры — 30–40%, стиркой — около 40% женщин, мужа которых занимались умственным трудом, и 60% жен рабочих. Вместе с тем они умели ценить и уровень образования, квалификацию своей жены, а их уважение к производственной работе жены даже выше, чем в других группах⁴²⁹.

Более трети времени в будние дни приходилось на рабочее время и время, связанное с работой (поездка на работу и с работы, обеденный перерыв и т.п.). В 1989 г. по сравнению с 1980 г. рабочее время женщин-рабочих и служащих возросло на 1,5%, рабочее время колхозниц — не изменилось. На удовлетворение физиологических потребностей женщины тратили в рабочий день около 30% суточного фонда времени, а в выходной — до 44%. Основную часть этого времени занимал сон (80%).

Затраты времени женщин — рабочих и служащих — на ведение домашнего хозяйства составляли в рабочий день 3 час. 30 мин., колхозниц — 4 час., а свободное время составляло соответственно — 1 час. 23 мин. и 1 час. 03 мин. В выходной день женщины тратили на ведение домашнего хозяйства почти в 2 раза больше времени, чем в рабочий день, свободного времени оставалось в 3,3 раза больше, чем в будни⁴³⁰.

Для улучшения положения женщины в быту большое значение имеет распределение обязанностей в семье. По данным социологических исследований, рациональное распределение обязанностей между членами семьи особенно широко осуществляется в молодых семьях. Учитывая растущий образовательный уровень населения, все большее понимание молодежью необходимости совместного участия в веде-

**Распределение суточного фонда времени работающих женщин
(1989 г., в процентах к числу опрошенных)**

	Рабочие и служащие		Колхозницы	
	Рабочий день	Выходной день	Рабочий день	Выходной день
Суточный фонд времени	100	100	100	100
в том числе:				
рабочее время и время, связанное с работой	38,3	0,1	34,1	0,1
на ведение домашнего хозяйства	14,5	27,8	16,7	29,3
работа в личном подсобном хозяйстве, на садовом, дачном и другом земельном участке	0,6	1,8	4,7	7,5
воспитание детей	2,2	3,4	1,9	3,0
свободное время	5,8	19,2	4,4	14,2
удовлетворение физиологических потребностей	37,7	44,4	37,5	43,1
из них сон	30,4	34,7	30,2	33,8
другие затраты времени	0,9	3,3	0,7	2,8

* Обследование бюджета времени проведено в марте 1990 г. В опросе приняли участие около 200 тыс. членов семей рабочих, служащих, колхозников и пенсионеров, из них более 80 тыс. работающих женщин.

Источник: Вестник статистики. 1991. № 2. С. 51.

нии домашнего хозяйства, можно полагать, что в будущем число таких семей будет увеличиваться.

Для женщин характерно ярко выраженное стремление разделить домашнюю работу с мужьями (причем 20% выступали за полное равенство в этой области), в то время как почти треть мужчин высказывались за традиционное распределение обязанностей.

Между тем коллективный характер домашнего труда, взаимопомощь (когда муж не просто помогает, а разделяет домашние хлопоты с женой), взаимозаменяемость не только облегчают организацию быта семьи, но и благодаря гибкой системе распределения обязанностей создают атмосферу большего взаимопонимания, доброжелательности, взаимной заботы. Все это способствует упрочению семьи, повышает удовлетворенность женщины браком⁴³¹. Но патриархальная точка зрения на распределение семейных обязанностей остается приоритетной во многих, если не в большинстве семей.

В 1970-е гг. удельный вес семей, в которых достигнута полная кооперация домашнего труда, составлял примерно 35–55%. В остальных семьях либо существовала частичная кооперация, либо по-прежнему большую часть обязанностей по дому выполняла женщина. О неравномерности распределения нагрузки между мужем и женой говорят данные таблицы № 53.

Между тем, как свидетельствуют многочисленные выборочные социологические исследования, справедливое распределение домашних обязанностей все чаще определяет удовлетворенность женщины браком. Если в семьях, где домашние обязанности целиком или почти целиком выполняла жена, только 21,6% женщин оценивали свой брак как счастливый, а больше 40% — как неудачный, то в семьях, где оба супруга несут одинаковую нагрузку, счастливых браков 60,8%, а неудачных — лишь 5,6%.

Привычный стереотип, согласно которому только жена должна выполнять обязанности по дому, все больше разрушается в сознании женщины. Лишь очень незначительная часть (15%) работниц считали, что мужа не следует обременять домашними обязанностями. Это, как правило, женщины пожилого возраста со сравнительно низким уровнем как профессиональной, так и общей культуры. По мере увеличения семьи и продолжительности брака фиксируется тенденция к перекладыванию большей части домашних забот на жену.

Справедливое разделение домашнего труда более характерно для молодых семей, где супругам не более 24–25 лет, и для семей с уровнем образования не ниже среднего⁴³².

Таблица № 53

**Основные затраты времени, связанные с домашним трудом
(в часах и минутах)**

Виды домашней работы	Семейная женщина		Семейный мужчина	
	Рабочий день	Выходной день	Рабочий день	Выходной день
приготовление пищи, мытье посуды, топка печей	1,15	2,10	0,14	0,18
уборка жилья	0,40	1,00	0,11	0,24
покупка в магазине, на рынке	0,55	1,30	0,21	0,29
уход за детьми	0,25	0,50	0,09	0,14
домашний труд в целом	3,15	5,30	0,55	1,25

Источник: Левин Б.М. Мотивация женского труда и семейно-бытовые отношения. М., 1970. С. 7.

Большинство домашних работ традиционно считались женскими. По данным опроса в г. Орле и Орловской области, в молодых семьях мужья чаще помогали своим женам в исконно «женских» работах. Правда, единолично, например, приготовлением пищи занимались только 8% молодых мужей, но совместно с супругой — более 20%. Мыли посуду 15% мужей, убирали в квартире — 13%, стирали — 6%, занимались починкой одежды — 4%.

Различным ремонтом в квартире занимались более 60% мужей. Это отражает традиционное представление о мужских обязанностях в доме, которого продолжали придерживаться немало не только мужчин, но и женщин. «Домашняя работа — женская работа» — считали 13% женщин и 16% мужчин.

Каждая семья решает вопрос о распределении семейных обязанностей по-своему, в соответствии с ситуацией (занятость мужа и жены, присутствие старших родственников, материальное положение) и взглядами, воспитанными в детстве. Наиболее распространенное мнение о распределении семейных обязанностей: «если оба супруга работают, они должны делить домашние обязанности». Его придерживалось около половины женщин и 40% мужчин. Более половины женщин и почти половина мужчин были удовлетворены распределением домашних обязанностей в своей семье. Однако вторая половина семей ощущала ту или иную неудовлетворенность, а более 40% женщин хотели бы изменить существующее в их семьях распределение обязанностей. Однако оставить работу хотели бы всего 0,5% женщин, а перейти на неполную рабочую неделю или день — 39% женщин⁴³³.

Более 40% всех затрат времени, связанных с ведением домашнего хозяйства, в рабочие и более 30% в выходные дни у женщин забирала кухня. Трудности с выбором продуктов питания, недостаток в продаже полуфабрикатов сказались на увеличении по сравнению с 1980 г. затрат времени на приготовление пищи на 12%.

Примерно пятая часть домашнего труда уходила на стирку, шитье, уход за одеждой, бельем и обувью; до 13% — на уборку квартир; до 18% — на покупку товаров и получение услуг⁴³⁴.

Перераспределение труда в семье — лишь один из путей высвобождения свободного времени женщины. Более важным путем может быть облегчение домашнего труда с помощью бытовой техники и совершенствования системы общественного обслуживания. В 1980 г. было продано населению 3538 тыс. стиральных машин, а в 1987 г. — 5168 тыс., электропылесосов в 1980 г. — 2714 тыс., а в 1987 г. — 3785 тыс.⁴³⁵

Решение проблемы облегчения домашних работ женщины-матери связано и с рядом психологических нюансов. С одной стороны, невозможно не учитывать природной склонности женщины вносить тепло и уют в свою семью, забо-

**Затраты времени на ведение домашнего хозяйства
женщинами-рабочими, служащими, колхозницами (1989 г.)**

	Рабочие и служащие		Колхозницы	
	Рабочий день	Выходной день	Рабочий день	Выходной день
Затраты времени на ведение домашнего хозяйства в среднем на одну работающую женщину в сутки из них, в %	3 час. 30 мин.	6 час. 41 мин.	4 час. 01 мин.	7 час. 01 мин.
на работу по дому	81,8	85,9	89,5	91,9
в том числе:				
приготовление пищи	41,8	33,4	44,2	34,4
стирка, глажение	12,6	18,9	14,9	18,9
шитье, вязка, уход за одеждой, обувью	8,2	10,9	5,5	8,4
уборка квартиры	10,2	13,3	11,0	11,7
ремонт бытовых приборов, мебели, жилья, отопление	1,2	1,8	4,2	6,1
уход за детьми	6,0	5,6	6,7	7,8
прочие виды домашнего труда	1,8	2,0	3,0	4,6
на покупку продуктов	13,4	9,9	7,7	5,5
на покупку промышленных товаров	4,0	3,7	2,5	2,4
на получение услуг	0,8	0,5	0,3	0,2

* По материалам обследования бюджета времени, проведенного в марте 1990 г. В опросе приняли участие около 200 тыс. членов семей рабочих, служащих, колхозников, пенсионеров, из них более 80 тыс. работающих женщин.

Источник: Вестник статистики. 1991. № 2. С. 51–52.

таться о близких. С другой стороны, нельзя оставить без внимания такой примечательный факт, выявленный в ходе социологических исследований, что по мере роста образовательного уровня обоих супругов доля участия мужа в домашних делах значительно увеличивается. Установлено наблюдениями, что молодые супруги больше помогают друг другу в решении хозяйственных дел, чем, скажем, супруги среднего возраста или пожилые. И, наконец, в-третьих, представляется абсолютно необходимым, в первую очередь в воспитательных целях, разумное привлечение к бытовым семейным делам и детей⁴³⁶.

Среди молодежи, особенно среди лиц с высшим образованием, больше распространены новые нормы взаимоотношений. Молодые женщины с высшим образованием, часто лишённые всякой помощи других членов семьи, кроме мужа, стремятся освободить время для профессионального продвижения и удовлетворения других многообразных интересов. В таких семьях муж либо включается активно в домашние дела, либо возникает конфликт, нередко заканчивающийся разводом. Понятно, что такие семьи чаще распространены в городах, хотя в последние годы они появились и в сельской местности, особенно в центральных районах. В сельской местности подобный конфликт может быть более острым, так как бытовые проблемы, ведение подсобного хозяйства могут делать нагрузку профессионально ориентированной женщины невыносимой.

В многодетных семьях мужчины в полтора раза чаще, чем в среднем, готовы разделить домашние дела с женой. Люди 40 лет и старше более негативно оценивают необходимость участия мужчин в домашней работе. Особенно заметно это отношение у лиц с низким уровнем образования и квалификации, соответственно, располагающих низкими доходами⁴³⁷.

Каждая десятая женщина считала, что муж не делает абсолютно ничего, а среди мужчин не нашлось ни одного, кто оценил бы свое участие в домашней работе как нулевое. Около 40% опрошенных семейных респондентов считали, что в их семьях домашняя работа делится между супругами поровну, а в семье каждого второго респондента эта работа либо целиком, либо в значительной степени лежит на плечах женщины.

Фактическое разделение домашней работы между супругами не очень зависит от их представлений о предпочтительном разделении семейных обязанностей. Например, только половина поборников равенства воплощают в жизнь свои убеждения, другая половина перекладывает домашнюю работу в основном на женские плечи. А среди тех, кто считает, что «муж должен заботиться о заработке, а жена о семье», только 40% вносят в семейный бюджет больше, чем их жены.

Но мужчины и женщины весьма по-разному относились к такой практике разделения труда. Мужчин такое положение, как правило, устраивало. Большинство из них оценивали сложившееся положение как полностью их удовлетворяющее. Для женщин характерно совсем иное восприятие проблемы: несмотря на распространенное мнение о неизбежности любви женщин к домашнему хозяйству, большинство из них недовольны сложившимся в семье разделением домашнего труда и размерами помощи партнера по браку.

Главный семейный вопрос — воспитание детей — также оказался спорным по оценкам супругов. Если половина отцов считали себя равноправными воспитателями своих детей, то

**Оценка респондентов фактического участия супруга (супруги)
в воспитании детей***

	Мужчины		Женщины	
	Чел.	%	Чел.	%
Ничего не делает	1	0,4	32	10,6
Делает меньше, чем я	11	4,5	126	41,9
Поровну	118	48,8	126	41,9
Делает больше, чем я	100	41,3	4	1,3
Только он (она)	1	0,4	1	0,3
Затрудняюсь оценить	11	4,5	12	4,0
Итого	242	100,00	301	100,00

* 1997 г.

Источник: Права женщин в России: исследование реальной практики их соблюдения и массового сознания (по результатам опроса). М., 1998. Т. 1. С. 256.

их поддерживали в этом около 42% женщин, которые отметили, что каждый десятый семьянин не занимался своими детьми. Но объективности ради надо сказать: свыше 40% отцов считали, что матери уделяли больше внимания детям, чем они сами⁴³⁸.

В России женщина, с одной стороны, испытывала двойную нагрузку, но с другой — имела личную независимость. Двойственная оценка положения женщины (дискриминация в публичной сфере, эмансипация и доминирование в приватной) присутствует и в представлениях женщин о самих себе. С одной стороны, они осознают свою эмансипированность и не хотят ее потерять, с другой стороны — страдают от той двойной нагрузки, которую постоянно испытывают.

В современной России наблюдается попытка уйти от «старой» роли советской женщины: «Разве я женщина? Я загнанная лошадь. Я только и бегаю между работой, магазином и домом. Система нас изуродовала, а мужиков мы сами избаловали. С этим надо что-то делать».

Или еще одно высказывание: «Я не хочу, чтобы моя дочь повторила мой путь. Я не хочу, чтобы она была типичной советской женщиной. Я постараюсь дать ей другое воспитание»⁴³⁹.

Размеренность и поступательное движение сельской жизни были прерваны социально-экономическими реформами 1990-х гг. Отказ от советских привилегий для всех (бесплатное образование, медицина, социальное страхование и т.п.) оказался бо-

лезненным и неожиданным. Большинство сельских женщин не вписывались в новую экономическую модель. Разрушенный стереотип советской колхозницы лишь психологически освободил крестьянку, но вместе с этим она оказалась вне государственной поддержки и защиты и в условиях привычной корпоративной сельской жизни вновь ностальгически стремится к совместной экономической модели существования деревни.

Большинство российских женщин в круг своих жизненных ценностей включают надежных друзей, уважение к себе окружающих людей, настоящую любовь, честно прожитую жизнь, счастливую семью, отдельную квартиру, занятие любимым делом и воспитание хороших детей. Эти цели в числе тех, которых они уже добились или хотели бы добиться в жизни, назвали более 93% опрошенных женщин. Причем, цели, связанные с личностным аспектом (друзья, квартира, интересная работа) даже опередили «семейные» установки россиянок. Но с другой стороны, карьерный рост, например открытие собственного бизнеса, значительному числу женщин оказался неинтересен. При всем многообразии интересов российская женщина на одно из первых мест выдвигает семью и детей, придавая этому важное, но не единственно главное значение. Женщины различного социального статуса и возраста в этом едины. Россиянки даже после 40 лет в числе самых приоритетных ценностей назвали счастливые семейные отношения и воспитание хороших детей, но «личностные» интересы: отдельная квартира, надежные друзья и честно прожитая жизнь — оказались в числе главного. Однако среди молодых женщин большинство стремятся сделать карьеру, попасть в определенный круг людей и иметь собственный бизнес, в то время как их соотечественницы старшего возраста к этому не стремятся⁴⁴⁰. Среди молодежи много незамужних, и они свободно распоряжаются своей судьбой и профессиональной карьерой, тогда как семейные женщины старшего возраста имеют печальный опыт конфликтов из-за своих профессиональных успехов, тем более если эти успехи весомее, чем у супруга, они не хотят рисковать семейным благополучием, выслушивая упреки мужа: «Я прожил семь лет не столько с женой, сколько с ее карьерой»⁴⁴¹, и, стараясь сгладить ситуацию, снижают планку эмансипированности.

Однако не все жизненные планы женщин, с их точки зрения, могут сбыться: проблемно для многих побывать за границей, получить престижную работу, влиться в бизнес, заниматься любимым делом, иметь собственную отдельную квартиру. Важно, что российские женщины, как и в советские времена, важнейшей предпосылкой профессионального роста, успешной самореализации, залогом интересной трудовой и семейной жизни видят *высшее образование*⁴⁴². И независимо от того, как будет оплачиваться впоследствии их труд, они ак-

тивно стремятся к получению высшего образования и составляют большинство среди имеющих его.

Для женщин проблема их неравноправия с мужчинами остается по-прежнему сложной и неоднозначной. Однако есть сферы, где россиянки, по их общему мнению, имеют равные и даже большие, чем у мужчин, права: это возможность получить профессиональное образование, семейные отношения, организация отдыха в отпускное и свободное время, участие в общественной жизни. Нарушение равенства своих прав россиянки видят прежде всего в сфере занятости, причем эти нарушения носят многогранный характер. Прежде всего это возможность трудоустройства, особенно по полученной профессии. Отчетливо прослеживается дискриминация и в ограничении доступа женщин к их участию в политической жизни. В условиях возросшей конкуренции, являющейся характерной особенностью рыночных отношений, женщины дискриминируются в важнейших из прав — в квалифицированном и высокооплачиваемом труде по специальности и в доступе к власти. При этом в условиях безработицы часто ставится под вопрос и вообще их возможность трудоустройства. Это вынуждает многих из них мириться с неравенством в оплате труда и невозможностью получить работу по специальности⁴⁴³. Женский труд стабильно оплачивается в полтора и более раз ниже, чем мужской⁴⁴⁴. Особенной «профессиональной» дискриминации подвергаются сельские женщины, тем более что средняя зарплата на селе в два с половиной раза меньше рабочего промышленнойности, как заявил в интервью «Пора подниматься с колен» газете «Аргументы и факты» министр сельского хозяйства России А. Гордеев⁴⁴⁵. С учетом высокой доли пенсионеров уровень среднедушевых денежных доходов в сельской местности оказался вдвое ниже городского. Согласно бюджетным обследованиям середины 1990-х гг., в деревнях до 70% населения проживало за официальной чертой бедности (в городах более 20%)⁴⁴⁶. За чертой бедности в 2003 г. оказалась фактически каждая пятая семья. Среди крестьян бедных в три раза больше, чем среди горожан⁴⁴⁷. Почти 80% россиянок отмечают, что за последние десять лет женщинам работу найти стало сложнее. Конечно, это общероссийская проблема и затрагивает мужчин тоже. На начало 2002 г. численность безработных составила 6153,5 млн человек, из них женщин 2831,3 млн — 46%, на сельскую местность пришлось треть не имевших работу: 1938,6 млн. Средний возраст безработного мужчины — 34,7, женщины — 34,9 лет. Среди безработных было больше женщин с высшим и средним профессиональным образованием, они в первую очередь попадали под сокращение штатов, реже увольнялись «по собственному желанию» и дольше мужчин искали новое место работы: средняя продолжительность поиска работы мужчиной составила в 2001 г. — 7,8 месяца, женщиной — на месяц дол-

ше. Но почти половина женщин, потерявших работу в деревне, и до 40% — в городе искали ее более года. В органах государственной службы занятости было зарегистрировано 763 тыс. безработных женщин и 360 тыс. мужчин (68% к 32%)⁴⁴⁸. Численность населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума официальной статистикой фиксировалась в 2001 г. в 49,8 млн человек, или 34,5% к общей численности населения, в 2002 г. — в 45,1 млн, или 31,5%⁴⁴⁹. В 2003 г., по экспертным оценкам, доходы почти 60 млн. человек не покрывали прожиточного минимума, 25–30 млн имели их меньше стоимости потребительской корзины, «фактически нищенствовали». Особенностью российского феномена стала бедность работающих, появилась категория «новых бедных»⁴⁵⁰.

За период реформ найти работу, получить желаемое образование, занять руководящую работу, уберечься от насилия, устроить свою личную жизнь, растить и воспитывать детей, вести домашнее хозяйство, следить за здоровьем и своей внешностью для большинства россиянок за последние десять лет стало труднее⁴⁵¹. Но и мужчины и женщины считают, что государство не должно допускать слишком большого разрыва в условиях жизни разных людей и общественных групп. При этом женщины демонстрируют более негативное отношение к социальной дифференциации, чем мужчины. Во многом это обусловлено тем, что они в меньшей степени склонны руководствоваться принципом опоры на собственные силы и чаще ориентируются на привычную в советские времена помощь и опеку государства⁴⁵².

Жизнь российской женщины насыщена многими проблемами. Главная из них — недостаточный уровень материальной обеспеченности большинства россиянок. Признают этот факт и вошедшие во власть женщины, депутаты Государственной Думы: «Сегодня быть в России женщиной — это значит быть бедной! Мужчины богаче женщин. Женщины живут в среднем на 12 лет дольше, а пенсия у нас в стране ниже прожиточного минимума. Вот и получается, что женщины в бедном большинстве»⁴⁵³. Seriously озабочены женщины нерешенными социальными проблемами, невозможностью отдыха в отпускное время, получением детьми хорошего образования, медицинским обслуживанием и на ближайшие пять-десять лет главным считают «наладить стабильную и нормальную жизнь в России»⁴⁵⁴.

Но сами женщины на свою жизнь смотрят с оптимизмом и надеются на лучшее в будущем. Этот взгляд на российскую действительность с каждым годом становится увереннее⁴⁵⁵. Опорой этому оптимизму служат добрые семейные отношения и поддержка друзей. И надежда на изменение государственного мужского всеобъемлющего приоритета власти, ибо как считают сами женщины: «Особые социальные интересы женщин касаются прежде всего человека. Мужчин интересуют процессы, ресурсы, машины, технология, а женщина изначально,

так как она дает жизнь человеку, отстаивает в основном вопросы, связанные с человеком. Поэтому когда у нас во власти нет женщин, мужчины не поднимают многие социальные вопросы — в их сознании это какие-то второстепенные вопросы»⁴⁵⁶. Для решения государственных вопросов вхождение женщин во власть должно составлять не менее 30%, как начальная ступень, и 50% — как характеризующая общество *равной демократии*. Для сельской глубинки — это далекая жизнь. Она озабочена решением простых каждодневных проблем, которыми раньше занимались колхоз и сельсовет. В исчезающей русской деревне, практически повсеместно заселенной старившимися вдовами, вопроса о том, кому принадлежит местная власть, не существует, ибо при полной своей ненужности жительницы предоставлены сами себе и, конечно, обязательно среди них найдется решительная женщина, которая возьмет на себя ответственность за деревню и живущих в ней односельчан. Мужчины не претендуют на такого рода деятельную власть и согласны в таких деревнях поддержать, молча осуждая, новоявленного «сельского мэра». Во владимирских деревнях Сулово, Демино и Нармучь фельдшер, а по совместительству «сельский мэра», как называют Н.М. Алексееву, на личном транспорте — лошади Мальчике объезжает подвластные ей места. Немногим более ста жителей на 40 дворов остались во владимирской глубинке и собираются в основном около автолавки, курсирующей по бездорожью три раза в неделю, побеседовать, пожаловаться, попросить у своей власти помощи и поддержки. Конкурентов занять эту руководящую должность в обезлюдевших деревнях не находится. У современной деревни женское лицо и добрая отзывчивая женская душа.

Примечания

¹ Среди остальных: 15,9 млн (10%) старообрядцы, 12,7 млн (8%) — католики, 7,2 млн (4,5%) — протестанты, 9,6 млн (6%) — мусульмане, 6,4 млн (4%) — иудеи.

² Артемова О.В. Исполнение религиозных обрядов членами ВКП(б) (по материалам ВОАНПИ) // Региональные аспекты исторического пути православия: архивы, источники, методология исследований. Историческое краеведение и архивы. Вып. 7. Вологда, 2001. С. 438–441.

³ Васильева О.Ю. Русская Православная Церковь в политике Советского государства в 1943–1948 гг. М., 2001. С. 9,13; Она же. История Православной церкви на страницах школьного учебника. «Круглый стол»: Каким быть современному школьному учебнику по Отечественной истории XX века? // Отечественная история. 2002. № 3. С. 45.

⁴ Указанные данные включают всех верующих, а не только православных.

⁵ Жиромская В.Б. Отношение населения к религии: по материалам переписи 1937 года // Труды Института российской истории РАН.

1997–1998 гг. Вып. 2. М., 2000. С. 329–330. На вопрос переписи 1937 г. о религии ответили 80% взрослого населения СССР в возрасте 16 лет и старше (Жиромская В.Б. Указ. соч. С. 325).

⁶ Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное. М., 2001. С. 206, 209.

⁷ Голоса крестьян: Сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах. М., 1996. С. 70.

⁸ Ворошилова О. Перский православный приход в эпоху перемен (1840–е–1940-е гг.) // Вперед (г. Устюжна, Вологодской области). 2002. 31 мая.

⁹ Чуйкова Т.Б. Ликвидация церквей в Боровичском районе в 1935–1942 гг. По документам Государственного архива Новгородской области // Региональные аспекты исторического пути православия: архивы, источники, методология исследований. Историческое краеведение и архивы. Вып. 7. Вологда, 2001. С. 469–473.

¹⁰ Архив УВД Архангельской области. Ф. 5. Оп. 19. Д. 857. Л. 11, 28, 31.

¹¹ Беглов А.Л. Церковное подполье 1920–1940-х годов в СССР в контексте государственно-церковных отношений. Диссертация на соискание кандидата исторических наук. М., 2003.

¹² Васильева О.Ю. Русская Православная Церковь в политике Советского государства в 1943–1948 гг. С. 33–34.

¹³ Там же. С. 34–35.

¹⁴ РГАНИ. Ф. 89. Перечень 49. Документ 23. Л. 1.

¹⁵ Там же. Документ 24. Л. 1–3.

¹⁶ Там же. Документ 25. Л. 2–4.

¹⁷ Там же. Л. 2.

¹⁸ Отечественная история. 2002. № 3. С. 45.

¹⁹ Васильева О.Ю. Русская Православная Церковь после Сталина // Материалы «круглого стола» 4 марта 2003 г.: 50 лет без Сталина: наследие сталинизма и его влияние на историю второй половины XX века. М., 2005. С. 118–119.

²⁰ Васильева О.Ю. Русская Православная Церковь в политике Советского государства в 1943–1948 гг. С. 108.

²¹ Там же. С. 120.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Там же. С. 41.

²⁵ Зырянов П.Н. Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века, М., 1999. С. 286, 292.

²⁶ Васильева О.Ю. Русская Православная Церковь в политике Советского государства в 1943–1948 гг.. С. 207.

²⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Д. 704. Л. 2–4, 7, 12–13, 53.

²⁸ Камкин А.В., Спасенкова И.В., Тимофеева Я.Б., Бахтенков Е.В. Общественно-религиозная активность сельского православного населения Европейского Севера в 1918 — начале 1950-х гг. // Северная деревня в XX веке: Актуальные проблемы истории. Вологда, 2000. С. 45–46.

²⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 91. Л. 16.

³⁰ Там же. Оп. 16. Д. 704. Л. 41, 43, 49–51.

³¹ Там же. Оп. 34. Д. 25. Л. 59; Оп. 33. Д. 90. Л. 140.

³² Там же. Л. 90.

³³ Васильева О.Ю. Русская Православная Церковь в политике Советского государства в 1943–1948 гг. С. 207.

³⁴ Отечественная история. 2002. № 3. С. 46

³⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 91. Л. 53.

³⁶ Там же. Л. 13–15, 17.

³⁷ Отечественная история. 2002. № 3. С. 47.

³⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 91. Л. 13–15, 17.

Антирелигиозная кампания распространялась не только на Русскую Православную Церковь. Помимо Русской Православной Церкви в 1957 г. в СССР действовали: 1245 костелов, 476 лютеранских кирх, 148 старообрядческих церквей, 398 мечетей, 135 синагог, 3 буддистских храма, 48 армяно-григорианских церквей, 373 незарегистрированные секты, 5104 молитвенных дома, 2648 незарегистрированных групп верующих, 5172 служителя культа и 50 тыс. религиозных активистов. Все религиозные организации были в поле зрения государственной политики, а верующие в полной мере подлежали возможно максимальному атеистическому перевоспитанию. (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 90. Л. 82–84.)

³⁹ Советская жизнь. 1945–1953. М., 2003. С. 646.

⁴⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 90. Л. 64.

⁴¹ Там же. Д. 91. Л. 17; Оп. 34. Д. 37. Л. 4; Д. 57. Л. 23, 31.

⁴² Там же. Оп. 15. Д. 429. Л. 66.

⁴³ Там же. Л. 69.

⁴⁴ Там же. Л. 68.

⁴⁵ Там же. Л. 67.

⁴⁶ Там же. Л. 66.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Отечественная история. 2002. № 3. С. 47.

⁴⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Д. 689. Л. 114–115.

⁵⁰ Там же. Л. 115.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же. Л. 116.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же. Д. 704. Л. 197.

⁵⁵ Там же. Л. 197–198.

⁵⁶ Там же. Д. 690. Л. 73.

⁵⁷ Там же. Оп. 34. Д. 37. Л. 74.

⁵⁸ Там же. Л. 68–69.

⁵⁹ Там же. Оп. 33. Д. 93. Л. 10, 83–85.

⁶⁰ Отечественная история. 2002. № 3. С. 46–47.

⁶¹ Там же. С. 47.

⁶² ГАВО. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 954. Л. 89.

⁶³ Там же; РГАНИ. Ф. 5. Оп. 34. Д. 57. Л. 132; Д. 76. Л. 1–2.

⁶⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 91. Л. 92.

⁶⁵ Димони Т.М. Духовные традиции крестьянства Европейского Севера России в 1945–1960 гг. (проблемы взаимоотношений с властью) // Северная деревня в XX веке: Актуальные проблемы истории. Вологда, 2000. С. 90–91.

⁶⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 91. Л. 35–37.

⁶⁷ Там же. Оп. 34. Д. 57. Л. 8–9.

⁶⁸ Там же. Л. 9.

⁶⁹ Там же. Д. 76. Л. 8.

⁷⁰ Там же. Оп. 33. Д. 91. Л. 95–97.

- ⁷¹ Там же. Оп. 34. Д. 76. Л. 8.
- ⁷² Там же. Оп. 33. Д. 91. Л. 130, 133.
- ⁷³ Там же. Оп. 16. Д. 689. Л. 116.
- ⁷⁴ Там же. Оп. 33. Д. 90. Л. 137.
- ⁷⁵ Там же. Л. 139.
- ⁷⁶ Там же.
- ⁷⁷ Там же. Оп. 34. Д. 25. Л. 59.
- ⁷⁸ Там же. Д. 120. Л. 68.
- ⁷⁹ Там же. Л. 73.
- ⁸⁰ Там же. Д. 57. Л. 133.
- ⁸¹ Там же. Л. 132.
- ⁸² Там же. Оп. 33. Д. 90. Л. 54.
- ⁸³ ГАВО. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 954. Л. 90.
- ⁸⁴ Там же.
- ⁸⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 90. Л. 54.
- ⁸⁶ Там же. Д. 91. Л. 78, 79; Оп. 34. Д. 25. Л. 59.
- ⁸⁷ Там же. Оп. 34. Д. 25. Л. 59.
- ⁸⁸ Там же. Д. 57. Л. 133.
- ⁸⁹ Там же. Оп. 33. Д. 90. Л. 53.
- ⁹⁰ Советская жизнь. 1945–1953. М., 2003. С. 645.
- ⁹¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 91. Л. 66.
- ⁹² Там же. Оп. 34. Д. 57. Л. 133.
- ⁹³ Там же. Оп. 33. Д. 91. Л. 80.
- ⁹⁴ Там же. Оп. 34. Д. 25. Л. 70–71.
- ⁹⁵ Там же. Д. 57. Л. 34.
- ⁹⁶ Там же. Д. 25. Л. 35.
- ⁹⁷ Там же. Л. 36.
- ⁹⁸ Там же. Л. 36–37.
- ⁹⁹ Там же. Л. 37.
- ¹⁰⁰ Там же. Д. 120. Л. 37.
- ¹⁰¹ Там же.
- ¹⁰² Там же. Оп. 55. Д. 72. Л. 109.
- ¹⁰³ Там же. Оп. 34. Д. 120. Л. 38–39.
- ¹⁰⁴ Там же. Оп. 33. Д. 233. Л. 40–41.
- ¹⁰⁵ Королева Л.А., Королев А.А. Государство и религиозные объединения во второй половине 1960–1980-х гг. (Пензенская область). М.-Пенза, 2002. С. 67.
- ¹⁰⁶ Советская жизнь. 1945–1953. М., 2003. С. 645.
- ¹⁰⁷ РГАНИ. Ф.5. Оп. 33. Д. 233. Л. 40–41.
- ¹⁰⁸ Denisova L.N. Rural Russia: Economic, Social and Moral Crisis. N-York, 1995. P. 216.
- ¹⁰⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 3. Д. 233. Л. 8–9.
- ¹¹⁰ Там же. Л. 21.
- ¹¹¹ Там же. Л. 20.
- ¹¹² РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 87. Л. 40–42.
- ¹¹³ Среди остальных: старообрядцы — 0,8% — 2,2 млн человек, католики — 5,5% — 14,9 млн, протестанты — 3% — 8,1 млн, мусульмане — 18,9% — 50 млн, иудеи — 0,2% — 540 тыс. человек. В целом по СССР половина населения смогла однозначно определиться в отношении религиозной принадлежности // Политическое самообразование. 1980. № 9. С. 97; Отечественная история. 2002. № 3. С. 48.

- ¹¹⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 102. Д. 343. Л. 33.
- ¹¹⁵ Вестник статистики. 1992. № 1. С. 53.
- ¹¹⁶ Борзенко В.И. Религия в посткоммунистической России: новая евангелизация 100 лет спустя // Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития. М., 1994. Вып. 1. С. 231–233.
- ¹¹⁷ Россия на рубеже веков. М., 2000. С. 143–145.
- ¹¹⁸ Айвазова С., Кертман Г. Женщины на randеву с российской демократией. М., 2001. С. 38.
- ¹¹⁹ Россия на рубеже веков. С. 143–147, 162; Айвазова С., Кертман Г. Указ. соч. С. 38.
- ¹²⁰ Историческая память населения России // Отечественная история. 2002. № 3. С. 198, 200.
- ¹²¹ Ястребинская Г., Субботина Г. История семьи Воробьевых. Вологодская область, Вологодский район, деревня Уткино // Отечественные записки. 2002. № 6. С. 528.
- ¹²² Россия на рубеже веков. С. 143–147, 162, 396–404.
- ¹²³ Борзенко В.И. Религия в посткоммунистической России: новая евангелизация 100 лет спустя // Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития. М., 1994. Вып. 1. С. 234.
- ¹²⁴ Российская газета. 1994. 5 апреля.
- ¹²⁵ Россия в цифрах. 2003. Краткий статистический сборник. М., 2003. С. 49.
- ¹²⁶ Россия на рубеже веков. С. 173.
- ¹²⁷ Голоса крестьян. Крестьяне Кубани пишут Г. Явлинскому. Кубань — М., 1998–1999. С. 2.
- ¹²⁸ ГАВО. Ф. 1300. Оп. 21. Д. 844. Л. 103 об. — 104.
- ¹²⁹ Нечерноземная целина России. М., 1977. С. 170; Проблемы преодоления социально-экономических различий между городом и деревней. М., 1976. С. 206.
- ¹³⁰ Денисова Л.Н. Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960–1980-е годы. М., 1996. С. 179.
- ¹³¹ Правда. 1983. 17 января.
- ¹³² Марков Е.М., Бутузова В.П., Таратынов В.А., Мусатов В.В. Градостроительные основы развития малых населенных мест Нечерноземной зоны РСФСР. М., 1984. С. 25.
- ¹³³ Красножон В.М. Обслуженность сельских населенных пунктов Нечерноземной зоны РСФСР автомобильными дорогами и структура сети внутрихозяйственных дорог // Труды Института комплексных транспортных проблем при Госплане СССР. 1981. № 87. С. 220–235.
- ¹³⁴ Сельская новь. 1989. № 6. С. 6.
- ¹³⁵ Вестник статистики. 1992. № 1. С. 10.
- ¹³⁶ Проблемы преодоления социально-экономических различий между городом и деревней. С. 206; Кадры сельского хозяйства. 1983. № 6. С. 73.
- ¹³⁷ Российский статистический ежегодник. 2002. Статистический сборник. М., 2002. С. 202.
- ¹³⁸ Народное хозяйство РСФСР в 1980 г. Стат. ежегодник. М., 1981. С. 199; Народное хозяйство РСФСР в 1989 г. Стат. ежегодник. М., 1990. С. 644.
- ¹³⁹ Народное хозяйство РСФСР в 1989 г. С. 646.
- ¹⁴⁰ Российский статистический ежегодник. 2002. С. 473.
- ¹⁴¹ Здоровье. 2000. № 1. С. 2.

- ¹⁴² Российский статистический ежегодник. 2002. С. 473.
- ¹⁴³ Алексеев А.И., Ковалев С.А., Ткаченко А.А. География сферы обслуживания. Калинин, 1988. С. 64.
- ¹⁴⁴ Сельские населенные пункты РСФСР. Стат. сб. М., 1970. Т. 1. С. 9–10.
- ¹⁴⁵ Вестник статистики. 1988. № 11. С. 51, 53–54; Denisova L.N. P. 178.
- ¹⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 58. Л. 7–8.
- ¹⁴⁷ Вестник статистики. 1988. № 11. С. 51, 53; 1992. № 1. С. 10.
- ¹⁴⁸ Там же. 1988. № 11. С. 54.
- ¹⁴⁹ Денисова Л.Н. Невосполнимые потери: Кризис культуры села в 60–80-е годы. М., 1995. С. 130.
- ¹⁵⁰ Правда. 1989. 22 января.
- ¹⁵¹ Вестник статистики. 1988. № 11. С. 51, 53 Denisova L.N. P. 178–179.
- ¹⁵² ГАВО. Ф. 1300. Оп. 21. Д. 844. Л. 146.
- ¹⁵³ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 23. Д. 202. Л. 8.
- ¹⁵⁴ Там же. Л. 9.
- ¹⁵⁵ Там же. Л. 9–10.
- ¹⁵⁶ Там же. Л. 10–12.
- ¹⁵⁷ Там же. Ф. Р-7928. Оп. 2. Д. 188. Л. 153.
- ¹⁵⁸ Там же. Д. 297. Л. 179–180.
- ¹⁵⁹ Мерцалов В.С. Политика крутого подъема сельского хозяйства в СССР // Конференция Института по изучению СССР. Мюнхен, 1955. С. 14; Пыжиков А. Социально-психологические аспекты общественной жизни в годы «оттепели» // Свободная мысль. 2003. № 6. С. 108.
- ¹⁶⁰ РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 243. Л. 178; Крестьянка. 1978. № 9. С. 32.
- ¹⁶¹ Сельская новь. 1989. № 6. С. 7.
- ¹⁶² РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 112. Л. 45.
- ¹⁶³ Там же. Д. 191. Л. 78.
- ¹⁶⁴ Попов А.А. Изменения в быту сельского населения Севера европейской части РСФСР в 60–70-е годы (на материалах Коми деревни) // Материальное положение, быт и культура северного крестьянства (Советский период). Вологда, 1992. С. 99.
- ¹⁶⁵ РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 101. Л. 22–23.
- ¹⁶⁶ Там же. Д. 243. Л. 115.
- ¹⁶⁷ Крестьянка. 1980. № 1. С. 17; № 2. С. 24.
- ¹⁶⁸ Там же. 1980. № 1. С. 17.
- ¹⁶⁹ Народное хозяйство РСФСР в 1989 г. С. 177.
- ¹⁷⁰ Там же. С. 178–179.
- ¹⁷¹ Там же. С. 181.
- ¹⁷² Лебедев Н.Н., Бобров Н.А. Роль потребительской кооперации в повышении уровня жизни сельского населения. Киев, 1984. С. 9–10.
- ¹⁷³ Денисова Л.Н. Исчезающая деревня России. С. 192.
- ¹⁷⁴ Лебедев Н.Н., Бобров Н.А. Указ. соч. С. 10; Аргументы и факты. 1988. № 28.
- ¹⁷⁵ Аргументы и факты. 1988. № 28.
- ¹⁷⁶ Народное хозяйство РСФСР в 1988 г. С. 102–103.
- ¹⁷⁷ Народное хозяйство РСФСР в 1989 г. С. 198–199.
- ¹⁷⁸ Там же.
- ¹⁷⁹ Там же. С. 194–195.

- 180 РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 90. Л. 8.
- 181 Clements Barbara Evans. Later Developments Trends in Soviet Women's History, 1930 to the Present // Russia's Women. Accommodation, Resistance, Transformation. Berkeley, 1991. P. 275.
- 182 РГАНИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 58. Л. 32.
- 183 Там же. Д. 90. Л. 66.
- 184 Там же. Л. 67.
- 185 Там же. Д. 243. Л. 81.
- 186 Там же. Д. 58. Л. 26.
- 187 Там же. Л. 34–35.
- 188 Там же. Д. 197. Л. 103.
- 189 Крестьянка. 1979. № 10. С. 27.
- 190 Анохина Л.А., Шмелева М.Н. Культура и быт колхозников Калининской области. М., 1964. С. 224–225.
- 191 Попов А.А. Изменения в быту сельского населения Севера Европейской части РСФСР в 60–70-е годы (на материалах Коми деревни) // Материальное положение, быт и культура северного крестьянства (Советский период). Вологда, 1992. С. 97.
- 192 Народное хозяйство в РСФСР в 1989 г. С. 213.
- 193 Там же. С. 67.
- 194 РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 216. Л. 124.
- 195 Там же. Д. 243. Л. 149.
- 196 Там же. Л. 146.
- 197 Попов А.А. Изменения в быту сельского населения Севера Европейской части РСФСР в 60–70-е годы (на материалах Коми деревни) // Материальное положение, быт и культура северного крестьянства (Советский период). Вологда, 1992. С. 102.
- 198 Денисова Л.Н. Исчезающая деревня России. С. 196.
- 199 Народное хозяйство РСФСР в 1989 г. С. 134.
- 200 Там же. С. 212.
- 201 Известия. 1986. 4 июля.
- 202 Панкратова М.Г. Сельская женщина в СССР. М., 1990. С. 115.
- 203 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 15. Д. 426. Л. 136.
- 204 Денисова Л.Н. Невосполнимые потери: Кризис культуры села в 60–80-е годы. С. 94–95.
- 205 Народное хозяйство РСФСР в 1980 г. С. 242; Народное хозяйство РСФСР в 1989 г. С. 237.
- 206 Сельские населенные пункты РСФСР. Стат. сб. М., 1970. Т. 1. С. 9–10; Вестник статистики. 1992. № 1. С. 10.
- 207 Крестьянка. 1980. № 1. С. 32.
- 208 РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 100. Л. 26–27.
- 209 Там же. Д. 205. Л. 133–134.
- 210 Село Вирятино в прошлом и настоящем. Опыт этнографического изучения русской колхозной деревни. М., 1958. С. 273.
- 211 Лобанова Л.И. Культурное обслуживание сельских жителей Нечерноземья // Социологические исследования. 1982. № 4. С. 101–102.
- 212 Народное хозяйство РСФСР в 1980 г. С. 353; Народное хозяйство РСФСР в 1989 г. С. 277.
- 213 Слово. 1989. № 12. С. 16–17.
- 214 Гольденберг И.С. Анатомия книжного дефицита // Социологические исследования. 1987. № 6. С. 44.

- ²¹⁵ Екимов Б. Читают много. Но что? В программе — Бунин. В библиотеке — Чейз // Литературная газета. 1994. № 51.
- ²¹⁶ Российский статистический ежегодник. 2002. С. 261.
- ²¹⁷ Женщина новой России: Какая она? Как живет? К чему стремится? М., 2002. С. 114.
- ²¹⁸ Вылцан М.А. Завершающий этап создания колхозного строя (1935–1937 гг.). М., 1978. С.104–105; Социалистическое земледелие. 1937. 8 февраля.
- ²¹⁹ Manning Roberta T. Women in the Soviet Countryside on the Eve of World War II, 1935–1940 // Russian Peasant Women. N-York, 1992. P. 214–216.
- ²²⁰ Зима В.Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. М., 1996. С. 45.
- ²²¹ Источник. 1997. № 1. С. 147–148.
- ²²² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 15. Д. 408. Л. 71.
- ²²³ Там же. Л. 71–72.
- ²²⁴ Там же. Д. 407. Л. 109.
- ²²⁵ Там же. Л. 108–109.
- ²²⁶ Пыжиков А. Социально-психологические аспекты общественной жизни в годы «оттепели» // Свободная мысль. 2003. № 6. С. 103.
- ²²⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 15. Д. 408. Л. 75.
- ²²⁸ Там же. Л. 78.
- ²²⁹ Там же. Д. 407. Л.114.
- ²³⁰ Там же. Л. 115.
- ²³¹ Там же. Л. 113.
- ²³² Кодин Е.В. «Гарвардский проект». М., 2003. С. 115.
- ²³³ Там же. С. 128, 130, 132–133,135, 136, 147.
- ²³⁴ Там же. С. 113.
- ²³⁵ ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 17. Д. 135. Л. 5–6.
- ²³⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 24. Д. 530. Л. 138.
- ²³⁷ ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 17. Д. 135. Л. 5–6.
- ²³⁸ ГА РФ. Ф. Р-7928. Оп. 2. Д. 178. Л. 41–42.
- ²³⁹ Там же. Л. 20.
- ²⁴⁰ Безнин М.А., Димони Т.М. Социальный протест колхозного крестьянства (вторая половина 1940-х–1960-е гг.) // Отечественная история. 1999. № 3. С. 86; Пыжиков А. Социально-психологические аспекты общественной жизни в годы «оттепели» // Свободная мысль. 2003. № 6. С. 105.
- ²⁴¹ Горбачев О.В. Организованная миграция из села Центрального Нечерноземья во второй половине 1940-х – 1960-е годы // Вопросы истории. 2003. № 2. С. 138–141.
- ²⁴² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 15. Д. 429. Л. 104–109.
- ²⁴³ Волков И.М. Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы. М., 1972. С. 220.
- ²⁴⁴ Горбачев О.В. Организованная миграция из села Центрального Нечерноземья во второй половине 1940-х – 1960-е годы // Вопросы истории. 2003. № 2. С. 144.
- ²⁴⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 24. Д. 530. Л. 94.
- ²⁴⁶ Горбачев О.В. Организованная миграция из села Центрального Нечерноземья во второй половине 1940-х – 1960-е годы // Вопросы истории. 2003. № 2. С. 143–144.

²⁴⁷ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 2717. Л. 242–244.

²⁴⁸ СП СССР. 1974. № 19. Ст. 109.

²⁴⁹ Иванкова Л.В. Общие и региональные особенности народонаселения и возрастно-половой структуры населения России // Население и кризисы. Вып. 8. Общие и региональные проблемы депопуляции в России и прогнозная оценка на первую половину XXI века. М., 2002. С. 20.

²⁵⁰ Московская (Приложение к газете «Московский комсомолец»). 2004. 26 января.

²⁵¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 34. Д. 37. Л. 73.

²⁵² ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 23. Д. 114. Л. 1–2, 5–6, 11–12.

²⁵³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 34. Д. 76. Л. 1–2.

²⁵⁴ Там же. Л. 6, 7, 9–11.

²⁵⁵ ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 11. Д. 128. Л. 119–124.

²⁵⁶ Сельское хозяйство СССР. М., 1960. С. 235–238, 240–243, 348, 350–351, 359.

²⁵⁷ Dodge Norton D. and Feshbach Murray. The Role of Women in Soviet Agriculture // Russian Peasant Women. N-York, 1992. P. 245–248.

²⁵⁸ Сонин М.Я. Актуальные проблемы использования рабочей силы в СССР. М., 1965. С. 195; Dodge Norton D. and Feshbach Murray. P. 248.

²⁵⁹ Народное хозяйство РСФСР в 1959 г. Стат. ежегодник. М., 1960. С. 213; Народное хозяйство РСФСР в 1964 г. Стат. ежегодник. М., 1965. С. 168; Владимирская область за 50 лет. Стат. сб. Владимир, 1967. С. 52–54; Народное хозяйство Калужской области. Стат. сб. М., 1965. С. 71–72; Народное хозяйство Рязанской области. Стат. сб. М., 1967. С. 60–62.

²⁶⁰ Панкратова М.Г. Сельская женщина в СССР. С. 44.

²⁶¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 34. Д. 76. Л. 4–5.

²⁶² Заславская Т., Рывкина Р. Сибирская деревня: социальный портрет // Сельская новь. 1981. № 2. С. 9.

²⁶³ Литературная газета. 1977. 24 августа.

²⁶⁴ Вопросы экономики. 1966. № 10. С. 63, 65.

²⁶⁵ Михайлюк В.Б. Использование женского труда в народном хозяйстве. М., 1970. С. 121.

²⁶⁶ Проблемы деревни и города. Таллин. 1979. Т. 2. С. 105.

²⁶⁷ Литературная газета. 1979. 17 января.

²⁶⁸ Панкратова М.Г. Сельская женщина в СССР. С. 70.

²⁶⁹ Там же. С. 42–45; Вестник статистики. 1981. № 2. С. 79.

²⁷⁰ Панкратова М.Г. Сельская женщина в СССР. С. 42–45; Вестник статистики. 1981. № 2. С. 79.

²⁷¹ Савина Н.В. Приусадебное хозяйство крестьянства Европейского Севера России в 1965 — начале 1980-х гг. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Вологда, 2000. С. 70–71, 73.

²⁷² Бабаева Л.В., Нельсон Л. Деловая активность женщин в новых экономических структурах // Социологические исследования. 1992. № 5. С. 107–108.

²⁷³ Кознова И.Е. Горькое масло реформ: об аграрных преобразованиях на Вологодской земле // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. 1999. М., 1999. С. 213.

²⁷⁴ Дридзе Т. Перераспределение доходов внутри семьи как фактор дифференциации благосостояния. Социальная сфера: преобразование условий труда и быта. М., 1989.

- ²⁷⁵ Бабаева Л.В., Нельсон Л. Деловая активность женщин в новых экономических структурах // Социологические исследования. 1992. № 5. С. 109.
- ²⁷⁶ Староверов В.И. Современное российское крестьянство и фермерство // Крестьянское хозяйство: история и современность. Вологда, 1992. Ч. I. С. 169.
- ²⁷⁷ Сазонов С.Н. Современные тенденции в развитии фермерского движения в России: иллюзии и реальность // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. 1996. М., 1996. С. 249.
- ²⁷⁸ Костыгова Т.М., Кошелева И.Я. Мы — женщины. М., 1989. С. 87—94.
- ²⁷⁹ Бабаева Л.В., Нельсон Л. Деловая активность женщин в новых экономических структурах // Социологические исследования. 1992. № 5. С. 111.
- ²⁸⁰ Костыгова Т.М., Кошелева И.Я. Указ. соч. С. 90—91.
- ²⁸¹ Женское движение в контексте российской истории. Юбилейные чтения, посвященные 90-летию Первого Всероссийского женского съезда. М., 1999. С. 54.
- ²⁸² Сазонов С.Н. Современные тенденции в развитии фермерского движения в России: иллюзии и реальность // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. 1996. М., 1996. С. 250.
- ²⁸³ Гордеев Павел: «Мужики спасут мир!» // Аргументы и факты. 2004. № 35.
- ²⁸⁴ Нефедова Т. Полный назад или полный вперед? // Знание — сила. 1994. Март. С. 33.
- ²⁸⁵ Жеребин В.М. Интенсификация домашней экономики — шаг в прошлое или в будущее // Человек, семья, духовный мир на пути к информационному обществу. М., 1994. С. 62.
- ²⁸⁶ Вопросы статистики. 2003. № 3. С. 12; Россия в цифрах. 2003. С. 201.
- ²⁸⁷ Вопросы статистики 2003. № 5. С. 5—7.
- ²⁸⁸ Женщины и мужчины России. 2002. Статистический сборник. М., 2002. С. 19.
- ²⁸⁹ Человек и труд. 2003. № 10. С. 35.
- ²⁹⁰ Нефедова Т. Полный назад или полный вперед // Знание — сила. 1994. Март. С. 28—29.
- ²⁹¹ Гордеев А. Пора подниматься с колен // Аргументы и факты. 2003. № 48 (1205). Ноябрь.
- ²⁹² Голоса крестьян. Крестьяне Кубани пишут Г.Явлинскому. С. 67.
- ²⁹³ Николаев М. Заместитель Председателя Совета Федерации Федерального Собрания РФ. Развитие села — стратегический приоритет // Человек и труд. 2003. № 10. С. 34.
- ²⁹⁴ Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992. С. 48—50.
- ²⁹⁵ Костыгова Т.М., Кошелева И.Я. Указ. соч. С. 93—94.
- ²⁹⁶ Вестник статистики. 1988. № 1. С. 75.
- ²⁹⁷ Права женщин в России: исследование реальной практики их соблюдения и массового сознания (по результатам исследования в г. Рыбинске Ярославской области на основе глубинных интервью). М., 1998. С.96.
- ²⁹⁸ Подобная ситуация характерна и для развитых капиталистических стран, где степень участия мужчин в домашнем хозяйстве не зависит от вовлеченности женщин в общественное производство и

остается при всех условиях достаточно низкой. Так, в 1978 г. в Норвегии 42% женщин, имеющих детей в возрасте до двух лет, работали полностью или частично. Среди женщин, имеющих детей старше 10 лет, процент работающих составил 71. В 1980 г. две трети всех норвежских семей с детьми до 16 лет жили уже на заработную плату обоим супругам. Однако число детей в семье, а также занятость женщины целый рабочий день или только часть его по найму оказали лишь небольшое влияние на объем домашней работы, выполняемой мужчинами. Вот почему недостаточное участие мужчин в домашнем хозяйстве и семейных заботах характеризуется наиболее существенным препятствием на пути равенства между полами. (См.: Berg A.M. Love and Power: The Division of Household Labor. In Amlang L. (ed.). Work and Womanhood. Institute for Research. Oslo, Report 8/1983 P. 215–233).

²⁹⁹ Права человека: Изложение фактов. Вып. 22. Дискриминация в отношении женщин: конвенция и комитет. Женева, 1995. С. 2; The World's Women 1970–1990: Trends and Statistics (United Nations publication, № E. 90. XVII. 3).

³⁰⁰ Клименкова Т. Женщина как феномен культуры. Взгляд из России. М., 1996. С. 11.

³⁰¹ Международные конвенции и декларации о правах женщин и детей. Сборник универсальных и региональных документов. М., 1998. С. 50–57.

³⁰² Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 декабря 1980 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1981. № 2. Ст. 3.

³⁰³ Ведомости Верховного Совета СССР. 1982. № 25. Ст. 464.

³⁰⁴ ООН и права женщин: история и современность. Петрозаводск, 1999. С. 18.

³⁰⁵ Ведомости Верховного Совета СССР. 1982. № 25. Ст. 464.

³⁰⁶ Айвазова С., Кертман Г. Указ соч. С. 62.

³⁰⁷ Интервью с депутатом Государственной Думы Е.Лаховой // Огонек. 2001. № 48/4723. Ноябрь. С. 9–12; Шведские амазонки атакуют // Аргументы и факты. 2004. № 32.

³⁰⁸ Груздева Е.Б. Совмещение женщинами профессиональной и семейной ролей: проблемы и пути их решения // Интеграция женщин в процесс общественного развития. М., 1994. С. 337–339.

³⁰⁹ Феминизм: перспективы социального знания. М., 1992.

³¹⁰ Гилман Ш.П. Женщины и экономика // Феминизм: проза, мемуары, письма. М., 1992. С. 316–317.

³¹¹ Здравомыслова Е. Коллективная биография современных российских феминисток (исследование на основании 18 биографических интервью 1995–1996 гг.) // Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период. СПб., 1996. С. 39.

³¹² Ястребинская Г., Субботина О. История семьи Воробьевых. Вологодская область, Вологодский район, деревня Уткино // Отечественные записки. 2002. № 6. С. 522.

³¹³ Панкратова М.Г. Сельская женщина в СССР. С. 88–89.

³¹⁴ Бюджет времени сельского населения. М., 1979. С. 125, 134.

³¹⁵ История семьи Толмачевых из села Зябловка Саратовской области // Голоса крестьян: Сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах. М., 1996. С. 198–199.

- ³¹⁶ ГА РФ. Ф. 7928. Оп. 2. Д. 188. Л. 210.
- ³¹⁷ Народное хозяйство РСФСР в 1980 г. С. 231; Народное хозяйство РСФСР в 1989 г. С. 222.
- ³¹⁸ Dodge Norton D. and Feshbach Murray. P. 254–255.
- ³¹⁹ Денисова Л.Н. Невосполнимые потери: Кризис культуры села в 60–80-е годы. С. 129, 133; Правда. 1981. 23 октября; РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 18. Д. 1858. Л. 56–57; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 153. Д. 931. Л. 25.
- ³²⁰ Denisova L.N. P. 177.
- ³²¹ Народное хозяйство РСФСР в 1980 г. С.231; Народное хозяйство РСФСР в 1989 г. С. 220.
- ³²² Пискунов В.Т. Приусадебное хозяйство на селе. М., 1983. С. 106.
- ³²³ Сельская новь. 1981. № 9. С. 11–12.
- ³²⁴ Большинство опрошенных сельских жителей Поволжья предпочли отдельный коттедж или двухэтажный дом с коммунальными удобствами и приусадебным участком (64%), четвертая часть была согласна на собственный дом без коммунальных удобств, с приусадебным участком и лишь 11% предпочли жить в многоквартирном доме со всеми удобствами (Крапивенский С.Э., Дементьев С.М., Крамарев В.Ф. Сельскохозяйственный коллектив как объект планирования. М., 1981. С. 144–145).
- ³²⁵ ВОАНПИ. Ф. 2445. Оп. 61. Д. 133. Л. 85–87.
- ³²⁶ Сельская новь. 1981. № 12. С. 9.
- ³²⁷ Там же. 1980. № 10. С. 28.
- ³²⁸ Панкратова М.Г. Сельская женщина в СССР. С. 115; Сельская новь. 1981. № 12. С. 9.
- ³²⁹ Крестьянка. 1966. № 5. С. 15.
- ³³⁰ Социально-экономические проблемы агропромышленного комплекса России. М., 2000. С. 15.
- ³³¹ Николаев М. Развитие села — стратегический приоритет // Человек и труд. 2003. № 10. С. 33.
- ³³² Денисова Л.Н. Исчезающая деревня России. С. 162.
- ³³³ Сельская новь. 1981. № 12. С. 9.
- ³³⁴ Там же. № 7. С. 4.
- ³³⁵ Там же. № 9. С. 12.
- ³³⁶ Бюджет и имущество крестьян Европейского Севера России второй половины XX века. Вологда, 2003. С. 186.
- ³³⁷ Жилищное и коммунальное хозяйство. 1983. № 6. С. 9, 11.
- ³³⁸ Денисова Л.Н. Невосполнимые потери: Кризис культуры села в 60–80-е годы. С. 133.
- ³³⁹ Российский статистический ежегодник. 2002. С. 200–201.
- ³⁴⁰ Вестник статистики. 1988. № 12. С. 52.
- ³⁴¹ Здоровье женщин России. Аналитический доклад (Экономические, социальные, экологические, правовые, медицинские аспекты). М., 1998. С. 25–26.
- ³⁴² Здоровье. 2000. № 2. С. 47.
- ³⁴³ Сельская новь. 1989. № 6. С. 5–6.
- ³⁴⁴ Рывкина Р.В. Образ жизни сельского населения. Новосибирск, 1979. С. 198.
- ³⁴⁵ Анохина Л.А., Шмелева М.Н. Указ соч. С. 213.
- ³⁴⁶ Сельская новь. 1989. № 6. С. 7.
- ³⁴⁷ Вестник статистики. 1987. № 5. С. 66.

- ³⁴⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Д. 692. Л. 161.
- ³⁴⁹ Там же. Оп. 34. Д. 57. Л. 184.
- ³⁵⁰ Денисова Л.Н. Исчезающая деревня России. С. 163.
- ³⁵¹ Крестьянка. 1975. № 9. С. 28.
- ³⁵² РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 100. Л. 92.
- ³⁵³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 15. Д. 431. Л. 36.
- ³⁵⁴ Там же. Оп. 24. Д. 530. Л. 61.
- ³⁵⁵ Там же. Оп. 34. Д. 57. Л. 184.
- ³⁵⁶ Пленум ЦК КПСС. 24–26 марта 1965 год. Стенографический отчет. М., 1965. С. 144.
- ³⁵⁷ РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 87. Л. 18.
- ³⁵⁸ Денисова Л.Н. Исчезающая деревня России. С. 163.
- ³⁵⁹ Российско-британское социологическое обследование российских деревень 1990-х гг., проведенное Г.А. Ястребинской и О.Г. Субботиной. Крестьянка. 1980. № 1. С. 32.
- ³⁶⁰ Крестьянка. 1980. № 1. С. 32.
- ³⁶¹ ГАВО. Ф. 1300. Оп. 21. Д. 844. Л. 68.
- ³⁶² Крестьянка. 1978. № 9. С. 28.
- ³⁶³ Вестник статистики. 1991. № 2. С. 59, 60.
- ³⁶⁴ Dodge Norton D. and Feshbach Murray. P. 254–255.
- ³⁶⁵ Вестник статистики. 1991. № 2. С. 60.
- ³⁶⁶ Трудовые ресурсы СССР. М., 1961. С. 146
- ³⁶⁷ Dodge Norton D. and Feshbach Murray. P. 254.
- ³⁶⁸ Денисова Л.Н. Женщины русских селений. Трудовые будни. М., 2003. С. 128.
- ³⁶⁹ Российско-британское социологическое обследование российских деревень 1990-х гг., проведенное Г.А.Ястребинской и О.Г. Субботиной.
- ³⁷⁰ По данным государственной статистики, более 80% колхозов СССР были электрифицированы (Экономика сельского хозяйства. 1964. № 12. С. 15), но во многих из них электричество использовалось только для освещения.
- ³⁷¹ Dodge Norton D. and Feshbac h Murray. P. 254.
- ³⁷² Вестник статистики. 1991. № 2. С. 52.
- ³⁷³ Социологические исследования. 1980. № 3. С. 86–87; Алексеев А.И. Опыт конкретного социально-географического исследования культурного обслуживания населения // Вопросы социально-экономической географии Верхневолжья. Калинин, 1982. С. 88; Зотова О.И., Новиков В.В., Шорохова Е.В. Особенности психологии крестьянства. Прошлое и настоящее. М., 1983. С. 81–83.
- ³⁷⁴ Айвазова С., Кертман Г. Указ соч. 12–14; Лапин Н.И. Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России. По результатам Всероссийских исследований в рамках мониторинга «Наши ценности и интересы сегодня»: 1990, 1994, 1998, 2002 гг. // Куда пришла Россия?.. Итоги социентальной трансформации. 2003. Международный симпозиум 16–18 января 2003 г. Тезисы. М., 2002.
- ³⁷⁵ Социологические исследования. 1980. № 3. С. 88; Бюджет времени сельского населения. М., 1979. С. 175; Зотова О.И., Новиков В.В., Шорохова Е.В. Указ. соч. С. 86–87.
- ³⁷⁶ ГАВО. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 954. Л. 73.
- ³⁷⁷ Социологические исследования. 1980. № 3. С. 88; 1982. № 4. С. 99; Алексеев А.И. Опыт конкретного социально-географического исследования культурного обслуживания населения // Вопросы со-

- циально-экономической географии Верхневолжья. Калинин, 1982. С. 80–81.
- ³⁷⁸ Советская культура. 1979. 16 января; Социологические исследования. 1982. № 4. С. 104–105.
- ³⁷⁹ Сельская новь. 1981. № 9. С. 12.
- ³⁸⁰ Денисова Л.Н. Всеобщее среднее образование и социальный прогресс села. М., 1988. С. 100–101.
- ³⁸¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Д. 89. Л. 94.
- ³⁸² Там же. Оп. 37. Д. 35. Л. 112.
- ³⁸³ Там же. Оп. 35. Д. 89. Л. 62.
- ³⁸⁴ Там же. Л. 63.
- ³⁸⁵ Там же. Оп. 37. Д. 63. Л. 77.
- ³⁸⁶ Там же. Л. 28.
- ³⁸⁷ Там же. Л. 5, 21; Д. 35. Л. 130, 131.
- ³⁸⁸ Там же. Оп. 35. Д. 89. Л. 62.
- ³⁸⁹ Там же. Оп. 37. Д. 63. Л. 28.
- ³⁹⁰ Там же. Оп. 55. Д. 33. Л. 108.
- ³⁹¹ ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 63. Д. 47. Л. 39.
- ³⁹² ГАВО. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 1327. Л. 241–245 об.
- ³⁹³ Там же. Д. 2342. Л. 146–153.
- ³⁹⁴ ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 63. Д. 47. Л. 39.
- ³⁹⁵ Clements Barbara Evans. P. 274.
- ³⁹⁶ ГА РФ. Ф. Р-7928. Оп. 2. Д. 35. Л. 93.
- ³⁹⁷ Там же. Л. 89–90.
- ³⁹⁸ Хрушев Н.С. Современный этап коммунистического строительства и задачи партии по улучшению руководства сельским хозяйством. М., 1962. С. 259.
- ³⁹⁹ Арбузова Т.И. Рынок услуг и демография // Международная научно-практическая конференция. Миграция населения и перспективы демографического развития России. 22 ноября 2002 г. Доклады и тезисы докладов. М., 2003. С. 37.
- ⁴⁰⁰ Айвазова С., Кертман Г. Указ. Соч. С. 25.
- ⁴⁰¹ Голоса крестьян. Крестьяне Кубани пишут Г. Явлинскому. С. 70.
- ⁴⁰² Ядов В.А. Социальный ресурс индивидов и групп как их капитал: возможность применения универсальной методологии исследования реального расслоения в российском обществе // Кто и куда стремится вести Россию?.. Авторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса. Международный симпозиум 19–20 января 2001 г. М., 2001. С. 314.
- ⁴⁰³ Права женщин в России: исследование реальной практики их соблюдения и массового сознания (по результатам исследования в г. Рыбинске Ярославской области на основе глубинных интервью). М., 1998. С. 181.
- ⁴⁰⁴ Российско-британское социологическое обследование российских деревень 1980–1990-х гг. Проект «Социальная структура советского села». Брак и семья как процесс воспроизводства поколений.
- ⁴⁰⁵ Заславская Т., Рывкина Р. Сибирская деревня: социальный портрет // Сельская новь. 1981. № 10. С. 7; № 11. С. 10–11.
- ⁴⁰⁶ Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992. С. 50–52.
- ⁴⁰⁷ Социологические исследования. 1992. № 5. С. 63.

- 408 РГАНИ. Ф. 5. Д. 15. Д. 408. Л. 75, 78.
- 409 Там же. Л. 108–109.
- 410 Там же. Д. 429. Л. 31–32, 34, 36.
- 411 Manning Roberta T. P. 220, 221, 232.
- 412 ВОАНПИ. Ф. 1611. Оп. 1. Д. 5. Л. 23–25 об.
- 413 ГАВО. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 1327. Л. 150 об.—151.
- 414 РГАНИ. Ф. 89. Перечень 26. Документ 6. Л. 1–4.
- 415 Айвазова С., Кертман Г. Указ. соч. С. 27.
- 416 Россия на рубеже веков. С. 221–223.
- 417 Айвазова С., Кертман Г. Указ соч. С. 29.
- 418 Белов В. Медовый месяц. М., 2002.
- 419 Панкратова М.Г. Сельская женщина в СССР. С. 125–126; Панкратова М., Сельские жители России. Судьбы и семьи в XX веке. М., 1995. С. 51.
- 420 Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. Информационный бюллетень. М., 1995. № 2. С. 48.
- 421 Russo N.F. Overview: forging research priorities for women's mental health // *American Psychologist*. 1990. № 45. P. 368–373.
- 422 *British Journal of Psychiatry*. 1993. № 148. P. 23–26; *Urbanization and Mental Health in Developing Countries*. Eds. Harpham T. and Blue I. Athanaeum press. 1995.
- 423 Мужчины и женщины России. 2002. С. 55.
- 424 Гомель Мишель К. Нации — за психическое здоровье. В фокусе внимания — женщина (Всемирная организация здравоохранения). Киев, 1998.
- 425 Женщины и развитие: права, реальность, перспективы. Материалы Всероссийской конференции по положению женщин. М., 1999. С. 25–26.
- 426 Воронина О. Женщина и социализм: опыт феминистского анализа // *Феминизм. Восток. Запад. Россия*. М., 1993. С. 209.
- 427 *Феминизм: проза, мемуары, письма*. М., 1992. С. 318.
- 428 Панкратова М. Сельские жители России. Судьбы и семьи в XX веке. С. 54–55.
- 429 Панкратова М.Г. Сельская женщина в СССР. С. 99, 125–126.
- 430 *Вестник статистики*. 1991. № 2. С. 51.
- 431 Ершова Е.Н., Новикова Э.Е. СССР—США: Женщина и общество. Опыт сравнительного анализа. М., 1988. С. 200–207.
- 432 Юркевич Н.Г. Работа женщины на промышленном предприятии и стабильность семьи // *Материалы XII Международного семинара по исследованию семьи*. М., 1972. С. 25; Новикова Э.Е., Языкова В.С., Янкова З.А. Женщина. Труд. Семья (Социологический очерк). М., 1978. С. 60–61; Комаров Е.И. Женщина-руководитель. М., 1989. С. 61; Голлод С.И. Семья и брак: Историко-социологический анализ. СПб., 1998. С. 173.
- 433 Панкратова М.Г. Сельская женщина в СССР. С. 169–170; Голлод С.И. Семья и брак: Историко-социологический анализ. С. 172–173.
- 434 *Вестник статистики*. 1991. № 2. С. 51–52.
- 435 *Народное хозяйство СССР в 1987 г. Стат. ежегодник*. М., 1988. С. 422.
- 436 *Труд, семья, быт советской женщины*. М., 1990. С. 35.
- 437 Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. Информационный бюллетень. М., 1995. № 2. С. 50.

⁴³⁸ Права женщин в России: исследование реальной практики их соблюдения и массового сознания (по результатам анкетного опроса). М., 1998. Т. 1. С. 256–257.

⁴³⁹ Зеликова Ю. Женщины в благотворительных организациях Петербурга: мотивация участия // Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период. СПб., 1996. С. 89.

⁴⁴⁰ Женщина новой России: Какая она? Как живет? К чему стремиться? С. 11–12.

⁴⁴¹ Женский вопрос. 37 основных тем о здоровье. СПб., 2002. С. 82.

⁴⁴² Женщина новой России: Какая она? Как живет? К чему стремиться? С. 15, 17.

⁴⁴³ Там же. С. 100–101.

⁴⁴⁴ Человек и труд. 2003. № 10. С. 16.

⁴⁴⁵ Аргументы и факты. 2003. № 48 (1205). Ноябрь.

⁴⁴⁶ Денисенко М.Б., Калмыкова Н.М. Доходы и потребление населения России // Население и кризисы. Вып. 1. М., 1995. С. 59.

⁴⁴⁷ Николаев М. Заместитель Председателя Совета Федерации Федерального Собрания РФ. Развитие села — стратегический приоритет // Человек и труд. 2003. № 10. С. 32.

⁴⁴⁸ Женщины и мужчины России. 2002. С. 121–131; Россия в цифрах. 2003. С. 84–86; Российский статистический ежегодник. 2002. С. 146–150, 639, 640; Вопросы статистики. 2003. № 3. С. 53; № 6. С. 69.

⁴⁴⁹ Вопросы статистики. 2003. № 6. С. 69.

⁴⁵⁰ Николаев М. Развитие села — стратегический приоритет // Человек и труд. 2003. № 10. С. 32.

⁴⁵¹ Женщина новой России: Какая она? Как живет? К чему стремиться? С. 101–102.

⁴⁵² Айвазова С., Кертман Г. Указ. соч. С. 26.

⁴⁵³ Интервью с депутатом Государственной Думы Е.Лаховой // Огонек. 2001. № 48/4723. Ноябрь. С. 9–12.

⁴⁵⁴ Женщина новой России: Какая она? Как живет? К чему стремиться? С. 18, 28, 32, 33; Айвазова С., Кертман Г. Указ. соч. С. 19, 37.

⁴⁵⁵ Айвазова С., Кертман Г. Указ. соч. С. 21.

⁴⁵⁶ Там же. С. 62.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Российское общество в своем большинстве сохранило традиционный менталитет. Основой его служат крестьянское самосознание и ценности, присущие простому образу жизни, которые мало меняются на протяжении поколений. Наиболее твердыми и последовательными приверженцами традиционного образа жизни остаются женщины. Сельские женщины.

Десятилетия истории России «аграрный вопрос» являлся главным и определяющим в государственной политике и потому, что большинство населения проживало в деревнях до середины 1960-х гг., и потому, что и сегодня нетипичная для развитых стран его треть остается сельскими жителями. В современной сельской стороне большинство деревенских жителей — это женщины. Обращаясь к деревне и сельским жителям, правительство фактически должно обращаться к женщинам, которые определяют жизнь современного села и сельской экономики.

Специфика российского сельского хозяйства состоит в его постоянной перестройке с ожидаемыми позитивными результатами в определенные государством временные сроки. В советское время тройная ломка деревни (единоличное хозяйство, коллективизация 1930-х гг., радикальные реформы конца XX в.) к началу XXI века привела к продовольственной зависимости России, признаваемой и населением и правительством. Вновь зазвучали традиционные лозунги высшей номенклатуры: «Пора селу подниматься с колен» (Гордеев А., вице-премьер российского правительства, министр сельского хозяйства РФ. «Пора подниматься с колен» // Аргументы и факты. 2003. № 48. Ноябрь). Этот призыв, звучавший во все советские времена, оказался актуальным и для периода радикальных реформ, на которые возлагались огромные и обоснованные ведущими экономистами надежды.

В течение XX века правительство меняло приоритеты обращения государственной политики для «подъема сельскохозяйственного производства»: механизация, химизация, мелиорация, укрупнение хозяйств, преобразование колхозов в совхозы, сселение «неперспективных» деревень... — при неизменном

минимальном финансировании аграрного сектора, не говоря о дотировании сельскохозяйственного производства. Периодически звучали призывы и о пополнении кадров пустеющей и стареющей деревни: «Всем классом — в животноводство!» или «Выбираю деревню на жительство». И лишь одна трудовая неизменная сила деревни позволяла удерживать сельское хозяйство страны на относительно развивающемся уровне — это сельские женщины. Сталинский лозунг «Женщины в колхозах — большая сила!», брошенный в массы, срабатывал на протяжении всей российской истории XX века. Крестьянки являлись и остаются главной трудовой и общественной силой деревни.

Особенностью развития сельского хозяйства на современном этапе является ее *женский характер*. Российские реформы ослабили практику традиционного разделения труда, в очередной раз вместо уменьшения, увеличив ношу крестьянок.

Свыше половины сельскохозяйственного продукта в начале XXI в. дает семейное хозяйство: личное подсобное и крестьянское (фермерское), где труд ручной, тяжелый и в основном женский. Современная деревня живет с явным преобладанием женщин, особенно старших возрастов. Именно женщины пенсионного и предпенсионного возраста полностью посвящают себя «подсобному» производству в деревенской экономике. Благодаря своим хозяйственным способностям селянки осуществляют *реальную власть* и оказывают влияние на все, что происходит в фермерском или личном подсобном хозяйстве. Но эта власть никогда не проявляется открыто, чтобы не уязвить самолюбие мужа. Да и деревенская общественность не поддерживает столь сильное проявление эмансипации.

Семейное крестьянское хозяйство имеет разносторонний характер, и это способствует возможности его развертывания. В первую очередь это относится к женщинам, по традиции они занимаются домом, ухаживают за детьми и в отличие от мужчин в принципе готовы «делать все, что придется». Семейное хозяйство, *поддержанное государственной протекционистской политикой*, при возможности объединяться в кооперативы различных профилей, уровней и направлений и *при безусловном приоритете мнения самих крестьян и крестьянок в периоды любых аграрных нововведений вполне сможет доказать свою экономическую жизнестойкость.*

Развитие хозяйства даст возможность жить в деревне и обустроить сельскую жизнь в своем родном крае. Сколько бы ни писали и ни говорили о возрождении российской деревни, сколько бы ни обращались к сельскому сообществу в целом, но, только выделив его основную силу — крестьянок, за которыми сегодня трудовая, семейная и социальная инициатива, можно дать импульс развитию самой деревни и аграрной экономики. Но более важно понять и оценить, что деревня — это

не только экономическая составляющая страны, но для значительной части российских жителей — образ жизни. С уходом сельских жителей уходит и *деревня*. Уходит *русская деревня*. Упрямая статистика зафиксировала тысячи исчезнувших российских деревень Костромского и Ярославского, Калининского и Тульского, лидирующего Вологодского края, вместе с ними навсегда исчезают памятники культуры — русское национальное, бесценное достояние. Нет сомнений, что Россия как страна с утраченной культурой не будет иметь шансов для восстановления себя сильной мировой державой. Без русских деревень с традиционной крестьянской культурой невозможно говорить о возрождении русского национального самосознания.

Главной поддержкой программы национального возрождения, вне сомнений, станут русские женщины. Большинство их настроено на деревенскую обустроенную жизнь и в трудных экономических условиях находит возможности трудиться в аграрном секторе экономики, они связывают свою дальнейшую жизнь с деревней. Для большинства россиянок по-прежнему главными ценностями остаются работа, семья, дети. Однако в условиях обострения конкуренции на рынке труда женщина встречается с подозрительным отношением к себе как к работнику, ощущает постоянную и разнообразную по формам дискриминацию в сфере труда, прежде всего в связи с наличием детей или перспективной материнства. Она и не хочет отказываться от работы, поскольку это привычная жизненная ценность, и не может, поскольку в таком случае ее семья окажется на грани нищеты. Но и отказываться от материнства подавляющее большинство женщин не собирается. Вот и выходит, что производственные проблемы множатся на семейные, и это влечет за собой и физические и психологические перегрузки. Для многих женщин стало присуще чувство вины перед детьми, которым они в силу еще большей занятости, чем в советские времена, уделяют меньше внимания и не могут обеспечить достаточный материальный уровень. Радикальные реформы для большинства женщин не открыли новые перспективы, а создали дополнительные проблемы при совмещении их главных ролей: производство и семья. Для села эти вопросы стоят еще более остро, чем для города. Изолированность деревенской жизни, малые возможности приложения труда, отсутствие государственной социальной поддержки служат серьезным препятствием для налаженной сельской жизни в родных краях. Но во многих деревнях уставшие надеяться и ждать помощи от государства, руководства и мужчин крестьянки берут власть в свои руки, становятся и успешными фермерами и хорошими организаторами среднего и мелкого бизнеса. Все больше в деревне власть переходит в руки женского большинства, на которое надеются и деревня и Россия.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
----------------	---

Раздел первый СЕЛЬСКАЯ СЕМЬЯ

Глава 1

БРАК И СЕМЬЯ

Политическая спираль семейного законодательства	19
«И чтобы свадьба была, все как у людей»	51
«Советская женщина имеет одинаковые права с мужчиной, но это не освобождает ее от великого и почетного долга, который возложила на нее природа: она мать, она дает жизнь. И это определенно не личное дело, но дело большой социальной важности»	71

Глава 2

КОНФЛИКТ И РАЗВОД

«Любовь прекрасна, она дает силу, красоту. Но ради любви нельзя разрушать семью»	119
Домострой в семье	157
«Остановите пьянство. Наши семьи кричат караул!»	167
Женское лицо преступности	180
Женщины «древнейшей профессии»	189

Глава 3

ОХРАНА ДЕТСТВА В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ

Социальное обеспечение населения — переменная величина государственной политики	205
«Пешком в больницу за 12 километров, с грудными — на телеге»	212
«Я не машина выпускать в год по двое детей, нет сил больше рожать!»	227
Главные составляющие здоровья: экология и условия труда	242
Рожденные вне закона	254
«Двое — это просто любовники. Трое (смотрит на дочку) уже семья»	257

Раздел второй
СЕЛЬСКИЙ БЫТ

«Мы желаем молиться господу Богу и славить наше Отечество»	315
«Разве я женщина? Я — загнанная лошадь. Только и бегаю между работой, магазином и домом»	356
«Не секрет, что жить в сельской местности и не держать подсобное хозяйство — это неестественно. Благодаря подсобному хозяйству крестьяне выживают, правда, приходится тяжело»	378
«Хочется дома навести красоту и уют, печь вкусные пироги, принимать гостей, самим ходить в гости»	410
«У нас здесь все свои»	441
Заключение	475

Любовь Николаевна Денисова

**СУДЬБА РУССКОЙ КРЕСТЬЯНКИ В XX ВЕКЕ:
БРАК. СЕМЬЯ. БЫТ**

Редактор Л.С. Макарова
Компьютерная верстка С.В. Шеришорин

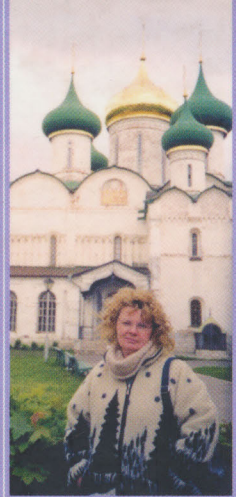
ЛР № 066009 от 22.07.1998.

Подписано в печать 01.11.2006. Гарнитура TimesET
Формат 60 × 90 1/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Усл. печ. л. 30
Тираж 800 экз. Заказ 5933

Издательство «Памятники исторической мысли»
Москва, ул. Воронежская, 37/43, 334

Издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН)
117393, Москва, ул. Профсоюзная, д. 82. Тел.: 334-81-87 (дирекция)
Тел./факс: 334-82-42 (отдел реализации)

Отпечатано в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Любовь Николаевна Денисова — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук. Специалист по истории крестьянства России XX века. Закончила исторический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, защитила кандидатскую диссертацию по теме «Переход ко всеобщему среднему образованию на селе. 1959–1977 годы», в 1996 г. — докторскую диссертацию «Деревня Российского Нечерноземья. 1960-е — 1980-е годы». Главные ее труды посвящены социально-экономическим и культурным проблемам российской деревни. Л.Н. Денисова — автор монографий «Всеобщее среднее образование и социальный прогресс села». М.: Наука, 1988; «Невосполнимые потери: Кризис культуры села в 60–80-е годы». М.: Наука, 1995; «Rural Russia: Economic, Social and Moral Crisis». N.-York, 1995; «Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960–1980-е годы». М.: Логос, 1996; «Женщины русских селений. Трудовые будни». М.: Издательский Дом «Мир истории», 2003; а также более пятидесяти статей в исторических журналах, сборниках научных трудов, глав в коллективных исследованиях. Настоящая монография продолжает исследование о сельских женщинах России во второй половине XX века и посвящена проблемам семьи, брака и быта крестьянок.